ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2014. № 383. Июнь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2014. № 383. June

Томский государственный университет
2014

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьёв**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьёв**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд. ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначёв**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прозументова**, д-р пед. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **V. Golikov**, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD. in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **Д.С. Воробьёв**, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначёв**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прозументова**, д-р пед. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **S. Kulizhskiy**, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 383 Июнь 2014

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 383 June 2014

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Алексеев П.В. Ориентализация пространства в «Путешествии в Арзрум» А.С. Пушкина 5
Баль В.Ю. Гоголевская традиция в контексте ветхозаветного сюжета «исхода» в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» 13
Боровкова А.В. Метафоризация наименований растительной пищи в русском языке: семасиологический и когнитивный аспекты 21
Викторова Е.Ю. Функционирование дискурсивных слов с диффузным значением 27
Воробьева М.Е. Оппозиция официального и обыденного толкования права (лингвокогнитивный аспект) 35
Жаткин Д.Н., Рябова А.А. Восприятие К ристофера Марло и его творчества в России начала XX в. 42
Малышева О.В. Первый этап рецепции романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в испаноязычной литературе 51
Миклашевский А.А. Вербальная и визуальная обработка информации: экспериментальное исследование 56

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Лазутина Т.В. Философия Античности как полифункциональный феномен 62
Мархель Е.Ю. Роль концепции дао в формировании принципов китайской живописи 70

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Григорьянц Н.В. Театральный интерактив как модель коммуникации современной культуры 73
Пилецкая Л.В. Технологии формования мирового и отечественного стеклоделия в коллекциях томских музеев 78
Пронина А.Н. Фисгармония в истории органной культуры Сибири XIX – первой четверти XX в. 83

ИСТОРИЯ

Ананьев Д.А. Проблемы аграрной истории Сибири XIX – начала XX вв. в англо- и германоязычной историографии 91
Дробченко В.А., Черняк Э.И. Съезды, конференции и совещания в Томской губернии как показатель общественно-политической активности масс в марте – октябре 1917 г. 99
Осташова Е.А. Выборы губернаторов Новосибирской и Томской областей (1995 г.): анализ исторического опыта ... 107
Погорельская А.М. Внешнеполитические инструменты регулирования иммиграции в ЕС: политика развития 114
Салмин А.К. Краткая история савиров 119
Турушева Н.В. Современная китайская литература как отражение социальных процессов в КНР 126

CONTENTS

PHILOLOGY

Alekseev P.V. Orientalization of space in Alexander Pushkin's *Journey to Erzerum* 5
Bal V.Yu. Gogol tradition in the context of the Old Testament story of the Exodus in the novel *Return to Egypt* by V. Sharov 13
Borovkova A.V. Metaphorisation of the names of plant food in the Russian language: semasiological and cognitive aspects 21
Viktorova E.Yu. Functioning of discourse markers with indefinite meaning 27
Vorobyova M.E. Opposition of official and ordinary interpretations of the law (cognitive aspect) 35
Zhatkin D.N., Ryabova A.A. Understanding of Christopher Marlowe and his creative work in Russia at the beginning of the 20th century 42
Malysheva O.V. The first stage of reception of M.A. Bulgakov's novel *The Master and Margarita* in Spanish-speaking literature 51
Miklashevski A.A. Verbal and visual processing of information: experimental research 56

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Lazutina T.V. The philosophy of the Antiquity as a polyfunctional phenomenon 62
Markhel E.Yu. The role of Tao in shaping the principles of Chinese painting 70

CULTURAL STUDIES

Grigoriants N.V. Theatre interactive as a model of modern culture communication 73
Piletskaya L.V. Techniques of formation of national and world glass-making in Tomsk museum collections 78
Pronina A.N. Harmonium in the history of Siberian organ culture of the 19th – first quarter of the 20th centuries 83

HISTORY

Ananyev D.A. Problems of agrarian history of Siberia in the 19th – early 20th centuries in the English- and German-language historiography 91
Drobchenko V.A., Chernyak E.I. Congresses, conferences and meetings in Tomsk Province as an indicator of social and political activity of the masses in March – October 1917 99
Ostashova E.A. Gubernatorial elections in Novosibirsk and Tomsk regions (1995): analysis of the historical experience 107
Pogorelskaya A.M. Common foreign policy instruments used for migration regulation: the case of Development Policy 114
Salmin A.K. A brief history of the Savirs 119
Turusheva N.V. Modern Chinese literature as a reflection of social processes in the PRC 126

Фендель Е.Р. К проблеме изучения христианской миссии среди аборигенных народов в современной зарубежной историографии …….. 133
Чиндина Л.А., Вртанесян Г.С. Раннесредневековые «календари» Северной Евразии …….. 138
Хрисанфова Д.В. История китайско-пакистанских отношений в контексте создания энергокоридоров …….....… 148

ПРАВО

Алексеева Т.А. Основные проблемы исследования устной речи в криминалистике 152
Федоров А.Ф. Особенности личностных качеств осужденных при рецидиве преступлений 155

ЭКОНОМИКА

Воробьёва Г.С. Рациональность экономического поведения человека с точки зрения междисциплинарного подхода 159
Фесик С.В. Внедрение программно-целевого метода в бюджетный процесс Российской Федерации 170

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Баранова Е.А., Капилевич Л.В. Функциональная адаптация сердечно-сосудистой системы у спортсменов, тренирующихся в циклических видах спорта 176
Грицай Л.А. Антагонизм моделей родительского воспитания детей в педагогическом пространстве постсоветской России (90-е гг. XX в.) 180
Молчанова Л.Н. Рефлексивно-тренинговая технология в психологической профилактике состояния психического выгорания студентов-медиков 190
Титова О.И., Трухина Ю.И. Гендерные различия структуры психологического отношения предпринимателей к деловому взаимодействию 196
Черданцева Р.Г. Физическая культура и спорт в Томском государственном университете в 1950-х гг. 202
Шекетера А.А., Суднева О.Ю., Богомаз С.А. Степень выраженности и анализ взаимосвязи абстрактно-логического и социального видов интеллекта у школьников 206

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Логвиненко О.В., Тимкин Т.В. Вещественный состав и последовательность минералообразования рудопроявления Лог-26 Топольнинского золоторудного поля (Горный Алтай) 212
Митрохин А.Н., Уткин В.П., Неволин П.Л. Морфология, кинематика и динамика оперяющих разрывов как поисково-разведочные критерии оценки жильных и штокверковых тел 221
Паромов В.В., Савичев О.Г., Шантыкова Л.Н., Торгашева Т.А. Ионный сток и химический состав вод ледниковой реки Актру (Горный Алтай) 227

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 232

Fendel E.R. On the study problem of Christian missions to the indigenous peoples in modern foreign historiography 133
Chindina L.A., Vrtanesyan G.S. Early Medieval "Calendars" of Northern Eurasia 138
Khrisanfova D.V. The history of the relationship between China and Pakistan within the context of energy corridors establishment 148

LAW

Alekseeva T.A. The main problems of research of speech in criminalistics 152
Fedorov A.F. Peculiarities of personal qualities of prisoners at relapse of crimes 155

ECONOMICS

Vorobyeva G.S. The rationality of the economic human behavior from the transdisciplinarity point of view 159
Fesik S.V. Introduction of the program-target method in the budgetary process in the Russian Federation 170

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Baranova E.A., Kapilevich L.V. Functional adaptation of the cardiovascular system of athletes exercising in cyclic sports 176
Gritsay L.A. Antagonism models of parenting children in the pedagogical space of post-Soviet Russia (1990s) 180
Molchanova L.N. Reflective training technology in psychological prevention of the mental burning out condition of medical students 190
Titova O.I., Trukhina Yu.I. Gender differences in the structure of entrepreneur's psychological attitude to business interaction 196
Cherdantseva R.G. The history of physical training and sport classes in Tomsk and Tomsk State University in the 1950s 202
Sheketera A.A., Sudneva O.Yu., Bogomaz S.A. Analysis of expression and the relationship between the abstract-logical and social intelligence of senior pupils 206

EARTH SCIENCES

Logvinenko O.V, Timkin T.V. The mineralogy and paragenetic sequence of minerals present in Log-26 ore field of the Topolninskoe gold area (Gorny Altai) 212
Mitrokhin A.N., Utkin V.P., Nevolin P.L. Morphology, kinematics, and dynamics of feathering faults as prospecting-and-exploring criteria for estimation of vein and stockwork bodies 221
ParomovV.V., Savichev O.G., Shantikova L.N., Torgasheva K.A. Ionic runoff and chemical composition of glacial waters of the Aktru River (Gorny Altai) 227

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS …...… 232

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 5–12 DOI: 10.17223/15617793/383/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.091

П.В. Алексеев

ОРИЕНТАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В «ПУТЕШЕСТВИИ В АРЗРУМ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА» А.С. ПУШКИНА

Статья подготовлена при финансовом содействии гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых МК-1840.2014.6

Анализируются принципы ориентализации пространства в травелоге А.С. Пушкина. Рассматривается содержание понятий «ориентализация» и «ориентальное пространство» в контексте колониального дискурса первой половины XIX в. Исследуется проблема взаимоотношения субъекта и объекта ориентализации в отношении русского ориентализма. В рамках концепции восточной тирании анализируются также явные и скрытые аллюзии к декабристам, отступление о А.С. Грибоедове, а также приложение «Notice sur la secte des Yézidis».

Ключевые слова: Пушкин; «Путешествие в Арзрум»; травелог; ориентализм; ориентализация; колониальный дискурс.

«Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» (далее «Путешествие»), возможно, самый значительный ориентальный травелог в русской литературе первой половины XIX в. Он занимает особое место в ряду художественных и художественно-документальных текстов о кругосветных плаваниях, путешествиях в Турцию, Иран и азиатские области Российской империи. Этот статус определяется тем, что описание частного путешествия русского дворянина в Закавказье и Азиатскую Турцию многократно усложнило ориентальный дискурс русской литературы формированием более сложного, реалистического образа Востока, который непосредственно связан с культурой и историческими судьбами России. Кроме того, «Путешествие» замыкает круг ориентальных текстов Пушкина и поэтому может быть рассмотрено как итог его творческого освоения восточной темы, основанной в 1830-е гг. на глубоком интересе поэта к вопросам истории и геополитики.

«Путешествие» создавалось спустя шесть лет как двойная ретроспекция: о путешествии 1829 г. и о первом посещении Кавказа в период «южной ссылки». Это позволило Пушкину изначально заложить полемический и релятивный момент в структуре травелога. Кроме собственного путевого дневника, помогающего восстановить в памяти хронологию событий, Пушкин пользовался широким кругом научных и литературных источников. Композиция травелога тщательно проработана, поражая сетью внутри- и внетекстовых отношений, свидетельствуя о широком интертекстуальном поле, а также о присутствии подтекстового уровня (например декабристская тема). Точка зрения повествователя усложняется введением ориентальной маски – янычара Амин-Оглу. Все это создает немало вопросов, достойных самого пристального рассмотрения. В какой степени нарратив травелога отражает реальное путешествие и каковы точки сближения интенций автора и повествователя? Какова роль гаремных мотивов стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят», приписанного вымышленному янычару, в структуре травелога? Каков биографический и литературный контекст произведения?

Этим и подобным вопросам поэтики и генезиса «Путешествия» посвящены работы Д.Д. Благого, Ю.Н. Тынянова, В.Л. Комаровича, В.А. Кошелева, М.И. Шапира, А. Долинина, М.И. Гиллельсона, W. Vickery, A. Schonle и др. Начиная со второй половины XX в. была создана добротная текстологическая и историко-литературная основа дальнейших исследований, но системный вопрос о роли «Путешествия» в конструировании русского образа Востока до сих пор не был поставлен. Между тем «Путешествие» отражает дискурс русского ориентализма как специфического стиля мышления, основанного на таком мифологическом представлении о месте России в мире, при котором Запад (прежде всего страны Западной Европы) и Восток (главным образом мусульманские территории) являются необходимым средством утверждения русской национальной идентичности, колеблющейся между полюсами западно-восточной дихотомии. С такой точки зрения арзрумский травелог, «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823), «Кавказский пленник» (1822), «Подражания Корану» (1824), «Пророк» (1826), «Песни западных славян» (1833–1834), «Послание к Калмычке» (1829), «Из Гафиза» (1829), «Делибаш» (1829) и другие произведения Пушкина, включенные в дискурс русского ориентализма на правах системообразующих текстов, представляют собой область малоисследованную. Одним из первых шагов на этом пути будет установление концептуальных принципов ориентализации пространства в «Путешествии».

Ориентализация пространства в любом травелоге – это семиотический процесс творческого освоения наблюдаемой территории, при котором она наделяется специфическими чертами «восточности» в дискурсе ориентализма. Ориентализация – это диалектический механизм «изобретения» Востока. Восточность, или ориентальность, при этом прямо не обусловлена спецификой локуса: как показали саидовские и постсаидовские исследования, исключительным правом конструирования образа Востока обладает сам субъект ориентализации – путешественник, ученый, торговец, дипломат и др., и в каждом конкретном случае он самостоятельно (но все же в рамках ориентализма) решает вопрос о том, где и как проводить границу на мифопоэтическом глобусе. В постколониальных исследо-

ваниях на Западе с 1980-х гг., в особенности при исследовании гендера, возникает понятие «двойной ориентализации» – по аналогии с феминистским термином «двойной колонизации» женщины (угнетения со стороны колонизаторов и местного патриархального сообщества) [1. С. 32]. С некоторыми оговорками в отношении русского ориентализма можно говорить о «двойной ориентализации» в плане того, что активное освоение восточного пространства и восточных тем русской культурой и русским империализмом первой трети XIX в. неминуемо рассматривалось в контексте европейской ориентализации России – ориенталистского «изобретения» образа России как отсталой, варварской, дикой территории.

Исследования колониального дискурса в культурах Америки, Западной Европы и России второй половины XVIII – первой половины XIX в. значительно раздвинули рамки понятия «Ориент». Так, например, в предисловии к книге «Байрон и Ориентализм» Питер Кокран (Peter Cochran) указывает на то, что ориентальное пространство – весьма широкий концепт, который включает в себя территории Ирландии (огнепоклонники-зороастрийцы как метафора противостояния католиков и протестантов), Шотландии («варварские» горы в поэмах и первом романе В. Скотта), Мексики (в поэме «Медок» Р. Саути), островов Тихого океана (в поэме Дж. Г. Байрона «Остров») и др., которые в империалистическом дискурсе эпохи объявляются «не англосаксонскими», «странными» и «варварскими» [2. С. 1]. Понятие «ориентальное пространство» распространяется не только на иноземные владения «варваров», но и на внутренний «Ориент», каковым для России являлся Кавказ и все территории за Уралом, а для США – земли индейцев.

Центральным критерием обширного понятия «ориентальности» в современной критике, таким образом, становится не собственно «восточность», а удаленность в противоположную сторону от центра современной «просвещенной» цивилизации – Западной Европы, что создает начальную и конечную точки координат на оси «цивилизованности». Говоря, к примеру, об «изобретении Восточной Европы» европейцами в XVIII в., Ларри Вульф развивает концепцию ориентализма Э. Саида и наглядно демонстрирует, каким образом европейские путешественники шаг за шагом формировали миф о Восточной Европе, помещая государства к востоку от Европы на «шкалу относительной цивилизованности», конструируя «схему развития от глубочайшего варварства к обычной отсталости, постепенно приближаясь к цивилизованности как таковой» [3. С. 77]. Путешествующие европейцы исследовали в таком ракурсе Польшу, Россию, Грецию, Балканы и другие территории, споря между собой о степени цивилизованности и отсталости ориентализуемых территорий, но всегда были согласны в одном: существующая дистанция до конца непреодолима, в противном случае все здание ориентализма, утверждающее идею европейского превосходства, может быть разрушено.

Если начальной точкой на этой оси является просвещенная Западная Европа, то противоположный полюс, удерживающий эту конструкцию в жизнеспособном состоянии, занимает ее основной ментальный противник – мусульманский Восток. Эта схема, безупречная с точки зрения путешественника-европейца, значительно трансформируется, если новым субъектом европейской ориентализации становится один из ее объектов – Россия. Фактически формируется новый центр на этой оси координат. В связи с тем, что Россия включилась в колониальный процесс позднее, а также в связи с тем, что русский дискурс ориентализма был создан под влиянием западноевропейских тенденций, русская ориентализация пространства изначально амбивалентна, и эта амбивалентность достигает своего апогея в эпоху российского колониализма в XIX в. Русский империализм порождает собственный дискурс, но базовые методы и приемы ориентализации заимствует из западноевропейского ориентализма.

Первое, на что нужно обратить внимание при анализе механизмов русского ориентализма в травелогах, – это субъект персональной ориентализации, поскольку именно он осуществляет отбор путевого материала. В «Путешествии» субъектом ориентализации выступает автор-повествователь, представляющий результаты своего вояжа на русско-турецкую войну 1828–1829 гг. При этом, по замечанию Ю.Н. Тынянова, «...герой “Путешествия в Арзрум”, авторское лицо, от имени которого ведутся записки, – никак не “поэт”, а русский дворянин, путешествующий по архаическому праву “вольности дворянской” и вовсе не собирающийся “воспевать” чьи бы то ни было подвиги» [4. С. 67, 68]. Здесь нужно уточнить, что такое категорическое утверждение Тынянова обусловлено его стремлением сконцентрироваться на политической оппозиционности Пушкина. Для понимания механизмов ориентализации пространства в «Путешествии», напротив, крайне важно неоднократное указание автора на то, что повествователь – поэт. Это позволяет выделить «литературность», или «книжность», как базовый принцип проведения границы между Западом и Востоком в пушкинском травелоге: демаркация мифологических границ Запада и Востока осуществляется только в пространстве культуры.

В качестве повода для написания травелога повествователь указывает необходимость литературного ответа на вышедшую в Париже книгу французского дипломатического агента Виктора Фонтанье «Voyages en Orient, entrepris par les ordres du Gouvernement Français» (1834), в которой содержались не только язвительные замечания по поводу участия в арзрумском походе поэта Пушкина, но и резкая критика политики российского правительства на Востоке, характеризующейся как «варварская» и «азиатская». В частности, по мнению Фонтанье, это проявилось в том, что русские генералы не брезгуют использовать религиозную рознь между суннитами и шиитами, при этом нимало не заботясь о христианском населении на покоренных территориях [5. С. 256, 267]. Эти и подобные им реляции Фонтанье послужили поводом для публикации «Путешествия» (по версии А. Долинина, не только публикации, но и написания «в форме полуфиктивных “путевых записок”» [6. С. 115]), а политический «восточный вопрос» позволил Пушкину обойти цензуру С.С. Уварова, непосредственно апеллируя к царю [7. С. 35].

Фонтанье рассуждал как классический ориенталист, для которого Россия наряду с Портой располагалась на

«оси цивилизованности» в удалении от просвещенной Европы, поэтому Пушкину для создания русского ориентального дискурса необходимо было сделать нечто большее, чем просто опровергнуть доводы Фонтанье. Пушкину требовалось, с одной стороны, демонстративно дистанцироваться от государственной политики на Кавказе и в Закавказье, представив нарратора, в отличие от Фонтанье, как частного путешественника-литератора, не имеющего «нужды в покровительстве сильных» [8. Кн. 1. С. 444] и обязанности говорить официальным языком от имени империи: «Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не мое дело» [Там же. С. 443]. С другой стороны, Пушкину требовалось утвердить мысль о единстве европейской цивилизации, противопоставленной «варварскому» Востоку в дискурсе ориентализма [6. С. 124].

В результате такого подхода ориентализация пространства совершается от лица просвященного европейца, который, подобно русскому путешественнику «с книгой в руках» Н.М. Карамзина, свободно украшает свою речь выражениями на французском, английском и итальянском языках, а также поминутно цитирует то античных, то современных европейских и русских литераторов. Широкое использование реминисценций и автореминисценций позволяет Пушкину сформировать такое пространство текста, в котором образ Востока наполняется противоречивыми характеристиками: происходит смешение «высокого» и «вульгарного» («Кавказ нас принял в свое святилище» и рядом – осетинские мельницы, похожие на «собачьи конуры» [8. Кн. 1. С. 450]), «европейского» и «азиатского» (использование института «аманатства» в России, персидский принц в европейской коляске, европейско-азиатская архитектура Тифлиса), «роскошного» и «убогого» («грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но, подъезжая к ним, видел я несколько бедных сакель, осененных пыльными тополями» [Там же. С. 459]), «официального» и «смешного» («Раевский приказал уланам прекратить преследование кур и послал полковнику А<нрепу> повеление воротиться» [Там же. С. 450]).

Такой принцип контрастного изображения Востока имеет прямое отношение к литературной традиции. Однако было бы глубоким заблуждением отрицать политическое содержание «Путешествия». Дистанцируясь от действий официальных властей, повествователь формирует свое видение «восточного вопроса» и миссии России на Востоке: «Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия» [Там же. С. 449].

Несмотря на то, что в пушкинской формуле «самовар и Евангелие» явно усматривается ирония и резко негативное отношение Пушкина к колониальной политике [4. С. 72], ориентальный дискурс «Путешествия в Арзрум» не отрицает необходимость ориентализации, практической стороной которой является установление контроля, а лишь ставит вопрос о ее методах. Ориенталистский принцип превосходства европейского над «варварским» также функционирует в «Путешествии» в рамках дискуссии о методах ориентализации. Введенный Ермоловым «азиатский» обычай держать аманатов (заложников из княжеских детей покоренных народов на Кавказе) осуждается в «Путешествии» так же, как и варварские обычаи турков отрубать головы русских и отправлять их в Константинополь. Покорение должно проходить так, чтобы приобретение российского контроля сопровождалось просвещением и установлением порядка (именно беспорядок – ключевой концепт, лежащий в основе пушкинского описания азиатской территории в «Путешествии»).

Доминирование – важнейший принцип ориентализации пространства, поскольку показывает границы культур в плане оценки. Принцип европейского доминирования в «Путешествии» (включая намеки на Петра Великого, А.П. Ермолова и Наполеона) во многом сходен с путешествиями западноевропейцев, «изобретающих» образы Восточной Европы и России: повествователь ориентального травелога демонстрирует свою «ученость» ссылками на многочисленные научные и литературные источники и повсеместно подчеркивает «странность», «дикость» и «необустроенность» людей и пространства, при этом не забывая классифицировать и оценивать. Оценка воспринимается путешественником как его неотъемлемое право в силу того, что он европеец, представитель доминирующей культуры. В «Путешествии» большая часть оценок завуалирована беспристрастным описанием: «Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах» [8. Кн. 1. С. 456]. Эпизод в турецкой деревне наглядно демонстрирует сказанное: «Соскочив с лошади, я хотел войти в первую саклю, но в дверях показался хозяин и оттолкнул меня с бранию. Я отвечал на его приветствие нагайкою. Турок раскричался; народ собрался. Проводник мой, кажется, за меня заступился. Мне указали караван-сарай; я вошел в большую саклю, похожую на хлев; не было места, где бы я мог разостлать бурку. Я стал требовать лошадь. Ко мне явился турецкий старшина. На все его непонятные речи отвечал я одно: вербана ат (дай мне лошадь). Турки не соглашались. Наконец я догадался показать им деньги (с чего надлежало бы мне начать). Лошадь тотчас была приведена, и мне дали проводника» [Там же. С. 464].

Путешествующий европеец, осуществляющий оценку культурного развития местного населения, считает своим правом потребовать предоставления услуг, без лишних раздумий прибегая к оружию. Этот мотив типичен для европейского дискурса ориентального травелога конца XVIII – первой половины XIX в., о котором А.С. Пушкин показал удивительную осведомленность. Л. Вульф, рассуждая о том, что насилие есть важнейшая тема ориенталистского дискурса, приводит в пример путешествие барона Франсуа де Тотта, чьи мемуары были опубликованы на французском языке в 1785 г. в Амстердаме. Путешествуя по османским землям Молдавии в сопровождении турка Али-аги, барон возмущается насилием, которое чинит турок над местным населением, философски полагая, что те же услуги

можно получить за деньги. Али-ага с усмешкой предлагает Тотту воплотить свою теорию на практике и одерживает над ним сокрушительную победу, доказывая, что без применения насилия в пространстве Востока нельзя добиться ничего: невзирая на деньги, только под градом турецких ударов выясняется, что молдаванин неплохо говорит по-турецки и готов предоставить путешественникам все необходимое [3. С. 126–128].

Не выходя за рамки дискурса ориентализма, Пушкин вступает в прямую полемику с ориенталистским редукционизмом. Если барон де Тотт попал в неловкое положение из-за своего «упрямого человеколюбия», нарратор в «Путешествии» оказывается посрамлен по причине своих европейских стереотипов. В этом коренное отличие пушкинского подхода к настоящей, а не поверхностной просветительской трансформации Востока (и азиатских черт России): ориентализация (когда Восток является объектом описания, систематизации и оценки) и «вестернизация» (внутренний процесс, когда Восток является субъектом реформ) должны опираться на общечеловеческие принципы. Европейские нововведения, о которых идет речь в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят…», основаны не на просвещении, а на разрушении традиционных ценностей, что и составляет конфликт стратегем русского и западноевропейского типов ориентализма.

Описанный случай в турецкой деревне структурно повторяет эпизод беседы с персидским поэтом Фазил-Ханом, когда путешественник также попал в неловкую ситуацию по причине европейских стереотипов о Востоке: «Я, с помощию переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостию порядочного человека! “Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч.”. Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям» [8. Кн. 1. С. 452, 453].

Несмотря на то, что пушкинский травелог подвергает пересмотру принципы западноевропейского ориентализма, противоречащие его русскому варианту, «Путешествие» использует, главным образом, инструментарий западноевропейского колониального дискурса. Об этом свидетельствует используемый в «Путешествии» принцип сексуального доминирования над Востоком. Этот принцип составляет основу многочисленных гаремных сюжетов и тем русской и западноевропейской литературы («Абидосская невеста», «Корсар» и «Гяур» Дж. Байрона, «Лалла Рук» Т. Мура, «Карелия» Ф. Глинки, «Беглец» А. Вельтмана и др.), в которых сюжетообразующей силой выступает европеец (персонаж или повествователь), волей судьбы оказавшийся в замкнутом и потому тираническом пространстве чувственного азиатского эротизма. Формируется ориенталистский дискурс, в котором женщина (восточная или европейского происхождения, как Мария в «Бахчисарайском фонтане») почти всегда – пленница, восточный мужчина (муж, отец, любовник) – ревнивый деспот, а неусыпный страж – обязательно кастрат, вымещающий свою злобу на несчастных затворницах.

Вхождение в этот дискурс осуществляется на правах европейского доминирования: повествователь сообщает читателю о том, что он свободно разрушает закрытость гаремного пространства не только для европейцев, но и для посторонних мужчин-мусульман: «...я жил в сераскировом дворце в комнатах, где находился харем. Целый день бродил я по бесчисленным переходам, из комнаты в комнату, с кровли на кровлю, с лестницы на лестницу…» [8. Кн. 1. С. 479]. После этого путешественник из романтических развалин вторгается в реалистическое помещение функционирующего гарема Османа-паши на правах благородного завоевателя, оценивая «замысловатые» арабские настенные надписи из Корана и лица гаремных пленниц, тайком показавшиеся в круглом окошке над дверью. Подобное вторжение в закрытое пространство семиотически замещает сексуальное обладание Востоком.

Тема сексуального доминирования европейца над восточной женщиной начинается с эпизода свидания со «степной Цирцеей» – калмычкой, появившейся в тексте сразу за указанием на географический «переход от Европы к Азии». В записках, которые Пушкин вел во время путешествия 1829 г., беседа с калмычкой откровеннее демонстрирует отношение путешествующего ориенталиста к «дикарке»: «Молодая калмычка, собой очень не дурная, шила куря табак. Лицо смуглое, темно румяное. Багровые губки, зубы жемчужные – Замечу, что порода калмыков начинает изменяться – и первобытные черты их лица мало по малу исчезают – Я сел подле нее. Как тебя зовут? – – – сколько тебе лет? – десять и восемь – Что ты шьешь? – портка. Кому? – себя. Поцалуй меня. – Неможна, стыдно. Голос ее был чрезвычайно приятен» [Там же. Кн. 2. С. 1028]. Кокетство калмычки на деле оказывается сексуальными притязаниями повествователя, которые рассматриваются как его естественное право. Далее, в соответствии с законами ориентального дискурса, путешественник быстро теряет к ней интерес, обыгрывая ситуацию многозначительным мотивом бегства Улисса от Цирцеи. Заканчивается тема доминирования описанием гарема Османа-паши, после которого путешественник отправляется в обратный путь – в Россию.

Таким образом, формируется кольцевая композиция травелога: вход в восточное пространство и выход из него напрямую сязаны с восприятием восточной женщины, персонифицирующей пространство смерти и вожделения (этот концепт проявлен и в образе Шамаханской царицы, созданном незадолго до «Путешествия»). Маркируя западно-восточные границы, Пушкин, кроме культурологических задач, выполняет собственно литературные: образ восточной женщины в «Путешествии» олицетворяет факт преодоления литературного («байронического») ориентализма начала 1820-х гг. Пушкин разрушает романтический дискурс, в котором калмычка должна быть так же свободна и своенравна, как Земфира из «Цыган», а жены Османа-паши должны быть прекрасны, как Зарема или Мария из «Бахчисарайского фонтана». Повествователь выясняет, что жены Османа-паши не отличались особой красотой, а «степная Цирцея» хоть и приятна на вид, но

невежественна. При этом ни одна восточная женщина в «Путешествии» не стремится воплощать в жизнь романтический любовный конфликт «южных поэм», хорошо описанный В.М. Жирмунским, в котором «традиционным осложнением <…> является “любовь гаремной пленницы (любимой жены или дочери паши) к прекрасному чужестранцу или родственный мотив пленника (узника), возбуждающего любовь в туземной красавице”. Отсюда излюбленный выход – бегство из плена или из темницы, частично совпадающий с указанным выше мотивом похищения возлюбленной» [9. С. 299]. Пародируя романтический сюжет, повествователь бежит от калмычки, оставив несостоявшуюся возлюбленную пить тошнотворный чай с бараньим жиром и солью. В пространстве «маленького каменного строения» гарема и двух «тощих фонтанов» он также не задерживается надолго. Проблема сексуального доминирования не аннигилируется разрушением романтического дискурса, а осознанно эксплицируется во внелитературную проблему цивилизационного доминирования.

В рамках проблемы сексуального доминирования фигура восточного кастрата представляет больший интерес ввиду того, что она приобретает семиотическую значимость одновременно «отсутствия соперника» (для субъекта ориентализации) и сохранения традиционных ценностей (для объекта ориентализации). Так, в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят…», приписанном янычару Амин-Оглу, фанатичному ревнителю восточных традиций, образы арзрумского гарема и охраняющего его неподкупного евнуха призваны восстановить оппозицию «Запад – Восток», размытую европейскими нововведениями турецкого деспота Махмуда II. Этот султан, как видно из обоих вариантов стихотворения обвиняется не столько в уничтожении янычар как государственного института, сколько в вестернизации, грозящей потерей национальной идентичности. Способ введения этого стихотворения в ткань «Путешествия» («сатирическая поэма»), а также явный конфликт с идейным содержанием травелога позволяют однозначно утверждать, что Пушкин отнюдь не сочувствовал янычару, поскольку пространство, подвергающееся процессу ориентализации, должно быть деисламизировано и приобщено к европейской системе ценностей [10. С. 194].

Мотив восточного кастрата («евнуха»), функционирующий в таких поэтических текстах Пушкина, как «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823), «Послание цензору» (1822), «Разговор Фотия с гр. Орловой» (1824), «Сказка о золотом петушке» (1834) и др., в «Путешествии» обрастает натуралистическими подробностями, появление которых в литературном тексте (даже под прикрытием наукообразной латыни) было отнюдь не обязательно и объяснимо только тем, что повествователь придавал им особую значимость. Повышенное внимание к образу евнуха у Пушкина ранее уже вызывало претензии критики. Так, например, в статье «Критический взгляд на “Бахчисарайский фонтан”, соч. А. Пушкина» (1824) В.Н. Олин недоумевал: «...чрезвычайно приметно, что стихотворец, настоя, так сказать, в описании эвнуха, хотел непременно *выставить* перед глаза своих читателей сего гаремского стража и прекрасно успел в своем намерении <…> Сверх сего скажем, что изображение *эвнуха*, к которому стихотворец, после первого описания, возвращается еще два раза, будучи слишком сильно *выставлено*, и, так сказать, на *трех* планах <…> чрезвычайно обременяет тесную основу и тесные рамы сей повести» [11. С. 198, 202]. Дважды выделив курсивом слово «выставить», критик настаивает на том, что евнух, как персонаж из «байронического мира», чужеродный «вшитый лоскуток» в ткани повествования, не заслуживает столь пристального внимания русской публики. Пушкин, в отличие от критиков, прекрасно понимал, что евнух является важным элементом мифопоэтического пространства гарема, необходимым для движения гаремного нарратива. Кроме того, в концептуальном плане евнух способствовал генерализации абсурда и противоестественности восточной тирании.

В «Путешествии» образ евнуха, говоря языком В.Н. Олина, был «выставлен» еще более заметно, осложняясь проблематикой мнимого и настоящего кастрата в контексте русской ориентализации Востока. Мнимый кастрат в «Путешествии» – не только пленный турок-гермафродит, сокрушающийся по поводу того, что «deus» оскопил его [8. Кн. 1. С. 472], но и сам повествователь, появление которого в бане, наполненной голыми женщинами, не вызвало должной реакции, как если бы туда зашел евнух: «Появление мужчин не произвело никакого впечатления. Они продолжали смеяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею чадрою; ни одна не перестала раздеваться. Казалось, я вошел невидимкой» [Там же. С. 456]. В то же время настоящий кастрат, упомянутый в «Путешествии», – это русский офицер, «коего история любопытна. 18-ти лет попался он в плен к персиянам. Его скопили, и он более 20 лет служил евнухом в хареме одного из сыновей шаха. Он рассказывал о своем несчастии, о пребывании в Персии с трогательным простодушием. В физиологическом отношении показания его были драгоценны» [Там же. С. 480]. Оскопленный русский офицер и мнимо оскопленные пленный турок и повествователь в пространстве бани конструируют единую схему, в художественные задачи которой входит насмешка над принципом насильственной ориентализации Востока.

Беллетристические злоключения русского офицера в рамках эпизода посещения гарема Османа-паши структурно соотносятся с грибоедовской концепцией обладания Востоком, ценой которого является плен, страдания и смерть. Реконструировать эту концепцию помогают такие стихотворения А.С. Грибоедова, как «Хищники на Чегеме» (1825), «Освобожденный» (1826), но особенно стихотворение «Восток», которое было опубликовано в № 6 «Библиотеки для чтения» за 1835 г. Ироничное высказывание «таким образом, видел я харем: это удалось редкому европейцу. Вот вам основание для восточного романа» [Там же. С. 481] следует рассматривать вполне серьезно: гарем как олицетворение ключевых ориентальных концептов тирании и сладострастия имеет в глазах автора большой нарративный потенциал, поскольку это напрямую связано с проблемой русской ориентализации пространства.

В рамках концепции восточной тирании следует рассматривать также явные и скрытые аллюзии к декабристам (мотивы разгрома янычар, хронологически

случившегося спустя полгода после декабристского восстания – в июне 1826 г.), принимавшим активное участие в турецкой кампании 1828–1829 гг., и значительное пушкинское отступление о Грибоедове, нашедшем на Востоке любовь и смерть. Первое упоминание о Грибоедове в контексте разговора с Ермоловым было подчеркнуто аполитично, однако и контекст беседы с Ермоловым, и последующее отступление о личности Грибоедова демонстрируют особенности нарративной стратегии «Путешествия»: политические высказывания повествователя функционируют в травелоге в плане «двойной структурности», так что некоторые из них контекстуально опровергаются другими высказываниями или тоном, показывающим истинное отношение к описываемым явлениям. Поэтому слова повествователя о том, что «о правительстве и политике не было ни слова» [8. Кн. 1. С. 446], в отношении самого Пушкина нужно понимать прямо противоположно. Основное содержание политических мотивов «Путешествия» – это вопросы взаимоотношения свободного человека и власти, что в рамках ориентального пространства неминуемо поднимает их на уровень культурологических.

Давно замечено, что грибоедовская тема в «Путешествии» занимает одну из центральных позиций, не ограничиваясь упоминанием искупительного персидского посольства в Россию и собственно грибоедовским эпизодом: эта тема «развивается при помощи разнообразных намеков, параллелей и включается в систему сложных смысловых связей на всех уровнях произведения» [12. С. 109]. Если декабристский подтекст может быть истолкован как намеки на оппозиционность Пушкина по отношению к официальной политике властей, то ермоловский и грибоедовский тексты не оставляют сомнений в том, что оппозиционность Пушкина имеет культурологические истоки и основывается на неприятии контрпродуктивных азиатских черт русского менталитета и самодержавия. Азиатские черты во внешности и в характере имеет «покоритель Кавказа» Ермолов: он поевропейски свободен от плебейства в отношении «тирана на троне», за что его уважали декабристы, но поазиатски жесток, сам выступая тираном для народов Кавказа и Закавказья. Грибоедовский эпизод заканчивается словами, которые в ориенталистском дискурсе, как правило, применяются в отношении Востока: «замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» [8. Кн. 1. С. 462].

Декабристы, которые в глазах Пушкина были борцами за свободу, пали жертвой деспотизма, культурологически соотносимого с мусульманским деспотизмом невежественных османов и персиян. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что ориентализация пространства в «Путешествии» начинается не в пределах Азии, когда разница климата и ландшафта становится видимой, но еще в пределах России, в контексте чего и следует понимать заявление повествователя: «Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России» [Там же. С. 463]. Границы между Россией и Турцией оказываются размыты не в географическом отношении, а в концептуальном, поэтому этнографические и антропологические изыскания повествователя, вроде вопроса о распространенности гермафродитов среди азиатов или тонкостей религиозного мировоззрения мусульманской секты язидов, призваны убедить читателя в том, что сообщаемые сведения дополнительно обладают функциями аллюзии.

Такова, на наш взгляд, особенность приложения «Notice sur la secte des Yézidis», которое Пушкин планировал вместе с «Маршрутом от Тифлиса до Арзрума» присовокупить к публикуемому тексту «Путешествия». С художественной точки зрения эта заметка была излишним дополнением, потому что тема религиозного вольнодумства язидов была завершена в основном тексте «Путешествия» и не требовала такого подробного распространения. Упоминая язидов среди других мусульманских беков, периодически собиравшихся в палатке генерала Н.Н. Раевского, повествователь сообщает, что его интерес к язидам возник ввиду того, что они слывут на Востоке «дьяволопоклонниками» [8. Кн. 1. С. 468]. Повествователь сохраняет спокойный исследовательский тон: «Начальник их, высокий, уродливый мужчина в красном плаще и черной шапке, приходил иногда с поклоном к генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать от язида правду о их вероисповедании. На мои вопросы отвечал он, что молва, будто бы язиды поклоняются сатане, есть пустая басня; что они веруют в единого бога; что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастлив, но со временем может быть прощен, ибо нельзя положить пределов милосердию аллаха. Это объяснение меня успокоило. Я очень рад был за язидов, что они сатане не поклоняются; и заблуждения их показались мне уже гораздо простительнее» [Там же. С. 468].

Зачем, в таком случае, Пушкину потребовалось привлечь большее внимание к язидам? Известно, что эти выдержки на французском языке были сделаны писарем по прямому указанию Пушкина, однако до сих пор считается, что автор руководствовался исключительно этнографическими интересами, актуализируя исследовательскую часть «Путешествия», поэтому до сих пор эта выписка пристального внимания не привлекала. Учитывая во многом полемическое содержание пушкинского травелога, нельзя не обратить внимания на то, что столь обширное сообщение о малоизвестной мусульманской общности Кавказа имело только этнографическую задачу. Вероятным решением этой проблемы может быть сопоставление «Notice sur la secte des Yézidis» с декабристской темой «Путешествия». Основной концепт, вокруг которого строится «проблема язидов», – это отношение к дьяволу, но Пушкин не останавливается на опровержении «дьяволопоклонничества», смещая центр высказывания язида на мысль о том, что дьявол «теперь несчастлив, но со временем может быть прощен» [Там же. С. 468]. Тема «Прощения дьявола» как традиционная тема мистических течений ислама, начиная со знаментого Мансура ал-Халладжа, в травелоге не имеет мистических смыслов и должна быть рассмотрена в связи с изгнанием декабристов: если «дикие» народы, покоренные «просвещенным» абсолютизмом России, имеют благородство говорить о прощении «врага рода человеческого», то государственные преступления декабристов могут и должны быть прощены просвещенным христианским монархом.

Ориентализация пространства в пушкинском травелоге – сложный, полемический конструкт «антисентиментального путешествия» [13. С. 192], в котором движение на Восток зеркально отражается движением к истокам национальной идентичности русской культуры в контексте острых социально-политических вопросов. Соединение в русской культуре типично азиатских черт («сонность», «косность», «нелюбопытность», «невежественность»), которые являются прямым следствием установленной в России «просвещенной тирании», не было оценено Пушкиным однозначно отрицательно, поскольку это противоречило бы его принципам объективности в рассуждениях на глобальные темы. Вопрос объективности и относительности взаимоотношений концептов личости и власти был актуализирован после 1831 г., когда Пушкин был допущен к архивам коллегии иностранных дел и библиотеки Вольтера в Эрмитаже в связи с его намерением написать «Историю Петра». При этом основной текст материалов к «Истории Петра» был сформирован в течение 1835 г., когда был написан и травелог «Путешествие в Арзрум».

Арзрумский травелог продемонстрировал, что романтический «западно-восточный синтез» Пушкина в 1830-е гг. претерпел существенные изменения, наполняясь историософскими и культурологическими смыслами. Западно-восточные взаимосвязи травелога не ограничиваются аллюзиями к современным событиям, а проецируются на весь исторический процесс. В этом случае интертекстуальные связи становятся более широкими. Например, неоднократно уже отмеченное тематическое и текстовое пересечение стихотворений «Стамбул гяуры нынче славят…» (1830) и «Кромешник» («Какая ночь! Мороз трескучий…», 1827) помещает в одно ассоциативное поле идеологемы тирании Махмуда II, Ивана IV, Петра I и, наконец, Николая I. При этом если деспотизм оттоманского султана и Ивана Грозного имеет явный азиатский характер, то послепетровская тирания – атавизм, от которого никак не удается избавиться. «Восточный вопрос» Пушкина, отраженный в художественных и публицистических текстах 1830-х гг. – это не готовая концепция, предполагающая однозначный ответ, а диалогическое поле вопросов, «прямой и открытый разговор» [14. С. 168] об исторической и культурной роли России в эпоху активного «изобретения» концепций «Запада» и «Востока». Открытие и «присвоение» Востока русской культурой, по Пушкину, вполне оправдано и обосновано цивилизационной миссией России в мире, но если эта миссия будет противоречить общечеловеческим принципам, Россия продолжит свое историческое существование не в качестве субъекта, а в качестве объекта ориентализации просвещенных государств Западной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hasan Md.M.* The Orientalization of Gender // The American Journal of Islamic Social Sciences. 2005. № 22(4). P. 26–56.
2. *Cochran P.* Byron's Orientalism // Byron and Orientalism. Cambridge Scholar's Press, 2006. P. 1–6.
3. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
4. *Тынянов Ю.Н.* О «Путешествии в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л., 1936. С. 57–73.
5. *Voyages* en Orient, entrepris par ordre du gouvernement français de 1830 à 1833. Deuxième voyage en Anatolie par V. Fontanier. Paris, 1834.
6. *Долинин А.* Пушкин и Виктор Фонтанье // Европа в России : сб. статей. М., 2010. С. 105–124.
7. *Левкович Я.Л.* К цензурной истории «Путешествия в Арзрум» // Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967. С. 34–37.
8. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений : в 17 т. М., 1995. Т. 8, кн. 1, 2.
9. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978.
10. *Долинин А.* Гяур под маской янычара: О стихотворении Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...» // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 184–200.
11. *Олин В.Н.* Критический взгляд на «Бахчисарайский фонтан», соч. А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. СПб., 1996. С. 198–202.
12. *Фесенко Ю.П.* Пушкин и Грибоедов: (Два эпизода творческих взаимоотношений) // Временник Пушкинской комиссии, 1980. Л., 1983. С. 101–113.
13. *Шёнле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб., 2004.
14. *Кошелев В.А.* Историософская оппозиция «Запад – Восток» в творческом сознании Пушкина // Пушкин и мир Востока. М., 1999. С. 157–170.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 марта 2014 г.

ORIENTALIZATION OF SPACE IN ALEXANDER PUSHKIN'S *JOURNEY TO ERZERUM*

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 5-12. DOI: 10.17223/15617793/383/1

Alekseev Pavel V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: conceptia@mail.ru

Keywords: Alexander Pushkin; Journey to Erzerum; travelogue; Orientalism; orientalization; colonial discourse.

In this article, Pushkin's *Journey to Erzerum during the campaign in 1829* is considered as the most significant oriental travelogue in Russian literature of the first half of the 19th century. Description of a private travel of a Russian nobleman in Transcaucasia and Asiatic Turkey during the colonial wars of the Russian Empire considerably expanded the oriental discourse of Russian literature in the first half of the 19th century, forming a more complex and realistic image of the Orient. The main idea of the article is that Pushkin's *Journey* reflects the specific discourse of Russian Orientalism as a specific way of thinking based on a mythological representation of Russia's place in the world where the West (primarily Western European countries) and East (mainly Muslim territories) are a necessary means of reasserting of Russian national identity, oscillating between the poles of the East-Western dichotomy. The term "orientalization" in the article refers to the process of creative invention of a semiotic space in which it's endowed with specific features of the "Oriental" in the discourse of Orientalism. In the article in order to understand the orientalization mechanisms in the *Journey* the subject of orientalization (narrator) is analyzed. "Literariness" is considered as the basic principle of orientalization, i.e. the principle of outlining mythological borders in Pushkin's travelogue: demarcation of mythological borders between East and West is possible only in the cultural space. Domination (including sexual domination) is considered as the most important principle of orientalization in Pushkin's travelogue, because it shows the convergence point of cultures in terms of evaluation. The principle of European dominance in the *Journey* (including allusions to Peter the Great, General Ermolov and Napoleon) is largely similar to European travelers inventing Eastern Eu-

rope and Russia. Explicit and implicit allusions to the Decembrists, who actively participated in the military campaign of 1828-1829, significant thoughts about Aleksander Griboyedov and the appendix in French "Notice sur la secte des Yézidis" are analyzed within the conception of Oriental tyranny.

REFERENCES

1. Hasan Md.M. The Orientalization of Gender. *The American Journal of Islamic Social Sciences*, 2005, 22(4), pp. 26-56.
2. Cochran P. *Byron and Orientalism*. Cambridge Scholar's Press, 2006, pp. 1-6.
3. Wolff L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: the map of civilization in the minds of the Enlightenment]. Moscow, 2003.
4. Tynyanov Yu.N. *O "Puteshestvii v Arzrum"* [On the "Journey to Erzerum"]. In: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin: Annals of Pushkin Commission]. Moscow; Leningrad, 1936, pp. 57-73.
5. Voyages en Orient, entrepris par ordre du gouvernement français de 1830 à 1833. Deuxième voyage en Anatolie par V. Fontanier. Paris, 1834.
6. Dolinin A. *Pushkin i Viktor Fontan'e* [Pushkin and V. Fontanier]. In: Pesonen P., Obatnin G., Khuttunen T. (eds.) *Evropa v Rossii* [Europe in Russia]. Moscow; Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 105-124.
7. Levkovich Ya. L. *K tsenzurnoy istorii "Puteshestviya v Arzrum"* [To the censorship history of "Journey to Arzrum"]. In: *Vremennik Pushkinskoy komissii, 1964* [Annals of Pushkin Commission, 1964]. Leningrad, 1967, pp. 34-37.
8. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 17 t.* [Complete Works in 17 vols.]. Moscow, 1995. Vol. 8, books 1, 2.
9. Zhirmunskiy V.M. *Bayron i Pushkin. Pushkin i zapadnye literatury* [Byron and Pushkin. Pushkin and Western literature]. Leningrad, 1978.
10. Dolinin A. Gyaur pod maskoy yanychara: O stikhotvorenii Pushkina "Stambul gyaury nynche slavyat..." [A Gyaur under the guise of A Janissary: On Pushkin's poem "Gyaurs now praise Istanbul..."]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2013, no. 123, pp. 184-200.
11. Olin V.N. *Kriticheskiy vzglyad na "Bakhchisarayskiy fontan", sochineniye A. Pushkina* [A critical look at "The Fountain of Bakhchisarai", an opus by Pushkin]. In: *Pushkin v prizhiznennoy kritike, 1820-1827* [Pushkin in lifetime criticism. 1820-1827]. St. Petersburg, 1996, pp. 198-202.
12. Fesenko Yu.P. *Pushkin i Griboedov: (Dva epizoda tvorcheskikh vzaimootnosheniy)* [Pushkin and Griboyedov (Two episodes creative relationship)]. In: *Vremennik Pushkinskoy komissii, 1980* [Annals of Pushkin Commission, 1980]. Leningrad, 1983 pp. 101-113.
13. Shenle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury puteshestviy. 1790-1840* [Authenticity and fiction in the author's identity of Russian travel literature. 1790-1840]. St. Petersburg, 2004.
14. Koshelev V.A. *Istoriosofskaya oppozitsiya "Zapad-Vostok" v tvorcheskom soznanii Pushkina* [Historiosophical opposition "West-East" in the creative mind of Pushkin]. In: *Pushkin i mir Vostoka* [Pushkin and the Orient]. Moscow, 1999. S. 157-170.

Received:

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 13–20 DOI: 10.17223/15617793/383/2

УДК 3.09 - 821.161.1

В.Ю. Баль

ГОГОЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЕТХОЗАВЕТНОГО СЮЖЕТА «ИСХОДА» В РОМАНЕ В. ШАРОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ»

Рассматриваются принципы интерпретации и толкования судьбы Н.В. Гоголя и его творчества в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» через призму ветхозаветного сюжета «исхода». Через рассмотрение истории гоголевского рода и судеб гоголевских героев в контексте альтернативной версии русской религиозности, в которой главная роль принадлежит старообрядцам, осмысляется представленная в романе ассоциативная связь между русской историей и ветхозаветным сюжетом. Анализируются варианты ситуации возвращения, смыкающей в романе частный и исторический опыт героев.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь; В. Шаров; сюжет «исхода»; ситуация возвращения.

Литература Нового времени, ставшая выражением индивидуального сознания, вынужденного пройти путь личностного самоопределения, во многом редуцировала ценность мифологического и утопического мироощущения, основанного на признании родовых ценностей и ответственности каждого за бытие, за сохранение его фундаментальных основ. Философия XX в., осмысляющая разрушение ценностной основы мира и констатирующая факт отпадения личности от рода, изменяет представление о необходимости возвращения к опыту предков. В философии XX в. явлениям жизни не находится объяснение путем их сравнения с космическими процессами: мир сакральный не выступает опорой для мира профанного. Необнаружение личностью желанных ценностных ориентиров обусловливает крушение мифов родового сознания, которые лишаются своего незыблемого абсолюта. В этих условиях повторение определенного ритуала предков неизбежно приводит к открытию негуманистической картины мира, в которой субъект признает свою обреченность на трагическое существование. Т.Л. Рыбальченко отмечает, что «в разных картинах мира, в разных эстетических системах литературы второй половины XX в. трактовка архаической ситуации возвращения свидетельствует об исчезновении утопического, мифологического сознания, о трезвом признании реальности как неотменимого и нетелеологического проявления бытия. Этический вектор в трактовке мотива возвращения – не бунт, не преобразование, а персональное самоопределение в границах существования по обретаемому абсолюту» [1. С. 82].

Роман Владимира Шарова «Возвращение в Египет», опубликованный в 2013 г., являет уникальный пример осмысления судьбы мифологического родового сознания в контексте исторических событий XX в. Примечательно, что Шаров изображает родовое сознание особого рода, пронизанное национальной идеей литературоцентризма и логоцентризма. В романе представлено описание истории рода Гоголей, его очередного жизненного цикла, в котором неизбежно происходит, с одной стороны, наследование родовых ценностей и традиций, с другой стороны, обязательная их проверка. Тема родовой памяти, значимости ее для существования в современности является одной из ведущих для творчества Шарова. «Для меня одна из важнейших скреп род. В рамках рода идет наследование – и удач, и неудач, и понимания жизни. Этакая вертикальная жизнь, особенно характерная для дворянства: каждый знал, что на нём ничего не кончается – останутся дети, племянники; род соединял времена. И история не умирала. Жизнь человека раньше была жизнью внутри рода» [2].

Традиционно мифологическое сознание ориентировано на выполнение определенного ритуала, призванного космизировать хаос бытия, и поэтому неизбежно связано ситуацией возвращения. Ситуация возвращения в ритуалах космологической эпохи мыслилась неизбежным спутником обновления вселенной, происходящего через погружение в бесформенный хаос, за которым обязательно каждый раз должно наступить гармоничное состояние мира. М. Элиаде ситуацию возвращения видит как универсальную повторяемость, свидетельствующую о вечных законах бытия. Повторение является выполнением канона «сакрального образца» вопреки конкретно-историческому времени. «Жизнь является беспрерывным повторением деяний, которые когда-то были совершены другими. Это сознательное повторение действий в рамках определенной парадигмы выдает их онтологическую сущность. Природный продукт, предмет, изготовленный человеком, обретают свою реальность, свою самобытность только в той степени, в какой они причастны к трансцендентной реальности. Деяние обретает смысл исключительно в том случае, когда оно повторяет изначальное, образцовое действие» [3. С. 36]. Именно поэтому поступки первобытного человека имеют высший смысл – они суть имитация небесного архетипа: «...обряды и значимые профанные действия наделяются определенным смыслом потому, что они сознательно повторяют действия, изначально свершенные богами, героями или предками» [3. С. 38].

В романе Шарова источником «сакрального образца» становится представитель рода – признанный гений русской литературы Н.В. Гоголь. Именно его жизненный пример служения высшей цели национального возрождения является образцом для его потомка Николая Васильевича Гоголя Второго. Вдобавок ко всему родовая традиция мифологизирует и универсализирует образ классика и его литературных героев, придавая им общечеловеческий масштаб и выявляя в них ген Моисея, который выступает символом спасителя своего народа из духовного рабства. В силу того что главным героем в романе Шарова является двоюродный правнук писателя, родившийся в 1918 г., происходит попытка изобразить повторение жизненного сценария классика, переданного родовой традицией, в новых

социально-исторических обстоятельствах. Шаров сознательно и вполне очевидно использует в своем романе богатый набор гоголевских ассоциаций, связанный как с личностью классика, так и с поэтикой и проблематикой его творчества. Авторское видение особенностей личности писателя и понимание гоголевских произведений, порой парадоксальное и очень неожиданное, значимо не как постмодернистский игровой произвол, а как опора на культурную память в процессе выстраивания авторского мифа о национальной истории и роли в ней такого писателя, как Гоголь.

Историю второй половины XIX и всего XX в. Владимир Шаров прочитывает через призму ветхозаветного сюжета исхода евреев из Египта. Через данный ход Шаров пытается выйти к осмыслению универсального смысла истории, её мифологической основы. Ветхозаветный сюжет об исходе евреев из Египта выступает как код, участвующий в создании нового языка описания драматизма российской истории XX в., которые были подготовлены рядом событий второй половины XIX в. Ключевой сюжет российской истории на стыке XIX и XX столетия, прошедшего под знаком обретения новой веры, заложившей фундамент национальной идеологии XX в., сравнивается с сюжетом исхода евреев из Египта. Ситуация возвращения в Египет, вынесенная в заглавие романа, выступает символом безысходности и неизбежного возврата к исходной точке пути после мучительных и длительных попыток обрести искомую духовную свободу, что и произошло в российской истории в конце XX в. Жизненный путь обоих Гоголей в романе также подобен блужданиям нового Моисея, стремящегося даровать своему народу секрет духовного возрождения, но не выполняющего своей великой миссии в конце жизни.

Тем самым, сближение в романном пространстве сюжета наследника Гоголя и сюжета авторской версии национальной истории в рамках ветхозаветного сюжета обусловливает предельную концентрацию смысла о тесной взаимосвязи идеи миссионерского служения нации как в случае с писательской судьбой, так и в случае с творцами русской истории XX в.

«Возвращение в Египет» – это роман в письмах, содержащий переписку между людьми, принадлежащими одному родовому гнезду Гоголей и находящимися в близких и доверительных отношениях между собой. Подзаголовок «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Васильевича Гоголя (Второго)» отсылает к последнему этапу творчества Гоголя, когда писательский талант уступил место проповедническому. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь пытался выступить наставником для всей нации, проговорить каждому его роль и особую миссию. Гоголь изначально в своих «письмах» принятый этикет письма изменил – его внешний адресат личностен и конкретен, но вместе с тем он необычайно широк – это каждый, кто прочтет его письма. Традиция именно этого этапа в творчестве Гоголя с наибольшей полнотой актуализирована в романе Шарова, поставившего проблему миссионерского служения нации. Жанровое своеобразие «Выбранных мест» Гоголя, построенное на сочетании интимности эпистолярия и публичности назидательной проповеди, во многом сохраняется в романе Шарова в силу того, что семейная переписка после смерти Николая Гоголя Второго была полностью опубликована и приоткрыла тайну его подвижнического жизненного пути. Гоголь Второй после возвращения из 14-летнего заключения едет за отцом, также вернувшимся из лагеря, в Казахстан и становится вслед за отцом подвижником секты бегунов, одного из ответвлений старообрядческого движения. Одна из ключевых идей секты отражена в названии – бесконечное движение, отказ от любых форм оседлости, так как все ее проявления – злые промыслы антихриста. В романе Шарова устанавливается связь между воззрениями бегунов и загадками гоголевских героев, постоянно находящихся в дороге, Чичикова и Хлестакова, и парадоксами судьбы самого писателя, который часто использовал терапевтические свойства дороги в тяжелых тупиковых творческих ситуациях. Тем самым Гоголь со своими героями встраивается в особую парадигму духовного пути, но с некоторыми оговорками. У Капралова, который является духовным наставником героя в романе, очень противоречивое отношение к Гоголю:

«Капралов не любит Гоголя, хотя признает, что боком и он из бегунов. Даже считает, чем-то вроде наставника, а Хлестакова и Чичикова его учениками. Говорит, что Гоголь учил обоих на ощупь чувствовать зло, как оно сгущается. Тогда срываться и бежать. Бежать, не медля и не оглядываясь. И им, и ему было легко, покойно в дороге. Все плохое оставил за спиной и, нигде не останавливаясь, едешь, едешь. Я спросил Капралова, что же он ставит Гоголю в вину. Он ответил, что тот мало перед чем останавливался. Намеренно поощрял Хлестакова с Чичиковым самих творить зло. Творить, не раздумывая, не сожалея, весело и артистично» [4. С. 52].

Думается причина данного неодобрения коренится в упреках классику, что он так и не явил в своих произведениях положительного героя, который мог бы выступить примером для всей нации.

Избрав для себя путь бегуна, наследник Гоголя по-своему перенимает духовную эстафету классика для спасения человечества от власти антихриста. Наследник Гоголя обнажает в переписке свой духовный опыт и тем самым берет невольно и ненавязчиво роль проповедника, желая приобщить своих собеседников к открытой им высшей истине. Переписку воедино собирают и решают сдать в Народный архив дочери и внучки основных респондентов. Начало романа – это известие о его смерти, которая выступает началом бессмертия памяти о нём, вечной жизни «заветной лиры», «переживающей прах и избегающей тленья». Решение собрать воедино переписку Гоголя Второго и сохранить ее – это своеобразное завершение очередного жизненного цикла как всего гоголевского рода (к моменту смерти Коли умирают все его главные респонденты), так и родовой традиции являть писателя с высокой целью служения нации. Своей судьбой наследник Гоголя повторил очередной цикл русского мессианского духа, воплотившегося в особом писательском даровании и обреченного на одинокое без видимых результатов служение. Смерть потомка во многом повторяет детали смерти писателя: полное уединение, во время которого соблюдение постов и пребывание в длительных молит-

вах. Оба Гоголя умирают, отвернувшись от внешнего и суетного мира, завершая свой путь служения высшей истине в полном одиночестве, осознавая свое бессилие в приближении к заветной цели высокого служения. В романе Шарова нет намеков на возможность продолжения традиции гоголевского рода. Пессимистично звучит понимание завершенности гоголевского рода: не родился наследник, который смог бы перенять духовное наследие рода. Сложные любовные отношения Коли с Соней не дали наследника. Иными словами, в романе финал судьбы героя вернул его к мрачным и беспросветным истокам, с которых все у него начиналось, как и у потомка, вновь «светлый путь» для национального возрождения не был обнаружен.

Представленная в романе идея национального возрождения мыслится через дописывание поэмы «Мертвые души». Все представители родового гнезда Гоголей уверены, что если бы была дописана поэма, то русская история сложилась бы совершенно иначе: возможно, удалось бы избежать драматизма исторических событий XX в. Главный наследник Гоголя, воспитанный с мыслью, что именно он должен дописать поэму, проходит в своем творческом поиске два этапа. Первый этап – до ареста, произошедшего в конце 1930-х гг., второй – после ареста, начиная с середины 1950-х гг. Очевидно, что подобный перерыв в работе, обусловленный трагическими обстоятельствами, сыграл значительную роль в эволюции творческого замысла поэмы. Первый этап пропитан юношеским порывом исполнить свое предназначение. Для воплощения замысла юный герой, работая в газете «Сельская новь» и обозревая жизнь советских колхозов, собирает материал для будущей поэмы. Первоначальный замысел был связан не столько с завершением недописанной поэмы, сколько с написанием новой поэмы на советском материале. Несогласие матери, фанатично преданной идее завершения поэмы, с подобным продолжением гоголевской традиции повлияло на отказ наследника от первой пробы пера. Материнское неодобрение дало толчок к повороту творческого замысла в ретроспективную сторону, связанную непосредственно с написанием второй и третьей частей поэмы. Герой, устав от учебы в Петровской академии, уезжает агрономом в совхоз «Светлый путь», находящийся в Саратовской области, писать заветное и ожидаемое всеми продолжение поэмы. Выбор пал на данный совхоз неслучайно, наследник Гоголя высказывает предположение, что именно в эти места Чичиков вывел бы купленные души. «У Николая Васильевича говорится о Новороссии, но ко времени окончания первой части поэмы земли давали уже не на Херсонщине, а снова в Заволжье» [4. С. 189]. Получается, что потомок Гоголя в отличие от предка свой замысел ориентирует на исправление прошлого, а не устремляет его в будущее.

Особый жанр для своего творения выбирает потомок Гоголя – синопсис, которому традиционно присуще краткое изложение в сжатой форме рассуждений по какому-либо вопросу. В романе вопрос об издании поэмы остается открытым, точнее, продолжение поэмы не было опубликовано: синопсис был прочитан только респондентами Гоголя Второго. Можно заметить, что в этом стечении обстоятельств творческая судьба юного Гоголя во многом повторяет сценарий предшественника: известность окончательного замысла сочетается с его нереализованностью.

В своей переписке герой признается, что первоначальный вариант «Синопсиса», содержащий вторую и третью части поэмы, ее «скелет», созданный до ареста, был изъят и далее его обнаружить не удалось. Новый, второй вариант «Синопсиса» был восстановлен по памяти после освобождения и представлен на читательский суд респондентам. К данному обстоятельству, наверное, стоит относиться осторожно. Можно предположить, что потомок Гоголя унаследовал от выдающегося предка хвастовство, проявившееся в утаивании истинных дат и времени создания своего литературного труда. 14 лет заключения – это большой срок, который мог изменить мировоззрение героя очень сильно. Думается, что показанный в переписке вариант «Синопсиса» – это плод зрелых размышлений, прошедших проверку временем и жизненными испытаниями, а не юношеский замысел, не потерявший своей значимости для создателя спустя годы тяжелых испытаний.

«Синопсис» содержится в 10 письмах, каждое из которых пронумеровано, что является исключением для романа в целом. Нумерация данных писем свидетельствует об особой числовой символике, которой сам Гоголь придавал немаловажное значение в своем творчестве. Вспомним гипотезу о возможном общем количестве глав в поэме – 33 всего и 11 в каждой главе. Вполне очевиден тот факт, что количество писем вступает в оппозицию количеству глав первого тома поэмы. Если число 11 можно считать сложным и неоднозначным для интерпретации, то 10, наоборот, – символ абсолютного совершенства и числовой завершенности. Количество писем свидетельствует о стремлении потомка Гоголя в своем труде поставить точку в мучительных размышлениях о национальном пути развития или же, наоборот, обозначить роковой ход национальной истории, связанный с бесконечным блужданием по кругу, неизменным возвращением к началу, исходной точке пути.

Не имея возможности ознакомиться с первым вариантом поэмы, мы все-таки можем предположить, что в нём преобладало очерковое начало, так как он оформляется в момент работы автора журналистом, в то время как доступный нам второй вариант содержит универсальный символический подтекст, побуждающий потомка Гоголя к осмыслению сущностных проблем национального бытия. Такой сценарий развития творческого замысла во многом отражает взросление читательского вкуса наследника, преодолевшего поверхностное восприятие как действительности, так и гоголевского текста.

Потомок Гоголя развивает в своем «Синопсисе» общепринятую версию о писательском намерении во втором и третьем томе поэмы показать обращение Чичикова к истинной вере и праведной жизни. В «Синопсисе» сделана попытка не просто зафиксировать все этапы и ключевые моменты преображения Чичикова, но и представить его как пророка, подобного Моисею, берущего на себя великую миссию служения идее возрождения русской нации и обретения для нее Земли Обетованной. В изображении нового жизненного пути Чичикова сохраняется гоголевская традиция являть

общечеловеческий и общенациональный смысл всего происходящего. Жизненный поворот в судьбе Чичикова имеет значение не только для его личного духовного воскрешения, но и для гармонизации национального бытия через преодоление национального раскола. Гоголь Шарова делает Чичикова участником уникального национального мифа, который основан на особой интерпретации знаковых исторических событий. В переписке между потомками Гоголя творится миф о России как царстве антихриста, которое началось с момента раскола Русской православной церкви. Именно раскол стал причиной размежевания внутри одной нации, часть которой в лице старообрядцев заняла положение гонимой. Старообрядцы после раскола вынуждены были сохранять чистоту своей веры в условиях физического и духовного угнетения. У Гоголя Второго изгнание старообрядцев и их вынужденное скитание соотносится с сюжетом ветхозаветной истории о сынах израилевых, покинувших Египет и заслуживших свою истинную веру, пройдя через страдания и скитания. Староверы в «Синопсисе» представлены не иначе как новый избранный народ, весь путь которого с момента раскола русской церкви полон мук и страданий, которые Господь назначил им пройти для укрепления их духовной силы. Связывание судьбы Чичикова с историей старообрядческого движения в XIX в. – это предельная фокусировка на его миссионерской роли для судьбы России. Подобная логика сюжетопостроения «Синопсиса» – это ответ Гоголя Второго на ключевой вопрос русской литературы о герое времени, именно о том герое, который выступает не только зеркалом поколения и отражает все его слабости и пороки, но и являет достойный пример для подражания и осуществляет заветные цели автора. Сопряжение судьбы Чичикова с историей старообрядческого движения в некоторой степени спровоцировано и самим Гоголем. В поэме классика присутствует сюжет о раскольниках в момент зарождения противоречивых слухов о Чичикове: «В другой части губернии расшевелились раскольники. Кто-то пропустил между ними, что народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие-то мертвые души. Каялись и грешили и, под видом изловить антихриста, укокошили не-антихристов» [5. С. 216]. Да и сама природа образа Чичикова, построенного на сочетании противоположностей, антихрист и апостол, берет истоки в сочинениях раскольников, которыми, как известно, Гоголь интересовался.

Потомок Гоголя переписывает родословную Чичикова, дополняя ее новыми фактами. В новой версии судьбы Чичикова сохраняется стремление объяснить причины аферы фактами из детской биографии. Во-первых, Чичиков становится потомком старообрядцев, его дед представлен как подвижник древлего православия. Во-вторых, отмечается, такая черта Чичикова, как мечтательность, которая связана не с будущими капиталами, материальной стороной его существования, а с духовной – мечтой о всеобщем счастье.

«С детства он, Чичиков, отличался мечтательностью, много думал о возможности построения Рая здесь на земле, и о том, где, в какой части России его следует основать <…> и вот он, Чичиков, собрался взять на вывод кусок нашей Святой земли и, прирезав его в Раю, испоместить на ней души умерших крестьян, которые пока еще числились за своими помещиками, но уже были обращены к одному Господу. Думал на радость Всевышнему щедро наделить их тучным плодородным черноземом, которого в центральных губерниях России так не хватает. Это предприятие казалось ему во всех смыслах богоугодным» [4. С. 213].

Именно поэтому в сюжете жизненных испытаний Чичикова играют особую роль мифологемы «земного рая» и «чистилища»: первые пять писем «Синопсиса» озаглавлены «Чистилище» и посвящены тяжелому пути очищения Чичикова, а вторые пять – «Земной рай» и сосредоточены на описании искреннего служения Чичикова идее восстановления величия и мощи древлего благочестия. При использовании данных мифологем со стороны наследника Гоголя очевидна сознательная установка на дантевскую традицию, которую в свое время использовал и сам Гоголь.

В поэме самого Гоголя мифологема «земного рая» построена на пересечении литературных и фольклорных архетипов. А.Х. Гольденберг отмечает, что «в первом томе тема рая – объект травестийного повествования; она возникает в “величаниях” Чичикова губернатору (“В губернию въезжаешь, как в рай”) и Манилову, мечтающему жить под одной крышей с другом (“О! это была бы райская жизнь!”). Во втором томе ирония исчезает, и в повествовании, связанном с этой темой, появляются новые интонации» [7. С. 57, 58]. Именно во втором томе рай становится символом обретения смысла истинного человеческого существования, обретения искомой классиком живой души.

Мифологема «земного рая» у наследника Гоголя непосредственным образом связана с идеей служения Чичикова древлеправославной епархии. Канвой для движения Чичикова в этом направлении становится действительно происходившая череда событий с середины 1840-х гг. по учреждению старообрядческой епископской кафедры за пределами России. Основной причиной данных событий была жесткая политика Николая I по отношению к бедствующему старообрядческому священству. Служение древлеправославной епархии Чичикова – это, прежде всего, движение, главная цель которого – поиск очагов, где обряд веры сохранился во всей чистоте и неизменности, и новых приверженцев древлеправославной церкви. По этой причине новое ценностное значение получает привычка Чичикова быть в дороге: неоседлый образ жизни, связанный с постоянным перемещением, свидетельствует об особой религиозной установке. Именно поэтому Чичикову как ревнителю старообрядческого движения особенно близки становятся воззрения бегунов.

Для создания образа Чичикова герой признается, что взял прототип «известного староверческого инока – тоже Павла, в миру Петра Великодворского, который сыграл главную роль в основании Белокриницкой епархии» [4. С. 244]. Но в то же время наследником Гоголя отмечены расхождения с прототипом: «подлинный Павел и те люди, которые его поддерживали, с течением времени смягчились к империи, перестали считать ее за антихристово царство, в поэме этого не произойдет» [Там же], Чичиков же до конца сохранит непоколебимость своих убеждений и верность служения высокой идее.

Данный нюанс, отмеченный Гоголем Вторым, свидетельствует об особом драматизме созданного образа «земли обетованной». Земля обетованная перестает быть манящей легкими и доступными благами, а, наоборот, становится символом непрестанного духовного труда и служения. Можно даже говорить об амбивалентности данного образа, построенного на сочетании высшей устремленности к ней и трезвоскептического опыта истории настоящего, очевидцем которого является потомок Гоголя.

Время от завершающей «Чистилище» европейской революции сорок восьмого года до 1865-го становится для Чичикова весьма деятельным. «На исходе жизни, в дневнике подводя ему итог, он напишет, что эти годы сверх всякой меры были переполнены утратами, невосполнимыми потерями, когда он то, как Иов, бунтовал против Бога, то был, как ветхий Израиль, оплакивающий свой Храм на реках Вавилонских. Чуть ли не все, с кем он начинал восстановление древлей иерархии, один за другим от него уходили» [4. С. 279]. Примечательно, что десятое письмо имеет подзаголовок «Завершение земного рая». Наступление земного рая знаменует не наступление безмятежной жизни Чичикова, а новый нелегкий этап в выполнении его высокого предназначения – сохранения и распространения величия древлеправославной епархии. Подобный финал свидетельствует, с одной стороны, об определенной безрезультатности деяний и свершений Чичикова, но с другой стороны, о новом цикле блужданий, который наступает после очередного возвращения к начальной точке пути.

В своем дописывании жизненного пути Чичикова Гоголь Второй пытается сомкнуть религиозное и общественное начало в его деятельности, тем самым показать истоки революционных событий в логике национального мифа, представленного в романе. Гоголь Второй открыто признается, что стремился сомкнуть судьбу Чичикова и Алеши Карамазова, которому по творческой воле Достоевского было суждено выйти из монастырских стен и стать участником революционного движения.

«И вот мне показалось, что оба они, Чичиков и Алеша Карамазов, по всем законам Божеским и человеческим однажды должны сойтись. Это не просто вернет смысл, оправдает те три четверти века русской истории, когда люди, пережив духовное возрождение, как бы выпали из гнезда привычной жизни» [Там же. С. 318].

На закате своих странствий Чичиков соприкасается с революционной элитой в лице Герцена, Бакунина, Чернышевского, Плеханова и др. В результате общения и вдумчивого погружения Чичикова в комплекс их революционных воззрений назревает идея объединения. Причиной подобного неожиданного союза становится стремление приверженцев истинной веры, старообрядцев, пойти на «любые жертвы, только бы разрушить до основания это царство зла» [Там же. С. 213], источником которого является царская власть, подобная власти египетского фараона.

Осмысление последствий этого союза в романе происходит в процессе семейных постановок комедии «Ревизор» представителями гоголевского рода в начале XX в. Получается, что код к прочтению гоголевской судьбы и творчества потомок получает в наследство как родовое предание для жизнестроительства и продолжения гоголевской писательской традиции в XX в. Многие респонденты были участниками этих постановок, и из дневниковых записей одного из них узнаются подробности.

В атмосфере ощущения катастрофы Первой мировой войны, которая стала символом Страшного суда, разверзнувшейся адской бездны для всей Европы, возникли предпосылки «вчитывания» ветхозаветного сюжета исхода евреев из Египта в содержание комедии. Угроза Страшного суда инициировала появление новых пророков, которые манят переменами, способными помочь искупить старые грехи и построить новый мир. Канун революции – это время актуализации идей о возможности приобретения новой веры на руинах старого мира. Неслучайно предреволюционные годы в России стали временем ожидания пророка, который должен дать «новый завет» и явить земное воплощение Небесного Иерусалима.

От первой к третьей постановке комедии можно заметить логику постепенного перехода от традиционного понимания комедии к более радикальному, пронизанному революционным духом. Идея постановки 1913 г. во многом традиционна и не противоречит общепринятому пониманию замысла Гоголя. «Оба Гоголя работают на пару. Ревизор призван карать пороки, которые выведет на свет Божий, проявит, обнажит Хлестаков» [4. С. 120]. Вторые две постановки связаны уже с другим режиссером-постановщиком Блоцким. Из своих двух постановок 1915 и 1916 гг. режиссер хотел создать дилогию: «Пятнадцатый год – путь человека к Богу, шестнадцатый год – Господь спускается на землю и уже не находит избранного народа, не важно – подлинного или мнимого, не находит вообще ничего, кроме нескончаемого коловращения греха, – идя навстречу друг другу, неизбежно сойдутся в “немой сцене”» [Там же. С. 120, 121].

Постановка 1915 г. обозначена «как иронический и отчасти кощунственный парафраз библейского Исхода» [Там же]. Ключевые образы-символы данного сюжета получают парадоксальное и травестированное воплощение: Хлестаков – «избранный народ, и не важно, что самозваннный», Земля обетованная – это родовое поместье, до которого пытается добраться Хлестаков, Город – «стоянка посреди пустыни», тюрьма – «египетское рабство», дары чиновников Хлестакову – это «чудеса, которые сопровождали скитания евреев по пустыне», городничий – это фараон [Там же].

В постановке 1916 г. вновь происходит собирание мозаичного полотна новой истории на основе фрагментов ветхозаветного сюжета. Если в первой части была поставлена проблема избранного народа самозванца, символом которого стал Хлестаков, то во второй части уже актуализируется проблема пророка как истинного, так и ложного. В истории данной постановки можно выделить несколько «вариантов» пророков. Первый вариант – это Хлестаков, как воплощение ложного пророка, которого, идя по легкому пути, выбирают жители города N, а настоящий Ревизор – это истинный пророк, следование за которым требует определенного духовного мужества и смелости.

Второй пророк – это режиссер-постановщик Блоцкий. Труппа театра подобна евреям, которые идут за своим режиссером, выполняющим роль проводника. Блоцкий с его новой правдой о сути комедии вызывает у них попеременно то отторжение и непонимание, то одобрение и согласие. Как еврейский народ, они порой строптивы, порой уступчивы и идут вслед за режиссером, терпеливо ожидая неоспоримых доказательств правоты его правды нового видения комедии.

Блоцкий как проводник труппы имеет двойственную природу: с одной стороны, ему нужно доказать право на существование его новой и радикальной трактовки комедии, с другой стороны, он в своем понимании целей и задач искусства близок по духу к Гоголю. Желая приобщить труппу к своему замыслу постановки, играть революцию, «плясать от нее как от печки» [4. С. 130], он подобен Хлестакову, который хитрит и ведет двойную игру. Обратим внимание на следующие детали. Во-первых, упоминается туман, который царит при объяснениях постановочной мысли Блоцкого: «однако туман не рассеивается и ясности не прибавляется» [Там же. С. 128]. Вспомним слова Городничего о Хлестакове: «О тонкая штука! Эк куда метнул! Какого тумана напустил!» [6. С. 44]. Во-вторых, Блоцкий все время «двоит след», «нанизывает петлю за петлей» [4. С. 132]. В этом случае можно говорить о наследовании Блоцким виртуозного двойничества Хлестакова, который утаивал свое истинное лицо перед чиновниками.

Одновременно с новым радикальным прочтением комедии у Блоцкого присутствует сохранение гоголевского понимания целей театра как общественной кафедры. В логике рассуждений Блоцкого Гоголь представлен как революционер, стремившийся через революционные преобразования законов сцены, природы драматургического текста, актерской игры совершить слом эпох, провести водораздел между старым миром, где люди погрязли в пагубных страстях и в грехах, и новым праведным миром, будущим небесным Иерусалимом. Мучительные попытки Гоголя в последующих комментариях изменить яркий эффект от первого зрительского впечатления, сместить зрительскую симпатию с фигуры Хлестакова на фигуру Ревизора – верный знак неудавшейся революции в трактовке Блоцкого: «…правоты у гоголевской революции было в избытке. У любой революции, повторяет он, то, что мы от него слышали, правоты выше крыши, и этим оружием с ней бесполезно сражаться. Но бывает, что революция, пока она не набрала ход, пасует перед обычными правилами, регламентами и установками. Потом она их сметет, однако поначалу безразличие, инертность закона смущают ее, и, не зная, что делать, она отступает» [Там же. С. 148]. Иными словами, в понимании Блоцкого в своей революционности Гоголь выступает как пророк, которому не удалось увести за собой народ к новой вере и новой жизни.

Блоцкий в последующем творчестве выступает прямым наследником Гоголя. Дальнейшие эксперименты Блоцкого с зеркалами во время постановок – это сознательная ориентация на эпиграф «Ревизора». В одной из последующих постановок уже не «Ревизора», но близкой к нему пьесы, сосредоточенной на теме человеческого греха, Блоцкий через зеркальное оформление сцены сделал ее почти не имеющей границ. Один актер был задействован в этом спектакле, цель которого была показать «муки тяжело согрешившего человека, который без всякой надежды пытается снова встать на путь, ведущий к Богу <…> его отверстый рот, отражаясь в намеренно искривленных поверхностях зеркал, превращается в ямы и окопы, открытые могилы и воронки от фугасных снарядов; волосы – в какой-то страшный выгоревший на корню лес, а сам он – в изуродованное, разъятое на куски человеческое мясо» [4. С. 162]. В другом спектакле «Земля обетованная» режиссер всю заплеванную и заблеванную сцену огородил зеркалами и зеркальную пирамиду установил в центре сцены. По мысли Блоцкого, она обозначила уже принесенные и поставленные на место первые камни коммунизма или Небесного Иерусалима. «Время от времени на сцену с разных сторон выбегали народные массы, их играли актеры, загримированные под окровавленных, в лохмотьях красноармейцев. И вот они, не обращая внимания на раны, рвались к слепящей, режущей глаза горке зеркал, но добраться до неё не могли, скользили, падали буквально в шаге от цели <…> еще пока они были на сцене, пока надеялись достичь коммунизма, отражение, будто обезумев, металось от зеркала к зеркалу, отчего было непонятно, ни кто они, ни чего хотят» [Там же. С. 164].

Предельная концентрация смысла в образе «зеркала» актуализирует весь комплекс проблем революционных событий: нового пророка, ведомого народа и высшей идеи, обусловливающей их союз. У Гоголя Хлестаков и Ревизор в определенной степени выполняли функции зеркала для чиновников города N: Хлестаков – кривое и маскирующее пороки, а Ревизор – настоящее, честно показывающее степень греха каждого чиновника. У гоголевских героев были выбор и шанс на возрождение в случае верного выбора зеркала. У Блоцкого в романе Шарова безумное метание отражения – символ предельной оставленности человека наедине со своими страхами во тьме и мраке, хватающегося за ложные идеалы ложных пророков.

Таким образом, в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» выстраивается неожиданно парадоксальная альтернативная версия подпольной русской религиозности, участником которой становится род классика русской литературы. Ретроспективный взгляд в прошлое потомка Гоголя связан, прежде всего, с желанием переписать историю, восстановить утраченный смысл произошедших и происходящих событий. Потомок Гоголя, следуя жизненному сценарию классика и принимая семейный миф о национальной истории за основу своего творчества, являет пример личной ответственности за все грехи нации. Созданный текст «Синопсиса» – это лаборатория, в которой происходит формирование поведенческой стратегии для выполнения высокой миссии спасения нации. Для героя созданный им образ Чичикова, проводника и спасителя нации, становится примером, достойным подражания. Наследник Гоголя примыканием к секте бегунов пытается максимально приблизить свою судьбу не только к классику, но и к «написанной» им судьбе Чичикова. Это сближение судеб инициирует повторение подвижнического пути Чичикова в новых социально-

исторических обстоятельствах. В контексте событий XX в., его удушающей идеологической атмосфере герой пытается найти на отшибе империи, в Казахстане, истинный очаг веры. Его пребывание там – это вновь возвращение в ад, полный грехов человеческих. В Карагандинской области, вдали от всякой цивилизации, где построен корабль Капралова, находится воронка, подобная дантевской Кальдере.

«Не знаю, читал ли кормчий Данте, но уверен, о “Комедии” слышал. Во всяком случае, отдавая распоряжения, куда вести козла, он делает это так, что мне понятно: у каждого греха своя цена, свой круг ада. Кальдера – ворота в антихристову бездну, и кормчий, признавая нынешние порядки, делит ее на пункты и подпункты одной и той же 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР – Контрреволюционная деятельность. Правда, из-за этого получается не девять, как у Данте, а четырнадцать кругов» [4. С. 62, 63].

И сам наследник Гоголя, и отец его, за которым он поехал в Казахстан, и кормчий – это жертвы режима, прошедшие ад лагерного быта. Получается, что выходят они из него с тяжким бременем человеческого греха за злодеяния других и берут на себя тяжелый труд очищения мира от грехов. Их ежедневный ритуал связан с навьючиванием на козлов отпущения тяжелых камней, символизирующих грехи человеческие, и отправлением их на спуск в воронку для искупления грехов. Символический финал романа пессимистичен. Предсмертное признание кормчего в понимании безрезультатности их уединенного подвижнического служения высокой цели пронизано ощущением страха поставить точку. Очевидно, что В. Шаров в своем романе создал современную версию родового сознания, основанную на мифах нового времени, в которых вызревает достаточно драматичная ситуация личной ответственности за грехи человеческие при трезвом понимании невозможности исправить природу человеческую. Совершенно особый способ гармонизации мира выбирает для себя Гоголь Шарова: он стремится изменить прошлое, создать в нём идеальный образец для обретения опоры существования в настоящем. В традиционной версии родового мифологического сознания возвращение к опыту предков было залогом верного пути и достижения высшего смысла окончательного результата. В романе Шарова возвращение к опыту предков связано с очередным прохождением пути для приближения к недостижимому идеалу: следовать родовому закону – значит априори соглашаться на недостижимость искомого высшего образца.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбальченко Т.Л.* Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950–1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 1. С. 58–82.
2. *Беззубцев-Кондаков А.* Непредсказуемая реальность Владимира Шарова. URL: http://reading-hall.ru/publication.php?id=3704 (дата обращения: 25.04.2014).
3. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб. : Алетейя, 1998. 249 с.
4. *Шаров В.А.* Возвращение в Египет. М. : АСТ, 2013. 759 с.
5. *Гоголь Н.В.* Мертвые души // Полн. собр. соч. : в 14 т. М., 1951. Т. 6. 624 с.
6. *Гоголь Н.В.* Ревизор // Полн. собр. соч. : в 14 т. М., 1951. Т. 4. 529 с.
7. *Гольденберг А.Х.* Архетипы в поэтике Гоголя. Волгоград : Перемена, 2007. 261 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 мая 2014 г.

GOGOL TRADITION IN THE CONTEXT OF THE OLD TESTAMENT STORY OF THE EXODUS IN THE NOVEL *RETURN TO EGYPT* BY V. SHAROV

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 13-20. DOI: 10.17223/15617793/383/2

Bal Vera Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ver_bal@sibmail.com

Keywords: Gogol; V.Sharov; Old Testament story of the Exodus; situation returns.

Return to Egypt by V. Sharov was published in 2013. The novel is a story about the Gogol family, descendants of the great Russian writer, represented in correspondence between the writer's great-great grandson and the members of the family. The subtitle of the novel "Selected Passages from Correspondence with Friends of Nikolai Gogol" introduces the principal mood of the classic in the novel – introduction of the national revival idea with the help of the writer's word. Due to the fact that there is a story about the writer's family with a special mission in the center of novel, the problem of generic consciousness penetrated by the ideas of logo-centrism and literature-centrism is introduced in the novel. On the one hand, the main family heir, Gogol the Second, repeats the life scheme of the writer forefather in the novel, trying to finish his poem *Dead Souls* and change the course of national history. On the other hand, he lives his life with Gogol's heroes in the context of an alternative version of Russian religiosity, where the Old Believers play the main part. There is a strong associative connection between the history of the Old Believers and an Old Testament story of the exodus of Jews from Egypt. In this associative system Old Believers are presented as a new Peculiar People of God forced to wander with the aim of attaining their promised land. The scope in the situation of a comeback occurs with the help of these "coincidences". The situation of comeback to Egypt used for the title of the novel is a symbol of despair and inevitable comeback to the starting point of the path in the novel and it describes the transformation of the mythological consciousness in the context of the events of the 20th century. In the novel a modern version of the mythological consciousness based on the myths of modern times is presented. The myths of modern times are based on the concept of personal responsibility for our sins and understanding that it is impossible to correct humanity. Gogol's descendant chooses a very special way to harmonize the world. He seeks to change the past, to create a perfect example of it, to gain the support of the existence in the present. He finishes the poem making Chichikov similar to Moses who saves the nation from spiritual slavery, and uses him as an example to follow. In the traditional version of the generic mythological consciousness a comeback to the experience of ancestors was the key to the right path and a positive final result. In the novel by Sharov the comeback to the experience of the ancestors is associated with another passage to an unattainable ideal: following family law means an a priori agreement with inaccessibility of the desired higher sample.

REFERENCES

1. Rybal'chenko T.L. The vagrancy plot and a new picture of the world in contemporary Russian literature. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 6, pp. 87-100. (In Russian).
2. Bezzubtsev-Kondakov A. *Nepredskazuemaya real'nost' Vladimira Sharova* [The unpredictable reality of Vladimir Sharov]. Available at: http://reading-hall.ru/publication.php?id=3704. (Accessed: 25th April 2014).
3. Eliade M. *Mif o vechnom vozvrashchenii. Arkhetipy i povtoryaemost'* [The Myth of the Eternal Return. Archetypes and repeatability]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998. 249 p.
4. Sharov V.A. *Vozvrashchenie v Egipet* [Returning to Egypt]. Moscow: AST Publ., 2013. 759 p.
5. Gogol N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t*. [Complete Works. In 14 vols.]. Moscow, 1951. Vol. 6, 624 p.
6. Gogol N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t*. [Complete Works. In 14 vols.]. Moscow, 1951. Vol. 4, 529 p.
7. Gol'denberg A.Kh. *Arkhetipy v poetike Gogolya* [Archetypes in Gogol's poetics]. Volgograd: VGPU Peremena Publ., 2007. 261 p.

Received: May 03, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 21–26 DOI: 10.17223/15617793/383/3

УДК 81

А.В. Боровкова

МЕТАФОРИЗАЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТИТЕЛЬНОЙ ПИЩИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 14-04-00207 а – «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014–2016 гг.

Статья посвящена семасиологическому и когнитивному исследованию лексических и фразеологических образных средств русского языка, мотивированных наименованиями растительной пищи. Описываются метафорические модели со сферой-источником «съедобные растения»; выявляются основания уподобления явлений этой сферы явлениям из других сфер внеязыковой действительности. Исследуется реализация оценочного и миромоделирующего потенциала данных образных языковых единиц в современных дискурсивных практиках.

Ключевые слова: образная лексика и фразеология; метафорические модели; кулинарная метафора; языковая картина мира; образное лексико-фразеологическое поле.

Антропологический подход к изучению языка выдвинул в центр исследовательского внимания проблемы взаимосвязи языка, культуры и личности говорящего (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.Н. Телия и др.). Язык стал пониматься как средство осмысления культурного кода, зашифрованного в многообразии значений лексических и фразеологических единиц. Актуальными являются изучение оценочной (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов и др.) и миромоделирующей (Н.А. Мишанкина, З.И. Резанова [1], А.П. Чудинов [2] и др.) функций языковых единиц, исследование реализации культурных кодов в языке и речи (Н.Ф. Алиференко, В.В. Красных, Г.В. Токарев и др.). Образные средства языка (лексические: языковые метафоры, метафорические дериваты и фразеологические: сравнения, идиомы, перифразы, паремии) обладают значительным аксиологическим и миромоделирующим потенциалом, демонстрируют воплощение различных кодов культуры, метафорически и символически представленных в двуплановой семантике образных номинаций (Н.Ф. Алефиренко, О.И. Блинова, Н.А. Илюхина [3], М.Л. Ковшова, В.М. Мокиенко, Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия, Е.А. Юрина [4] и др.).

Целью данной статьи являются семасиологическое и когнитивное описание образной лексики и фразеологии с мотивирующей кулинарной семантикой, отражающей метафоризацию наименований растительной пищи в русском языке, а также описание фрагмента русской языковой картины мира, связанного с образной интерпретацией действительности посредством всевозможных метафорических проекций из концептуальной области-источника «съедобные растения».

Объектом исследования выступают языковые метафоры (*овощ* ‘вялый, лишенный сил и рассудка человек’, *банан* ‘низкий балл в системе оценивания результатов обучения’), собственно образные слова (*лимонка* ‘ручная граната, по форме напоминающая лимон’), устойчивые образные сравнения (*красный, как помидор* ‘о покрасневшем от гнева или смущения человеке’, *как огурчик* ‘о бодром, полном сил человеке’), творительные сравнения (*нос картошкой* ‘пухлый нос с широкими ноздрями’), идиомы (*одного поля ягодки* ‘люди схожие по характеру, поведению, воспитанию’, *выжимать все соки из кого-либо* ‘мучить, доводить до изнеможения, эксплуатировать кого-либо’), пословицы и поговорки (*сорок лет – бабий век, сорок пять – баба ягодка опять*), мотивированные наименованиями съедобных растений.

Предметом исследования являются характер метафорических моделей [5], реализованных в образной семантике данных лексических и фразеологических единиц, а также реализация их оценочного и миромоделирующего потенциала в современных дискурсивных практиках. Анализ семантики языковых единиц позволит выявить метафорические модели, зафиксированные в образной номинации и оценочной характеристике различных сфер внеязыковой действительности, в результате чего будет представлено идеографическое описание образной и оценочной характеристики различных сфер действительности посредством кулинарной метафоры, отражающей проекции из области-источника «съедобные растения» в другие понятийные сферы.

Вслед за А.П. Чудиновым мы понимаем метафорическую модель как «существующую и / или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой 'X – это Y'» [2. С. 70]. А.П. Чудинов указывает на то, что в составе метафорических моделей должны быть выявлены: сфера-источник; новая понятийная область; относящиеся к данной модели фреймы; компоненты, связывающие первичные и метафорические смыслы единиц; продуктивность метафорической модели. Базовая метафорическая модель, представленная в образной семантике описываемого нами материала, может быть определена формулой «Нечто – это Съедобное растение». Частные метафорические модели, различающиеся областью-мишенью и исходным образным представлением из области-источника, будут структурированы в статье в соответствии с количественной представленностью характеризуемой области-мишени: от максимально задействованной в образной номинации сферы «человек» к минимально задействованным сферам «время» и «пространство». Источниками материала послужили данные словарей, а также контекстная база Национального корпуса русского языка [6].

В результате отбора словарного и текстового материала было выстроено образное лексико-фразеологическое поле, единицы которого отражают мета-

форизацию концептуальной области «растительная пища». Его ядерную зону составляют образные номинации различных свойств и качеств человека (78 образных языковых единиц). Образно номинируемая сфера «человек» была разделена на следующие понятийные области-микросферы: «физиология человека», «самочувствие и эмоции», «интеллектуальные способности», «характер и поведение», «социальное взаимодействие». Наименования явлений, отражающих **микросферу «физиология человека»** (35 образных единиц), выражены в следующих единицах: языковые метафоры *груша*, *яблоко, сморчок* – о фигуре человека; *сморчок* ‘пожилой человек с морщинистой кожей’, *кочан, репа, тыква* – о форме головы; *миндалина* ‘доля парного органа лимфатической системы, расположенная на стенках глотки и похожая по форме на миндальный орех’; *баклажанный* – о форме носа; *вишневый / брусничный / клюквенный* – о цвете губ; *лимонный*, *абрикосовый, персиковый* – о цвете кожи, *персиковый* ‘о коже, покрытой пушком’; *яблочко* ‘кадык’; *кочерыжка, банан*, *хрен* ‘фаллос’; *помидоры* ‘мужские половые железы’; перифразы *глазное яблоко, адамово яблоко*, сравнительные обороты *как желе, как* кисель – об обвисшей коже; *румяный, как яблоко*, *как печеное яблоко*, творительные сравнений *грушей / картошкой / сливой / луковицей* – о форме носа; *ягодкой* – о форме губ; идиомы *будто черти горох молотили*, *поза банана, апельсиновая корка*. Основанием для уподобления физиологических характеристик человека и съедобных растений являются форма, размер, структура, цвет или характер покрытия съедобных растений.

Представления о фигуре, силуэте человеческого тела ассоциативно связываются с формами таких фруктов, как яблоко, груша, банан. Форма груши округлая, сильно расширяющаяся к основанию, что метафорически связывается с образом женской фигуры с ярко выраженными бедрами (*«о сладкая* ***груша****, гитара, покатая шампанская бутыль»*); шарообразная форма яблока ложится в основу ассоциативного переноса на фигуру человека с большим животом (*«ожирение в* ***форме яблока****»*); изогнутая форма банана визуально напоминает позу согнутого человека (*«сидеть перед компьютером в* ***позе банана****»*). В то же время представление о фигуре человека, форме его тела может быть ассоциативно связано со структурой блюд, приготовленных из съедобных растений. Желе и кисель – полутвердые, полузастывшие, легкоподвижные жидкости – метафорически уподобляются особенностям параметров толстого человека, имеющего вместо четких контуров тела дряблые, неупругие формы (*«его дряблое,* ***как остывший кисель****, лицо»* или *«свежевыбритое голое место постепенно переходило в* ***дрожащие, как желе****, щеки»*).

Образы растительной пищи проецируются и на представления об органах и частях человеческого тела, его кожных покровах. Наиболее продуктивными являются модели, в основе которых лежит представление об общности размера и формы некоторых растений с человеческими органами. Так, например, многообразие различных форм носа метафорически характеризуется в следующих образных единицах: *баклажанный нос* ‘большой вытянутый нос’ (*«повисает* ***баклажанный нос****»*); *нос картошкой* ‘пухлый нос с широкими ноздрями’ (*«его* ***нос картошкой****, толстый и распухший»*); *нос грушей / луковицей* ‘расширенный книзу нос’ (*«неправильный* ***на манер груши нос****», «особые приметы –* ***нос луковицей****»*); *нос сливой* ‘крупный нос, красного или лилового цвета’ (*«бесформенный* ***нос сливой****»*). Во всех приведенных контекстах отражена негативная оценка человеком таких форм носа, все они воспринимаются как неправильные, некрасивые, портящие внешний облик.

Цвет поверхности съедобной части растения часто ложится в основу образных единиц, описывающих губы и кожу человека. При выражении оттенка цвета губ используются образные определения *вишневые* («ее ***вишневые*** *губы*»), *брусничные* (*«****брусничного*** *цвета губы»*), *клюквенные* (*«****клюквенные*** *губы были крепки и сочны»*). В данных случаях красный цвет губ воспринимается положительно в сознании носителей языка, поэтому сравнение их с образом ягод придает им дополнительное значение притягательности, желанности, красоты, приятного вкуса, аромата. Нежные цвета абрикоса и персика напоминают цвет кожи девушек и женщин (*«дергал за мои* ***толстые персиковые щеки****», «****абрикосовый загар*** *на руках и ногах»*). Румяность щек молодых девушек, приятный оттенок их кожи передается через сравнение *румяный, как яблоко* (*«лицо ее все еще* ***румяное, как крымское яблоко****»*). Желтушный, болезненный цвет кожи передается через образ плода лимона (*«****лимонная*** *бледность в узком лице»*). Покраснение кожи, вызванное ее обветриванием или солнечным ожогом, раскрывается в метафоре *малиновый* (*«****малиновая*** *шелушащаяся обводка вокруг рта»*).

Структура поверхности плодов растений сравнивается со структурой кожного покрова. Неровная, покрытая целлюлитом кожа сравнивается с бугристой кожурой апельсина (*«жировые отложения делают эффект* ***апельсиновой корки****»*), нежная кожа, покрытая мягким пушком, ассоциируется с поверхностью плода персика (*«****персиковая пушистость*** *щеки»*). Старческие морщины на лице ассоциируются со сморщенным видом гриба сморчка и печеного яблока, что отражено в метафоре *сморчок* («***сморчок*** *– древний сморщенный старикашка»*) и образном сравнении *как печеное яблоко* (*«старушка с лицом,* ***похожим на печеное яблоко****»*). Способ приготовления пищи отражен в фразеологическом обороте *будто черти горох молотили*, называющем неровную, в ямках от оспы или прыщей кожу (*«корявое, рябое лицо, то самое, на котором* ***горох молотили****»*). Основание ассоциативного переноса лежит в сравнении покрытой ямками кожи с местом, на котором измельчают горох, сильно ударяя по нему и вбивая его в поверхность для молотьбы.

Наименования явлений **микросферы «самочувствие и эмоции»** (10 образных единиц) лексически выражены в языковой метафоре *овощ* ‘лишенный сил и рассудка человек’, сравнительных оборотах *краснеть как помидор / как свёкла / как брусника / как клюква; как будто лимон съел / разжевал; как выжатый лимон; как огурчик* и устойчивых выражениях *держать хвост морковкой, быть в самом соку.*

Ряд метафорических моделей реализует уподобление между сферами «съедобные растения» и «самочувствие и эмоции» на основе сходства цветовой характе-

ристики. Цвет кожи человека отражает физиологические реакции на проявление эмоций (гнев, страх, смущение) и настроения (смех, подавленность): смущение заставляет человека *бруснично* краснеть (*«ребята* ***покраснели, как брусника****»*), безудержный смех придает коже цвет, подобный клюкве (*«девочка часто и нервно смеялась,* ***щеки клюквенно налились****»*), гнев, смущение делают лицо похожим на свеклу или помидор (*«один из чиновников нервно курил,* ***был красный, как спелый помидор****»*). Физиологические проявления эмоций уподобляются реакции на вкусовые ощущения от съедобных растений. В основе образного сравнения *как будто лимон съел / разжевал* лежит реальная ситуация поедания лимона, кислый вкус которого неизбежно заставляет человека скривить лицо / рот. При метафорическом переносе это выражение приобретает значение проявления сильного недовольства человека (*«лицо его сморщилось,* ***как будто он разжевал лимон****»*).

Структура оболочки и мякоти съедобных растений, сочность и свежесть плодов ассоциативно связываются с состоянием, самочувствием человека: бодрое состояние ассоциируется с образом зеленого свежего огурца (*«раньше приходилось не спать по двое, а то и по трое суток, и ничего – всегда* ***как огурец****»*), уверенность в себе и своих силах отражена в устойчивом выражении *держать хвост морковкой* (т.е. настолько быть уверенным, что держаться прямо, как созревшая морковка с грядки), фразеологизм *в самом соку* называет энергичного, находящегося в расцвете сил человека (*«и вовсе он не старый, пятидесяти еще нет,* ***в самом соку****»*).

Явления, репрезентирующие **микросферу «интеллектуальные способности»** (4 образных единицы), охарактеризованы фразеологизмами: *разбираться, как свинья в апельсинах; щелкать задачи как орешки / как семечки; разгрызть / раскусить орешек; орех не по зубам*. Высокие умственные способности человека, умение решать сложные интеллектуальные задачи ассоциируются с ситуацией добывания ядра ореха, семечек: фразеологизмы *щелкать* (задачи) *как орешки / как семечки* ‘быстро решать сложные задачи’, *разгрызть, раскусить орешек* ‘решить сложную задачу’, *орех не по зубам* ‘о неспособности решить задачу, проблему’. В семантике фразеологизма *разбираться, как свинья в апельсинах* реализовано уподобление человека, который является дилетантом, не разбирается в какой-либо сфере, животному, для питания которого не характерны экзотические фрукты. Негативную оценку усиливает сравнение человека со свиньей, которая считается нечистоплотным, прожорливым, глупым животным, в то время как дело, которым пытается заниматься этот человек, уподобляется экзотическим, вкусным плодам апельсина.

Наименования явлений **микросферы «характер и поведение»**, мотивированные названиями съедобных растений, выражены в 6 образных единицах: языковая метафора *гриб* ‘человек, проводящий много времени за компьютером’, идиомы *крепкий орешек, ягода-кислица, ягодка с косточкой, как об стенку горох*, поговорка *красна ягодка, да на вкус горька*.

Структура съедобных растений уподобляется качествам характера человека и особенностям его поведения. Крепость духа метафорически сравнивается с твердостью, прочностью ореховой скорлупы (*«Станислав Иосифович –* ***крепкий орешек****, на компромиссы не пошел»*). Такие особенности структуры ягоды, как расположение косточки внутри плода, а также горький или кислый вкус некоторых ягод, ложатся в основу образных выражений *красна ягода, да на вкус горька*; *ягода с косточкой*; *ягода-кислица*, характеризующих людей со строптивым, сложным или надменным характером («*парень,* ***ягодка с косточкой****, об нее зубы сломаешь!»*).

Завершает обзор понятийной сферы «человек» одна из самых многочисленных по количеству образных наименований **микросфера «социальное взаимодействие»** (22 образные языковые единицы): языковые метафоры *малина, малинник* ‘женский коллектив’, *перец* ‘привлекательный молодой человек’, *апельсин* ‘вор в законе’, собственно образное слово *миндальничать*, фразеологизмы *одного поля ягодки; яблоко от яблони недалеко падает; от осинки не родятся апельсинки; выжимать все соки из кого-либо; тот еще фрукт; горе луковое; вставить в уши бананы; шут гороховый; чучело гороховое; трясти как грушу; любовь-морковь; любовь прошла, завяли помидоры; муж объелся груш; седьмая вода на киселе; малиновый пиджак; гороховое пальто.*

Сладкий вкус ягод и плодов, их сочность, яркая цветовая палитра лежат в основе метафорической характеристики человека, вызывающего приятные эмоции. Выражение восхищения, расположения чаще адресовано лицам противоположного пола или маленьким детям и основывается на их притягательном внешнем виде: *ягодка* ‘обращение к красивой девушке, любимому человеку или маленькому ребенку’ («***ягодка*** *моя ненаглядная*»); *персик* ‘обращение к молодой девушке, вызывающей ласку и нежность своей красотой’ («*девушка, вы просто* ***персик***»); *малина* ‘женский коллектив’ («*на работе я в* ***малине****: кругом женщины*»); *крутой перец* ‘молодой, симпатичный, хорошо одетый парень’, вызывающий интерес молодой человек сравнивается с ярким плодом перца, таящим в себе сладкий или острый, пикантный вкус.

В выражении *что это за фрукт и с чем его едят* процесс поглощения пищи уподобляется процессу общения, социальному взаимодействию, контакту с каким-либо лицом, а образ фрукта метафорически ассоциируется с образом нового незнакомого человека. Подобно тому, как способ поглощения незнакомого фрукта может быть непонятен, а последствия принятия его в пищу непредсказуемы, так и общение с новым человеком может быть затруднено, а его поведение и реакция неожиданны. В другом фразеологизме *муж объелся груш* ‘о муже, который не справляется со своими обязанностями, не считается главой семьи’ состояние переедания, характеризующееся дискомфортом, потерей энергии, отсутствием желания к новому поглощению пищи, уподобляется уходу от своей социальной роли, отказу от своих обязанностей перед семьей.

Следующая **сфера «материальные объекты»** подразделяется на микросферы: «цвет и окраска предметов», «параметрические свойства предметов», «артефакты». Понятийная микросфера **«цвет и окраска предметов»** (22 образные единицы) лексически выра-

жена в языковых метафорах *гороховый, фисташковый, оливковый, малиновый, клубничный, клюквенный, брусничный, вишневый, гранатовый, абрикосовый, персиковый, лимонный, смородиновый, баклажанный, апельсиновый, морковный, в яблоках, в огурец, под орех, капуста,* сравнительных оборотах *как апельсин, как морковка.* Разнообразие красных оттенков лексически выражено в метафорических единицах, называющих красные плоды съедобных растений: *брусничный и клюквенный* ‘о предметах ярко-красного цвета, близкого к цвету крови’; *вишневый* ‘о предметах темного красно-коричневого цвета’; *малиновый* ‘о предметах красно-розового цвета с небольшим оттенком фиолетового’; *клубничный* ‘о предметах алого цвета’.

Реже в основе уподобления лежит форма съедобных растений, сферой-мишенью в таких метафорических моделях является окраска, рисунок, узор: языковые метафоры *в яблоках* ‘о пятнистой расцветке шерсти лошадей, схожей с контурами яблока’; *в горох / в горошину* ‘об узоре в виде кругов на однотонной ткани или какой-либо поверхности’; *в огурец / в турецкий огурец* ‘об орнаменте, представляющем собой различные вариации основного рисунка, похожего на вытянутый в разные стороны огурец’; *капуста* ‘рисунок на военной офицерской фуражке советского образца, будто состоящий из нескольких слоев, листьев, как кочан капусты’.

Наименования растительной пищи, входящие в **микросферу «параметрические свойства предметов»** (15 образных языковых единиц), репрезентируют различные характеристики материальных объектов: размер, форму, плотность, – в основном эта сфера выражена в языке через сравнительные обороты. Сравнения указывают на сходство размеров предметов с размерами плодов растений: *с яблоко, с апельсин, с огурец, с тыкву, с орех, как горох*. Другие образные единицы характеризуют форму различных предметов: языковая метафора *груша* используется при обозначении предметов, состоящих из двух полусфер, узкой наверху и широкой внизу (***груша*** *микрофона,* ***груша*** *клаксона, резиновая* ***груша*** и т.д.); сравнение *как яблоко* характеризует шарообразные предметы, а сравнительные обороты *как морковка* и *как огурец* используются по отношению к вытянутым, продолговатым предметам. Языковые метафоры *горошина*, *горох, ягодка* указывают сразу на два свойства, размер и форму, они употребляются по отношению к маленьким шарообразным предметам (***ягодка*** *крови,* ***горошины*** *бус* и т.д.).

В основе метафорических наименований явлений **микросферы «артефакты»** (7 образных единиц) лежит характеристика формы различных плодов съедобных растений, эту сферу характеризуют такие образные единицы, как: языковые метафоры *банан* ‘надувной матрас’, *луковица* ‘выпуклые стекла очков / часов’, *луковица* ‘купол’, собственно образное слово *лимонка* ‘ручная граната’, устойчивые обороты *брюки-бананы, боксерская груша, государственное яблоко.* Например, языковая метафора *банан* именует большой надувной водный матрас, цепляющийся к катеру и использующийся в развлекательных целях на курортах, который своей вытянутой формой и яркой желтой расцветкой напоминает банан. Сходство формы легло в основу метафоры *боксерская груша*, этот сильно расширяющийся книзу тренажер для отработки ударов в боксе формой напоминает плод груши.

Следующая **сфера «социум»** включает микросферы: «социальные явления», «экономика и финансы». **Микросфера «социальные явления»** (11 образных языковых единиц) лексически выражена через языковые метафоры *малина* ‘благоприятные условия для какой-либо деятельности’; *клубничка* ‘продукция эротического содержания’; *морковка* ‘приманка, объект вожделения’; *капустник* ‘самодеятельное представление’; выражения *расти, как грибы после дождя; закидать тухлыми помидорами; разделать под орех; хрен редьки не слаще; это еще цветочки, а ягодки впереди; простой, как апельсин*; сравнение *не картошка*. Метафорические модели, сферой-источником в которых выступает образ ягоды, основаны на уподоблении сходства сладости, аромата и притягательности ягод положительной оценке некоторых явлений: *малина* ‘благоприятные условия, события, положительно влияющие на человека и его деятельность’ («*делай, что хочешь – не жизнь, а* ***малина***»); *клубничка* ‘различная продукция эротического содержания’ («*любителям малолетней* ***клубнички*** *не поздоровится*»). Поговорка *это еще цветочки, а ягодки впереди* употребляется в ситуации следования одного неблагоприятного происшествия за другим, основанием для метафорического переноса стал образ ягоды как итога развития растения: как в природе за цветением неизбежно следует созревание плодов, так и в представлениях носителей языка за одной неприятностью последует другая.

Явления **микросферы «экономика и финансы»** (5 образных единиц) метафорически характеризуются через образы растений, употребляемых в пищу: языковые метафоры *капуста* ‘деньги’, *малина* ‘прибыль’, фразеологизмы *быть на бобах, остаться на бобах, сидеть на бобах*. Языковая метафора *капуста* используется при номинации денег: *«Типа, там, сочинение на техфак. Ну, я разве против – «****капусты****» подмолотить? Дорого, говорю, женщина, перед самым-то экзаменом консультировать»* (Андрей Житков. Кафедра). Поэтому различные выражения, отражающие способ приготовления капусты, метафорически называют виды приобретения денежных средств: *нарубить капусту* ‘заработать много денег’, *намолотить капусту* в том же значении. Прибыль, удачу в каком-либо деле называют *малиной* («*стоит “нефтяной* ***малине****” закончиться – и с высокими темпами экономического роста придется надолго проститься*»), ассоциируя благоприятные условия с приятным вкусом сладкой ягоды. Бедственное положение человека описывается с помощью метафоры *бобы*, в которой заключено представление о простом, постном блюде: *быть на бобах* ‘быть необеспеченным, лишенным каких-либо привилегированных условий’; *остаться на бобах* ‘остаться ни с чем, быть лишенным того, чем обладал раньше, либо должен был обладать в ближайшем будущем’, *сидеть на бобах* ‘быть лишенным средств для существования, настолько быть связанным в финансовых возможностях, что чуть ли не питаться одними бобами’.

К числу сфер внеязыковой действительности, обозначенных через наименования растительной пищи, также относятся **сферы «время»** и **«пространство»,**

выраженные в 4 образных единицах: *Большое яблоко, банановая республика, до морковкина заговенья, яблоку негде упасть*. При уподоблении образов растительной пищи и временных явлений учитываются особенности христианского поведения русского народа, его исторически сложившиеся особенности в проведении церковных обрядов. Так, происхождение фразеологизма *до морковкина заговенья* ‘неопределенно долго, о времени, которое никогда не наступит’, связано с тем, что христианам на заговенье (последний день поста) разрешалось есть молочную и мясную пищу, которая во время всего поста была запрещена, поэтому предпочтение постной морковки в заговенье определяется как шутливое, невероятное, то, что никогда не произойдет. *«Одни директора станут* ***до морковкина заговенья*** *плакаться в жилетку премьеру: январь на дворе, а договоров и на полгода не заключено»* (Василий Селюнин. Всё у нас получится // Огонек. 1991. № 8).

Сфера «растения» метафорически связана с образами других растений. Мотивирующей единицей во всех случаях является яблоко: *китайское яблоко* ‘апельсин’; *чертово яблоко / земляное яблоко* ‘картофель’, такое непритягательное название картофеля связано с тем, что во времена Екатерины II его разведение насаждалось насильно, под него отдавали лучшие земли, хотя никто не объяснил крестьянам, как им пользоваться, что приводило к частым отравлениям ядовитыми зелеными плодами картофеля; *карфагенское яблоко* ‘гранат’.

В ходе анализа были выявлены образные номинации, метафорически называющие явления различных сфер внеязыковой действительности через аллюзии с легендами, сказками, мифами, в сюжете которых символически задействованы образы съедобных растений. Так, например, образное основание двухкомпонентной номинации *адамово яблоко* ‘кадык’ (микросфера «физиология человека») основано на библейском сюжете о грехопадении человека. Кадык уподобляется застрявшему в глотке у Адама куску запретного яблока: *«Шарф отлетел в сторону, и на оголенном горле возле “****адамова яблока****” открылись багровые, в давно засохшей кровяной коросте следы обезьяньих когтей»* (Леонид Юзефович. Князь ветра).

Различные мифы народов мира также находят отражения в образных единицах, включающих наименования растительной пищи. Происхождение идиомы *яблоко раздора* ‘нечто, являющееся источником конфликта, предметом спора’ связано с греческим мифом о золотом яблоке с надписью «прекраснейшей», подброшенном на свадьбу Пелея и Фетиды и ставшем причиной ссоры между богинями Герой, Афродитой и Афиной: *«Ведь* ***яблоком раздора*** *между двумя первыми лицами Чечни – не считая, конечно, военных – был пост министра финансов, ключевой в контексте грядущих баталий»* (Андрей Уранов. Кадыров берет огонь на себя (2003) // ПОЛИТКОМ.РУ. 2003.02.10).

В идиомах отражены аллюзии на различные литературные и сказочные фольклорные сюжеты: *принцесса на горошине* (микросфера «характер и поведение»), *развесистая клюква, мы делили апельсин* (микросфера «социальные явления»), *при царе Горохе* (сфера «время»), *молодильные яблоки* (сфера «материальные объекты»). Фразеологизм *принцесса на горошине*, отсылающий к сказке Г.Х. Андерсена, употребляется по отношению к человеку привередливому, выдвигающему высокие требования (*«в таком наряде легко представлять себя* ***принцессой на горошине****, капризничать, требовать чего-то невозможного»*). Сомнительные, невероятные события, больше похожие на небылицу, лишенные правдоподобия, называют *развесистой клюквой*. Данное выражение иронично, оно происходит из пьесы-пародии на французскую мелодраму Б. Гейера «Любовь русского казака», в которой неосведомленный, не знающий российских реалий иностранец говорил, что он сидел в тени развесистой клюквы. Выражение *мы делили апельсин* ‘о чем-либо, что приходится делить сразу нескольким субъектам’ появилось из первой строчки детской считалочки. Дискурсивный анализ, по данным Национального корпуса русского языка, показал частотность употребления данного выражения в заголовках публицистических текстов. Фразеологизм *при царе Горохе* используется при назывании событий или явлений, которые были совершены много лет назад: *«При царе* ***Горохе****, говорят, деготь был первым средством при лечении подобных кожных проблем»* (Красота, здоровье, отдых: Красота (форум). (2005). Появление данного фразеологизма объясняется несколькими версиями. По одной версии это выражение связывают с царем Горохом, героем русских сказок, жившим в те далекие времена, когда мир был наполнен волшебными существами. По другой выражение *царь Горох* считают созвучным названию Константинополя – Царь-Град, окончательно исчезнувшему в XV в., поэтому, говоря о далеких временах, когда еще существовала Византия, давали характеристику «по-царьгородски». Идиома *молодильные яблоки* ‘нечто, имеющее омолаживающий эффект’ отсылает к русской народной сказке «О молодильных яблоках и живой воде», в которой такие яблоки даровали вечную молодость.

Анализ контекстов по данным Национального корпуса русского языка показал продуктивность и частотность употребления образных языковых единиц, мотивированных названиями съедобных растений. Было выявлено более 150 образных языковых единиц, которые называют явления различных сфер внеязыковой действительности: «человек», «цвет и окраска», «материальные объекты», «социум», «пространство», «время» и «растения». В данной статье мы представили их метафорическое функционирование, описали метафорические модели со сферой-источником «съедобные растения», выявили основания уподобления явлений этой сферы явлениям из других сфер внеязыковой действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Резанова З.И.* Метафорическое моделирование концептосферы // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Томск, 2001. С. 121–124.
2. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Пермь, 2001. 208 с.
3. *Илюхина Н.А.* Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М., 2010. 320 с.
4. *Юрина Е.А.* Образный строй языка. Томск, 2005. 156 с.

5. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
6. *Национальный* корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 мая 2014 г.

METAPHORISATION OF THE NAMES OF PLANT FOOD IN THE RUSSIAN LANGUAGE: SEMASIOLOGICAL AND COGNITIVE ASPECTS

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 21-26. DOI: 10.17223/15617793/383/3

Borovkova Anastasiya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

Keywords: figurative lexis and phraseology; metaphorical models; culinary metaphor; linguistic picture of the world; figurative lexical and phraseological field.

This article provides a cognitive and semasiological study of lexical and phraseological figurative means of the Russian language and the motivated names of plant foods. It also describes a fragment of the Russian linguistic picture of the world associated with the figurative interpretation of reality shaped by all types of metaphorical projections from the conceptual area-source "edible plants." The object of research is language metaphors motivated by the names of edible plants. They include language metaphors proper (*klubnichka* 'strawberry', *vishneviy* 'cherry', *repa* 'turnip', *smorchyok* 'morel', etc.), the figurative words proper (*limonka*, *mindal'nichat'*), established figurative comparisons (*krasniy, kak pomidor* 'red as a tomato', *kak ogurchik* 'as a cucumber', and others), instrumental comparisons (*nos kartoshkoy* 'bulb of a nose', *guby yagodkoy* 'lips of berries', etc.), idioms (*rasti kak griby posle dozhdya* 'to grow up like mushrooms after the rain', *eto eshcho tsvetocki, a yagodky vperedi* 'when the blossoms first come out, berries soon will have to sprout', etc.), proverbs (*sorok let – babiy vek, sorok pyat' – baba yagodka opyat'* 'forty years old her tale is told, etc.). The object of analysis is the nature of metaphorical models reflected in the figurative semantics of the language units under study. The research is based on the dictionaries and contextual basis of the Russian National Corpus. This work fits into the range of modern research on the evaluation and world-shaping functions of linguistic units, the implementation of cultural codes in language and speech (N.F. Alefirenko, A.N. Baranov, Yu.N. Karaulov, V.V. Krasnykh, N.A. Mishankina, Z.I. Rezanova, G.V. Tokarev, A.P. Chudinov, etc.), on the implementation of various codes of culture, metaphorically and symbolically represented in the two-plane semantics of motivated nominations (N.F. Alefirenko, O.I. Blinova, N.A. Ilyukhina, M.L. Kovshova, V.M. Mokienko, G.N. Sklyarevskaya. V.N. Telia, Ye.A. Yurina, etc.). The article constructs a figurative lexical and phraseological field "plant food", that metaphorically names various extralinguistic phenomena: "man" (with microspheres "physiology", "feelings and emotions", "intellectual ability", "character and conduct", "social interaction"), "material objects" (with microspheres "color", "parameters", "artifacts"), "society" (with microspheres "social phenomena", "economy and finance"), "time", "space", and "plants". This article describes metaphorical models that demonstrate the association between various phenomena of extralinguistic reality and edible plants. The grounds for metaphorisation can be different. They include shape (*bokserskaya grusha* 'punching bag'), size (*s yabloko* 'of apple-size'), the structure of the pulp and shell (*shchelkat' zadachi kak oreshki* 'to crack tasks like nuts, *apelsinovaya korka* 'orange peel'), surface color (*vishneviy* 'cherry'), taste, flavor (*yagodka* 'berry' of the girl), the method of cooking (*kak vyzhatiy limon* 'like a squeezed lemon'). Some areas of extralinguistic reality are described by allusions to legends, fairy tales, myths, the plot of which involves symbolic images of edible plants: *printsessa na goroshine* 'princess and the pea', *yabloko razdora* 'the apple of discord', *my delili apel'sin* 'we were dividing an orange', *pri tsare Gorokhe* 'the days of yore', *Adamovo yabloko* 'Adam's apple', *plod poznaniya dobra I zla* 'the fruit of the knowledge of good and evil', etc. Totally the author identifies over 150 units of figurative language that name various phenomena of extralinguistic reality.

REFERENCES

1. Rezanova Z.I. *Metaforicheskoe modelirovanie kontseptosfery* [Metaphorical modeling of concept sphere]. In: *Yazyk v polikul'turnom prostranstve: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Language in a multicultural society: theoretical and applied aspects]. Tomsk, 2001, pp. 121-124.
2. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory* [Russia in a metaphorical mirror: cognitive study political of metaphor]. Perm, 2001. 208 p.
3. Ilyukhina N.A. *Metaforicheskiy obraz v semasiologicheskoy interpretatsii* [Metaphor in semasiological interpretation]. Moscow, 2010. 320 p.
4. Yurina E.A. *Obraznyy stroy yazyka* [Imagery language]. Tomsk, 2005. 156 p.
5. Lakoff G., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, 1990, pp. 387-415.
6. The Russian National Corpus. Available at: http://www.ruscorpora.ru

Received: May 14, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 27–34 DOI: 10.17223/15617793/383/4

УДК 811.111’42+811.161.1’42

Е.Ю. Викторова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ С ДИФФУЗНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Статья посвящена изучению функционирования наиболее частотных дискурсивных слов (дискурсивов) с диффузным значением в дискурсах разного типа. Исследование выполнено на материале русской и английской научной речи и речи СМИ с привлечением данных личной картотеки автора и материалов Национального корпуса русского языка. Диффузность дискурсивов рассматривается в теоретико-лингвистическом и ортологическом аспектах. Диффузность дискурсива определяется как недифференцированность, недискретность его значений, в результате чего такие слова становятся полифункциональными. Нечеткость и расплывчатость значений некоторых дискурсивов объясняется их полной или частичной десемантизацией, вследствие чего возможны речевые ошибки в их употреблении.

Ключевые слова: дискурсивные слова; диффузность; русский язык; английский язык; научная речь; речь СМИ; десемантизация.

Дискурсивные слова, или дискурсивы, – это вербальные способы выражения вспомогательной функции в коммуникации. К ним относятся особые лексические единицы: слова, словосочетания и устойчивые речевые обороты (иногда предложения), общая функция которых заключается в помощи коммуникантам в процессе создания дискурса, его реализации и восприятия [1, 2].

Дискурсивы носят транскатегориальный характер, критерием объединения всех этих разнородных единиц в один класс дискурсивов является их общая функция, связанная с регулированием речевого контакта и организацией дискурса в помощь адресату. Определение границ класса дискурсивных слов является дискуссионным вопросом в лингвистике, общепринятого списка таких слов не существует и, вероятно, не может существовать. Разные лингвисты по-разному определяют как сами дискурсивные слова, так и границы и объем класса этих слов. Этот класс пополняется новыми единицами, которые в силу разных причин, например десемантизации, переходят в этот класс. Многие дискурсивы являются словами знаменательных частей речи и становятся дискурсивными лишь при определенных условиях. При регулярном выполнении дискурсивных функций такие слова можно относить к классу дискурсивов, несмотря на их исконную знаменательность и принадлежность к тем или иным частям речи (ср. *скажем, вероятно, понимаешь* и др.). Тем не менее большинство лингвистов сходятся во мнении о том, что дискурсивы отвечают в конкретном дискурсе за его организацию и оформление, регулируют отношения между говорящим и слушающим, проясняют позицию говорящего.

Дискурсивные функции условно можно разделить на две группы: регулятивного и организационного характера. Регулятивные функции связаны с выражением разной степени достоверности высказывания, дополнительных смыслов, своего мнения, оценок содержания и речи, эмоционального отношения, совершением речевых действий, расстановкой акцентов, выделением главного, регулированием отношений говорящего и слушающего. Организационные функции проявляются на уровне предложения и на уровне текста и дискурса. На уровне предложения дискурсивы связывают несколько предложений или их части – это сигналы логических отношений, введения примера, добавления информации, поиска слова. На уровне дискурса дискурсивы указывают на его компоненты (начало, переходы от темы к теме, заключение), очередность и последовательность тем, идей, отсылают к фрагментам того же текста или другим текстам. Мы полагаем, что все эти функции позволяют нам считать дискурсивы единицами вспомогательного уровня коммуникации и противопоставлять их основным коммуникативным единицам, передающим основную, фактуальную информацию. В ранее опубликованных работах мы уже рассмотрели особенности значения и употребления многих дискурсивных слов разного типа в научном и публицистическом дискурсе [3–5].

Материалом для данного исследования послужили тексты устной и письменной научной речи на русском языке в объеме 52 000 словоупотреблений. Устная речь представлена монологической формой – лекциями по лингвистике, физике, химии, психологии, а диалогическая – записями заседания коллектива сектора, предварительного обсуждения и защиты диссертации. Исследовались тексты научной речи, опубликованные в сборнике «Современная русская устная научная речь» [6], и из фондов кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского университета. Письменная научная речь представлена научными статьями по лингвистике, физике и медицине. К исследованию был привлечен также и русский публицистический дискурс – газетные статьи в объеме более 13 000 словоупотреблений. Кроме того, привлекались данные из личной картотеки автора (материалы телепередач) и материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (http://ruscorpora.ru/). Были исследована и устная английская речь в объеме 24 000 словоупотреблений: научный дискурс (лекции по литературе, истории, физике) и научно-популярный (интервью с учеными). Исследовались также личные наблюдения использования дискурсивов в англоязычной среде.

Для нас дискурсивы – это единицы прежде всего функционально-прагматического уровня, которые могут иметь разное значение и разную структуру, многие из них при этом характеризуются полным или частичным отсутствием денотативного значения. Семантика таких дискурсивов, с одной стороны, размыта, расплывчата, с другой стороны, их значения комплексные, слитные, неразложимые на составляющие, т.е. их можно охарактеризовать как диффузные. В качестве примера можно привести русские дискурсивы *собственно говоря; скажем; на самом деле; дело в том, что; хо-*

рошо, английские дискурсивы *okay, like, you know, kind of, I mean* и др. Они используются в самых разных ситуациях речи, их значения с трудом поддаются описанию в силу своей неопределенности; кроме того, их значения в речи иногда отличаются от значения в словаре, и в нашем материале они очень частотны. Данная статья посвящена особенностям функционирования наиболее часто встречающихся в научном и массмедийном дискурсах дискурсивов с диффузным значением. Диффузность рассматривается в теоретико-лингвистическом аспекте, в рамках которого устанавливается функционально оправданное расширение семантики и функции анализируемых слов, и ортологическом – выявляются нарушения норм в использовании таких единиц.

В последнее время диффузность языковых единиц все чаще становится предметом исследования лингвистов. Диффузность определяется как особая категория слова или предложения, проявляющаяся в виде недифференцированности, недискретности его значений. А. Киклевич определяет диффузность как «недоопределенность содержания языковых знаков различного уровня (морфем, лексем, словосочетаний, предложений, текстов), размытый характер границ между значениями и их категориями в семантической системе языка и в языковой коммуникации» (цит. по: [7. С. 43]). По словам Д.Н. Шмелева, диффузность – это «совместимость отдельных лексических значений, когда их разграничение не осуществляется (и не представляется необходимым)» [8. С. 382]. Диффузные слова, или диффузы, по словам Н.В. Зиминой, становятся «всезначащими», и это является одним из проявлений категории неопределенности [9].

О.Б. Сиротинина пишет, что «диффузные обозначения в принципе не менее необходимы, чем точные, так как экономят усилия и адресанта, и адресата». Эти расплывчатые обозначения чего-либо применимы «в разных ситуациях, к очень разным предметам и явлениям окружающего нас мира и служат своеобразными классификаторами – элементами сетки языка, которая накладывается на восприятие мира» [10. С. 7]. К диффузам относятся не только местоимения разного типа (личные, указательные, неопределенно-личные), местоименные наречия и прилагательные (*там, здесь туда, сюда, такой*), но и слова знаменательных частей речи (*определенный, вышеназванный, делать, штука, штуковина, вещь, дело*). Иногда диффузами становятся слова из семейного лексикона, имеющие специфическую, понятную только в этой семье, историю своих значений [10, 11]. Примерами диффузных слов являются и исследуемые Н.В. Зиминой предикаты средней оценки *нормально* и *ничего* [9].

В современной отечественной лингвистике диффузность исследуется на материале разговорной речи [9], речи СМИ [10, 12, 13], художественной речи [14, 15], фольклора [16]. Т.Е. Янко пишет о диффузности перформативных смыслов, выражаемых с помощью некоторых интонационных акцентов в английском языке [17]. Л.А. Петрова выявляет в художественных текстах лексемы с «глубокой смысловой диффузностью» и полагает, что такие единицы «определяют векторы художественного обобщения и передают смысловую полноту эстетических трансформаций в концептуально-лексической системе» [15. С. 141]. Б.Т. Ганеев исследует диффузность слов в разных языках в связи с проблемой энантиосемии – способности слова выражать антонимичные значения [11]. О неопределенности и диффузности в семантике русских частиц пишет А.Ю. Чернышева [18]. М.А Кормилицына исследует неопределенность в текстах СМИ на уровне семантики и синтаксиса [19, 20]. Диффузность исследуется также в связи с обучением иноязычной лексике. Т.М. Шкапенко доказывает, что «в определенных случаях носители языка не ощущают дискретности отдельных лексико-семантических вариантов слова, и семантическая диффузность представляет собой способ хранения класса многозначных слов в ментальном лексиконе его носителей» [7].

Самая насыщенная диффузами – разговорная речь, и только в ней их употребление, как правило, не связано с рисками, т.е. не ведет к непониманию и не вызывает коммуникативных сбоев. В других сферах общения – в деловой, научной и массмедийной коммуникации – с использованием диффузной лексики следует быть осторожным. В нескольких своих работах последних лет О.Б. Сиротинина с тревогой отмечает растущую тенденцию к неоправданному использованию такой лексики в русской речи, в частности в языке СМИ, что влечет за собой не только коммуникативные, но и социальные риски [10, 12, 13].

Диффузность наряду с полисемией и синкретизмом трактуется как одна из разновидностей многозначности слова. Ю.Д. Апресян пишет, что «меру дискретности значений при их описании в толковом словаре обычно сильно преувеличивают и видят четкие границы там, где фактически, при ориентации на реальное разнообразие текстов, обнаруживается неясная, размытая промежуточная область», где и располагаются «диффузные, неопределенные или двусмысленные» значения [21. С. 510, 511].

О.Б. Сиротинина в своих статьях отмечает диффузный характер ставшего модным дискурсива *достаточно*, который в речи СМИ часто употребляется ошибочно вместо *довольно* [10, 12, 13]. О.И. Северская пишет, что «в употреблении слова *достаточно* сказывается нелюбовь к определенности, замаскированная внешним стремлением к точности» [22]. В научной речи мы тоже находим подобные употребления – и в статьях (*Диапазон областей использования ПДЖК в настоящее время* ***достаточно*** *многообразен; Данные принципы оценки и коррекции изображения* ***достаточно*** *просто автоматизировать*), и в лекциях (*Дело в том / что в шестьдесят седьмом году / вышла / книга / «Verbal Behaviour» / «Речевое поведение» / и* ***достаточно*** *знаменитого человека // по фамилии Скиннер*). Хотя следует признать, что диффузные употребления *достаточно* в научном дискурсе все-таки являются единичными.

Как один из наиболее распространенных в устной речи дискурсивных слов с диффузным значением нами отмечен дискурсив *на самом деле*, имеющий в составе слово *дело*, значение которого довольно размыто, неопределенно. В словарях мы находим две разновидности этого дискурсива: наречие со значением «в дей-

ствительности; так, как оно есть» и вводное слово, указывающее на достоверность происходящего, произошедшего [23]. Если в письменной речи (например в газете) различия между двумя значениями определяются помимо контекста еще и пунктуацией (вводное слово выделяется запятыми), то в устной речи наречие от вводного слова отличить сложнее, особенно при неуместном использовании этого дискурсива. Приведем примеры из газет: *Модно рассуждать о том, что прагматизм и индивидуализм свидетельствуют о декадансе западной цивилизации. Забавно, что ненавидящие Запад* ***на самом деле*** *так стремятся туда попасть* (Московский комсомолец. 21.02.2011); *Опрос ВЦИОМ* ***на самом деле*** *был более широк, он показал удивительные результаты и по другим вопросам* (Московский комсомолец. 11.02.2011). Понятно, что в этих употреблениях *на самом деле* является наречием, его значение вполне определенное и четкое. Е.Г. Борисова считает, что с помощью этого дискурсива осуществляется коррекция возможных предположений адресата путем прямого противопоставления их реальности [24].

Однако с примерами из устной речи при трактовке *на самом деле* возникают сложности в связи с его нечетким значением, и такие употребления можно, вероятно, считать диффузными. Приведем примеры из различных телепередач: *Мне* ***на самом деле*** *очень понравилось. Было очень интеллигентное исполнение* (Голос. 25.10.2013); *Я хочу себя изменить.* ***На самом деле*** *я не знаю, как это сделать* (Модный приговор. 27.09.2013); *Вы знаете,* ***на самом деле*** *когда я шла сюда, я пожалела, что не взяла сюда сына* (Минута славы. 12.10.2013); *Люди попали в беду. Нужна ваша помощь.* ***На самом деле*** *эти люди настоящие герои* (Анонс акции в поддержку Дальнего Востока. 26.09.2013); *А я и не волнуюсь совсем* (смех). ***На самом деле****, конечно, вы это сделали по-настоящему, правильно, я восхищен вами очень сильно* (Голос. 01.11.2013). Некоторые из этих употреблений вроде бы соответствуют первоначальному значению наречия *на самом деле*. Но все равно, как нам кажется, ощущается некая странность такого употребления, так как в этих ситуациях никто не оспаривает действительность и реальность обсуждаемого факта, нет никакого противопоставления реальности и нереальности; в этих дискурсивах превалирует скорее акцентирующее значение, а не изначально присущее. М.А. Кронгауз пишет, что «произносящий без нужды эту фразу (на самом деле. – *Е.В.*) хочет придать вес своим словам, убедить себя и окружающих в том, что он говорит правду», он как бы развенчивает всё, сказанное раньше, и «в некотором роде присваивает право на истину» [25].

Как показал собранный нами материал, в большинстве случаев *на самом деле* употребляется в самом начале фразы, в качестве своеобразного вступительного хезитатива, в котором «вербализуются колебания говорящего в выборе речевых средств» [26. С. 73]. Возможно, этот дискурсив превратился уже в слово-паразит [22, 25], настолько далеким от первоначального значения, «странным» и неуместным (однако весьма частотным) стало его использование: ***На самом деле****, я выслушала твою историю, мне кажется, мы очень похожи* (Давай поженимся. 30.10.2013); ***На самом деле****, я хочу сказать вам большое спасибо. Это музыка как нельзя лучше подчеркивает то состояние чистоты, которое вы передаете* (Голос. 25.10.2013); ***На самом деле****, пастернак у нас почти сварился;* ***На самом деле****, если вы не хотите есть картошку, вы можете есть пюре из пастернака* (Смак. 21.09.2013); ***На самом деле****, желаем вам прибавить в следующей программе* (Ледниковый период. 22.09.2013); ***На самом деле****, я удивлен, я в шоке пребываю. Вы такая свободная* (Голос. 27.09.2013); ***На самом деле****, я очень расстроилась, очень хотелось до зрителей донести историю фильма, но не получилось* (Ледниковый период. 22.09.2013); ***На самом деле****, просто нет слов, очень неожиданно для нас* (Ледниковый период. 29.12.2013). Подобные употребления данного дискурсива, когда нельзя четко определить его значение, когда значение не соответствует словарному, встречаются очень часто в современной речи. *На самом деле* можно условно признать дискурсивом универсальным для оформления начала реплики или вступления в разговор, хотя такое употребление, безусловно, неуместно. Справедливости ради скажем, что почти все приведенные примеры зарегистрированы в речи не журналистов, а обычных носителей русского языка – спортсменов, артистов, участников и гостей телепередач. По всей видимости, *на самом деле* можно квалифицировать как «модное слово»: о «повальном увлечении» и чрезвычайной востребованности этого дискурсива в современной русской речи пишут многие лингвисты [22, 25, 27].

Примеры диффузного использования этого дискурсива в единичных случаях встречаются и в устном научном дискурсе. Ср. фразу из научного доклада: *Значит / **на самом деле** / вот смотрите / что такое «приглашенный профессор» / допустим?* (из материалов НКРЯ, 2012).

Дискурсив *собственно говоря* тоже, вероятно, можно отнести к диффузным. Его первоначальное значение «в сущности, по существу, выражаясь точнее» [23] часто стирается, тем самым превращая этот дискурсивный оборот в десемантизированный хезитатив, в «лишнее» слово. Примеры из теле- и радиопередач: – *Вы только в 38 лет почувствовали особую радость материнства. – Ну,* ***собственно говоря****, кому-то кажется, что трое детей это много, но для меня это нормально* (Наедине со всеми. 23.12.2013); *Я помню… выхожу из автобуса и ожидаю увидеть / **собственно говоря** / переводчика; Ну / **собственно говоря** / вы будете голосовать / что вы меня спрашиваете / как вы думаете?; И вы понимаете / что вот один день взять и / **собственно говоря** / что столько дела / столько было планов / столько было надежд…* (НКРЯ). Н.В. Богданова считает *собственно говоря* книжным хезитативным маркером, а его избыточное употребление – признаком «плохой речи» [26]. Несколько случаев употребления этого дискурсива зафиксировано и в устной научной речи – как в лекциях, так и в научных обсуждениях. Однако здесь *собственно говоря* использовано в соответствии со своим значением – в функциях дискурсива-акцентива и речевой оценки, хотя и поисковое значение в нем тоже присутствует: ***Дело в том, что*** *не только в лингвистике, но и во всех,* ***соб-***

***ственно говоря**, специальных науках существует с давних времен свое понятие метода; И прогресс этот является, **собственно говоря**, вот, не абсолютным в том смысле, что когда-то такого удовлетворения не было* (лекция по лингвистике); *В том разделе где они дают / характеристику / ну / **собственно говоря** / не внедрение этого в речи / а / вот что ли для понимаете текста / для развития какого-то языкового чутья* (обсуждение диссертации).

Дискурсив *дело в том, что*, выделенный в одном из вышеприведенных примеров, также проявляет диффузность значения, которая определяется размытой семантикой лексемы *дело* и функциональной широтой использования этого дискурсива: он может предварять любое объяснение, акцентировать внимание слушающего на какой-то мысли, идее, добавлять к сообщению что-то важное и даже просто связывать одну реплику с другой. В научном дискурсе он встречается и в монологе, и в диалоге: *Мною рассматриваются две сферы общения / сфера общения обиходно-бытовая / и профессионально-производственная / и социально-культурная сфера // **Дело в том / что** я не могу сказать что я ограничиваю / не беру все другие сферы / которые выделяет скажем Скалкин / там восемь сфер общения / это просто некоторое обобщение / **Дело в том что** все сферы которые выделяет Скалкин скажем / сфера игр и развлечений <…> они у меня входят / э в обиходно… э бытовую сферу общения* (обсуждение диссертации).

Выше мы уже упоминали о диффузности предикатов оценки *нормально* и *ничего*. В материалах устных научных диалогов часто встречается дискурсив *хорошо*, который также отличается диффузностью значения. Его общеоценочное значение в некоторых ситуациях практически полностью утрачивается, и он функционирует только в качестве фатического сигнала приема сообщения, как своеобразный вариант поддакивания, как «универсальный показатель речевого жанра согласия, положительного ответа» или как «выражение готовности говорящего сделать определенное допущение, предположение» [28. С. 149]. *Хорошо* используется и как сигнал перехода к другой теме, началу нового сообщения. Доказательством диффузности этого дискурсива могут служить ситуации, когда в диалоге обсуждается что-то негативное или даже трагическое, на что никак нельзя прореагировать с помощью *хорошо*. Тем не менее *хорошо* встречается и в таких случаях и расценивается нами исключительно как дискурсив, регулирующий речевой контакт – сигнал обратной связи. Как нам кажется, этот дискурсив утрачивает значение положительной оценки содержания речи и переносит ее с содержания речи на саму речь или речевой контакт. То есть здесь наблюдается определенное смещение вектора оценки в связи со сменой объекта оценки. Кроме того, в этом дискурсиве происходит смешение функций организационных (завершение одной темы и переход к другой) и регулятивно-оценочных, что также является проявлением диффузности. Приведем примеры употребления *хорошо* из диалогической научной речи:

В. *Вот я сегодня как раз говорила с С. что мы / все / за функциональную грамматику / но мы ее понимаем / очень по-разному /*

Б. ***Хорошо** / Тогда я включаюсь / опять / и говорю [нрзбрч.] // Хорошо? // И вот то что мы щас пишем // чтоб было понятно //*

А. ***Очень хорошо** / Произнесем тронные речи /*

*Б. **Хорошо** / Произнесем тронную речь / Значит тезис первый* (заседание коллектива сектора).

Еще более популярным, чем русское *хорошо,* является английский дискурсив *okay*. Он также в большинстве случаев десемантизирован и выступает в качестве фатического сигнала вовлеченности слушающего в процесс коммуникации, а также служит для слушающего отправной точкой для его следующего высказывания. Приведем фрагмент из интервью с ученым:

Журналист: ***Okay**, your position now, what are <…> your responsibilities?*

Ученый: *Contracting Officer Technical Representative on potential avuan projects <…> Very similar duties and responsibilities as when I worked in Alaska.*

Журналист: ***Okay**, when you worked in Alaska, what was your title?*

Ученый: *Wildlife Biologist.*

Журналист**: *Okay,** so let's go into your work with the bowheaded whale migration surveys.*

Ученый: *Right.*

Как видим, журналист каждую свою реплику начинает с дискурсива *okay*, будто каждый раз отмечая этим словом новую ступень в разговоре. *Okay* так же, как русский дискурсив *хорошо*, сочетает в себе организационные и регулятивные признаки.

В монологическом дискурсе *okay* может служить сигналом новой мысли или сигналом вывода в связи с внутренними противоречивыми размышлениями говорящего. Пример такого употребления из лекции по литературе: *Two ideas of childhood here the one we're looking at is evangelical / it has to do with a particular idea about religion / and spiritual status / where the child is posited / as not innocent / as fallen already / So the child / has to aspire / to spiritual redemption it has to be saved / **okay** so this is not a vision of a child who is innocent / this is an idea of childhood / that it is fallen.*

Такими же семантически размытыми оказываются и другие весьма частотные английские дискурсивы: *right, well, so, you know, sort of, like*. Последние два маркера выступают как сигналы снижения категоричности, выражения приблизительности, неточности, как, например, в следующей реплике ученого из интервью: *And I said I would **sort of** revisit that, and he ended up publishing that **like** a year later **or something***. Оборот *or something* также выступает маркером неточности. Чаще эти дискурсивы встречаются в неформальной речи [29, 30].

Дискурсив *like* привлекает особое внимание лингвистов как раз в связи с его ярко выраженной диффузностью. Современные словари определяют значение *like*, употребленного в качестве дискурсива, следующим образом: 1) заполнитель паузы (*The water was, **like,** really cold*); 2) маркер чужой речи (*I asked Dave if he wanted to go, and he's **like**, no way*!); 3) сигнал для описания чего-либо, что трудно описать, или когда вместо описания используются междометия (*She was **like**, huh?(= she did not understand*)) [31]. Кроме того, *like* используется просто как акцентив (*He was, **like**, gorgeous*), а также для создания эффекта извинения,

некатегоричности, неловкости (*I need to,* ***like****, borrow some money)* [http://www.merriam-webster.com/dictionary/like].

Исследователи отмечают, что частое *like* является маркером так называемой «гламурной» речи и используется, наряду с другими «модными» проявлениями, такими как вопросительная интонация в утвердительных высказываниях (uptalk) и особая «скрипящая» гортанная артикуляция финальных гласных (vocal fry), в основном молодыми людьми и подростками для обозначения своей принадлежности к особому социальному кругу, является маркером солидарности и частью «модного» поведения. Зародилась эта мода в начале 2000-х гг. в Калифорнии (США), но сейчас распространилась и в Великобритании. Причем если сначала эти явления были типичны только для молодых девушек, то сейчас они регистрируются в речи молодых мужчин даже чаще, чем у женщин [32–34]. Лингвисты полагают, что те, кто часто использует в речи *like*, выглядят более привлекательными, жизнерадостными, дружелюбными, успешными, но в то же время и менее образованными, умными и интересными [29, 35].

Английские дискурсивы *right, well, so, you know, sort of, like, I mean, I guess* используются в самых различных ситуациях – они смягчают, снижают авторитарность и категоричность сказанного, связывают части высказывания, являются сигналом «активного и кооперативного слушания» [36. С. 222], заполняют паузы хезитации и служат средством плавного вступления в разговор, выражают неуверенность и сомнение и т.д. Важно, что, будучи очень частотными словами, некоторые из этих дискурсивов (например, *now* и *so*), даже при своем избыточном употреблении не создают впечатления слов-паразитов, не оцениваются носителями языка негативно [35]. Эти и многие другие дискурсивы воспринимаются как абсолютно органичный и естественный компонент спонтанной речи, как истинные слова-помощники, без которых речь иностранцев, например, кажется англичанам и американцам сухой, напряженной, грубой и категоричной. Низкий уровень категоричности речи и даже некоторая ее намеренная уклончивость считаются в англоязычной культуре признаком хорошего тона, вежливости, заботы об адресате и в целом тем, к чему должен стремиться хороший оратор [36]. Что касается *like*, то оно расценивается как слово, засоряющее речь, и многие американские родители, например, делают своим детям замечания в связи с частым использованием ими этого слова-паразита [34]. Избыточное присутствие в речи *you know, I mean, I guess* также вызывает отрицательную реакцию носителей английского языка [35].

Интересно, что среди изучающих английский язык бытует мнение, что для того, чтобы суметь принять участие в беседе с носителем языка, достаточно просто выучить несколько дискурсивных маркеров типа *okay, well, right*.

Итак, как показал наш материал, для многих частотных русских и английских дискурсивных слов нечеткость и расплывчатость значений является типичным признаком. Появлению и проявлению диффузности во многом способствует отсутствие или ослабление у дискурсивов денотативного значения. Некоторые дискурсивы-диффузы (*хорошо; на самом деле; дело в том, что; okay; like; I mean* и др.) отличаются широким набором дискурсивных функций. Диффузный характер значения других дискурсивов (*на самом деле, собственно говоря, скажем, like, you know*) приводит к слишком частому и неуместному их употреблению, а следовательно, и превращению в слова-паразиты. Хотя этот процесс, вероятно, нельзя считать односторонним: возможно и обратное влияние – чрезмерное употребление влечет за собой размывание и нечеткость значения, так как то, что употребляется слишком часто, теряет и значимость, и значение.

Бóльшую часть диффузных дискурсивов в нашем материале можно определить как тяготеющую к хезитативной функции в сочетании с акцентирующей; таково функционирование дискурсивов *на самом деле; собственно говоря; дело в том, что; скажем; you know; I mean; I guess, so, now, like, sort of, well*. Дискурсивы *хорошо, okay, right* сочетают функции оценки речи, организации речевого контакта и выражения согласия.

Привлечение к анализу материалов двух сфер общения – науки и СМИ – показало, что в целом диффузы чаще встречаются в массмедийной коммуникации, а именно в устной речи, звучащей по телевидению. В научном дискурсе встречаются диффузы, типичные именно для данного стиля – *дело в том, что; собственно говоря; скажем*. Однако злоупотреблений диффузами здесь не наблюдается. Следует заметить, что речь чаще всего идет именно о диффузности (размытости) значений и функций, а не об их синкретизме (одновременном выражении двух или трех) или полисемии (четком выражении каждого/ой в разных контекстах). При этом чаще злоупотребление диффузными дискурсивами наблюдается в речи, по терминологии Г.П. Нещименко, пользователей, а не носителей языка, хотя встречается и в устной речи журналистов, казалось бы, обязанных быть не только пользователями [37].

В заключение отметим, что, употребляя диффузную лексику, человек не тратит время и умственные усилия на поиск точного слова. В некоторых случаях использование диффузов не вредит коммуникации. Конечно, далеко не все дискурсивы диффузны, но пугает диффузность как раз самых употребительных, так как в большинстве случаев лингвисты видят в диффузности небрежность по отношению как к языку, так и к собеседнику (читателю), т.е. низкий уровень речевой компетентности. Такая диффузность влечет за собой риск обеднения языковой системы: нельзя допустить того, чтобы в языке преобладали «расплывчатость и бесформенность» («vague and formless») [10, 12, 13, 34].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дискурсивные* слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М. : Азбуковник, 2003. 206 с.
2. *Дискурсивные* слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. 446 с.

3. *Викторова Е.Ю.* Вспомогательные коммуникативные единицы в политическом дискурсе: проблемы перевода (на материале русского и английского языков) // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 4. С. 40–48.
4. *Викторова Е.Ю.* Лингвокультурное своеобразие вспомогательных коммуникативных единиц в политическом дискурсе (на материале русского и английского языков) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 3 (19). С. 91–97.
5. *Викторова Е.Ю.* Роль количественного подхода в изучении функционирования дискурсивных слов // Филология и человек. 2013. № 4. С. 34–46.
6. *Современная* русская устная научная речь. Т. IV : Тексты / под ред. О.А. Лаптевой. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 376 с.
7. *Шкапенко Т.М.* Семантическая диффузность в двуязычном аспекте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 8. С. 42–47.
8. *Шмелев Д.Н.* Полисемия // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 382.
9. *Зимина Н.В.* К вопросу о диффузности семантики номинаций средней оценки (на примере ряда разговорных лексических единиц русского и немецкого языков) // Грани познания (электронный журнал). Июнь 2011. № 2 (12). URL: http://www.grani.ru/files/publics/1311758017.pdf (дата обращения: 12.12.13).
10. *Сиротинина О.Б.* Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. Вып. 12. С. 5–13.
11. *Ганеев Б.Т.* Первоначальная энантиосемия и диффузность в языке // Вестник Омского госуниверситета. 2003. № 4. С. 9–14.
12. *Сиротинина О.Б.* Коммуникация: социальные и профессиональные риски ее срыва и его негативных последствий // Научное обозрение: Гуманитарные исследования. 2012. № 1. С. 132–137.
13. *Сиротинина О.Б.* Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2013. 116 с.
14. *Жуков А.В., Жуков К.А.* Семантика неопределенности (О словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) // Вестник Новгородского госуниверситета. 2003. № 25. С. 106–110.
15. *Петрова Л.А.* Смысловая диффузность идиоглоссы в концептуальном пространстве художественного текста // Филология и человек. 2013. № 3. С. 140–147.
16. *Роббек Л.В.* К вопросу о лексико-семантической диффузности (лингвофольклористический аспект) // Филология и человек. 2013. № 3. С. 15–24.
17. *Янко Т.Е.* Интонация речевых действий. Многозначность или диффузность значений? URL: http:// www.iling-ran.ru/yanko/intonatsia_rechevyx_deistviy.pdf (дата обращения: 12.12.13).
18. *Чернышева А.Ю.* Грамматические показатели русской ментальности // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 279–282.
19. *Кормилицына М.А.* Качество передаваемой в печатных СМИ информации как фактор социальных рисков // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. Вып. 12. С. 13–25.
20. *Кормилицына М.А.* Неопределенность как один из распространенных в современной прессе способов подачи информации // Известия Саратов. университетата. 2009. Т. 9, вып. 3. С. 70–73.
21. *Апресян Ю.Д.* О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1971. Т. XXX, вып. 6. С. 509–523.
22. *Северская О.И.* Слова-паразиты как бы, на самом деле и достаточно // Наука и жизнь. 2004. № 5. URL: http://www.nkj.ru/archive/articles/3530/ (дата обращения: 15.01.2014).
23. *Словарь* наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. М. : Русский язык – Медиа ; Дрофа, 2010. 750 с.
24. *Борисова Е.Г.* Роль дискурсивных слов в управлении пониманием текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). М. : Изд-во РГГУ, 2012. Т. 1, вып. 11 (18). С. 93–102.
25. *Кронгауз М.А.* Вот как-то так на самом деле // Наука и технология России (25.03.2010). URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=28737#.UtbKZtJdWuI (дата обращения: 15.01.2014).
26. *Богданова Н.В.* О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). М. : Изд-во РГГУ, 2012. Т. 1, вып. 11 (18). С. 71–80.
27. *Исаченко О.М.* Дискурсивные маркеры реальности : семантика достоверности // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 2 : Филология. С. 25–33.
28. *Шерстяных И.В.* Дискурсивное слово «хорошо» и его функции в современном русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 21 (275). Филология. Искусствоведение. Вып. 68. С. 146–152.
29. *Dailey-O'Cain J.* The sociolinguistic distribution of and attitudes toward focuser *like* and quotative *like* // Journal of Sociolinguistics. 2000. № 4 (1). P. 60–80.
30. *Ajmer K.* English Discourse Particles. Evidence from a Corpus. Amsterdam : John Benjamins Publ. Company, 2002. 299 p.
31. *Longman* Exams Dictionary. Pearson Education Limited, 2006. 1833 p.
32. Winterman D. Teen slang: What's, like, so wrong with like? URL: http://www.bbc.co.uk/news/magazine-11426737 (дата обращения: 12.12.13).
33. *Quenqua D.* They're, Like, Way Ahead of the Linguistic Currrrve. URL: http://www.nytimes.com/2012/02/28/science/young-women-often-trendsetters-in-vocal-patterns.html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 12.12.13).
34. *Lewandowski T.* Uptalk, Vocal Fry and, Like, Totally Slang: Assessing Stylistic Trends in American Speech // Stylistyka. 2012. № XXI. P. 209–219.
35. *Buchstaller I.* Social stereotypes, personality traits and regional perceptions displaced : Attitudes towards the 'new' quotatives in the UK // Journal of Sociolinguistics. 2006. № 10(3). P. 362–381.
36. *Carter R., McCarthy M.* Cambridge Grammar of English. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 973 p.
37. *Нещименко Г.П.* Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 98–132.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 апреля 2014 г.

FUNCTIONING OF DISCOURSE MARKERS WITH INDEFINITE MEANING

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 27-34. DOI: 10.17223/15617793/383/4

Viktorova Elena Yu. Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: helena_v@inbox.ru

Keywords: discourse markers; indefiniteness; the Russian language; the English language; academic discourse; mass-media discourse; desemantization.

The article presents the research of most frequently used discourse markers which possess semantic indefiniteness. Discourse markers are interpreted as auxiliary language means which help communicators during the processes of discourse generation, actualization and perception. The research is based on Russian and English academic and mass-media speech, the materials of the National Russian Corpus and the personal card-catalogue of the author. Discourse markers belong to different parts of speech, although they may be combined into one word class on the basis of their mutual functions connected with communication management and organization. We regard discourse markers as the units of a pragmatic level which may have different meaning and structure and are characterized by the

deficient denotative meaning. The semantic structure of discourse markers is, on the one hand, vague and indistinct, but, on the other hand, combined and synthetic. Indefiniteness of discourse markers is studied in linguo-theoretical and orthological aspects and is defined as indiscreteness of their meanings; therefore these words acquire rather broad usage. Inexact and vague meanings are a result of their full or partial desemantization. The article analyses the indefinite character of the following discourse markers: *dostatochno; na samom dele; sobstvenno govorya; delo v tom, chto; khorosho, okay, like, right, well, so, you know, sort of, like, I mean.* One group of discourse markers with indefinite meanings (*khorosho; na samom dele; delo v tom, chto; okay; like; I mean* and others) demonstrate a broad variety of functions. Indefiniteness of meaning of other discourse markers results in their too frequent and inappropriate use and, therefore, they turn into junk words. However, the opposite tendency is also possible: abundant use leads to desemantization and indefiniteness of meaning, because what is used too often loses both its importance and its meaning. Many discourse markers (for example, *na samom dele*) acquired indefinite meanings because they became fashionable in usage: their abundant use brought about the loss of their original meaning. Indefiniteness is a characteristic feature of many discourse markers both in English and Russian. Using words with indefinite meaning, a speaker saves time and mental efforts to find the exact word. In some cases usage of such words does not do any harm to communication and even is the only possible means of nomination in each case of their occurrence. However, in most cases linguists regard indefiniteness as an expression of carelessness towards the language and the conversation partner (reader), that is the low level of speech competence. Such indefiniteness results in the risk of the deterioration of the language system.

REFERENCES

1. Kiseleva K., Paillard D. (eds.) *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Discourse Russian words: context variation and semantic unity]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2003. 206 p.
2. Kiseleva K., Paillard D. (eds.) *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive Russian words: the experience of context-semantic description]. Moscow: Metatekst Publ., 1998. 446 p.
3. Viktorova E.Yu. Vspomogatel'nye kommunikativnye edinitsy v politicheskom diskurse: problemy perevoda (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Auxiliary communicative units in political discourse: the problems of translation (based on the Russian and English languages)]. *Izvestiya Saratovskogo unversiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2010, vol. 10, iisue 4, pp. 40-48.
4. Viktorova E.Yu. Lingvokul'turnoe svoeobrazie vspomogatel'nykh kommunikativnykh edinits v politicheskom diskurse (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Linguistic and cultural distinctiveness auxiliary communicative units in political discourse (on the material of Russian and English languages)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 2011, no. 3 (19), pp. 91-97.
5. Viktorova E.Yu. Rol' kolichestvennogo podkhoda v izuchenii funktsionirovaniya diskursivnykh slov [The role of quantitative approach to the study of discourse words functioning]. *Filologiya i chelovek*, 2013, no. 4, pp. 34-46.
6. Lapteva O.A. (ed.) *Sovremennaya russkaya ustnaya nauchnaya rech'* [Contemporary Russian oral scientific speech]. Moscow: Editorial URSS Publ., 1999. Vol. 4, 376 p.
7. Shkapenko T.M. Semantic diffusion: the bilingual aspect. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta,* 2012, issue 8, pp. 42-47.
8. Shmelev D.N. *Polisemiya* [Polysemy]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, p. 382.
9. Zimina N.V. K voprosu o diffuznosti semantiki nominatsiy sredney otsenki (na primere ryada razgovornykh leksicheskikh edinits russkogo i nemetskogo yazykov) [On the diffuseness of average assessment nomination semantics (by example of Russian and German conversational lexical units)]. *Grani poznaniya*, 2011, no. 2. Available at: www.grani.ru/files/publics/1311758017.pdf. (Accessed: 12th December 2013).
10. Sirotinina O.B. *Obshchenie v zone riskov i tendentsiya k diffuznosti znacheniy* [Communication in the area of risk and the tendency to diffuseness of meanings]. In: *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of speech communication]. Saratov: Saratov University Publ., 2012, issue 12, pp. 5-13.
11. Ganeev B.T. Pervonachal'naya enantiosemiya i diffuznost' v yazyke [Initial enantiosemy and diffusivity in the language]. *Vestnik Omskogo gosuniversiteta – Communications of Omsk University*, 2003, no. 4, pp. 9-14.
12. Sirotinina O.B. Communication: social and professional risks of disruption and its negative consequences. *Nauchnoe obozrenie: Gumanitarnye issledovaniya - Science review: humanities research*, 2012, no. 1, pp. 132-137. (In Russian).
13. Sirotinina O.B. Russkiy yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski [Russian language: system, language usage and risks they create]. Saratov: Saratov University Publ., 2013. 116 p.
14. Zhukov A.V., Zhukov K.A. Semantika neopredelennosti (O slovakh i frazeologizmakh s razmytym i shirokim znacheniem) [Semantics of uncertainty (about words and collocations with blurred and broad semantics)]. *Vestnik Novgorodskogo gosuniversiteta Vestnik of Yaroslav The Wise Novgorod State University*, 2003, no. 25, pp. 106-110.
15. Petrova L.A. Smyslovaya diffuznost' idioglossy v kontseptual'nom prostranstve khudozhestvennogo teksta [Semantic diffuseness of an idiogloss in the conceptual space of fiction]. *Filologiya i chelovek*, 2013, no. 3, pp. 140-147.
16. Robbek L.V. K voprosu o leksiko-semanticheskoy diffuznosti (lingvofol'kloristicheskiy aspekt) [On the lexical-semantic diffuseness (linguistic-folklore aspect)]. *Filologiya i chelovek*, 2013, no. 3, pp. 15-24.
17. Yanko T.E. *Intonatsiya rechevykh deystviy. Mnogoznachnost' ili diffuznost' znacheniy?* [Intonation of speech acts. Polysemy or diffusivity of meanings?]. Available at: http://iling-ran.ru/yanko/intonatsia_rechevyx_deistviy.pdf. (Accessed: 12th December 2013).
18. Chernysheva A.Yu. *Grammaticheskie pokazateli russkoy mental'nosti* [Grammatical markers of Russian mentality]. In: *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Lingvokul'turologicheskiy aspect* [Russian and Comparative Philology: linguoculturological aspect]. Kazan, 2004, pp. 279-282.
19. Kormilitsyna M.A. [Quality of the transmitted information in the print media as a factor of social risks]. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of speech communication], 2012, issue 12, pp. 13-25. (In Russian).
20. Kormilitsyna M.A. Neopredelennost' kak odin iz rasprostranennykh v sovremennoy presse sposobov podachi informatsii [Uncertainty as one of the most common ways of presenting information in modern press]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 2009, vol. 9, issue 3, pp. 70-73.

21. Apresyan Yu.D. O regulyarnoy mnogoznachnosti [On regular polysemy]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*, 1971, vol. 30, issue 6, pp. 509-523.
22. Severskaya O.I. Slova-parazity kak by, na samom dele i dostatochno [Fillers 'kak by', 'na samom dele' and 'dostatochno']. *Nauka i zhizn'*, 2004, no 5. Available at: http://www.nkj.ru/archive/articles/3530/. (Accessed: 15th January 2014).
23. *Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of adverbs and function words of Russian]. Moscow: Russkiy yazyk – Media; Drofa Publ., 2010. 750 p.
24. Borisova E.G. Rol' diskursivnykh slov v upravlenii ponimaniem teksta [Discursive role in the management of understanding the words of the text]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies], Moscow: Russian State Humanitarian University Publ., 2012, issue 11 (18), vol. 1, pp. 93-102.
25. Krongauz M.A. Vot kak-to tak na samom dele [This is pretty much the way]. *Nauka i tekhnologiya Rossii,* 25th March 2010. Available at: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId= 222&d_no=28737#.UtbKZtJdWuI. (Accessed: 15th January 2014).
26. Bogdanova N.V. O proekte slovarya diskursivnykh edinits russkoy rechi (na korpusnom materiale) [On the project of a dictionary of Russian discursive units of speech (on the National Corpus material)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies], Moscow: Russian State Humanitarian University Publ., 2012, issue 11 (18), vol. 1, pp. 71-80.
27. Isachenko O.M. Diskursivnye markery real'nosti : semantika dostovernosti [Discursive markers of reality: authenticity semantics]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, issue 2, pp. 25-33.
28. Sherstyanykh I.V. The discourse word "well" and its functions in modern Russian. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 2012, no. 21 (275), issue 68, pp. 146-152.
29. Dailey-O'Cain J. The sociolinguistic distribution of and attitudes toward focuser like and quotative like. *Journal of Sociolinguistics*, 2000, no. 4 (1), pp. 60-80.
30. Ajmer K. *English Discourse Particles. Evidence from a Corpus*. Amsterdam: John Benjamins Publ. Company, 2002. 299 p.
31. *Longman Exams Dictionary*. Pearson Education Limited, 2006. 1833 p.
32. Winterman D. Teen slang: *What's, like, so wrong with like?* Available at: http://www.bbc.co.uk/news/magazine-11426737. (Accessed: 12th Defcember 2013).
33. Quenqua D. *They're, Like, Way Ahead of the Linguistic Currrrve*. Available at: http://www.nytimes.com/2012/02/28/science/young-women-often-trendsetters-in-vocal-patterns.html?pagewanted=all&_r=0. (Accessed: 12th December 2013).
34. Lewandowski T. Uptalk, Vocal Fry and, Like, Totally Slang: Assessing Stylistic Trends in American Speech, *Stylistyka*, 2012, XXI, pp. 209-219.
35. Buchstaller I. Social stereotypes, personality traits and regional perceptions displaced : Attitudes towards the 'new' quotatives in the UK. *Journal of Sociolinguistics*, 2006, no. 10(3), pp. 362-381.
36. Carter R., McCarthy M. *Cambridge Grammar of English*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 973 p.
37. Neshchimenko G.P. Dinamika rechevogo standarta sovremennoy publichnoy verbal'noy kommunikatsii : Problemy. Tendentsii razvitiya [Dynamics of speech standard of modern public verbal communication. Problems. Development trends]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2001, no. 1, pp. 98-132.

Received: April 18, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 35–41 DOI: 10.17223/15617793/383/5

УДК 811.161.14:34

М.Е. Воробьева

ОППОЗИЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО И ОБЫДЕННОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА (ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Рассматривается специфика официального и обыденного толкования права в лингвокогнитивном аспекте (с позиции лингвистического интерпретационизма). В качестве основополагающей черты обыденного толкования признается вариативность понимания и интерпретации смысла правовых текстов и терминов как их компонентов, обусловленная объективными языковыми факторами и индивидуально-психологическими особенностями реципиента. Официальное толкование строится на преодолении вариативности толкования как проявления его субъективности. Данная оппозиция является предметом обсуждения в настоящей статье и определяет логику ее построения. Исследование осуществляется на материале юридических и юрислингвистических работ и экспериментальных данных.

Ключевые слова: толкование права; официальное толкование; неофициальное толкование; обыденное толкование; юридический язык; юридические термины.

Объектом настоящей статьи является толкование права, воплощенного в различных языковых формах. Говоря о толковании права, мы имеем в виду прежде всего толкование правового текста (а именно текста закона) и отдельных его элементов (юридических терминов). Правовой текст является «коммуникативно-познавательной единицей, без которой право существовать не может» [1]. Право «немыслимо вне текста закона, образом существования его является проговаривание, интерпретация смыслов этого текста» [2. С. 11].

При интерпретации текста неизбежно возникает проблема толкования отдельных слов, прежде всего – ключевых слов, на которых базируется восприятие текста. Для правового текста такими ключевыми словами являются юридические термины – основной наиболее информационный пласт лексики языка законодательства, отражающий сущность правовых явлений и процессов.

В качестве главного параметра противопоставления официального и обыденного толкования принимается параметр вариативности-единственности толкования. Основная проблема связана с тем обстоятельством, что данный параметр в юридической (и отчасти лингвистической) литературе избирательно относится к полюсам оппозиции – официальное толкование строится в основном на постулате однозначности результатов толкования как его идеале, обыденное толкование в этом плане чаще всего прямо или косвенно трактуется как неидеальное, некачественное, периферийное. В статье предпринимается попытка снять с обыденного толкования и субъективно-множественного способа его существования негативные оценки, представить его в объективистском модусе.

1. О понятии «толкование права». Толкование права является одной из наиболее древних и традиционных проблем юридической науки. В общем виде толкование права – это «особый вид деятельности государственных органов, различных организаций и отдельных граждан, направленный на уяснение и разъяснение смысла и содержания общеобязательной воли законодателя, выраженной в норме права» [3. С. 626].

Разработке данной проблемы посвящены работы таких теоретиков права, как С.С. Алексеев, Н.Н. Вопленко, А.С. Пиголкин, В.В. Лазарев, А.Ф. Черданцев и др. Однако исследованию в этих работах подвергалась в основном та часть проблемы толкования текста закона, которая связана с официальным толкованием и властной деятельностью субъектов праворазъяснительной работы. Неофициальное же толкование до сих пор зачастую выпадает из поля зрения исследователей. Особенно это касается обыденного толкования, которое, по существу, остается неисследованным. Имеются лишь отдельные замечания о нем. Так, в работе С.С. Алексеева «Общая теория права» неофициальному толкованию права уделено несколько строк, имеющих общий характер: «Влияние неофициального толкования на правовое регулирование зависит главным образом от его правильности и убедительности (компетентности). Оно должно быть отграничено от того, что названо обыденным толкованием – уяснением юридических норм в житейской практике, в повседневной жизни. Обыденное толкование не представляет собой какого-либо специфического правового явления: оно является составной частью массового правосознания» [4. С. 85].

В учебном пособии Л.В. Соцуро «Неофициальное толкование норм права» один из разделов посвящен социальной и юридической природе обыденного толкования, его основным чертам, формам, функциям [5]. Исследование языковых особенностей толкования в работе отсутствует.

Официальное и неофициальное толкование выделяется в зависимости от юридических последствий, наступивших в результате толкования правовой нормы.

Под официальным толкованием понимается «разъяснение смысла норм права, исходящее от государственно-властного органа и имеющее обязательный характер для всех субъектов, чьи взаимоотношения регулируются разъясняемой нормой» [6. С. 54]. Официальное толкование ориентировано прежде всего на максимальную однозначность толкования воли законодателя, оформленной посредством текста правового акта, оно не учитывает особенности восприятия и толкования норм права рядовыми реципиентами.

Неофициальное толкование предполагает «такое разъяснение смысла права, которое осуществлено не уполномоченными специально на это органами и лицами и не имеет обязательного характера, т.е. не обладает юридической силой» [Там же. С. 58]. В отличие от официального толкования, неофициальному толкованию

присуща вариативность понимания и интерпретации смысла правовых текстов. Данная особенность характерна в первую очередь для такой разновидности неофициального толкования, как обыденное толкование.

Обыденное толкование – «правовое явление, выражающее правовые чувства, эмоции, представления, переживания, оценочные и иные суждения, происходящие в сфере психики граждан в связи с исполнением прав и обязанностей, отношения к праву в целом и к конкретному закону или иному нормативному правовому акту в частности» [5. С. 112]. В обыденном толковании текста законов рядовыми гражданами особенно значимо проявляются ограниченные возможности стратегии, ориентированной на однозначность понимания.

Еще раз подчеркнем, что осмысление оппозиции официального и обыденного толкования права начинают именно ученые-юристы. В центре их внимания – юридическая основа данных видов толкования, языковые же особенности не являются непосредственным предметом изучения.

2. Конфликт интерпретаций как основа оппозиции официального и обыденного толкования права. Основной конфликт интерпретаций законодателя и рядового законопослушного гражданина состоит в том, что законодатель изначально стремится к максимальной однозначности текста, а рядовой носитель языка может усмотреть несколько достаточно обоснованных вариантов толкования. Как отмечает Н.Д. Голев, «...обыденное языковое сознание не может действовать иначе, чем в режиме субъективной интерпретации, мягкой семантизации и приблизительного отождествления. Для него ближе постмодернистское представление о множественности интерпретации как основном способе бытия истины, чем “аристотелевская формальная логика”, к которой склоняется логика юридическая» [7. С. 27]. Множественность интерпретации обусловлена одновременно объективными факторами – универсальными свойствами языка (динамичность, вариативность, асимметрия формы и значения и т.д.) – и индивидуально-психологическими особенностями реципиента, активным и креативным характером его рецептивной деятельности.

В процессе интерпретации рядовой носитель языка имеет дело с функциональной юридической разновидностью русского языка как самостоятельной подсистемой. Юридический язык не может быть переведен на обыденный русский язык элементарным способом – путем имеющихся в обыденном сознании стихийно сформированных кодов. Как и другие феномены языко-правовой зоны, юридический язык обладает специфическим качеством, не выводимым в полной мере из литературного субстрата [8. С. 39]. Особое качество юридического языка обусловлено тем, что антиномическое бытие естественного языка, стихийность законов его существования, полевое устройство семантики языковых единиц вступают в противоречие с предписательным императивом юридических текстов и жесткой семантизацией языковых единиц, используемых в юридической речи. Это приводит к тому, что понимание правовых норм рядовыми носителями языка не всегда соответствует правовой идее, заложенной законодателем в тексте закона, вследствие чего возникает потенциал коммуникативной неудачи.

Юридические тексты, конструкции, термины, составляющие содержание юридического языка, также являются амбивалентными. С одной стороны, они представляют собой продолжение естественного языка и не могут не быть таковыми, поскольку закон обращен к рядовым гражданам и призван регулировать их социальное поведение. С другой стороны, они имеют узко специализированное содержание, предназначенное для специалистов, поскольку вытекают из системы права, юридических презумпций. Особенно актуализируется амбивалентность такого рода, когда юридический текст и термин как его компонент объединяют одновременно специальные и обыденные смысловые компоненты. Совпадение широко используемых общенародных слов со специальными терминами вызывает трудности их практического понимания рядовыми носителями языка, так как представления, присущие обыденному сознанию, неоднозначно сопрягаются со специализированными презумпциями. В связи с этим возникает вопрос о глубине различий семантики «естественного» слова и этого же слова в качестве юридического термина.

3. Юридические термины в аспекте единственности-множественности интерпретации. Юридические термины – «элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [3. С. 782]. Юридические термины, языковые по сути, являются опорными точками в процессе познания правовых явлений, представляя собой «основной, наиболее информационный пласт лексики языка законодательства, способствующий точному и ясному формированию правовых предписаний, достижению максимальной лаконичности юридического текста» [9. С. 7].

Терминологизация общелитературных слов происходит двумя способами:

1) моносемичное слово литературного языка становится основой образования моносемичного термина с более глубоким и широким по содержанию значением (*преступление, наказание, бездействие*);

2) терминологическое значение развивается на основе одного из значений полисемичного слова также путем расширения и углубления его содержания (слово *покушение* в современных толковых словарях имеет четыре значения: 1) попытка совершить что-либо недозволенное, незаконное; 2) попытка присвоить что-нибудь, завладеть чем-нибудь, не имея на это права; 3) попытка лишить жизни; 4) попытаться использовать кого-нибудь / что-нибудь, занять, привлечь к делу (шутл.) [10–12]. В юридическом словаре *покушение* – это «умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам») [3. С. 440].

По мнению Р.А. Ромашова, совпадение юридического термина с общенародным словом «лишь усугубляет трудности практического понимания рядовыми носителями языка юридических текстов, так как оно может создавать лишь иллюзию понятности» [13. С. 55].

Н.Г. Михайловская также отмечает, что «употребление лексических единиц, преимущественно харак-

терных для определенных функциональных разновидностей, в многообразных подсистемах литературного и, шире, национального языка неизбежно связано с различной реализацией их семантического потенциала» [14. С. 110].

Множественность интерпретационных результатов, вытекающая из субъективности процессов интерпретации терминов (в частности юридических), является ключевым проявлением стихийности естественного языка. Н.Д. Голев подчеркивает, что «термины создаются по законам естественного языка, входят в узус по законам его стихийного функционирования, употребляются и интерпретируются в речемыслительной деятельности так же, как слова в обычном речеупотреблении» [15. С. 6]. В результате интерпретации одно и то же содержание термина может быть репрезентировано в сознании реципиента с разной степенью полноты, точности и глубины, что зависит от ситуации, контекста, типов сознания и уровней подготовки субъекта интерпретации. При этом перлокутивный эффект реального функционирования юридических терминов в обыденном сознании носителей русского языка может существенно отличаться от авторских интенций – замысла законодателя.

С целью выявления реальных значений юридических терминов нами был проведен лингвистический эксперимент, в котором приняли участие 300 испытуемых – преимущественно студенты ФГБОУ ВПО «Кемеровский технологический институт пищевой промышленности» и ФГБОУ ВПО «Российский торгово-экономический университет». Испытуемым для интерпретации (толкования) были предложены термины Конституции Российской Федерации. Использование данных терминов в качестве стимульного материала обусловлено тем, что Конституция является основным законом Российской Федерации, имеющим высшую юридическую силу, применяющимся на всей территории государства, следовательно, понимание его смысла и содержания всеми гражданами является обязательным. Терминология Конституции – это общеправовая терминология, системно объединяющая термины, функционирующие во всех отраслях законодательства, выражая и обозначая понятия широкого обобщенного значения.

Мы не расшифровывали понятие «юридический термин», старались свести к минимуму и комментарии к заданиям, так как при подробном объяснении могли получить результаты, обусловленные во многом примерами, следовательно, не представляющие научной ценности. На предложенные слова-стимулы в целом было получено 3 000 реакций-ответов. Реакция могла быть выражена в виде слова в любой форме, в виде словосочетания или предложения, иногда использовались цифры, знаки, рисунки.

Лингвистический эксперимент включал два этапа: дефиниционный и ассоциативный. Коммуникативное задание в анкетах было сформулировано таким образом, чтобы предопределить использование определенной стратегии толкования. Так, в ходе дефиниционного эксперимента испытуемым были предложены анкеты, содержащие вопрос: какое значение имеют данные слова? Каждый участник эксперимента, получивший анкету со словами-стимулами, в течение 10–15 минут должен был заполнить ее, ответив на вопрос. В результате эксперимента было получено 1 500 реакций-ответов. Далее проводился семный анализ полученных толкований. В скобках указано количество студентов, которые отметили данные семы. Семы, выделенные при обыденном толковании, сопоставлялись с семами, зафиксированными в Большом словаре юридических терминов.

Анкеты для ассоциативного эксперимента содержали вопрос: какие ассоциации вызывают у Вас данные слова? Испытуемым не давалось никаких ограничений на словесные реакции. При этом учитывались только первые ассоциативные реакции как наиболее достоверные, так как остальные ассоциации могут быть уже ассоциациями не на слово-стимул, а на предыдущую реакцию. Время заполнения анкеты было ограничено 3 минутами. В результате эксперимента было получено 1 500 реакций-ответов. Синонимичные слова, варианты слова (например, закон – законы), включая синтаксические варианты, считаются разными реакциями, которые располагаются в порядке частотности (цифры – число реакций). Полученные ответы были упорядочены по полевому принципу – ядро, ближняя и дальняя периферия. Принадлежность к той или иной зоне определяется частотой употребления (яркостью) признака. В конце блока указаны итоговые цифры: общее число реакций, данных на слово-стимул; число разных ответов; число «отказов», т.е. количество испытуемых, оставивших стимул без ответа. Далее следовала семная интерпретация ассоциатов и полевый анализ полученных сем.

Например, *государство* как юридический термин имеет три значения: 1) в теории права – определенный способ организации общества, основной элемент политической системы, организация публичной политической власти, распространяющаяся на все общество, выступающая его официальным представителем и опирающаяся на средства и меры принуждения; 2) в конституционном праве – совокупность официальных органов власти, действующих в масштабе страны или субъекта Федерации с местными агентами этих органов; 3) в международном праве – основной участник международных отношений [3. С. 129].

В результате дефиниционного эксперимента выявлено, что под *государством* понимается: 1) страна (7); 2) определенная территория, имеющая границы (27), на ней проживает определенный народ (6) с правами и обязанностями (8), есть законы (4), лидер, руководитель (5), суверенитет (3), символика (2), органы власти (3).

1. Формирование ассоциативного поля слова-стимула *государство*.

Государство – власть 6, страна 6, президент 4, Россия 4, независимое 3, Путин 3, Родина 3, границы 2, держава 2, закон 2, гражданин 1, гражданство 1, древнерусское 1, защита 1, население 1, отдельное 1, политика 1, правительство 1, Российское 1, РФ 1, сильное 1, современное 1, территория 1, управление 1, язык 1; 50+25+0.

2. Семная интерпретация ассоциатов: а) территориально закрепленное объединение (страна 6, Россия 4, Родина 3, границы 2, держава 2, население 1, Россий-

ское 1, РФ 1, территория 1); б) исторически сложившееся (древнерусское 1, современное 1); в) имеющее аппарат управления (власть 6, президент 4, Путин 3, закон 2, политика 1, правительство 1, управление 1); г) обладающее суверенитетом (независимое 3, защита 1, отдельное 1, сильное 1); д) определяет статус человека как носителя прав (гражданин 1, гражданство 1); е) наличие государственного языка (язык 1).

3. Полевый анализ полученных сем.

Ядро семантики слова составляют семы а, в, ближнюю периферию – г, дальнюю – б, д, е.

Гражданство в юридическом смысле – «устойчивая правовая связь лица с конкретным государством: государство признает и гарантирует права и свободы человека, защищает и покровительствует ему за границей; в свою очередь гражданин безусловно соблюдает законы и предписания государства, выполняет установленные им обязанности» [3. С. 133].

Дефиниционный эксперимент показал следующие значения слова *гражданство*: 1) связь, принадлежность к определенной стране (24), государству (15) выражается в наличии у человека прав и обязанностей (9), дается в зависимости от места рождения (4) или проживания (9); 2) документ, который свидетельствует о принадлежности человека к государству (3); 3) часть общества со своей расой и языком (2).

1. Формирование ассоциативного поля слова-стимула *гражданство*.

Гражданство – российское 7, гражданин 4, принадлежность к какой-либо стране 4, государство 3, паспорт 3, иностранец 2, получить 2, права 2, РФ 2, беженец 1, виза 1, где проживаешь 1, где родился и живешь 1, гражданин всего мира 1, граница 1, дает право жить, где родился 1, дать 1, двойное 1, держава 1, дом родной 1, лишить 1, ответственность 1, правоспособность 1, путешествовать 1, родина 1, родители 1, страна 1, там, где проживаешь в данное время, не зависит от места рождения 1, штамп в паспорте 1, эмигрант 1; 50+30+0.

2. Семная интерпретация ассоциатов.

а) устойчивая связь человека с государством (российское 7, гражданин 4, принадлежность к какой-либо стране 4, государство 3, РФ 2, где проживаешь 1, держава 1, страна 1, там, где проживаешь в данное время, не зависит от места рождения 1); б) связь с местом рождения (где родился и живешь 1, дает право жить, где родился 1, дом родной 1, родина 1, родители 1); в) совокупность прав и обязанностей (права 2, ответственность 1, правоспособность 1); г) возможность взаимоотношений с другими государствами (паспорт 3, иностранец 2, беженец 1, виза 1, гражданин всего мира 1, граница 1, двойное 1, путешествовать 1, штамп в паспорте 1, эмигрант 1); д) действия по отношению к гражданству (получить 2, дать 1, лишить 1).

3. Полевый анализ полученных сем.

Ядро семантики слова составляет семы а, ближнюю периферию – г, дальнюю – б, в, д.

Слово *закон* в качестве юридического термина имеет два значения: 1) юридический акт, принятый высшим представительным органом государственной власти либо непосредственным волеизъявлением народа и регулирующий наиболее важные общественные отношения; 2) нормативные правовые акты в целом [3. С. 197].

Иначе понимается данное слово в обыденной речи: 1) нормативный акт (9), в котором зафиксированы права и обязанности граждан (2); 2) набор правил и норм (32), установленных государством (9), их нельзя нарушать (14), нарушение наказуемо (4); 3) рамки, из которых нельзя выходить (3); 4) социальная сеть юристов (1).

1. Формирование ассоциативного поля слова-стимула *закон*.

Закон – порядок 3, правила 3, законодательство 2, запрет 2, кодекс 2, право 2, суров 2, человек 2, акт 1, блюсти 1, законодатель 1, исполнение 1, конституция 1, наказание 1, написать 1, нарушение 1, нарушить 1, непорядок 1, норма 1, нормативный акт 1, обсудить 1, ограничение 1, ответственность 1, подписать 1, подчиняться 1, правовой акт 1, преступник 1, регулировать 1, свод законов 1, свод правил 1, сила 1, система 1, система права 1, соблюдать 1, статья 1, строгость 1, толкование 1, управлять 1, устанавливать 1, федеральный 1; 50+40+0.

2. Семная интерпретация ассоциатов: а) элемент системы права (право 2, законодательство 2, кодекс 2, суров 2, акт 1, законодатель 1, конституция 1, нормативный акт 1, правовой акт 1, свод законов 1, система 1, система права 1, статья 1, строгость 1, федеральный 1); б) закрепляющий нормы, правила поведения (правила 3, норма 1, свод правил 1); в) регулирующий общественные отношения (порядок 3, запрет 2, человек 2, блюсти 1, наказание 1, нарушение 1, нарушить 1, непорядок 1, ограничение 1, ответственность 1, подчиняться 1, преступник 1, регулировать 1, соблюдать 1, управлять 1, устанавливать 1); г) имеет ряд стадий функционирования (исполнение 1, написать 1, обсудить 1, подписать 1, толкование 1).

3. Полевый анализ полученных сем.

Ядро семантики слова составляют семы а, в, дальнюю периферию – б, г.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что обыденное толкование юридических терминов характеризуется множественностью вариантов интерпретации, которые далеко не всегда совпадают с их официальным вариантом. В обыденном толковании можно выделить следующие тенденции.

1. Понятия, функционирующие в общеупотребительном языке и являющиеся частью обыденного сознания, часто не совпадают с понятиями, употребляемыми в качестве юридических терминов. Например, «закон», «народ», «правосудие» как элементы лексической системы языка гораздо шире, чем юридические понятия. В то же время наблюдается обратная ситуация: понятия «государство», «гражданин», «собственность» в общеупотребительном языке у́же, нежели в юридическом смысле. Это ложно ориентирует рядового носителя языка, предполагающего, что он точно понимает общеупотребительные слова, являющиеся терминами.

2. Термины, однозначные с точки зрения юридического толкования, оказываются многозначными для рядового носителя языка (например, «гражданство», «законодательство», «правительство»).

3. Неразличение и подмена одного юридического понятия другим (Государственная дума – правительство – Совет Федерации – Федеральное собрание, во-

енное положение – чрезвычайное положение, право – свобода).

4. Многие семантические признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и наоборот, некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть периферийными, т.е. слабо отражаться или вообще не отражаться в сознании носителей языка.

Например, ключевые семы для обыденного значения термина «президент» – «управляет страной», «ему подчиняются партии, депутаты», «выбран народом», «действует в интересах народа», «является Верховным главнокомандующим» – отсутствуют в нормативном значении. Семы «признание верховенства конституции и законов», «политический плюрализм», «неотчуждаемость прав человека», являющиеся сущностными для лексикографического значения термина «демократия», в обыденном толковании не отражены.

5. Использование общеупотребительной конкретной лексики вместо абстрактной (человек – лицо, субъект).

6. Употребление видовых обозначений вместо родовых (дом – имущество).

7. Построение как полных дефиниций (гражданин – человек, который проживает на территории какой-либо страны), так и неполных дефиниций, содержащих указание на родовой компонент (гражданин – человек) и содержащих видовой компонент (гражданин – имеет паспорт).

8. Степень сложности формальной организации при обыденном толковании выше, чем при толковании, данном в словаре юридических терминов, так как используются развернутые синтаксические конструкции вместо синтетических форм (имущество человека, которым он может пользоваться и распоряжаться, – имущество, принадлежащее какому-либо субъекту на праве собственности).

Отметим также, что реальное значение юридических терминов, помимо основных, наиболее существенных отличительных черт предмета или явления, включает оценочную (закон – суров), энциклопедическую (гражданство – гражданин всего мира), утилитарную (закон – порядок), регулятивную (Конституция – надо знать всем) и социально-культурную (гражданин – Советского Союза) зоны.

Проведенные эксперименты показали, что набор обыденных метаязыковых дефиниций и ассоциативное поле одного и того же юридического термина имеют как зону пересечения, связанную с тем, что дефиниция и ассоциация являются формами экспликации содержания данного слова, так и зону расхождения, определяемую спецификой, вытекающей из разного акцентирования содержания.

Отсутствие четких границ между дефиниционной и ассоциативной стратегиями проявляется в том, что при ответе на вопрос о значении терминов в качестве второстепенной стратегии толкования выявлена ассоциативная стратегия (гражданство – российское), и наоборот, дефиниционная стратегия появляется при ответе на вопрос об ассоциации (гражданство – дает право жить, где родился).

Особенности названных выше стратегий и соответствующих форм репрезентации содержания юридических терминов заключается в следующем. Дефиниционная стратегия толкования слова направлена на установление соответствия содержания юридического термина отображаемой реальности. В процессе толкования происходит расчленение эксплицируемого содержания и перечисление его признаков. Все семантические компоненты, вошедшие в дефиницию каждого значения, априори считаются ядерными.

Противоположным линии усиления гносеологичности является тяготение к бессознательным формам экспликации содержания юридических терминов. Если ответы-дефиниции стремятся к понятийному статусу содержания, то ассоциации в большей степени связаны с чувственными формами мышления, их субстратной основой является целостный образ. Отличие понятия от представления состоит именно в форме и способе отражения признаков предмета и явления (расчлененное на признаки знание о предмете или нерасчлененная чувственно-наглядная форма), а не в том, какие признаки в них отражаются – существенные или несущественные. Ассоциативная стратегия направлена на соотнесение предмета с признаком, свойством, действием, но при использовании этой стратегии не предполагается актуализация дифференциальных признаков термина, каждый акт ассоциирования – целостный.

Дефиниционная стратегия ориентирована прежде всего на отражение определенных шаблонов, типовых ситуаций, известных большинству говорящих, ассоциативная стратегия, напротив, обращена к индивидуальным, субъективным представлениям (хотя в процессе ассоциирования тоже имеются стандарты).

Потенциал множественности интерпретации, наряду с другими факторами, обусловлен также и лингвоперсонологическим фактором – многообразием типов языковых личностей адресатов, их интенциональностью, особенностями применяемых ими интерпретационных стратегий.

Разнообразные стратегии интерпретации юридических терминов можно свести к двум основным принципам: холистическому и элементаристскому. Сторонники холистического принципа признают целостность воспринимаемого объекта как непременное условие отражения его качественного своеобразия. Процедура восприятия строится по принципу «сверху вниз». Элементаризм, напротив, предполагает восприятие «снизу вверх», смысл целого складывается из смысла составляющих его элементов. Н.Д. Голев отмечает, что «русское обыденное метаязыковое сознание скорее предпочитает холистизм – непосредственное обращение к сущности целого, элементаризм же – выведение целого из его компонентов – менее присущ русской метаязыковой ментальности» [16. С. 386].

4. Некоторые практические следствия исследования. Обобщая сказанное выше, отметим, что обыденное толкование существенно отличается от других способов реализации смысла правового текста. Юридические термины, составляющие основное содержание правовых текстов, характеризуются как смысловой вариативностью, так и множественностью форм репрезентации содержания, а также разнообразием стратегий толкования. Поэтому законодатель, выражая свою мысль в тексте закона, должен учитывать его реальное

понимание рядовыми реципиентами. Онтологическая сущность коммуникативного процесса – это не только реализация авторской интенции, но и процесс мыслительной активности адресата, его интерпретационно-семантизирующей реакции на речевое произведение.

В связи с этим толкование права рядовыми носителями языка, т.е. обыденное толкование, имеющее исключительно практическую направленность, подлежит серьезному изучению.

Для достижения относительной гармонии естественного языка и юридического, следовательно, обыденного и правового сознания, а также с целью повышения эффективности правовой коммуникации необходимо реализовать следующие стратегии:

1) постоянно повышать уровень метаязыкового сознания непосредственных участников правовой коммуникации, специалистов в области права. Прежде всего, необходимо уделять гораздо больше внимания механизмам обыденного функционирования языка и текста. Как следствие – достижение понимания глубинных закономерностей устройства и функционирования естественного языка – источника многих конфликтов в законоприменительной деятельности;

2) преумножать правовые знания населения, что позволит рассчитывать на относительное преодоление обыденных презумпций, трансформацию их в юридические на основе понимания специфичности юридического текста;

3) укреплять юрислингвистическую парадигму в лингвистике; лингвисты также должны все более осознавать, что те их теоретические и практические исследования, которые направлены в сферу права (и / или юриспруденции), никак не могут быть механической трансформацией одной парадигмы в другую.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поляков А.В.* Коммуникативная концепция права (проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2007. 42 с.
2. *Александров А.С.* Толковательное право? // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. Кемерово, 2011. С. 11–19.
3. *Большой* юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М. : ИНФРА-М, 2010. 704 с.
4. *Алексеев С.С.* Общая теория права : в 2 т. М. : Юридическая литература, 1982. Т. 2. 360 с.
5. *Соцуро Л.В.* Неофициальное толкование норм права : учеб. пособие. М. : Профобразование, 2000. 112 с.
6. *Закон*: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Спарк, 1998. 166 с.
7. *Голев Н.Д.* Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7 : Язык как феномен правовой коммуникации. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 8–36.
8. *Голев Н.Д.* О специфике языка права в составе общенародного русского языка // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 39–57.
9. *Прянишников Е.А.* Опыт лингвостатистического исследования текста закона // Проблема автоматизированной обработки научно-технической информации : всесоюз. науч.-техн. конф. : тез. докл. М., 1976. С. 7–11.
10. *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2010. 1536 с.
11. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : Инфотех, 2009. 944 с.
12. *Словарь* русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. 750 с.
13. *Ромашов Р.А.* Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция / под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 52–58.
14. *Михайловская Н.Г.* О формировании и функционировании юридической лексики // Терминология и культура речи. М. : Наука, 1981. С. 110–123.
15. *Голев Н.Д.* Научные термины как проявления стихийного функционирования зыка: полемические заметки // Метаязык науки : мат-лы Междунар. науч. конф. / гл. ред. С.В. Лесников. Сыктывкар : СыкГУ, 2012. С. 5–11.
16. *Голев Н.Д.* Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II / отв. ред. Н.Д. Голев ; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Томск : Томский государственный педагогический университет, 2009. С. 378–410.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 апреля 2014 г.

OPPOSITION OF OFFICIAL AND ORDINARY INTERPRETATIONS OF THE LAW (COGNITIVE ASPECT)

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 35-41. DOI: 10.17223/15617793/383/5

Vorobyova Marina E. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail:

Keywords: interpretations of the law; official interpretations of the law; informal interpretations of the law; ordinary interpretation of the law; legal language; legal terms.

The article focuses on the peculiar features of the official and ordinary interpretations of the law in the cognitive aspect (in terms of linguistic interpretationism). A fundamental feature of ordinary interpretation is variability of understanding and interpretations of the meaning of legal texts and terms determined by objective linguistic factors and individual psychological characteristics of the recipient. In the process of interpreting the ordinary native speaker has to deal with a kind of functional juridical version of the Russian language as an independent subsystem. Legal language cannot be translated into the ordinary Russian language by an elementary way – by spontaneously generated codes existing in ordinary consciousness. The special quality of legal language is determined by the collision between antinomian existence of natural language, natural laws of its existence, semantic nets of linguistic units and imperative legal texts and rigid semantization of linguistic units used in legal language. This leads to the fact that the understanding of the rule of law by ordinary native speakers does not always correspond to the legal idea laid down in the text of the law by the legislator with potential communicative failures as a consequence. The possibility and the degree of communicative failure are magnified when the legal text and the legal term as its component are simultaneously combined by special and ordinary semantic components. Coincidence of ordinary words with the specific terms causes difficulties for their practical understanding by ordinary native speakers, because the ideas typical to ordinary consciousness do not ambiguously match specialized presumptions. As a result, the content of the term may be represented in the

mind of the recipient with a various degree of fullness of understanding of the term, its accuracy and depth. It depends on the situation, context, types of consciousness and levels of the preparation of the subject of interpretation. At the same time perlocutionary effect of real functioning of legal terms in the ordinary consciousness of Russian native speakers may differ significantly from the intentions of the author – intention of the legislator. On the basis of experimental data the article has examples showing that the ordinary interpretation of legal terms is characterized by plenty of versions of interpretation which do not always coincide with their official ones. We can distinguish two trends of the ordinary interpretation: 1) a word in the mind of the native speaker has more meanings than registered in legal dictionaries; 2) the number of meanings registered in dictionaries is richer than in the linguistic consciousness. Furthermore, the structure of the semanteme differs – the hierarchy of nuclear and peripheral meanings.

REFERENCES

1. Polyakov A.V. *Kommunikativnaya kontseptsiya prava (problemy genezisa i teoretiko-pravovogo obosnovaniya)*. Avtoref. dis…d-ra. yurid. nauk [Communicative concept of the law (problem of genesis and theoretical-legal justification). Abstract of Law Dr. Diss.]. St. Petersburg, 2007. 42 p.
2. Aleksandrov A.S. [Interpretative law?]. *Yurislingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo* [Juridical linguistics-11: Law as discourse, text and word]. Kemerovo, 2011, pp. 11–19.
3. Sukharev A.Ya., Krutskiy V.E. (eds.) Bol'shoy yuridicheskiy slovar' [The Big Legal Dictionary]. Moscow: INFRA-M Publ., 2010. 704 p. (In Russian).
4. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava. V dvukh tomakh* [The general theory of law. In two vols.]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. Vol. 2, 360 p.
5. Sotsuro L.V. *Neofitsial'noe tolkovanie norm prava* [Informal interpretation of rules of law]. Moscow: Profobrazovanie Publ., 2000. 112 p.
6. Pigolkin A.S. (ed.) *Zakon: sozdanie i tolkovanie* [Law: creation and interpretation]. Moscow: Spark Publ., 1998. 166 p.
7. Golev N.D. [Legal communication in a mirror of a natural language]. *Yurislingvistika-7. Yazyk kak fenomen pravovoy kommunikatsii* [Juridical linguistics-7. Language as phenomenon of legal communication]. Barnaul: Altai University Publ., 2006, pp. 8-36. (In Russian).
8. Golev N.D. [On specifics of language of the law as a part of the Russian language]. *Yurislingvistika-5. Yuridicheskie aspekty yazyka i lingvisticheskie aspekty prava* [Juridical linguistics-5. Legal aspects of language and linguistic aspects of the law]. Barnaul: Altai University Publ., 2004, pp. 39-57. (In Russian).
9. Pryanishnikov E.A. [Experience of a linguo-statistical research of the text of law]. *Problema avtomatizirovannoy obrabotki nauchno-tekhnicheskoy informatsii. Tezisy dokladov Vsesoyuznoy nauchno-tekhnicheskoy conferentsii* [Problem of the automated processing of scientific and technical information. Proc. of the All-Union scientific and technical conference]. Moscow, 1976, pp. 7-11. (In Russian).
10. Kuznetsov S.A. (ed.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A Big Explanatory Dictionary of Russian]. St. Petersburg: Norint Publ., 2010. 1536 p.
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of Russian]. Moscow: Infotekh Publ., 2009. 944 p.
12. Evgenieva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian Language in four volumes]. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy Publ., 1999. Vol. 3, 750 p.
13. Romashov R.A. [Interpretation of law: linguistic and technical-legal aspects]. *Yurislingvistika-10: Lingvokonfliktologiya i yurisprudentsiya* [Juridical linguistics-10. Linguoconflictology and jurisprudence]. Kemerovo; Barnaul: Altai University Publ., 2010, pp. 52-58. (In Russian).
14. Mikhaylovskaya N.G. *O formirovanii i funktsionirovanii yuridicheskoy leksiki* [On formation and functioning of legal lexicon]. In: *Terminologiya i kul'tura rechi* [Terminology and culture of speech]. Moscow: Nauka Publ., 1981, pp. 110-123.
15. Golev N.D. [Scientific terms as manifestations of spontaneous functioning of language: polemic notes]. *Metayazyk nauki: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Meta-language of science. Proc. of the International scientific conference]. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publ., 2012, pp. 5-11.
16. Golev N.D. *Sovremennoe rossiyskoe obydennoe metayazykovoe soznanie mezhdu naukoy i shkol'nym kursom russkogo yazyka ("pravil'nost'" kak bazovyy postulat naivnoy lingvistiki)* [Modern Russian ordinary meta-language consciousness between science and a school course of Russian ("correctness" as a basic postulate of naive linguistics)]. In: Golev N.D. (ed.) *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary meta-language consciousness: ontologic and gnoseological aspects]. Tomsk: Tomsk state pedagogical university Publ., 2009. Pt. 2, pp. 378-410.

Received: August 08, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 42–50 DOI: 10.17223/15617793/383/6

УДК 820

Д.Н. Жаткин, А.А. Рябова

ВОСПРИЯТИЕ КРИСТОФЕРА МАРЛО И ЕГО ТВОРЧЕСТВА В РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Анализируются литературоведческие и литературно-критические материалы о Кристофере Марло, опубликованные в России начала XX в. Рассмотрены работы И.И. Иванова, Ю.Н. Верещагина, Е.В. Аничкова, Н.К. Михайловского, Ф.Г. де Ла Барта, Н.И. Мишеева, И.И. Гиливенко, Н.К. Бокадорова, К.Ф. Тиандера, а также исследовательские статьи из пятитомника Шекспира из серии «Библиотека великих писателей» под редакцией С.А. Венгерова и перевод этюда польского критика И. Матушевского «Дьявол в поэзии». Отдельно осмыслены параллели, проведенные Н.К. Бокадоровым между марловскими творениями и позднейшими произведениями западноевропейской и русской литературы.

Ключевые слова: К. Марло; драматургия; русско-английские литературные связи; критика; межкультурная коммуникация.

После публикации в 1872 г. книги Н.И. Стороженко «Предшественники Шекспира. Эпизод из истории английской драмы в эпоху Елисаветы. Том 1. Лилли и Марло» [1] на протяжении более четверти века русские исследователи творчества английского драматурга елизаветинской эпохи Кристофера Марло (1564–1593) в своих суждениях о его произведениях преимущественно исходили из позиций, выраженных в этой фундаментальной работе. Выход в свет в 1899 г. «Трагической истории доктора Фауста» Кристофера Марло в переводе К.Д. Бальмонта [2; см. подробнее: 3. С. 226–234], вызвавший значительный резонанс, способствовал появлению в российской печати новых работ отечественных литературоведов и литературных критиков, содержавших как оригинальные трактовки самой известной из марловских трагедий, так и опыт осмысления наследия драматурга в целом.

В 1901 г. в московской типолитографии А.В. Васильева и К° была издана книга И.И. Иванова «Английская драма», содержавшая общую оценку «выдающегося литературного таланта Марло, как нельзя ярче отражавшего его кипучий нравственный мир» [4. С. 24]. В частности, трагедия «Тамерлан Великий» воспринималась исследователем как «необыкновенно романтическая, стремительная история неслыханного удачника-завоевателя» [Там же], в «Трагической истории доктора Фауста» отмечалось сочетание близости к народному миропониманию и признание «исследовательского духа своего времени в лице естествоиспытателя Бэкона и астронома Коперника, преобразовавшего старую науку и старый взгляд на мир» [4. С. 27]. Подчеркивая мстительность и алчность Вараввы из «Мальтийского еврея», И.И. Иванов акцентировал их как «основные черты еврейского характера», проявившиеся, впрочем, как ответ на «мстительность христианской среды», «чувство самозащиты оскорбленной личности и национальности» [Там же]. Также исследователь обращал внимание на саркастическое отношение Марло к католическим монахам: в «Трагической истории доктора Фауста» Мефистофель избирает как «наиболее приличный дьяволу» вид францисканского монаха, в «Мальтийском еврее» Варавва «легко соблазняет монахов, готовых отпустить какие угодно грехи за деньги и хороший винный погреб» [4. С. 28]. В рассуждениях об «Эдуарде II» И.И. Иванов подчеркивал, что Марло «первому удалось создать драму на национальной почве», представив читателям историческую личность Эдуарда II, «короля слабого, наивно-беспечного, способного привязываться к любимцам до забвения своего долга и опасностей для себя лично и для государства» [Там же. С. 29]. Марло, на взгляд И.И. Иванова, оказался «первым даровитым психологом-драматургом на английской сцене», представившим характеры героев «слишком густыми красками», нарисовавшим их фигуры «выше человеческого роста», охарактеризовавшим страсти с «демоническим размахом», но при этом сохранившим «увеличенную правду», мотивировавшим действия «не случайными внешними обстоятельствами, а сущностью духовной природы героев» [Там же. С. 29–30]. Создавая трагедию «с живыми характерами, с драматическим развитием действия», Марло неизменно оставался верен духу изображаемой им эпохи (см.: [Там же. С. 30]).

В те же годы о Кристофере Марло как непосредственном предшественнике Шекспира упоминали Ю.Н. Верещагин в очерке «Драма в Англии до Шекспира», вошедшем в первую часть «Руководства к чтению избранных произведений всемирной литературы» [5. С. 187–200], и Е.В. Аничков в статье «Шекспир и елизаветинская драма», вышедшей отдельным изданием в Киеве [6]. Значительным событием стало появление в 1902 г. на русском языке в переводе В.М. Лаврова «этюда по сравнительной истории литературы» известного польского критика-субъективиста И. Матушевского «Дьявол в поэзии. История и психология фигур, олицетворяющих зло в изящной словесности всех народов и веков», в котором исследование понятия сатаны сопровождается цитатой из Библии («Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Исайя, XIV, 11–15)) и дополнением к ней, вызванным позднейшими ее интерпретациями в сочинениях Марло и других авторов, обращавшихся к образу дьявола: «К этой песне, гремящей точно звуки трубы последнего суда, со временем прибавили <…> страшное слово *навеки*, создавая таким образом угрюмый пролог к великолепной и потрясающей трагедии, которой древние века не знали и которая лишь спустя много, много столетий, под пером Кедмона <Кэдмона>, Марло, Мильтона, Вонделя <Йоста ван ден Вондела> и Байрона, достигла такой духовной глубины, что нашла сочувственный отзвук в человеческом сердце» [7. С. 65].

В главе, посвященной влиянию Возрождения и Реформации на изменение представлений о дьяволе, И. Матушевский сравнивал философскую драму П. Кальдерона «Волшебный маг» и «Трагическую историю доктора Фауста» Кристофера Марло, считая

первое из произведений «великолепной иллюстрацией и апофеозом католической доктрины свободной воли», второе – «артистическим воплощением протестантского фатализма» [7. С. 138], что вело к различиям в понимании характера дьявола у поэтов: «Испанский дьявол теряет всякую власть над человеком с той минуты, когда тот добровольно отдается под защиту Небес; дьявол английский не выпускает жертвы из своих когтей, несмотря на то, что она молится, стонет и верит, что “половины капельки крови Христовой достаточно для спасения души грешника”» [Там же. С. 139]. Сравнивая Мефистофеля из «Трагической истории доктора Фауста» и Люцифера из «Божественной комедии» Данте, И. Матушевский констатировал отсутствие у марловского образа каких-либо атрибутов средневекового дьявола (копыт, рогов, хвоста), отметил, что явление Мефистофеля к Фаусту произошло не вследствие магических заклинаний, а потому, что последний, как и сам сатана, хулил Бога и ненавидел Христа, причем Мефистофель не просто хотел обладать душою Фауста, – он утешался тем, что видел в нем «товарища в несчастии» [Там же]. Исследователь приходил к выводу, что мучения Мефистофеля имели моральную, а не физическую, как у Люцифера, основу: «Демоничность Мефистофеля проявляется не во внешнем, а во внутреннем его характере» [Там же]. При всей эскизности и незаконченности марловского образа Сатаны, развитие которого усматривалось в творчестве авторов последующего времени – Дж. Мильтона и Дж.-Г. Байрона, – И. Матушевский все же считал этот образ гениальным: «Кроме введения духовных элементов, Марло поднял и облагородил характер дьявола, не изменяя при этом ни в чем его сущности. Сатана не перестал быть демоном, а в эстетическом отношении выиграл много и превратился в совершенно поэтическую фигуру» [7. С. 140]. В противовес Мефистофелю Марло, который жаждет несчастиями людей усладить свое несчастие, Сатана в «Потерянном рае» Мильтона, не имея возможности навредить Богу, вредит его творению – людям, при этом искренне жалея их [Там же. С. 145].

Рассматривая эволюцию образа Мефистофеля в литературе эпохи романтизма, И. Матушевский концентрировал внимание на «Фаусте» И.-В. Гёте, в котором Мефистофель ничем не напоминал «демонов Марло, Мильтона и Вонделя», ибо переставал быть носителем титанических устремлений, полностью передав эту функцию человеку – Фаусту (см.: [Там же. С. 156]). Образ нечистого, по наблюдению И. Матушевского, изменялся вместе с трансформацией общества и человеческого сознания, сменой приоритетов и предпочтений: «Как в сатане Марло и Мильтона, так и в дьяволах Гёте и Байрона чувствуется влияние эпох, даровавших им жизнь: Мефистофель представляет ядовитый и жгучий критицизм французской философии, Люцифер – ее слепую и оптимистическую веру во всемогущество человеческого разума» [Там же. С. 179]. Несколько позже – в 1911–1912 гг. – образы Фауста и Мефистофеля в контексте народной книги о докторе Фаусте были осмыслены в исследовании А.И. Белецкого «Легенда о Фаусте в связи с историей демонологии» [8].

Упоминание Кристофера Марло в 1903 г. в одном из последних очерков известного русского публициста Н.К. Михайловского связано с напечатанной в парижском журнале «La Revue» (1903. № 18) статьей А. Ретте «Воспоминания о символизме» («Souvenirs sur le Symbolisme»), содержавшей интересные суждения о символистских тенденциях в литературном развитии и соотносимом с ними поиске «новых схем» в драме. Н.К. Михайловский приводил мнение А. Ретте, что такие авторы, как Поль Верлен, Катюлль Мендес, Эдгар По, наконец, Кристофер Марло, французская переделка «Трагической истории доктора Фауста» которого с успехом шла в театрах, не удовлетворяли требованиям символистов-реформаторов [9. С. 432, 433].

Ф.Г. де Ла Барт в своих «Беседах по истории всеобщей литературы» (1914; первое изд. вышло в 1903 г. под названием «Беседы по истории всеобщей литературы и искусства» (см.: [10]) называл Марло «самым выдающимся из всех английских драматургов до Шекспира» [11. С. 289]. Давая краткую характеристику трагедиям Марло, Ф.Г. де Ла Барт отмечал в «Тамерлане Великом» «необыкновенные ситуации и мастерское изображение сильных страстей», слабую привязку к конкретным историческим событиям в сочетании с удачным изображением «пышного двора, окружающего азиатского деспота»; в «Трагической истории доктора Фауста» – преобладание «фантастического элемента», мотивов волхвования, вызывания духов, а также трагизм последнего акта; в «Мальтийском еврее», «прототипе “Венецианского купца” Шекспира» – мотивы жадности, корыстолюбия и мстительности при создании образа главного героя; в «Эдуарде II», «лучшей трагедии Марло», написанной на основе хроники «The Concordance of Histories» Роберта Фабиана, – «ярко очерченные характеры и мастерское изображение страстей», мотив «летаргии горести» при прорисовке последних дней жизни короля (см.: [Там же. С. 289, 290]). Ф.Г. де Ла Барт заключал, что Марло подготовил почву для творчества Шекспира, доказав своими пьесами, что «истинный трагизм состоит не в напыщенных декламаторских речах, не в нагромождении ужасов, а в конфликте противоположных страстей» [Там же. С. 290]. При дальнейшем рассмотрении произведений Шекспира исследователь вновь указывал на сильное марловское влияние в раннем творчестве великого драматурга и приводил слова Георга Брандеса о том, что это влияние, в особенности в «Тите Андронике», проявилось не столько в лингвостилевом отношении, сколько в акцентировке жестокостей и безмерных ужасов (см.: [Там же. С. 292; ср.: 12. С. 53]).

Пятитомник Шекспира, вышедший в издательстве Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в серии книг «Библиотека великих писателей» под редакцией С.А. Венгерова, включал ряд статей ученых-литературоведов, посвященных анализу отдельных шекспировских произведений, но при этом содержавших упоминания и о предшественниках Шекспира. Так, в статье Ф.Ф. Зелинского «“Комедия ошибок”» Марло назван «основателем английской классической драмы», «ровесником, но в то же время предшественником и образцом Шекспира», в творчестве которого можно усмотреть «первое интимное и внутреннее слияние» школьного придворного театра и средневековых моралите (см.: [13. С. 58]). Ф.Ф. Зелинский также обратил внимание, что в шекс-

пировской «Комедии ошибок» есть сцена-карикатура «в духе клоунского остроумия английской драмы», подобная тому, как в «Трагической истории доктора Фауста» Марло «трагический акт героя <…> карикируется соответственным действием клоуна» [13. С. 63].

В статье Н.П. Дашкевича «“Ромео и Джульетта”» акцентировалось «влияние Марло, даровитейшего из предшественников Шекспира», которое «долго отзывалось в творчестве великого драматурга», в пример чему приводилось сходство шекспировской Джульетты и марловской Абигайль (Abigail), дочери Вараввы из «Мальтийского еврея» – им по четырнадцать лет и каждая из них названа «сладчайшим цветком на лугу Цитеры» («the sweetest flower in Cytherea’s field») [14. С. 183]. П.О. Морозов в статье «“Король Ричард Третий”» признавал, что Шекспир в своей исторической хронике, «следуя примеру Марло, сосредоточил все действие на одной центральной фигуре героя» [15. С. 333]. Л.Ю. Шепелевич, автор статьи «“Венецианский купец”», напротив, отрицал отмечавшиеся исследователями прежних лет значительные возможности влияния «Мальтийского еврея» Марло на шекспировский замысел: «<…> трагедия Марло <…> лишь в слабой степени могла повлиять на Шекспира: ни в фабуле, ни в характерах главных лиц мы не находим ни сколько-нибудь яркого сходства, ни точек соприкосновения, если не считать, что и Варавва, и Шейлок – евреи и фанатики» ([16. С. 422, 423]; то же см.: [17. С. 77]). Л.Ю. Шепелевичем опровергнуто мнение, согласно которому процесс над придворным медиком королевы Елизаветы – крещеным евреем Родриго Лопесом, повешенным 7 июня 1594 г., заставил Марло в его «Мальтийском еврее» выразить нетерпимость к представителям этого народа и пристрастно воспроизвести Р. Лопеса, являющееся необоснованным, поскольку пьеса была сочинена несколькими годами ранее этого процесса (см.: [16. С. 426]; то же см.: [17. С. 83]).

В статье Ф.А. Брауна «“Король Генрих IV”», содержащей наблюдения «прогресса в росте шекспировского гения» при сравнении «Ричарда II» или первой части «Генриха IV» с «Ричардом III», в котором многое взято у предшественников, в особенности у Марло, было отмечено превосходство Шекспира, ощутимое несмотря на то, что «его “Ричард II” во многих частностях художественной композиции напоминает “Эдуарда II” Марло» [18. С. 123]. Е.В. Аничков в статье «“Как вам это понравится”», вслед за Г. Брандесом и Н.И. Стороженко, останавливался на известной цитате из поэмы Марло «Геро и Леандр», которая, будучи вложенной в уста пастушки Фебэ, одной из героинь комедии Шекспира «Как вам это понравится», в полной мере характеризовала другую героиню – Розалинду, дочь изгнанного герцога [19. С. 6]; та же реминисценция отмечена и в примечаниях к тексту пьесы, составленных З.А. Венгеровой, С.А. Венгеровым, А.Г. Горнфельдом и М.Н. Розановым [20. С. 568]. Другие реминисценции указаны З.А. Венгеровой и С.А. Венгеровым в комментариях ко второй части исторической хроники «Генрих IV» и к комедии «Виндзорские проказницы»: фрагмент из «Генриха IV» «Водовозных кляч, / Одров татарских, делающих в день / С усильем тридцать верст – вдруг принимают / За цезарей или за Канибалов» является искаженной цитатой из «Тамерлана Великого» Марло, у которого не «Канибалы», а «Аннибалы» [21. С. 564]; в «Виндзорских проказницах», по мнению комментаторов, худоба одного из героев – Слендера – подчеркнута тем, что он назван собеседниками – Бардольфом и Пистолем – «бенбургским сыром» («banbury cheese», от названия городка Банбери в графстве Оксфордшир, известного изготовлением «тощих» сыров) и Мефистофелем, что является «намеком на спутника Фауста в пьесе Марло» [Там же. С. 570].

Н.И. Мишеев во второй части «Очерков по истории всеобщей литературы» (1911), посвященной литературе Средних веков и эпохи Возрождения, выдвинул Марло «на первое место» среди предшественников Шекспира [22. С. 164]. Лучшим произведением писателя ученый назвал «Трагическую историю доктора Фауста», при заимствовании сюжета которой Марло «гениальным чутьем <…> угадал <…> главную черту Фауста» – его томление жаждой «настоящего положительного знания», желание проникнуть в тайны природы, что едва выражено в немецкой народной книге, а также решительное неприятие схоластики (см.: [22. С. 164]). Н.И. Мишеев видит существенное различие в трактовке образа Фауста у И.-В. Гёте, герой которого «стремится к знанию ради самого знания», и у Марло, чей Фауст желает приложить знания к практике жизни, чтобы «приобрести власть над природой, сделать ее своей рабой» [Там же]. Мишеев констатировал большое влияние Марло и его современника Роберта Грина на Шекспира, отметив, что именно они «указали тот путь, по которому должен был идти великий поэт, если хотел сделаться выразителем дум и чувств английского народа» [22. С. 165].

Марло упоминался и в «Чтениях по истории всеобщей литературы» И.И. Гливенко, где указывалось, что незадолго до Шекспира появились драматурги Джон Лилли, Кристофер Марло и Роберт Грин, которые, стремясь «придать драме более художественную организацию», вывели ее «из хаотического состояния, придали ей цельность, осмыслили психологическими мотивами, усовершенствовали ее дикцию, словом, сделали из нее художественное произведение», что в конечном итоге указало то направление, по которому вскоре начало развиваться шекспировское творчество (см.: [23. С. 197]).

Н.К. Бокадоров, посвятивший творчеству Марло отдельную главу в своей «Истории западноевропейской литературы XVI–XVII вв. Сервантес и Шекспир», увидевшей свет в 1913 г., утверждал невозможность обособленного существования гения Шекспира, уподобляя его «самой большой звезде в целой плеяде, в целом созвездии малых звезд», среди которых были как совсем малые звездочки (Джон Хейвуд, Джон Лилли, Томас Сэквилл, Джордж Пиль, Томас Нэш и др.), так и «более крупные звезды театрального мира» – Кристофер Марло и Бен Джонсон (см.: [24. С. 196, 197]).

Рассматривая биографию Марло, Н.К. Бокадоров обращался к западноевропейским мемуарным, историко-литературным и литературно-критическим материалам, целостный анализ которых приводил к мистиче-

скому восприятию загадочной личности Средневековья: «Чем-то страшным веет на нас из тьмы времен от этого башмачника по происхождению, студента по образованию и актера по воспитанию. Он не верил ни в Бога, ни в Христа, он любил богохульствовать, нередко утверждал, что Моисей был простой враль и Христос был достоин казни <…> что если бы его, т.е. самого Марло, попросили создать религию, то он создал бы ее лучше Моисея и Христа» [24. С. 197, 198]. Вместе с тем Н.К. Бокадоров поддерживал мнение Н.И. Стороженко о том, что объективное восприятие личности Марло осложнено преобладанием среди источников свидетельств пуритан, считавших драматурга проводником «отчаяния и крайнего отрицания», эмоционально неуравновешенным, грубым человеком с дикими нравами, одурманенным алкоголем на богемских пирушках (см.: [Там же. С. 200]). Однако в действительности Марло был носителем глубокого разлада души, отличавшимся «неустанной жгучей работой духа над вопросами бытия», и при этом «детищем страшного времени», эпохи Возрождения, «блестящей в грезах об идеале, страшной в действительности» [Там же]. Признавая Марло личностью «драматической, более талантливой, чем все его друзья», а потому по праву занявшей первое место среди предшественников Шекспира, Н.К. Бокадоров, однако, иначе оценивал его сугубо человеческие качества: «…мы едва ли погрешим, признавши Марло скорее мрачной и темной натурой, чем светлой, скорее дикой, чем сильной, скорее разнузданной, чем глубоко постигавшей тайны бытия и знания» [Там же]. В понимании исследователя Марло, наряду с Френсисом Бэконом Веруламским в XVI в. и Артуром Шопенгауэром в XIX в., принадлежал к числу людей, само существование которых доказывает, что «не всегда поэтическое творчество в человеке соединяется с олимпийским прекраснодушием, как у Шекспира, Гёте и Пушкина» [24. С. 201].

Н.К. Бокадоров сравнивал первую пьесу Марло «Тамерлан Великий», передавшую «все достоинства и недостатки могучего юношеского дарования», с масштабным полотном художника, лишенным единства места и времени, называл ее «праздником воображения в английском театре XVI столетия» [Там же], обусловленным формированием у европейского зрителя представлений о неведомом таинственном мире Востока. В образе Тамерлана, главного героя трагедии, исследователь подчеркивал и характерную «печать величия», и глубокие следы сильных страстей и стремления к господству, и одаренность «гигантскими силами духа», и стремление «вырваться из этой пошлой жизни к свету, к величию, к солнцу» [24. С. 202], которые совокупно помогали избежать описания «только одной преобладающей страсти» [Там же. С. 203], придать правдоподобность изображению. Особо примечательными представлялись Н.К. Бокадорову сцены, описывавшие любовь Тамерлана и Зенократы, в которых проявилась искренняя убежденность Марло, что «в великой властной душе все чувства развертываются поэтичнее и грандиознее, чем у простых людей» [Там же. С. 204]. Отмечая определенное несовершенство пьесы, проявившееся в «мгновенной перемене действия, пышности и торжественности сцен», некоторые из которых представляли собой «лишь драматический эскиз, набросок» [Там же. С. 205], исследователь, однако, не мог не признать осознанного еще современниками реформаторского начала в драматургии Марло, вызвавшего «Тамерланом Великим» «переворот в театре XVI века» и искавшего «новых путей творчества и искусства»: «Он не желает снискивать расположение толпы низкими и пошлыми шутками. Он хочет провести зрителей прямо к делу, почерпнуть наслаждение в великой трагедии. Он хочет сделать их свидетелями всемирно-исторических событий, падения царств и народов. Марло отвергает условности рифмы и шутовство клоунов» [24. С. 206].

Осмысливая причины популярности марловского «Тамерлана», Н.К. Бокадоров указывал на введение в драматическое описание «чудного искреннего неподдельного лиризма» [Там же. С. 207], стремление представить историческую трагедию не «собранием безжизненных манекенов, бессмысленных кукол», как это было прежде, а «историко-психологическим этюдом», умение «заглянуть в психологию гениального великого человека», приведшее к тому, что пьесы Марло явились «началом психологии величия на европейской сцене» [Там же. С. 208]. При изображении всемирно-исторических событий Марло, «погрешая в частностях», сохранил главное: воссоздал жизнь героев прошлого с учетом «общих душевных законов человечества», «определенной и глубокой психологии» [Там же]. Н.К. Бокадоров проводил параллели между «Тамерланом Великим» Марло и многими позднейшими произведениями русской и западноевропейской литературы, в частности, сближал марловскую трагедию с «Фаустом» И.-В. Гёте и «Борисом Годуновым» А.С. Пушкина по масштабности описания; с «Макбетом» Шекспира и все тем же «Борисом Годуновым» – по мастерству воссоздания образа главного героя, в котором слышен «мощный голос гениального человека», рожденного «под счастливой звездой», устремленного к вершинам власти (см.: [24. С. 203]); с «Ромео и Джульеттой» Шекспира – по поэтичности и грандиозности чувства героя; с «Разбойниками» Ф. Шиллера – по красоте «индивидуального несколько приподнятого чувства» Тамерлана и шиллеровского Карла Моора, переданного с «искренним лиризмом» [Там же. С. 207], по стремлению властных натур испытывать волю Провидения; с «Полтавой» А.С. Пушкина и «Героем нашего времени» М.Ю. Лермонтова – по специфике трактовки образа Зенократы, которая сначала «дичится Тамерлана, боится, плачет, как Бэла в плену у Печорина», а затем отдается ему и оказывается, подобно пушкинской Марии Кочубей, перед выбором «между отцом и мужем, вступившим в битву на поле смерти» [Там же. С. 204].

При рассмотрении «Трагической истории доктора Фауста» Марло Н.К. Бокадоров обращал внимание на глубокие различия между этим произведением и ставшей для него первоисточником немецкой народной легендой о Фаусте: если в легенде Фауст увлекался наукой без опоры на религиозное чувство и сбился с пути, то неверие и чернокнижие «богоборца» в трагедии Марло вытекало из глубокого разочарования в современной ему науке. По мнению исследователя, такая мотивировка чернокнижия Фауста, его тяги к тайнам оккультизма выглядела несколько «запоздалой», по-

скольку в XVI в., ставшем «утренней зарей великой природы, царство которой такой широкой картиной разворачивается перед нами <…> в естествознании», уже появились люди (Агриппа Неттесхеймский, М. Монтень, Ф. Бэкон и др.), которые, разочаровавшись в мистических поисках, вернулись «к детски чистому поклонению природе и детской вере в Бога» [24. С. 210]. Это обстоятельство впоследствии учел в своем «Фаусте» И.-В. Гёте, герой которого, сознавая «пустоту науки», ставил последнюю «ниже живого человека, этого гордого титана, проникающего сердцем в тайны Божии, способного любить и наслаждаться красотой, говоря другими словами <…> ниже религии, природы, красоты и искусства» [Там же. С. 211]. Своеобразен и мотив продажи души дьяволу, по наблюдению Н.К. Бокадорова, сближающий Фауста Марло со Скупым рыцарем из одноименной «маленькой трагедии» А.С. Пушкина: и тот, и другой продают душу, подпав под очарование власти, тогда как Фауст в народной легенде продается за деньги, в произведении И.-В. Гёте – за постижение полноты бытия, в опере Шарля Гуно «Фауст» – за обладание Маргаритой. Будучи убежденным в том, что сходство между «Трагической историей доктора Фауста» Марло и «Фаустом» И.-В. Гёте минимально, «ограничивается только именем» [Там же. С. 217] главного героя, Н.К. Бокадоров, опираясь на мнение И. Тэна, представлял марловского Фауста «рабом своего порыва» [Там же. С. 215], который, гордясь похотями и противоречиями, катится в бездну, а гетевского Фауста – «воплощением божественного дыхания жизни, огня Прометея, Богом в Природе» [Там же. С. 217].

В трагедии Марло «Мальтийский еврей» исследователь особо акцентировал образ Вараввы как «представителя безжалостно гонимых евреев средневековья», с одной стороны, презираемого и преследуемого христианами, а с другой – сознающего ту силу, которую ему дают богатство и ум, силу «тайную, скрытую» и вместе с тем гораздо более действенную, нежели открытая вражда к нему со стороны рыцарей: «Он презирает рыцарей, потому что в них нет ни единой черты той национальной склонности к промышленности, какою отличается он <…>. Везде, где только живут евреи, торговцы, он знает, есть его друзья и братья! У него нет отечества; но ему принадлежит вся вселенная. Весь промышленный мир есть отечество <Вараввы>» [Там же. С. 218, 219]. Раскрывая отношение к евреям в Англии XVI в., Марло, согласно Н.К. Бокадорову, первым поднял тот самый «еврейский вопрос», что оказался значимым для многих произведений как русской, так и мировой литературы последующего времени: «Бурный Марло не слепой враг еврейского народа, но он не такой слащавый поклонник его, который готов закрыть глаза на недостатки этого народа, только потому, что евреи были гонимым народом» [Там же. С. 221]. Признавая, что Марло раскрыл «все богатство промышленного гения еврейского народа», Н.К. Бокадоров указывал на «поразительную» силу Вараввы как предпринимателя, чье отношение к деньгам можно назвать «тамерлановским», ничем не схожим со скупостью Плюшкина из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя и Гарпагона из комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой» и, скорее, предвосхищающим образ «царя биржи» в романе Э. Золя «Деньги» (см.: [Там же]); и только в конце XVIII в. в литературе был создан идеальный тип еврея, представший в образе Натана Мудрого в одноименной драматической поэме Г.-Э. Лессинга (см.: [24. С. 222, 223]).

В образе дочери Вараввы Абигайль, принявшей христианство, Н.К. Бокадоров видел воплощение «тоски живой еврейской души об отсутствии любви и у евреев и у магометан», души, задыхавшейся в еврейском индустриальном мире (об этом писал впоследствии Г. Гейне) и в конечном итоге призванной воплотить «лирику особого страданья», передать тот романтический идеал, что впоследствии был представлен Н.В. Гоголем в образе Андрия в «Тарасе Бульбе»: «Безумному Марло хотелось верить всем сердцем, что наступит время, когда благородные черты народов победят вражду и ненависть, что наступит мир и взаимное понимание между ними. Абигайль представляет символ этой страстной веры гениального безумца, утреннюю звезду рассвета идеи человечности в Западной Европе» [24. С. 221]. Благородный тип девушки-еврейки, сменившей веру, был, как указывает Н.К. Бокадоров, заимствован Шекспиром в «Венецианском купце» и впоследствии неоднократно воссоздавался, например, в «Айвенго» Вальтера Скотта, в трагедии М.Ю. Лермонтова «Испанцы» (см.: [Там же. С. 223]).

Главное отличие последней трагедии Марло «Эдуард II» от всех его прежних произведений исследователь видит в том, что в ней человек страстей и порывов уже не считается великим и сильным, более того, он предстает слабым, страдающим, что дает основание характеризовать и всю пьесу как «драму страдания» [Там же. С. 224]. Н.К. Бокадоров усматривает отголоски марловского «Эдуарда II» не только в типах шекспировских королей (Генрих IV, Лир, Гамлет), в образе главной героини пьесы Ф. Шиллера «Мария Стюарт», но и в произведениях русской литературы, например, в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник», драме А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» (второй части известной драматической трилогии), где, несмотря на национальную и историческую специфику, подняты и раскрыты темы, близкие марловской пьесе. Так, в драме «Царь Фёдор Иоаннович» А.К. Толстой, подобно Марло, показал бессилие на троне, однако при этом избежал дополнительных негативных характеристик своего героя, что оказалось, по мнению Н.К. Бокадорова, выигрышным: «Бессилие власти само по себе страшная трагедия. Не надо, поэтому, героя трагедии отягчать слабостями и пороками. Пусть он даже будет святым, тем ужаснее трагедия. И это мы чувствуем в пьесе “Федор Иоаннович”. Это в ней замечательно, глубокомысленно, остроумно» [Там же. С. 235].

Н.К. Бокадоров подчеркивал огромную значимость творчества Марло, пробудившего «золотым лучом своего гения <…> душу английского зрителя XVI века» и явившегося «предвестником ясного утра Шекспира» [Там же], однако утверждал при этом, что, наряду с «венком гениальности и поэзии», английский трагик никогда не получит «венка величия» (см.: [24. С. 236]). Причины этого Н.К. Бокадоров видел в атеизме Марло, «несомненно невыгодно отразившемся на его творчестве»; в отсутствии в марловских трагедиях зрелости, которая позволила бы показать, что «Тамерланы достигают своей короны величайшим трудом, помимо вдохновения», почувствовать «бессилье злого духа над че-

ловеком», нарисовать Варавву «не <…> только углём», представить «больше силы духа в безвольном страдании Эдуарда»; в недостатке «счастья и блаженного ясновидения», приводившем к неизбежной концентрации всего внимания на темах величия, отчаяния, мести, страстей и страданий, к бесконечной борьбе тьмы и света, не позволявшей представить «трагедию любви, трагедию добра, трагедию ума, трагедию верховной власти, трагедию человечества в ее полном объеме»; в отказе от смеха и шутки, нередко способных помочь раскрытию художественных образов; в склонности к крайностям, отсутствию полутонов в описаниях (см.: [24. С. 236]).

В 1916 г. в книге российского литературоведа К.Ф. Тиандера «Общий курс истории античных и западных литератур» Марло назван «самым выдающимся из предшественников Шекспира <…> превзошедшим своих товарищей также по бурности своей натуры» [25. С. 32]. По мнению ученого, все шесть марловских трагедий «поражают <…> своими мощными проблемами» [Там же], но наиболее значимы «Трагическая история доктора Фауста» и оказавшая наибольшее влияние на Шекспира пьеса «Мальтийский еврей», традиции которой К.Ф. Тиандер видел не только в «Венецианском купце», но и в «Ромео и Джульетте» (мотив снотворного напитка) (см.: [25. С. 33]).

Как видим, общим местом в работах начала XX в. являлось опирающееся на традицию (и прежде всего на представления Н.И. Стороженко) отношение к Марло как к *предшественнику*, «предвестнику ясного утра» Шекспира. Вместе с тем в зарубежном литературоведении (см., в частности, опубликованный в России в 1847 г. «Очерк английской литературы» Т. Шоу) многие аллюзии из Марло в шекспировском творчестве воспринимались не как преемственность, а как завуалированные насмешки над «чудовищными драмами» [26. С. 29], созданными *современником*. Обращаясь к сложной проблеме соотнесения творчества Марло и Шекспира, рассуждая, кем был Марло прежде всего – *предшественником или современником* гениального драматурга, Р.М. Самарин отмечал, что в данном случае следует говорить и о преемственности, и о полемике, поскольку имеет место «соприкосновение и столкновение разных эпох в литературе» [27. С. 315], передвижение между которыми осуществляется без каких-либо существенных потерь в силу развития одних и тех же принципов. Представляя именно такой подход как наиболее оправданный, отметим все же, что для Шекспира драматургия Марло и Т. Кида постепенно становилась образцом хотя и великого, но уже *устаревшего* искусства.

Если в прежние десятилетия суждения русских исследователей о марловских традициях в произведениях Шекспира ограничивались самыми общими наблюдениями о том, что благодаря Марло Шекспир нашел для своего творчества готовую поэтическую форму (белый стих), а также о связях образов Вараввы из «Мальтийского еврея» и Шейлока из «Венецианского купца», о влиянии «Эдуарда II» на шекспировские исторические хроники, о близости «Тита Андроника» марловской поэтике, то в начале XX в., во многом благодаря подготовке и публикации в 1902–1904 гг. под редакцией С.А. Венгерова пятитомного собрания шекспировских произведений в серии «Библиотека великих писателей» издательства Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, исследователям удалось акцентировать множество конкретных деталей, связанных с указанным влиянием.

Отдельно отметим интерес, проявленный в начале XX в. к установлению аналогий между марловским творчеством и произведениями русских писателей. Так, Н.К. Бокадоровым впервые в литературоведении была проведена параллель между творчеством Кристофера Марло и М.Ю. Лермонтова, заключавшаяся в сближении женских образов – Зенократы в «Тамерлане Великом» и Бэлы в «Герое нашего времени», Абигайль в «Мальтийском еврее» и девушки-еврейки Ноэми в «Испанцах». Годы спустя эта параллель получила развитие в статье А.Т. Парфенова «Кристофер Марло и легенды Запада и Востока», представлявшей попытку соотнести не только творчество двух авторов, но и их внешность, личностные качества: «Русскому исследователю жизни и творчества Марло не может не броситься в глаза удивительное, но совершенно несомненное психологическое “родство душ” английского и русского поэтов, похожих друг на друга даже внешне <…>: при общем внешнем сходстве, обращает на себя внимание “лермонтовский” тяжелый взгляд темных широко поставленных глаз и властное выражение лица с неправильными очертаниями» [28. С. 188]. Установление психологического родства Марло и М.Ю. Лермонтова, общности их жизненного пути, по мнению А.Т. Парфенова, позволяло не только «легче представить себе живой облик английского драматурга, столь неожиданно похожего на гения русской литературы», но и осознать характерный для творчества Марло «лермонтовский» надлом, возникновение которого вызвано как эпохой, так и местом, занятым Марло в кругу драматургов-елизаветинцев: «<…> подобно тому, как в творчестве Лермонтова русский романтизм пережил и свой взлет и одновременно свой кризис, обусловленный последекабрьским безвременьем, ренессансный гуманизм Марло с самого начала находился под знаком кризиса» [Там же. С. 190].

В начале XX в. продолжились споры о том, какое из произведений можно считать наиболее значительным в творчестве Марло. В частности, в восприятии Н.И. Мишеева лучшей оказалась «Трагическая история доктора Фауста»; впоследствии этой точки зрения придерживались такие известные ученые, как Г.Г. Шпет, А.Т. Парфенов. Согласно мнению другой группы исследователей (М.М. Морозов, А.А. Смирнов) драматург проявил наибольшее мастерство при создании трагедии «Эдуард II». Разногласия ученых были вызваны принципами, которые брались за основу при характеристике пьес: для одних исследователей важнее всего оказывалась художественная форма, рациональность композиции, тщательность прорисовки образов, сценичность, для других – глубина мысли, выраженная пусть даже и в несколько несовершенном в художественном отношении виде. На наш взгляд, прав А.К. Дживелегов, отметивший великолепную внешнюю отделку «Эдуарда II», гармоничность, уравновешенность, размеренность описаний пьесы, отсутствие традиционно свойственного творчеству Марло стремления к немедленному излиянию чувств и эмоций,

представления центральной фигуры титана, заслонявшего собой всех остальных действующих лиц, как бы становящихся его бледной тенью, но при этом указавший, что эта трагедия представляет собой «самый зрелый плод творчества Марло <…> в художественном, но не в идейном отношении» [29. С. 261].

Символично, что совсем вскоре, в самые сложные, переломные годы, эпоху революций и Гражданской войны (вторая половина 1910-х – первая половина 1920-х гг.) новый всплеск интереса к елизаветинскому театру привел к появлению целого ряда исследований (Б.П. Сильверсван [30], С.К. Боянус [31], А.А. Смирнов [32]), самым значительным из которых стала книга В.К. Мюллера «Драма и театр эпохи Шекспира» [33], характеризующая отдельные аспекты жизни и творчества Кристофера Марло применительно к тенденциям развития английского театрального искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стороженко Н.И.* Предшественники Шекспира: Эпизод из истории английской драмы в эпоху Елисаветы. Т. 1 : Лилли и Марло. СПб. : Тип. В. Демакова, 1872. II, 294, 73 с.
2. *Марло К.* Трагическая история доктора Фауста / пер. с англ. К.Д. Бальмонта ; предисл. к англ. тексту Х. Эллиса // Жизнь. 1899. Т. VII. С. 178–216; Т. VIII. С. 11–42.
3. *Восприятие* творчества Кристофера Марло в России на рубеже XIX–XX вв. (К.Д. Бальмонт, М.А. Волошин, С.С. Розанов, В.К. Мюллер) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3 (41).
4. *[Иванов И.И.]*. Английская драма. М. : Типолит. А.В. Васильева и К°, 1901. 76 с.
5. *Верещагин Ю.Н.* Драма в Англии до Шекспира // Руководство к чтению избранных произведений всемирной литературы : в 2 ч. [СПб.] : тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1902. Ч. 1.
6. *Аничков Е.В.* Шекспир и елизаветинская драма. Киев : [б.м.], [б.г.]. 2 с.
7. *Матушевский И.* Дьявол в поэзии: История и психология фигур, олицетворяющих зло в изящной словесности всех народов и веков. Этюд по сравнительной истории литературы / пер. со 2-го доп. и перераб. изд. В.М. Лаврова. М. : Типолит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902. 283 с.
8. *Белецкий А.И.* Легенда о Фаусте в связи с историей демонологии // Записки Неофилологического общества при Санкт-Петербургском университете. 1911. Вып. V. С. 59–193; 1912. Вып. VI. С. 1–66.
9. *Михайловский Н.К.* Запоздалые счеты с г. Батюшковым. О Фоме и Ереме. Из воспоминаний о героических временах символизма. Запоздалые счеты с г. Мережковским. «Литературный фонд» и «Гражданин». Два слова о книге К.К. Арсеньева // Последние сочинения : в 2 т. СПб. : Тип. И.Н. Клобукова, 1905. Т. 2. С. 421–442.
10. *Де Ла Барт Ф.Г.* Беседы по истории всеобщей литературы и искусства. Ч. 1 : Средние века и Возрождение. Киев : Изд. Киевской женской гимназии А.Т. Дучинской, 1914. IV, 161 с.
11. *Де Ла Барт Ф.Г.* Беседы по истории всеобщей литературы. Ч. 1 : Средние века и Возрождение: Пособие к лекциям. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Типолит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. XIV, 351 с.
12. *Брандес Г.* Собрание сочинений : в 20 т. / пер. с датского М.В. Лучицкой. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Типолит. Т-ва «Просвещение», 1909. Т. 16 : Литературные характеристики (Английские писатели). Вильям Шекспир. Ч. 1. 425 с.
13. *Зелинский Ф.Ф.* «Комедия ошибок» // Шекспир В. [Полное собрание сочинений : в 5 т.] / под ред. С.А. Венгерова. СПб. : Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1902. Т. I. С. 53–67.
14. *Дашкевич Н.П.* «Ромео и Джульетта» // Шекспир В. [Полное собрание сочинений : в 5 т.] / под ред. С.А. Венгерова. СПб. : Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1902. Т. I. С. 181–192.
15. *Морозов П.О.* «Король Ричард Третий» // Шекспир В. [Полное собрание сочинений : в 5 т.] / под ред. С.А. Венгерова. СПб. : Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1902. Т. I. С. 330–342.
16. *Шепелевич Л.Ю.* «Венецианский купец» // Шекспир В. [Полное собрание сочинений : в 5 т.] / под ред. С.А. Венгерова. СПб. : Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1902. Т. I. С. 420–431.
17. *Шепелевич Л.Ю.* «Венецианский купец» // Историко-литературные этюды : в 2 сериях. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. Серия 1. С. 69–93.
18. *Браун Ф.А.* «Король Генрих Четвертый» // Шекспир В. [Полное собрание сочинений : в 5 т.] / под ред. С.А. Венгерова. СПб. : Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1902. Т. II. С. 122–129.
19. *Аничков Е.В.* «Как вам это понравится» // Шекспир В. [Полное собрание сочинений : в 5 т.] / под ред. С.А. Венгерова. СПб. : Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1902. Т. III. С. 2–6.
20. *Примечания* к третьему тому / сост. З.А. Венгерова, С.А. Венгеров, А.Г. Горнфельд, М.Н. Розанов // Шекспир В. [Полное собрание сочинений : в 5 т.] / под ред. С.А. Венгерова. СПб. : Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1902. Т. III. С. 566–589.
21. *Примечания* ко второму тому / сост. З.А. Венгерова, С.А. Венгеров // Шекспир В. [Полное собрание сочинений : в 5 т.] / под ред. С.А. Венгерова. СПб. : Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1902. Т. II. С. 555–572.
22. *Мишеев Н.И.* Очерки по истории всеобщей литературы : в 3 ч. Ч. II : Средние века и эпоха Возрождения. [4]. СПб. : «Прометей» Н.Н. Михайлова, [1911]. 236 с.
23. *Гливенко И.И.* Чтения по истории всеобщей литературы. Пб. ; Киев : Сотрудник, 1914. 428 с.
24. *Бокадоров Н.К.* История западноевропейской литературы XVI–XVII вв. Сервантес и Шекспир: Лекции, читанные в осенний семестр 1912 г. Киев : Тип. 1-й Киевской артели печ. дела, 1913. 480, III с.
25. *Тиандер К.Ф.* Общий курс истории античных и западных литератур. Вып. IV : Начала романтизма. Пг. : Типолит. А.Э. Винеке, 1916. 91 с.
26. *Ша Т.* [*Шоу Т.*]. Очерк английской литературы. Статья первая и вторая // Библиотека для чтения. 1847. Т. 83. Июль. Отд. V. Критика. С. 1–36.
27. *Самарин Р.М.* <Английская литература XVI в.> Драматургия // История всемирной литературы : в 9 т. / АН СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М. : Наука, 1985. Т. 3. С. 307–316.
28. *Парфенов А.Т.* Кристофер Марло и легенды Востока и Запада // Marlowe Ch. Two Tragedies. Tamburlaine the Great. Doctor Faustus. М. : Высшая школа, 1980. С. 184–239.
29. *Дживелегов А.К., Бояджиев Г.Н.* История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года. М. ; Л. : Искусство, 1941. 615 с.
30. *Сильверсван Б.П.* Театр и сцена эпохи Шекспира и их влияние на тогдашнюю драму // Сборник историко-театральной секции. Пг. : Изд. Театрального отдела Наркомпроса, 1918. Т. 1. С. 1–46.
31. *Боянус С.К.* Внешний обиход придворного театра времен королевы Елизаветы // Ежегодник Петроградских государственных театров. Сезон 1918/1919 г. / под ред. А.С. Полякова. Пг. : 9-я гос. тип., 1920. С. 54–68.
32. *Смирнов А.А.* Английский театр в эпоху Шекспира // Очерки по истории европейского театра: Античность, Средние века и Возрождение / под ред. А.А. Гвоздева и А.А. Смирнова. Пг. : Academia, 1923. С. 142–178.
33. *Мюллер В.К.* Драма и театр эпохи Шекспира. Л. : Academia, 1925. 170 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 апреля 2014 г.

UNDERSTANDING OF CHRISTOPHER MARLOWE AND HIS CREATIVE WORK IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 42-50. DOI: 10.17223/15617793/383/6

Zhatkin Dmitriy N., Ryabova Anna A. Penza State Technological University (Penza, Russian Federation). E-mail: ivb40@yandex.ru; asnowflake@yandex.ru

Keywords: Ch. Marlowe; drama; drama; Russian-English literary relations; criticism; intercultural communication.

In 1901 a book *The English Drama* by I.I.Ivanov was published. It contained general evaluation of the outstanding, according to the author, literary talent and vigorous moral world of Christopher Marlowe, the first gifted psychologist-dramatist on the English stage. At that time Marlowe was mentioned as a direct predecessor of Shakespeare by Yu.N. Vereshchagin and E.V. Anichkov. The edition of "the sketch on comparative history of literature" by the famous Polish critic-subjectivist I. Matushevskiy *Devil in Poetry. History and Psychology of Characters, Personifying Evil in Fine Literature of All Peoples and Centuries* translated into the Russian language by V.M. Lavrov in 1902 came to be a significant event. The study of the concept Satan in it was connected with interpretations of it in the Bible and works of the authors who referred to the image of the devil – Marlowe, P. Calderon, A. Dante, J. Milton, G.G. Byron. Marlowe was mentioned in the essay of the famous Russian publicist N.K. Mihkailovskiy in 1903 in connection with the article by A.Rette "Souvenirs sur le Symbolisme" published in Paris journal *La Revue* and having interesting opinions about symbolism tendencies in literary development and searches of new schemes in drama correlated with them. F.G. de La Bart in his *Conversations on History of General Literature* (1914; the first edition was issued in 1903 under the name *Conversations on History of General Literature and Art*) named Marlowe the most outstanding of all dramatists in the pre-Shakespearean epoch, considering him to have prepared the grounds for Shakespeare's creative work, and briefly characterized Marlowe's tragedies. *The Complete Works of Shakespeare: In 5 volumes* printed in the publishing-house of F.A. Brockhaus and I.A.Efron in the series of books "The Library of Great Writers" edited by S.A. Vengerov included articles of scholars and literary critics (F.F. Zelinskiy, N.P. Dashkevich, P.O. Morozov, L.Yu. Shepelevich, F.A. Braun, E.V. Anichkov) devoted to the analysis of some Shakespeare's works and at the same time containing notes about Marlowe. N.I. Mishiyev in the second part of *Essays on History of General Literature* (1911) devoted to the epochs of the Middle Ages and Renaissance put Marlowe on the first place among Shakespeare's predecessors and considered *The Tragical History of Doctor Faustus* to be the best writer's work. Marlowe was also mentioned in *Readings on History of General Literature* (1914) by I.I. Gilivenko. The most detailed analysis of creative work by Marlowe as a great predecessor of Shakespeare was presented by N. K.Bokadorov who devoted to it a separate chapter of his *History of West European Literature of the XVIth – XVIIth centuries.* Cervantes *and Shakespeare* published in 1913. Bokadorov made parallels between Marlowe's creations and many later works of West European and Russian literature of J.W. Goethe, W. Shakespeare, F. Schiller, J.-B. Moliere, G.E. Lessing, W. Scott, E. Zola, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, N.V. Gogol, A.K. Tolstoy. In 1916 in the book by the Russian literary critic K.F. Tiander *The General Course on History of Antique and Western Literature* Marlowe was also named as the most outstanding among Shakespeare's predecessors.

REFERENCES

1. Storozhenko N.I. *Predshestvenniki Shekspira: Epizod iz istorii angliyskoy dramy v epokhu Elisavety* [Predecessors of Shakespeare: A scene from the history of English drama in the age of Elizabeth]. St. Petersburg: tip. V. Demakova Publ., 1872. Vol. 1.
2. Marlowe Ch. Tragicheskaya istoriya doktora Fausta [The Tragical History of Doctor Faustus]. Translated from English by K.D. Balmont. *Zhizn'*, 1899, мol. 7, pp. 178-216, vol. 8, pp. 11-42.
3. Zhatkin D.N., Ryabova A.A. Understanding Christopher Marlowe's creative work in Russia in late 19th – early 20th centuries (K.D. Balmont, M.A. Voloshin, S.S. Rozanov, V.K. Muller). *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2013, no. 3 (41), pp. 226-234.
4. [Ivanov I.I.]. *Angliyskaya drama* [English drama]. Moscow: tipolit. A.V.Vasil'eva i Ko Publ., 1901. 76 p.
5. Vereshchagin Yu.N. *Rukovodstvo k chteniyu izbrannykh proizvedeniy vsemirnoy literatury: V 2 ch.* [Guide to reading the selected works of world literature. In 2 parts]. St. Petersburg: Trud Publ., 1902. Pt. 1, pp. 187-200.
6. Anichkov E.V. *Shekspir i elizavetinskaya drama* [Shakespeare and Elizabethan drama]. Kiev: [n. d.]. 2 p.
7. Matuszewski I. *D'yavol v poezii: Istoriya i psikhologiya figur, olitsetvoryayushchikh zlo v izyashchnoy slovesnosti vsekh narodov i vekov. Etyud po sravnitel'noy istorii literatury* [Devil in poetry. History and psychology of figures personifying evil in belles-lettres of all peoples and ages. Study on the comparative history of literature]. Translated from Polish. Moscow: tipolit. T-va I.N.Kushnerev i Ko Publ., 1902. 283 p.
8. Beletskiy A.I. Legenda o Fauste v svyazi s istoriey demonologii [The legend of Faust in connection with the history of demonology]. *Zapiski Neofilologicheskogo obshchestva pri Sankt-Peterburgskom universitete*, 1911, issue 5, pp. 59-193; 1912, issue 6, pp. 1-66.
9. Mikhaylovskiy N.K. *Poslednie sochineniya: V 2 t.* [Recent works. In 2 vols.]. St. Petersburg: tip. I.N. Klobukova Publ., 1905. Vol. 2, pp. 421-442.
10. De La Bart F.G. *Besedy po istorii vseobshchey literatury i iskusstva* [Talks on the history of world literature and arts]. Kiev: izd. Kievskoy zhenskoy gimnazii A.T.Duchinskoy Publ., 1914. Pt. 1, IV, 161 p.
11. De La Bart F.G. *Besedy po istorii vseobshchey literatury* [Talks on the history of world literature]. Moscow: tipolit. T-va I.N.Kushnerev i Ko Publ., 1914. Pt. 1, XIV, 351 p.
12. Brandes G. *Sobranie sochineniy: V 20 t.* [Collected Works. In 20 vols.]. Translated from Danish by M.V. Luchitskaya. St. Petersburg: tipolit. T-va "Prosveshchenie" Publ., 1909. Vol. 16, pt. 1, 425 p.
13. Zelinskiy F.F. *"Komediya oshibok"* ["Comedy of Errors"]. In: Shakespeare W. *Polnoe sobranie sochineniy: V 5 t.* [Complete Works. In 5 vols.]. St. Petersburg: F.A.Brokgauz – I.A.Efron Publ., 1902. Vol. I, pp. 53-67.
14. Dashkevich N.P. *"Romeo i Dzhul'etta"* ["Romeo and Juliet"]. In: Shakespeare W. *Polnoe sobranie sochineniy: V 5 t.* [Complete Works. In 5 vols.]. St. Petersburg: F.A.Brokgauz – I.A.Efron Publ., 1902. Vol. I, pp. 181-192.
15. Morozov P.O. *"Korol' Richard Tretiy"* ["King Richard III"]. In: Shakespeare W. *Polnoe sobranie sochineniy: V 5 t.* [Complete Works. In 5 vols.]. St. Petersburg: F.A.Brokgauz – I.A.Efron Publ., 1902. Vol. I, pp. 330-342.
16. Shepelevich L.Yu. *"Venetsianskiy kupets"* ["Merchant of Venice"]. In: Shakespeare W. *Polnoe sobranie sochineniy: V 5 t.* [Complete Works. In 5 vols.]. St. Petersburg: F.A.Brokgauz – I.A.Efron Publ., 1902. Vol. I, pp. 420-431.

17. Shepelevich L.Yu. *Istoriko-literaturnye etyudy: V 2 seriyakh* [Historical and literary studies. In two series]. St. Petersburg.: tip. M.M.Stasyulevicha Publ., 1904. Series 1, pp. 69-93.
18. Braun F.A. *"Korol' Genrikh Chetvertyy"* ["King Henry IV"]. In: Shakespeare W. *Polnoe sobranie sochineniy: V 5 t.* [Complete Works. In 5 vols.]. St. Petersburg: F.A.Brokgauz – I.A.Efron Publ., 1902. Vol. II, pp. 122-129.
19. Anichkov E.V. *"Kak vam eto ponravitsya"* ["As You Like It"]. In: Shakespeare W. *Polnoe sobranie sochineniy: V 5 t.* [Complete Works. In 5 vols.]. St. Petersburg: F.A.Brokgauz – I.A.Efron Publ., 1902. Vol. III, pp. 2 – 6.
20. Vengerova Z.A., Vengerov S.A., Gornfel'd A.G., Rozanov M.N. *Primechaniya k tret'emu tomu* [Notes to the third volume]. In: Shakespeare W. *Polnoe sobranie sochineniy: V 5 t.* [Complete Works. In 5 vols.]. St. Petersburg: F.A.Brokgauz – I.A.Efron Publ., 1902. Vol. III, pp. 566-589.
21. Vengerova Z.A., Vengerov S.A. *Primechaniya ko vtoromu tomu* [Notes to the second volume].In: Shakespeare W. *Polnoe sobranie sochineniy: V 5 t.* [Complete Works. In 5 vols.]. St. Petersburg: F.A.Brokgauz – I.A.Efron Publ., 1902. Vol. II, pp. 555-572.
22. Misheev N.I. *Ocherki po istorii vseobshchey literatury: V 3 ch.* [Essays on the history of world literature. In 3 parts]. St. Petersburg: "Prometey" N.N.Mikhaylova Publ., [1911]. Pt.2, [4], 236 p.
23. Glivenko I.I. *Chteniya po istorii vseobshchey literatury* [Reading on the history of world literature]. Petersburg, Kiev: Sotrudnik Publ., 1914. 428 p.
24. Bokadorov N.K. *Istoriya zapadnoevropeyskoy literatury XVI – XVII vv. Servantes i Shekspir: Lektsii, chitannye v osenniy semestr 1912 g.* [History of Western literature of the 16th-17th centuries. Cervantes and Shakespeare: Lectures at the autumn semester of 1912]. Kiev: tip. 1-y Kievskoy arteli pech. Dela Publ., 1913. 480, III p.
25. Tiander K.F. *Obshchiy kurs istorii antichnykh i zapadnykh literatur* [The general course of the history of ancient and Western literature]. Petersburg: tipolit. A.E.Vineke Publ., 1916. Issue 4, 91 p.
26. Sha T. [Shou T.]. Ocherk angliyskoy literatury. Stat'ya pervaya i vtoraya [Essay on English literature. Article One and Two]. *Biblioteka dlya chteniya*, 1847, vol. 83, July, pt. V, pp. 1-36.
27. Samarin R.M. *<Angliyskaya literatura XVI v.> Dramaturgiya* [< English literature of the 16th century> Drama]. In: *Istoriya vsemirnoy literatury: V 9 t.* [History of World Literature. In 9 vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1985. Vol. 3, pp. 307-316.
28. Parfenov A.T. *Kristofer Marlo i legendy Vostoka i Zapada* [Christopher Marlowe and legends of East and West]. In: Marlowe Ch. *Two Tragedies. Tamburlaine the Great. Doctor Faustus*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1980, pp. 184-239.
29. Dzhivelegov A.K., Boyadzhiev G.N. *Istoriya zapadnoevropeyskogo teatra ot vozniknoveniya do 1789 goda* [History of Western European theater from its origin to 1789]. Moscow-Leningrad: Iskusstvo Publ., 1941. 615 p.
30. Silversvan B.P. *Teatr i stsena epokhi Shekspira v ikh vliyanie na togdashnyuyu dramu* [Theatre and the scene in the age of Shakespeare in their impact on the contemporary drama]. In: *Sbornik istoriko-teatral'noy sektsii* [Collection of historical and theater section]. Petersburg: izdanie Teatral'nogo otdela Narkomprosa Publ., 1918. Vol. 1, pp. 1-46.
31. Boyanus S.K. *Vneshniy obikhod pridvornogo teatra vremen korolevy Elizavety* [The external way of the Court Theatre of Elizabethan Time]. In: Polyakov A.S. *Ezhegodnik Petrogradskikh gosudarstvennykh teatrov. Sezon 1918/1919 g.* [Yearbook of Petrograd State theaters. Season 1918/1919]. Petersburg: 9 gosudarstvennaya tipographiya Publ., 1920, pp. 54-68.
32. Smirnov A.A. *Angliyskiy teatr v epokhu Shekspira* [English theater in the age of Shakespeare]. In: Gvozdev A.A., Smirnov A.A. (eds.) *Ocherki po istorii evropeyskogo teatra: Antichnost', Srednie veka i Vozrozhdenie* [Essays on the history of European theater: Antiquity, Middle Ages and Renaissance]. Petersburg: Academia Publ., 1923, pp. 142-178.
33. Myuller V.K. *Drama i teatr epokhi Shekspira* [Drama and theater of Shakespeare]. Leningrad: Academia Publ., 1925. 170 p.

Received: April 18, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 51–55 DOI: 10.17223/15617793/383/7

УДК 821.161.1:821.134.2.0

О.В. Малышева

ПЕРВЫЙ ЭТАП РЕЦЕПЦИИ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» В ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В отечественном и зарубежном литературоведении не ослабевает научный интерес к творчеству М.А. Булгакова в целом и к отдельным его произведениям. Однако вопросы рецепции творчества Булгакова в испаноязычном мире до сих пор не стали предметом специального изучения. В данной статье проводится анализ первоначальной испаноязычной критической рецепции, представленной в виде предисловий и статей, с целью выявления специфики восприятия романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в испаноязычном мире, в частности в Испании, Мексике и на Кубе. Актуальность данной работы обусловлена возросшим интересом современных гуманитарных наук к проблемам рецептивной эстетики, переводоведения и диалога культур.

Ключевые слова: Булгаков; рецепция; испанский язык; литература.

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом современных гуманитарных наук к проблемам рецептивной эстетики, переводоведения и диалога культур. Впервые в российском литературоведении проделан специальный развернутый анализ первоначальной испаноязычной литературно-критической рецепции романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Цель исследования – выявить специфику восприятия романа Булгакова испаноязычной культурой. Материалом для анализа стали все тексты первоначальной рецепции романа: три предисловия, две вступительные статьи к роману и одна статья в специальном журнале.

В России роман Булгакова был опубликован в 1966–1967 гг. в сокращенном виде в журнале «Москва». Переводы произведения вышли более чем в двадцати странах мира. Вслед за публикацией романа в России появляются исследования отечественных и зарубежных исследователей: В.Я. Лакшина [1], М.О. Чудаковой [2], Г.А. Лесскиса [3], М. Глени [4], Р. Шредера [5], А.К. Райта [6] и др.

Испаноязычная версия романа была впервые опубликована в Испании в 1968 г. издательством «Альянса» в переводе Амайи Лакасы Санчи [7]. Однако яркая особенность литературно-критической испаноязычной рецепции романа Булгакова состоит в том, что она началась достаточно поздно. Первая работа, написанная в виде вступительной статьи испанским писателем, литературным критиком и переводчиком Хосе Луисом Хименес-Фронтином, датируется июлем 1989 г. [8]. Первое же серьезное специальное исследование романа появилось только в 2012 г.: книга Беатрис Сусаны Гиудиси Фернандес «Мастер и Маргарита: этический роман» была опубликована издательством университета г. Леон «Ареа де публикасьенес» (Испания) [9]. Поэтому литературно-критическое восприятие романа Булгакова испаноязычной культурой и литературой конца XX – начала XIX в. фактически является первым этапом его рецепции.

Причина позднего изучения романа в Испании обусловлена, в первую очередь, историко-политическим контекстом. Переводческий кризис, наступивший с началом Второй мировой войны, затронул многие европейские страны, включая Испанию. Кроме того, в самой Испании вплоть до начала 50-х гг. XX в. испанским правительством был наложен запрет на русистику. Появлению переводов произведений русской литературы в Испании способствовало возвращение испанских репатриантов на родину в 70–80-е гг. XX в., сформировавших новое поколение профессиональных переводчиков-русистов [10. С. 62, 63].

Существенным является и мнение Хименеса-Фронтина о том, что массовый читатель в Испании был готов воспринимать произведение Булгакова только после 80-х гг. XX в., что и обусловило его популярность на территории Королевства в это время [8. С. 8], а также в некоторых странах Латинской Америки, поскольку Испания являлась посредником в распространении русской литературы в Латинской Америке [10. С. 72].

В своей работе Химнес-Фронтин рассматривает роман «Мастер и Маргарита» в литературно-философском контексте. По его мысли, Булгаков предлагает ответ на вопрос о значении таких философских понятий, как добро, зло, смерть, свобода, чувство вины и т.д. По мнению испанского критика, Булгаков создает новый фаустианский миф, где центральное место занимает сильная, свободная и красивая женщина, готовая ради любви продать душу дьяволу.

Хименес-Фронтин говорит о свойственной булгаковскому тексту «антисентиментальности», подразумевая «чувствительность, не вызывающую слез» [8. С. 9] у читателя. В качестве примера критик говорит о том, что Булгаков не стремился к идентификации читателя с главными героями романа (Мастер и его возлюбленной), опускал основные психологические моменты объяснения быстрой и фатальной влюбленности героев.

В 1990 г. испанское издательство «Дебате» (г. Мадрид) переиздает роман «Мастер и Маргарита», снабдив его предисловием испанского литературного критика и писателя Хосе Марии Гелбензу [11].

В своей работе испанский критик вслед за русскими булгаковедами (Л. Яновская [12], М.О. Чудакова [2], И.З. Белобровцева и С.К. Кульюс [13] и др.) отмечает связь романа Булгакова и трагедии Гете «Фауст», отраженной уже в эпиграфе. Согласно Гелбензу, образ Воланда воплощает идею неразрывности добра и зла, заключенную в данный эпиграф. С одной стороны, критик видит Воланда современным дьяволом, который совершает добро. С другой стороны, дьявол устраивает различные козни с целью разоблачения человеческих недостатков, таких как лень, безответственность, эгоизм, скупость, бездарность.

В своей работе Гелбензу соглашается с социально-политической трактовкой романа, предложенной английским исследователем Д.Дж.Б. Пайпером (Велико-

британия) [14], который, в свою очередь, датирует события романа 1937 г.

По мнению Гелбензу, концепция всего романа Булгакова ориентирована на разрушение идеи светлого будущего, пропагандируемой коммунистами. Испанский критик считает, что Булгаков своим произведением в целом и в частности с помощью образа Воланда подрывает веру в эту идею и разрушает «коммунистический рай, который Сталин строил на трупах своих сограждан» [11. С. 9]. По мысли Гелбензу, Воланд, обнажая недостатки людей, демонстрирует подлость и гнусность диктаторского и бюрократического социального общества, формируемого под руководством Сталина, а также высмеивает «удушающий социальный аппарат коммунистической бюрократии» [Там же]. Гелбензу добавляет, что критика Булгакова в виде сатиры была направлена в самое сердце системы и переворачивала с ног на голову «гротескную и уничтожительную бюрократизацию Рая на Земле» [Там же].

Как полагает Гелбензу, этой системе противопоставлены главные герои романа, Мастер и Маргарита. Образ Мастера для Гелбензу многогранен. Как и русские булгаковеды, испанский писатель видит в Мастере автобиографического героя, полагая, что Мастер – это персонификация самого Булгакова. Литературным прототипом Мастера, по мысли Гелбензу, является князь Мышкин из романа «Идиот», поскольку Мастер наделен теми же чертами характера, что и герой Ф.М. Достоевского. Кроме того, Гелбензу указывает на сходства в характере и поведении Мастера и Иешуа Га-Ноцри.

Образ Маргариты для Гелбензу символизирует жизнь и возрождение. Именно она, по его мнению, определяет судьбу Мастера и его произведения, а также судьбу их любви.

Анализируя образы Понтия Пилата и Иешуа Га-Ноцри, Гелбензу отмечает, что это «два живых героя, лишенных мифического, но не эпического» [11. С. 7]. Гелбензу видит Пилата размышляющим «многострадальным наблюдателем» [Там же. С. 11], а Иешуа Га-Ноцри – смелым человеком, в котором легко угадывается образ Христа.

В 1992 г. барселонское издательство «Сиркуло де Лекторес» включает в переиздание испаноязычной версии романа «Мастер и Маргарита» сопроводительную статью «Магия произведения» испанского переводчика Рикардо Сан Висенте [15].

Сан Висенте рассматривает роман Булгакова в автобиографическом ключе: Мастер персонифицирует самого Булгакова, так как главный герой страдает той же болезнью, что и сам Булгаков, – «болезнью искусства» [15. С. 10]; оба подвергаются жесткой критике и травле в литературном мире, оба в одиночку борются с ненавистным им миром с помощью искусства. Образ Маргариты для Сан Висенте также автобиографичен и соотносим с третьей супругой Булгакова.

В своей статье Сан Висенте опирается на работу Б.М. Гаспарова [16]. Согласно Б.М. Гаспарову, тема Нового Завета проходит красной нитью через все творчество Булгакова. По мнению русского исследователя, образы и мотивы Нового Завета появлялись уже в ранних произведениях писателя. Одним из таких образов является образ центрального героя, «осмысляемый, через посредство евангельских ассоциаций, как образ Сына» [16. С. 84], одинокого, оставшегося без поддержки в окружающем его враждебным мире.

В романе «Мастер и Маргарита» этим центральным героем романа, по мнению Сан Висенте, является Мастер, который в одиночку борется против враждебного мира с помощью знания и Библии. С точки зрения испанского критика, Библия является одним из «каббалистических и эмблематических инструментов произведения Булгакова. <…> Ей Мастер посвятит свое произведение в новом изложении, чтобы раскрыть правду» и показать «одиночную дуэль» [15. С. 10] Иисуса с окружающим его враждебным миром.

В 2000 г. литературный журнал «Летрас Либрес» (Мексика) публикует статью под названием «Мастер и Маргарита» мексиканского литературного критика, историка и эссеиста Кристофера Домингеса Мичаэля [17].

С точки зрения Домингеса Мичаэля, роман Булгакова представляет собой сплетение трагедии «Фауст» и собственной писательской версии Нового Завета.

Ассоциативное сходство «Мастера и Маргариты» с трагедией Гете мексиканский критик видит в образах главных героев. Так, например, Воланд олицетворяет гетевского Мефистофеля. По мысли литературоведа, Булгаков использует образы Воланда-Мефистофеля и сопровождающих его демонов как средство борьбы с террором, господствующим в 30-е гг. XX в. в Советской России.

По мнению Домингеса Мичаэля, Фаусту, заключившему сделку с Мефистофелем, в романе Булгакова соответствует позиция Маргариты: она заключает договор с Воландом, чтобы освободить Мастера и «позволить узнать нам виновного в смерти Христа, в космогоническом преступлении, загадка которого является основой для христианства» [17. С. 87]. Это одна из вечных проблем мировой христианской литературы, «Иисус Христос в вечной жизни земного человечества» [18. С. 86]. Согласно мексиканскому литературоведу у Булгакова сделка с дьяволом приобретает особый смысл: писатель превращает священную историю в рассказ, «лишая христианство своей загадочной законной силы» [17. С. 88].

По мысли Домингеса Мичаэля, апокрифическое сказание Булгакова не только противоречит канонической версии Нового Завета, но и идет вразрез со всей русской литературой, где центральной фигурой был образ Христа. Мексиканский критик пишет, что Иешуа лишен роли центрального героя. Более того, добавляет литературовед, Булгаков убирает из романа главный символ христианства – Крест и игнорирует Воскрешение Христа.

По мнению Домингеса Мичаэля, герой Булгакова – это Понтий Пилат, рассматриваемый критиком как тиран «слишком гуманный и поэтому страшный», «всемогущий, но бессильный» [17. С. 88], испытывающий муки совести до самой смерти оттого, что ставил интересы государства выше личных желаний. В образе Понтия Пилата Домингес Мичаэль видит фигуру Сталина.

В 2004 г. испанское издательство «Сиркуло де Лекторес» (г. Барселона) переиздает роман «Мастер и

Маргарита» в переводе Амайи Лакасы, снабдив предисловием под названием «Рукописи не горят», написанным в 2003 г. кубинским писателем и переводчиком Хосе Мануэлем Прито [19].

Прито анализирует роман в рамках социально-политического подхода. Особенно ярко это проявляется в московских сценах. По мысли Прито, Булгаков изобразил мир Москвы как «преисподнюю», «бурлящий источник предательств, скрытых заговоров и доносов» [Там же. С. 14], что вместе с отраженной в романе проблемой острой нехватки жилья является зеркалом социально-экономической ситуации начала 30-х гг. XX в. в Советском Союзе.

Ключевой сценой московского мира Прито называет сеанс магии в Варьете, где обличаются недостатки общества. Более того, Прито рассматривает сеанс магии как сеанс разоблачения, где Булгаков высмеивает социальный строй СССР, «разрушая миф о новом человеке, возникшем при социализме» [Там же. С. 16]. Здесь Прито отмечает несомненную связь романа «Мастер и Маргарита» с повестью «Собачье сердце», где описан научный эксперимент по пересадке человеческого гипофиза и семенных желез с целью создания «нового человека».

Кроме того, Прито видит в сцене магии в Варьете отсылку на московские показательные процессы. Фраза Воланда «Ну вот моя свита <…> и устроила этот сеанс, я же лишь сидел и смотрел на москвичей» [20. С. 202], по мнению писателя, говорит о тайном присутствии Сталина на всех судебных процессах.

Прито рассматривает Воланда как доброго дьявола, прототипом которого является черт из романа Достоевского «Братья Карамазовы». Кроме того, испанский литературовед отмечает внешнее сходство Воланда с дьяволами из романов Й. Рота «Исповедь убийцы» и Т. Манна «Доктор Фаустус». По мнению Прито, иностранная внешность Воланда имеет скрытый политический подтекст, имея в виду шпионаж, распространенный в Москве в 30-х гг. XX в.

Согласно Прито, Булгаков с помощью образа Воланда хотел уравновесить добро и зло, так как чаша весов сместилась в сторону зла, которое исходило от представителей власти. Поэтому Прито рассматривает Воланда как «единственную силу, способную противостоять бóльшему злу, террору сталинизма» [19. С. 17].

Кубинский писатель видит политический подтекст даже в главах «библейского мира» [Там же. С. 11]. С точки зрения Прито, Пилат – «исполнитель чужой воли, кто-то, кто делает зло, выполняя свой долг, и значит, заслуживает сострадания» [19. С. 14]. В этой связи просьбу Маргариты о прощении Пилата Прито называет «великодушным призывом о пощаде в стране, где убийство и уничтожение превратились в профессию миллионов» [Там же].

Иешуа Га-Ноцри, по мнению Прито, – добродушный человек. Прито подчеркивает глубокую связь Иешуа и князя Мышкина из романа Ф.М. Достоевского «Идиот» и отмечает, что Иешуа свойственны те же черты характера, что и герою Достоевского, а именно доброта и умение прощать. Прито добавляет, что запах розового масла, предшествующий появлению Иешуа Га-Ноцри, символизирует его божественную природу. Здесь кубинский писатель проводит аналогию между романом Булгакова и романом Габриеля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», где желтые бабочки предшествовали появлению Маурисио Вавилоньи.

В 2004 г. мексиканское издательство «Лекторум» опубликовало второй испаноязычной перевод романа, выполненный кубинским писателем и переводчиком Хулио Травьесо Серрано [21]. Он же выступил и автором предисловия ко второй испаноязычной версии романа.

Говоря о структуре построения произведения, Травьесо Серрано, как и русские исследователи (Чудакова [2], Лескисс [3], Белобровцева и Кульюс [13] и др.), отмечает, что произведение «Мастер и Маргарита» – это роман в романе. Здесь литературовед видит структурное сходство романа Булгакова с романом Сервантеса «Дон Кихот».

Травьесо Серрано рассматривает «Мастера и Маргариту» в автобиографическом ключе, где портрет главного героя персонифицирует самого Булгакова, образ Маргариты соотносим с супругой Булгакова; а ситуация травли и преследований, в которой Мастер находится после публикации отрывка из его романа, напоминала собственную судьбу писателя. Травьесо Серрано добавляет, что после смерти Мастер обретает вечный покой, к которому, возможно, стремился и сам Булгаков.

Кубинский переводчик анализирует роман Булгакова в широком литературном контексте. Травьесо Серрано считает «Мастера и Маргариту» сатирико-фантастическим произведением, написанным в лучших сатирических традициях русской литературы. Помимо прочего, Травьесо Серрано сравнивает роман «Мастер и Маргарита» с такими произведениями, как «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта и «Гаргантюа и Пантагрюэль» Фр. Рабле. Причем к последнему, по мнению кубинского переводчика, роман Булгакова наиболее близок по наличию максимального количества фантастических ситуаций.

Согласно Травьесо Серрано, фантастическое проявляется, в первую очередь, в действиях Воланда и его свиты. Однако наивысшей точкой проявления фантастического кубинский переводчик видит в сцене Великого Бала у Сатаны, являющийся, по его мнению, прямой отсылкой на бал в Доме литераторов. Травьесо Серрано рассматривает бал исходя из семиотической теории карнавала М.М. Бахтина как «большой карнавал, полный юмора, смеха и пародии» [21. С. 14].

По мысли Травьесо Серрано, Булгаков в своем романе находит ответ на философские вопросы о значении добра и зла, где зло есть «дополнение добра, оно необязательно губительное, и когда оно есть, то действует как верное наказание» [Там же].

Для кубинского писателя образ Воланда олицетворяет зло. Он и его свита совершают убийства, поджоги, несут разрушения. Однако, как отмечает Травьесо Серрано, именно Воланд вызволяет Мастера из сумасшедшего дома, освобождает Понтия Пилата от его тысячелетнего плена, дарит Мастеру и Маргарите покой. Таким образом, согласно Травьесо Серрано, Воланд воплощает идею неразрывности добра и зла, эксплицируемую в эпиграфе к роману.

Проанализировав материалы испаноязычной литературно-критической рецепции, мы пришли к следующим

выводам. Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» рассматривается в испаноязычной культуре в широком литературном контексте. Литературные критики и писатели отмечают связь «Мастера и Маргариты» с такими произведениями мировой литературы, как «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Фауст» Гете, «Сто лет одиночества» Г. Гарсиа Маркеса, «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Фр. Рабле и др.

Вслед за русскими булгаковедами испаноязычные исследователи (Гелбензу, Сан Висенте, Травьесо Серрано) говорят об автобиографизме романа: портрет главного героя, Мастера, олицетворяет самого Булгакова, выражая созвучные автору настроения и переживания; образ возлюбленной Мастера, увековечивший третью супругу Булгакова; ситуация катастрофы, в которой Мастер находится после публикации части его произведения и бешеной травли его критиками.

Роман также рассматривается и в евангельском контексте, где образ Иешуа Га-Ноцри отождествляется с фигурой Иисуса Христа (Гелбензу, Прето, Травьесо Серрано). Особым образом выделяется позиция Домингеса Мичаэля относительно децентрализации образа Христа в лице Иешуа Га-Ноцри. По его мнению, в булгаковской апокрифической версии Нового Завета главным героем становится Понтий Пилат-Сталин.

Специфическая особенность восприятия романа Булгакова в испаноязычном мире определяется преимущественно социально-политической его интерпретацией. По мнению исследователей (Гелбензу, Прето, Домингес Мичаэль), в романе изображена социально-экономическая и политическая ситуация СССР в 30-е гг. XX в.: террор, сталинские репрессии, бюрократия, внутренний мир москвичей, их межличностные отношения. По мысли исследователей, противостоять существовавшему политическому режиму, бороться против него мог только дьявол, воплощающий в рамках философско-эстетического подхода идею неразрывности добра и зла.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лакшин В.* Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Новый мир. 1968. № 6. С. 284–311.
2. *Чудакова М.О.* Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. 1976. № 1. С. 218–253.
3. *Лесскис Г.А.* «Мастер и Маргарита» Булгакова (манера повествования, жанр, макрокомпозиция) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1979. Т. 38, вып. 1. С. 52–59.
4. *Glenny M.* Mikhail Bulgakov // Survey. L., 1967. Vol. 65, № 10. P. 3–14.
5. *Bulgakow M.* Der Meister und Margarita. Berlin : Verlag Kultur und Fortschritt, 1968. S. 393–428.
6. *Wright A.C.* Satan in Moscow: An approach to Bulgakov's «The Master and Margarita» // PMLA. N.Y., 1973. Vol. 88, № 5. P. 1162–1172.
7. *Bulgákov M.* El Maestro y Margarita / [Traductora Amaya Lacasa Sancha]. Madrid : Alianza Editorial, 1968. 476 p.
8. *Bulgákov M.* El Maestro y Margarita; introducción, José Luis Giménez-Frontín; [traducción de Amaya Lacasa]. Barcelona : Círculo de Lectores, 1989. 426 p.
9. *Giudici Fernández B.* El maestro y Margarita : novela ética. León : Universidad de León, Área de Publicaciones, 2012. 243 p.
10. *Оболенская Ю.Л.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М. : Либроком, 2013. 264 с .
11. *Bulgákov M.* El Maestro y Margarita; prólogo de José María Guelbenzu; [versión castellana de Amaya Lacasa Sancha]. Madrid : Debate, 1990. 378 p.
12. *Яновская Л.М.* Творческий путь Михаила Булгакова. М. : Сов. писатель, 1983. 319 с.
13. *Белобровцева И.З., Кульюс С.К.* Путеводитель по роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. 208 с.
14. *Piper D.J.B.* An approach to «The Master and Margarita» // Forum for modern language studies. Edinburgh, 1971. Vol. 7. P. 134–157.
15. *Bulgákov M.* El Maestro y Margarita; traducción de Amaya Lacasa; prólogo de Vittorio Strada. Barcelona : Círculo de Lectores, 1992. 446 p.
16. *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М. : Наука ; Изд-я фирма «Восточная литература», 1994. 304 с.
17. *Dominguez Michael C.* El Maestro y Margarita // Letras Libres. 2000. № 15. P. 86–88.
18. *Новикова Е.Г.* Живописный экфрасис в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Ст. 2. Пять картин // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 78–86.
19. *Bulgákov M.* El Maestro y Margarita; traducción de Amaya Lacasa Sancha; prólogo de José Manuel Prieto. Círculo de Lectores, Barcelona, 2004. 449 p.
20. *Булгаков М.А.* Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5 : Мастер и Маргарита; Письма. М. : Худ. лит., 1990. 734 с.
21. *Bulgákov M.* El Maestro y Margarita; traducción y prólogo de Julio Travieso Serrano. Mexico : Lectorum, 2004. 412 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 апреля 2014 г.

THE FIRST STAGE OF RECEPTION OF M.A. BULGAKOV'S NOVEL *THE MASTER AND MARGARITA* IN SPANISH-SPEAKING LITERATURE

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 51-55. DOI: 10.17223/15617793/383/7

Malysheva Olga V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: iglow@yandex.ru

Keywords: Bulgakov; reception; Spanish; literature.

The subject timeliness is determined by the high interest of modern humanities to the problems of reception theory, theory of translation and dialogue of cultures. The special detailed analysis of the first Spanish-speaking literary critical reception of M. A. Bulgakov's *The Master and Margarita* has been made for the first time in national literature studies. The author sets the goal to discover specific reception features of Bulgakov's novel in Spanish-speaking culture. The first Spanish version of the novel was released in Spain by the publishing house "Alianza" in 1968. It was translated by Amaya Lacasa Sancha. It is important to note a rather late learning of the literary critical reception of Bulgakov's novel. The first work in the prolusion form written by the Spanish writer, critic and translator J. L. Giménez-Frontín refers to 1989. The first major research of the novel has appeared only in 2012. B.S. Giudici Fernández's book *El Maestro y Margarita: novela ética* was released by the publishing house of the university of Leon "Area de publicaciones" (Spain). So, literary critical reception of Bulgakov's novel by Spanish-speaking culture and literature in the late 20th – early 21st centuries can be considered the first stage of its reception. Spanish-speaking writers and critics consider *The Master and Margarita* by M. A. Bulgakov in a broad literary context pointing out the relation between *The Master and Margarita* and such world literature works as *The Brothers Karamazov* by F. Dostoyevsky, *Faust* by Goethe, *One Hundred Years of Solitude* by G. García Márquez, *Gulliver's Travels* by J. Swift, *The Life of Gargantua and of Pantagruel* by François Rabelais. Following the Russian researchers Spanish speaking writers and critics

consider *The Master and Margarita* as an autobiographic novel where the portrait of the protagonist, Master, personifies Bulgakov himself because the author and his character are similar in expressing their state of mind and feelings, the character study of Margarita symbolizes the third Bulgakov's wife and the situation of literary repressions towards Master after a part of his novel released. They also consider the novel in the evangelic context where Yeshua Ha-Notsri is identified with Jesus Christ. The specific reception feature of Bulgakov's novel in Spanish-speaking world is represented in social and political interpretation. According to the researchers' opinion the socio-economic and political situation of the USSR in the 1930s is described in the novel: the terror, political repressions, bureaucracy, inner world of Moscovites and their interpersonal relationships. From researchers' point of view only the devil who personifies the idea of continuity of the good and the evil in the philosophic and aesthetic interpretation could confront the political regime and fight against it.

REFERENCES

1. Lakshin V. Roman M. Bulgakova "Master i Margarita" [Bulgakov's novel "The Master and Margarita"]. *Novyy mir,* 1968, no. 6, pp. 284-311.
2. Chudakova M.O. Tvorcheskaya istoriya romana M. Bulgakova "Master i Margarita" [Creative history of Mikhail Bulgakov's novel "The Master and Margarita"]. *Voprosy literatury*, 1976, no. 1, pp. 218-253.
3. Lesskis G. A. ["The Master and Margarita" by Bulgakov (narrative style, genre, macro-composition)]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of literature and language], Moscow, 1979, vol. 38, issue 1, pp. 52-59. (In Russian).
4. Glenny M. Mikhail Bulgakov. *Survey*, 1967, vol. 65, no. 10, pp. 3-14.
5. Bulgakow M. *Der Meister und Margarita*. Berlin: Verlag Kultur und Fortschritt, 1968, pp. 393-428.
6. Wright A.C. Satan in Moscow: An approach to Bulgakov's "The Master and Margarita", *PMLA*, 1973, vol. 88, no. 5, pp. 1162-1172.
7. Bulgákov M. *El Maestro y Margarita*. [Traductora Amaya Lacasa Sancha]. Madrid: Alianza Editorial, 1968. 476 p.
8. Bulgákov M. *El Maestro y Margarita*; introducción, José Luis Giménez-Frontín; [traducción de Amaya Lacasa]. Barcelona: Círculo de Lectores, 1989. 426 p.
9. Giudici Fernández B. *El maestro y Margarita: novela ética*. León: Universidad de León, Área de Publicaciones, 2012.
10. Obolenskaya Yu.L. *Khudozhestvennyy perevod i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Literary translation and intercultural communication]. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom" Publ., 2013. 264 p.
11. Bulgákov M. *El Maestro y Margarita*; prólogo de José María Guelbenzu; [versión castellana de Amaya Lacasa Sancha]. Madrid: Debate, 1990. 378 p.
12. Yanovskaya L. M. *Tvorcheskiy put' Mikhaila Bulgakova* [Creative way of Mikhail Bulgakov]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1983. 319 p.
13. Belobrovtseva I.Z., Kulyus S.K. *Putevoditel' po romanu M. A. Bulgakova "Master i Margarita"* [Guide on the novel by Mikhail Bulgakov "The Master and Margarita"]. Moscow: Moscow University Press Publ., 2012. 208 p.
14. Piper D.J.B. An approach to "The Master and Margarita". *Forum for modern language studies*, 1971, vol. 7, pp. 134-157.
15. Bulgákov M. El *Maestro y Margarita*; traducción de Amaya Lacasa; prólogo de Vittorio Strada. Barcelona: Círculo de Lectores, 1992. 446 p.
16. Gasparov B.M. *Literaturnye leytmotivy. Ocherki russkoy literatury XX veka* [Literary keynotes. Sketches of Russian literature of the twentieth century]. Moscow: Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publ., 1994. 304 p.
17. Dominguez Michael S. El Maestro y Margarita. *Letras Libres*, 2000, no. 15, pp. 86-88.
18. Novikova E. G. Painting ekphrasis in "The Idiot" by F.M. Dostoevsky. Article 2. Five paintings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 6 (26), pp. 78-86. (In Russian).
19. Bulgákov M. *El Maestro y Margarita*; traducción de Amaya Lacasa Sancha; prólogo de José Manuel Prieto. Barcelona: Círculo de Lectores, 2004. 449 p.
20. Bulgakov M.A. *Sobranie sochineniy v 5-ti t.* [Collected works in 5 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. Vol. 5, 734 p.
21. Bulgákov M. *El Maestro y Margarita*; traducción y prólogo de Julio Travieso Serrano. Mexico: Lectorum, 2004. 412 p.

Received: April 09, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 56–61 DOI: 10.17223/15617793/383/8

УДК 81'1

А.А. Миклашевский

ВЕРБАЛЬНАЯ И ВИЗУАЛЬНАЯ ОБРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Статья посвящена экспериментальному исследованию порождения и вербальной репрезентации вторичного образа в процессе мышления. Под вторичным образом понимается образ предмета или явления в сознании при отсутствии воздействия соответствующего предмета на органы чувств. Делается попытка разграничения вербального и визуального путей обработки информации на материале ассоциативных рядов, полученных в ходе эксперимента. Выделяются критерии такого разграничения, описываются группы полученных ассоциаций.

Ключевые слова: вторичный образ; вербальная репрезентация; ассоциативный эксперимент; фрейм.

В рамках психологии восприятия используется термин *вторичный образ*, который охватывает все образные явления, переживаемые субъектом при отсутствии непосредственного воздействия соответствующего объекта (т.е. при отсутствии ощущения). А.А. Гостев пишет: «…вторичные образы в широком понимании могут быть определены как образы предметов и явлений, имеющие свое бытие в субъективном мире человека в отсутствие непосредственно воздействующего на них стимула-прообраза. <…> Иными словами, вторичный образ по своему содержанию не связан с непосредственным воздействием на человека окружающей среды. Термин, следовательно, выступает как обобщающий для всех переживаемых в различных состояниях сознания образных явлений, “вторичных” в указанном выше смысле по отношению к перцептивным образам» [1. С. 25]. Понятие вторичного образа может применяться к продуктам восприятия любой модальности (например, аудиальные образы или вкусовые образы), однако чаще всего этим термином обозначают именно визуальные образы.

Вторичный образ видится исследователям как ступень мышления и как способ отражения реальности одновременно: «…сформированный в единстве восприятия, мышления и речи вторичный образ является прогрессивной, качественно новой ступенью познания, формой более обобщенного, но вместе с тем чувственного отражения реальности» [Там же. С. 27].

Способность сознания оперировать как с вербальной, так и со зрительной информацией неоднократно становилась предметом внимания как философов, так и исследователей-экспериментаторов. Так, например, Р. Солсо пишет: «Тема образов была неотъемлемой частью философии древнегреческих мыслителей, прежде всего Аристотеля и Платона, а позже – британских эмпириков, особенно Локка, Беркли, Юма и Хартли. Количественную оценку мысленных образов можно найти у Гальтона... <…> Изучение образов привлекло интерес нескольких исследователей, например Титченера и Беттса (Titchener, 1909; Betts, 1909). В задачу их исследования входила оценка испытуемыми своей способности к визуализации объекта, например яблока, контура лица или солнца, опускающегося за горизонт» [2. С. 329].

При этом опора на вербальную и опора на образную обработку информации некоторыми исследователями противопоставлялись (до определенной степени), и это противопоставление связывалось ими с явлением функциональной асимметрии головного мозга: «Клинические наблюдения пациентов с мозговыми расстройствами, проведенные Лурия (Luria, 1976) и Фарах (Farah, 1988, 1995), показывают, что поражение левого полушария мозга связано с нарушениями вербальной памяти, в то время как поражение правого полушария связано с памятью на визуальный материал. Эти результаты подтверждают теорию двойного кодирования: одна система ответственна за кодирование и обработку зрительной информации, другая – за кодирование и обработку вербальной информации» [2. С. 341]. С другой стороны, не отрицается и связь обеих систем в организации системного знания о мире: «Выделение вербальной и образной систем может быть сопоставлено с формулировкой двух значимых вопросов: что представляется (вербальная репрезентация) и как вещи выглядят при представливании (субъективная форма образа)» [1. С. 30].

Таким образом, мы видим два различных подхода к изучению образа: с одной стороны, визуальные образы рассматриваются с позиций психологии восприятия как объективно существующие в некотором внутреннем субъективном пространстве (сознания), с другой же стороны, в рамках когнитивной психологии речь идет, прежде всего, о различных способах кодировки поступающей информации и, соответственно, дешифровки ее (как, например, при решении задачи на умственное вращение [3. С. 117]). Следовательно, в одном случае в центре внимания оказываются характеристики вторичного образа как отражения реальности (и, соответственно, изучается его цвет, форма, положение и т.д.), тогда как в другом случае внимание сосредоточено на процессуальной стороне функционирования образа (скорость «кодирования» и «перекодирования», извлечения из памяти и т.д.). На данное различие обращает внимание А.А. Гостев, отмечая большие возможности когнитивного подхода: «Понимание вторичных образов как “картинок” не учитывает информационные, нейрофизиологические механизмы порождения и переработки образной информации. В то же время высказанные замечания в адрес традиционного понимания образов с позиций исследований их когнитивных механизмов не означают игнорирования субъективной формы вторичного образа – его “сенсорной полимодальности”» [1. С. 40].

Представляется вероятным, что вторичные образы организованы в систему по принципам, отличным от языковых, хотя и нельзя полностью отрицать взаимное влияние этих двух систем репрезентации единого зна-

ния о мире. При этом можно предположить, что обработка поступающей информации будет проходить с опорой на одну либо на другую систему. А.А. Гостев пишет о влиянии психологической задачи на данный процесс: «В зависимости от особенностей психологической задачи обработка информации может опираться либо на образную систему, либо на вербальную, либо на обе системы» [1. С. 30]. Тем не менее нам представляется, что выбор между двумя системами может зависеть не только от задачи, но и от целого ряда других факторов, таких, например, как природа стимула, особенности мышления и восприятия респондента, его индивидуальный опыт, форма проведения эксперимента и т.д.

При этом очевидно, что содержания сознания нельзя наблюдать напрямую, и потому их изучение мы проводим только через репрезентацию в материальной плоскости (или снимая определенные показатели). Например, в эксперименте с мысленным вращением измеряется скорость реакции, в случае с интроспекцией мы имеем дело с продуктом речевой деятельности при процессе самонаблюдения (текстом), в случае с ассоциативным экспериментом – с отдельными единицами (словами) и т.д.

Гипотеза. Мы предполагаем, что обработка поступающей информации может быть осуществлена посредством вербальных средств или же визуальных (т.е. через вторичные образы).

Для проверки данной гипотезы был выбран цепочечный ассоциативный эксперимент с изображениями в качестве стимула и с ограничением числа ассоциаций. Мы предпочли форму цепочечного эксперимента свободной потому, что, на наш взгляд, наличие одной реакции не позволяет судить о способе обработки информации, так как языковые отношения во многом способны воспроизвести те отношения, которые существуют между вторичными образами (так, например, внешнее сходство предметов может быть вербально выражено так же, как категоризация на базе языковых значений, или выделение признака может оказаться не реакцией на визуальный вторичный образ, а влиянием устойчивых речевых контекстов и т.д.).

А.Н. Леонтьев пишет о цепочечном эксперименте: «…ассоциативные ряды хотя и состоят из отдельных реакций, однако они не могут рассматриваться как простые механические совокупности. Ассоциативный ряд или отдельный участок ассоциативного ряда есть, прежде всего, некоторое органичное целое, которое определенным образом организует входящие в него части. Таким образом, ассоциативный ряд не представляет собой “цепи” в собственном смысле слова, ибо каждое звено его не только связано с двумя соседними звеньями, но и непосредственно определяет как последующее, так и предыдущее звено, будучи в свою очередь само определено общей структурой ряда. Это сложное взаимодействие целого и его частей, которое мы наблюдали на простейшем материале, так сказать in vitro, вероятно, лежит в основе и более высоких интеллектуальных процессов» [4. С. 71]. Исследователь прямо указывает на то, что цепочка ассоциаций должна восприниматься как единое целое (1), подчиненное более высоким интеллектуальным процессам (которые и оказываются в центре нашего рассмотрения), и указывает на опосредованность последующих реакций предыдущими, а не только начальным стимулом (2). Леонтьев вводит словосочетание *ассоциативный ряд*, которым мы будем пользоваться в качестве терминологического для обозначения последовательности ассоциаций, полученных в качестве реакции на стимул, в аспекте их внутреннего единства и взаимообусловленности, как подчиненных «более высоким интеллектуальным процессам» (из которых нас в данном случае интересуют визуальный и вербальный способы обработки информации).

Несмотря на кажущуюся доступность интроспекции при изучении вербального и визуального способов обработки информации (опрос респондентов), мы предпочли использовать методы лингвистического анализа в связи с тем, что сам вопрос о возможных визуальных образах в сознании будет провоцирующим необходимые образы, тогда как нас интересуют естественные процессы возникновения (или отсутствия) таких образов. Помимо этого, А.Н. Леонтьев предупреждает: «…широко и с достаточным успехом пользоваться самонаблюдением испытуемого оказывается не вполне возможным. Из поля самонаблюдения испытуемого не только ускользает само течение процесса ассоциирования, и даже простое толкование содержания речевых реакций передается им лишь в наиболее общей форме и с совершенно недостаточной уверенностью, особенно же в отношении больших по числу реакций рядов. Кроме того, испытуемый, зная о последующем опросе его, невольно направляет свое внимание на содержание своих реакций в самом процессе ассоциирования и тем самым в значительной мере искажает его» [4. С. 61].

Ход эксперимента. В ходе эксперимента испытуемым было предложено 13 изображений-стимулов, которые демонстрировались на слайдах при помощи проектора. Среди стимулов были как отдельные образы (например, яблоко, рука, стакан, свеча), так и образы в контексте (елочная игрушка на ветке в окружении других, картина В.А. Тропинина «Девушка со свечой»). Кроме того, часть образов была жизнеподобной, «реалистической» (фотографии яблока, ботинка, стакана), часть – подчеркнуто «художественной», «условной» (набросок стакана и ботинка, пейзаж «Лесное озеро. Облако» А.И. Куинджи). Мы предполагаем, что разнообразие стимулов позволяет получить большее количество различных ассоциативных рядов и впоследствии выявить возможную корреляцию этих факторов (реалистичность / условность; наличие / отсутствие контекста) со способами обработки информации.

К каждому изображению требовалось дать три ассоциации (цепочечный эксперимент). Изображения оставались на экране до тех пор, пока аудитория не напишет свои ассоциации, и респонденты могли обращаться к ним снова.

Испытуемым была предъявлена инструкция в устной форме, которая также была отпечатана перед каждой анкетой: *«Посмотрите, пожалуйста, на изображение, а затем напишите по порядку три ассоциации, которые возникли у вас»*. Всего в эксперименте участвовало 67 испытуемых, из них 40 – в возрасте 12–14 лет и 27 – в возрасте 17–20 лет. Среди участников эксперимента был

21 мужчина. Представляется значимым, что все респонденты 17–20 лет (40%) являются студентами первого курса филологического факультета.

Всего было получено 67 анкет, которые содержали 871 ассоциативный ряд. Из этого числа мы исключили 3 анкеты, в двух из которых отсутствовало более 25% требуемых ответов, а третья содержала большое количество абстрактной лексики, слабо (на наш взгляд) связанной с содержанием картинок и сложной для обработки результатов. Кроме того, были исключены отдельные ряды ассоциаций, которые не соответствовали условию эксперимента (т.е. содержали менее трех ассоциаций) либо почерк респондента не позволял разобрать хотя бы одно слово. Таких рядов в общей сложности было 35. Всего, таким образом, из 871 ряда ассоциаций было исключено 74 (= 3*13 + 35), что составило 8,5%.

Таким образом, в дальнейшем все вычисления производятся в отношении к числу ассоциативных рядов 797 (= 871 – 74) и к числу респондентов 64 (= 67 – 3).

Стоит отметить, что в настоящее время нет общепринятой классификации реакций, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, как нет и потребности в ней. Как пишет Е.И. Горошко, «произведенный анализ существующих нескольких десятков классификаций ассоциативного материала, полученного в ходе САЭ, показал, что проблема его качественного анализа до сих пор остается не вполне решенной, и построение некой идеальной классификации ассоциаций, основанной на неком непротиворечивом принципе, невозможно и не нужно. <…> Выбор основания классификации, как правило, определяется теми целями и задачами, которые стоят перед исследователями, использующими САЭ, т.е. её основной принцип зависит напрямую от того, что исследователь хочет найти, соответственно этому обычно и выстраивается его система классификации» [5].

В отношении заявленной проблемы (преобладание языкового либо образного мышления при обработке информации) среди ответов мы выделили следующие группы:

– Ассоциативные ряды, репрезентирующие образный способ обработки информации. Например, такими ассоциативными рядами являются, на наш взгляд, следующие: *СТИМУЛ: фотография облака – РЕАКЦИЯ: «облака; черное; белое», «вата; пасмурно; пух»*.

– Ассоциативные ряды, репрезентирующие вербальный способ обработки информации. К таким, например, мы отнесли: *СТИМУЛ: Тропинин В.А. «Девушка со свечой» – РЕАКЦИЯ: «древнее время; прошлый век; огонь», «классика; искусство; идеал»*.

Помимо языковых и визуальных ассоциативных рядов мы выделили третью группу – «ситуативные» ассоциации. А.Р.Лурия называет подобные ассоциации «внешними» и пишет о них: «Под “внешними” ассоциативными связями обычно понимаются “ассоциации по смежности”, когда данное слово вызывает какой-либо компонент той наглядной ситуации, в которую входит названный объект (такие ассоциативные связи, как *“дом – крыша”, “собака – хвост”, “кошка – мышь”* и т.д. могут служить примером подобных “внешних” ассоциативных связей)» [6. С. 110, 111]. Нам представляется вероятным, что «внешние» ассоциации могут быть сопоставлены (с учетом разницы методологического подхода) с понятием фрейма (как фрейма-сценария, так и фрейма-образа), предложенным М. Минским [7. С. 130–135].

1. Последовательность ассоциаций, раскрывающая образный способ мышления. В данную группу были отнесены ряды ассоциаций, содержащие:

А) собственно номинации цвета, слова со значением цветообозначения, обозначения яркости, светлого / темного тона (*СТИМУЛ: фотография яблока – РЕАКЦИЯ: «яблоко; крапинка; цвет», «яблоня; красный; фрукт»*);

Б) обозначения формы и размера (*СТИМУЛ: фотография граненого стакана – РЕАКЦИЯ: «круг; стекло; отверстие», «стекло; грань; высота»*);

В) номинации предметов, между которыми не может быть установлено иного соотношения, кроме как через их внешние признаки (цвет, форма) (*СТИМУЛ: фотография облака – РЕАКЦИЯ: «медведь; шарик; туча», «туча; баран; небо»*);

Г) указания на зрительное восприятие через описание качеств, представимых исключительно визуально («прозрачность»), либо через выражение оценки, имеющей визуальное обоснование («красиво», «некрасиво») (*СТИМУЛ: графическое изображение стакана – РЕАКЦИЯ: «темный; рисунок; некрасивый», «нечеткость; штрих; прозрачность»*);

2. Ассоциативные ряды, которые представляют собой проявление языковой обработки предлагаемого изображения. К таким мы относим:

А) синтагматические ассоциации, словосочетания и цепочки ассоциаций, которые представляют собой последовательность (как, к примеру, реакция *«шар; идеальная фигура; зима»* на изображение елочной игрушки, где *«идеальная фигура»* является реакцией на первую ассоциацию, *«шар»*, давая определение с точки зрения геометрии; или *«китайские; ботинки; из Ронокса»*, где все ассоциации представляют собой элементы одной правильной речевой последовательности – *«китайские ботинки из Ронокса»*). В эту группу были отнесены все ассоциативные ряды, содержащие:

– хотя бы одно словосочетание (в том числе сочинительные словосочетания и имена собственные, включающие два слова – Новый год, Кори Монтейт, Дед Мороз и т.д.) (*СТИМУЛ: Тропинин В.А. «Девушка со свечой» – РЕАКЦИЯ: «18-й век; классическая литература; жизнь простого человека»; СТИМУЛ: графическое изображение яблока – РЕАКЦИЯ: «чистое яблоко; капли росы; яблоко и ветка»*);

– последовательно расположенные единицы, образующие синтаксическую последовательность (существительное + прилагательное, существительное + глагол, глагол + наречие, глагол + существительное с предлогом и т.д.) и грамматически согласованные между собой (*СТИМУЛ: фотография свечи – РЕАКЦИЯ: «огонь; горит; свеча»; СТИМУЛ: Тропинин В.А. «Девушка со свечой» – РЕАКЦИЯ: «девушка; ждет; грустно», «девушка; красивая; добрая»*);

– цитаты, устойчивые речевые формулы или построенные по их модели высказывания (*«прошлый век», «древние времена», «тучки вечные странники»,*

«память об усопшем», «не от мира сего», «нервные клетки не восстанавливаются» и т.д. – большая часть их автоматически попадает в разряд словосочетаний); отдельные реакции, представляющие собой фрагмент прецедентного текста, но при отсутствии в ряду других элементов (например, реакция на изображение яблока – *«раздор»*, на изображение картины – *«масло; холст»*) (*СТИМУЛ: фотография облака – РЕАКЦИЯ: «туча; дождь; тучки вечные странники»; СТИМУЛ: фотография ботинка – РЕАКЦИЯ: «ботинок; новая модель; модно»*).

В эту группу не были отнесены ряды, содержащие возможные фрагменты предложений тождества и оценки («существительное в именительном падеже – существительное в именительном падеже»), поскольку нет формальных признаков, позволяющих отличить их от простых последовательностей существительных в анкете;

Б) парадигматические ассоциации, несводимые к соположению предметов в реальности, т.е. позволяющие говорить именно об их языковой мотивированности (*«ботинок; кроссовок; обувь», «стакан; кружка; посуда»* – нахождение согипонима и затем гиперонима). Сюда были отнесены все ассоциативные ряды, включающие:

– гипоним и его гипероним *(СТИМУЛ: графическое изображение ботинка – РЕАКЦИЯ: «ботинок; кроссовок; обувь»)*;

– согипонимы (*СТИМУЛ: фотография ботинка – РЕАКЦИЯ: «брейк-данс; бег; прыжки»; СТИМУЛ: фотография стакана – РЕАКЦИЯ: «минералка; молоко; водка»*);

– синонимы и антонимы (*СТИМУЛ: изображение яблока – РЕАКЦИЯ: «яблоко; фрукты; плоды», «сладкое; вкусное; сочное»*);

В) к этой же группе можно отнести ассоциации, представляющие собой последовательность абстрактных существительных (так как они, по определению, не являются наглядно-образно представимыми), однако сделать это для каждого случая с уверенностью нельзя, поскольку можно предположить, что отдельные респонденты связывают и абстрактную лексику с некими вторичными образами в своем сознании (*СТИМУЛ: фотография свечи – РЕАКЦИЯ: «недолговечность; скорбь; тлен»; СТИМУЛ: Тропинин В.А. «Девушка со свечой» – РЕАКЦИЯ: «невинность; молодость; тепло»*).

Кроме того, один из респондентов, отреагировав ассоциацией *«уход»*, подписал в скобках: *«от “уходить”»*. Очевидна языковая рефлексия, что также может быть отнесено к показателям вербального осмысления полученной информации.

3. «Внешние», или «ситуативные», ассоциативные ряды. К таким последовательностям можно отнести, к примеру, *«яблоко; зубы; вкусное»* (последовательность минимальной операции – откусывания яблока, в которой присутствует динамически развивающееся представление об объекте: яблоко, собственно откусывание (зубы), ощущение вкуса яблока). Целая ситуация разворачивается и в таких последовательностях: *«грязь; улица; на улице холодно», «новогоднее настроение; праздник; счастье», «память об усопшем; храм; молитва», «новый год; запах мандаринов; подарки»*. Такие цепочки ассоциаций явно опираются на целостное знание об объектах и ситуациях, знание, которое получено по различным каналам восприятия и интегрировано в целостную структуру. Можно предположить, что в построении таких структур задействовано как наглядно-действенное, так и наглядно-образное мышление. Наиболее показательным случаем такого типа мышления (целостными картинками-ситуациями) является следующая цепочка ассоциаций, полученная в качестве реакции на изображение свечи: *«кто-то умер; выключили свет; свидание при свечах»*, – где каждая ассоциация раскрывает отдельную ситуацию, и все эти ситуации оказываются актуализированы для респондента одним и тем же образом (свечи).

Уже на данном этапе можно заметить, что в примеры для третьего вида («внешних» ассоциаций) вошли оба предыдущих как составные части. В частности, *«память об усопшем»*, уже связанная нами с языковым слоем (как устойчивое словосочетание), является здесь и частью разворачивающегося знания о ситуации молитвы в храме. С другой стороны, яблоко как конкретный объект присутствующий в индивидуальном опыте каждого респондента, разумеется, может быть (и должен быть) представлен наглядно, прежде чем возникнет память о «ситуации откусывания».

Показательно, на наш взгляд, что во многие цепочки, отнесенные нами к третьему виду, входят именно те аспекты явлений и ситуаций, которые воспринимаются при непосредственной физической вовлеченности в эти ситуации (*«холодно», «вкусное», «запах»*), знания о которых не могут быть получены ни языковым путем, ни простым наблюдением со стороны.

Таким образом, к третьей группе нами были отнесены ассоциации, содержавшие:

А) глаголы и отглагольные существительные, обозначающие действия или процессы + номинации объектов, с которыми совершаются операции, обозначенные этими глаголами и существительными; полные и краткие причастия (*«развязанный шнурок», «нарисовано»*) и целые предикативные основы предложений (*«кто-то умер», «света нет»*) (*СТИМУЛ: Тропинин В.А. «Девушка со свечой» – РЕАКЦИЯ: «картина; художник; рисование»; СТИМУЛ: фотография стакана – РЕАКЦИЯ: «стекло; разбить; вода»);*

Б) последовательность существительных, связь между которыми не может быть объяснена ни внтуриязыковыми отношениями (синтагматическими в прецедентных текстах или парадигматическими), ни отношениями сходства внешней формы или цвета, однако может быть объяснена через соположение референтов в типических ситуациях, хорошо знакомых респондентам (фреймы сценарного типа по М. Минскому [7. С. 132]) (*СТИМУЛ: фотография свечи – РЕАКЦИЯ: «молитва; церковь; дядя», «гадание; вечность; воск»; СТИМУЛ: изображение новогодней ели – РЕАКЦИЯ: «елка; пьянка; фейерверк», «бутылки; праздник; лес», «снеговик; елки; мультик»*);

В) ряды ассоциаций, содержащие маркеры физической вовлеченности субъекта в процесс представления (слова категории состояния, указатели на телесные переживания и иные (кроме зрительного) каналы восприятия, такие как обоняние, осязание, вкусовые ощуще-

ния) (*СТИМУЛ: изображение яблока – РЕАКЦИЯ: «деревня; вкусно; спелое», «мокрый; вкус; спелый», «сочность; юность; прохлада»*);

Г) фрагменты одного целостного образа, также хорошо известного респондентам (например, *«рука; ногти; маникюр»*), т.е. ряды ассоциаций, соотносимые с фреймом-образом [7. С. 130]. Отношения между лексическими единицами такого ряда отражают отношения в реальности между частями единого целого либо партитивные отношения (т.е. между целым и его частью) (*СТИМУЛ: фотография женской руки – РЕАКЦИЯ: «рука; ногти; маникюр», «кольцо; ногти; лак», «ногти; рука; кожа»; СТИМУЛ: графическое изображение ботинка – РЕАКЦИЯ: «ботинок; шнурок; грязь», «подошва; шнурки; грязь», «ботинок; шнурки; кожа»*).

Отметим, что мы определяли количество каждого типа ассоциирования отдельно и не исключали возможности соединения в одном ассоциативном ряду ассоциаций разных типов, относя такие ряды сразу в обе группы.

Результаты:

1. Вторичные образы, отраженные в ассоциациях – 208 случаев (26%) (из них 57 (7%) принадлежат только к этой группе).

2. Языковые ассоциации составляют 366 случаев (46%) (60 (8%) – только в этой группе), из них:

А) синтагматические – 224 случая (28%);

Б) парадигматические – 185 случаев (23%).

3. «Внешние» или «ситуативные» ассоциативные ряды – 586 случаев (74%) (261 (33%) – только в этой группе).

4. Прочие показатели:

А) ни к одной группе не были отнесены 58 случаев (7%);

Б) образные и языковые ассоциации пересекаются в 36 случаях (5%);

В) образные и «ситуативные» ассоциации пересекаются в 55 случаях (7%);

Г) языковые и «ситуативные» ассоциации пересекаются в 210 случаях (26%);

Д) все три типа ассоциирования (образный, языковой и «ситуативный») пересекаются в 60 случаях (8%);

Е) только в одну из групп были отнесены 378 ассоциативных рядов (47%).

Выводы. Ассоциативный эксперимент показал, что ряд ассоциаций действительно позволяет в ряде случаев сделать вывод о преобладании вербальной или образной обработки информации в процессе реагирования на стимул. Однако в чистом виде тот и другой виды обработки информации были выделены нами в столь малом количестве случаев (15% в сумме), что нельзя однозначно утверждать эффективность использованного метода, и, по-видимому, методика анализа ассоциативных рядов нуждается в совершенствовании. При этом в ходе анализа была выделена многочисленная группа так называемых «внешних» или «ситуативных» ассоциаций (74%), которые, по-видимому, соответствуют более устойчивым и целостным фрагментам знания о мире, и потому включают в себя в как вербальные элементы, так и вторичные образы. Кроме того, нами были выявлены отдельные недостатки процедуры проведения эксперимента, в частности, возможность вернуться к визуальному стимулу и после этого начать его обработку другим способом (визуальным / вербальным) сделала ассоциативные ряды неоднородными, возможно, менее целостными, чем они могли бы быть, если бы респонденты не могли больше обращаться к стимулу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гостев А.А.* Психология вторичного образа. М. : Институт психологии РАН, 2007.
2. *Солсо Р.* Когнитивная психология. СПб. : ПИТЕР, 2011.
3. *Андерсон Дж.Р.* Когнитивная психология. СПб. : ПИТЕР, 2002.
4. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность // Избранные психологические произведения : в 2 т. М. : Педагогика, 1983.
5. *Горошко Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Москва ; Харьков : Ра-Каравелла, 2001.
6. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. Ростов н/Д : Феникс, 1998.
7. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 апреля 2014 г.

VERBAL AND VISUAL PROCESSING OF INFORMATION: EXPERIMENTAL RESEARCH

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 56-61. DOI: 10.17223/15617793/383/8

Miklashevski Aleksey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ar-man-s@mail.ru

Keywords: secondary image; verbal representation; associative experiment; frame.

The article is devoted to the experimental study of processing visual information. We assumed the processing of visual information happens in one of two ways – as a consistency of visual images in our mind (these images were called secondary images in perception psychology), or it happens as a verbal process without any images in mind. The problem seems likely to be connected with functional asymmetry of the brain. We conducted an associative experiment, where 13 pictures were used as stimuli. Pictures were shown on the projector screen, and our respondents had to react on each by presenting three associations which constitute associative series (the term of A. N. Leontiev). A. N. Leontiev believed associative series (if we consider them as a whole complex) are representation or reflection of higher forms of thinking. We considered series of associations as a material where we can find evidences of visual or language processing of information. For that we have distinguished three types of association: language processing of information, visual processing, and another way, which was called "external" or "situational" association (we assume these associations can be compared with scripting frames by M. Minsky). Overall about 800 associative series were collected. Associative series which represent visual processing constitute 26 % of all associative series. Language processing was presented in 46 % of all series. "External" series constitute 74 % (all types of associative series have crossing areas). The third type is more complete and it is typical for the description of situations which are familiar to subjects, and their knowledge about these situations is undivided. All three groups of associative series were described in the article, and our reasons (grammatical and semantic) for their separation were also considered, such as indications of size, form or color,

syntagmatic or paradigmatic relations within associative series, indications of subject's bodily involvement in a situation and others. The experiment showed that our theory and method need further clarification and elaboration.

REFERENCES

1. Gostev A.A. *Psikhologiya vtorichnogo obraza* [Psychology of secondary image]. Moscow: Institute of Psychology, RAS Publ., 2007.
2. Solso R. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology]. Translated from English. St. Petersburg: PITER Publ., 2011.
3. See Shepard and Metzler's Test, in: Anderson J.R. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology]. Translated from English. St. Petersburg: PITER Publ., 2002.
4. Leontiev A.N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: V 2-kh t.* [Selected psychological works. In 2 vols.]. Moscow: Pedagogika Publ., 1983.
5. Goroshko E.I. *Integrativnaya model' svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta* [Integrative model of the free association experiment]. Moscow-Kharkiv: Ra-Karavella Publ., 2001.
6. Luriya A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 1998.
7. Minsky M. *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for knowledge representation]. Translated from English. Moscow: Energiya Publ., 1979.

Received: April 30, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 62–69 DOI: 10.17223/15617793/383/9

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 1 «652» (091) (075.8)

Т.В. Лазутина

ФИЛОСОФИЯ АНТИЧНОСТИ КАК ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Рассматривается процесс зарождения и становления западноевропейской культуры. Обращение к культурным традициям Древнего мира позволяет разобраться в вопросе генезиса европейской классической философии и выявить особенности античного мировоззрения как синтеза восточной мудрости и рационального западного стиля мышления. Исследование посвящено античной картине мира, лежащей в основе европейского мышления, и позволяет сформировать представление о сложившейся концепции человека и мира во времена Античности. Концепция исследования определяется пониманием античной философии как полифункционального феномена.

Ключевые слова: античная философия; античное мировоззрение; античная картина мира; космоцентризм; пантеизм; гилозоизм; натурфилософия.

В современной философии актуализируется интерес к мировоззренческой проблематике. Отдельный вопрос составляет рассмотрение картины мира как важнейшего компонента мировоззрения. Каждой эпохе свойственен свой способ понимания и объяснения мира, наличие общих черт, характеризующих эмоциональный настрой людей, проживающих в одно и то же время, свой тип культуры. В современной истории философии возникает интерес к выявлению природы античной картины мира.

Античность – многогранный феномен, представляющий интерес для специалистов, занимающихся проблемами философии, науки, мифологии и искусства. Существуют исследования в области истории философии (В.Ф. Асмус, Т. Гомперц, Ф.Х. Кессиди, А.Ф. Лосев, Дж. Реале, А.Н. Чанышев и др.), которые рассматривают особенности генезиса философии Античности, выявляют специфику отдельных школ и направлений и раскрывают причины «культурного переворота» (А.И. Зайцев) в Древней Греции.

История мировой философии справедливо прочитывается современными исследователями философии как процесс становления и развития общечеловеческой мысли, где полноправно существуют национальные формы философствования, а философу отводится в ней роль исторической фигуры, жизненный путь которой предопределен принадлежностью к конкретной эпохе. Поэтому философ, выступающий в качестве субъекта познания, проявляет себя как индивидуальность, укорененная в определенной культурной среде. Философия всегда национальна, так как порождается человеком, живущим в определенной стране и создающим ее культуру благодаря конкретному языку, поэтому говорят о древнегреческой, индийской, немецкой, русской и других формах философии.

В данной работе философия понимается в качестве особой формы самопознания культуры, где осуществляется рефлексия над основаниями культуры, вырабатываются самые общие принципы мировоззрения людей (общества). Обращение к философско-методологическому анализу специфики античных текстов позволит выявить приемы и способы решения важных мировоззренческих вопросов.

Античность, представляя собой «колыбель» культуры человечества, формирует специфическую картину мира и, как всякая самобытная философия, оформляет свое существование благодаря языковой системе. Античная философия, под которой традиционно понимается совокупность философских учений, возникших и развившихся в древнегреческом и древнеримском рабовладельческом обществе с конца VI в. до н.э. вплоть до VI в. н.э. (до закрытия императором Юстинианом в 529 г. платоновской Академии), вызывает интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей. В наши дни накоплен богатый эмпирический материал, посвященный философии Античности и поиску ее самобытности (В.Ф. Асмус, А. Боннар, Ж.П. Вернан, Г.В.Ф. Гегель, Т. Гомперц, Ф.Х. Кессиди, А.Ф. Лосев, М.К. Мамардашвили, Б. Рассел, А.Н. Чанышев и др.). Проведенный историко-философский анализ античного мировоззрения и его генезиса в отечественном и зарубежном антиковедении свидетельствует о том, что несмотря на присутствующее в Античности разнообразие школ, течений и направлений, существует некоторая общность взглядов в понимании мира, складывается целостная картина мира как определенный исторический способ философствования, где на первый план выдвигается проблема выявления специфики природы, поиск первоосновы мира, формируется интерес к проблемам Космоса, бытия, происходит анализ многообразных взаимоотношений человека с объективным миром. Античное мировосприятие, являющееся истоком европейской культуры, может быть понято и объяснено через представления человека о мире как о прекрасном, гармоничном, симметричном и пропорциональном чувственно данном Космосе (принцип космоцентризма), что нашло отражение в греко-римской философской мысли.

Рассмотрение античной философии как полифункционального феномена сквозь призму ментальности позволит понять и раскрыть специфику образа мыслей, настроения, душевного склада и стереотипов поведения людей, объединенных одной эпохой, культурой, традициями и т.п.

Ведущей (генеральной) функцией античной философии является мировоззренческая функция, которая позволяет сформировать у человека развитую концепцию бытия, общества. Философские вопросы возникают и раскрываются в развитой системе мировоззрения,

под которой традиционно понимают систему принципов, убеждений, идеалов, знаний человека о мире и о самом себе в нем, т.е. понимание человеком своего духовного отношения к миру. Это «определенный способ понимания, оценки и интерпретации действительности, целостное видение реальности, в котором определены место и роль человека в мире, осознано назначение и смысл его жизнедеятельности» [1. С. 10], ведь действительность всегда предстает в качестве «познанной и мировоззренчески интерпретированной, осмысленной через систему человеческих ценностей и целей, которые в свою очередь обусловлены социальной структурой общества, типом его культуры» [Там же].

Философия Античности, выполняя мировоззренческую функцию, ориентирована на отражение универсальных связей человека и мира. В античном мире вырабатывается представление о совершенном человеке как о герое, наделенном красотой физической и духовной, что отражалось в ценностных ориентациях, представляющих систему материальных и духовных благ, которые человек и общество признают определяющими при их взаимодействии. История человечества представляет собой специфическую иерархическую систему ценностей, данную в динамике, отражающую уровень научного, технического развития общества, которая регулирует деятельность людей, задавая тип поведения, общения, т.е. формируя их социальную жизнь. История античной философии свидетельствует, что в духовный, ценностно-мировоззренческий мир человека были включены так называемые «максимы культуры» – обобщенные формулы житейского опыта, выраженные в лаконичной, художественной форме, значение которых заключалось в формировании правил поведения человека. В них «сконцентрированы духовный опыт народа, его мудрость как итог многовековой практической деятельности (фольклорные изречения) и как продукт художественно-литературного и познавательно-теоретического освоения действительности (авторские изречения)» [2. С. 10]. Тем самым, максимы аккумулируют культурный опыт человечества, утверждают в мировоззренчески-обобщенной форме универсальные ценности. В период становления философского знания примером таких «максим культуры» являются изречения «Семи мудрецов», где присутствуют мировоззренческие принципы и моральные нормы античной эпохи, что позволяет считать их началом становления этики. Так, Хилон писал: «Знай себя» и советовал: «Не позволяй своему языку опережать твой разум», Биант отмечал: «О богах говори, что они существуют» и «Говори к месту». Фалес учил: «Учи и учись лучшему» и «Блюди меру». У Солона говорится: «Ничего слишком», Клеобул же дополнил: «Мера – наилучшее», а Питтак утверждал: «Знай меру» и «Нужно знать свое время», Периандр отмечал: «Удовольствия смертны, добродетели бессмертны» и т.п. Тем самым, античная картина мира обогащается представлениями о мере («ничего слишком», «ничего сверх меры»). Роль данных «максим культуры» в формировании античной картины мира велика, так как в них происходило осмысление возможности перехода от «мифологических теогоний к человеку» [3. С. 172], реализованное в дальнейших периодах античной философской мысли («сократическом» и «эллинистическом»). Благодаря «максимам культуры» складывалось представление о калокагатии как гармонии эстетических (прекрасное) и этических (доброе) ценностей, как о способности избирать наилучшее (т.е. «прекрасно-доброе»).

Философия античности представляет собой синкретическое образование, где соединяются восточная мудрость и мощь эллинского гения. Факты свидетельствуют о том, что эпоха Античности породила мифологию, философию, архитектуру, поэзию, театр, базируясь на достижениях восточной цивилизации. В отечественной истории философии античная философия, выросшая из восточной мудрости, рассматривается в качестве уникальной интегральной формы донаучного знания, специфику которой составляет синтез философских учений с учениями о природе, из которых впоследствии развились самостоятельные науки (астрономия, физика, биология) [4. С. 6]. Долгое время (вплоть до V в. до н.э.) научные представления греческих мыслителей о взаимоотношениях «мир – человек» определяли свойственную для Античности постановку и решение философских вопросов. Греческая культура вышла из восточной традиции в математике, астрономии, механике и медицине: «...греки превратили знания, накопленные их восточными соседями и предшественниками, в науки, для которых характерны не только известная сумма данных и сумма наблюдений, но и обоснование познанного, а также его систематическая связь» [4. С. 11]. Восточные влияния отразились не только в стиле мышления, но и в быту греков времен архаики, где происходили заимствования в манере одеваться и особенностях проведения обрядов (погребальных) [5. С. 61]. Исследователи древней философии Востока отмечают, что «…в Древнем Египте и Вавилоне были накоплены значительные математические знания, но только греки начали доказывать теоремы» [6. С. 33], и заключают, что «вполне справедливо считать, что столь специфическое духовное явление возникло в городах-полисах Греции, истинном очаге будущей европейской культуры» [Там же]. Философы Античности революционизировали духовную сферу общества, сформулировав чрезвычайно ценные идеи о природе, человеке, обществе, политике, искусстве, что выразилось в космологической картине мира. Древняя Греция, пройдя путь развития от мифологического сознания к донаучному, создает «теоретический фон познавательного поиска», благодаря которому античная наука «оформилась как последовательный рациональный проект, нацеленный на постижение устройства мира, его характеристик и закономерностей» [6. С. 449]. В Древней Греции сложились все социально-культурные предпосылки для появления науки. Натурфилософский тип оформился в философии Греции в VI в. до н.э. Натурфилософия как умозрительное истолкование природы, рассматриваемой в ее целостности, представляет собой начальную стадию развития понятийной способности сознания, которая появляется в результате отделения умственной деятельности от непосредственно практической. В рамках натурфилософии складывается принцип космогенеза, который сыграет особую роль в формировании научной картины мира. В Древней Греции оформляется новая – космоцентрическая картина мира, центральным элементом

которой является представление о Космосе как о высшем, творящем начале всех явлений окружающей действительности. Если обратиться к генезису философии, факты свидетельствуют, что в Древней Греции понятие «философия» имело смысл, близкий к понятию «наука». Так, например, В.Ф. Асмус отмечает, что древнегреческая философия возникла в неразрывной связи с зачатками научных знаний – математических и естественнонаучных, а также в связи с мифологией и искусством [4. С. 8]. А.И. Зайцев, анализируя «культурный переворот», свершившийся в Древней Греции, указывает, что «среди достижений древних греков… особое место занимает возникновение науки как особой формы систематизированного знания» [7. С. 150].

В античной философии формируется космологически-онтологический характер мировоззрения. Сущее понимается греками как вещественное, стихийное бытие, как материально-чувственный и живой космос. Источником космологических учений античных философов является разнообразная система мифов, которые выразили в символической форме социальные изменения (переход от матриархата к патриархату, от полигамии к моногамии), понимание единства человека и природы.

В мифологическом сознании возникновение мира объяснялось жертвоприношением бога или героя, а «сочетание мужского и женского начала и порождение потомства – вот способ возникновения мира» [8. С. 44]. Данное мифологическое представление пройдет сквозь всю античную философию. Античное мировоззрение по преимуществу политеистично, понимание происхождения многообразия мира рассматривается в свете божественного начала, обладающего способностью устраивать мир. Постепенно формируется представление о боге – Демиурге (Мастере, Зодчем). Герои мифа нередко зооморфны и антропоморфны, а сверхъестественное олицетворяло природные явления, общественные события и человеческие качества. Анимизм становится характерной чертой мифологического понимания мира, где все одушевлено, а различия между жизнью явлений природы и человека непринципиальны. В мифе единство происхождения объединяло различные виды минералов, растений и животных.

Миф как синкретичное образование объединял в себе обыденное знание, разнообразие религиозных верований, разных видов искусства, философии. Своеобразие мифа проявлялось в том, что мысль выражалась в конкретных эмоциональных, поэтических образах, которые подчиняются ассоциативной логике, поэтому мифология дает эмоционально-чувственную картину мира, ее язык символичен. Символизм как способ миропонимания характерен для древних народов. Символ условен, многозначен, многослоен, он вбирает в свою структуру общее и единичное, особенное, он архетипичен. Олимпийская идеология предфилософии и парафилософии (культурной среды) Древней Греции способствовала формированию философского мировоззрения, которое достигло расцвета в эпоху классики античности. Античная философия прошла длительный путь становления, включающий попытку перехода «от Мифа к Логосу», ее возникновение исследователи связывают со стремлением греков к преодолению мифологии как формы родового сознания. Анализ античной культуры позволяет трактовать описанную в мифологии борьбу олимпийских богов против своего отца Кроноса как процесс диалектического перехода от Хаоса к Космосу, а мир самих олимпийских богов символизирует гармонию Космоса. Данные взгляды определили художественное понимание Космоса как «материально-чувственного и живого, гармоничного, симметричного, ритмично устроенного», который «организуется универсальной безличной силой… в предельно обобщенном виде, то есть космос видимого звездного неба и земли, покоящейся в центре, со всеми свойственными этому космосу правильными и вечными закономерностями и с круговоротом вещества в природе между землей и небом, а вместе с тем и с таким же круговоротом душ» [9. С. 149]. Поэтому «…для всей античности наиболее совершенным и непревзойденным произведением искусства является чувственный космос, в сравнении с которым всякое человеческое искусство трактуется как малоценное предприятие, а для Платона и вообще как пустая забава» [Там же. С. 150].

Гилозоизм, согласно которому все живое одухотворено, представляет специфику мифологического мировосприятия [10. С. 139, 140]. Понимание космоса как живого и одушевленного начала в контексте антропоморфизма мифологической картины мира дополняется пантеистическим взглядом на его природу.

Для античной философии характерно обожествление природы: «Космос для нее абсолютен, божественен, а отдельные боги – лишь принципы действия разнообразных сторон космоса или природы. Даже в развитых вариантах космогонических теорий античности боги не творят мир из ничего, а всего лишь придают ему форму, причем с согласия и при участии необходимости. Суверенитет природной необходимости – одна из онтологических аксиом греческого умозрения» [8. С. 13]. Т. Гомперц, выявляя особенности античного понимания мира, отмечает, что «очеловечивание природы не только доставило неисчерпаемый материал инстинкту игры, постепенно облагородившемуся до инстинкта художественного творчества, – оно дало вместе с тем и первое удовлетворение научному стремлению человека, его жажде осветить тот безграничный мрак, среди которого он живет и дышит» [11. С. 39–49].

Философия античности – это систематическое размышление о предельных основаниях бытия, которое сопряжено с проблемой возникновения и познания мира. Основной предмет античной философии – познание природы в ее структурности, космоса, в том числе и человека как его неотъемлемой части. Отсюда вытекает поиск первоосновы мира, представляющий интерес античных натурфилософов. Базируясь на древних знаниях восточных цивилизаций, греческие философы выявили некоторые общие законы природных явлений, черты регулярности и повторяемости в них. Перейдем к рассмотрению основных философских школ в их понимании первоосновы («архэ»). Так, Милетская школа натурфилософов (Фалес, Анаксимандр и Анаксимен) проявляет интерес к «физису» – природному началу всего сущего. Для понимания смысла «природы» доксография использует два термина: «начало» («архэ») и «элемент» («стихия»), которые подчеркивают, в зави-

симости от контекста, ее субстанциальную или генетическую стороны [1. С. 40]. Античная философия – натурфилософия. Древнегреческие натурфилософы считали, что основой всех вещей являются природные стихии (вода, воздух, огонь, земля или апейрон как смесь стихий).

Античная философия объединяет начало науки и систему мифологических представлений, нередко первооснова мира имеет символическое прочтение. Так, согласно концепции Гераклита огонь – символ изменчивости: «Все обменивается на огонь, и огонь – на все, подобно тому как золото на товары, а товары на золото», а мир – огонь, «мерами загорающийся и мерами потухающий». Гераклит писал: «Огонь живет смертью земли, воздух живет смертью огня, вода живет смертью воздуха, а земля – смертью воды» [12. С. 37]. Фалес Милетский под первоосновой, материальной субстанцией мира понимает влагу – «жидкий, текучий физис», наблюдая за явлениями природы и пытаясь изыскать естественные причины происходящего. Его ученик Анаксимандр вводит понятие «апейрон» для обозначения первоначала. Образ мира, согласно воззрениям Анаксимандра, геометрический, так как Земля, имея округлую форму, занимает центральное место в мироздании. Анаксимен, анализируя характер естественных процессов, сводит все к «сгущению и разрежению воздуха», создавая диалектику взаимоперехода вещества.

Пифагорейцы видели первоначало в виде числа. Культ Диониса сыграл особую роль в формировании греческой философии, в частности пифагорейской традиции, где числам приписывалось особое идеальное бытие и «жизнь, идущая от нерасчлененных и хаотических потенций к расчлененному, завершенному и гармонически цельному организму» [9. С. 159]. Факты свидетельствуют, что в начале своего становления пифагорейство, сакрализирующее число, носило ярко выраженный практически-мистический характер, лишь впоследствии оно получило теоретическое, математическое и музыкальное обоснование. Высказывают предположение, что «вырастая на основе общегреческого стихийного материализма, пифагорейцы вначале совсем не отличали чисел от тел и только на более поздней стадии своего развития стали противополагать числа и вещи, наподобие платоновского противоположения идей и вещей» [Там же]. Пифагор – сторонник метемпсихоза, как орфик, он верит в переселение души человека после смерти в тела других существ. Учение Пифагора пронизано мифологическими образами, где мир понимается как живое и шаровидное тело, которое вдыхает из окружающего беспредельного пространства пустоту, разделяющую и обособляющую вещи. В арифметике Пифагор исследовал суммы рядов чисел, в геометрии – элементарнейшие свойства плоских фигур, ему принадлежит открытие несоизмеримости отношения между диагональю и стороной квадрата. Таким образом, в античности получает развитие концепция числа, где число и различные числовые структуры рассматриваются в качестве первоосновы бытия, тем самым, закладываются основы современной науки, языка математики.

Эмпедокл развивает учение о четырех стихиях (огне, воздухе, воде, земле), объясняющее все естественные процессы сочетанием и разделением материальных носителей.

Элеаты (Парменид, Зенон и др.) рассматривают единое и умозрительное бытие в качестве первоосновы. Наибольшего расцвета онтологическая проблематика достигла в рамках Элейской школы, где, следуя Пармениду, под бытием понимают любое существование, реальность во всех видах. Парменид в философской поэме «О природе» рассматривал два вопроса (об отношении бытия и мышления и о соотношении бытия и небытия) и утверждал, что «быть или вовсе не быть – вот здесь разрешенье вопроса. Есть бытие, а небытия вовсе нету» [12. С. 39], и признавал, что в сущности все неизменно: «одно и то же есть мысль и бытие» [Там же]. Он рассматривал бытие как Единое, бесструктурное, неделимое, данное умозрительно. Зенон – ученик и последователь Парменида – стремился доказать единство и неизменность бытия в форме апорий.

Атомисты (Левкипп, Демокрит и др.), соглашаясь с представителями Элейской школы, что бытие умопостигаемо, в противоположность им, считали «архэ» чувственно не воспринимаемые физические частицы – атомы, которые находятся в пустоте. Демокрит выступает родоначальником атомистики – философского учения, согласно которому первоосновой мира является атом (с греч. «неделимый», «мельчайший») – предел делимости вещества. Атом, согласно Демокриту, кроме внешней формы, порядка, положения и величины, обладает подвижностью [3. С. 245]. Движение, как известно, атрибут материи, это важнейшее свойство как атомов, так и всего реального мира. Атомистика исследует движение атома в пустоте, развивая тем самым стихийную диалектику. Философия античности стремилась познать закономерности развивающегося мира, общества, отсюда интерес атомистов к причинности как необходимости: «Ни одна вещь не происходит попусту, но все в силу причинной связи и необходимости» [Там же. С. 248]. Впервые в философии специальному анализу Демокрит подвергает категорию «необходимость». К основным достижениям атомистики современная наука относит оформление идеи о субстанции мира, формулировку принципа элементарности, который сводил все вещи к элементам, отличным от образующихся из них вещей, построение микроструктуры мира.

Древнегреческие философы-материалисты (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Левкипп, Демокрит и др.) считали субстанцией различные физические элементы, обладающие особыми качествами, или атомы, комбинации которых определяют свойства вещей. Движение, соединение и разъединение элементов или атомов порождают все видимое многообразие во Вселенной. Материалисты древности считали, что ощущения, мысли, чувства – это определенное изменение, возникающее в некоторых частях тела в момент воздействия на него вещей окружающего мира. В противоположность этому, идеалисты, прежде всего Платон, относят к субстанции мира эйдосы, представляющие собой «образцы, эталоны, по которым создана вся природа; причины, или источник бытия вещей, их свойств и отношений; идеалы, цели, к которым стремится все существующее; общие понятия о смысле, сущности предмета» [12. С. 23]. В отличие от материалистов античности

Платон и его последователи считали земной мир тенью мира идей, царства чистой мысли.

Итак, античные мыслители впервые провели различие между материальным и идеальным бытием. В истории философии выделяют так называемую «линию Демокрита» и «линию Платона», представляющие системы монистического материализма и монистического идеализма. В Античности оформляется оппозиция «материальное – идеальное», воплотившаяся в формулировании основного вопроса философии: вопроса об отношении мышления (сознания) к бытию (объективному миру, материи), другими словами, вопроса о соотношении двух типов реальности – объективной и субъективной.

Произошедшая перестройка античного мышления вызвала формирование языка и методологии философии. Философия Античности радикально переосмысляет обыденный язык, сочетая его с символическим языком мифа. В отечественном антиковедении (В.Ф. Асмус, А.Ф. Лосев, А.Н. Чанышев и др.) фиксируется мысль о том, что поиск обобщающих категорий, упорядочивающих многообразие чувственного опыта, теоретических структур, объясняющих природу и причины изменений мироздания, способствовал освобождению от схем мифологического мышления. Так, в философский лексикон Платон ввел понятие «эйдос» («идея»). Тщательная разработка терминологии, строгость формулировок, подробная аргументация позволили Аристотелю создать первое универсальное физическое учение о круговом характере всякого движения, наличии у каждой вещи ее естественного места и т.п., что способствовало развитию натурфилософии, ставшей в дальнейшем фундаментом схоластического мировоззрения Средних веков. Античность вырабатывает такие понятия, как бытие, возможность, актуальность, форма, субстрат, единое, идеи, сущность и др. Тем самым, Античность разрабатывает собственный философский язык и методологию. Использование методов рефлексии и умозрения позволяет философии выполнять важнейшую и специфическую функцию – прогностическую по отношению к специальным, естественным и социальным наукам. Это проявляется в том, что философия способна создавать новые понятия и категории, готовит для специальных наук своеобразную предварительную программу их будущего понятийного аппарата. Так, важнейшая для естественных наук идея атомистики, как известно, возникла в философских системах Древней Греции, а затем развивалась внутри философских школ до тех пор, пока естествознание и техника не достигли необходимого уровня для ее конкретно научного воплощения [13. С. 417].

Таким образом, в антиковедении [10, 13–18] утвердился взгляд о том, что античная философия прошла длительный путь своего развития «от Мифа к Логосу», через мифологически-религиозное мировоззрение к становлению материалистически мыслящей науки. Результатом данных трансформаций является открытие атомизма в физическом мире (Левкипп, Демокрит, Эпикур), раскрытие природы понятия и познания (Платон), выявление политической сущности человека (Аристотель), интерес к человеку как коммуникативному (софисты) и нравственному (Сократ), космополитическому (Диоген) существу и др. Полученные знания в Античности являются интегрально-философскими и представляют особое синкретическое образование, где соединяется восточная мудрость и рационализм мышления греко-римских философов.

Древнегреческие натурфилософы, анализируя единство в многообразном мире, отмечают, что все явления противоречивы и вместе с тем связаны друг с другом, непрестанно изменяясь, одни из них исчезают, другие возникают: «...раздвоение мира на противоположности в философии выступает не только в единичной, но и во всеобщей форме: четное и нечетное (Пифагор считал, что четные и нечетные числа представляют женское и мужское начала), предел и беспредельное, единое и многое, совершенное и несовершенное… Полярные противоположности, исключая друг друга, изменяются и переходят друг в друга, так что раздвоение единого выступает как самоудвоение. Согласно Гераклиту, мир ритмично рождается из огня и превращается в огонь; хаос – это будущий (и бывший) космос, а космос – бывший (и будущий) хаос» [2. С. 21]. Так постепенно в Античности складывается диалектика (как учение о тождестве и противоречии противоположностей) и ее альтернатива – метафизика (как метод философии, рассматривающий явления, процессы действительности вне их взаимосвязи и развития, где противоположности «отрываются» друг от друга). Таким образом, античная философия формирует представление о методе, выполняя методологическую функцию.

Философия Античности выступает как самосознание культуры. Культурно-воспитательная функция античной философии заключается в формировании высокой культуры мышления (само понятие «культура» впервые введено в философский лексикон Марком Туллием Цицероном в работе «Тускуланские беседы» и использовалось в значении «культура ума»). Заслуга Цицерона в том, что он провел отличие «человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни», впервые использовав его в переносном смысле применительно к воздействию на человеческий ум.

В Древней Греции произошла универсализация принципа понимания человека как телесно-духовного существа, что отразилось в идеале красоты человеческого тела. Античное понимание человека как гармонично развитого телесного существа наиболее ярко запечатлено в образах скульптуры, которая представляет собой образец наивысшей человеческой красоты (вспомним канон Поликлета – пример знания совершеннейших пропорций человеческого тела). Телесность античной эстетики привела к формированию в философии таких категорий, как мера и симметрия, ритм и гармония.

В Древней Греции осуществлен «сократический поворот» философии, произошло рождение интереса к человеку как нравственному существу. Особенностью мировоззрения Сократа является перемещение интереса от общественной проблематики к внутреннему миру человека. Исследователи истории философии отмечают, что в формировании античного мышления особую роль выполнял анализ этических проблем: «Этические устремления (от гр. ethos – «нрав, характер») в античном понимании означали заботу об устройстве жизни полиса (античного города-государства), разумных за-

конах, регулирующих его жизнедеятельность, и заботу о гражданине полиса, о его добродетельном поведении и следовании общественным идеалам» [6. С. 451]. Непосредственное влияние на формирование античного мировоззрения оказали софисты, которые от разгадывания тайн природы (первыми натурфилософами Греции) обратились к постижению сущности человека (Протагор: «Человек есть мера всех вещей»). Для воспитания нового мышления показательно утверждение Протагора, что государство и законы возникли в результате соглашений между людьми, а не созданы богами. Отсюда произошло разделение естественного права («физис») и права договорного («номос»). Роль софистов в истории культуры неоспорима, они продвигали развитие логики, эристики, семиотики, языкознания, этики, правоведения, педагогики. Но главным достижением софистики была риторика. Заслуга софистов состоит в том, что они обратили внимание философии на проблемы языка как средства коммуникации, а человек воспринимается ими как «мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» [13. С. 43]. Для них главное – не система логических доказательств, а методы убеждения, позволяющие любыми средствами выиграть спор. Так, агонистика, с ее особым духом состязательности, соревновательности, сыграла определяющую роль в становлении античного мировоззрения.

В Античности с именем Аристотеля связывают рождение формальной логики (термин «логика» появился позднее – полтысячи лет спустя, его впервые употребил Александр Афродизийский). Аристотель систематизировал предыдущее донаучное знание, став основоположником целого ряда дисциплин – логики, психологии, риторики, политической науки, истории, географии, биологии.

Сократовское влияние на мировую философскую мысль выразилось в понимании человека как свободного, независимого существа, формируемого кинизмом (Антисфен, Диоген Синопский) и привнесшего в европейскую культуру космополитизм – принцип философии, согласно которому человек воспринимает себя «гражданином мира». Мировоззрение киников (аскесис – максимальное ограничение потребностей, апайдеусиа – средство достижения свободы и аутаркейа – независимость, цель свободы) произвело переоценку нравственных и гражданских ценностей, оно базировалось на представлении о счастье как добродетели, презрении к богатству и наслаждениям, в противовес киренаикам (философам-гедонистам, последователям учения Сократа, таким как Аристипп, Гегесий, Феодор и др.), усматривающим в чувственном наслаждении высшее благо. На обоснование этики направлена философия Эпикура, сводящая призвание философа к обоснованию свободного поведения, не связанного природной необходимостью. Эпикуреизм представляет особую программу удаления от мира, от общественных забот, что обусловлено политической основой эллинизма. Кризис греческого общества привел к обособлению отдельного гражданина, к индивидуализации, к формированию мироощущения, где наличествовала свобода вероисповедания, синкретизм и субъективность. Стоицизм (Зенон из Китиона, Панеций, Сенека, Марк Аврелий) формирует представление о человеке в мире, где властвует необходимость, а свобода состоит в подчинении судьбе.

В Античности происходит формирование развитой системы религиозных и этических понятий через язык гомеровского эпоса, ставшего основой греческой поэтической традиции. Рождение трагедии (буквально – «песня козлов») из хоровой песни и комедии («песня комоса» – праздничного деревенского шествия) революционизировало художественное творчество, повлияв на развитие мировой культуры. Трагедия в Античности (наиболее знамениты трагедии Эсхила «Орестея», «Прикованный Прометей», Софокла «Антигона», «Царь Эдип» и Еврипида «Медея», «Федра», «Троянки») как литературная форма возникла из мистерии. Античная трагедия «впервые рождает в человеческих существах (проходящих через участие в трагедии, через восприятие ее) – человека, которого без нее не было бы…», т.е. исполняет воспитательную функцию, приводя к катарсису («очищению аффектов через страх и сострадание трагическому действу») [19. С. 171, 172].

В античной философии развивается исторический корпус науки. Так, согласно концепции Геродота – «отца истории», существовало пять исторических периодов (золотой, серебряный, бронзовый, героический и железный), у Гесиода в «Трудах и днях» история общества символически составляет четыре века (золотой, серебряный, медный и железный).

Античность создает и развивает медицинскую науку. Наиболее точно характеризует уровень развития античной медицины «Гиппократов корпус» – свод сочинений врачей, принадлежавших к школе Гиппократа (вторая половина V в. – начало IV в. до н.э.), где содержится два подхода к пониманию медицины. Первый – состоит в уподоблении медицины «физике», благодаря чему человек рассматривается как микрокосм («малый мир»), где здоровье и болезни даны во взаимосвязи в нем общих природных стихий. Второй подход выводит болезни из наблюдаемых причин, тем самым, Гиппократ использует принцип наглядности и практической применимости [1. С. 23]. В трудах Гиппократа «О священной болезни» и «О воздухе, водах и местах» устанавливается связь между состоянием здоровья, в том числе психического, отдельных людей и народов и влиянием климатических условий [5. С. 108]. К достижениям Гиппократа – «отца медицины» – относятся: правильная диагностика болезней; применение им профилактических мер, таких как диеты и гигиена; выделение четырех основных типов человеческих темпераментов (сангвиник, флегматик, холерик и меланхолик), а также бессмертное правило для врачей: «не навреди».

Античный мир формировал систему ценностей (Сократ, Платон, Аристотель и др.), отражающих социальный идеал эпохи. Разработка представлений о социальном идеале наиболее активно проводится в творчестве Платона, сыгравшего важную роль в формировании современной социологической мысли. В диалоге-утопии «Государство» [20] Платон выявил отрицательные стороны различных типов государственного устройства и управления, а также обозначил модель наилучшего государственного устройства, что позволяет утверждать о наличии развитой социально-аксиологической функции античной философии.

Таким образом, среди функций, выполняемых античной философией как полифункциональным феноменом, на первый план выступает мировоззренческая функция. Тесно связанная с мировоззрением «картина мира» – система знаний о мире, о месте человека в нем – характеризуется особой изменчивостью, обусловленной сменой мировоззренческих взглядов, она исторична. Понимание специфики античной картины мира позволяет сформировать развитое представление о сложившейся концепции человека и мира во времена Античности.

Проведенный анализ античной культуры свидетельствует о наличии специфических ценностных и эмоциональных установок человека, его переживании мира и своего места в нем в области философии, науки, образах мифологии и искусства.

Специфика античного мировоззрения включает в себя: его онтологический характер; космоцентрическую картину мира; пантеизм; гилозоизм; натурфилософию; оформление основного вопроса философии и ведущих философских направлений (материализм и идеализм, скептицизм и антискептицизм, эмпиризм и рационализм, номинализм и реализм и др.); поиск первоосновы (архе) мира; разработку категориального аппарата и языка философии; специфическую философскую методологию (диалектика и метафизика, эклектика); систему социально-аксиологических идеалов; формирование представления о личности как духовной индивидуальности; определение понятия меры («ничего слишком», «ничего сверх меры»); в нем утверждается преимущество созерцания перед практической деятельностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабушкин В.У.* О природе философского знания. М. : Наука, 1978. 205 с.
2. *Лойфман И.Я.* Мировоззренческие штудии : избр. работы. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. 100 с.
3. *Чанышев А.Н.* Философия Древнего мира. М. : Высш. шк., 2001. 703 с.
4. *Асмус В.Ф.* Античная философия. М. : Наука, 1978. 136 с.
5. *Куманецкий К.* История культуры Древней Греции и Рима / пер. с пол. В.К. Ронина. М. : Высш. шк., 1990. 351 с.
6. *Купцов В.И.* Философия и методология науки. М. : Аспект Пресс, 1996. 551 с.
7. *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. СПб. : Филологический факультет СПб, 2000. 320 с.
8. *Шитиков М.М.* История философии. Становление древней философии. Екатеринбург : Изд. УГГА, 1998. 100 с.
9. *История* эстетической мысли : в 6 т. Т. 4 : Вторая половина XIX века / ред. М.Ф. Овсянников. М. : Искусство, 1987. 525 с.
10. *Кессиди Ф.Х.* От мифа к логосу (Становление греческой философии). М. : Мысль, 1972. 309 с.
11. *Гомперц Т.* Греческие мыслители / пер. Д. Жуковского и Е. Герцыг. СПб., 1999. Т. 1. 605 с.
12. *Яковлева Л.Е., Яковлева Л.И., Радул Д.Н.* Хрестоматия по западной философии: Античность. Средние века. Возрождение. М. : Астрель, 2003. 800 с.
13. *Ушаков Е.В.* Введение в философию и методологию науки. М. : Экзамен, 2005. 528 с.
14. *Рассел Б.* История западной философии / пер. с англ. ; подг. текста В.В. Целищева. СПб. : Азбука, 2001. 960 с.
15. *Боннар Андре.* Греческая цивилизация. Т. 2 / пер. с фр. О.В. Волкова ; предисл. Ф.А. Петровского. М. : Искусство, 1991. 334 с.
16. *Боннар Андре.* Греческая цивилизация. Т. 3 : От Еврипида до Александрии / пер. с фр. О.В. Волкова ; предисл. Ф.А. Петровского. М. : Искусство, 1991. 398 с.
17. *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988. 159 с.
18. *Лосев А.Ф.* История античной философии в конспективном изложении. М. : Мысль, 1984. 204 с.
19. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии. М. : Аграф, 1997. 320 с.
20. *Платон* / пер. с древнегреч. С.С. Аверинцева, А.Н. Егунова ; примеч. А.А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1999. 656 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 22 апреля 2014 г.

THE PHILOSOPHY OF THE ANTIQUITY AS A POLYFUNCTIONAL PHENOMENON

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 62-69. DOI: 10.17223/15617793/383/9

Lazutina Tatiana V. Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: LazutinaTV@yandex.ru

Keywords: antique philosophy; antique attitude; antique picture of the world; pantheism; hylozoism; natural philosophy.

In this work philosophy is understood as a special form of self-knowledge of culture where the reflection over the culture bases is carried out, the most general principles of outlook of people (society) are developed. The appeal to philosophical methodological analysis of specifics of antique texts will allow revealing means and ways of the solution of important world outlook questions. The concept of this article is defined by the specifics of genesis of ancient philosophy from pro-philosophy of the East, pro-philosophy of Greece and relationship of ancient philosophy with para-philosophy, that is it cultural environment. The problem the article is aimed to solve is a result of the analysis and synthetic generalization of a theoretical material from various spheres of knowledge of the Ancient East and the Ancient West, therefore the leading organizing method is the system approach allowing to consider ancient philosophy as an integrity. This work bases on theoretical achievements of domestic and foreign authors in the field of history of philosophy, ontology and the theory of knowledge, methodology of science, axiology, philosophical anthropology, ethics, esthetics, social philosophy and semiotics. The understanding of the specifics of the antique picture of the world allows creating a developed idea of the concept of the person and the world at the time of Antiquity. The carried-out analysis of ancient art testifies to existence of specific axiological and emotional orientations of the person, his experience of the world and the place in it in the field of science, philosophy, images of mythology and art. The antique attitude which is a source of the European culture can be understood and explained through the ideas of Space and the world of the person, about the beautiful as a sensually given Space (the principle of a cosmocentrism), which found reflection in the Greek-Roman philosophical thought. Philosophy is a multifunctional phenomenon. Consideration of ancient philosophy as a multifunctional phenomenon through a prism of mentality will allow understanding and opening the specifics of views, mood, temper and stereotypes of behavior of the people united by one era, culture, traditions, etc. The leading (general) function of ancient philosophy is the world outlook function which allows creating the person's concept of life, societies. Philosophical questions arise and open in the developed system of outlook which is traditionally understood as a system of principles, belief, ideals, knowledge of the person of the world and of himself, that is the person's understanding of the spiritual attitude to the world. The specifics of the antique outlook are: its ontological character; cosmocentric picture of the world; pantheism; hylozoism; natural philosophy; registration of the main question of philosophy and leading philosophical directions (materialism and idealism, skepticism and anti-skepticism, empiricism and rationalism, nominalism

and realism, etc.); fundamental principle search (arche) of the world; development of the categorial tools and philosophy language; specific philosophical methodology (dialectics and metaphysics, eclecticism); system of social and axiological ideals; formation of the idea of the personality as a spiritual identity; definition of the concept of measure ("nothing too much", "nothing excessively"); advantage of contemplation before practical activities is approved.

REFERENCES

1. Babushkin V.U. *O prirode filosofskogo znaniya* [On the nature of philosophical knowledge]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 205 p.
2. Loyfman I.Ya. *Mirovozzrencheskie shtudii: Izbrannye Raboty* [Ideological étude. Selected works]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2002. 100 p.
3. Chanyshev A.N. *Filosofiya Drevnego mira* [Philosophy of the Ancient World]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2001. 703 p.
4. Asmus V.F. *Antichnaya filosofiya* [Ancient Philosophy]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 136 p.
5. Kumanetsky K. *Istoriya kul'tury Drevney Gretsii i Rima* [Cultural history of Ancient Greece and Rome]. Translated from Polish by V.K. Ronin. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1990. 351 p.
6. Kuptsov V.I. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1996. 551 p.
7. Zaytsev A.I. *Kul'turnyy perevorot v Drevney Gretsii VIII - V vv.do n.e.* [Cultural upheaval in Ancient Greece of the 8th – 5th cc. BC]. St. Petersburg: Filologicheskiy fakul'tet SPb Publ., 2000. 320 p.
8. Shitikov M.M. *Istoriya filosofii. Stanovlenie drevney filosofii* [History of Philosophy. Formation of ancient philosophy]. Ekaterinburg: UGGA Publ., 1998. 100 p.
9. Ovsyannikov M.F. (ed.) *Istoriya esteticheskoy mysli. V 6 t.* [History of aesthetic thought. In 6 vols.]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1987. Vol. 4, 525 p.
10. Kessidi F.Kh. *Ot mifa k logosu (Stanovlenie grecheskoy filosofii)* [From myth to logos (Formation of Greek philosophy)]. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 309 p.
11. Gomperz Th. *Grecheskie mysliteli* [Greek thinkers]. Translated from German by D. Zhukovskiy, E. Gertsyg. St. Petersburg, 1999. Vol.1, 605 p.
12. Yakovleva L.E., Yakovleva L.I., Radul D.N. *Khrestomatiya po zapadnoy filosofii: Antichnost'. Srednie veka. Vozrozhdenie* [Readings in Western philosophy: Antiquity. Middle Ages. Renaissance]. Moscow: Astrel' Publ., 2003. 800 p.
13. Ushakov E.V. *Vvedenie v filosofiyu i metodologiyu nauki* [Introduction to the philosophy and methodology of science]. Moscow: Ekzamen Publ., 2005. 528 p.
14. Russell B. *Istoriya zapadnoy filosofii* [History of Western Philosophy]. Translated from English by V.V. Tselishchev. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2001. 960 p.
15. Bonnard A. *Grecheskaya tsivilizatsiya* [Greek civilization]. Translated from French by O.V. Volkov. Moscow: Iskusstvo Publ., 1991. Vol. 2, 334 p.
16. Bonnard A. *Grecheskaya tsivilizatsiya* [Greek civilization]. Translated from French by O.V. Volkov. Moscow: Iskusstvo Publ., 1991. Vol. 3, 398 p.
17. Vernant J.-P. *Proiskhozhdenie drevnegrecheskoy mysli* [Origin of ancient Greek thought]. Translated from French. Moscow: Progress Publ., 1988. 159 p.
18. Losev A.F. *Istoriya antichnoy filosofii v konspektivnom izlozhenii* [History of ancient philosophy in notes]. Moscow: Mysl' Publ., 1984. 204 p.
19. Mamardashvili M.K. *Lektsii po antichnoy filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. Moscow: Agraf Publ., 1997. 320 p.
20. *Platon* [Plato]. Translated from Ancient Greek by. S.S. Averintsev, A.N. Egunov. Moscow: Mysl' Publ., 1999. 656 p.

Received: April 22, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 70–72 DOI: 10.17223/15617793/383/10

УДК 14

Е.Ю. Мархель

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ ДАО В ФОРМИРОВАНИИ ПРИНЦИПОВ КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ

Живопись и искусство в целом в восточных странах воспринимается иначе, чем на Западе. Это связано с различием менталитетов, определяющих культурное развитие народа. На формирование китайского изобразительного искусства оказала огромное влияние концепция Дао, вследствие чего китайская живопись кажется поверхностной и труднодоступной для понимания рационально настроенных европейцев.

Ключевые слова: китайская живопись; Дао; гармония; Се Хэ.

Искусство Древнего Китая своей изысканностью представляет интерес для европейского общества, привыкшего подходить к канонам красоты с рациональной стороны. Восточный подход к искусству не похож на западный, он определяется через мировоззрение, в основе которого лежит учение о Дао.

Живопись не занимала высшую ступень в китайской иерархии искусств, как, например, музыка или каллиграфия, но её по праву можно считать синтезом духовного наследия китайского народа, поскольку она сочетала в себе и каллиграфию, и поэзию, и сама по себе являлась уникальным феноменом. Цель статьи заключается в том, чтобы показать, какое влияние имела концепция Дао на зарождение живописи в Китае.

Итак, что собой представляет китайская живопись? Самоназвание чжунгохуа / гохуа переводится дословно и подчёркивает самобытность китайского изобразительного искусства по отношению к греко-европейской традиции. Произведения гохуа являются столь непривычными для глаза европейца, что, впервые созерцая их, он испытывает удивление, даже непонимание, и вместе с тем чувствуется простота, доступность и естественность изображения на картине.

Существует большая разница во внешнем оформлении картины на Западе и на Востоке: «Китайский свиток нельзя считать картиной в нашем понимании. У него нет ни тяжёлой золочёной рамы, ни даже тонкого багета, который бы отграничивал его от плоскости стены, превращая в изолированный замкнутый мир. В нём нет и той вещественной материальности, которая присуща картине в раме. Кроме того, он никогда не являлся постоянным украшением комнаты, а вывешивался лишь для рассматривания, а затем свёртывался и вновь убирался в специальный ящик» [1. С. 8, 9].

В начале н.э. живопись постепенно приобретает признание и формируется как полноценное искусство. Известным основоположником и реформатором китайского изобразительного искусства принято считать Гу Кай-чжи (344–406). Его живопись носила светский оттенок. Известны его произведения, такие как «Мудрые и добропорядочные женщины», «Наставления старшей придворной дамы», «Фея реки Ло» (длинный свиток, изображения на котором раскрывают повествование во времени, где впервые показан пейзаж как некая объединённая композиция).

Именно Гу Кай-чжи приписывают формирование основных принципов подлинной живописи, которые позже воспринял и воспроизвёл в своём трактате Се Хэ.

Се Хэ известен, прежде всего, как китайский теоретик искусства, живший в V в. В своей работе «Гу хуа пин лу» («Записи о классификации старой живописи») он сформулировал шесть законов – лю фа, которые легли в основу китайской живописи.

Вся китайская философия живописи сводится к различным толкованиям и комментариям шести законов Се Хэ. Самым важным из них является первый закон, давший основу остальным.

Итак, первый закон звучит как «циюнь шеньдун». Этот принцип был самым важным и, конечно, по сей день переводится и комментируется по-разному. Опираясь на работу Е.В. Завадской, приведу несколько примеров: «1) отзвуки духа, которые означают жизненность (У. Экер), 2) ритмическая жизненность, или одухотворённый ритм, выраженный в движениях жизни (Л. Биньон), 3) гармоническое движение живого дыхания (В. Контаг), 4) изменения, или преобразования, или гармония, или отзвук духа в живом движении (А. Кумарасвами), 5) замысел, который должен включать гармонию и жизненность (А. Фергюсон)» [2. С. 159] и т.д.

Суть этого закона заключается в передаче художником посредством картины ци – духовной энергии, на которой базируется материальное основание мира. «Живописец в процессе творчества должен испытывать особое внутреннее напряжение, такую концентрацию духовных жизненных сил, чтобы в момент работы он источал жизненный трепет, наполняя им произведение, сообщая ему часть своего “ци”» [1. С. 31].

Второй закон «гуфа юнби» говорит о том, что художник должен обладать мастерством владения кистью как основным рабочим инструментом. С помощью кисти он умело раскрывает внутреннюю сущность мира, при этом не искажая её. Настоящий мастер владеет искусством обращения с кистью, знает, где и с какой силой нажать на неё, где провести плавно, а где сделать резкий удар.

Л.Е. Померанцева, анализируя текст «Хуайнаньцзы» [3. С. 84, 85], пытается определить, что в древности понималось под искусством. В основном употреблялось четыре термина: 1) шу – искусство в современном значении, техника, мастерство; 2) цяо – умение, виртуозность, искусная работа. Термин применялся в значении ремесленного искусства; 3) шу – расчёт, рассчитывать, вычислять. Искусство постигается в кропотливой деятельности, а не через страсть (с помощью интеллекта) и не через случай (умение – это закономерность длительных повторений); 4) дао – термин, идентичный понятию Дао в китайской философии, обозначает искусство, мастерство в тексте китайского трактата.

Судя по всему, в Древнем Китае понятие «искусство» употреблялось в широком значении: под искусством понимали и мастерство ремесленника, и навыки управления политика, и совершенство творящей всё в мире природы.

Искусство подразделялось на три ступени:

1. Низшая ступень – внешнее украшательство (в «Хуайнаньцзы» [3. С. 85–91] делится на пять видов согласно пяти стихиям: вода, земля, огонь, металл, дерево). Например: плотина, созданная, чтобы сдерживать естественный поток воды; сады и парки; приготовление пищи, используя искусство «поджаривать и подсушивать»; колокола и статуи различных животных; фасады дворцов, украшенные деревянной резьбой.

Также к внешнему украшательству относят искусство красноречия и искусство выполнения обрядов (движения являются вынужденными, фальшивыми, неестественными).

Внешнее украшательство понимается как изобретённая человеком искусственность и противопоставляется природному совершенству. В природе всё просто и естественно, искусственность в мире людей есть лишь слабая копия подлинной действительности, является вторичной и потому не может быть идеальной. Кроме того, искусственно созданный мир не может преподнести истину, так как создан для того, чтобы услаждать наши чувства.

2. Средняя ступень показывает зависимость от уровня владения каким-либо искусством.

Подлинное искусство не определяется внешними средствами, они являются лишь орудиями для достижения цели, но не составляют само мастерство. Подлинное искусство заключается в умении передать через внешнюю форму внутреннее содержание! Неприемлемо для китайского искусства создавать пустую форму, не наполняя её внутренним содержанием. Следовательно, отношение к произведению искусства будет определяться его внутренней силой.

Мастер должен вложить в своё искусство чувство гармонии и умеренности. Когда художник держит кисть, он с её помощью передаёт свои внутренние думы и чувства на бумагу, границы между бумагой и сердцем художника стираются. Работая над предметом искусства, мастер не будет слишком резок или слишком мягок в обращении с кистью, его сердце находится в гармонии с руками и во всём рисунке проявляется чувство меры.

Однако подобное умение касается не только ремесленников, по тому же принципу устроено и управление государством. Мудрый правитель владеет искусством повелевать людьми, знает, где смягчиться, а где проявить жёсткость.

3. Высшая ступень искусства выступает в роли самой природы, которой руководит Дао.

Даже самый искусный мастер так или иначе ограничен в своих способностях. Всякий мастер хорош только в своём деле, а человеческие возможности имеют границу, никто из них не властен над временем.

Существует искусство, неподвластное времени и обстоятельствам, не имеющее ограничений – оно постоянно и совершенно – это сама природа, выступающая под началом Дао, которое приводит все вещи в движение. Того, что относят к высшей степени искусства, невозможно добиться ни через внешнее украшательство, ни через постижение ремесленного искусства.

Внутреннее всегда преобладает над внешним, несмотря ни на какие усилия. Единственный способ постичь высшее искусство – это следовать за природой сердцем и душой, добиться единения с ней. «Речь по существу идёт о той полной и абсолютной внутренней сосредоточенности художника, которая предполагает как бы забвение всего внешнего. Это состояние свойственно каждому творцу в момент творческого акта, когда его руки как бы сами собой ваяют скульптуру, режут камень, исписывают шёлк или листки бумаги. Здесь акцентировано внимание на самом процессе творчества, идущем в художнике безотносительно к тому, что обретает материальное воплощение в камне, в словах, в звуках, в тот момент, когда произведение складывается внутри него, но ещё не вылилось вовне, не обрело телесной внешней формы» [3. С. 90].

Высшее мастерство предполагает участие в формировании вещей в мире через созерцание Дао и проникновение в суть его закона. Человек обретает мудрость, и его возможности уподобляются природным.

Обращаясь к работам В.В. Малявина, видим, что художников условно можно поделить на три типа: «К низшему разряду относили живописцев “умелых” (нэн), искусно копирующих внешний облик вещей, средняя ступень отводилась живописцам утончённым (мяо), умеющим передавать внутреннюю глубину опыта; лучшими же считались живописцы, воплощающие в своих картинах “духовную силу” (шэнь) жизни, которая превосходит различие между чувственным и умозрительным» [4. С. 479].

Также видим у Малявина три вида художников, характерных для традиционной китайской живописи: профессионалы (ремесленное искусство), любители (отображали в своих картинах ценности высших слоёв общества), индивидуалисты, выработавшие свою манеру творчества.

Следует напомнить, что целью китайского художника не является копирование и подлинное воспроизведение действительности. На картине мы видим символическое понимание мира. Об этом не нужно забывать, обращаясь к анализу китайской живописи.

Китайская живопись рассматривается наряду с каллиграфией, иначе говоря, живопись близка к графике. И там и там царит великий закон Единой черты (и хуа). Многие китайские художники занимались не только рисованием картин, но и разрабатывали эстетическую теорию, оставляли после себя письменные работы, в которых осмысляли искусство живописи с точки зрения философии.

Идея Единой черты несёт в себе двоякий смысл: с одной стороны, она есть Абсолют, некая высшая планка, отделяющая все вещи и Единое, с другой – она есть множество единичных вещей, которые пронизывает собой это Единое. Иными словами, здесь заключена идея всеединства.

Подводя итог, прежде всего, следует помнить, что Дао – это философское понятие, которое прошло практически через все философские школы Китая и потому не имело однозначной интерпретации. В самом общем

смысле оно обозначало интуитивное постижение естественной гармонии в природе. Именно это понятие было прочно связано с изобразительным искусством Древнего Китая и легло в основу эстетической теории.

Гармония Дао, онтологические термины, прочно связанные с понятием Абсолюта и взаимосвязанные между собой, образуют основу китайской живописи и пронизывают культурную сферу вообще.

Высшим идеалом прекрасного и, одновременно, воплощением этого идеала в материальном, физическом мире выступает природа, естественность. Дао является причиной порождения природы и причиной её вечного движения, изменения. Дао предстаёт перед нами в образе гениального мастера и творца, создающего мир по идеальным канонам красоты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградова Н.А.* Китайская пейзажная живопись. М. : Изобразительное искусство, 1972. 160 с.
2. *Завадская Е.В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. М. : Искусство, 1975. 439 с.
3. *Померанцева Л.Е.* Поздние даосы о природе, обществе и искусстве «Хуайнаньцзы» – II в. до н.э. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 243 с.
4. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М. : Астрель ; ОСТ ; Дизайн. Информация. Картография, 2000. 632 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 13 мая 2014 г.

THE ROLE OF TAO IN SHAPING THE PRINCIPLES OF CHINESE PAINTING

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 70-72. DOI: 10.17223/15617793/383/10

Markhel Ekaterina Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kat-markhel@yandex.ru

Keywords: Chinese painting; Tao; harmony; Xie He.

The article discusses the contribution of the philosophy of Tao into Chinese painting and aesthetic thought in the process of their formation. The Eastern art in general, and visual arts, in particular, differ from the Western understanding of beauty and its implementation. The eastern approach to art differs from the western one; it is determined by the worldview based on the teachings of Tao. Painting does not occupy the highest stage in the Chinese hierarchy of the arts, such as music or calligraphy, but it can truly be considered the synthesis of the spiritual heritage of the Chinese people, because it combines both calligraphy and poetry, and is a unique phenomenon in itself. The theoretical and practical ideal of Chinese painting is nature; the simplicity and naturalness are appreciated. Tao is the cause of the ideal world and its harmony. A Chinese artist creating a work of art should become similar to the Creator. His task is not to portray the real world, but to comprehend through contemplation of the beauty of the world and to convey the vitality and spirituality of the objects with the help of a brush. Consequently, the most skillful artist is the one who manages to convey the inner essence of the subject, and to do this it is necessary to reconcile his thoughts, his spirit with his body. The article clarifies the notion of art in ancient China. The explanation of the first two laws Xie He that formed the basis of Chinese painting and aesthetics is offered. The level of professionalism of the artist consists in his ability to fill the form with content and inner meaning, but it cannot be fully achieved without comprehending Tao. From ancient times the external embellishment was not an end in itself and the final result of any creative work; the works of art had to have the vital spirit. The empty form had no importance. Therefore, artists could be divided into three types: those who imitate the reality, those who reproduce their own experience and those who are able to convey spiritual power through the image. Chinese painting is considered along with calligraphy, in other words, it is close to drawing. The great law of the Unified feature reigns here and there. Many Chinese artists were engaged not only in painting, they also developed the aesthetic theory and left written works in which they interpreted painting in terms of philosophy. The idea of the Unified feature bears a double meaning: on the one hand, it is the Absolute, a high standard separating all things from the One, on the other – it is a set of individual things that pervades this One. In other words, it is the idea of the all-encompassing unity. In China the idea of the Unified feature is developed aesthetically and philosophically, it is a symbol of perfect simplicity of the world and its representation in the picture. Chinese painting and Chinese art as a whole are inseparably linked with the worldview of the nation, with its values. The principles of Chinese art are linked with the understanding of Tao and its interpretation. Tao acts as an ideal sample and as an assessment criterion. The work of art should be determined by the laws of harmony, simplicity and naturalness. The picture is a masterpiece if only it is able to reproduce the spirit of the image and the energy with which the artist worked, and similarity with the real object does not seem so important. The highest ideal of beauty and simultaneously the embodiment of this ideal in the material, physical world is nature. Tao is the cause of the generation of the nature and of its perpetual motion and change. Tao appears to us as a great master, creating the world according to the canons of the ideal beauty.

REFERENCES

1. Vinogradova N.A. *Kitayskaya peyzazhnaya zhivopis'* [Chinese landscape painting]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1972. 160 p.
2. Zavadskaya E.V. *Esteticheskie problemy zhivopisi starogo Kitaya* [Aesthetic problems of painting of the ancient China]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1975. 439 p.
3. Pomerantseva L.E. *Pozdnie daosy o prirode, obshchestve i iskusstve "Khuaynan'tszy" — II v. do n. e.* [Later Taoists on nature, society and the arts Huainanzi – II c. BC]. Moscow: Moscow University Press Publ., 1979. 243 p.
4. Malyavin V.V. *Kitayskaya tsivilizatsiya* [Chinese civilization]. Moscow: Astrel' Publ., OST Publ., "Dizayn. Informatsiya. Kartografiya" Publ., 2000. 632 p.

Received: May 13, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 73–77 DOI: 10.17223/15617793/383/11

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

Н.В. Григорьянц

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ИНТЕРАКТИВ КАК МОДЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Поднимается проблема несовпадения ценностей современного театрального искусства и современной культурной коммуникации; анализируется вербальная составляющая театрального интерактива; театр рассматривается как особая система социально-художественной коммуникации, как модель взаимодействия людей, в ходе которого укрепляется структура общественных процессов, выявляющих реальное бытие человека; определяются и выявляются основные этапы театральной коммуникации в цепи «актер – зритель».

Ключевые слова: театральная коммуникация; интерактив; интерактивный театр; коммуникативная модель.

Бытие искусства осуществляется в пространстве культурной жизни общества. Переходные моменты для общества и для культуры всегда отмечены активизацией новых каналов художественной информации, интенсивным влиянием различных видов искусства друг на друга.

Исследователь социологии театра В.Н. Дмитриевский отмечает: «Искусство, культура развивают универсальные способности, творческие потенции личности, служат мощным средством и стимулом пробуждения в человеке “продуктивного воображения”. Можно предположить, что через восприятие публики, ее эстетическую, эмоциональную оценку, идеи времени, рожденные жизнью, возвращаются в общественное сознание, и уже на новом, более высоком уровне осмысления формируют общественное настроение, направляют и развивают самосознание людей» [1. С. 104], тем самым говоря о том, что современные художественные практики зритель воспринимает как модель реальности.

По мнению отечественных и зарубежных ученых, таких как профессор РАТИ Г.Г. Дадамян, теоретик и историк театра А. Юберсфельд и др., театр и другие зрелищные искусства сегодня бытуют в новой, медийной реальности. Ее распространение приводит не только к изменению вкусовых, эстетических пристрастий аудитории, но и к тотальной трансформации системы ценностей, к смене их иерархии в общественном сознании [2. С. 45–47]. Постоянно нарастает поток информации, способствуя подмене размышления поглощением, собственное мнение все чаще замещается общепринятым. Параллельно существенно расширяется пространство проведения досуга, в том числе культурного (телеканалы, компьютерные игры, социальные сети и т.д.). Шквал ярких красок и звуков привел к возникновению феномена «клипового сознания», удовлетворение которому приносит скорость смены впечатлений, а не глубина содержания. Эта тревожная для театра тенденция отмечалась исследователями еще три десятилетия назад [3. С. 65].

Одним из феноменов сегодняшней художественной культуры можно назвать постепенную замену традиционных средств воздействия в художественном пространстве новыми формами культурной коммуникации. На смену одним коммуникациям приходят новые способы взаимодействия зрителя и искусства. Закономерно, что тот или иной вид культуры порождает свой тип общения. Изменения в коммуникативных процессах общества привели к формированию таких форм общения, как коммуникативная, перцептивная и интерактивная. Нас в большей степени интересует интерактивный уровень общения, учитывающий личностные характеристики людей. Главной особенностью речевой культуры в ситуации интерактива является тяготение к разговорному стилю. Популярность интерактивной формы в условиях современной коммуникации ведет к популярности элементов интерактива в современном театральном искусстве.

В связи с тем, что художественные постановки не всегда соответствуют критериям современного искусства, тем самым теряя актуальность и интерес для зрителя, полагаем, что причина поставленной проблемы связана с несовпадением ценностей современного театрального искусства и современной культурной коммуникации. Указанная проблема проявляется в частом несовпадении инструментария, используемого в речевой театральной коммуникации, и вербальных особенностей современной реальной действительности. Правда, в ряде примеров речевой театральной коммуникации конфликт между используемым инструментарием и действительностью либо сглажен, либо отсутствует вовсе. Как правило, такую ситуацию можно наблюдать в ситуации театрального интерактива. Задача статьи связана с анализом вербальной составляющей театрального интерактива, который рассматривается как адекватная модель коммуникации современной речевой культуры. Считаем наиболее продуктивным в подобном исследовании применение культурологического подхода. Для решения проблемы будем использовать в качестве эмпирического материала анализ спектаклей, востребованных зрителем. А также будем рассматривать этот интерес зрительской аудитории как доказательство наличия в спектакле органичного и адекватного выражения реальной действительности в художественной (в данном случае театральной) коммуникации. В качестве материала для исследования мы выбрали постановки столичного театра и регионального театра, так как считаем, что именно на этом примере возможно рассмотреть проявление интерактива в коммуникации современной культуры, интерактива как духа современности.

Объектом исследования выступает театральный интерактив, а предметом – вербальная составляющая. В данной работе мы использовали дескриптивный метод и метод «включенного наблюдения», а также сравнительный анализ, что позволило нам рассматривать спектакль как часть современной культуры.

Сложившаяся ситуация в современной культуре и искусстве являет собой мозаику разнообразных идей и мнений. Искусство и наука – области человеческой деятельности, хотя и развивающиеся по-разному, но имеющие общие тенденции в выдвижении современных концепций. XX в. как в науке, так и в искусстве определил собой новую ситуацию, которую можно назвать неклассическим восприятием мира. Выдвигаются новые концепции назначения искусства и его роли в современном мире.

Понимание существенных свойств театральной коммуникации стало возможным после разработки ряда учений и соответствующего понятийного аппарата (концепция «условного театра», раскрытие диалоговой природы и знаковой сущности театрального процесса, игрового характера отношений между зрителем и сценой; понимание зрителя как «четвертого творца» театрального действия, значение невербальной составляющей театрального представления, введение понятий «атмосфера», «психологический жест», «театральность», «театральное зрение» и т.д.). Исследования театральной коммуникации показали, что она имеет сложнейшую структуру, которая не может быть выражена простой линейной схемой. Это многосоставное образование, включающее не только многообразные элементы, но и ряд находящихся в единстве, взаимодействующих процессов коммуникации. В данном исследовании мы будем рассматривать вербальную составляющую театрального интерактива в коммуникации «актер – зритель», что позволит нам более детально обратить внимание на реакцию зрителя в экспериментальной форме театральной коммуникации.

Сегодняшняя культура перенасыщена «кратковременными» формами, моделями реальности, которые и образуют широкий спектр постижения природы человека, его существования в целом и смысла творчества. Одной из самых новых форм коммуникации является интерактив.

Существует несколько определений интерактива. Мы понимаем под интерактивом специально организованную познавательную деятельность, для которой характерна ярко выраженная социальная направленность, основанная на взаимодействии, в результате которого у участников возникает некое «новое» знание, родившееся непосредственно в ходе этого процесса. На сегодняшний день интерактив приобрел особую популярность в условиях современной коммуникации. Именно художественные практики XX и XXI вв. содержат множество направлений интерактива.

Интерактивный театр – это форма театрального действия, которая предполагает активное участие аудитории: зрители перестают быть зрителями и становятся полноправными участниками уже общего творческого процесса. В основу интерактивного театра легли следующие направления: театральная техника verbatim, перфоманс, stand-up show, импровизация. Для этих направлений характерно, во-первых, прямое взаимодействие со зрителем с целью вовлечения его в процесс создания спектакля; во-вторых, нет ни слова о художественности, четкой форме, драме в традиционном понимании, в-третьих, краткость происходящего на сценической площадке и, наконец, в-четвертых, драматурги выбирают для самовыражения нелитературный тип речевой культуры [4. С. 23–27]. Эта форма общения в данной ситуации становится доступной для большего числа зрительской аудитории. Также можно отметить, что ни одно из этих направлений не предполагает глубинного проникновения в суть текстового материала. Условия интерактивного театра позволяют зрителю принять активное участие в самом процессе и непременно насладиться происходящим зрелищем изнутри. Ключевая идея интерактивного театра – активное взаимодействие со зрителем, с его внутренним миром. Проявление интерактива в художественных практиках обусловлено недостатком общения современного человека, избытком самовыражения человека в общении, его самопрезентации. Интерактивный театр предполагает максимальное вовлечение зрителя в театральное действие. Зритель становится со-творцом и соучастником представления.

Рассуждая об особенностях интерактивного театра, необходимо заметить важную деталь. В определенной степени все искусство является интерактивным. Так или иначе художественное впечатление и содержание работы есть продукт взаимодействия между наблюдателем и объектом наблюдения, а не просто односторонняя передача содержания. Однако современному зрителю воспринимать произведение искусства и сопереживать в качестве созерцателя порой уже не так интересно, он желает принимать активное участие в его создании. К нынешней культурной коммуникации человек приспособился, и односторонняя связь с искусством его не устраивает, поэтому возникла проблема поиска новых форм, направлений, которые позволили бы создавать художественное произведение не только режиссером и актерами, но и зрителями.

Исходя из вышесказанного, мы можем сформулировать некоторые вербальные составляющие театрального интерактива:

1) «скороговорение», речитативное произношение текста, т.е. тяготение к разговорному стилю (для того чтобы быть более угодным публике);

2) соединение текста с другими выразительными средствами (танец, вокал, акробатические этюды, вставные номера и т.д.);

3) нарушение «четвертой стены», т.е. прямое общение между актерами и зрителями, что позволяет зрителю высказаться на уровне данного зрелища;

4) игровая основа драматургии;

5) простота изложения материала (доступность в понимании и восприятии, упрощение авторского текста);

6) стремление к «живому общению» со зрителем.

Названные вербальные особенности обусловливают речевые характеристики, свойственные интерактивному искусству в свою очередь отражающие коммуникацию современной культуры. К ним относится прежде всего диалогическая форма общения. Здесь отметим,

что основной сферой функционирования диалога во всем его жанровом многообразии является разговорная речь. Условия диалога в интерактивном спектакле предоставляют зрителю возможность проявить речевую культуру. Для того чтобы определить вербальные особенности интерактива, мы сравним речевую ситуацию между актером и зрителем на примере столичной постановки Кирилла Серебренникова по пьесе Б. Брехта «Трехгрошовая опера» в МХТ им. Чехова и региональную постановку Ирины Латынниковой по пьесе Е. Исаевой «Я боюсь любви» в Кемеровском театре для детей и молодежи. За основу анализа мы взяли модель театральной коммуникации, представленную профессором Сорбонны, теоретиком и историком театра Анной Юберсфельд. Основу модели составляют виды коммуникации, определяющие взаимоотношения актер – зритель в ситуации театрального интерактива [5]:

1. Непосредственно акт коммуникации, т.е. выбор адресанта и подбор материала для общения с ним.

2. Автокоммуникация (уровень коммуникации, в котором коммуниканты осознанно или неосознанно являются одновременно адресатами и адресантами, т.е. в процессе общения людей друг с другом происходит взаимовлияние, взаимодействие; зачастую подменяется псевдокоммуникацией).

3. Аутокоммуникация (задействован лишь один индивид, являющийся одновременно и адресатом, и адресантом). Процесс аутокоммуникации – это своего рода осознанный внутренний диалог. Аутокоммуникация в контексте художественно-коммуникативной ситуации может быть двух подвидов: *активная* – процесс активного восприятия, который в свою очередь может подразделяться на интеллектуальное, культурно-информативное, чувственное, сверхчувственное, синтетическое, и *пассивная* – процесс фиктивного восприятия, когда неподготовленный человек не хочет или не может перейти к активному восприятию художественной информации. Рассматривая цепочку, по которой информация поступает в мозг человека («внешняя среда» → «бессознательное» → «предсознание» → «сознание»), можно с уверенностью сказать, что даже самый пассивный воспринимающий (зритель) не останется без положительного влияния искусства. След, оставленный в душе слушателя-зрителя спектаклем, запечатлевается надолго, осознанно или неосознанно запоминается увиденное представление. Цель подлинной коммуникации – положительное воздействие на личность. И неизмеримо расстояние от зрительской эмоции, чувства до совершенного под их влиянием поступка. Ведь впечатления от увиденного или услышанного накладываются на новые впечатления от событий жизни – встреч, прочитанных книг, узнаваемых фактов и др., − уменьшающих или увеличивающих силу воздействия просмотренного представления. Бывает, что со временем новые мысли и ощущения толкают зрителей на новые действия, новые поступки.

4. Метакоммуникация (может рассматриваться с позиции как сцены, так и публики). Со стороны сцены она имеет рецептивный характер, т.е. в творческом процессе исполнители являются одновременно и адресатами, и адресантами: воспринимают, видят себя как бы со стороны. Это является необходимым условием для осуществления полноценного коммуникативного акта, ибо исполнители, «ушедшие в себя», реализовывают контакт только с самими собой, а не с другими участниками сценического диалога (если таковые имеются) или с публикой.

5. Посткоммуникация (это процесс, в котором зрители и актеры воспринимают результат коммуникативного акта, т.е. выводы).

Попробуем выявить на примере данной модели вербальные составляющие в каждом виде коммуникации. Для этого приведем пример диалога, состоявшегося в процессе спектакля «Трехгрошовая опера» в постановке К. Серебренникова:

Маттиас (спускаясь в зал)*: Эй, руки вверх, кто здесь есть!*

Зрители не отвечают.

Маттиас: *Есть кто-нибудь?*

Зритель: *Я здесь! Мы здесь! Иди к нам, на 5-й ряд!*

Матиас: *Здесь можно спокойно сыграть свадьбу.*

В данном случае мы выделяем непосредственно акт коммуникации, для полноценного воспроизведения которого необходима активность как исполнителей, так и реципиентов. При этом творческая активность восприятия реципиента прямо пропорциональна активности исполнителей и вызываемому воспринимаемым произведением интересу, который может быть порожден разными факторами, например, степенью трудности и доступности восприятия, сложностью и упорядоченностью художественного произведения, его разнообразием. Далее следует ситуация, в которой актер провоцирует зрителей на диалог между собой:

Мак*: А теперь настало время, чтобы гости поздравили брачующихся!* ***(после этой реплики актер спускается в зал и дает микрофон зрителю и ждет от него поздравления)***

Зрители активно начинают произносить хвалебные и поздравительные фразы, не вступая при этом с актером в диалог, что является примером псевдокоммуникации – процесс, который характеризуется тем, что люди во время просмотра спектакля обмениваются немногочисленными, но порой многозначительными репликами, не несущими никакого смысла для данной ситуации.

Далее главная героиня обращается к зрителю и сразу же ждет от него отклика:

Поли*: Как только я скажу: Обезврежен! сразу кричите на меня, и я уйду… Обезврежен!!!*

Зрители активно поддерживают героиню многочисленными выкриками, и она начинает уходить, как только они замолкают, она возвращается, они начинают опять и т.д.

Это яркий пример автокоммуникации, в котором коммуниканты осознанно или неосознанно являются одновременно адресатами и адресантами, т.е. в процессе общения людей друг с другом происходит взаимовлияние, взаимодействие.

Затем персонаж в кульминации сцены выходит на авансцену и произносит Зонг:

Мак: *Ах, господа, куда теперь мне деться?*
Могу ли я такой быть жизни рад?
Я истину одну усвоил с детства:

Лишь тот живет приятно, кто богат!

Зонг является явным примером интраперсональной коммуникации – уровень коммуникации, в котором задействован лишь один индивид, являющийся одновременно и адресатом, и адресантом. Процесс аутокоммуникации – это своего рода осознанный внутренний диалог. Даже задавая зрителю вопрос, он изначально не ждет на него ответа.

Далее актеры предлагают всем зрителям на прощание с главным персонажем сказать напутствие, т.к. его ведут на смертную казнь. Начинают актеры, и зрители активно входят в вербальную ситуацию. Здесь мы выделяем последний пример коммуникации в театральной модели А. Юберсфельд. Метакоммуникация – та часть общения, которая направлена на само общение, его различные аспекты. Применительно к данной ситуации метакоммуникация может рассматриваться с позиции как сцены, так и публики. Со стороны сцены она имеет рецептивный характер, т.е. в творческом процессе исполнители являются одновременно и адресатами, и адресантами: воспринимают, видят себя как бы со стороны. Это является необходимым условием для осуществления полноценного коммуникативного акта, ибо исполнители, «ушедшие в себя», реализовывают контакт только с самими собой, а не с другими участниками сценического диалога (если таковые имеются) или с публикой. Следует отметить, что все реплики, которые были сказаны актерами, прописаны в тексте автора. Итак, в спектакле «Трехгрошовая опера» (режиссер К. Серебренников) использованы такие уровни коммуникации, как псевдокоммуникация, автокоммуникация, интраперсональная коммуникация и метакоммуникация.

В Кемеровском театре для детей и молодежи в постановке И. Латынниковой по пьесе Е. Исаевой «Я боюсь любви» диалог со зрительным залом состоялся более сжатым. Приведем примеры реплик актеров и зрителей:

***Аня**: А ты думаешь, мне стоит признаться?*

Зритель молчит.

***Аня**: Нет, ну как скажешь, так и сделаю! Признаться?*

Зритель кивает головой.

В данной ситуации мы видим пример односторонней коммуникации, т.е. актер не дождался словесного (вербального) отклика от зрителя.

Далее на протяжении всего спектакля звучат односложные реплики:

***Надя** (в зал). Аня молчит.*

***Надя** (в зал). К нам на лестницу вышел покурить Гурков.*

***Надя** (в зал). Аня улыбается.*

В данном случае мы можем выделить аутокоммуникацию, т.е. процесс общения, который не предполагает вербального отклика от зрителя. Данный пример позволяет нам сделать вывод, что в спектакле использованы лишь два вида театральной коммуникации «актер – зритель», и ни одна не предполагает активного вербального отклика со стороны зрительного зала. Также стоит заметить, что не все реплики, которые звучали в спектакле, присутствуют в тексте пьесы Е. Исаевой, некоторые фразы актеры добавляли сами, для того чтобы зритель вступил в диалог, что являлось бы вербальной составляющей в художественной коммуникации. Следовательно, коммуникация была повествовательной вместо драматической (которая и должна присутствовать в театральной среде). Таким образом, в постановке «Я боюсь любви» (режиссер И. Латынникова) использованы такие уровни коммуникации, как односторонняя и аутокоммуникация.

Мы обратились к спектаклям с элементами интерактива, потому что они позволяют обнаружить эффективную модель «живой речи», что в свою очередь дает нам возможность исследовать вербальную составляющую данного процесса театральной коммуникации. В результате проведенного анализа мы можем предположить, что вербальная составляющая театрального интерактива не всегда выполняет свою функцию, т.е. влияет и изменяет сознание зрителя (что входит в обязательное условие сценического общения). Зачастую слово не выполняет свою функцию, тем самым прерывая процесс вербального взаимодействия в цепи «актер – зритель» (в большей степени выражающийся в форме диалога), в связи с тем что актеры пропускают один из этапов коммуникации, а именно этап автокоммуникации подменяется псевдокоммуникацией, т.е. процесс вербального общения состоялся, но никаких результатов не принес. Вместе с тем именно вербальная составляющая театрального интерактива в большей степени отражает особенности коммуникации современной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриевский В.Н.* Основы социологии театра: История, теория, практика : учеб. пособие. М. : ГИТИС, 2004. 116 с.
2. *Дадамян Г.Г.* Театр между прошлым и будущим. М. : ГИТИС, 1989. 124 с.
3. *Игнатов И.Н.* Театр и зрители. М. : Задруга, 1916. 86 с.
4. *Марченко Т.* Искусство быть зрителем. Л. ; М. : Знание, 1996. 234 с.
5. *Юберсфельд А.* Читать театр – 2 // Как всегда – об авангарде. М. : ГИТИС, 1992. 145 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 3 апреля 2014 г.

THEATRE INTERACTIVE AS A MODEL OF MODERN CULTURE COMMUNICATION

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 73-77. DOI: 10.17223/15617793/383/11

Grigoriants Natalya V. Kemerovo Region College of Culture and Art (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nvi@lenta.ru

Keywords: theatre communication; interactive; interactive theatre; communicational model.

One phenomenon of today's art culture which can be characterized as a gradual transformation of traditional forms of influence in art space and introduce new forms of culture communication is considered in this article. New methods of interaction of the spectator and art come to replace other communications. It is natural that one new type of culture gives birth to a new type of communication. There

are some forms of communication (communicative, perceptive and interactive) as a result of communicational transformations. An interactive level of communication which takes into account personal characteristics is considered in the article. Today's culture is over saturated with "short time" forms and models of reality. It forms a broad spectrum of understanding of human nature, his activity and meaning of the creative work. There are new forms of communication, interactive, for example. The main peculiarity of speech culture in interactive situation is the use of colloquial style. Artistic performances do not always correspond to the criteria of modern art thus losing topicality and public interest. Modern people adapt to this situation, and one-sided communication with art does not satisfy them, so there is a problem of searching of new forms and directions which will allow creating art products not only by producers and actors, but by spectators as well. As modern performances do not meet the criteria of modern art, we are sure that this problem is connected with a lack of coincidence of modern theatre values and modern cultural communication. This problem is realized in frequent lack of coincidence of speech art devices of the theatre and characteristics of our reality. Some examples show that there is no conflict between the devices and modern reality or it is not very evident. We can see this situation in the theatre interactive as a rule. Such concepts as "theatre communication", "interactive theatre", "interactive", "communication model" are considered here. Audience interest as an argument of the organic and adequate expressing of reality in art (theatre) communication is studied in the article. We choose some performances of capital and region theatres as examples, because they are a real display of the interactive of communication in modern culture, the interactive as a spirit of contemporaneity. The interest to performances with interactive elements is caused by their ability to discover an effective model of "alive talk", which gives a possibility to research the verbal part of the process of theatre communication.

REFERENCES

1. Dmitrievskiy V.N. *Osnovy sotsiologii teatra: Istoriya, teoriya, praktika* [Principles of theatre sociology: history, theory, practice]. Moscow: GITIS Publ., 2004. 116 p.
2. Dadamyan G. G. *Teatr mezhdu proshlym i budushchim* [Theatre between past and future]. Moscow: GITIS Publ., 1989. 124 p.
3. Ignatov I.N. *Teatr i zriteli* [Theater and spectators]. Moscow: Zadruga Publ., 1916 – 86 s.
4. Marchenko T. *Iskusstvo byt' zritelem* [The art of being a spectator]. Leningrad, Moscow: Znanie Publ., 1996. 234 p.
5. Ubersfeld A. *Chitat' teatr – 2* [Reading theatre - 2]. In: Isayev S.A. (ed.) *Kak vsegda - ob avangarde* [As always – on the avant-garde]. Translated from French. Moscow: GITIS Publ., 1992. 145 p.

Received:

УДК 069.51:745/749(571.16)

Л.В. Пилецкая

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМОВАНИЯ МИРОВОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО СТЕКЛОДЕЛИЯ В КОЛЛЕКЦИЯХ ТОМСКИХ МУЗЕЕВ

Статья посвящена изучению информативности коллекций стекла в Томском областном краеведческом музее им. М.Б. Шатилова и Томском областном художественном музее с точки зрения технологии формования. Прослежено развитие указанной технологии и его отражение в музейных коллекциях. Подробно рассмотрен типологический, географический и хронологический состав коллекций. Из общего числа экспонатов выделены наиболее старинные и ценные произведения, а также изделия, которые являются единичными в общем собрании и вместе с тем отличаются высоким творческим и эстетическим потенциалом.

Ключевые слова: типичные изделия; авторское стекло; виды формования; стеклоделие; гутное стеклоделие; выдувание.

Современное стекольное искусство – искусство наукоемкое, высокотехнологичное, многостилевое. Особое место в стеклоделии отводится вопросам формовки стеклянных изделий. Изготовление художественных изделий из стекла начинается с приготовления и тщательной обработки шихты – смеси различных материалов, подобранных в соответствии с видом вырабатываемого стекла [1. С. 7]. Затем следует процесс варки стекла, от него во многом зависит качество готовых изделий. Варят стекло в специальных стекловаренных печах при постепенном повышении температуры от 700°С до 1450–1480°С. После этого массу охлаждают. Далее следует выработка, или формование, изделий различными методами. Существует несколько способов формования художественных стеклянных изделий: выдувание, прессование, прессовыдувание и центробежное литье и др. [2. С. 13, 14]. Формование изделий из стекломассы на протяжении тысячелетий производилось вручную. Со временем технология изготовления стекла совершенствовалась. Во II тыс. до н.э. появилось полупрозрачное стекло, а в I в. до н.э. люди научились варить стекло прозрачное, бесцветное и разноцветное [3. С. 9]. Переворот в технологии стеклоделия произошел в конце I тыс. до н.э. и выразился в изобретении метода выдувания полых тонкостенных прозрачных стеклянных сосудов с помощью простейшего приспособления – выдувательной трубки. В процессе долгой эволюции технической деятельности человека стеклоделие претерпело значительные изменения в результате открытий, опытов и ошибок многих поколений [4. С. 11].

Традиционные формы культурной деятельности человека, запечатлённые в предметах, но не сводящиеся к ним, в том числе знания и навыки, связанные с технологиями художественных ремесел, относятся к нематериальному культурному наследию. Благодаря ему осуществляется преемственность в творчестве поколений и поступательность в развитии человечества. Хрупкость и уязвимость, а также угроза утраты нематериального культурного наследия потребовала обсуждения этой проблемы на крупных международных форумах и выработки ряда международных документов [5]. Музей рассматривается сегодня как важнейший институт, способный сохранить и актуализировать многие объекты нематериального культурного наследия [6. С. 130].

Обращение к фондам муниципальных музеев г. Томска позволяет выявить виды музейных предметов из стекла и проследить на их основе развитие традиций в технологии формования в мировом и отечественном стеклоделии. Музейные предметы из стекла хранятся в Томском областном художественном музее (ТОХМ) и Томском областном краеведческом музее им. М.Б. Шатилова (ТОКМ). Их коллекции несколько отличаются друг от друга по своей направленности и структуре.

Фонды краеведческого музея, согласно подсчётам автора, произведённым по инвентарным книгам, составляют 783 предмета из стекла и охватывают период производства с XVIII по XXI в. Географический состав коллекции ТОКМ разнообразен и включает в себя Россию, Западную Европу, Америку. Основная масса изделий представлена бытовым стеклом конца XIX – 1-й половины XX в., произведённым местной промышленностью. Музейное собрание ТОКМ содержит разнообразный ассортимент: образцы стекла, дроты, ламповое стекло, плафоны, аптекарские сосуды, тарная и лабораторно-химическая посуда, винные бутылки, посуда для пития, столовая посуда, ёлочные игрушки, парфюмерные, туалетные и письменные приборы, а также декоративные вазы, блюда, авторские композиции. Предметы разнообразны по форме и размерам, различны по цвету: бесцветные, зелёные, голубые, коричневые, молочные, ярко-зелёные, кобальтовые, марганцевые.

Фонд стекла в ТОХМ, согласно подсчётам автора, содержит 513 предметов, датируемых периодом XIX – начало XXI в., из них значительная часть музейных предметов изготовлена в XX – начале XXI в. на западноевропейских и отечественных стеклозаводах. Типологический состав коллекции включает печати, столовую посуду, декоративные вазы, авторские моно- и многофигурные произведения. Основой коллекции ТОХМ является собрание Лучановского завода стеклоизделий, работавшего с 1908 г. [7] и закрытого в 2002 г. [8. Л. 1–9]. В составе коллекции серийная продукция завода и авторские работы лучановских художников К.Г. Глазовой и Ф.Ш. Яхина, работавших на заводе в 1970–1990-е гг. [9. Л. 1; 10. Л. 71]. Авторское художественное стекло – одно из постоянных направлений комплектования фондов ТОХМ. Коллекция авторского стекла включает произведения искусства XX – начала XXI столетия, созданные ведущими и периферийными европейскими и отечественными предприятиями. В них отражаются инновационные приемы и техника работы в стекле. Наиболее распространенная форма авторских изделий – декоративные вазы и тарелки.

В целом, 1 296 музейных предметов, хранящихся в ТОКМ и ТОХМ, демонстрируют становление и разви-

тие традиций стеклоделательного производства. Коллекции музейных фондов представляют 14 техник: выдувание (303 предмета), выдувание в форму (272), гутное стеклоделие (169), свободное выдувание (59), прессовыдувание (25), выпиливание и точение (15), центробежное литьё (11), отливка, или литьё (8), вытягивание (4), прессование (2), клеймение (2), полирование, тиходутие (по 1 предмету). Как видим, большая часть музейных коллекций выполнена выдуванием ручным способом с помощью выдувательной трубки. Далее по степени репрезентативности идут выдувание в форму и гутное стеклоделие. Другие технологии формования отражены в коллекциях гораздо слабее.

Выдувание – своеобразный метод формования, применимый только к вязким материалам, в частности к стеклу. Усовершенствованная технология предполагала также наличие особых печей – гут, способных обеспечивать высокие температуры при варке стекла. Первыми овладели методом выдувания стеклянных изделий мастера Древнего Рима, где на протяжении нескольких веков искусство стеклоделия находилось на большой высоте. Открытие способа выдувания положило начало большому периоду развития стеклоделия, продолжавшемуся до конца XIX – начала XX в. и характеризовавшемуся на всём своем протяжении единством технологических приемов, не претерпевших принципиальных изменений. В соответствии с технологией оставался более или менее постоянным и характер продукции в этот период, охватывая всевозможные разновидности полых изделий, главным образом всевозможные сосуды «настольного» масштаба, а также отдельные декоративные изделия – кубки, вазы, бокалы, блюда, туалетные флаконы, осветительные приборы и т.п. Однообразная по типам и назначению продукция с точки зрения стиля, композиции и исполнения отражала характерные особенности развития искусства и народного творчества в отдельных странах в различные эпохи.

Несколько отличается от выдувания метод ручного прессования стекла. Примерно за 1200 лет до н.э. уже была известна техника прессования стекла в открытых формах. Раскаленную массу «отпрыскивают» захватным приспособлением в форму и, пользуясь металлической (ранее деревянной) болванкой, придают стеклу под давлением нужную форму [11. С. 28].

Почти все предметы в ТОКМ (277 предметов) и ТОХМ (26), выполненные этими методами, отечественного производства; они разнообразны по форме и назначению. Среди них серийная фабричная продукция: водочный графин с пробкой из бесцветного стекла (ТОКМ. 11467), четверть (стеклянная бутыль) (ТОКМ. 6390/1, 2), питейная посуда (ТОКМ. 9490/1, 2), аптечная посуда (ТОКМ. 11319/1–9), ёлочные украшения (ТОКМ. 4158/1–50) и др. Наиболее ценным из них является кувшин, созданный в XIX в. на Императорском стекольном заводе, из хрусталя, выдуванием с травленым растительным орнаментом (ТОКМ. 2502). Коллекция ТОХМ представляет авторское стекло художников из Москвы, Ленинграда, Дятьково, Вышнего Волочка, Саранска, Мытищ, Томска. В классических традициях выдувания из прозрачного хрусталя выполнены комплект из двух предметов «Лебеди» московской художницы О.М. Кобылинской (ТОХМ. 202, 203) и композиция из трех предметов «Стужа» дятьковского художника В.К. Погребного (ТОХМ. 941–943).

Выдувание в форму с последующим отколом «набелей» также хорошо представлено в томских музеях. Отколка колпачков-«набелей», образуемых на выдуваемых в форме изделиях, производится посредством надреза алмазом и последующего прогрева изделия у надреза узким пламенем горелки. В ТОКМ хранится 238 различных по назначению предметов. Среди них лабораторно-химическая, аптечная, тарная и питейная посуда, парфюмерные флаконы, ёлочные украшения. Наиболее интересны предметы с фактурной поверхностью: ёлочные украшения (ТОКМ. 12298/1–73) и стопка второй половины XX в. из пронзительно-синего стекла с рельефом на поверхности (ТОКМ. 13090). Единственный в своём роде музейный предмет – флакон для одеколона корпорации «Reblon» – изготовлен в 1997 г. в Нью-Йорке из белого стекла в технике выдувания в форму (ТОКМ. 12324). В ТОХМ указанная техника представлена 34 авторскими композитными работами российских художников. Наиболее выразительна ваза из бесцветного и сульфидного стекла с лепкой, выполненная художницей Е.С. Жигалкиной из Мытищ Московской области (ТОХМ. 889). Сложной живописной техникой отделана шкатулка «Красная бабочка» из сульфидного стекла, изготовленная выдуванием в форму ленинградской художницей И.А. Ивановой (ТОХМ. 1142). Сочетание полированной и матированной поверхности демонстрирует композиция «Реки Сибири» из пяти предметов, выполненная из светло-голубого стекла выдуванием в форму Ф.Ш. Яхиным (ТОХМ. 1601–1605).

Музейные экспонаты широко представляют древнюю гутную технику стеклоделия и наглядно демонстрируют пластичность материала, его многоцветность и светопроницаемость. Способ изготовления изделий у печи (гуты) – гутное стеклоделие – является основным традиционным рабочим методом производства стекла. Гутное стеклоделие предполагает слитность процессов выработки и отделки. Декорирование поверхности происходит с помощью трубки благодаря тому, что на ещё горячее стекло наплавляется в виде разных плоских или пластических фигур та же самая или иначе окрашенная стеклянная масса [12. С. 11]. В начале нашей эры гутное стеклоделие появилось на территории Италии, Греции, Галлии (территория нынешней Франции), Испании, Португалии, Германии. После падения Римской империи, в конце V в. н.э., центр стеклоделия переместился в Византию, но расцвета оно достигло в Венеции, куда переселились многие греческие и византийские мастера. В X–XII вв. здесь изготовляли простейшие изделия бытового назначения и бусы. С конца XIII в. во многих городах Италии – Альтере, Падуе, Ферраре, Равенне и др. – возникли стекольные мастерские, созданные венецианскими мастерами-перебежчиками. В XV в. такие мастерские появляются во Франции и в Германии (Нюрнберг, Кассель, Кельн, Рейн) [13. С. 131].

В XV–XVI вв. соперницей Венеции по производству стеклянных изделий в Европе стала Чехия, бывшая Богемия. Согласно археологическим раскопкам и

письменным источникам, начало чешского стеклоделия относится к средним векам, техника его проникла сюда из соседних стран, и вскоре в Чехии стали варить стекло, которое по своей прозрачности, блеску и твёрдости превосходило все ранее известные изделия из стекла. Особой популярностью чешское гутное стекло пользовалось в конце XVII – начале XVIII в. [14. С. 186].

В коллекциях ТОХМ насчитывается 124, в ТОКМ – 45 предметов, выполненных в гутной технике. В их числе предметы массовой серийной продукции, относящиеся к типичным музейным предметам, и уникальные произведения. В ТОХМ представлена массовая бытовая посуда Лучановского завода стеклоизделий из жёлтого и дымчатого стекла: ваза для цветов, кувшин, кружка для пива, набор для сока и др. (ТОХМ. 1469–1483). В музее также хранятся авторские произведения из стекла: пластика «Рыба» К.Г. Глазовой выполнена из сульфидного цветного стекла (ТОХМ. 1557), ваза «Структура» Ф.Ш. Яхина создана выдуванием из толстостенного трёхцветного стекла, перетеканием одного цвета в другой без смешения (ТОХМ. 1606). В состав коллекций ТОКМ входит столовая посуда Лучановского завода стеклоизделий, выпускаемая в 1980-е гг. из жёлтого, белого и дымчатого стекла с росписью (ТОКМ. 5115/1–16), а также флаконы для парфюмерии (ТОКМ. 6770), склянки для лекарств (ТОКМ. 6769), бутылочки для чернил (ТОКМ. 6771), изготовленные как в России, так и за рубежом из бесцветного и цветного стекла.

Музейные коллекции ТОКМ содержат уникальный предмет – рюмку «ремер», изготовленную гутной техникой в Германии в конце XIX – начале XX в. из поташного (зеленого) стекла, с ножкой, декорированной навитием по спирали (ТОХМ. 12792). Подобный тип сосуда для пития возник в Рейнской области Германии в конце XV в. Мастера использовали традиционные и вновь изобретенные методы и приемы изготовления стеклоизделий и разрабатывали новые типы и формы сосудов.

Технику свободного выдувания в коллекциях ТОХМ представляют 53 изделия, в ТОКМ – 6. Качество изделия напрямую зависит от ремесленного опыта, сноровки и художественного чутья стеклодува. Это труд одного лица, мастера или подмастерья. Техника применяется для создания авторских композиций и подразумевает высокий художественный уровень произведения. В ТОХМ наиболее интересна сочетанием материала и фактурой поверхности авторская композиция из четырех предметов «Лунный свет», созданная из цветного стекла художником Лучановского завода стеклоизделий Ф.Ш. Яхиным (ТОХМ. 152–155). В ТОКМ указанную технику демонстрируют наборы художников этого же завода – Ф.Ш. Яхина и К.Г. Глазовой: декоративный набор из цветного стекла «Березки», состоящий из трех предметов (ТОКМ. 7158/1–3), и декоративный набор из дымчатого стекла «Радуга» из трех предметов (ТОКМ. 7154/1–3).

Хранящиеся в ТОКМ 25 предметов дают наглядное представление о методе прессовыдувания. Он применяется в машинном производстве широкогорлой стеклянной тары – банок различных типов. Этим способом производятся предварительная заготовка и формование в черновой форме горла изделия, а остальная часть изделия выполняется выдуванием в чистовой форме [15. С. 28]. Среди музейных предметов стеклянная банка, обёрнутая лубяной тесьмой (ТОКМ. 646), молочные бутылки (ТОКМ. 8738/1–3), стаканчик-стопка вместимостью 100 мл, изготовленные в 1960–1980-е гг. (ТОКМ. 12879/1–3), и др.

Современный этап в стеклоделательном производстве характеризуют разные техники. Выпиливание и вытачивание производится специальными пилами и ножами при непрерывном охлаждении и вращении. Выпиливание и точение в ТОХМ (13 предметов) и ТОКМ (2) представляют изделия отечественного производства. Оригинально, в технике вытачивания из хрусталя, художником из Саранска Н.В. Ершковым созданы скульптурные формы «Бык» и «Лайка» (ТОХМ. 892, 893). Разнообразны по технике изготовления авторские пластики художников Б.А. Федорова с Дятьковского стеклозавода и А.А. Аствацатурьяна из Санкт-Петербурга. Выдуванием из двухцветного стекла с последующим вытачиванием Б.А. Федоровым, художником из Дятьково, выполнена пластика «Кристалл» (ТОХМ. 930/1–3). Пластика из трех предметов «Противостояние» создана из хрусталя вытачиванием художником А.А. Аствацатурьяном (ТОХМ. 929/1–3). Два тиражных экспоната в ТОКМ изготовлены точением: кружка с надписью «Пей, а дела разумей» из бесцветного стекла (ТОКМ. 7178) и ваза для фруктов из прессованного стекла (ТОКМ. 2216). В коллекции ТОХМ находятся три предмета, в изготовлении которых использовано только выпиливание: композиция из трех предметов «Виражи», созданная из хрусталя художником из г. Гусь-Хрустального А.С. Куриловым (ТОХМ. 658–660).

Единичные предметы, отформованные машинными методами, хранятся в ТОКМ. В течение долгой истории стеклоделия выдувание производилось ртом, ныне сконструированы и применяются «трубки-самодувки». «Трубкой-самодувкой» выполнена тарная посуда из бесцветного стекла: бутылка для уксусной эссенции, изготовленная до 1917 г. (ТОКМ. 12890), коньячная бутылка (ТОКМ. 11332), водочная бутылка (ТОКМ. 12889).

Методом центробежного литья выполнены образцы массовой серийной фабричной продукции Лучановского завода стеклоизделий, хранящиеся в ТОХМ, в их числе вазы для сервировки стола разной хронологии, столовая посуда и пепельница, изготовленные из цветного стекла (ТОХМ. 1488–1497, 1536). С 1940 г. применяется метод отливки изделий в быстро вращающихся формах способом центробежного литья [16. С. 42].

Отливка, или литье стеклянных изделий в формы, встречается на практике редко, так изготовляются, например, крупные диски для астрономических приборов или высокохудожественные изделия. Методом отливки, или литья, выполнены музейные предметы, хранящиеся в ТОКМ (7) и в ТОХМ (1). В их числе два кубка из хрусталя (ТОКМ. 7700/397; ТОКМ. 5597), графин 2-й половины XX в. (ТОКМ. 13089), стеклянная фляжка, изготовленная в 1940–1941 гг. (ТОКМ. 13033/13). Самый впечатляющий предмет – графин,

созданный во 2-й половине XX в. в России из сульфидного стекла литьём и украшенный по бокам рельефным растительным декором (ТОКМ. 13089). Типические предметы, изготовленные литьем, хранятся в ТОКМ, в их числе масленка в виде черепахи (ТОКМ. 4561/5), флакон для одеколона «Сказка о царе Салтане» (ТОКМ. 12744/1, 2). Особый интерес в силу изготовления техникой литья в форму, крайне редко применяемой при формовке стеклянных изделий, представляет хранимая в ТОХМ авторская геометрическая пластика художника В.Я. Шевченко из Вышнего Волочка, отлитая в форму из матового и цветного стекла (ТОХМ. 5486, 886).

Единичными экземплярами в музейных коллекциях представлены следующие техники стеклоделия: вытягивание, прессование, клеймение, полировка и тиходутое стекло.

Методом вытягивания изготовляются оконное и техническое листовое стекло, стеклянные дроты (трубки малого диаметра), трубы, стержни, стеклянное волокно [17. С. 5–16]. Метод вытягивания представляют предметы, хранящиеся в фондах ТОКМ, в виде дротов из синего и коричневого стекла (ТОКМ. 11051/14, 15). Прессованием изготовлены в 1920–1940-е гг. в СССР сахарница из бесцветного стекла «Курица в гнезде» (ТОКМ. 12988) и масленица, произведённая в конце XIX в. в России (ТОХМ. 1323). Технику клеймения стеклоизделий представляют плафоны из стекла, изготовленные в конце XIX – начале XX в. в России, на которых расположено клеймо с изображением медалей и текстовых надписей (ТОКМ. 9486, 9487). По одному музейному предмету характеризуют техники полирования и тиходутия: ваза для цветов, изготовленная из двухслойного стекла и полированная (ТОКМ. 11028), и ваза «Лирическая», изготовленная из цветного стекла, тиходутая (ТОХМ. 946).

Таким образом, в музейных коллекциях ТОКМ и ТОХМ лучше всего представлены традиционные виды формования стеклоизделий: выдувание, выдувание в форму и гутное стеклоделие. В большом количестве представлены предметы, изготовленные свободным выдуванием, прессовыдуванием, выпиливанием и точением, центробежным литьём. Единичные музейные предметы представляют отливку, или литьё, вытягивание, прессование, клеймение, полирование и тиходутие. Фонды томских музеев хранят 1 296 предметов из стекла и охватывают период производства с XVIII по XXI в. Наибольшее количество бытового стекла конца XIX – 1-й половины XX в. хранится в ТОКМ, в ТОХМ значительная часть музейных предметов изготовлена в XX – начале XXI в. и представляет авторские произведения. В составе коллекций уникальный предмет зарубежного производства – рюмка «ремер», единичные предметы императорского стекольного завода, серийная продукция отечественных производителей, и прежде всего Лучановского завода стеклоизделий, и авторское стекло художников из Москвы, Ленинграда, Дятьково, Вышнего Волочка, Саранска, Мытищ, Томска. Изделия отечественного стеклоделия образуют основу коллекций по стеклу в ТОКМ и ТОХМ и наиболее полно отражают технологию стеклопроизводства, тогда как произведения европейских мастеров являются эпизодичными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шелковников Б.А.* Художественное стекло. Л., 1962.
2. *Стекловаренные* печи / под ред. М.Г. Степаненко ; пер. с нем. А.В. и Ю.К. Гастевых. М. ; Л. : Государственное химико-техническое издательство ОНТИ.
3. *Качалов Н.Н.* Художественное стекло. Л., 1951.
4. *Качалов Н.Н.* Стекло. М. : Изд-во АН СССР, 1956.
5. *Конвенция* ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003). Париж, 17 октября 2003 г. // ЮНЕСКО. URL: www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf.
6. *Каулен М.Е.* Музейное дело России. М., 2003.
7. *Сибирская* жизнь. 1908. 29 октября.
8. *Архив* Томского района. Ф. 135. Оп. 2. Д. 326.
9. *Архив* Томского района. Ф. 135. Оп. 1. Д. 292.
10. *Архив* Томского района. Ф. 135. Оп. 1. Д. 320.
11. *Рабан И.* Чешское стекло. Прага, 1963.
12. *Цейтлин М.А.* Очерки по истории развития стекольной промышленности в России. М. ; Л., 1939.
13. *Большая* иллюстрированная энциклопедия древностей /пер. с чешск. Б.Б. Михайлова. 7-е изд. Прага : Артия, 1988.
14. *Миллер Д.* Все об антиквариате : пер. с англ. М. : БММ АО, 2001.
15. *Стекольная* промышленность. Сборник 2. М. : Государственное научно-техническое издательство легкой промышленности, 1950.
16. *Стекло.* Реферативный указатель технической литературы / под ред. С.И. Иофе. М. ; Л. : Государственное издательство легкой промышленности, 1972.
17. Стекло : сборник переводов из периодической зарубежной литературы / под ред. П.П. Будникова ; пер. А. Бережного. М. : Изд-во иностранной литературы, 1963.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 3 апреля 2014 г.

TECHNIQUES OF FORMATION OF NATIONAL AND WORLD GLASS-MAKING IN TOMSK MUSEUM COLLECTIONS

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 78-82. DOI: 10.17223/15617793/383/12

Piletskaya Lyudmila V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: plv04@mail.ru

Keywords: typical artwork; auteur glass; types of molding; glass-making; blowing.

Museum objects made of glass are kept in Tomsk Regional Art Museum (TRAM) and Tomsk State Museum of History of the Region named after Shatilov (TSMHR). These collections differ in structure and orientation. Funds of TSMHR, according to the author's data based on inventory books comprise 783 items made of glass and cover the period from the 18th to the 21st centuries. The geographical composition of the collection in TSMHR is diverse and contains Russia, Western Europe, America. The main objects in the collection are represented by household glass from late 19th – first half of the 20th centuries. The museum's collection of works in TSMHR

contains samples of glass, glass tubes, lamp-glass, lamp shades, pharmaceutical jars, package and laboratory ware, wine bottles, dishes for drinking, Christmas-tree decorations, tableware, perfume, dressing-table sets and sets for writing, as well as vases, plates and author's compositions. Items are different in forms and sizes, and also have various colors: achromatic, green, blue, brown, bright-green, lacteous, cobalt, manganese. The funds of glass in TRAM consist of 513 items, dated within the period of the 19th – early 21st centuries, made at western European and national glass-factories. The typological structure of the collection includes stamps, tableware, decorative vases, and author's mono- and multi-figure pieces of art. Author's art glass is one of the main directions of funds formation in TRAM. The collection of author's glass includes artworks of the 20th – early 21st centuries made by leading and minor European and national concerns. Innovation ways and techniques of work in glass are affected in them. The most extended form of author's products is decorative vases and plates. The set of works of Luchanovo glass-work factory (1908 – 2002) is the basis of the collection in TRAM. The collection includes serial products of the factory and author's works made by Luchanovo artists K.G. Glazova and F.Sh. Yakhin who worked at the factory in 1970 – 1990. In common, 1296 museum items are kept in TRAM and TSMHR demonstrating the establishment and development of the tradition in glass-work making. The collections represent 14 techniques: blowing (303 items), blow molding (272), hot-glass glass-making (169), free blowing (59), pressblow (25), sawing and turning (15), spinning (11), founding (8), extension (4), pressing (2), marking (2), planishing (1), 'soft blowing' (1). There is a unique item of foreign manufacturing in the collection. It is a shot "Remer", singular items of Emperor's glass-factory, serial products of national manufacturers, and, first of all, of Luchanovo glass-work factory, as well as author's glass of artists from Moscow, Leningrad, Dyatkovo, Vyshny Volochok, Saransk, Mytishchi, Tomsk. Products of national glass-making form the basis of the collections of TRAM and TSMHR and fully reflect the technique of glass-making, while foreign artworks are episodic.

REFERENCES

1. Shelkovnikov B.A. *Khudozhestvennoe steklo* [Art glass]. Leningrad, 1962.
2. Stepanenko M.G. (ed.) *Steklovarennye pechi* [Glass-making furnace]. Translated from German by A.V. and Yu.K. Gastevykh. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe khimiko-tekhnicheskoe izdatel'stvo ONTI Publ., pp. 13-14.
3. Kachalov N.N. *Khudozhestvennoe steklo* [Art glass]. Leningrad, 1951.
4. Kachalov N.N. *Steklo* [Glass]. Moscow: USSR AS Publ., 1956.
5. UNESCO convention for the safeguarding of the intangible cultural heritage (2003). Available at: www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf. (In Russian).
6. Kaulen M.E. *Muzeynoe delo Rossii* [Museum business of Russia]. Moscow, 2003.
7. *Sibirskaya zhizn'*. 29 October 1908.
8. Tomsk District Archive. Fund 135. List 2. File 326. Pp. 1-9.
9. Tomsk District Archive. Fund 135. List 1. File 292. P. 1.
10. Tomsk District Archive. Fund 135. List 1. File 320. P. 71.
11. Raban I. *Cheshskoe steklo* [Czech glass]. Prague, 1963.
12. Tseytlin M.A. *Ocherki po istorii razvitiya stekol'noy promyshlennosti v Rossii* [Sketches on development of glass-making in Russia]. Moscow- Leningrad, 1939.
13. *Bol'shaya illyustrirovannaya entsiklopediya drevnostey* [The Big Illustrated Encyclopedia of Antiquities]. Translated by into Russian by B.B. Mikhaylov. Prague: Artiya Publ., 1988.
14. Miller D. *Vse ob antikvariate* [All about the antiques]. Translated from English. Moscow: BMM AO Publ., 2001.
15. *Stekol'naya promyshlennost'* [Glass industry]. Moscow: gosudarstvennoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo legkoy promyshlennosti Publ., 1950. Issue 2.
16. Iofe S.I. (ed.) *Steklo. Referativnyy ukazatel' tekhnicheskoy literatury* [Glass. Patent index of technical literature]. Moscow-Leningrad: gosudarstvennoe izdatel'stvo legkoy promyshlennosti Publ., 1972.
17. Budnikov P.P. (ed.) *Steklo. Sbornik perevodov iz periodicheskoy zarubezhnoy literatury* [Glass. The collection of translations from foreign periodicals]. Translated by A. Berezhnoy. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury Publ., 1963.

Received: April 03, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 83–90 DOI: 10.17223/15617793/383/13

УДК 78.072

А.Н. Пронина

ФИСГАРМОНИЯ В ИСТОРИИ ОРГАННОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

Автор обращается к проблеме формирования органной культуры Сибири XIX – первой четверти XX в. как многокомпонентного явления. К инструментальному компоненту этой культуры, наряду с духовым органом, следует отнести язычковый орган, более известный в России как фисгармония. В силу уникального набора характеристик этот инструмент стал неотъемлемой частью органного инструментария. Благодаря широкому распространению фисгармонии, компенсировавшему недостаток в регионе духовых органов, такие составляющие органной культуры, как исполнительство, образование и композиторское творчество в их конфессиональном и светском преломлении, получили возможность развития и в дореволюционной Сибири.
Ключевые слова: органная культура; орган; фисгармония; Сибирь.

«Господь – это органист, мы – лишь произведение для органа», – говорил И. Шефлер в «Небесном Странике». Орган и его звучание во все времена наделялись глубочайшими смыслами. Начиная с VII в., когда указом папы Виталиана этот инструмент стал неотъемлемой составляющей храмового пространства и католической литургии, орган и по сей день не утратил своего величия, символичности и ореола таинственности.

Исторически органная культура складывалась из множества компонентов, связанных с материальной, социальной и художественной сторонами бытования и функционирования инструмента. Её сущность раскрывается в координатах взаимодействия традиций материального производства, композиторской, исполнительской, образовательной, публицистической и научной видов деятельности, а также их потребления в светской и сакральной областях жизни общества. С позиции структуры органная культура представляет собой комплекс взаимодействующих между собой материальных и духовных факторов. Предметная её составляющая включает инструментарий, а также помещение, где он располагается (церковь, концертный зал). С этой областью связана деятельность архитекторов, органостроительных компаний, специалистов, обслуживающих инструменты. К духовным ценностям относятся продукты творчества композиторов и исполнителей, образование, публицистическая и научная деятельность, посредством которой отражаются процессы, происходящие в данной сфере, а также коммуникативный аспект, связанный с воспринимающей стороной, аудиторией, на которую направлена эта культура.

Говоря об инструментальном компоненте органной культуры, стоит отметить, что начиная с XIX в. важной его составляющей, наряду с духовым органом, стала фисгармония – язычковый клавишно-пневматический инструмент, как и орган, относящийся к классу свободных аэрофонов. В отличие от трубного органа, фисгармония звучит благодаря колебаниям свободно проскальзывающих металлических язычков, приводимых в действие нагнетаемой мехами воздушной струёй. Отсюда по отношению к фисгармонии часто употребляется ещё один термин – «язычковый орган»[1].

Фисгармония, некогда названная Папой Пием X «младшей сестрой органа» [1. С. 58], в действительности имела много общего с духовым органом. Начиная с Ф. Дебена, в 1842 г. запатентовавшего классический тип фисгармонии, производители этих инструментов стремились максимально приблизить их к органу[2]. «Король инструментов» являлся эталоном как внешнего облика фисгармонии, так и её звуковых качеств. Она восприняла основные атрибуты органа: корпус с регистровой панелью, мануалы (от одного до трех), нередко ножную клавиатуру. Также некоторые фисгармонии имели большой фасад, который мог быть украшен декоративными органными трубами. Благодаря тембровому сходству и такому свойству, как неограниченное время удержания звука, что давало возможность исполнения органного репертуара, фисгармония стала частью органного искусства.

Совпадала и сфера функционирования этих инструментов. Общей была их принадлежность к конфессиональной области, связанной с применением в западнохристианской литургии. Впоследствии в начале XX в. вышеназванный понтифик дал официальное разрешение на использование фисгармонии в католических богослужениях наряду с органом, отметив, что она оказалась “с душой”, церковным по своей природе инструментом – её гармонии сладкие и долгие, непрерывные, полные и богатые, что делает её, в первую очередь, литургическим инструментом» [1. С. 61]. Это свойство фисгармонии отметил Г. Берлиоз в своём известном трактате. По его словам, звучание фисгармонии обладает мечтательным и религиозным характером, способно воспроизводить интонации человеческого голоса, как никакой другой инструмент, она подходит для легатного стиля, мягких нежных мелодий в медленном темпе и в особенности для церковной музыки [3. Ч. 2. С. 501].

По замечанию Берлиоза, в определённых условиях фисгармония считалась практичнее духового органа. Во-первых, стоимость фисгармонии была в десятки раз ниже органа. Во-вторых, она отличалась неприхотливостью в эксплуатации и не требовала специфического ухода. В-третьих, для неё характерно отсутствие шумовых эффектов и фальши даже при колебаниях температуры и влажности воздуха. Наконец, при вероятных пожарах церковного здания, габариты фисгармонии, в отличие от органа, не вызывали его обрушения [Там же].

Соотношение органа и фисгармонии, в зависимости от социально-исторического, географического и климатического контекста, было различным. Если в условиях крупных столичных городов фисгармония была периферийным инструментом, уступая место духовому

органу, то в провинции, напротив, она имела громадное значение. Так складывалась ситуация в дореволюционной Сибири, где наряду с органом существенную роль в становлении в регионе органной культуры сыграла фисгармония, в полной мере взявшая на себя функции «короля инструментов». Это обусловливалось такими причинами, как территориальная удаленность региона от европейской части страны, где имелись единичные специалисты, изготавливающие и обслуживающие органы (тем более от европейских городов, в которых находились органостроительные фирмы), неразвитость транспортных путей и инфраструктуры, а также трудное материальное положение сибирских западнохристианских общин, большинство которых не имели возможности покупки дорогостоящего органа.

Одно из ранних упоминаний фисгармонии датируется 1846 г., когда инструмент появился в католической часовне Нерчинского завода (Восточная Сибирь). До наших дней дошло письмо, в котором описывается интерьер этой часовни: «Белые стены <…> деревянные, украшенные несколькими образами, дарами набожных лиц, несколько простых скамеек вокруг, и это все. Целиком это должно представлять прекрасный характер набожности, и в то же время простоты, если не скажу бедности. Настоящая часовня изгнанников! <…> музыкой и пением при фисгармонии изгнанники сопровождают молитвы священника и горстки собратьев» [4. С. 212].

В воспоминаниях о жизни в ссылке в Забайкалье Агатона Гиллера – польского писателя, историка, в 1854 г. сосланного в Сибирь, в описании этой же католической часовни, в которой он побывал в 1856 г., также упоминается фисгармония: «На улице, тянущейся за зданием Горного правления, находится католический приход и часовня. Маленькая эта часовенька достаточна для верных, находящихся в Заводе. В алтаре имеется несколько неплохих образов <…> Образ Христа на кресте напоминает изгнанникам святость и муки, которые они должны наследовать. В часовне имеется маленькая фисгармония, на котором в праздники исполняется католическая музыка и национально-религиозные песни. 13 июля я был в часовне на богослужении, на котором давно не виданные образы наполнили душу мою теплом и горячей молитвой. Группа верных, составляющая около 30 человек, заполнила святыню» [5. С. 255–257].

Одни из ранних документально подтвержденных сведений о фисгармониях французской компании «А.-Ф. Дебен» относятся к 1850-м гг. В частности, в двух сметах на строительство Томской лютеранской церкви, датированных 1855 и 1857 гг., среди описания необходимых строительных работ, затрат на строительные материалы, рабочую силу и прочее, присутствует пункт расходов «на покупку из С. Петербургского магазина С. Дюфура[3] органа-мелодиума (фисгармонии. – *А.П.*) работы Дебена в Париже о 8-им регистрах с доставкой на сумму 350 рублей» [6. Ф. 170. Оп. 1. Д. 102. Л. 18] (рис. 1).

В 1856 г. в Иркутской католической церкви во время капитального ремонта храма было принято решение заменить орган, эксплуатируемый в течение тридцати лет, на новую фисгармонию. В том же году выписан «орган-Мелодиум Парижской фабрики Дебена», средства на приобретение и доставку которого собирались с пожертвований прихожан: «…в 1857 году “Комитет” затеял основательную перестройку Иркутского костела по плану Валерия Куликовского… Новый орган привезли из Петербурга, на фасаде поместили большое чугунное распятие, подарок декабриста М. Лунина, которое ему на каторгу прислал сам римский папа…»[4]. В описи имущества Иркутского костела за 1874 г. эта фисгармония значится как «орган-меледикон» [8. Д. 1479. Л. 40 об.].

Ни в одном из доступных описаний инструмента нет информации о его внешнем виде, количестве мануалов и регистров. Не обнаружено стоимости инструмента, по которой можно определить его модификацию. Однако упоминание о «большом чугунном распятии на фасаде органа» косвенно указывает на то, что в Иркутской католической церкви могла находиться одна из габаритных разновидностей фисгармоний «Дебен» – 12-тирегистровая одномануальная Grand model с педальной клавиатурой, большим фасадом с декоративными органными трубами (рис. 2).

Рис. 1. Евангелическо-лютеранская церковь. Томск

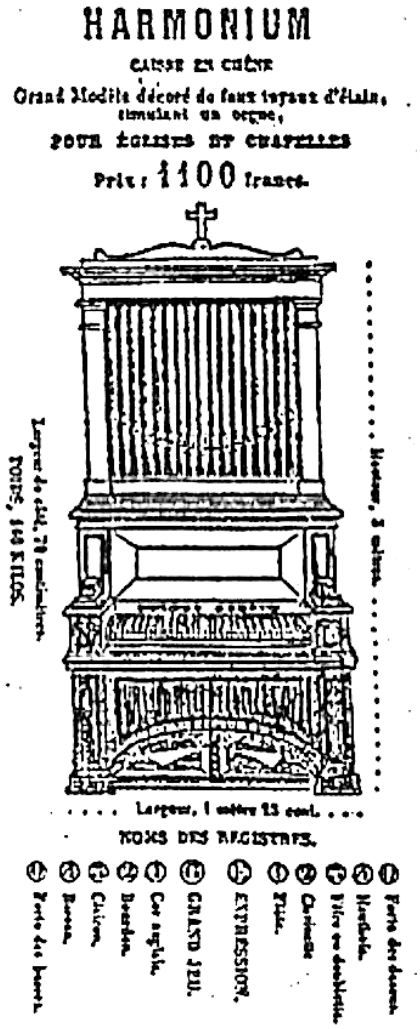


Рис. 2. Фисгармония «А.-Ф. Дебен», середина XIX в. (Франция)

В архивной документации нередко встречаются такие наименования инструментов, как «орган-мелодикон», «орган-мелодиум», без конкретизации фирмы-производителя. В «Отчете о приходе, расходе и остатке сумм по Тобольской римско-католической приходской церкви с 1 сентября 1879 по 13 августа 1884 года» [9. Ф. 826. Оп. 3. Д. 75. Л. 271] содержится информация о расходе сумм «на <…> устройство органа и починку мелодикона – 1343 руб. 61 коп.». То же наименование фигурирует в архивной документации Омской католической церкви. В частности, в письме синдиков костёла, характеризующем личность и деяния ксёндза Гриневского, говорится, что «выписанный прихожанами из СПб для хор меладикон (так в тексте. – *А.П.*), ксёндз Гриневский отдал чиновнице Гзовской, которая намеревалась продать его и как носятся слухи, что вследствие письма ксендза Захаревича из Томска, меладикон этот возвращен в костёл» [Там же. Оп. 1. Д. 752. Л. 54].

Фисгармония ещё одной известной французской фирмы «Александр» имелась в католической церкви Томска. В книге А.В. Адрианова упоминается, что построенный в 1830-х гг. Томский костел с течением времени пополнялся «приношениями своих прихожан, заводивших мебель, утварь, облачения, иконы, книги и прочее», и только в 1862 г. в церкви появился «первый орган» [10. С. 111]. «Визитное описание» Томской римско-католической церкви за 1899 г. конкретизирует данные факты. Так, в разделе «органы» значится «французский, фабрики Александра, купленный в 1862 г. куратом Энгельгардтом, старый, 450 руб., 1 шт.» [8. Д. 1503. Л. 105 об.][5].

С 80-х гг. XIX в. в сибирских католических и лютеранских церквях, наряду с французскими инструментами, получили распространение фисгармонии немецких и американских фабрик[6], что обусловливалось их выходом на мировой рынок. Наряду с традиционными одномануальными фисгармониями с набором 5–8 регистров стали пользоваться популярностью большие концертные инструменты с двумя мануалами, 15–20 и более регистрами, нередко педальной клавиатурой, крупным фасадом, т.е. по всем параметрам максимально приближенные к органу.

Один из таких инструментов появился в 1882 г. в Томской католической церкви на смену фисгармонии «Дебена». В упомянутом выше «Визитном описании» церкви 1899 г. указывается «орган американской фабрики «Эстля и Ком», новый, с двумя клавиатурами, купленный в 1882 г. в Варшаве в магазине Гросмана Вице-Куратом Громадским[7] – 1000 руб.» [Там же]. В отличие от приобретенной двумя десятилетиями ранее фисгармонии «Александр», так называемый амери-

канский орган «Эстей» с романтическим колоритом его регистров обладал более богатыми звуковыми и художественными возможностями.

Фисгармония известной американской фабрики «Стори и Кларк» (с двумя мануалами и 21 регистров) располагалась в Иркутской католической церкви. Из инвентарной описи церкви за 1905 г. следует, что инструмент был выписан из Варшавы в 1897 г. и его стоимость составляла 937 рублей 20 копеек со всеми расходами [8. Д. 1502. Л. 65 об.].

На сегодняшний день нам известны два примера сохранившихся церковных фисгармоний американского производства. Одна из них представляет собой одномануальный, 12-регистровый, инструмент американской компании «Нидхам» (Нью-Йорк), действующий в лютеранской церкви Томска[8]. Второй сохранившийся инструмент принадлежит Омской лютеранской церкви. Произведенная компанией «Томас» (Канада) фисгармония имеет один мануал, набор 17 регистров и находится в неисправном состоянии[9].

В Сибири нами зафиксированы фисгармонии крупнейших немецких производителей придворной королевской компании «Теофил Коткевич» и «Шидмайер». Так, в расходной ведомости (описании ремонта) Читинской римско-католической церкви за 1899 г. имеется следующая информация: «Куплены: мелодикон венской фирмы Коткевич, с двумя ручными и одной ножной клавиатурой на 6 регистров 780 руб. Перевозка из Варшавы до Иркутска 113 руб. 16 коп. До Читы 68 руб. 68 коп. Органисту Боцалевскому за проезд в Читу из Варшавы 100 руб.» [9. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1665. Л. 68–69 об.] (рис. 3).

Рис. 3. Фисгармония «Т. Коткевич» (Австрия), конец XIX в.

По сохранившимся архивным свидетельствам, большие концертные фисгармонии «Шидмайер» имелись в католических церквях Барнаула и Красноярска. Барнаульский католический приход приобрёл двухмануальную фисгармонию параллельно с постройкой церкви в 1907–1909 гг. [8. Д. 1502. Л. 88–94 а]. Согласно «Сдаточно-приемной инвентарной описи имущества Красноярского римско-католического костела от 4 августа 1914 г.» немецкая фисгармония появилась в храме в качестве замены предыдущего инструмента, утраченного вместе со всей церковной утварью во время пожара в 1904 г. [Там же. Л. 88 об. – 93]. Предположительно фисгармонии «Шидмайер» были приобретены в Петербурге у крупнейшего фабриканта музыкальных инструментов Ю.Г. Циммермана, на что косвенно указывают объявления старинных сибирских газет. В частности, в «Сибирской жизни» за 1904 г. размещено иллюстрированное объявление фирмы «Циммерман» следующего содержания: «Продажа фисгармоний собственного производства, а также известных американских и немецких фабрик. Фисгармония (гармониумы) известной фабрики Шидмайер рекомендованы Главачом[10], Гензельтом[11], Листом в 150, 225, 300, 350 руб., концертные в 400, 600 руб. с двумя клавиатурами в 800 и 1000 р., модель Главача 2000 р.» [12. 1904. 21 февраля. С. 4].

С постройкой Транссибирской железнодорожной магистрали открылись большие возможности для продажи музыкальных инструментов и на территории Сибири. В крупных городах появились представительства известнейших в мире компаний, в том числе по производству фисгармоний. Так, в 1899 г. Королевско-Саксонская придворная фабрика «Эрнст Капс» открыла склад в Иркутске в торговом помещении А.Я. Прейсмана, в котором, помимо прочих инструментов, имелись фисгармонии [13. С. 4]. В Томске продажей фисгармоний занимались П.И. Макушин[12] и В.Ф. Шмидт[13], на что указывают рекламные публикации старинных сибирских газет.

В результате процедура приобретения фисгармонии стала быстрой и не такой затратной, нежели прежде[14]. Это позволило оснастить необходимым инструментарием практически все католические и лютеранские церкви, количество которых в начале XX в. возросло в десятки раз. По свидетельству архивных источников, в конце XIX – начале XX в. фисгармонии появились: в католических церквях Тобольска, Новониколаевска, д. Добринка, п. Белосток, Мариинска, п. Рогачевка, Тюмени, Ишима, п. Вершинино, Верхнеудинска, Владивостока, лютеранских церквях с. Ряпина и др. Например, в инвентарной описи имущества Благовещенского римско-католического приходского костёла за 1912 г. значится, что на хорах размещалась «фисгармония с 15 регистрами: 13 ручных и два у колен, стоимостью 800 руб., приобретённая в 1896 г.» [8. Д. 1502. Л. 8 об.].

Выдающийся искусствовед и музыкальный критик XIX столетия В.В. Стасов, всегда чутко ощущающий веяния времени, считал необходимым «водворить и распространить» орган в России, «узнать все великие и замечательные произведения славных эпох органного искусства и развить понятие и любовь к ним в массах публики» [14. С. 89]. В Сибири это стало возможным благодаря именно «младшей сестре органа» – фисгармонии. Безусловно, бытование этого инструмента гораздо шире рамок органной культуры и лишь отчасти связано с ней. Вместе с тем фисгармония имеет чрезвычайно важное значение для процесса становления этой культуры в регионе, явившись той базой, на которой формировались органное исполнительство, образование и композиторское творчество.

На протяжении XIX – начала XX в. наблюдается тенденция не только к численному росту фисгармоний, но и к появлению более сложных моделей, максимально приближенных к духовому органу. Оснащенность фисгармонии давала возможность постижения органного исполнительского мастерства, педальной техники, искусства регистровых комбинаций. Распространение фисгармонии способствовало развитию широкого интереса к органному звучанию, полифонической культуре и органной музыке. В Сибири стала появляться мировая органная литература. Многие ноты привозились в регион самими переселенцами. Например, Август Иванский привёз в ссылку «как реликвию» ноты органных сочинений Ж.Н. Лемменса, которые играл на фисгармонии в Иркутской католической церкви в конце 1860–1870-х гг. [15. С. 215].

Функционируя преимущественно в рамках богослужения, с годами фисгармония расширяла сферу своего бытования. Начиная с последней трети XIX в., наряду с публичными торжественными богослужениями, появились духовные концерты как самостоятельное концертное мероприятие, проводимое в западнохристианских церквях вне литургии. Например, 28 марта 1899 г. в Томской евангелическо-лютеранской церкви состоялся духовный концерт из двух отделений, в котором принимали участие ведущие солисты города и хор, пианист Л.А. Максимов аккомпанировал на фисгармонии. Программа концерта включала произведения Баха, Бетховена, Страделлы и др. [12. 1899. 30 марта. С. 3]. Такого рода концерты устраивались и за пределами церкви. Например, 7 марта 1893 г. в актовом зале Томского университета состоялся концерт университетского хора, под аккомпанемент фисгармонии исполнившего хорал «Господь наш меч» Лютера и «Dies irae» Моцарта [16. С. 2–3].

Данная тенденция способствовала расширению круга исполнителей. Наряду с органистами, состоящими на службе в католических и лютеранских церквях, в него начинает входить приезжая и местная интеллигенция из числа прихожан западно-христианских храмов, а в дальнейшем – не связанных с католическим и лютеранским вероисповеданием. Так, А.А. Ауэрбах, будучи директором Томских музыкальных классов, имел договоренность с местной лютеранской церковью, где неоднократно играл на фисгармонии совместно с преподавателями и учениками музыкальных классов, солистами Томского отделения ИРМО и созданным им симфоническим оркестром, освещая эти события в анонсах и рецензиях в местной прессе [17. С. 62].

Примечательно, что исполнители духовных концертов, в отличие от церковных органистов, в большинстве своём не имели специального образования. На рубеже XIX–XX вв. растущая потребность в органном исполнительстве как у музыкантов, так и у публики, закономерно привела к необходимости создания профессионального образования в данной области. В начале XX в. в музыкальной школе М.Ф. Кнауф-Каминской действовали классы органа и фисгармонии (рис. 3). 10 декабря 1910 г. открылся общедоступный класс игры на фисгармонии Первого Сибирского хорового певческого общества в Томске. В последующие годы были утверждены классы исполнительства на органе в высших учебных заведениях – Народной консерватории Томска (1917 г.) и Государственном музыкальном университете в Иркутске (1920 г.), деятельности которых не суждено было реализоваться в полной мере.

В системе формирующейся органной культуры наметилась и композиторская деятельность. В отличие от последовательно развивавшегося органного исполнительства, которое становилось частью инструментального искусства региона, в композиторском творчестве сибирских музыкантов эта сфера в наименьшей степени нашла отражение. Наиболее яркий пример связан с именем советского композитора и педагога Виссариона Яковлевича Шебалина. В 1922 г., омский период своей биографии, Шебалин написал Пастораль для скрипки с органом, а в 1929 г. задумал Концерт для органа и струнного оркестра, сделал наброски (сохранились в архиве), однако замысел не был осуществлен [18. С. 59][15].

Таким образом, органная культура Сибири, изначально питавшаяся извне, постепенно пришла к самостоятельности, в её русле стала формироваться собственная инфраструктура. Наметившиеся позитивные импульсы в её развитии, которые в дальнейшем могли привести к равновеликости всех формирующихся компонентов, после 1920-х гг. были насильно и трагически прерваны. В тяжелейшие времена атеизма и богоборчества, массовых репрессий и политических преследований периода «Большого террора» 1930-х гг. практически все фисгармонии, как и духовые органы, были безвозвратно утрачены. Пострадали не только инструмен-

ты: разрушены храмы, многие из органистов, не успев покинуть Сибирь, окончили жизнь в лагерях либо расстреляны. В тот же период в Европе и США, в связи с изобретением и запуском в серийное производство электроорганов, фисгармония была вытеснена с рынка музыкально-инструментальной торговли и очень быстро вышла из обихода.

К сожалению, сегодня фисгармония является инструментом не только забытым и вышедшим из употребления, но и незаслуженно лишившимся в глазах отечественных исследователей своего истинного значения для музыкальной культуры. Существующие немногочисленные источники оперируют узким кругом сведений об истории фисгармонии, явно недооценивая её технические, функциональные и художественные возможности. Ройзман, в частности, характеризует фисгармонию как «примитивный инструмент», предназначенный для любительского музицирования, полезный также «для домашних упражнений специалистов-органистов в период черновой работы над координацией движений рук и ног», для которого не было создано художественно ценной литературы [19. С. 308]. В то же время в монографии исследователь в ряде случаев называет органами мастерски выполненные фисгармонии, а их производство относит к органостроению [20. С.122].

Принципиально иная картина сложилась в зарубежном музыкознании, дающем, в отличие от отечественного, самую высокую оценку фисгармонии. Об этом свидетельствует солидный пласт литературы, посвященной её историческим и техническим аспектам.

Автор надеется, что настоящая статья позволит по-новому взглянуть на фисгармонию и переосмыслить её место в истории музыкальной культуры, а также привлечёт внимание исследователей к данной проблематике.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В силу внешней и функциональной схожести органа и фисгармонии в обиходе рассматриваемого времени и тот и другой инструмент называли органом. Отсутствие чёткого терминологического разделения привело к проблеме дифференциации этих инструментов. На сегодняшний день наблюдается следующая терминологическая ситуация: в английском языке для фисгармоний французской системы (давления воздуха) используется термин «гармониум» (*harmonium*), инструменты американской системы (всасывания воздуха) именуются «язычковыми органами» (*reed organ*, а также *pump organ* и *parlor organ*). Также термин «язычковый орган» употребляется применительно к обеим системам. Во французском и немецком языках используется единый термин «гармониум», в отечественном музыкознании – единый термин «фисгармония». В настоящей статье автор использует термин «фисгармония» независимо от разновидности системы воздухонагнетания инструмента.

[2] В середине XIX в. во Франции появилось множество подобного рода фисгармоний, изобретатели которых патентовали их под различными наименованиями (чаще всего с использованием слова «орган»): «Orgue Expressif», «Orgue Alexandre», «Orgue Mustel», «Orgue Mélodium» и др. (подробнее об этом см. в [2]).

[3] Дюфур Селим Франсуа (1799–1872) – представитель французской книжной торговли дома Брандуса в Санкт-Петербурге в 1833–1863 гг. Издатель официальной газеты «Journal de St.Petersbourg», музыкального журнала «Музыкальный свет» и др.

[4] В старейшем селе Иркутской области Урик у Лунина находилась частная католическая часовня. Его духовниками были францисканские монахи-бернардинцы из Иркутска и францисканец о. Тибурций Павловский. Крест, о котором идет речь, действительно с папским благословением был передан из Рима Лунину его сестрой (не ранее 1829 г.) [7. С. 271–272]. (Данные сведения предоставлены автору историком С. Козловым-Струтинским.)

[5] Известно, что фисгармония компании «Александр» обладала высоким качеством и пользовалась большой популярностью в Европе. Описание этого инструмента представил Г. Берлиоз в статье «L'orgue Melodium D'Alexandre» своего трактата. «Придать звукам мелодиума (фисгармонии – *А.П.*) характер мечтательный и религиозный, – писал композитор, – сделать их способными к передаче всех меняющихся оттенков человеческого голоса и большинства инструментов – такова цель, которую поставил себе г-н Александр, и он её достиг» [3. Ч. 2. С. 501].

[6] От европейских фисгармоний американские инструменты отличает иная система, основанная не на давлении воздуха, а его всасывании, что в свою очередь влияет на звук инструмента. В отличие от воздухонагнетающих фисгармоний с сильным, пронзительным звучанием, воздуховсасывающие обладают более мягким, нежным звуком [2, 11].

[7] А.В. Адрианов писал, что ксендз римско-католической церкви Томска Громадзкий был «самым усердным и преданным устроителем костёла, не жалевшим и собственных средств» [10. С. 111].

[8] Предположительно он упоминается в описи имущества Томского храма от 3 апреля 1920 г. [6. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 10. Л. 5].

[9] Вероятно, что в сохранившейся архивной документации упоминается именно этот инструмент: «В лютеранской церкви Св. Екатерины благодаря деятельности пастора Н. Блюмберга и почётного попечителя барона Таубе, капитально отремонтировавшего здание пастората на средства казны, приобретен орган за 350 руб.» [9. Ф. 821. Оп. 5. Д. 21. Л. 51 об. – 52].

[10] Главач Войцех Иванович (1849–1911) – русский органист, дирижёр и композитор.

[11] Гензельт Адольф Львович (1814–1889) – русский пианист, педагог и композитор.

[12] Макушин Петр Иванович (1844–1926) – ведущий деятель образования и просвещения региона последней четверти XIX – начала XX в., основатель первого в Сибири книжного магазина, учредитель первой публичной библиотеки, Общества попечения о начальном образовании в Томске и др.

[13] В.Ф. Шмидт – предприниматель из Петербурга, где в начале 1890-х гг. открыл магазин музыкальных инструментов. Получив наследство, он организовал собственное дело в Томске, однако не выдержал конкуренции с П.И. Макушиным.

[14] Например, из архивной документации стало известно, что только переписка «Евангелическо-Лютеранской Генеральной Консистории, Генерал-губернатора Великого Княжества Финляндского, Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий и некоторых других организаций от 1884 г. по вопросу об оказании помощи в пересылке инструмента из Финляндии в Восточную Сибирь за казённый счёт», в которой утверждался процесс транспортировки фисгармонии финляндцам-колонистам Верхнего Суетука, заняла более года (12.07.1884–19.07.1885). Первоначально инструмент весом в пятнадцать пудов с упаковкой был отправлен в Санкт-Петербург на станцию Финляндской железной дороги, затем Российским обществом морского, речного и сухопутного страхования и транспортирования кладей доставлен в Томск с платой за перевозку 1,5 рубля за пуд, откуда специально командированным чиновником транспортирован в Верхний Суетук [9. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159. Л. 72–124].

[15] До нашего времени дошли воспоминания одного из товарищей Шебалина по Омскому училищу: «В алькове на третьем этаже [училища] у нас стояла фисгармония. Иногда, по вечерам, вдруг раздавались густые, тревожащие душу аккорды. Звуки нарастали, сливались, мощно гудели по всем этажам здания. Это играл Виссарион» [18. С. 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bouvilliers D.A.* The Harmonium. Its History, Its Literature // The Caecila. Magazine of Catholic Church and School Music. Boston : Mclaughlin Reilly Company, 1934. P. 58–61.
2. *Gellerman R.F.* Gellerman's International Reed Organ Atlas. Vestal NY [USA] : The Vestal Press, 1998. 316 p.
3. *Берлиоз Г.* Большой трактат о современной инструментовке и оркестровке. М. : Музыка, 1972. 532 с.
4. *Гапоненко В.В., Семенов Е.В.* Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья первой половины XIX в. Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2006. 239 с.
5. *Giller A.* Opisanie Zabajkalskiej krajny w Syberii. Lipsk, 1867. URL: http://www.wspolnota-polska.org.pl/index.php?id=od_gill_t1# (дата обращения: 10.11.2010).
6. *Областное* государственное учреждение «Государственный архив Томской области» (ОГУ ГАТО).
7. *Окунь С. Б.* Декабрист М.С. Лунин. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1985. 278 с.
8. *Государственное* учреждение «Национальный исторический архив Беларуси» (ГУ НИАБ). Ф. 1781. Оп. 26.
9. *Федеральное* государственное учреждение «Российский государственный исторический архив» (ФГУ РГИА).
10. *Адрианов А.В.* Костёл в Томске // Город Томск. Томск : Изд. Сиб. т-ва Печатного Дела в Томске, 1912. 135 с.
11. *Gellerman R.F.* The American Reed Organ and the Harmonium: A Treatise on its History, Restoration and Tuning, with descriptions of some outstanding Collections, including a Stop dictionary and a directory of Reed Organs. 2nd ed. Vestal NY [USA] : The Vestal Press, 1996. 303 p.
12. *Сибирская* жизнь.
13. *Томские* губернские ведомости. 1899. 22 июля.
14. *Стасов В.В.* Два слова об органе в России // В.В. Стасов. Статьи о музыке. М. : Музыка, 1974. Вып. 1. С. 81–89.
15. *Ендрыховская Б.* Музыкальная жизнь польских ссыльных в Сибири в XIX веке // Сибирь в истории культуры польского народа. М. : Ладомир, 2002. С. 206–216.
16. *Сибирский* вестник.
17. *Бернандт Г.Б.* Кто писал о музыке: биобиблиогр. словарь муз. критиков и лиц, писавших о музыке в дорев. России и СССР : в 4 т. М. : Сов. композитор, 1971. Т. 1. 356 с.
18. *Шебалина А.М.* В.Я. Шебалин: Годы жизни и творчества. М. : Сов. композитор, 1990. 302 с.
19. *Ройзман Л.И.* Глинка и органная культура России первой половины XIX столетия // Памяти Глинки, 1857–1957: исследования и материалы. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 296–328.
20. *Ройзман Л.И.* Орган в истории русской музыкальной культуры. М. : Музыка, 1979. 376 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 20 апреля 2014 г.

HARMONIUM IN THE HISTORY OF SIBERIAN ORGAN CULTURE OF THE 19TH – FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 83-90. DOI: 10.17223/15617793/383/13

Pronina Anna N. Novosibirsk State Conservatoire (Academy) n.a. M.I. Glinka (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: anuta227@ya.ru

Keywords: organ culture; organ; harmonium; Siberia.

The author refers to the problem of appearance and developing of organ culture in Siberia in the 19th – first quarter of the 20th centuries. The author describes Siberian organ culture as a multidimensional and multicomponent phenomenon, the essence of which is disclosed in the interaction between traditions of material production, composing, performing, and educational activities. Reed organ, which is better known in Russia as a harmonium, should be also considered as an instrumental component of organ culture, along with the pipe organ. Being much cheaper, more unpretentious and easy to maintain alternative to the pipe organ, harmonium took over its functions in Siberia. Due to various circumstances such as distance, lack of organ-builders and proper industry and service, inability to purchase an expensive pipe organ, the use of the latter was extremely difficult or impossible. During the 19th – early 20th centuries the tendency was not only to the numerical growing of harmoniums, but also to the emergence of more complicated models, as close to the characteristics of the pipe organ as possible. By the early twentieth century virtually every Catholic and Lutheran church from the Urals to the Far East had a harmonium. In addition, the harmonium was widespread in daily life of Siberian residents: at homes of intellectuals and in educational institutions. Facilities of the harmonium enabled the attainment of playing excellence of the organ, pedal technique, art of register combinations. The spreading of the harmonium contributed to the development of a wide interest in the organ sound, polyphonic culture and organ music. The author concludes that the harmonium was of tremendous importance to the process of appearance and development of organ culture in prerevolutionary Siberia, both in its confessional and secular forms. Organ instrumental toolkit based on the harmonium had become the basis on which fundamental elements of this culture were formed. These elements include organ performance. Having been originally associated with the holy liturgy of Catholics and Lutherans, organ performance gradually went beyond the confessional sphere, became a part of the secular instrumental performance. This, in turn, contributed to the increasing of performers' number. Along with organists on the service in Western Christian churche , the range of organ performers included local "intelligentsia" representatives (for example, in Tomsk: A. Auerbach, LA Maksimov, etc.). The second component is associated with the foundation of organ education in Siberia. First harmonium classes were opened in the early twentieth century in music schools in Blagoveshchensk and Tomsk, then organ classes – in higher music schools in Tomsk and Irkutsk. The developing Siberian organ culture also included organ composer's creativity (compositions of V.Ya. Shebalin). To sum it up, organ culture in Siberia became a natural part of the regional culture. Originally nurtured outside of Siberia it gradually came to independence and its own infrastructure began to develop in its way.

REFERENCES

1. Bouvilliers D.A. The Harmonium. Its history, its literature. *The Caecila. Magazine of Catholic Church and School Music*. Boston: Mclaughlin Reilly Company, 1934, pp. 58-61.
2. Gellerman R.F. *Gellerman's International Reed Organ Atlas*. Vestal NY [USA]: The Vestal Press, 1998. 316 p.
3. Berlioz G. *Bol'shoy traktat o sovremennoy instrumentovke i orkestrovke* [Great treatise on modern instrumentation and orchestration]. Moscow: Muzyka Publ., 1972. Pt. 2, 532 p.

4. Gaponenko V.V., Semenov E.V. *Pol'skie politicheskie ssyl'nye v khozyaystvennoy i kul'turnoy zhizni Zabaykal'ya pervoy poloviny XIX v.* [Polish political exiles in the economic and cultural life of Transbaikalia of the first half of the 19th century]. Ulan-Ude: VSGAKI Publ., 2006. 239 p.
5. Giller A. *Opisanie Zabajkalskiej krajny w Syberii*. Lipsk, 1867. Available at: http://www.wspolnota-polska.org.pl/index.php?id=od_gill_t1#. Accessed: 10th November 2010.
6. The State Archive of Tomsk Region (GATO).
7. Okun' S. B. *Dekabrist M. S. Lunin* [Decembrist Mikhail Lunin]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1985. 278 p.
8. National Historical Archives of Belarus (NIAB).
9. Russian State Historical Archive (RGIA).
10. Adrianov A.V. *Kostel v Tomske* [Church in Tomsk]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Izd. Sibirskogo t-va Pechatnogo Dela v Tomske Publ., 1912.
11. Gellerman R. F. *The American Reed Organ and the Harmonium: A Treatise on its History, Restoration and Tuning, with descriptions of some outstanding Collections, including a Stop dictionary and a directory of Reed Organs*. Vestal NY [USA]: The Vestal Press, 1996. 303 p.
12. *Sibirskaya zhizn'*.
13. *Tomskie gubernskie vedomosti*.
14. Stasov V.V. *Stat'i o muzyke*. Moscow: Muzyka Publ., 1974. Issue 1, pp. 81-89.
15. Endrykhovskaya B. *Muzykal'naya zhizn' pol'skikh ssyl'nykh v Sibiri v XIX veke* [The musical life of Polish exiles in Siberia in the 19th century]. In: Sergeev G.V. (ed.) *Sibir' v istorii kul'ture pol'skogo naroda* [Siberia in the history and culture of the Polish people]. Moscow: Ladomir Publ., 2002, pp. 206-216.
16. *Sibirskiy vestnik*.
17. Bernandt G.B. *Kto pisal o muzyke: biobibliograficheskiy slovar' muzykal'nykh kritikov i lits, pisavshikh o muzyke v dorevolyutsionnoy Rossii i SSSR: V 4 t.* [Who wrote about music: Biobibliography Dictionary of music critics and those who wrote about music in pre-revolutionary Russia and USSR] Moscow: Sovetskiy kompozitor Publ., 1971. Vol. 1, 356 s.
18. Shebalina A.M. *V.Ya. Shebalin: Gody zhizni i tvorchestva* [V.Ya. Shebalin: years of life and creativity]. Moscow: Sovetskiy kompozitor Publ., 1990. 302 p.
19. Royzman L.I. *Glinka i organnaya kul'tura Rossii pervoy poloviny XIX stoletiya* [Glinka and the organ culture of Russia in the first half of the 19th century]. In: Kiselev V.A., Livanova T.N., Protopopov V.V. *Pamyati Glinki, 1857 – 1957: issledovaniya i materialy* [In memory of Glinka, 1857–1957: Studies and materials]. Moscow: USSR AS Publ., 1958, pp. 296-328.
20. Royzman L.I. *Organ v istorii russkoy muzykal'noy kul'tury* [Organ in the history of Russian music]. Moscow: Muzyka Publ., 1979. 376 p.

Received: April 20, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 91–98 DOI: 10.17223/15617793/383/14

ИСТОРИЯ

УДК 94 (47).043-073

Д.А. Ананьев

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ XIX – НАЧАЛА XX в. В АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Дается обзор основных англо- и германоязычных работ, посвященных проблемам аграрной истории Сибири XIX – начала XX в.; выявлены основные теоретико-методологические подходы, применявшиеся западными исследователями в изучении данной темы. В целом для работ первой половины XX в. был характерен «объективизм», поиск универсальных схем исторического развития (например, в рамках теорий «колонизации» и «модернизации»). В историографии последних десятилетий успехи российской «модернизации» поставили под сомнение Дж. Чэннон и С. Маркс. В русле теории «фронтира» проблемы аграрной истории региона анализировали Д. Тредголд, Э. Доннелли, С. Бекер. Многие современные исследователи темы основное внимание уделяют субъекту исторического процесса, этнокультурным аспектам колонизации, особенностям развития имперских окраин, что отражает общие тенденции развития западного сибиреведения.

Ключевые слова: историография; Сибирь; модернизация; колонизация; фронтир.

История Сибири на протяжении нескольких столетий привлекала внимание зарубежных исследователей. Признавая колоссальное экономическое и геополитическое значение региона, способствовавшего превращению России в сверхдержаву, они стремились объяснить, насколько успешным оказался опыт русской колонизации Сибири и каковы перспективы присутствия России в Северной Азии. Представления западных историков о причинах и целях «русской восточной экспансии» обусловили взгляд на ключевые проблемы социально-экономического развития Сибири в XVII–XIX вв. Так, сторонники концепции преимущественно мирного присоединения и освоения Сибири подчеркивали значение крестьянской колонизации, считали необходимым изучение проблем аграрной истории региона. Особое внимание при этом уделялось периоду XIX – начала XX в., когда приток крестьян-переселенцев в Сибирь стал особенно массовым.

Наиболее активно вопросы сибирской истории изучались в XX в., когда возникли специализированные исследовательские центры, резко возросло количество публикаций по истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока, предлагались новые подходы к изучению темы, был накоплен значительный историографический опыт – в первую очередь исторической наукой США, Канады, Великобритании и Германии. Вместе с тем в XX в. для западных специалистов работа в архивах и библиотеках Российской империи, а затем и в СССР была, как правило, сопряжена с множеством трудностей, зачастую непреодолимых. Ввиду ограниченности доступной источниковой базы многие выводы западных историков носили предварительный характер, требовали более основательной разработки. В настоящей работе предпринята попытка дать обзор ведущих англо- и германоязычных публикаций, посвященных указанной теме, а также выявить основные подходы западных исследователей к ее изучению.

В англо- и германоязычной историографии, посвященной социально-экономическому развитию Сибири, в числе важнейших факторов, обусловивших прочность позиций России на Азиатском континенте, называются крестьянская колонизация и успехи сельскохозяйственного развития региона.

В первой половине XX в. проблемы «крестьянской колонизации» Сибири освещались в трудах исследователей – выходцев из России (В. Клумберга [1], Х.-Ю. Серафима [2], А. Байкалова [3–4], А. Лобанова-Ростовского [5]). В 1950–1970-х гг. к изучению темы обратились британские и американские историки, рассматривавшие ее преимущественно с позиций теории «модернизации» (Х. Эллисон [6], Р. Дрю [7–8], Д. Казмер [9]). В американской историографии наиболее известной работой по истории сельскохозяйственного освоения Сибири остается монография Д. Тредголда, опубликованная в 1957 г. и посвященная массовым переселениям крестьян в пореформенный период [10]. По признанию самого автора, в своем исследовании он стремился в первую очередь провести сравнение между освоением Северной Америки и Сибири. Д. Тредголд соединил в своих теоретических построениях концепции «колонизации» и «модернизации» с элементами теории «фронтира», предложенной в конце XIX в. Ф.Дж. Тернером. Для Д. Тредголда несомненно, что переселения крестьян в восточные регионы России во многом напоминали покорение американского Запада. В Сибири люди проявляли куда большую самостоятельность, а их социальные связи отличались куда большей гибкостью, чем в остальных регионах России. На примере сибирского крестьянства российские власти, а также крестьяне из других регионов империи могли увидеть, какого уровня благополучия они в принципе могли бы достигнуть.

В то же время Сибирь не знала некоторых явлений, характерных для американского «фронтира». Взаимоотношения пришлого и коренного населения в Сибири были куда менее проблематичными, чем в Северной Америке, тем более что сибирские аборигены не были слишком воинственными и проживали, как правило, не в районах аграрного освоения. Стремление переселенцев обрести в далекой Сибири землю в определенной степени отражало кризис общинного землепользования с его трехпольным севооборотом в центральных и южных губерниях Европейской России. Растущая плот-

ность населения сделала эту систему устаревшей. Для российского крестьянства переселения имели двоякий эффект: в европейских губерниях они послужили катализатором эффективного землеустройства, в Сибири – ярким примером стремительного роста сельскохозяйственного производства со всеми вытекавшими отсюда социальными и экономическими выгодами.

Впрочем, нехватка земли была не единственной причиной, побуждавшей крестьян покидать родные места. Как полагает Д. Тредголд, помимо земли миллионы крестьян искали свободы. Характеризуя итоги крестьянских переселений в Сибирь в конце XIX – начале XX в., американский историк пришел к выводу, что крестьяне смогли получить землю и свободу в больших масштабах, чем когда-либо ранее. В то же время он задался вопросом, можно ли говорить о развитии демократии и «индивидуализма» на примере сибирского «фронтира» в рассматриваемый исторический период? На уровне сельских миров в Сибири существовала давняя традиция самоуправления, как и в Европейской России. Несмотря на то что сельская община как инструмент организации аграрного производства практически перестала существовать, сельский сход продолжал функционировать как орган демократии, при этом в Сибири, где не было поместного дворянства, в дела сельских миров власть почти не вмешивалась. Однако Д. Тредголд вынужден был признать, что демократия в смысле прямого народного участия в формировании властных органов так и не была в полной мере реализована.

Монография Д. Тредголда получила самую высокую оценку в западной историографии, например, в работах В. Конолли [11], П. Дибба [12], Т. Армстронга [13], Дж. Гибсона [14], Б. Андерсон [15]. В то же время концепцию Д. Тредголда критиковали советские историки, упрекавшие американского исследователя в стремлении «американизировать» Сибирь, доказать «преимущества буржуазных методов хозяйственного освоения», «ненужность» и «невозможность» революционного пути решения аграрного вопроса; отмечали идеализацию Д. Тредголдом переселенческой политики царизма, отрицание им процесса социального расслоения и разложения сибирской деревни и преувеличение значения географического фактора [16–19].

Так, Л.М. Горюшкин [20, 21] отметил, что Д. Тредголд фактически замалчивал земельное ослабление старожилов и аборигенов в процессе землеустройства и создания колонизационного фонда, тяжелое положение новоселов в Сибири, безземелье не приписанных крестьян, жестокую эксплуатацию переселенцев кулаками и произвол чиновничества, массовое возвращение переселенцев из Сибири. Вместе с тем Л.М. Горюшкин не отрицал известной специфики социально-экономического развития Сибири, особенностей социального облика сибирского крестьянства, некоторого сходства с колонистами США, более того, писал о преобладании в Сибири «фермерского» (американского) пути развития сельского хозяйства, что следует признать вполне созвучным с рядом положений монографии Д. Тредголда.

Вопросы аграрной истории Сибири затрагивались в работах обобщающего характера, посвященных аграрному развитию России в XIX – начале XX в. [22–25]. Их авторы также применяли различные варианты «колонизационной» и «модернизационной» теорий. Так, Б. Андерсон полагала, что крестьянские переселения были обусловлены не столько малоземельем или бедностью, сколько острым желанием мигрантов изменить традиционный образ жизни и рискнуть выйти в открытый мир. В этом исследовательница усматривала черты «современного (“модернового”) мировоззрения». Анализируя миграционные потоки, в том числе в Азиатскую Россию, Б. Андерсон установила наличие положительной корреляции между уровнем оттока населения и высоким уровнем грамотности, а также высокой долей населения, занятого в промышленности, что подтверждало ее гипотезу о роли фактора «модернизации». Напротив, переселения продемонстрировали устойчивую отрицательную связь с естественным приростом населения в регионе происхождения мигрантов, что опровергало доводы тех исследователей, кто считал главной причиной миграций демографические проблемы (перенаселение).

Вместе с тем анализ статистики переселений за 1885–1909 гг. показал, что в Сибирь все больше переселялись выходцы из малороссийских и белорусских губерний, столкнувшихся с проблемой перенаселения. Исследовательница была вынуждена признать, что с течением времени фактор грамотности утрачивал прежнее значение, тогда как фактор демографического давления становился все более существенным. При этом Б. Андерсон не уделяла специального внимания культурным и этническим различиям колонистов, которые, по-видимому, должны были нивелироваться в процессе «модернизационного развития».

В конце XX в. специальные исследования, посвященные особенностям аграрного развития Сибири в дореволюционный период, посвятили Дж. Чэннон, Э. Доннелли, С. Бекер. Так, сотрудник Школы славянских и восточноевропейских исследований Дж. Чэннон обратился к теме, обозначенной Л.М. Горюшкиным как «вопрос об истоках сибирского варианта русской общины» [26. С. 6]. В своей статье «Региональные вариации общины (на примере Сибири)» [27] Дж. Чэннон справедливо отметил, что представления западных сибиреведов о таком социальном феномене, как русская крестьянская община, базируются в основном на выводах и обобщениях, полученных в результате изучения сельских миров Европейской России. Опираясь в основном на выводы, полученные В.А. Александровым, Н.Н. Покровским [28], Л.М. Горюшкиным [21], М.М. Громыко [29], Н.А. Миненко [30], Дж. Чэннон попытался выявить особенности сибирской крестьянской общины, проследить ее эволюцию в XIX – начале XX в. и, в частности, понять причины возникновения передельной земельной общины.

В сущности, историк использовал теоретическую схему из статьи отечественной исследовательницы М.М. Громыко [29. С. 47], установившей «иерархию» крестьянских общин в Сибири. По наблюдениям исследовательницы, однодеревенская община входила в сельскую крестьянскую общину, охватывавшую несколько близких населенных пунктов; последняя включалась в более обширную, административно выделенную низовую окладную единицу – сельское общество, которое в свою очередь входило в состав воло-

сти, являвшейся одновременно и формой территориальной крестьянской общины (волостной общиной). По мнению Дж. Чэннона, возникновение волости как «поземельной единицы» было продиктовано стремлением ее членов защитить земельные наделы, которые они считали своей собственностью.

В первой половине XIX в. правительство косвенно стимулировало развитие сельских общин в фискальных и административных целях. В этих условиях поземельные функции волостной общины постепенно передавались сельским общинам. К середине столетия именно они стали доминирующей формой общинного землевладения, вытеснив волостные общины, по крайней мере в Западной Сибири. Впрочем, в северных, наименее населенных и экономически неразвитых районах волостная форма сохранилась.

Дж. Чэннон отметил, что переход от «индивидуально-общинного» землепользования к «общинно-передельному» был связан не только с фискальной политикой и усиливающимся регулированием деятельности общин со стороны государства, но также с относительной нехваткой земли. В конце XIX в. правительство стало поощрять переселения в Сибирь и создавало институциональные инструменты передачи земли новопоселенцам; в то же время рост объемов производства товарной сельхозпродукции (например в сфере маслоделия), организованного с помощью сельских общин, приводил к сокращению площади сельскохозяйственных угодий, доступных для остальных крестьян. Относительная неравномерность распределения земельных владений в пределах общины приводила к тому, что на благополучные крестьянские хозяйства оказывалось все большее давление с тем, чтобы вынудить их уступить свою землю. В целом земельные переделы были обусловлены изменениями в соотношении между количеством обрабатываемой земли и численностью населения.

Вопросы, связанные с земельным переделом, решались на сельских сходах, которые также занимались множеством других дел, включая раскладку налогов и прочих обязательств. Изучение деятельности сельских сходов позволило историку сделать вывод, что община играла роль «буфера» между отдельными крестьянами и местным чиновничеством, а значит, и государством. «Миры» также регулировали порядок крестьянского землепользования, хотя степень их вмешательства в процесс сельскохозяйственного производства варьировалась в зависимости от региона. Данный вывод Дж. Чэннона, в сущности, соответствует представлениям советских сибиреведов о «дуализме» общины [29. С. 44].

В сравнении с крестьянскими общинами Европейской России, в Сибири сельские «миры» осуществляли земельные переделы значительно реже, а «черные переделы» здесь практически не встречались. Сибирские переделы, скорее, напоминали частные земельные переделы (так называемые скидки-накидки), распространенные в нечерноземных областях Европейской России. По мнению Дж. Чэннона, главным препятствием на пути развития частного крестьянского землевладения оставались сохранявшиеся за государством права собственности и верховного распоряжения землей, хотя в начале XX в., особенно в ходе столыпинской реформы, предпринимались некоторые шаги, призванные изменить сложившуюся ситуацию.

Историк подчеркнул, что изменения в данной сфере происходили медленно и сибирские крестьяне все же предпочитали полагаться на общину в деле распределения скудных природных ресурсов, нежели на институт частной собственности и механизмы рыночного перераспределения. Таким образом, работа Дж. Чэннона явилась редким для западной историографии примером исследования, в котором основное внимание уделялось не успехам «модернизации» и капиталистического развития сибирской деревни в XIX – начале XX в., а институтам традиционного общества и «феодально-крепостническим пережиткам».

Инвариантным фактором колонизационных процессов по обе стороны Уральских гор в схеме Дж. Чэннона представлена та всеобъемлющая роль, которую продолжало играть государство. В то же время историк признал, что Сибирь давала переселенцам больше возможностей и больше свободы (что близко к выводам Д. Тредголда), хотя специфика сибирской окраины сочеталась с традициями хозяйствования и землепользования, принесенными из Европейской России.

В отличие от Дж. Чэннона, американский историк Э. Доннелли апеллировал преимущественно к теоретическому инструментарию теории «фронтира» или «подвижной границы» (mobile frontier). В статье, посвященной истории проникновения русских в Башкирию и Казахстан, Э. Доннелли подробно описал историю освоения территорий на границах Южной Сибири и Центральной Азии, объединенных в конце XIX в. в составе Степного генерал-губернаторства [32]. После того как русские колонисты оказались в районах традиционного проживания кочевников, некоторые поселенцы выучили казахский язык и легко общались с коренным населением. В свою очередь многие казахи начали вести оседлый образ жизни и занялись земледелием. В целом, как отметил Э. Доннелли, взаимоотношения между пришлым и коренным населением поначалу носили на удивление мирный характер, до тех пор пока приток русских не стал слишком велик и не вызвал обеспокоенность казахов. Данный вывод контрастирует с позицией многих современных казахстанских историков, пишущих, в частности, о конфликтах между русскими и казахами из-за плодородных земель в «десятиверстной полосе», отведенной российскими властями Сибирскому казачьему войску [32. С. 210].

До середины XIX в. главной направляющей силой в колонизации степей Южной Сибири и северных регионов Центральной Азии оставалось государство, видевшее своей основной задачей не столько аграрное освоение региона, сколько охрану торговых маршрутов и защиту своих подданных Последнее стало особенно актуальным после введения кибиточной подати – меры, на которую казахи ответили серией восстаний в 1830–1860-х гг. Колонизация «подвижной степной границы» стала возможной только после того, как удалось обеспечить военную безопасность территорий. После этого тысячи крестьян хлынули на окраины империи в поисках «земли и воли», но, как представляется, данный процесс логичнее описывать уже не в терминах теории

«фронтира», а с позиций более традиционной концепции «колонизации».

Негативным последствиям колонизации Южной Сибири и Северного Казахстана посвящена статья другого американского историка – Сеймура Бекера (Университет Нью-Джерси), представляющая собой, по сути, обзор западной историографии по данной теме. При этом С. Бекер почти не ссылается на документальные материалы (за исключением Полного собрания законов Российской империи), не использует материалы из работ дореволюционных и советских историков [33. С. 235–256]. Историк отметил, что, продвигаясь на юг и уходя все дальше от казачьих поселений, русские крестьяне практиковали «сухое земледелие», внедренное в регионе еще казаками, а также разводили крупный рогатый скот и лошадей. Изначально правительство не поддерживало крестьянские переселения из опасений, что это может оказать дестабилизирующий эффект на крестьянство Европейской России. Однако позиция правительства, поддержанная генерал-губернатором Степного края, не ослабила миграционного потока, при этом самовольные поселенцы брали у казахов землю в аренду.

По заключению С. Бекера, принципиальное изменение позиции правительства произошло в период между 1889 и 1896 гг., когда в переселениях стали видеть средство решения проблемы избыточного населения в метрополии. Законом, принятым в 1889 г., предполагалось наделение крестьян земельными участками, освобождение от уплаты налогов, а также давались беспроцентные ссуды, однако разрешение на переселение нужно было получить одновременно из Министерства иностранных дел и Министерства государственных имуществ, которые должны были удостовериться в действительной необходимости переселения и наличии свободной земли. Более половины крестьянских переселенцев продолжали уезжать без официального разрешения, надеясь избежать возможных ограничений и запретов. Тем временем власти постепенно уменьшали площади земель, отведенных казахам, для того чтобы увеличить земельный фонд, предназначавшийся для русских переселенцев. Учреждение в 1896 г. Переселенческого управления свидетельствовало о намерении правительства содействовать колонизационному процессу, решая при этом проблему перенаселения и крестьянского недовольства в Европейской России и одновременно усиливая российское присутствие в отдаленных пределах империи, в частности вдоль границ с Китаем.

Как справедливо заметил С. Бекер, необходимой предпосылкой крупномасштабных миграций является наличие удобной и доступной сети транспортных коммуникаций. Такая сеть возникла по мере строительства в 1892–1894 гг. западносибирского участка Транссибирской магистрали на отрезке между Уралом и Омском. Железная дорога позволила добираться до места назначения с наименьшими трудностями, а специальные тарифы для переселенцев сделали путешествие относительно недорогим. Взаимоотношения пришлого и коренного населения в регионе С. Бекер, подобно Д. Тредголду и Э. Доннелли, описывал в духе теории «фронтира», однако основной упор делал на негативные последствия русской колонизации для коренных жителей степи. По словам историка, в ходе расширения пахотных земель происходило сокращение пастбищных угодий и кочевий – процесс, продолжавшийся в течение многих десятилетий. С точки зрения С. Бекера, по своим последствиям данный процесс во многом напоминал взаимоотношения между белыми поселенцами и индейцами, жившими на равнинах Дикого Запада. В целом статья С. Бекера, опубликованная в конце 1980-х гг. в сборнике «Русская колониальная экспансия...» под редакцией М. Рывкина, вполне соответствовала традиционной для западной историографии концепции «русской восточной экспансии», сторонники которой уделяли особое внимание негативным сторонам данного процесса.

Об определяющей роли государства и его представителей в освоении Азиатской России писал С. Маркс, называющий «тщетными» попытки применить к Сибири теорию «фронтира» и предпочитающий использовать более традиционную концепцию «колонизации», предложенную русскими историками еще в XIX в. [34]. Одну из своих статей С. Маркс посвятил деятельности ближайшего сотрудника С.Ю. Витте, статс-секретаря А.Н. Куломзина, который, по мнению историка, заложил фундамент развития Сибири в течение всего XX в. [34. P. 35]. Его деятельность во главе КСЖД позволила осуществить массовые переселения людей, а в дальнейшем – перемещение промышленных предприятий в Сибирь. С другой стороны, политика А.Н. Куломзина способствовала дальнейшему захвату земель, принадлежавших коренному населению региона. С. Маркс назвал А.Н. Куломзина «одним из величайших колонизаторов в мировой истории». Если процессами колонизации США и Канады в разные периоды истории руководили сотни человек, то Куломзину приходилось выполнять свою миссию в одиночку, решая в самые сжатые сроки множество сложнейших задач одновременно. В то же время С. Маркс не склонен преувеличивать успехи капиталистического развития Сибири в дореволюционный период, что сближает его концепцию с выводами отечественной (в первую очередь советской) историографии, критиковавшей сторонников «модернизационной парадигмы»; по его мнению, регион оставался аграрно-сырьевым придатком, зависимым от промышленности Европейской России [21. С. 368].

В последние десятилетия в зарубежных исследованиях, посвященных аграрной истории Сибири, заметен постепенный отказ от поиска универсальных схем исторического процесса (например, в рамках «формационного» или «модернизационного» подходов) и поворот к более пристальному изучению этнокультурных аспектов колонизации, специфике «цивилизационного» развития и «империостроительства», особенностям развития окраин. В русле концепции «колонизации» следовали Н.Б. Брейфогел, А. Шрэдер, У. Сандерленд, которые, подобно С. Марксу, отмечали, что хотя западные исследователи европейской колонизации обычно забывают упомянуть о роли русского народа, последний следует отнести к числу величайших «колонизаторов» в истории Старого Света [35]. Русским удалось заселить огромные пространства Северной Европы и Азии, от побережья Балтики до Тихого океана, от Арктики до Центральной

Азии. Перемещение десятков миллионов поселенцев, представителей славянских народов, служило главной составляющей процесса «империостроительства» в России, а также стержнем повседневной жизни многочисленных социальных и этнических групп.

В. Кивелсон [36], А. Знаменский [37], Ч. Стайнведель [38] подчеркивали ведущую и определяющую роль русского крестьянства в процессе освоения Сибири и Дальнего Востока. При этом историки пришли к выводу, что в течение нескольких веков правительство мало интересовалось этнической и религиозной принадлежностью колонистов, отдавая предпочтение заботам об эффективном политическом и хозяйственном управлении приграничными территориями. Взаимоотношения пришлого и коренного населения на местах складывались неоднозначно: несмотря на официальное требование гуманного обращения с сибирскими инородцами, местные власти, казаки и крестьяне часто прибегали к насилию в отношении аборигенов. С другой стороны, происходило достаточно быстрое смешение пришлого и коренного населения, объединяемого экономическими и брачно-семейными связями; вопросы национальной принадлежности начали играть заметную роль лишь в конце XIX в.

В ряде работ исследовался вклад в аграрное освоение Сибири отдельных этнических групп переселенцев, в частности украинцев, белорусов, немцев. Так, И. Стебельски [39, 40] и А. Каппелер [41] изучали культурные и этнические особенности слоя переселенцев – выходцев из малороссийских губерний. А. Каппелер пришел к выводу, что, несмотря на суровые условия, украинцы, заселявшие степные районы Южной Сибири и Северного Казахстана, добились в ведении хозяйства больших успехов, нежели русские, селившиеся в лесной местности.

В свою очередь современный немецкий историк В. Бруль (выходец из России, чья монография «Немцы в Сибири» была переведена на немецкий язык и стала фактом западной историографии) отметил успехи немецких колонистов, которые, несмотря на различные препятствия, чинимые русскими властями, продемонстрировали в Сибири куда большие успехи в своем культурном и экономическом развитии, нежели переселенцы – представители других национальностей [42. С. 530–531]. Впрочем, исследование В. Бруля подверглось критике за излишнюю эмоциональность и неточность ряда суждений. В частности, П.П. Вибе [43] отметил, что немцы селились не только в малопригодных для сельского хозяйства районах Кулундинской степи: крупные очаги немецкой колонизации возникли также в районе Омска и в Тарской тайге.

В целом зарубежные исследователи аграрной истории Сибири XIX – начала XX в. использовали теоретический инструментарий различных теорий и концепций (концепции «русской восточной экспансии», «фронтира», «колонизационной», «модернизационной», «имперской» парадигм). Смена этих концепций отражала общие тенденции развития англо- и германоязычной историографии Сибири. Если в начале XX в. для западных сибиреведов был характерен «объективистский подход», поиск универсальных схем исторического развития, то многие современные исследователи основное внимание уделяют субъекту исторического процесса, этнокультурным аспектам колонизации, специфике развития имперских окраин. Как представляется, выводы, полученные западными сибиреведами, необходимо принимать во внимание и отечественным исследователям, активно применяющим элементы «модернизационного», «колонизационного», «имперского» подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Klumberg W.* Die Kolonisation Rußlands in Sibirien, Zürich 1914. (Diss.). Zürich : Gebr. Leemann, 1914. 124 s.
2. *Seraphim H.-J.* Die ländliche Besiedlung Westsibiriens durch Russland. Jena : Fischer, 1923. 204 s.
3. *Baikalov A.* The Conquest and Colonization of Siberia // The Slavonic and East European Review. 1932. Vol. 10, № 30. P. 557–571.
4. *Baikalov A.* Siberia since 1894 // The Slavonic and East European Review. 1933. Vol. 11, № 32. P. 328–340.
5. *Lobanov-Rostovsky A.* Russia in Asia. 2-nd ed. New York : Macmillan, 1951.
6. *Ellison H.J.* Peasant colonization of Siberia: a study of the growth of Russian rural society, with special emphasis on the years 1890 to 1918 : PhD thesis. London University, 1955.
7. *Drew R.F.* Siberia: an experiment in colonialism. A study of economic growth under Peter I : PhD thesis. Stanford University, Stanford (California), 1958.
8. *Drew R.F.* The emergence of an agricultural policy for Siberia in the seventeenth and eighteenth centuries // Agricultural History. Urbana, Illinois, 1959. Vol. 33, № 1. P. 29–39.
9. *Kazmer D.R.* Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II // American Economic Review. 1977. Vol. 67, № 1. P. 429–432.
10. *Treadgold D.* The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1957. 278 p.
11. *Conolly V.* Beyond the Urals. Economic developments in Soviet Asia. London : Oxford Univ. Press, 1967. 420 p.
12. *Dibb P.* Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects. New York ; London : Pall Mall Press, 1972. 289 p.
13. *Armstrong T.* Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965. 224 p.
14. *Gibson J.R.* The Significance of Siberia to Tsarist Russia // Canadian Slavonic Papers. 1972. Vol. 14, № 3. P. 442–449.
15. *Anderson B.* Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia. Princeton : Princeton Univ. Press, 1980. 222 p.
16. *Панкратова М.Г.* Проблематика русской революции в американской русистике // Историческая наука и некоторые проблемы современности : статьи и обсуждения / под ред. М.Я. Гефтера. М. : Наука, 1969.
17. *Дубовский Г.Я.* Критика буржуазной фальсификации истории сибирской деревни кануна Великой Октябрьской революции // Бахрушинские чтения – 1973 : сб. науч. трудов. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1973. Вып. 1. С. 162–168.
18. *Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н.* Современные англо-американские буржуазные историки о социально-экономическом развитии Сибири // Революция 1905–1907 гг. на Урале и в Сибири : сб. науч. тр. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1983. С. 100–108.
19. *Передерий С.В.* К вопросу об освещении истории Сибири эпохи капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. : сб. статей. Томск, 1980. С. 164–178.
20. *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1967. 412 с.
21. *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1976. 344 с.

22. *Anderson B.* Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia. Princeton : Princeton Univ. Press, 1980. 222 p.
23. *Macey D.* The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 19061914 // Land Commune and Peasant Community in Russia. Coommunal Froms in Imperial and Early Soviet Russia / ed. by Roger Bartlett. London : MacMillan, 1990. P. 219–236.
24. *Moon D.* Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550–1897 // Historical Journal. 1997. Vol. 40, № 4. P. 859–893.
25. *Judge E.H.* Peasant Resettlement and Social Control in Late Imperial Russia // Modernization and Revolution. Dilemma of Progress in Late Imperial Russia / ed. by E.H. Judge, J.Y. Simms, jr. New York : Columbia University Press, 1992. P. 75–93.
26. *Крестьянская* община в Сибири XVII – начала XX в. : сб. статей / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1977.
27. *Channon J.* Regional Variation in the Commune: The Case of Siberia // Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society / ed. by R. Bartlett. Macmillan in association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London, 1990. P. 66–85.
28. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // История СССР. 1968. № 1. С. 47–68.
29. *Громыко М.М.* Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. : сб. статей / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1977. С. 23–30.
30. *Миненко Н.А.* Община и русская крестьянская семья в юго-западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. : сб. статей; отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1977. С. 104–125.
31. *Donnelly A.* The Mobile Steppe Frontier. The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. London ; New York : Mansell Publishing Ltd., 1988. P. 189–207.
32. *Ерофеева И.В.* Крестьянские переселения в XIX в. // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. и др. История Казахстана: народы и культуры : учеб. пособие. Алматы, 2001.
33. *Becker S.* Russia's Central Asian Empire, 1885–1917. Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. London ; New York : Mansell Publishing Ltd., 1988. P. 235–256.
34. *Marks S.G.* Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East / ed. by S. Kotkin and D.A. Wolff. New York ; London, 1995. P. 23–39.
35. *Peopling* the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London ; New York, 2007. 296 p.
36. *Kivelson V.* Claiming Siberia: colonial possession and property holding in the seventeenth and early eighteenth centuries // Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London ; New York, 2007. P. 21–40.
37. *Znamenski A.A.* The Ethic of Empire on the Siberian Borderland: the Peculiar Case of the «Rock People», 1791–1878 // Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London ; New York, 2007. P. 106–127.
38. *Steinwedel Ch.* Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917 // Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London ; New York, 2007. P. 128–147.
39. *Stebelsky I.* Ukranian peasant colonization east of the Urals, 1896–1914 // Soviet Geography. 1984 (Nov.). Vol. 25, № 9. P. 681–694.
40. *Stebelsky I.* Ukrainian Migration to Siberia Before 1917: The Process and Problems of Losses and Survival Rates' // Ukrainian Past, Ukrainian Present / ed. by Bohdan Krawchenko. London : Macmillan, 1993. P. 55–69.
41. *Kappeler A.* Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtische Diaspora in Russland vor 1917 // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1997. Bd. 45, H. 1. P. 48–63.
42. *Bruhl V.* Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjaehrige Geschichte von der Ansiedlung bis zur Auswanderung. Nuernberg ; Muenchen : Grossburgwedel, 2003. Band 1. 553 s.
43. *Вибе П.П.* Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск : Наука, 2007. 368 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 апреля 2014 г.

PROBLEMS OF AGRARIAN HISTORY OF SIBERIA IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES IN THE ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 91-98. DOI: 10.17223/15617793/383/14

Ananyev Denis A. Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denis.ananyev@gmail.com**.**

Keywords: historiography; Siberia; modernization; colonization; frontier.

In the English- and German-language historiography of social and economic development of Siberia peasant colonization and agricultural development of the region are considered among the most significant factors of Russia's presence in Asia. Special attention is paid to the 19th – early 20th centuries when there was a considerable increase in number of newcomers to Siberia. In the first half of the 20th century problems of peasant colonization of Siberia were studied by scholars who were descendants from Russia (W. Klumberg, H.-J. Seraphim, A. Baikalov, A. Lobanov-Rostovskiy). In the 1950s-1970s these issues were addressed by the British and American researchers who used mostly the theory of "modernization" (H. Ellison, R. Drew, D. Kazmer). In American historiography the most well-known work on the history of agricultural colonization of Siberia is D. Treadgold's monograph published in 1957 and devoted to the mass resettlement of peasants during the post-reform period. In his theoretical scheme D. Treadgold combined concepts of "modernization" and "colonization" with elements of the "frontier" theory formulated by J.F. Turner. In the late 20th century J. Channon, A. Donnelly and S. Becker focused on specifics of agrarian development of Siberia. J. Channon presented a study dealing with institutions of traditional society and "vestiges of feudalism and serfdom" in Siberia while many Western researchers used to praise success of modernization and capitalist development of the Siberian village in the 19th – 20th centuries. The American historian A. Donnelly applied theoretical tools of the "frontier" concept. His fellow countryman Stephen Marks wrote about the key role played by the Russian state and its representatives in colonization of Asian territories and considered any attempts to apply the "frontier" theory as futile. He prefers to use the more traditional "colonization" theory developed by the Russian historians in the 19th century. In the works by I. Stebelsky and A. Kappeler the role of certain ethnic groups of settlers in the course of colonization of Siberia was analyzed. On the whole foreign researchers of agrarian history of Siberia in the 19th – early 20th centuries used various theories and concepts ("Russian eastward expansion", "frontier", "colonization", "modernization", "imperial" approaches). Change in concepts reflected main trends in development of the English- and German-language historiography of Siberia. In the early 20th century works by Western historians were characterized by the "objectivist approach", search for the common patterns of historical development, while many contemporary researchers focus on the subject of historical process, ethnic and cultural aspects of colonization, as well as specifics of development of the Empire's peripheries.

REFERENCES

1. Klumberg W. *Die Kolonisation Rußlands in Sibirien*, Zürich 1914. (Diss.). Zürich: Gebr. Leemann, 1914.
2. Seraphim H.-J. *Die ländliche Besiedlung Westsibiriens durch Russland*. Jena: Fischer, 1923.
3. Baikalov A. The Conquest and Colonization of Siberia. *The Slavonic and East European Review*, 1932, vol. 10, no. 30, pp. 557-571.
4. Baikalov A. Siberia since 1894. *The Slavonic and East European Review*, 1933, vol. 11, no. 32, pp. 328-340.
5. Lobanov-Rostovsky A. *Russia in Asia*. New York: Macmillan, 1951.
6. Ellison H.J. *Peasant colonization of Siberia: a study of the growth of Russian rural society, with special emphasis on the years 1890 to 1918* : PhD thesis. London University, 1955.
7. Drew R.F. *Siberia: an experiment in colonialism. A study of economic growth under Peter* I : PhD thesis. Stanford University, Stanford (California), 1958.
8. Drew R.F. The emergence of an agricultural policy for Siberia in the seventeenth and eighteenth centuries. *Agricultural History*, 1959, vol. 33, no. 1, pp. 29-39.
9. Kazmer D.R. Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II. *American Economic Review*, 1977, vol. 67, no. 1, pp. 429-432.
10. Treadgold D. *The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957.
11. Conolly V. *Beyond the Urals. Economic developments in Soviet Asia*. London: Oxford Univ. Press, 1967.
12. Dibb P. *Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects*. New York, London: Pall Mall Press, 1972.
13. Armstrong T. *Russian Settlement in the North*. Cambridge, 1965.
14. Gibson J.R. The Significance of Siberia to Tsarist Russia. *Canadian Slavonic Papers*, 1972, vol. 14, no. 3, pp 442-449.
15. Anderson B. *Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1980.
16. Pankratova M.G. *Problematika russkoy revolutsii v amerikanskoy rusistike* [Problems of the Russian revolution in American Russian Studies]. In: M.Ya.Gefter (ed.) *Istoricheskaya nauka i nekotoryye problemy sovremennosti: Statyi i obsuzhdeniya* [Historical science and some of the problems of modernity: articles and discussions]. Moscow: Nauka Publ., 1969.
17. Dubovskiy G.Ya. *Kritika burzhuaznoy falsifikatsii istorii sibirskoy derevni kanuna Velikoy Oktyabrskoy revolyutsii* [Critique of bourgeois falsification of the history of Siberian village on the eve of the Great October Revolution]. In: *Bakhrushinskiye chteniya – 1973* [Bakhrushin Readings – 1973]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1973. Issue 1, pp. 162-168.
18. Goryshkin L.M., Sagaydachniy A.N. *Sovremennyye anglo-amerikanskiye burzhuazniye istoriki o sotsialno-ekonomicheskom razvitii Sibiri* [Modern Anglo-American bourgeois historians on the socio-economic development of Siberia]. In: *Revolyutsiya 1905-1907 gg. na Urale i v Sibiri* [Revolution of 1905-1907 in the Urals and Siberia]. Tymen: Tymen State University Publ., 1983, pp. 100-108.
19. Perederiy S.V. *K voprosu ob osveshchenii istorii Sibiri epokhi kapitalizma v sovremennoy anglo-amerikanskoy burzhuaznoy istoriographii* [On the interpretation of the history of Siberia of the capitalism era in the modern Anglo-American bourgeois historiography]. In: *Rabochiye Sibiri v kontse XIX - nachale XX vv.* [Workers of Siberia in late 19th – early 20th centuries]. Tomsk, 1980, pp. 164-178.
20. Goryushkin L.M. *Sibirskoye krestyanstvo na rubezhe dvukh vekov (konyets XIX - nachalo XX v.)* [Siberian peasantry at the turn of the centuries (late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch Publ., 1967.
21. Goryushkin L.M. *Agrarniye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900-1917 gg.)* [Agrarian relations in Siberia in the period of imperialism (1900-1917)]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch Publ., 1976.
22. Anderson B. *Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1980. 222 p.
23. Macey D. *The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906–1914*. In: Bartlett R. (ed.) *Land Commune and Peasant Community in Russia. Coommunal Reforms in Imperial and Early Soviet Russia*. London: MacMillan, 1990, pp. 219-236.
24. Moon D. Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550–1897. *Historical Journal*, 1997, vol. 40, no. 4, pp 859-893.
25. Judge E.H. *Peasant Resettlement and Social Control in Late Imperial Russia.* In: Judge E.H., Simms J.Y., jr. (eds.) *Modernization and Revolution. Dilemma of Progress in Late Imperial Russia*. New York: Columbia University Press, 1992, pp. 75-93.
26. Goryushkin L.M. (ed.). *Krestyanskaya obshchina v Sibiri XVII - nachala XX v.* [Peasant community in Siberia of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch Publ., 1977, pp. 23-30.
27. Channon J. *Regional Variation in the Commune: The Case of Siberia*. In: Bartlett R. (ed.) *Land Commune and Peasant Community in Russia. Coommunal Reforms in Imperial and Early Soviet Russia*. London: MacMillan, 1990, pp. 66-85.
28. Aleksandrov V.A., Pokrovskiy N.N. Mirskiye organizatsii i administrativnaya vlast v Sibiri v XVII veke [Secular organizations and administrative power in Siberia in the 17th century]. *Istoriya SSSR*, 1968, no. 1, pp. 47-68.
29. Gromyko M.M. *Territorialnaya krestyanskaya obshchina Sibiri (30-e gg. XVIII v. - 60-e gg. XIX vv.)* [Territorial peasant commune in Siberia (1730s–1860s)]. In: Goryushkin L.M. (ed.) *Krestyanskaya obshchina v Sibiri XVII - nachala XX v.* [Peasant commune in Siberia of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch Publ., 1977, pp. 23-30.
30. Minenko N.A. *Obshchina i russkaya krestyanskaya semya v yugo-zapadnoy Sibiri (XVIII - pervaya polovina XIX v.)* [Community and the Russian peasant family in southwestern Siberia (18th – first half of 19th centuries]. In: Goryushkin L.M. (ed.) *Krestyanskaya obshchina v Sibiri XVII - nachala XX v.* [Peasant commune in Siberia of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch Publ., 1977, pp. 104-125.
31. Donnelly A. *The Mobile Steppe Frontier. The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850*. In: Rywkin M. (ed.) *Russian Colonial Expansion to 1917*. London; New York: Mansell Publishing Ltd., 1988, pp. 189-207.
32. Yerofeeva I.V. *Krestyanskiye pereseleniya v XIX v.* [Peasant resettlement in the 19th century]. In: Masanov N.E., Abylkhozhin Zh.B., Yerofeeva I.V. et al. *Istoriya Kazakhstana: narody i kultury* [History of Kazakhstan: peoples and cultures]. Almaty, 2001.
33. Becker S. *Russia's Central Asian Empire, 1885–1917*. In: Rywkin M. (ed.) *Russian Colonial Expansion to 1917*. London; New York: Mansell Publishing Ltd., 1988, pp. 235-256.
34. Marks S.G. *Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia*. In: Kotkin S., Wolff D.A. (eds.) *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York; London, 1995, pp. 23-39.

35. Breyfogle N.B., Schrader A., Sunderland W. (eds.) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007. 296 p.
36. Kivelson V. *Claiming Siberia: colonial possession and property holding in the seventeenth and early eighteenth centuries*. In: Breyfogle N.B., Schrader A., Sunderland W. (eds.) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007, pp. 21-40.
37. Znamenski A.A. *The Ethic of Empire on the Siberian Borderland: the Peculiar Case of the "Rock People", 1791–1878.* In: Breyfogle N.B., Schrader A., Sunderland W. (eds.) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007, pp. 106-127.
38. Steinwedel Ch. *Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917.* In: Breyfogle N.B., Schrader A., Sunderland W. (eds.) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007, pp. 128-147.
39. Stebelsky I. Ukranian peasant colonization east of the Urals, 1896–1914. *Soviet Geography*, 1984, vol. 25, no. 9, pp. 681-694.
40. Stebelsky I. *Ukrainian Migration to Siberia Before 1917: The Process and Problems of Losses and Survival Rates*. In: Krawchenko B. (ed.) *Ukrainian Past, Ukrainian Present*. London: Macmillan, 1993, pp. 55-69.
41. Kappeler A. Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtische Diaspora in Russland vor 1917. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, 1997, vol. 45, issue 1, pp. 48-63.
42. Bruhl V. *Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjaehrige Geschichte von der Ansiedlung bis zur Auswanderung*. Nuernberg; Muenchen, Grossburgwedel, 2003. Vol. 1.
43. Vibe P.P. Nemetskiye koloniyi v Sibiri: sotsialno-ekonomicheskiy aspekt [German colonies in Siberia: the socio-economic aspect]. Omsk: Nauka Publ., 2007. 368 p.

Received: April 15, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 99–106. DOI: 10.17223/15617793/383/15

УДК 947.084. (571.16)

В.А. Дробченко, Э.И. Черняк

СЪЕЗДЫ, КОНФЕРЕНЦИИ И СОВЕЩАНИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МАСС В МАРТЕ – ОКТЯБРЕ 1917 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект «Личность, общество и власть в революции и гражданской войне (на материалах Томской губернии)» (№ 12-11-70007 а/Т)

Представлена характеристика съездов, конференций и совещаний социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций как одной из наиболее значимых форм проявления общественно-политической активности масс в крупнейшем сибирском регионе – Томской губернии в марте – октябре 1917 г. Через анализ решений и резолюций определены векторы политической эволюции основных социальных групп населения губернии в рассматриваемый период.

Ключевые слова: местное самоуправление; общественно-политическая жизнь; политические партии; Томская губерния.

Русская революция 1917 г. при всей неоднозначности ее оценок является одним из важнейших событий мировой истории. Этим во многом и обусловлен устойчивый интерес исследователей к изучению как революционного процесса в целом, так и отдельных его составляющих. Воссоздание объективной картины революции во всей ее многоплановости и многомерности невозможно без обращения к региональной истории. Локальный аспект позволяет определить специфические характеристики революционного процесса и выявить векторы общественного развития в контексте событий регионального и всероссийского масштаба.

Сразу после свержения самодержавия повсеместно началось формирование органов местного самоуправления, легализовались политические партии, активизировались общественные организации. Стало организационно оформляться профессиональное, национальное, молодежное, женское движения. С новой властью общество связывало надежды на реализацию идеи народовластия и широкую демократизацию всех сфер жизни. В первые мартовские дни основной формой выработки и принятия решений были митинги, собрания, у студентов – сходки, у крестьян – сходы. Нередко они носили стихийный характер, а решения на них принимались «вечевым» способом и в большинстве своем носили декларативный характер. Гораздо организованнее проходили совещания, на которых сравнительно небольшой круг участников обсуждал конкретные вопросы, возникшие в связи с переживаемыми событиями. Более высокой формой организации масс стали съезды и конференции с участием представителей с мест, наделенных определенными полномочиями. Делегаты съездов представляли широкие слои населения губернии, отражали настроения и чаяния масс, воплощая их в принимаемых решениях и резолюциях. Съезды содействовали укреплению связей между низовыми и центральными организациями, на них намечались пути решения общенациональных и региональных задач.

Только в одном из крупнейших сибирских регионов – Томской губернии в марте – октябре 1917 г. было проведено 240 съездов, конференций и совещаний, в том числе: 51 – органов власти и местного самоуправления (включая 20 сессий народных собраний), 5 – советов, 20 – политических партий, 43 – общественных организаций, 70 – профессиональных, 12 – крестьянских, 7 – национальных, 17 – кооперативных, 2 – областнических, 3 – молодежи, 4 – духовенства, 6 – предпринимателей. 139 съездов (58%) состоялось в Томске, 74 (31%) – в уездных центрах (из них 43 – в Новониколаевске), 9 (4%) – в безуездных городах, 16 (6,5%) – в рабочих поселках, 2 (0,5%) – в селах. По региональной значимости съезды распределились следующим образом: 13 (5%) – всесибирские, 31 (13%) – региональные, 45 (19%) – губернские, 41 (17%) – уездные, 26 (11%) – районные, 72 (30%) – городские, 12 (5%) – отдельных предприятий, учреждений и поселков. Данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Классификация событий в Томской губернии по региональной значимости (март – октябрь 1917 г.)

Съезды	Всесиб.	Регион.	Губерн.	Уездн.	Район.	Гор.	Поселк.	Всего
Органов власти и местного самоуправления	2		14	13	6	14	2	51
в т.ч. сессии народных собраний			1	9	2	6	2	20
Советов			1	4				5
Политических партий	1	4	5	3	1	6		20
Профессиональные	2	15	14	8	12	13	6	70
Общественных организаций	1	5	3		1	31	2	43
Крестьянские			2	9	1			12
Кооперативные	4	4	1	2	4	2		17
Национальные	1	1	1	2		2		7
Областнические	2							2
Духовенства			3			1		4
Предпринимателей		2	1		1	2		6
Молодежи						1	2	3
Всего	13	31	45	41	26	72	12	240

В Томске уже 2 марта, когда были получены официальные телеграммы о свержении самодержавия, гласными городской думы и представителями политических партий был сформирован комитет общественной безопасности (КОБ), который возглавил «беспартийный социалист» Б.М. Ган. В первые дни марта 1917 г. такие комитеты были образованы во всех городах, рабочих поселках и большинстве сел Томской губернии.

Поскольку КОБы создавались по «вечевому» принципу, их деятельность не опиралась на какую-либо нормативно-правовую базу. В середине марта Томский губернский комитет принял постановление о народных собраниях – органах местного самоуправления, создаваемых с учетом принципа разделения властей. Выборы в народные собрания растянулись до середины лета 1917 г. Губернское народное собрание открылось 20 апреля. В Мариинске уездное народное собрание начало работу уже 21 марта, в Новониколаевске – 25 апреля, в Тайге – в начале мая, а на Судженских копях – только к концу июля.

Кардинальные перемены в системе организации власти в губернии на всех ее уровнях и ее демократизация привели к изменению форм работы властных структур, обусловили их стремление найти опору в массах. В этих условиях наиболее острые вопросы жизнеобеспечения населения выносились на широкое обсуждение, а для их решения привлекались представители общественности. Так, Продовольственный съезд Томской губернии (12–17 марта 1917 г.) разработал план губернской продовольственной организации, Съезд по обеспечению топливом городов Томской губернии (9–12 апреля) постановил организовать «Томский губернский дровотоп», Экстренный районный продовольственный съезд в с. Кольчугино (4 апреля) обсудил вопросы снабжения населения необходимыми продуктами. После того как в губернии были сформированы народные собрания, вопросы, связанные с удовлетворением нужд населения, перешли в их компетенцию, хотя в ряде случаев, когда требовалось привлечение профильных специалистов, такие вопросы выносились на специальные совещания и съезды.

Городские и поселковые народные собрания работали на постоянной основе, регулярно проводя свои заседания. Работа губернского и уездного народных собраний велась в рамках сессий, которые планировалось созывать периодически. Губернское народное собрание открылось 20 апреля 1917 г. в актовом зале библиотеки Томского университета. Из 522 избранных депутатов на заседаниях присутствовало не менее 300. Из них – большинство крестьяне. По партийной принадлежности 75% делегатов были эсерами или им сочувствующими. Работа собрания растянулась почти на месяц – до 18 мая. Делегаты обсудили вопросы о власти, о войне, о земле, об автономии Сибири. Собранием был сформирован губернский исполнительный комитет во главе с Б.М. Ганом, ранее возглавлявшим губернский КОБ. В конце апреля – мае состоялись сессии Томского, Каинского, Кузнецкого, Мариинского уездных, Боготольского, Тайгинского городских, Анжерского поселкового, летом – Новониколаевского уездного, Татарского районного, Нарымского краевого и Судженского поселкового народных собраний.

До ноября 1917 г. в Томской губернии не было проведено ни одного крупного съезда советов. Это было связано с тем, что в их руководстве преобладали эсеры и меньшевики, которые рассматривали советы как органы рабоче-солдатского представительства, а не как органы власти. Еще одной причиной слабости советов было то, что в губернском центре отсутствовали крупные отряды промышленных рабочих. Также следует отметить, что до осени в губернии отсутствовали самостоятельные большевистские организации, а имеющиеся там силы большевиков были распылены. На укрепление сибирских советов существенное влияние оказали такие региональные съезды, как Западно-Сибирский съезд советов рабочих и военных депутатов (Омск, 1–7 мая 1917 г.), II Западно-Сибирский съезд советов рабочих и солдатских депутатов (Омск, 11–20 августа 1917 г.), I Съезд советов Средней Сибири (Красноярск, 6–10 сентября 1917 г.), в работе которых принимали участие представители Томской губернии. В конце лета – начале осени под руководством эсеров были проведены Мариинский уездный съезд представителей волостных советов крестьянских депутатов (15–17 августа 1917 г), II Новониколаевский уездный съезд советов крестьянских депутатов (первым, по-видимому, считался I Новониколаевский уездный крестьянский съезд, состоявшийся 25–28 июня 1917 г.) (8–13 сентября 1917 г.), Мариинский уездный съезд советов крестьянских депутатов (9 сентября 1917 г.). Делегаты этих съездов постановили на выборах в Учредительное собрание поддержать список Партии социалистов-революционеров (ПСР).

После свержения самодержавия в губернии активно развернулось партийное строительство. Вслед за созданием организаций в губернском центре началось формирование отделов политических партий в уездных городах и рабочих поселках. Вопросы партийного строительства, укрепления внутрипартийных связей, формирования межпартийных блоков выносились на конференции, съезды и совещания. С марта по октябрь 1917 г. в Томской губернии состоялось 20 таких мероприятий, включая одно всесибирского масштаба (Общесибирский съезд партии Народной свободы в Томске 30 апреля – 2 мая 1917 г.), 4 – регионального, 5 – губернского, 3 – уездного, 1 – районного и 6 – городского масштаба (табл. 2). Наиболее активны были эсеры, которые провели 9 съездов (около 50% от всех событий этой группы). Социал-демократами было проведено 6 съездов (30%). По 1 съезду провели кадеты, народные социалисты, бундовцы и сионисты.

С марта 1917 г. в Томске начала складываться коалиция эсеров и социал-демократов. Уже 2 марта на совещании революционных групп представители этих партий, обсудив вопрос о формировании революционной власти в городе, постановили ввести в состав КОБа своих представителей. Совещание представителей социал-демократических организаций городов Западной Сибири (Новониколаевск, 25 марта 1917 г.) решило «вступить в блок с партией социалистов-революционеров, если в ходе избирательной кампании возникнет опасность преобладания буржуазных партий» [1. С. 27]. За сотрудничество с социал-демократами высказались Новониколаевская городская конференция ПСР (14 мая 1917 г.) и Губернская

конференция членов ПСР (Новониколаевск, 18 мая 1917 г.), причем последняя признала необходимым поставить вопрос о слиянии различных социалистических партий в одну [1. С. 33–34]. Весной – летом 1917 г. эсеры развернули активную работу среди крестьян по организации крестьянских союзов, которые провозглашались местными отделами ПСР. Вопросы об организации крестьянства были вынесены на обсуждение совещания членов Мариинской организации партии социалистов-революционеров, работающих среди крестьян (Мариинск, 23 мая 1917 г.), конференции Томского крестьянского союза партии социалистов-революционеров (Томск, 11–15 июля 1917 г.), Мариинского уездного съезда крестьянского союза ПСР (Мариинск, 18–19 июня 1917 г.), II Съезда крестьянских организаций ПСР Мариинского уезда (Мариинск, 8 сентября 1917 г.).

Таблица 2

Съезды политических партий в Томской губернии в марте – октябре 1917 г.

Съезды	Всесиб.	Регион.	Губерн.	Уездн.	Район.	Гор.	Всего
Смешанные						1	1
Кадетов	1						1
Народных социалистов		1					1
Эсеров			4	3		2	9
Социал-демократов		2	1			3	6
в т.ч. объединенные		2	1			1	4
большевиков						2	2
меньшевиков							
Национальные		1			1		2
в т.ч. Бунда					1		1
сионистов		1					1
Всего	1	4	5	3	1	6	20

Томские кадеты, имея самую мощную организацию в крае, выступили инициаторами созыва общесибирского съезда партии Народной свободы, который был проведен в Томске с 30 апреля по 2 мая 1917 г. Делегаты выразили полную поддержку Временному правительству, одобрили его политику. Основным на съезде оказался вопрос о сибирской автономии. Делегаты высказались за федеративную республику с предоставлением Сибири широкой автономии с передачей всех местных культурных, хозяйственных и административных вопросов городским и земским самоуправлениям, а местного законодательства – Сибирской областной думе. К лету усилилось политическое размежевание сибирской интеллигенции. Выразителем интересов ее средних слоев попыталась стать Трудовая народно-социалистическая партия (энесы). В Томске народные социалисты вышли на политическую арену после Февральской революции. Однако организационный период у энесов затянулся на полтора месяца. В начале мая 1917 г. в Томске оформилось бюро Трудовой народно-социалистической партии. В середине августа в Томске была проведена Конференция Трудовой народно-социалистической партии, которая обсудила вопросы об отношении к текущему моменту и политическим событиям, а также ряд программных вопросов. Конференция выразила готовность к сотрудничеству с эсерами, но категорически отвергла возможность вхождения в блоки с кадетами и социал-демократами, указав, что соглашения возможны только с меньшевиками [2].

К лету 1917 г. наметились серьезные разногласия и внутри эсеровских и объединенных социал-демократических организаций. 11 июня 1917 г. большевики Томска провели совещание, на котором решили создать большевистскую группу при городском комитете РСДРП. Совещание Средне-Сибирских социал-демократических организаций (Томск, 11 июля 1917 г.), осудив контрреволюционную деятельность Временного правительства, высказалось за фактическое осуществление власти на местах советами «путем вмешательства в хозяйственную жизнь и практического осуществления ими требований пролетарских и полупролетарских слоев» [3]. Курс на создание самостоятельной организации был определен на совещании большевиков – членов Томского комитета РСДРП 15 августа 1917 г. Решение об окончательном разрыве с меньшевиками приняла Томская губернская конференция РСДРП, проходившая с 8 по 9 сентября 1917 г. [1. С. 94].

К концу лета 1917 г. все заметнее стали проявляться противоречия внутри эсеровских организаций. Томский губернский съезд ПСР (Новониколаевск, 20–26 июля 1917 г.), рассмотрев вопрос о декларации левых эсеров, в принятой резолюции указал, что во многом разделяет их платформу, но все же потребовал сохранить единство партийных рядов и осудил групповые выступления как дезорганизующие ряды партии [Там же. С. 76]. На II Томском губернском съезде членов ПСР (Томск, 22–28 сентября 1917 г.) резкой критике была подвергнута деятельность правящей коалиции и ЦК ПСР. Съезд высказался за переход власти к советам, однако уточнил, что этот переход невозможен в настоящее время, так как действующий состав ЦИК советов «не отражает настроений демократии». Съезд предложил как временную, практическую, неотложную меру осуществить организацию власти демократическому совещанию с условием, что эта власть будет чисто социалистической без участия в ней цензовых элементов [Там же. С. 112–114]. По сути, томские эсеры заняли промежуточную позицию между правыми и левыми.

Съезды национальных партий в этот период представлены Конференцией бундовских организаций Томска и Новониколаевска (Новониколаевск, 23 марта 1917 г.) и I Съездом сионистов Западной Сибири (Томск, 29–31 октября 1917 г.). О конференции имеются лишь отрывочные сведения. Известно только, что на

ней делегатом на Всероссийскую конференцию Бунда был избран Я.Л. Левенштейн [4. С. 107]. Съезд сионистов, в работе которого участвовало 30 делегатов, выдвинул задачу создания общесибирской организации сионистов, избрал постоянный Западно-Сибирский районный комитет сионистских организаций и утвердил список кандидатов на Всероссийский еврейский съезд. Нарастание радикальных настроений в обществе, сопровождаемое укреплением левых течений в рядах эсеров и социал-демократов, весьма тревожило сибирскую интеллигенцию. Патриарх сибирского областничества Г.Н. Потанин в статье «Областничество и диктатура пролетариата», опубликованной 18 июня 1917 г. в газете «Сибирская жизнь», подверг жесткой критике «проекты Ленина» и прямо заявил о том, что «сибирским областникам предстоит борьба с большевиками».

С лета 1917 г. именно областничество становится стержнем объединения антибольшевистских сил Сибири. На начало августа было запланировано проведение областного съезда, однако из-за недостаточного представительства (из 60 делегатов было большинство томичей) мероприятие решено было именовать Сибирской областнической конференцией. Она проходила в Томске со 2 по 9 августа. Конференция приняла постановление по вопросу об автономном устройстве Сибири, разработала положение о первом Сибирском областном съезде и избрала организационный комитет во главе с Потаниным.

I Сибирский областной съезд проходил в Томске с 8 по 17 октября 1917 г. В его работе участвовали 183 делегата, которые представили 210 мандатов различных организаций. Среди делегатов съезда преобладали эсеры. По данным мандатной комиссии съезда, у них было 40% мандатов – вдвое больше, чем у всех остальных партий вместе взятых. Съезд подтвердил положение о необходимости переустройства России «на началах автономии национальной или территориальной» и высказался за федеративное устройство Российской республики [1. С. 119–124]. 16 октября был избран исполнительный комитет, в котором преобладали эсеры. Как отмечал М.В. Шиловский, съезд стал важным этапом в объединении под областническими лозунгами мелкобуржуазных организаций и группировок при руководящей роли эсеров [5. С. 96].

Наибольшую долю (29%) от всех съездов, проведенных в период март – октябрь 1917 г., составили события профессионального характера. В эту группу включены события, на которых обсуждались как производственные вопросы, так и вопросы профсоюзного строительства: создания союзов, их реорганизации, вхождения в региональные и всероссийские объединения, принятия уставов, программ и т.д. Однако в большинстве случаев участники затрагивали широкий круг вопросов – от политических до экономических. Наиболее часто обсуждались вопросы об отношении к текущему моменту, о взаимоотношениях между администрацией, рабочими, служащими, о социальной защите работников.

Наиболее высокий уровень организационной активности в губернии, как и в целом по Сибири, продемонстрировали служащие. Ими был проведен 41 съезд – 58,5% от всех профессиональных съездов, состоявшихся в этот период. 20 съездов (28,5%), в которых принимали участие как служащие, так и рабочие, отнесены к смешанным. Рабочими было проведено 9 съездов (13%). Относительно невысокая активность рабочих в организации профессиональных съездов связана с отдаленностью от губернского и уездных центров крупных предприятий, их разбросанностью, незавершенностью процесса оформления профессиональных организаций, раздробленностью профессионального движения, а также и низким уровнем политической культуры в рабочей среде.

Из профессиональных отрядов самыми активными были железнодорожники. Ими было проведено 15 съездов. 11 съездов провели учителя и 8 – горняки. Таким образом, представители самых массовых отрядов рабочих и служащих губернии продемонстрировали и наивысший уровень организованности. Отдельным отрядам служащих, несмотря на их рассредоточенность по различным учреждениям и территориям, удалось провести в Томске губернские съезды и создать свои профессиональные объединения. Среди них Съезд ветеринарных врачей и фельдшеров (май 1917 г.), Съезд делегатов служащих компании «Зингер» (май 1917 г.), Губернский съезд лесных специалистов (май 1917 г.), Общесибирский съезд статистиков (май 1917 г.), Губернский съезд служащих казначейств (июнь 1917 г.), Съезд податных инспекторов Томской губернии (25 июня – 2 июля 1917 г.), Общесибирский съезд делегатов служащих товарищества «Второв и сыновья» (28 июля – 4 августа 1917 г.), Губернский съезд лесоводов Томской губернии (август 1917 г.), I Съезд врачей, фельдшеров и акушерок Томской губернии (сентябрь 1917 г.).

Обострение противоречий между рабочими и предпринимателями сопровождалось усилением антибуржуазной пропаганды, которую развернула социалистическая печать. Это и стало основными причинами консолидации сил буржуазии, проявившейся в создании таких организаций, как Союз мелких торговцев в Новониколаевске, Общество фабрикантов и заводчиков, Союз мелких торговцев, Союз домовладельцев, Союз коннозаводчиков и коневодов в Томске, Союз кожевенных заводчиков в Мариинске. Летом 1917 г. оформились союзы земельных собственников, скотопромышленников и мясных торговцев. В конце мая свой съезд провели золотопромышленники Мариинского района. Экстренный съезд судовладельцев Обь-Енисейского бассейна (Томск, июнь 1917 г.) и совещание владельцев типографий г. Томска (октябрь 1917 г.) были созваны для обсуждения требований, предъявленных рабочими. Предприниматели хотя и шли на уступки, но со все меньшей охотой. Правление Общества фабрикантов, заводчиков, кустарей г. Томска констатировало, что «со стороны населения на промышленность возлагают вину в мародерстве, а со стороны рабочих предъявляются требования, и в большинстве случаев требования непомерные, грозящие большинству предприятий катастрофой и даже разорением» [6. 26 июля].

Наряду с антибуржуазной ширилась антицерковная пропаганда. Крестьяне все чаще захватывали церков-

ные земли, крестьянские и учительские съезды выступали за отделение церкви от государства, а школы от церкви. Часть священнослужителей, приняв происходившие перемены как данность, выступала и за реформирование церкви. Вопрос демократизации епархиального управления был вынесен на Общеепархиальный съезд духовенства и мирян Томской губернии (25 мая – 18 июня 1917 г.). 10 августа 1917 г. частное совещание делегатов съезда обсудило вопрос о создании Союза духовенства [7. № 12. С. 287, 288; № 16. С. 325, 326; № 18. С. 368–370].

Отдельную группу съездов составили съезды общественных организаций, большая часть которых представлена коалиционными совещаниями представителей органов самоуправления, советов, политических партий, профсоюзов, кооперативных и иных организаций. В источниках они именуются как «совещания общественных организаций», реже «демократических или революционных». Такие совещания периодически созывались в Томске и Новониколаевске, реже в иных населенных пунктах губернии. Часть из них была созвана в связи с экстренными событиями как всероссийского, так и местного масштаба: свержением самодержавия, июльскими событиями 1917 г., корниловским выступлением. Ряд таких совещаний был созван для обсуждения и решения текущих городских вопросов: об учреждении в городе отдела «Центрозавод» (Томск, 14 июня 1917 г.), об организации кружечного сбора на создание народной консерватории (Томск, 27 июня 1917 г.), об организации дня «Займа свободы» (Томск, 3 июля 1917 г.), для выяснения продовольственного вопроса (Татарск, 11 июля 1917 г.) и т.д. Среди событий, связанных с деятельностью неполитических общественных организаций, следует выделить I Женский съезд Сибири, проведенный в Томске 20–26 сентября 1917 г.

Набирало силу и молодежное движение. В Томске наиболее активны были студенты. Для координации их деятельности в начале марта был избран Совет представителей высших учебных заведений Томска. При поддержке студентов было создано специальное бюро для объединения учащихся всех средних школ города. Летом 1917 г. в Москву на I Общестуденческий съезд был делегирован студент университета Купицкий. Томские студенты поддерживали идею консолидации сил всего студенчества. Однако так как Томск оставался единственным в Сибири студенческим городом, совет старост Технологического института предложил провести в Томске на Рождество II Общестуденческий съезд [8]. В период с марта по октябрь 1917 г. удалось выявить 3 студенческих совещания. Следует отметить, что статус этих совещаний был ниже студенческих сходок. Они проводились в тех случаях, когда на сходках отсутствовал кворум либо на них обсуждались отдельные вопросы частного характера.

Большую роль в политическом определении крестьянства сыграли крестьянские съезды, которых в губернии с марта по октябрь 1917 г. состоялось 12. В сознании крестьян съезды являлись бесспорными и авторитетными органами местной власти. Принимаемые ими решения воспринимались как законные и обязательные для исполнения. Съезды стали для крестьян школой политического просвещения и организации, способствовали росту их политической активности. Также следует отметить, что по сути крестьянскими были съезды представителей от сельских комитетов, групп крестьянского союза. Значительная часть представителей от крестьян была в составе губернского и уездных народных собраний.

Время созыва съездов зависело как от сезонности сельскохозяйственных работ, так и от потребностей общественно-политической жизни. Продолжительность работы съездов составляла от 1 до 9 дней, но в основном ограничивалась 2–5 днями. Представительство на съездах колебалось от 35 до 220 делегатов и «определялось нормой представительства, активностью крестьянства, временем созыва съезда, подготовительной работой, числом приглашенных на съезд представителей политических и общественных организаций» [9. С. 27]. В работе большинства крестьянских съездов принимали участие горожане, солдаты, представители органов местного самоуправления, политических партий и кооперации. Весной – летом 1917 г. преобладающее влияние на крестьян оказывали эсеры. Их лозунги о земле и собственности отвечали чаяниям крестьянства и обеспечивали эсерам поддержку в крестьянских массах.

Практически на всех крестьянских съездах в марте – октябре 1917 г. обсуждались вопросы организационного строительства в деревне. В марте – апреле главным являлось создание органов крестьянского самоуправления и крестьянских союзов. Летом и осенью на первый план вышли вопросы образования земельных комитетов, губернских и уездных советов крестьянских депутатов и подготовки к проведению кампании по выборам в земство [10. С. 201].

Первые крестьянские съезды в Томской губернии были проведены в конце марта в Каинском и Мариинском уездах. На Мариинском уездном съезде были избраны представители в Томское губернское народное собрание [6. 21 марта; 11. 25 марта]. Первый крестьянский съезд Томского и Кузнецкого уездов и крестьянский съезд Кузнецкого района (9–15 апреля 1917 г.) поддержали курс Временного правительства на демократические преобразования, высказались за передачу земли в общенародное достояние, рассмотрели вопросы о формировании органов местного самоуправления. Материалы съездов, состоявшихся летом 1917 г., позволяют сделать вывод о том, что в настроениях крестьян произошли определенные изменения. Делегаты перестали безоговорочно доверять власти, стали относиться к ней более критично. В резолюциях съездов звучали требования приступить к решению наиболее острых проблем, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. Немедленного решения аграрного вопроса потребовал Томский губернский съезд крестьянских депутатов, проходивший с 14 по 22 сентября 1917 г. Крестьянские съезды по-прежнему проходили под эсеровским руководством, но монополия эсеров уже была нарушена. В работе Кузнецкого уездного съезда (июнь 1917 г.) принимали участие социал-демократы, в работе Томского губернского съезда – большевики и народные социалисты. Однако перевес сил оставался у эсеров. В поддержку их списка на выборах в Учреди-

тельное собрание в августе – сентябре 1917 г. высказались уездный Мариинский съезд представителей волостных советов крестьянских депутатов, крестьянский съезд Каинского уезда, Мариинский уездный съезд советов крестьянских депутатов, II Новониколаевский уездный съезд советов крестьянских депутатов.

Большой вклад в политическое и культурное просвещение крестьянства внесла кооперация. К концу 1917 г. в Томской губернии действовало свыше 1 тыс. сельских кооперативных организаций, включая потребительские общества, кредитные товарищества, ссудосберегательные кассы, кооперативы. Кооперативные организации выделяли средства на содержание школ, открытие библиотек, приобретение литературы, подписку на периодику, вели активную борьбу с самогоноварением и пьянством. Уже в начале марта общероссийские и сибирские кооперативные организации попытались определить свое место в общественно-политической и хозяйственной жизни страны. Всероссийское совещание представителей союзных объединений потребительских обществ, проходившее в Москве 10–11 марта 1917 г., заявило о поддержке Временного правительства и предложило всем кооперативным организациям на местах принимать деятельное участие во всех политических собраниях, совещаниях, съездах, вести агитацию в массах за скорейший созыв Учредительного собрания и создание демократической республики [12. С. 131, 132]. Местные организации широко откликнулись на этот призыв. Съезд представителей кредитных товариществ, входящих в состав Новониколаевского союза (5–11 марта 1917 г.), единогласно принял резолюцию о необходимости введения в России демократического образа правления. Совещание представителей маслодельных артелей Каинского уезда (24 марта 1917 г.) выступило с инициативой создания крестьянского союза маслоделов [1. С. 11, 12].

Весной – летом 1917 г. идеологи кооперации, прежде всего эсеры, выступали за ее «внепартийность», политическую нейтральность, в то же время считая, что «внепартийность не есть еще полное отстранение от всякой политики вообще». Проходивший в Новониколаевске с 1 по 3 мая 1917 г. съезд уполномоченных «Закупсбыта» подчеркнул, что кооператив как особого типа союз граждан не может стоять в стороне от гражданского строительства в ответственнейший момент государственной жизни. Съезд утверждал, что, даже оставаясь внепартийной, кооперация может и должна принять живейшее участие в политическом просвещении широких народных масс [Там же. С. 31].

С марта по октябрь 1917 г. в Томской губернии было проведено 17 кооперативных съездов и совещаний. Среди них по 4 – всесибирского, регионального и районного уровня, по 2 уездных и городских и 1 – губернского уровня. Кооперация, охватив значительную часть территории губернии, опиралась на разветвленную сеть организаций и на сложившийся еще с дореволюционных времен штат работников, имела отлаженную систему управления на уровне районов и уездов. Кооперативные организации тесно связаны между собой и могли решать стоящие перед ними задачи только совместно. Новониколаевск, в котором было проведено 10 съездов, фактически превратился в центр сибирской кооперации. Этому способствовало его географическое положение, город находился на пересечении железнодорожных и водных путей. Именно там с 1916 г. действовал Всесибирский союз потребительской кооперации «Закупсбыт». С весны ускоряется работа по созданию общесибирского центра кредитной кооперации. Организационные вопросы обсуждались на Съезде сибирских кредитных союзов (14 апреля 1917 г.), Совещаниях представителей сибирских кредитных союзов (30 июня и 18–19 июля 1917 г.), Учредительном съезде (собрании) уполномоченных товарищества на паях «Союза сибирских кредитных союзов» (до 3 октября 1917 г.). Так как руководство сибирской кооперации находилось в руках эсеров, они использовали трибуну кооперативных съездов для массированной пропаганды.

Весной 1917 г. большую организационную и культурно-просветительную работу провели национальные организации Томской губернии. Ими были установлены связи с диаспорами в других сибирских регионах, их представители участвовали в таких всероссийских съездах, как XII Конференция Бунда (Петроград, апрель 1917 г.), XIII Конференция Латышской социал-демократической партии (Москва, 19–22 апреля 1917 г.), а также I Всероссийский мусульманский съезд (Москва, 1–11 мая 1917 г.), VII Сионистский съезд (Петроград, конец мая 1917 г.), Литовский съезд (Петроград, 27 мая – 5 июня 1917 г.). С середины лета 1917 г. стали созываться региональные и общесибирские съезды национальных меньшинств. С 23 по 26 июня 1917 г. в Омске был проведен Украинский войсковой съезд Омского военного округа, на котором были представлены гарнизоны Томска и Новониколаевска. Там же состоялся и съезд украинских организаций Азиатской России (30 июля – 5 августа 1917 г.).

Томск стал центром объединения сибирских мусульман. Томский губернский мусульманский съезд (28 июня – 2 июля 1917 г.) избрал губернский мусульманский совет под председательством Н.М. Карпова. Этот совет выступил инициатором созыва I Сибирского мусульманского съезда, который прошел в Томске с 3–6 октября 1917 г. Съезд, обсудив вопрос о культурно-национальной автономии мусульман Сибири, постановил создать Временный центральный совет союза национальных сибирских губернских мусульманских советов «для ведения как культурно-национальных», так и «общественно-политических и социально-экономических вопросов». Съезд избрал Областной мусульманский совет, оформив организационную структуру национальной автономии мусульман Сибири: вверху – Центральный сибирский муссовет, затем – губернские (областные), уездные и городские муссоветы. Предполагалось, что пирамида будет действовать в рамках автономной Сибири [13. С. 92]. Осенью 1917 г. среди томских евреев развернулась кампания по выборам делегатов на Всероссийский еврейский съезд. В связи с этим на специально проведенных 10 и 14 октября совещаниях представителей еврейских благотворительных учреждений и партийных организаций было сформировано временное Западно-Сибирское окружное бюро по выборам делегатов на этот съезд [14. С. 9–10].

Летом 1917 г. губернскими властями были приняты меры по формированию органов местного самоуправления коренных сибирских народов. По инициативе Томского губернского исполнительного комитета 1 июля в Бийске был созван съезд «инородцев» Алтайской губернии, в работе которого принимали участие представители волостных комитетов Кузнецкого уезда. Съезд постановил учредить особый уездный орган – Алтайскую Горную думу. Съезд алтайцев Кузнецкого уезда, проходивший с 28 по 30 июля 1917 г., избрал уездную Горную думу. Кузнецкий отдел повел работу по выборам народного собрания инородческого населения уезда. Его открытие было назначено на 15 октября 1917 г. Однако из-за того, что в Кузнецк прибыло менее половины делегатов, собрание решено было считать совещательной конференцией, а созыв народного собрания был перенесен на 20 ноября [1. С. 77; 11. 9 июня, 29 авг.; 19 нояб.; 152].

Материалы съездов и конференций показывают, что к ноябрю 1917 г. власть в Томской губернии находилась в руках коалиции демократических сил, основу которой составляли эсеры и социал-демократы. Под их контролем находились органы местного самоуправления, значительной части советов и профсоюзов. В рамках этой коалиции развивались национальное, женское, молодежное, кооперативное движения. В составе коалиции действовали большевики и левые эсеры, которые не ставили вопрос о вооруженном захвате власти ни в стране, ни в регионе. Требование перехода власти к советам, выдвигаемое отдельными трудовыми коллективами и политическими группами, означало передачу власти коалиции социалистических партий, опирающихся на широкую массовую поддержку. А передача власти советам подразумевала не уничтожение капиталистических отношений вообще, а установление жесткого государственного контроля над буржуазией, ограничение ее прибылей, ликвидацию пережитков феодализма, решение аграрного вопроса, принятие рабочего законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Съезды*, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1–2. 333 с.
2. *Труд* и земля. Томск, 1917. 7 сент.
3. *Знамя* революции. Томск, 1917. 18 июля.
4. *Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А.* Национальные меньшинства Томской губернии: Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. Томск, 1999. 298 с.
5. *Шиловский М.В.* Сибирские областники в 1917 г. // Историческая наука на рубеже веков : материалы Всерос. конф., посвящ. 120-летию Том. гос. ун-та. Томск, 1999. Т. 2. С. 88–99.
6. *Сибирская* жизнь. Томск, 1917.
7. *Томские* епархиальные ведомости. Томск, 1917.
8. *Путь* народа. Томск, 1917. 31 окт.
9. *Зыкова В.Г., Якимова Т.В.* Общественно-политическая жизнь сибирского крестьянства в 1917 г. // Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск, 1992. С. 24–40.
10. *Черняк Э.И., Якимова Т.В.* Материалы крестьянских съездов 1917–1918 г. в Сибири (источниковедческий аспект) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.) : материалы Всерос. симпозиума, посвящ. памяти проф. И.М. Разгона. Томск, 1996. Вып. 1. С. 196–206.
11. *Голос* свободы. Томск, 1917.
12. *Иванов Б.В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск, 1976. 373 с.
13. *Нам И.В.* Съезды национальных меньшинств Сибири (1917 – начало 1918 г.) // Октябрь и Гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. Томск, 1993. С. 84–105.
14. *Сибирский* вестник Бунда. Томск, 1917. № 3.
15. *Государственный* архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 4. Д. 7. Л. 1–2.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 апреля 2014 г.

CONGRESSES, CONFERENCES AND MEETINGS IN TOMSK PROVINCE AS AN INDICATOR OF SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITY OF THE MASSES IN MARCH – OCTOBER 1917

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 99-106. DOI: 10.17223/15617793/383/15

Drobchenko Vladimir A. Anzhero-Sudzhensk Branch of Kemerovo State University (Anzhero-Sudzhensk, Russian Federation). E-mail: tor@asf.ru

Chernyak Eduard I. Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

Keywords: local self-governance; social and political life; political parties; Tomsk province.

The paper presents the characterization of congresses, conferences and meetings of social and class, political, religious, national organizations as one of the most significant manifestations of social and political activity of the masses in the major Siberian region – Tomsk Province – in March – October 1917. Based on the analysis of decisions and resolutions, the vectors have been defined of political evolution of the main social groups of the province's population during the given period. During the first days of March 1917, all across the country, the formation of local self-governing bodies which received the common name of public safety committees (KOB) started. Created in the wake of the revolutionary upsurge, the committees constituted a democratic coalition seeking to put the idea of class peace in practice. The essence of their activity was the search for a compromise among different social groups targeted at the realization of civil rights and liberties. The committees initiated by the masses became the first truly democratic local authorities. They represented all social strata, organizations and institutions. By the mid-summer 1917, in Tomsk Province the committees were replaced by executive committees in charge of implementing decisions made at peoples' meetings. Thus, a new structure of local government formed in the region. The legislative branch was represented by regional, city, district and volost' people's meetings whereas the executive one – by the relevant committees. After the Provisional Government adopted a number of regulations regulating the activity of local government, in Tomsk Province, since the summer 1917, active work was started to organize elections in accordance with the laws adopted. By November 1917, over 80 national organizations and 9 national clubs were active in the region. After the Revolution the Russian clergy

found itself in a difficult situation. The collapse of the autocratic foundations forced it to define its attitude toward the new government and elaborate a new behavioral pattern. The labor movement became an important component of the social and political life of the region. The possibility of legal trade-union activity that emerged after the February Revolution contributed to workers and employees' increasingly struggling for their rights. Sessions and conferences materials show that by November 1917 the power in Tomsk Province was in the hands of the coalition of democratic forces comprised of the Socialist Revolutionaries and the Social Democrats. They controlled the local authorities, a significant part of councils and trade unions. Within this coalition such movements as national, women's, youth and cooperative ones developed.

REFERENCES

1. Chernyak E.I. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Tomskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 g.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, religious, national organizations in Tomsk Province (March 1917 - November 1918)]. Tomsk, 1992. Pt. 1-2, 333 p.
2. *Trud i zemlya*. Tomsk, 1917.
3. *Znamya revolyutsii*. Tomsk, 1917.
4. Kutilova L.A., Nam I.V., Naumova N.I., Safonov V.A. *Natsional'nye men'shinstva Tomskoy gubernii: Khronika obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni. 1885–1919* [National minorities of Tomsk Province: Chronicle of social and cultural life. 1885–1919]. Tomsk, 1999. 298 p.
5. Shilovskiy M.V. [Siberian regionalists in 1917]. *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov: Materialy Vserossiyskoy konferentsii* [Historical Science at the Turn of the Century: Proc. of the All-Russian conference]. Tomsk, 1999, vol. 2, pp. 88-99. (In Russian).
6. *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk, 1917.
7. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. Tomsk, 1917.
8. *Put' naroda*. Tomsk, 1917.
9. Zykova V.G., Yakimova T.V. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' sibirskogo krest'yanstva v 1917 g.* [Social and political life of the Siberian peasantry in 1917]. In: *Iz istorii sotsial'noy i obshchestvenno-politicheskoy zhizni sovetskoy Sibiri* [From the history of social and political life of the Soviet Siberia]. Tomsk, 1992, pp. 24-40.
10. Chernyak E.I., Yakimova T.V. [Materials of peasant congresses in Siberia in 1917-1918 (source study aspect)]. *Iz istorii revolyutsiy v Rossii (pervaya chetvert' XX v.): Materialy Vserossiyskogo simpoziuma* [From the history of revolutions in Russia (the first quarter of the twentieth century). Proc. of the All-Russian symposium]. Tomsk, 1996. Issue 1, pp. 196-206. (In Russian).
11. *Golos svobody*. Tomsk, 1917.
12. Ivanov B.V. *Sibirskaya kooperatsiya v period Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Siberian cooperation during the October Revolution and the Civil War]. Tomsk, 1976. 373 p.
13. Nam I.V. *S"ezdy natsional'nykh men'shinstv Sibiri (1917 – nachalo 1918 g.)* [Congresses of national minorities of Siberia (1917 – early 1918)]. In: *Oktyabr' i Grazhdanskaya voyna v Sibiri: Istoriya. Istoriografiya. Istochnikovedenie* [October and the Civil War in Siberia: History. Historiography. Chronology]. Tomsk, 1993, pp. 84-105.
14. *Sibirskiy vestnik Bunda*. Tomsk, 1917.
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF).

Received: April 12, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 107–113 DOI: 10.17223/15617793/383/16

УДК 94:324(571.14+571.16)

Е.А. Осташова

ВЫБОРЫ ГУБЕРНАТОРОВ НОВОСИБИРСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ (1995 г.): АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Представлен анализ опыта выборов глав администраций в Новосибирской и Томской областях 17 декабря 1995 г. Дается оценка эффективности различных стратегий и практик построения избирательной кампании, степени их соответствия настроениям электората с учетом достигнутых кандидатами результатов. Исследование выполнено на основе анализа публикаций региональных СМИ, программ кандидатов, агитационных материалов, статистических данных о результатах голосования, социологических опросов, проводившихся накануне выборов.

Ключевые слова: выборы губернатора; Томская область; Новосибирская область.

Появление института губернаторства стало следствием начавшегося в конце 1980-х – начале 1990-х гг. процесса демократизации. Но если на федеральном уровне всенародные выборы первого лица состоялись еще 12 июня 1991 г. (тогда же были избраны первые мэры Москвы и Санкт-Петербурга Ю.М. Лужков и А.А. Собчак, а также президент Татарстана М.Ш. Шаймиев), то в подавляющем большинстве регионов России глава администрации субъекта Федерации стал выборной фигурой только в 1995–1997 гг. [1]. В окружении президента Б.Н. Ельцина развернулась борьба двух подходов к формированию системы исполнительной власти в регионах: назначение губернаторов или их всенародные выборы. Проведение выборов глав администраций, безусловно, стимулировало бы развитие демократических процессов в регионах, однако вызывала опасение возможность прихода к власти в регионах коммунистов. В итоге был сделан выбор в пользу назначения губернаторов, что вызвало сопротивление со стороны Верховного Совета. В результате переговоров был достигнут компромисс: Президент РФ предлагал кандидатуру главы администрации для утверждения областному Совету. Такая система существовала вплоть до роспуска Верховного Совета в сентябре 1993 г. [Там же].

Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г., предусматривала избрание губернаторов, однако Ельцин стремился сохранить у власти в регионах лояльных ему людей в преддверии президентских выборов 1996 г. В сентябре 1995 г. президентом был издан указ, который рекомендовал проведение выборов глав администраций областей в декабре 1996 г. В порядке исключения рекомендовалось провести выборы глав Новгородской, Московский и Омской областей 17 декабря 1995 г. [2].

Однако сами губернаторы зачастую были заинтересованы в том, чтобы не просто быть назначенными на свой пост, но и получить мандат доверия от народа путем всеобщего голосования, что позволило бы им более свободно чувствовать себя во взаимоотношениях с Москвой. В итоге главам администраций Новосибирской и Томской областей И.И. Индинку и В.М. Крессу удалось добиться разрешения на проведение выборов губернатора одновременно с выборами в Государственную Думу, назначенными на 17 декабря 1995 г.

В данных областях это были первые выборы губернаторов, поэтому во многом и организаторы, и участники кампании действовали методом проб и ошибок. Избирательная кампания стала проверкой на прочность действовавших глав администраций, а также смотром сил и возможностью укрепления собственных позиций для других политиков регионального уровня. Нельзя обойти вниманием губернаторские выборы и при анализе действий региональных отделений политических партий, поскольку выборы на индивидуальные посты предполагают иное построение избирательной кампании кандидатами, иные мотивы для голосования избирателей, а также иную степень вовлеченности политических партий в процесс, чем при голосовании за партийные списки. Вследствие этого изучение данных кампаний важно для составления целостного представления о политической системе регионов.

На кресло руководителя Томской области претендовали директор госхоза «Томское» П.П. Кошель; губернатор Томской области В.М. Кресс; президент АООТ «Сибирская финансово-промышленная компания» Р.А. Попадейкин; заведующий кафедрой Сибирского медицинского университета, д-р мед. наук, профессор, депутат Государственной думы Томской области И.И. Тютрин. В Новосибирске на пост губернатора баллотировались глава администрации Новосибирской области И.И. Индинок; научный сотрудник Института ядерной физики СО РАН П.Н. Исаев; депутат Госдумы Е.Ю. Логинов; депутат Федерального собрания А.П. Мананников; вице-президент социального коммерческого банка «Левобережный» В.П. Муха; заместитель министра экономики РФ И.В. Стариков; генеральный директор АО «Главносибирскстрой» А.С. Францев [3. 1995. 30 нояб. С. 1].

По времени губернаторская кампания совпала с кампанией по выборам депутатов Государственной Думы, и избирательные объединения не могли ее игнорировать. Несмотря на то что законы о выборах глав администраций областей предусматривали право избирательных объединений выдвигать своих кандидатов на данный пост (не более одного), баллотировавшиеся кандидаты в абсолютном большинстве предпочли выступить независимо от партий и движений. Они считали, что ассоциирование собственной фигуры с какой-либо политической силой приведет к сужению потенциального электората и уменьшению возможностей для политического маневра, а также может усилить социальные противоречия, в то время как губернатор должен быть независимым, своего рода фигурой «общественного согласия», не связанной партийными догмами и обещаниями [4. 30 нояб. С. 7].

В этой связи в двух областях из 11 кандидатов выдвинутыми от партий оказались лишь двое – В. Кошель и Е. Логинов от томской и новосибирской областных организаций ЛДПР соответственно. Остальные кандидаты предпочли выдвижение от групп избирателей или, как Р. Попадейкин, самовыдвижение. Тем не менее, несмотря на то что некоторые кандидаты не обозначали свою партийную принадлежность в агитационных материалах и документах избиркомов, их фамилии зачастую тесно ассоциировались с той или иной политической силой: В. Муха – с КПРФ, А. Мананников – с движением «Демократическая Россия», И. Индинок возглавлял Новосибирское отделение движения «Наш дом – Россия» «Земля сибирская».

В кампании по выборам губернатора Томской области обозначился явный лидер – действовавший губернатор В.М. Кресс. Как и в 1993 г. на выборах в Совет Федерации, он отказался от ассоциирования себя с какой-то конкретной партийной силой, несмотря на то что его фамилия была представлена в партийном списке движения «Наш дом – Россия». В его кампании можно выделить два лейтмотива. С одной стороны, это представление Кресса как эффективного руководителя со значительным опытом работы, авторитетом и политическим весом не только в области, но и на федеральном уровне, сохранение которым своей должности обещало области планомерное развитие. В материалах такого рода делался акцент на достижениях команды Кресса: строительство новых железнодорожных путей, финансирование администрацией проектов, которые должны были облегчить жизнь населения области, дать науке, культуре и образованию новый импульс; развитие системы социальной помощи населению; создание благоприятных условий для развития бизнеса [4. 23 нояб. С. 4]. С одной стороны, СМИ конструировали образ Кресса вне политики, простого человека, с его повседневными заботами и радостями: отношения с родителями, работа по дому, режим дня [Там же. 16 нояб. С. 3]. Таким образом, была предпринята попытка создать образ лидера, максимально близкого каждому жителю области, разделяющего его заботы и трудности, но готового искать выход из сложившейся ситуации и имеющего необходимые рычаги для решения проблем.

На старте кампании Кресс обладал абсолютной известностью, сплоченной командой, высоким уровнем поддержки со стороны широких слоев избирателей, а также бизнес-сообщества, производственных предприятий, научных, образовательных и культурных учреждений (его выдвижение поддержали ректор Томского государственного университета Г.В. Майер [5. 1995. 9 дек. С. 3], более 200 предприятий области, в том числе и такие гиганты, как АО «Томскгаз» и Восточная нефтяная компания [Там же. С. 2]).

Тот факт, что Кресс являлся действовавшим губернатором, безусловно, облегчал ведение кампании, обеспечивая необходимые административные, организационные, информационные ресурсы. Он был единственным претендентом на пост губернатора, который мог не только предлагать свое видение необходимых в области изменений, но и озвучивать то, что уже было сделано, эффект от чего граждане уже могли почувствовать; его управленческий опыт не ограничивался пределами одного предприятия, но имел областные масштабы. Основной идеей, проводившейся штабом Кресса, стала идея стабильного, постепенного развития.

Опрос, проведенный социологами ТГУ[1], показал, что среди политиков области наиболее положительным имиджем обладал именно губернатор (такую оценку ему дали 44% опрошенных), 24% из них хотели, чтобы он и дальше занимал этот пост. При этом Кресс положительно оценивался избирателями различной политической ориентации [4. 4 окт. С. 1–2]. Согласно данным избирательной комиссии[2], Кресс потратил на выборы 752,3 млн руб. (для сравнения: расходы П. Кошеля составили 140,5 млн руб., И. Тютрина – 17,1 млн руб., Р. Попадейкина – 15,9 млн руб. [6. С. 354]).

Вместе с тем губернатор, неся персональную ответственность за происходившее в области, стал основным объектом для критики, исходившей как от его прямых конкурентов, так и от других политиков области. Критические замечания варьировались от довольно мягких, в которых отмечались достижения главы администрации в деле стабилизации ситуации в области и недопущении эскалации напряженности, но говорилось о необходимости прихода нового человека к руководству, до обвинений в неверной кадровой политике, в результате которой администрацию вынуждены были покинуть «неугодные» Крессу люди[3]; в использовании служебного положения в личных интересах [4. 11 нояб. С. 2], в нарушениях администрацией закона о выборах и т.д. [Там же. 23 дек. С. 1]. Особенную активность в критике губернатора проявили кандидат в депутаты Госдумы Б.К. Шайдуллин и томское «Яблоко», а также баллотировавшийся на пост губернатора И.И. Тютрин.

Активную кампанию провел подчеркивавший свой надпартийный, независимый статус Р. Попадейкин. Он предложил развернутую программу по развитию экономики и социальной сферы, которая включала более эффективное использование нефтяных и газовых ресурсов, поддержку научно-образовательного комплекса области, разработку системы выплат для жителей районов, находящихся в 30-километровой зоне от ядерных объектов. Комплексный характер программы Попадейкина, безусловно, можно отметить в качестве одной из сильных сторон его кампании, наряду с высокой степенью известности, богатым управленческим и политическим опытом, полученным во время работы председателем Томского облисполкома.

Программа П. Кошеля в целом была близка к программе КПРФ. В ее экономической части говорилось о необходимости государственного регулирования в период создания новых рыночных механизмов; сохранении стратегических отраслей хозяйствования под контролем государства в сочетании со стимулированием частного предпринимательства; внедрении элементов научного планирования, проводимого с учетом региональной специфики и закрепленного законодательно. Решение аграрного вопроса также было схожим с предложенным КПРФ: признание различных видов собственности при приоритете государственной, отказ от поспешной приватизации, за исключением личных и подсобных хозяйств [5. 1995. 6 дек. С. 2].

С выдвижением Кошеля четко обозначилось стремление некоторых кандидатов использовать избирательные объединения в качестве «ресурсной базы», при этом совпадение личных идеологических установок кандидата и программы партии, его поддержавшей, вовсе не являлось обязательным. Свое выдвижение от ЛДПР П. Кошель объяснил необходимостью финансирования кампании, привлечения активистов к ее организации, в то время как по своим убеждениям он являлся коммунистом [4. 23 дек. С. 1]. Несмотря на такую позицию самого Кошеля, томская областная организация ЛПДР стремилась подчеркнуть единство программных установок ЛПДР и Кошеля и поддержала его выпуском рекламной продукции: на плакатах и листовках в поддержку ЛДПР, как правило, фигурировала фамилия Кошеля и призыв голосовать за него: «Голосуйте за ЛПДР! Лукашова – в депутаты, Кошеля – в губернаторы!» [7]. Представляется, что такой подход не мог способствовать укреплению региональных организаций политических партий, складыванию полноценной многопартийной системы на местном уровне.

Демократ И.И. Тютрин заявил, что в рамках губернаторской избирательной кампании считает нецелесообразным предлагать развернутую долгосрочную программу. Комплекс немедленных действий, которые администрация должна была предпринять в случае его избрания, включал снижение зависимости области от центра, расширение набора мер социальной защиты, создание эффективной системы борьбы с преступностью, увеличение доходной части бюджета [4. 11 дек. С. 4]. На старте кампании рейтинг Тютрина был относительно невелик (6%), социологи его относили к так называемому «третьему эшелону» известности. Однако его позиции среди демократически ориентированного электората были довольно прочны [Там же. 4 окт. С. 1–2]. Дополнительные очки кандидату давал опыт работы в областной Думе и опыт успешного бизнеса, а также, что немаловажно в таком университетском городе, как Томск, наличие ученой степени доктора медицинских наук. Тютрин подчеркивал свое сотрудничество с объединением «Яблоко», в частности в прессе освещалась его встреча с Г. Явлинским в октябре 1995 г., на которой обсуждались возможности применения разработок ЭПИцентра (Центра экономических и политических исследований Г.А. Явлинского) для стабилизации экономической ситуации в Томской области [Там же. 11 дек. С. 4].

Несмотря на то что общественные и политические организации Томской области проявили к выборам губернатора меньший интерес, чем к парламентским выборам, многие из них заявили о своих симпатиях и поддержке определенных кандидатов. Как уже было отмечено, мощную поддержку имел В. Кресс. О поддержке Р. Попадейкина заявил Томский союз предпринимателей [Там же. 15 дек. С. 3]. Не наблюдалось единства среди представителей потребительской кооперации, которые на парламентских выборах поддержали Аграрную партию России (АПР). На выборах губернатора облпотребсоюз решил поддержать В. Кресса, а городское потребительское общество Томска – П. Кошеля [Там же. 25 нояб. С. 2].

Значительно более сложная ситуация сложилась в Новосибирской области. Практически всеми признавалось, что в условиях довольно скоротечной кампании, большого количества кандидатов и политических сил, имевших различные интересы, а также довольно скептического отношения избирателей к выборам наиболее убедительные шансы на победу имели те, кто был «на слуху». В связи с этим прогнозировалась «дуэль» бывшего главы администрации В.П. Мухи и действовавшего губернатора И.И. Индинка. Более или менее серьезно вмешаться в распределение голосов избирателей могли сенатор, известный в области демократ, стоявший у истоков новосибирской «Демроссии» А.П. Мананников и заместитель министра экономики РФ И.В. Стариков. При этом каждый из вышеозначенной четверки обладал паблицитными, политическими и финансовыми ресурсами, но не имел решающего преимущества [8].

Вряд ли мог претендовать на победу Е.Ю. Логинов, но и перед ним во время губернаторской кампании стояли свои задачи – заявить о себе, использовать кампанию по выборам губернатора для привлечения внимания к собственной персоне и к ЛДПР, областное отделение которой он возглавлял.

Таким образом, кандидатов можно было условно разделить на три группы: те, кто всерьез боролся за победу (И.И. Индинок, В.П. Муха); кандидаты, решавшие локальные задачи (укрепление позиций определенных политических сил, создание задела на последующие выборы) и при определенных раскладах имевшие шансы на победу (Е.Ю. Логинов, А.П. Мананников и И.В. Стариков); остальные могли быть причислены к группе аутсайдеров: они не имели широкой известности, мощной ресурсной базы и не претендовали всерьез на победу.

В Новосибирской области партии также не остались в стороне от выборов: областная организация КПРФ поддержала В.П. Муху [3. 1995. 1 дек. С. 2], аграрии [Там же. 5 дек. С. 1] и Демократическая партия России [9. 1995. 21 сент. С. 2] – И.И. Индинка, «Выбор России», областные отделения Демократической партии России и Республиканской партии РФ – И.В. Старикова, маловлиятельный Новосибирский демократический фронт – П. Исаева [10. С. 300]. Мэр Новосибирска также поддержал действовавшего губернатора. Кроме того, политические партии, а также журналисты, политологи, кандидаты в губернаторы Новосибирской области участвовали в серии круглых столов «Губернатор согласия», целью которых было обсуждение предвыборных программ кандидатов, их видения развития области, хода предвыборной кампании. Освещаемые в прессе круглые столы способствовали росту значения политических партий в общественной жизни, а также поднимали интерес избирателей к кампании. Из претендентов на пост губернатора в этих мероприятиях не принял участие только И.И. Индинок [Там же. С. 303]. И.И. Индинок обладал всеми теми ресурсами, которые дает реальная власть. Именно он добивался проведения выборов в Новосибирской области в 1995 г. и, следовательно, был уверен в собственных позициях и желал их укрепить, приобретя статус не назначенного, а всенародно избранного

губернатора. Оценивая свои шансы на успех, кандидат заявил, что вероятность его поражения «фактически нулевая» [9. 1995. 20 дек. С. 1].

Однако в некоторой степени Индинок оказался заложником собственной уверенности: активные действия он развернул уже тогда, когда кампания вошла в решающую стадию, сама пиар-кампания была выдержана в довольно спорном стиле, а поддержка, на которую мог рассчитывать действовавший губернатор со стороны политической и бизнес-элиты, оказалась не абсолютной. Как полагали участники тех событий, причиной тому послужили обстоятельства как объективного порядка (два года на посту губернатора – недостаточный срок для создания условий, чтобы диктовать бизнесу свою волю), так и субъективного (довольно мягкий характер Индинка, нежелание принимать решительные меры относительно своих политических противников, Индинок не смог или не захотел наладить эффективные связи с крупнейшими корпорациями и политическими игроками области). Так, например, шла борьба за передел сфер влияния между корпорациями «Пик систем» и «Транс-блок», руководство которой было близко к Индинку [8]. Активную агитационную кампанию против руководства администрации области, включавшую митинги и пикеты, вели Фронт национального спасения и его руководитель И. Константинов, а также созданные при участии Фронта ячейки Общественного движения вкладчиков Новосибирской области. По некоторым данным, приглашение из Санкт-Петербурга И. Константинова было инициативой президента корпорации «Пик систем» С. Кибирева с целью оказания давления на Индинка [Там же].

Как и в кампании В.М. Кресса, штаб Индинка сделал ставку на создание образа уверенного в себе руководителя, подчеркнуть который была призвана серия плакатов «Хочу, могу и буду». На деле же значительная часть избирателей расценила этот посыл как фактическую заданность результатов кампании [Там же].

Сильными сторонами В.П. Мухи как кандидата являлись широкая известность (в этом он не уступал Индинку), наличие четкой программы и «твердой позиции», организационная поддержка со стороны КПРФ, имевшей довольно сильные позиции в области, на чей электорат мог рассчитывать и Муха, значительные финансовые возможности, которые давал пост президента банка «Левобережный», прочные связи с хозяйственными руководителями. Также в условиях крайне низкой популярности президента и центральной власти конфликт между Ельциным и Мухой из-за осуждения последним действий Президента РФ во время октябрьских событий 1993 г. и последовавшая за этим отставка с поста главы администрации Новосибирской области, годы опалы и политического отшельничества способствовали формированию образа кандидата как принципиального человека, пострадавшего от «государственного произвола» [3. 1995. 14 дек. С. 1] – привлекательный штрих в портрете последовательного оппозиционера. Однако, будучи прагматиком, Муха сумел продемонстрировать, что, несмотря на свое оппозиционное прошлое и близость к КПРФ, в качестве руководителя области он готов выстраивать конструктивные отношения с правительством, различными политическими силами области, представителями бизнес-элиты.

Е.Ю. Логинов не предлагал собственной развернутой программы, всячески подчеркивал свою принадлежность к ЛДПР, а по экзальтированной манере поведения, ожесточенности критики правительства и броскости лозунгов (например, «Я стану отцом области – суровым, но справедливым!» [3. 1995. 6 дек. С. 1]) напоминал В.В. Жириновского. Таким образом, динамично развивавшаяся областная организация ЛПДР и ее лидер Логинов (он также выдвигался в качестве кандидата в депутаты Государственной думы) обеспечили друг другу взаимную поддержку. Броские лозунги, эпатажность поведения выделяли его на фоне других кандидатов.

А.П. Мананников, избранный сенатором в 1993 г., на выборах 1995 г. оказался в принципиально иных условиях. В отличие от Мухи и Логинова, чья связь с оппозиционными политическими партиями скорее прибавляла им очков, для одного из зачинателей демократического движения в области А. Мананникова образ убежденного демократа, борца с коммунизмом в условиях изменившихся по сравнению с концом 1980-х – началом 1990-х гг. общественных настроений уже не мог принести значительных политических дивидендов [8].

Для И. Старикова избирательная кампания началась позже, чем для других кандидатов, так как первоначально избирком отказал кандидату в регистрации. Отказ стал следствием несовершенства законодательства о выборах, которое допускало двоякое толкование некоторых норм [6. С. 276]. Позже кандидат был зарегистрирован решением суда за неделю до выборов. Однако назвать это вынужденное отставание катастрофическим нельзя, так как, как уже было сказано, всеми необходимыми ресурсами, в том числе особо важной в условиях сжатых сроков известностью, кандидат обладал. Депутатство и работа в Министерстве экономики РФ предполагали наличие связей и на федеральном уровне, которые не могли быть лишними в борьбе за губернаторское кресло.

Стариков построил свою программу в довольно нестандартном стиле: юмористические листовки, биография в стихах. Ее лейтмотивом стало противопоставление «старой» власти (к которой были отнесены и Индинок, и Муха), делался упор на большой управленческий опыт кандидата, его приверженность демократическим ценностями и намерение продолжать реформы, но без «резких поворотов».

Отмеченные недостатки в кампании Индинка, сложность социально-экономических и политических условий в Новосибирской области (значительный дефицит бюджета, рост цен в три раза с начала года [3. 1995. 12 окт. С. 1], наличие большого количества сил с зачастую противоречивыми интересами) на фоне удачных действий его основного конкурента В.П. Мухи привели к тому, что, вопреки некоторым прогнозам, обещавшим Индинку 50–60% голосов избирателей [Там же. 1 дек. С. 1, 3], для определения победителя понадобился второй тур голосования. В него вышли И.И. Индинок, в первом туре набравший 22,81% голосов, и В.П. Муха с 18,12%. Незначительно отстали занявшие третье и четвертое места А. Мананников и И. Стариков [6. С. 277].

Рейтинг Старикова, подключившегося к кампании фактически на ее финише, следует признать высоким, но «нестабильным». В Новосибирске ему удалось занять первое общее место, однако в районах области кандидат фактически провалился. Вероятно, сказался недостаток времени для организации более продуманной кампании, поездок в районы, личного общения с избирателями. А вот А. Мананников выборы проиграл по всем статьям: ему не удалось добиться не только губернаторского кресла, но и быть избранным в Думу. Как уже отмечалось, образ пламенного демократа в 1995 г. был далеко не так популярен, как в 1989 г., а позиции демократов на селе, где проживала половина избирателей области, традиционно были довольно слабыми [9. 1995. 29 дек. С. 2].

Следует также отметить успех Е.Ю. Логинова, набравшего 15,8% (210 734) голосов [6. С. 277] и занявшего пятое место. Логинов удачно выступил и в городах (кроме Новосибирска), и в районах области. Такая география избирателей лидера новосибирских «жириновцев» говорила о том, что в первую очередь его агрессивная и экспрессивная кампания привлекла людей, оказавшихся в наиболее затруднительном социально-экономическом положении. Результаты Логинова очень точно отражали результаты ЛДПР на выборах в Государственную Думу РФ в Новосибирской области. За время между первым и вторым туром В.П. Мухе удалось привлечь на свою сторону прежних соперников: отдать голоса за него призвал А. Мананников, мотивируя это необходимостью укрепления принципов демократии, а именно принципа сменяемости власти. Как выяснилось, договоренность об этом была достигнута еще летом 1995 г. [3. 1996. 20 янв. С. 4]. В итоге губернатором Новосибирской области во втором туре, который прошел 24 декабря 1995 г., был избран В.П. Муха, набравший 54,84% голосов избирателей. За И. Индинка проголосовали 37,24% жителей области [6. С. 277]. Поражение действовавшего главы администрации, возглавлявшего областную организацию НДР, на фоне неудачного выступления движения в области (ему удалось получить лишь 7,57% голосов против 10,13% в среднем по России) свидетельствовало о слабости региональной организации, о довольно оппозиционных настроениях среди политически активного населения, а также о преувеличивавшемся в начале кампании значении административного ресурса: контролировать голосование рядовых избирателей в условиях их свободного волеизъявления оказалось фактически невозможно.

По совокупности итогов выборов в Государственную Думу и выборов губернатора Новосибирская область проявила себя как одна из самых оппозиционно настроенных в России. Более 30% избирателей, отдавших свои голоса за объединения коммунистического толка, избрание главой администрации кандидата, поддержанного КПРФ и не скрывавшего своей приверженности коммунистическим идеалам, позволили В.П. Мухе после окончания кампании заявить, что население Новосибирской области требовало перемен [10. С. 304]. В качестве важной особенности второго тура голосования можно отметить то, что явка была на 24% ниже, чем во время первого тура (43,23 против 67,39%) [6. С. 275]. О. Лесневская, один из лидеров новосибирского отделения движения «Демократическая Россия», видела причины этого в «бесперспективности» для населения выбора между Индинком и Мухой [3. 1996. 20 янв. С. 4]. Этот вывод подтверждает и высокий процент голосования против обоих кандидатов: в Новосибирске он колебался на уровне 7–10%, в отдельных районах области превосходил 11% [9. 1996. 3 янв. С. 2]. Также причина более высокой активности избирателей в первом туре выборов могла быть связана с крайне неблагоприятными погодными условиями 24 декабря (ураган, приведший к заносам на дорогах, отключению электричества [6. С. 275]) и с совмещенностью первого тура с парламентскими выборами. Традиционно голосование федерального уровня вызывает у населения больший интерес, чем местные выборы.

Итоги голосования в Томской области оказались предсказуемыми: с огромным отрывом победил В. Кресс, за которого проголосовали 52,09% избирателей, что более чем в три раза превосходило результаты занявших второе и третье места П. Кошеля (15,52%) и И. Тютрина (15,10%) [Там же. С. 355]. Имевший все необходимые ресурсы и обладавший преимуществом над конкурентами еще на старте кампании, Кресс стал олицетворением стабильности, за которую в условиях резких перемен и проголосовала значительная часть населения области.

Сравнение избирательных кампаний по двум областям показывает, что в Томской области она развивалась более спокойно, чем в Новосибирской. Во многом это было связано с наличием однозначного лидера, который пользовался широкой общественной поддержкой, руководил областью на протяжении значительного количества лет, чья команда могла предъявить конкурентам серьезные достижения в деле стабилизации социально-экономического положения области (например, Томская область входила в тройку регионов России, где пенсионеры вовремя получали пенсию [4. 1995. 2 дек. С. 3]). Избранный губернатором В.М. Кресс сумел добиться поддержки от наиболее крупных представителей бизнеса, а его победа даже конкурентами признавалась закономерной. Представляется, что Крессу удалось стать некой фигурой «общественного согласия», поиск которой и предполагала кампания по выборам губернатора области.

Более напряженной получилась кампания в Новосибирской области. Большее по сравнению с соседями количество партий, игравших заметную роль в областной политике, борьба бизнес-элит за сферы экономического и политического влияния, недостаточная устойчивость позиций губернатора И.И. Индинка позволили некоторым очевидцам сравнить кампанию с гоббсовской «войной всех против всех», которая вылилась в обилие компромата, «черного пиара», митингов и пикетов. Однако, несмотря на ожесточенную конкуренцию, о массовых фальсификациях результатов выборов речи не шло (такое явление в принципе в 1995 г. еще не стало неотъемлемой частью российской политической действительности), их результаты были справедливыми и, в общем, отражали настроения электората.

Говоря о содержательной части программ кандидатов, можно отметить, что, за небольшим исключением,

набор поднимавшихся тем был весьма типичен: перераспределение полномочий от Москвы к регионам (что демонстрировало сложности, с которыми приходилось сталкиваться российскому федерализму в период становления), совершенствование социальной политики, набор мер по развитию специфичных для области отраслей, которые позволили бы получить определенные конкурентные преимущества (развитие нефтегазового и научно-образовательного секторов в Томской области, восстановление и развитие научного потенциала Новосибирского Академгородка, превращение Новосибирска в инфраструктурный центр Сибири).

Несмотря на наличие ряда негативных явлений, несовершенство законодательства и его нарушения, которые проявились в ходе кампании, значение первых выборов глав администраций областей нельзя недооценивать. Это был важный шаг на пути формирования федеративного государства, укрепления демократических принципов власти. Для региональных элит это был своего рода смотр собственных сил и индикатор общественных настроений.

Высказанная рядом политических партий и организаций поддержка тому или иному кандидату свидетельствовала о том, что данные структуры рассматривали выборы губернаторов как значимое событие, способное укрепить их позиции прежде всего на региональном уровне. Кандидаты также не упускали возможность заручиться поддержкой партий и воспользоваться их организационными и финансовыми ресурсами. Однако для самих кандидатов фактор партийной поддержки имел второстепенное значение, уступая административным, финансовым, имиджевым, информационным ресурсам. Наибольшей популярностью пользовался не образ «партийного бойца», а «крепкого хозяйственника». При этом кампания, по-разному сложившаяся для действовавших в Новосибирской и Томской областях губернаторов, показала, что сама по себе возможность воспользоваться административным ресурсом не давала решающего преимущества. Победа являлась суммой многих факторов, зависела не только от содержания кампании, но и от ее грамотной реализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Опрос проводился методом телефонного интервью. В нем приняли участие более 200 человек в возрасте 18–44 лет в подавляющем большинстве с высшим и средним образованием [4. 4 окт. С. 1–2].

[2] Несмотря на положение Закона об основных гарантиях избирательных прав граждан, согласно которому избирательная комиссия до дня голосования должна публиковать данные о расходах кандидатов на ведение избирательной кампании (ст. 28), в Томской области этого не было сделано. Данные о размерах избирательных фондов и о расходовании средств появились в печати уже после выборов [5. 1996. 4 янв. С. 2]. Представители избиркома объяснили недостатки в своей работе большой загруженностью и недостаточным финансированием [Там же. 24 янв. С. 2].

[3] Вероятно, намек на уход из администрации области Б.К. Шайдуллина после упразднения возглавлявшегося им комитета по внешнеэкономическим связям в 1993 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лысенко В.* Институт губернаторов в современной России: вперед в прошлое // Сайт «Казанский центр федерализма и публичной политики». URL: http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n12/13, свободный.
2. *Указ* Президента РФ от 17 сент. 1995 г. № 951 «О выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» // Российская газета. 1995. 23 сент.
3. *Советская* Сибирь. Новосибирск.
4. *Томский* вестник. Томск. 1995.
5. *Красное* знамя. Томск.
6. *Выборы* глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997. Электоральная статистика. М. : Весь мир, 1997. 704 с.
7. *Центр* документации новейшей истории Томской области. Ф. 5691. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.
8. *Федоров Д.* Первые выборы. Губернаторская кампания в НСО 1995 года. Интервью с лидером Новосибирского отделения Фронта национального спасения в 1995 году И. Аристовым // Сайт «Демократическая Сибирь: Политическая история Новосибирской области на современном этапе». URL: http://www.demsib.info/interview/igor-aristov-pervye-vybory, свободный.
9. *Вечерний* Новосибирск. Новосибирск.
10. *Козодой В.И., Осипов А.Г.* Политический спектр: Формирование многопартийности в Западной Сибири (1986–1996). Новосибирск, 2003. 355 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 апреля 2014 г.

GUBERNATORIAL ELECTIONS IN NOVOSIBIRSK AND TOMSK REGIONS (1995): *ANALYSIS* OF THE *HISTORICAL EXPERIENCE*

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 107-113. DOI: 10.17223/15617793/383/16

Ostashova Evgeniya A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krumslik@hotmail.com

Keywords: gubernatorial elections, Novosibirsk region; Tomsk region.

The first nationwide presidential election in Russia took place on June 12, 1991, but possibility of the nationwide elections of governors was debatable till 1996 because the Kremlin wanted to preserve the most comfortable conditions in the subjects of the federation before presidential elections of 1996 by keeping appointed and loyal governors in their offices. In this connection only three subjects of the federation were recommended to hold gubernatorial elections in 1995 as an exception. Other subjects of the federation were supposed to have gubernatorial election in December of 1996. On the other hand, governors were far more interested in being democratically elected rather than appointed from Moscow because election would make their position stronger both in their regions and in relationship with the Kremlin. As a result, the governors of Tomsk and Novosibirsk regions V. Kress and I. Indinok managed to obtain the permission to hold the gubernatorial elections on December 17, 1995, the same day when the parliamentary election took place. In Tomsk Region there were four candidates on the governor's position while in Novosibirsk Region there were seven. Those were well-known people who – to a different extent – possessed financial, administrative and informational resources that were needed for participating in the campaign. Political parties, social funds and business also showed interest in it. Political parties were less active during gubernatorial

elections than during the federal parliamentary campaign and even those candidates who had membership of the certain party preferred to act independently to have more opportunities for maneuver. Kress was an obvious leader of the campaign in Tomsk Region. He easily won the election. The results of the campaign in Novosibirsk Region were the opposite for I. Indinok. The campaign itself was very intense, candidates used different methods including discrediting evidences and the second round of election was needed. It took place on December 24, 1995, and V. Mukha, who was the head of Novosibirsk region in 1991-1993, was elected. Analysis of the election results shows that party membership of the candidate did not have a lot of influence on the voter's choice. The choice was not ideological but mostly pragmatical: in the first place people were looking for qualities of a good political and economic manager who could put the region on the way of stable development. In spite of some negative trends, legislation shortcomings and breaking of the election laws, the meaning of the first gubernatorial elections should not be underestimated. It was an important step on the way of federated and democratic state construction. For regional elite the elections became an indicator of the state of public opinion and the way to find out how stable and firm their own positions were.

REFERENCES

1. Lysenko V. *Institut gubernatorov v sovremennoy Rossii: vpered v proshloe* [Institute of governors in modern Russia: Forward to the past]. Available at: http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n12/13.
2. Presidential Decree of September 17, 1995 No. 951 On elections in the state authorities of the Russian Federation and local authorities. *Rossiyskaya gazeta*, September 23, 1995. (In Russian).
3. *Sovetskaya Sibir'*. Novosibirsk.
4. *Tomskiy vestnik*. Tomsk.
5. *Krasnoe znamya*. Tomsk.
6. *Vybory glav ispolnitel'noy vlasti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii. 1995–1997. Elektoral'naya statistika* [Election of heads of executive authorities of the Russian Federation. 1995-1997. Electoral statistics]. Moscow: Ves' mir Publ., 1997. 704 p.
7. Documentation Center of Modern History of Tomsk Region. Fund 5691. List 1. File 72. P. 1.
8. Fedorov D. *Pervye vybory. Gubernatorskaya kampaniya v NSO 1995 goda* [The first elections. Gubernatorial campaign in Novosibirsk Region in 1995]. Available at: http://demsib.info/interview/igor-aristov-pervye-vybory.
9. *Vecherniy Novosibirsk*. Novosibirsk.
10. Kozodoy V.I., Osipov A.G. *Politicheskiy spektr: Formirovanie mnogopartiynosti v Zapadnoy Sibiri (1986–1996)* [Political spectrum: formation of a multiparty system in Western Siberia (1986-1996)]. Novosibirsk, 2003. 355 p.

Received: April 10, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 114–118 DOI: 10.17223/15617793/383/17

УДК 327

А.М. Погорельская

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИММИГРАЦИИ В ЕС: ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ

Европейский Союз сейчас является центром притяжения большого количества иммигрантов. Для регулирования миграционных потоков ЕС использует как меры миграционной политики, направленные на решение кратко- и среднесрочных задач, так и политику развития, направленную на устранение первопричин миграции из развивающихся стран. Такая политика относится к инструментам Общей внешней политики ЕС и рассчитана на долгосрочный результат. В статье предпринята попытка обоснования такого двоякого подхода к регулированию иммиграции в Евросоюз.

Ключевые слова: миграция; ЕС; политика развития.

По данным Европейского статистического агентства, в 2011 г. в Европейском Союзе 6,6% населения составляли иностранцы, а 6,4% граждан родились за пределами ЕС. Иммигранты в пределах ЕС оседают неравномерно: большинство направляется в Германию, Испанию, Италию, Великобританию и Францию. В Лихтенштейне 41,4% населения родилось за пределами ЕС, на Кипре, в Словении и Швеции – около 10% [1. С. 2]. В 2010 г. гражданство стран ЕС получили 810 000 человек, из них выходцы из Марокко – 67 000 и Турции – 50 000 человек [2. С. 1]. Поток иммиграции в ЕС очень велик, а сообщения СМИ заставляют рядовых граждан думать, что власти зачастую не в состоянии справиться с его регулированием [3, 4].

Управление людскими потоками извне является основной задачей миграционной политики ЕС. Ее становление заняло достаточно долгое время. Оно шло от межгосударственного ad hoc сотрудничества к осознанию необходимости согласования миграционного законодательства и действий государств-членов. По Маастрихтскому договору 1992 г. такие чувствительные вопросы, как предоставление убежища, пограничный контроль и обращение с гражданами третьих стран оставались в межправительственном ведении, однако члены Евросоюза обязались сотрудничать на постоянной основе, а право законодательной инициативы в соответствующих вопросах кроме государств-членов получила Европейская Комиссия. После подписания Амстердамского договора 1997 г. право инициативы в вопросах миграции получил и Европейский Совет. После 2001 г. значительно активизировалось сотрудничество государств-членов в вопросах борьбы с нелегальной иммиграцией. В итоге тревога за обеспечение безопасности населения заставила эти страны в очередной раз поступиться своим суверенитетом, и в 2004 г. право заключения соглашений о реадмиссии было передано на общеевропейский уровень; тогда же было создано единое Европейское пограничное агентство «Фронтекс» [5]. В статье 79 Лиссабонского договора 2009 г. члены ЕС подтвердили необходимость выработки общей миграционной политики, однако тесно страны пока готовы сотрудничать лишь в области борьбы с нелегальной иммиграцией и торговлей людьми [6]. Нежелание стран – членов ЕС передать важнейшие вопросы миграционной политики, а именно решение о количестве выдаваемых виз, на общеевропейский уровень объясняется тем, что это окончательно ослабило бы их возможность контролировать население на вверенной им территории, а значит, такой шаг рассматривается пока как угроза суверенитету и безопасности государства [7. С. 115–116].

Тем не менее различные виды миграции (трудовая, нелегальная, образовательная, кратковременная, маятниковая) стали постоянным мощным фактором, влияющим на жизнь всех европейцев. Поэтому государствам ЕС пришлось признать необходимость гармонизации не только своей миграционной политики, но и мер в области интеграции иммигрантов, борьбы с дискриминацией, терроризмом, пограничного контроля и т.п. Для этого в 2005 г. в докладе Еврокомиссии была провозглашена необходимость комплексного подхода к миграции, утверждающего взаимозависимость различных ее видов и необходимость сочетания чисто миграционных мер с внешнеполитическими, в частности сотрудничеством ЕС с третьими странами для устранения исконных причин миграции огромных масс населения в Европу [8].

Необходимость сочетать миграционную политику с дополнительными мерами стала осознаваться единой Европой давно. В связи с кризисом 1970-х гг. европейские страны стали переходить на интенсивное производство (снижать долю ресурсов и труда в производстве за счет внедрения новых технологий). Соответственно, Европа все меньше нуждалась в массах низкоквалифицированных рабочих, которые в основном приезжали из-за рубежа. Власти стали сокращать возможности для легальной трудовой миграции в ЕЭС, устанавливая более жесткие иммиграционные правила. Но в ответ на это граждане третьих стран стали массово использовать нелегальные маршруты и, достигнув места назначения, уже не хотели покидать Европу, боясь потерять хоть какой-то заработок. Они стали привозить с собой семьи и оставаться в Европе, образуя этнические общины в крупнейших городах. В итоге власти получили обратный ожидаемому эффект в виде роста числа иммигрантов, не желающих интегрироваться в принимающее общество [9. С. 59–64].

Комплексный подход к миграции предусматривает не столько контроль, сколько управление людскими потоками. Основанием для этого служит понимание, что одними краткосрочными пограничными мерами невозможно добиться ослабления иммиграции из стран исхода. Необходимо прежде всего устранить причины миграции из третьих стран, которыми преимущественно считаются экономическая отсталость, безработица, политическая нестабильность. Соответственно, ком-

плексный подход предполагает сочетание кратко- и среднесрочных мер миграционной политики и пограничного контроля с долгосрочными мерами и сотрудничеством с третьими странами, осуществляемыми средствами внешней политики, в частности в рамках политики развития. Кроме того, последняя считается более действенной, поскольку осуществляется путем убеждения и торга, а не военно-политического давления на третьи страны. Такая политика соответствует широко обсуждаемому сегодня понятию «мягкая сила», введенному Дж. Наем для обозначения расширения влияния государства не за счет его военно-материального потенциала, а за счет экономической мощи, культуры и т.п. Тем самым, будучи символом демократии и миротворчества, ЕС имеет моральную силу на мировой арене, поэтому различные акторы охотнее договариваются с ним в решении общих проблем [10. С. 15–17, 76–83].

Очевидно, что любая из стран ЕС не имеет того влияния на международные отношения, которое они получили в совокупности. Именно осознание необходимости выступать сообща в определенных международных вопросах заставило страны-члены перейти к Общей внешней политике. Если по Маастрихтскому договору 1992 г. ОВПБ была передана в ведение как стран-членов, так и наднациональных органов [11. С. 38–39], то по Лиссабонскому договору уже наднациональный уровень стал определять основные принципы Общей внешней политики, а также получил приоритетное право проводить политику развития [12. С. 25–32]. Осуществление ОВПБ со временем все больше переходило на наднациональный уровень, как и миграционная политика. Соответственно, страны ЕС все больше сближали свои позиции, поступались суверенитетом в данных вопросах, даже несмотря на их чувствительность. Кроме того, Европейская комиссия теперь также играет важную роль в торговой политике, вопросе расширения, политике развития [13; 14. С. 47].

Проблема массовой иммиграции в ЕС относится как раз к разряду тех, которые не представляется возможным решить в одиночку с помощью наращивания военно-политической мощи и которые требуют выверенного совместного применения «мягкой силы». Страны Евросоюза осознали, что для управления миграцией необходимо договариваться со странами исхода мигрантов, что и осуществляется через политику развития [4].

Долгое время связь между миграцией и уровнем развития стран исхода игнорировалась. Лишь недавно ООН и Международная организация по миграции стали активно обсуждать этот вопрос. Термин «политика развития» со временем стал трактоваться не только как содействие высоким темпам экономического роста, но и как динамический процесс, предполагающий улучшение условий жизни всех граждан, получение ими равных возможностей, расширение их прав и участия в осуществлении власти. С достижением целей такого развития расширяется потенциал для реализации граждан на родине, где им будет предоставлены безопасность, нормальные условия труда и достойная его оплата, а также другие социальные гарантии. Наличие таких условий в стране побуждает подавляющее большинство населения жить и работать на родине. Предполагается, что с достижением такого положения в странах исхода мигрантов отток населения из них значительно сократится [15]. Поэтому в статье 130 Договора о Европейском Союзе устанавливается, что политика развития ЕС дополняет политику государств-членов и направлена на помощь развивающимся странам в: 1) устойчивом экономическом и социальном развитии; 2) постепенной интеграции в мировую экономику; 3) проведении кампании против бедности.

Политика развития имеет довольно продолжительную историю и начиналась как помощь странам – бывшим колониям европейских держав. Учитывая, что многие государства-члены проводят политику помощи своим бывшим колониям, возникает вопрос о целесообразности ведения общеевропейской политики развития. Одним из аргументов в ее защиту является то, что она дополняет политику отдельных стран. Но главное – она дает возможность малым государствам-членам участвовать в политике развития, не создавая собственных специализированных структур для этого. Вследствие этого, согласно Лиссабонскому договору, политика развития стала одним из основных направлений Общей внешней политики [14. С. 189]. Политика развития включает в себя несколько направлений и состоит как в предоставлении прямой финансовой помощи развивающимся странам, так и в выдаче кредитов, а также установлении торговых преференций для стран-партнеров. Последний из названных механизмов уже довольно долго используется европейскими странами.

Впервые о необходимости преференциального режима в отношениях с развивающимися государствами при подписании Римского договора 1957 г. заявила одна из крупнейших европейских метрополий – Франция. Позже с вхождением в ЕЭС Великобритании (1973 г.) список таких стран расширился, достигнув к настоящему времени цифры в 71 государство в Африке, Карибском бассейне и Латинской Америке. Первым экспериментом в сотрудничестве европейских государств с развивающимися и отсталыми странами стало заключение Яундского соглашения (1963–1969 гг.). Тогда шесть государств – членов ЕЭС предоставили 18 африканским странам доступ к их зоне свободной торговли и таможенному союзу с тем, чтобы африканские партнеры могли продавать свои товары (в основном сельскохозяйственные) на европейском рынке, не облагаясь при этом высокими тарифами. Тогда же согласно Римскому договору 1957 г. был учрежден Европейский фонд развития, оказывавший африканским партнерам финансовую и техническую помощь [16].

После истечения срока действия второго Яундского соглашения (1970–1975 гг.) было заключено первое Ломейское соглашение, за которым последовали еще три аналогичных соглашения в 1980, 1985 и 1990 гг. Эти соглашения сочетали меры в области торговли, финансовой помощи и политического развития. Одним из важнейших инструментов в помощи развитию стран Африки, Карибского бассейна и Латинской Америки стали преференции в экспорте их сельскохозяйственной и минеральной продукции в Европу: многие товары были освобождены от таможенных пошлин, а некоторые товары (сахар, бананы, говядина, ром) подпадали под действие экспортных квот, по которым цены на

них в Европе были выше общемировых. В результате действия квот многие развивающиеся страны получили даже большую прибыль, чем составила прямая финансовая помощь единой Европы [17. С. 2–4]. Это соответствовало новому видению Европой политики развития, согласно которому развивающиеся страны не должны были становиться пассивными реципиентами финансовой помощи, а сами создавали бы крепкую экономику и стабильный политический порядок. Тем не менее развитие Ломейских соглашений шло по пути увеличения размеров прямой финансовой помощи, предоставляемой европейскими странами их партнерам через Европейский фонд развития и Европейский инвестиционный банк, а также по пути увеличения количества партнеров в странах Африки, Карибского бассейна и Латинской Америки с 46 (1975) до 71 (1999), половина из которых признаны ООН наиболее отсталыми в мире [17]. Наиболее популярной мерой в политике развития того времени было использование программ структурной перестройки экономики. Основными требованиями таких программ являлось сокращение госаппарата, государственного сектора экономики, субсидий и построение рыночной экономики. Однако они не привели к предполагаемому притоку инвестиций и в итоге экономически ослабили государства. Также акцент делался на предоставлении развивающимся странам прямой финансовой помощи, которая в итоге разворовывалась из-за неэффективности государственного аппарата.

В результате, несмотря на предпринимаемые усилия, показатели выявляли неутешительное положение дел, например, доля Африки в мировой торговле сократилась с 6 (1980 г.) до 2% (2010 г.). Ломейские соглашения не соответствовали нуждам, а главное – ожиданиям партнеров и требовали пересмотра. Кроме того, с падением социалистического блока в 1990-е гг. Европейский Союз решил, что приоритетом в оказании помощи развитию для него стали создаваемые в Европе новые демократические государства, во-первых, потому что они много значили для безопасности непосредственных рубежей ЕС (в том числе служили буфером от нежелательной иммиграции); во-вторых, большинство этих стран надеялись со временем стать членами ЕС. Для ЕС стало невыгодно следовать традиционным стратегиям помощи развитию по причине их скромных успехов в предыдущие десятилетия. В результате Евросоюз стал больше внимания уделять политике добрососедства, направленной на оказание помощи его непосредственным соседям, а политический расчет затмил традиционные связи с бывшими колониями [18. С. 1–9].

По причине неудачи с 1997 г. политика развития подверглась пересмотру. На Саммите тысячелетия 2000 г. государства ООН договорились к 2015 г. искоренить бедность и уменьшить глобальный разрыв в уровне развития между странами. В продолжение этой инициативы ЕС подписал со странами Африки, Карибского бассейна и Латинской Америки Котонское соглашение, которое, однако, отразило смещение приоритетов ЕС. Учитывая предыдущие неутешительные результаты, новое соглашение ставило объем экономической помощи в прямую зависимость от результатов прогресса в построении эффективного государства и экономики. Если же в стране-партнере нарушаются права человека, демократические принципы и нормы права, то предусмотрены санкции. Так, например, было принято решение о приостановке помощи Фиджи после прошедшего там государственного переворота 2000 г. [14. С. 192–195]. Кроме того, ЕС отказался от односторонних преференций в торговле с партнерами и предоставил значительную роль различным негосударственным акторам в осуществлении содействия развитию [19]. Данное соглашение предоставляет ЕС мощный инструмент давления на третьи страны, в основном используемый для принуждения к социально-политическим изменениям, соблюдению прав человека и установлению полноценной демократии. Также данное соглашение установило более специализированный подход в содействии развитию по принципу оказания помощи именно в том, в чем страна нуждается более всего – установлении торговых преференций или реструктуризации ее внешнего долга. Тем самым, создавая нормальные условия жизни в развивающихся странах, ЕС постепенно сокращает эмиграцию населения из этих стран.

Сотрудничество в рамках политики развития, конечно, не ограничивается на сегодняшний день Котонским соглашением. Принимая во внимание остроту проблем, Еврокомиссия представила доклад в 2005 г. по Африке, который концентрировался на трех вопросах: 1) продвижение более справедливого режима торговли, по которому африканские производители получали бы справедливую цену за свой товар; 2) расширение финансовой помощи и ее реструктурирование; 3) устранение огромного внешнего долга беднейших стран. ЕС в 2005 г. разработал свою стратегию сотрудничества с ними, предполагавшую оказание им финансовой помощи при условии согласованности с целями торговой, сельскохозяйственной и миграционной политики ЕС. Тогда же Евросоюз пообещал удвоить помощь развивающимся странам и к 2010 г. При этом 15 самых богатых европейских стран обязались выделять на политику развития 0,51% ВВП, а 10 наименее развитых стран ЕС обязались выделять 0,17% ВВП. Но несмотря на активную помощь со стороны ЕС, например, предоставление 1 млрд евро на миротворческие операции Африканского союза (на Коморах, в Бурунди и Дарфуре), между партнерами имеются значительные разногласия [14. С. 193–199]. Например, вопрос о нелегальных иммигрантах из Африки, которые зачастую погибают, пытаясь проникнуть в Европу на самодельных суденышках, минуя пограничный контроль, порождает возмущение с обеих сторон, но пока остается нерешенным. Отдельные случаи гибели людей, конечно, вызывают острые дискуссии, но в целом проблема систематической нелегальной иммиграции в ЕС обсуждается лишь за закрытыми дверями. Возможно, причиной этого является тот факт, что сами государства-члены далеко не едины в мнении об адекватных ответных мерах: пограничные государства (Испания, Италия, Греция) требуют перераспределения беженцев равномерно по всему Союзу, в то время как Германия, Франция и Великобритания отказываются принимать их в еще больших количествах и готовы за это платить ограниченные суммы пограничным странам ЕС [4].

В целом Евросоюз прилагает значительные усилия для содействия развитию отсталых стран и является крупнейшим донором такой помощи в мире. Например, согласно отчету Еврокомиссии 2011 г. за период 2007–

2013 гг. на помощь в развитии демократии и соблюдении прав человека в странах третьего мира предполагается напрямую выделить 1,1 млрд евро. В одном только 2010 г. на помощь в проведении демократических выборов было выделено 100 млн. евро. В общем ЕС в 2010 г. выделил на цели содействия развитию 11,107 млрд евро, из которых 30% предназначались странам Африки, 19% – Азии, 9% – Латинской Америке [14. С. 200–201]. В 2012 г. государства ЕС выделили 55,2 млрд евро на осуществление помощи развивающимся странам. В целом весь комплекс предпринимаемых ЕС мер подчеркивает указанную Европейской Стратегией безопасности (2003) важность политики развития, которая обоснована ее большим значением для устранения первопричин международного терроризма и нелегальной миграции, а также распространения демократических ценностей и прав человека [Там же. С. 188, 189].

Тем не менее цифры говорят сами за себя: продолжительность жизни в странах к югу от Сахары упала с 58 лет (1960 г.) до 46 лет (2005), а количество голодающих в том же регионе выросло. К сожалению, статистика пока не может показать, есть ли положительная динамика в снижении миграционного давления из стран, охваченных политикой развития ЕС. Результаты политики развития пока трудно оценить по нескольким причинам. Во-первых, эта политика направлена на долгосрочную перспективу и необходима смена нескольких поколений, чтобы стал заметен результат. Во-вторых, многие страны Африки еще переживают демографический взрыв, поэтому процентное снижение количества эмигрирующих из них не всегда соответствует абсолютным цифрам. В-третьих, различные непредвиденные политические взрывы, каким стала и Арабская весна, неизменно приводят к лавинообразному увеличению числа беженцев, стремящихся всеми силами вырваться из опасного региона. При этом все экономические и социальные достижения, которые выстраивались на протяжении многих лет, оказываются в один момент свернуты в угоду новой идеологии.

В заключение необходимо подчеркнуть, что для достижения желаемого результата политики развития, и в частности снижения миграционного давления из стран третьего мира, обязательно согласование этих действий с мерами в других сферах – торговой и инвестиционной политики, миграционной, миротворческой и т.п. Кроме этого, важно заметить, что невозможно добиться подлинного развития исключительно путем предоставления безвозмездной финансовой помощи. Чтобы покончить с бедностью, африканские страны должны учесть пример Китая и Индии, которые решили проблему бедности населения, обеспечив рост своей экономики. В дополнение к этому реальное развитие предполагает не только экономический, но и социально-политический прогресс. Европейский Союз в этом случае должен содействовать такому сценарию развития событий, и его содействие будет тем скорее эффективно, чем оно будет более скоординировано между различными направлениями политики и различными государствами-членами и европейскими институтами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Vasilyeva K.* Population and social conditions // Eurostat statistics in focus. 2012. № 31.
2. *Sartori F.* Population and social conditions // Eurostat statistics in focus. 2012. № 45.
3. *На границе* люди ходят хмуро… URL: http://www.lenta.ru/photo/2013/12/09/euborders/#0, свободный.
4. *Koser S.* Why Europe's immigration nightmare is only beginning // CNN. 30.10.2013. URL: http://www.edition.cnn.com/2013/10/30/opinion/europe-immigration-debate-koser/, свободный.
5. *Council* Regulation № 2007/2004 of 26 October 2004. URL: http://www.europa.eu, свободный.
6. *Article* 79, Lisbon treaty. URL: http://www.lisbon-treaty.org/wcm/the-lisbon-treaty/treaty-on-the-functioning-of-the-european-union-and-comments/part-3-union-policies-and-internal-actions/title-v-area-of-freedom-security-and-justice/chapter-2-policies-on-border-checks-asylum-and-immigration/347-article-79.html, свободный.
7. *Sales R.* Understanding Immigration and Refugee Policy. UK : The Policy Press, 2007.
8. *Communication* from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Strengthening the global approach to migration: increasing coordination, coherence and synergies. Brussels, 8.10.2008, COM(2008) 611 final. URL: http://www.europa.eu, свободный.
9. *Михайлов С.В.* Европа: От временных иностранных рабочих к новым этническим меньшинствам // Актуальные проблемы Европы. Западная Европа перед вызовом иммиграции : сб. науч. трудов РАН ИНИОН. М., 2005. С. 59–64.
10. *Nye J.* Soft power: the means to success in world politics. US : PublicAffairs, 2004. P. 15–17, 76–83.
11. *The Maastricht* Treaty. 1992. URL: http://www.eurotreaties.com/maastrichtec.pdf, свободный.
12. *Treaty* of Lisbon/Official Journal of the European Union, 2007, Vol. 50. P. 25–32. URL: http://www.eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:306:FULL:EN:PDF, свободный.
13. *Foreign* and Security Policy // European Union. URL: http://www.europa.eu/pol/cfsp/index_en.htm, свободный.
14. *Fraser C.* An introduction to European Foreign Policy, 2nd edition. London: Routledge, 2012. 293 p.
15. *Migration* and Development // International Organization for Migration. URL: http://www.iom.int/cms/en/sites/iom/home/what-we-do/migration--development-1.html, свободный.
16. *Partnership* in Africa: The Yaoundé Association // European Community Information Service. 1966. URL: http://www.aei.pitt.edu/34505/1/A674.pdf, свободный.
17. *Laaksonen K. et al.* Lomé Convention, Agriculture and Trade Relations between the EU and the ACP Countries in 1975–2000 // European Commission. URL: http://www.ageconsearch.umn.edu/bitstream/18853/1/wp060020.pdf, свободный.
18. *Holland M.* The EU and the Third World. Basingstoke, Hampshire : Palgrave, 2002.
19. *Partnership* Agreement between the Members of the African, Caribbean and Pacific Group of States of the one part, and the European Community and its Member States, of the other part. URL: http://www.skmbalcani.cooperazione.esteri.it/utlskmbalcani/IT/Norme/Pdf/Cotonou%20Agreement.pdf, свободный.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2014 г.

COMMON FOREIGN POLICY INSTRUMENTS USED FOR MIGRATION REGULATION: THE CASE OF DEVELOPMENT POLICY

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 114-118. DOI: 10.17223/15617793/383/17

Pogorelskaya Anastasia M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lisbonne@rambler.ru

Keywords: migration; the European Union; development policy.

It is the main aim of the EU immigration policy to regulate the incoming migration flows. It took a long time for the EU to develop a common immigration policy. Starting from ad hoc cooperation the European Union eventually came to the conclusion that immigration is a too sensitive question and significant factor in European life to manage it only with immigration policy measures. In 2005 the Global approach to immigration was adopted which acknowledged the interdependence of different types of migration and the need to combine immigration policy with foreign policy measures, namely the cooperation with third countries which are the source of migrants. Poverty, political instability, economic backwardness and unemployment are supposed to be the main causes of emigration from most countries. Therefore, to reduce the migration flows these causes should be eliminated. It cannot be done by political or military measures but through economic assistance mainly. The EU Development policy is designed for that. According to Lisbon treaty 2009 the Common development policy is aimed at supporting developing and the least developed countries in: 1) sustainable economic and social development; 2) gradual integration in the world economy; 3) the campaign against poverty. Development policy has also become a priority of the EU foreign policy. The EU development policy started in 1957 as the assistance of several member-states to their ex-colonies. Then the European Development Fund was established to provide developing countries with financial and technical assistance. In 1963 the first Yaoundé Convention was signed between the EEC and 18 African states which got free access to European domestic markets as well as grants and loans from the EEC for 5 years. After the expiry of the second Yaoundé Convention (1970-75) it was succeeded by four Lomé Conventions which covered the period from 1975 to 1999. They were aimed at building stable economies in African, Caribbean and Pacific (ACP) countries through the access of their exports to European markets free of duty as well as economic aid and investment into them. During these years both the amount of aid coming from Europe and the number of partners were rising. However, this policy did not meet the needs and expectations of the recipients. Moreover, in the 1990s new democratic states appeared in Europe which needed the EU assistance and were their immediate neighbours. Therefore, the neighbourhood policy became the EU priority. Since 1997 the EU development policy was revised. According to the Millennium Development Summit 2000 the eradication of poverty in developing countries was named the main goal. As a result the Cotonou agreement was signed between the EU and the ACP countries. It established a new approach aimed at the reduction of poverty, strengthening the political dimension and entrusting the ACP states with greater responsibilities. In addition to this the EU has developed its development strategy for Africa (2005). The EU is the largest donor of financial assistance to developing states in the world. However, development policy measures will pay off in the long term only.

REFERENCES

1. Vasilyeva K. Population and social conditions. *Eurostat statistics in focus*, 2012, no. 31, p.2.
2. Sartori F. Population and social conditions. *Eurostat statistics in focus*, 2012, no. 45, p.1.
3. *Na granitse lyudi khodyat khmuro…* [People are walking glumly at the border...]. Available at: http://lenta.ru/photo/2013/12/09/euborders/#0 .
4. Koser S. *Why Europe's immigration nightmare is only beginning*. CNN, October 30th, 2013. Available at: http://edition.cnn.com/2013/10/30/opinion/europe-immigration-debate-koser/.
5. Council Regulation No. 2007/2004 of 26 October 2004. Available at: http://europa.eu.
6. Article 79, Lisbon Treaty. Available at: http://www.lisbon-treaty.org/wcm/the-lisbon-treaty/treaty-on-the-functioning-of-the-european-union-and-comments/part-3-union-policies-and-internal-actions/title-v-area-of-freedom-security-and-justice/chapter-2-policies-on-border-checks-asylum-and-immigration/347-article-79.html .
7. Sales R. *Understanding Immigration and Refugee Policy*. UK: The Policy Press, 2007, pp. 115-116.
8. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Strengthening the global approach to migration: increasing coordination, coherence and synergies. Brussels, 8.10.2008, COM(2008) 611 final. Available at: http://europa.eu .
9. Mikhaylov S.V. *Evropa: Ot vremennykh inostrannykh rabochikh k novym etnicheskim men'shinstvam* [From temporary foreign workers to the new ethnic minorities]. In: *Aktual'nye problemy Evropy. Zapadnaya Evropa pered vyzovom immigratsii* [Topical issues of Europe. Western Europe before the challenge of immigration]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS Publ., 2005, pp. 59-64.
10. Nye J. *Soft power: the means to success in world politics*. US: PublicAffairs, 2004. – pp.15-17, 76-83.
11. The Maastricht Treaty. 1992. Available at: http://www.eurotreaties.com/maastrichtec.pdf .
12. Treaty of Lisbon. *Official Journal of the European Union*, 2007, vol. 50, pp. 25-32. Available at: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:306:FULL:EN:PDF.
13. Foreign and Security Policy. Available at: http://europa.eu/pol/cfsp/index_en.htm.
14. Fraser C. *An introduction to European Foreign Policy*. London: Routledge, 2012. 293 p.
15. Migration and Development. Available at: http://www.iom.int/cms/en/sites/iom/home/what-we-do/migration--development-1.html.
16. Partnership in Africa: The Yaoundé Association. European Community Information Service, 1966. Available at: http://aei.pitt.edu/34505/1/A674.pdf .
17. Laaksonen K. et al. *Lomé Convention, Agriculture and Trade Relations between the EU and the ACP Countries in 1975-2000*. Available at: http://ageconsearch.umn.edu/bitstream/18853/1/wp060020.pdf.
18. Holland M. *The EU and the Third World*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave, 2002, pp. 1-9.
19. Partnership Agreement between the Members of the African, Caribbean and Pacific Group of States of the one part, and the European Community and its Member States, of the other part. Available at: http://www.skmbalcani.cooperazione.esteri.it/utlskmbalcani/IT/Norme/Pdf/Cotonou%20Agreement.pdf.

Received: April 02, 2014

УДК 37; 93

А.К. Салмин

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ САВИРОВ

В многочисленных трудах имеются попутные оговорки относительно истории савиров, однако они посвящены соседним племенам – гуннам, хазарам, болгарам и т.д. В статье предпринята попытка проследить краткую историю савиров. Работа опирается на классические письменные источники I тысячелетия н.э.

Ключевые слова: савиры; история; I тысячелетие н.э.

В истории происхождения и формирования чувашского народа слишком много неясных мест. Вопрос происхождения сабиров, предполагаемых предков чувашей, как отметил еще Петер Голден, является одной из самых запущенных и раздражающих проблем (one of the largely neglected and vexing problems) [1. С. 146]. До сих пор остается за семью печатями истина, которую желает узнать читатель. Чрезмерное желание читателей быстрее узнать, – с одной стороны, и великое намерение авторов скорее доставить свои соображения до читателя – с другой, порождали третье – беллетристику, компиляцию и сумбур. Большинство работ по этногенезу чувашей на сегодняшний день выполнено не выше уровня любительского краеведения. Причина таких неудач – отсутствие прямых источников об исторических предках чувашей. В аналогичных случаях историческая наука за помощью всегда обращается к ретроспекции и сравнительно-исторической методологии. Ведь любые племена с самой загадочной историей непременно имели своих соседей, обязательно общались с другими племенами, входили в союзы. Свое можно познать только в сравнении с другими культурами. При этом «вдруг» станут заметными и общие, и особенные черты этноса. Тогда выход один – искать и изучать предков чувашей в связи с соседними общинами.

Однако любая картина действий может реализовываться только в контексте пространства и времени. Народ не существует сам по себе. Не поняв, кто же был соседями изучаемого народа, невозможно ответить на главный вопрос. Не зная причины, невозможно говорить о сути произошедшего события. Контекстное изучение соседей предков чувашей, естественно, не самоцель, главное – таким образом пролить луч истины на изучаемую проблему. Основной термин в работе – «племена». Как правило, племена, вовлеченные в поток Великого переселения, более цивилизованные соседи называли варварами. Этот термин ничем, по сути, не отличается от греческого ἔθνος, использованного в Византии по отношению к тем же «варварским» племенам, т.е. не принявшим христианство. В то же время некорректно подменять термины «племя» и «варвары» понятием «народ», что часто встречается и у вполне серьезных историков.

Говоря о первом упоминании савиров, большинство исследователей берет присковскую дату – 463 г. Однако савиры под другими наименованиями были известны за несколько веков до Приска. В середине II в. они как Σαύαρoι зафиксированы Птолемеем на Кавказе ниже аорсов и пагиритов [2. С. 171]. В начальный период кавказской истории предков чувашей часто путали с другими племенами, в первую очередь, с гуннами. «Гунны, как плодовитейшая поросль из всех самых сильных племен, закишели надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альциагирами, другие – савирами (*Saviri*), но места их поселений разделены», – писал Иордан о племенах, составлявших ядро гуннской конфедерации [3. С. 67]. На самом деле по численности сами гунны в своих войсках занимали малое количество. Основную массу составляли союзники и покоренные племена.

Ясность увеличивается с V в., когда савиры (Σάβειροι) как активные участники персидско-византийских войн вовлекаются во взаимодействие с персами, восточными римлянами, племенами угров, аварами, армянами, аланами и лазами [4. С. 158; 5. С. 74, 292]. Стефан Византийский, описывая события V в., упоминает *сапиров / савиров* (Σάπείρες / Σάβείρες), обитавших на реке Акампис (Чорох) между Колхидой и Персией [6. С. 166, 555].

После смерти Аттилы в 453 г. и разделения гуннского союза по автономным племенам на Кавказе начинается господство савирской конфедерации. Государство оногуров распалось, а ему на смену пришло новое военно-политическое объединение во главе с савирами. Сюда же входили остатки гуннов и булгары. «Распад на Северном Кавказе первого гунно-булгарского объединения во главе с оногурами обусловил начало параллельного процесса объединения кочевников Восточного Предкавказья и становления нового военно-политического союза во главе с сабирами» [7. С. 69]. В 463 г. савиры напали на сарагуров, урогов и оногуров. Такое действие савиров (Σαβίρων) было продиктовано тем, что к ним вторглись авары. А самих аваров изгнали племена, жившие на побережье [4. С. 158]. Сарагуры, в свою очередь, вторглись в земли акациров. Во второй половине V в. савиры обосновались в районе р. Кума вдоль Каспийского моря. Как видим, этноним Σάβειροι в византийских источниках вновь активно всплывает тут же после кончины Аттилы. Вспомним: Аттила становится единоличным лидером гуннского союза после насильственного устранения им родного брата Влиды / Бледы (Βλήδα / *Bleda*) в 445 г. Затем Аттила объединял многие племена и вовсе узурпировал власть. До кончины Аттилы фиксируются только отдельные боевые эпизоды, в которых проявляли особую храбрость савиры / сабиры. В остальных случаях они действовали как составная часть войск Аттилы и были известны как гунны или, в лучшем случае, как «гунно-савиры» и «гунны, называемые савиры».

Из-за постоянных войн между Ираном и Византией, а больше всего – из-за выступления савиров то на одной, то на другой стороне, в савирском объединении образовались две группы: иранской и византийской

ориентации. Савиры в эти годы представляли собой ряд самостоятельных «колен». «Но уже в начале VI в. положение в савирском обществе изменилось. Из среды племенной знати выделилась наследственная династия, претендующая на управление всеми савирами. Представители этой династии вступили в открытую борьбу с сепаратизмом племенных вождей» [8. С. 21]. Дербентское и Дарьяльское ущелья служили главными военными и торговыми проходами. Учитывая это обстоятельство, савиры в начале VI в. стали контролировать восточные и центральные районы Северного Кавказа. Они заняли районы обеих стратегических ворот. В «Летописи» Феофана Византийца под 516/517 годом (по Константинопольскому летоисчислению – 6008 г.) записано: «Гунны, именуемые савир (Οὔννοι οἱ λεγόμενοι Σαβὴρ), переправившись через Каспийские ворота (т.е. Дербентский проход), совершили набег на Армению, разграбив Каппадокию, Галатию и Понт, чуть было не подступили к Евхаиту» [9. С. 49].

Савиры представляли собой тогда одно из сильнейших племен в регионе. Согласно Феофану и Малале, в 528 г. савирские вожди могли одновременно выступить с войском более чем в 120 тыс. чел. [9. Там же. 26, 50; 10. С. 430–431]. Отсюда можно предположить и об их общей численности, плюсуя к числу воинов их жен, по 5 детей и родителей. Получается 1 млн душ. Другой такой мощной силы в то время на Кавказе практически не было. В этом году Боарикс, «женщина из гуннов, именуемых савир» (Οὔννων τῶν λεγομένων Σαβήρ), пришла к ромеям. Имя этой женщины (Βωα / *Воа* / *Боа* + ῥήξ / *рикс* «царица»), видимо, сходно с названием притока реки Фасис Боа(с), что на грузинском значит «крик». Она стала править в гуннских землях после смерти своего мужа Валаха (Βαλαχ). Под ее властью находилось 100 тыс. воинов. Персидский царь Кавад склонил двух племенных царей, родственных Боариксу, помогать ему в войне против римлян. Когда они проходили через владения царицы Боарикс, она напала на них. Одного, Стиракса, взяла в плен и в оковах отправила в Константинополь. Другого, Глониса, убила в бою. Так она сделалась союзницей Юстиниана. Относительно этого эпизода Питер Голден пишет, что савирская княгиня Боа управляла 100 тыс. людей и могла иметь в поле сражения 20-тысячную армию [1. С. 91]. На самом деле у Малала сказано, что Воа имела «под своим началом сто тысяч» [11. С. 470]. 100 тыс. людей всего или воинов – Малала не уточняет. Дюла Немет склонен был читать 100 тыс. солдат, но в то же время полагал, что это число означает людей всего племени [12. С. 151]. Видимо, он исходил из постулата, что каждый взрослый мужчина у савиров одновременно был воином. Однако в таком случае жены, родители и дети остаются вне подсчета. Феофан утверждал, что Боарикс имела «при себе сто тысяч гуннов», т.е. гуннов, именуемых савир. Ни Малала, ни Феофан не утверждают, что у Боарикс было 20 тыс. воинов. На самом деле ни в одном источнике нет ясности, что означает 100 тыс.0 – это воины или вообще численность савирского населения. Однако известно, что два полководца из числа внутренних гуннов (по контексту можно полагать, что они тоже были «савирами, называемыми гуннами») шли в поход на выручку персам с 20 тыс. Естественно, в этом случае речь идет о воинах, а не о простом населении. О наличии у Воарикс войска из 100 тыс. человек однозначно писал Иван Стриттер [13. С. 82]. Она наголову разбила оба отряда. Должно быть, у Боарикс численность войск во много крат превосходила численность соперника. А это – дополнительный аргумент в пользу многочисленности воинов под руководством Боарикс. Поэтому Питер Голден справедливо замечает, что нет ничего удивительного в том, что Византия изыскивала пути вовлечения савиров в союзники в их постоянных схватках с Сасанидским Ираном в целях доминирования на Кавказе [14. С. 259]. В связи с подсчетом предполагаемого количества войск и населения савиров весьма полезно сообщение Иордана о численности гуннских войск. Вот эти строки: «После того как был коварно умерщвлен брат его Бледа (*Bleda*), повелевавший значительной частью гуннов, Аттила (*Attila*) соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира – римлян и везеготов. Говорили, что войско его достигало пятисот тысяч» [2. Фрагменты 180–181]. Как видим, указанная Иорданом цифра учитывает воинов всех племен, входивших в войска гуннов. Однако Е.Ч. Скржинская считала, что Иордан преувеличивал реальную численность войск у гуннов [15. С. 310]. Тогда можно предполагать, что воинов в гуннских соединениях было менее 500 тыс. Из них 120 тыс. составляли воины-савиры, т.е. примерно четверть. Такая пропорция также идет в пользу моего подсчета, ибо савиры в составе гуннов по сравнению с другими племенами занимали подавляющую численность.

В связи с описанием персо-византийских войн Прокопий, в частности, заметил: «Между тем Кавад отправил другое войско в подвластную римлянам Армению. Оно состояло из персоармян и суннитов, соседей аланов. С ними было три тысячи гуннов, так называемых савиров (Σάβειροι), воинственнейшего племени» [5. С. 74]. Вычислить год, в который происходило это событие, можно на основе упоминаемых в этом действе имен. Известно, что царь государства Сасанидов Кавад умер в 531 г. – значит, событие происходило до 531 г. Упоминаемый Прокопием в этом же абзаце Сита имел должность стратига в Византии и был поставлен во главе всего войска Армении. Это 528–531 гг. А стратигом Армении состоял Дорофей. Он командовал битвой под Саталой в лето 530 г. [16. С. 135]. Таким образом, 3 000 савиров в 530 г. в Армении воевали в составе персидских войск против византийской армии.

Вместе с хазарами савиры «составляли одно и то же военно-политическое объединение, во главе которого, однако, стояли савиры, так как в первой половине VI в. в большинстве исторических известий именно их наименование служит для обозначения варваров, обитавших севернее Дербента» [17. С. 127].

В 541 г. развернулись военные действия между Ираном и Византией в Лазике. Это был стратегический район для обеих сторон. Важным пунктом стала мощная морская цитадель Петра, построенная по приказу Юстиниана к югу от реки Фасис. Однако местное население было недовольно византийской оккупацией. Ла-

зы обратились за помощью к персидскому шаху. Тот хорошо подготовился и взял крепость. В 545 г. было заключено перемирие между Персией и Византией. Однако лазы на этот раз обратились за помощью к византийцам. Юстиниан в 549 г. прислал сюда 7-тысячную армию. Царь лазов Гуваз наказал милитуму Армении Дагисфею послать кого-нибудь охранять ущелье, ведущее в Петру. Сам Гуваз двинулся к границам Лазики, чтобы охранять имеющиеся теснины. А до этого он заключил союз с аланами и савирами. «Между тем василевс Юстиниан послал племени савиров (Σαβείρων) условленную сумму денег» [5. С. 300]. Как верно заметила комментатор Прокопия А.А. Чекалова, «союз с гуннами-сабирами был действительно важен, поскольку это был народ воинственный и хорошо знавший осадное дело» [18. Примеч. 189]. Сам Прокопий не раз отмечал эти качества у савиров и в книге «Война с готами».

В начале 551 г., использовав помощь гунно-савиров, византийский военачальник Бесса овладел, наконец, Петрой. При этом савиры применили тараны (κριός) особой конструкции, что сыграло решающую роль для разрушения стен крепости. Эти тараны существенно отличались от тяжелых и неуклюжих сооружений, передвигаемых запряженными быками. Как писал Прокопий, случайно в этом войске римлян было несколько варваров из племени савиров. Прибыв к осаждающим стены Петры, савиры увидели, что римляне при сложившихся обстоятельствах не знают, что делать, и попали в безвыходное положение. Тогда савиры (Σαβείροι) «придумали такое приспособление (машину), какое ни римлянам, ни персам, никому от сотворения мира не приходило в голову, хотя и в том и в другом государстве было всегда, да и теперь есть, большое количество инженеров» [19. С. 538–540]. Прокопий дает подробное описание савирскому изобретению. На этой машине нет бревен, их заменили толстыми веревками. Только в середине разместили свободно передвигающееся бревно с заостренным концом. Савиры приготовили три такие машины. Человек сорок из римлян, одетых в панцири, легко разместили тараны к стенам Петры. По сторонам машины встали воины, снабженные шестами с железными крючками на концах. Когда удары бревна расшатывали ряды камней, они вытаскивали этими крючками рассыпающиеся камни и откидывали их. Так были разрушены стены Петры. Вскоре при осаде Археополя уже персы воспользовались услугами савирских легких таранов. Персидский военачальник Мермероес прежде всего «велел сабирам (*Σαβείροις*) делать много стенобитных машин, которые можно было бы людям носить на плечах; обычные машины он никоим образом не мог пододвинуть к укреплениям Археополя, так как они были расположены на подъеме горы. Он слыхал, какие машины были сделаны союзными с римлянами савирами (Σαβείροις) около стены Петры немного раньше, и, подражая тому, что ими было там изобретено, из этого опыта хотел извлечь для себя пользу. Они стали делать то, что он им приказал, и скоро сделали много стенобитных орудий, таких же, какие сделали для римлян недавно, как я рассказывал, союзные с ними савиры (Σαβείρους)… И вот персы и савиры (Σαβείροις), пуская в стоящих на стенах тучу стрел и копий, которыми они, можно сказать, закрыли здесь небо, почти добились того, что под их напором римляне готовы были оставить верх укреплений» [19. С. 538–540].

В 552 г. персидские войска под командованием военачальника Мермероеса хитростью взяли лазское укрепление Уфимерей. У персов были 70 тыс. отборных воинов и большое количество савиров (Σαβείρους). Таким образом, для римлян и лазов все эти плодородные земли от Мохерезиса до Иберии стали недоступны [Там же. С. 570–572].

По истечении зимы 552–553 гг. между персами и римлянами утвердилось перемирие. Но Хозров не пожелал отказаться от Лазики. Деньги, вырученные от продажи римлянам яичек шелковичных червей, он раздал в качестве подарка гунно-савирам (Οὔννων των Σαβείρωυ) и набрал их в свои войска большое число. Всех их отправил к Мермероесу. Хозров приказал вести в Лазике дела со всей энергией и послал ему еще много боевых слонов. Вместе со всем персидским и гунно-савирским войском Мермероес двинулся к крепости лазов. Римляне, будучи в крепости, в открытый бой не вступали. К ним присоединился и царь лазов Губаз. Узнав, что в одной из крепостей находится сестра Губаза, персы решили взять ее. Однако римляне защищались решительно. Им способствовал узкий горный проход к крепости. Персы повернули обратно. Римляне преследовали отступающих и в неудобном для персов месте убили многих, среди них был и начальник сабиров (Σαβείρωυ). Около его тела закипел сильный бой, в результате чего персы одолели противника и обратили их в бегство [Там же. С. 578–579].

В кампании 554–555 гг. тяжеловооруженные савиры под предводительством «знаменитейших у них людей» Балмаха (Βαλμάχ), Кутилзиса (Κούτιλζις) и Илигера (Ἴλιγερ) приняли активное участие в войне на стороне Византии и разгромили сильный отряд воинственных дилимнитов – союзников персов. Однако в следующем бою в Иверии войска из гунно-савиров (Οὔννοι Σάβειροι) в количестве 500 человек выступали уже на стороне персов [20. Кн. III. 17–18; Кн. IV. 13–14].

По состоянию на 555 г. непосредственными соседями савиров были аугар, бургар, куртаргар, авар, хазар, дирмар и другие племена. Живут они все «в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверями и оружием», – сообщал о них Захария Ритор [21. С. 593].

«К середине VI в. савиры, являвшиеся наиболее сильным и многочисленным народом на Кавказе, захватили всю Северную Албанию (Ширан и Аран) в зоне Дербенд-Кабала, бывшую центром савирских поселений, и пробыли там более 100 лет» [22. С. 62]. В середине VI в. савиры владели Прикаспийским проходом, который армянские историки называют Чора и где несколько позднее возник Дербент [23. С. 565–566]. В 552–558 гг. савиры упоминаются на реке Техури в Западной Грузии. Агафий, в частности, писал: «Наемники же из гуннов, которых называют савирами (Σαβείρων)… расположились лагерем у Археополя и прилегающих местностей» [24. С. 177], т.е. в княжестве лазов. Как писал Менандр в 558 г., «авары вскоре завели войну с утигурами, потом с залами, которые уннского племени, и сокрушили силы савиров (Σαβείρους)»

[25. С. 236], т.е. нанесли тяжелый урон их воинским подразделениям.

В 559 г. во время осады Херсонеса савиры изготовили небольшие шлюпки из длинных и крепких тростников, а также изобрели импровизированное устройство для укрепления весел на борту лодки и шлюпки с выносными уключинами в обе стороны [1. С. 113].

572 г. знаменателен началом глубоких разногласий между Персией и Византией по кавказскому вопросу. Узнав, что гунны направили посольство к Юстину II, Хосров забеспокоился. Дело в том, что василевс платил персам ежегодно золотом, чтобы вторгающиеся племена не беспокоили оба государства. Тут Юстин расторг мир, сказав, что ему позорно платить дань персам. «Из-за этого имела место та самая великая война персов и ромеев» [9. С. 54]. Как полагал И.С. Чичуров, под «вторгающимися племенами», о которых конкретно не говорил Феофан, следует полагать, прежде всего, кавказских гуннов, в частности гунно-савиров [26. С. 89]. Действительно, в это время гунны, под которыми имелись в виду савиры, владели Дербентом и были восточными соседями аланов. Савиры беспокоили византийцев и тем, что совершали дерзкие походы на их малоазийские провинции.

В 576 г. шли военно-тактические передвижения персидских и римских войск в борьбе за превосходство в Алвании. Кесарь гневался на своих полководцев Курса и Феодора, упрекал их за то, что по вступлении в Алванию они не перевели на другое место савиров (Σαβείρων) и алванов. Военачальники же ограничились взятием у этих племен заложников. Действительно, савиры немедленно свергли с себя господство римлян. Тогда римские военачальники опять вступили в Алванию и заставили савиров (Σαβείρους) и алванов перелиться на западную сторону р. Кир (Кура) [25. С. 294–295]. Таким образом византийцы хотели удержать эти племена на своей стороне. В 578 г. Хозрой отправил из Кавказа в Месопотамию конницы, щитоносцев и стрельцов общим количеством около 20 тыс. воинов. Из этого числа 12 тыс. были персы, остальные – саракины и савиры [25. С. 311].

В армянском источнике, описывающем события 579–590 гг., повествуется о вступлении многочисленных персидских войск на васпураканские земли. Были захвачены и преданы огню многие крепости, уведены в плен жители. Пострадали тогда многие области, в том числе и область Чуаш. И были отданы захваченные земли ишханам [Там же. С. 94].

Примерно в 613 г. в Верхней Месопотамии (современный юго-восток Турции) завязался бой за крепость Беиудаес между местными жителями, персами и римскими войсками. Ромеи с необыкновенной силой осаждали крепость. У них в отряде был воин по имени Сапеир / Сапир (Σάπειρ). Феофилакт Симокатта дает ему самую возвышенную характеристику: Сапир физической силой был похож на воспетого Гомером Тидея, разумом превосходил Тидея, духом он был Геракл, а по доблести даже выше Геракла. Этот Сапир захватил с собой заостренные колья и, вставляя их в стену, таким образом забрался на крепость. Однако на башне крепости появился некто из персидского войска и столкнул на Сапира большой камень. Сапир покатился вместе с этим камнем вниз. При этом он рухнул вниз головой. Но раненый Сапир с упорством опять быстро стал подниматься по стене. И вот он схватился за зубцы стены. Но противник столкнул его вместе с расшатавшимся зубцом стены. Смельчак скатился вниз, «держа в своих объятиях эту бойницу, как дорогую любовницу». Но Сапир в третий раз пошел на подвиг. На этот раз ему удалось забраться на стену и срубить персу голову. Один из братьев Сапира, став свидетелем доблести брата, повторил подвиг. За ним пошли и другие воины. Ворота были открыты, крепость взята [28. С. 107–109]. Комментатор Феофилакта Симокатты К.А. Осипова считала, что Сапир не есть собственное имя, в данном случае речь идет о человеке из гуннского племени сабиров. Кроме того, из контекста узнаем, что у этого Сапира в отряде было несколько братьев. Действительно, Феофан уточнял: «Один из братьев этого Сапира (он был из них по возрасту старший)». Скорее всего, под именем в этом случае обозначены воины одного племени, а именно – савиров / сапиров.

В 657–659 гг. распался Западно-тюркский каганат. Одновременно в северо-восточных предгорьях Дагестана на основе раннефеодальных отношений образуется государство Сувар со столицей Варачан. По инерции армянские источники продолжают называть его Царством гуннов, а арабские хронисты – Джиданом.

Сразу же после вступления Вараз-Трдата на княжеский престол Кавказской Албании (670–706 гг.) многочисленные войска гунно-савиров во главе с князем Алп-Илитуером (правильная форма – *Алп-Илутуэр*) вторглись в страну Алуанк и стали опустошать области у подножия Кавказских гор и поселения гавара Капалак. Сам Алп-Илитуер переправился через реку Куру и перешел в гавар Ути, стал угонять скот, грабить и угонять всех в плен. Затем гунно-савиры расположились лагерем в долине у пределов Лпинка. Узнав об этом, Вараз-Трдат отправил своего доверенного к Алп-Илитуеру с мирными предложениями. Послу удалось склонить Алп-Илитуера к миру и дружбе. Тогда гунно-савиры вернулись в свою страну [29. Кн. II. 26].

В 723 г. арабский полководец ал-Джаррах прибывает на территорию Вабандара, т.е. Варачана. В городе в то время было 40 тыс. домов [30. С. 20]. В 737 г. арабский полководец Мерван при поддержке армянского князя Ашота предпринял поход на землю гуннов. Он овладел городом Варачан и вернулся оттуда победителем, захватив огромную добычу [31. С. 81–82; 32. С. 96]. Конечно, под «дагестанскими гуннами» в данном случае подразумеваются савиры. К этому времени гунны не представляли ни единый этнос, ни единый военно-политический союз. Гуннами по инерции называли савиров. Полагают, что их столица Баланджар-Варачан прекратила свое существование после 737 г. [33. С. 192]. Действительно, савиры покинули эти места. Но ушли, как преподносят некоторые историки, не на Волгу, а на Дон, где вместе с другими племенами образовали салтово-маяцкую археологическую культуру. А вот часть булгар после 737 г. действительно ушла на Волгу и образовала ядро Волжскую Булгарию. К ним же перешла функция политического контроля над соседними племенами. Но в то же время большая группа булгар в самом конце VIII в. пребывала в степ-

ном Подонье. В конце IX – начале X в. эльтебер волжских булгар начинает контролировать также барсилов и савиров [33. С. 193].

В VIII в. военно-политическая ситуация меняется еще больше в пользу Хазарии. Хазары возлагают дань и на сувар, и на булгар. Страна Сувар становится хазарским федератом со столицей Хазарии Семендер в низовьях реки Терек. Однако по состоянию на середину VIII в. Дербент был в руках арабов. Хазары не могли с этим мириться, они делали в это время несколько попыток одолеть крепостные стены. Однако безуспешно. Халиф дал приказ правителю Дербента Езиду восстановить старые укрепления. Были возобновлены и населены несколько разрушенных ранее крепостей, в том числе и Сувари. Кроме того, Езид поставил на границах, особенно в крепости Сувари, по 1 тыс. караульных. Таким образом, все укрепления вокруг Дербента были переполнены войсками, а город огражден от хазар [34. С. 83–84]. Как видим, задолго до VIII в. рядом с городом Дербент была крепость Сувари, первоначально построенная, несомненно, суварами.

Во второй половине IX в. Ибн-Хордадбех фиксирует царство Сувар на северной стороне от Баба [35. С. 110]. В 863 г. сувары, обитавшие в пределах Северный Кавказ – Дон, двигаются вверх по Итилю. Таким образом, савары / савиры / сувары обитали на Кавказе и побережьях Понта восемь веков (II–IX вв.). Из них два века (от смерти Аттилы до вхождения в Хазарское царство: 453 – ок. 650 гг.) савиры занимали на Восточном Предкавказье главенствующее положение. Таким образом, савиры выступали то на стороне Персии, то на стороне Византии, входили то в гуннскую, то в булгарскую конфедерацию, то вели автономную кочевническую и оседлую жизнь. У них на Кавказе была и своя государственность со столицей Варачан. Во всех случаях савиры сохраняли свою целостность, укрепляли свой племенной союз, выторговывали богатство у своих временных союзников. Источники по инерции продолжают называть страну савиров со столицей Варачан «страной гуннов». Как справедливо отмечает Л.Б. Гмыря, по уровню социально-экономического развития «страна гуннов» (т.е. савиры) была «на пути формирования государственности раннефеодального типа» [36. С. 111].

Разумеется, г. Сувар на Волге отстроен после 922 г., а каменный город возник реально не ранее середины XIII в. Поэтому ал-Гарнати в 1135–1136 гг. писал просто «жители Сувара» [37. С. 27], т.е. жители страны (или местности) Сувар. Во всяком случае, г. Сувар, возникший на левобережье, «в золотоордынскую эпоху… экономической и политической роли уже не играл» [38. С. 96]. Вследствие монголо-татарского нашествия происходит переселение части населения Булгарии на более северные земли. «В восточной части Закамья, в бассейне р. Омарки, возникает целая группа новых городов во главе с Керменчуком (в переводе с чуваш. *Кермен чӳк* – “Дворец жертвоприношений”), известным летописным городом» [39. С. 117]. Любопытно отметить, что савиры / сувары в своей длинной истории не терпели судьбоносных поражений в боевых действиях. В экстремальных обстоятельствах они меняли место дислокации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Golden Peter B.* Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes / ed. by Cătălin Hriban. Bucureşti : Editura Academiei Române, 2011. 424 p.
2. *Ptolemaei Claudii* Geographia. T. I. Lipsiae: Simptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843. XXIV, 284 p.
3. *Иордан.* О происхождении и деяниях геттов. Getica / вступ. ст., пер., ком. Е.Ч. Скржинской. СПб. : Алетейя, 2013. 512 с.
4. *Prisci Panitae* Fragmenta. A cura di Fritz Bormann. Firenze : Le Monnier, 1979. LVI, 207 p.
5. *Procopii Caesariensis* Opera omnia. Recognovit Jaecobus Haury. Vol. I: De bellis libri I–IV. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1905. LXIV, 552 p.
6. *Stephani Byzantii.* Ethnicorvm. T. I. Berolini: Impensis G. Reimeri, 1849. VI, 818 p.
7. *Джафаров Ю.Р.* Гунны и Азербайджан. Баку : Элм, 1985. 124 с.
8. *Фёдоров Я.А.* Хазария и Дагестан // Кавказский этнографический сборник. V. М. : Наука, 1972. С. 18–40.
9. *Феофан Исповедник.* Хронография. Текст на древне-греческом и русском языках / пер. и ком. И.С. Чичурова // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М. : Наука, 1980. С. 24–144.
10. *Malalas Joannes* Chronographia. Bonnae: Impensis E.D. Weberi, 1831. LXXVIII, 798 p.
11. *Прокопий* Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М. : Алетейя, 1998. 544 с.
12. *Németh Gyula.* A honfoglaló magyarság kialakulása. Közzéteszi Berta Árpád. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 399 p.
13. *Стриттер Иван.* Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. Ч. 2 : О тотфах, вандалах, гепидах, ерулах, уннах и о аварах. СПб. : Имп. АН, 1771. 166 с.
14. *Golden Peter B.* The peoples of the south Russian steppes // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge Univ. Press, 2008. P. 256–284.
15. *Скржинская Е.Ч.* Вступ. ст., пер., коммент. // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. СПб. : Алетейя, 2001. 512 с.
16. *Адонц Николай.* Армения в эпоху Юстиниана. Ереван : ЕГУ, 1971. 528 с.
17. *Артамонов М.И.* История хазар. Л. : Гос. Эрмитаж, 1962. 524 с.
18. *Чекалова А.А.* Примечания // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М. : Алетейя, 1998. С. 504–511.
19. *Procopii Caesariensis* Opera omnia. Recognovit Jaecobus Haury. Vol. II: De bellis libri V–VIII. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1905a. II, 678 p.
20. *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана / пер., ст. и прим. М.В. Левченко. М. : Арктос, 1996. 256 с.
21. *Захария Ритор.* Хроника // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы / сост. Е.Н. Мещерская. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. С. 570–597.
22. *Ашурбейли Сара.* Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку : Элм, 1983. 344 с.
23. *Мерперт Н.Я.* Кочевые племена в степной полосе Восточной Европы // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. М. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 551–569.
24. *Agathiae Myrinaei.* Historiarum libri quinque. Ιστοριων. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1828. XXXVII, 420 p.
25. *Менандр Византиец* // Византийские историки / пер. с греч. Спиридона Дестуниса ; прим. Гавриила Дестуниса. Рязань : Александрия, 2003. С. 229–335.
26. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. М. : Наука, 1980. 215 с.
27. *Багратуни Псевдо-Шапух.* История анонимного повествования / пер., сост. и ред. М.О. Дарбинян-Меликян, М.О. Мелик-Оганджанян. Баку : Изд-во АН АрмССР, 1971. 238 с.
28. *Theophylacti Simocattae* Historiae / ed. Carolvs de Boor. Lipsiae: I Aedibvs B.G Tevbneri, 1887. XIV, 438 p.

29. *Каланкатуаци Мовсэс.* История страны Алуанк (в 3 книгах) / пер. с древнеармян., предисл. и ком. Ш.В. Смбатяна. Ереван : Матенадаран, 1984. 257 с.
30. *Ал-Куфи Абу Мухаммад.* Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / пер. с араб. З.М. Буниятова. Баку : Элм, 1981. 84 с.
31. *Гевонд Вардапет.* История халифов / пер. с армян. К. Патканьян. СПб. : Тип. Имп. АН, 1862. [2], XII, 165, [3] с.
32. *Вардан Великий.* Всеобщая история / пер. Н. Эмин. М. : Лазарев. ин-т восточ. яз., 1861. 218 с.
33. *Комар А.В.* К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов межкультурного взаимодействия). Самара : Офорт, 2010. С. 169–199.
34. *[Мухаммед-Аваби Акташи.]* Тарихи Дербенд-наме (с 9 приложениями) / пер. и ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис : Тип. Я.И. Либермана, 1898. 192 с.
35. *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / пер., коммент., исслед., указатели и карты Н.М. Велихановой. М. : Наука, 1986. 527 с., карты.
36. *Гмыря Л.Б.* Обретенная родина в представлениях номадов Прикаспийского Дагестана (IV–VII вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 18. С. 111–118.
37. *Ал-Гарнати А.Х.* Путешествие Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М. : Наука, 1971. 136 с.
38. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М. : Наука, 1985. 246 с.
39. *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М. : Наука, 1984. 216 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 марта 2014 г.

A BRIEF HISTORY OF THE SAVIRS

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 119-125. DOI: 10.17223/15617793/383/18

Salmin Anton K. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: antsalmin@mail.ru

Keywords: the Savirs; history; first millennium A.D.

In the numerous works there are different notes concerning the Savirs. However, in general, the works are about their neighboring peoples, namely the Huns, the Khazars, the Byzantines, etc. The present article contains the first attempt of a consistent review of a brief chronology of the history of the Savirs. The work is based on the classical written sources of the first millennium A.D. and the present fundamental works. In the middle of the second century the *Σαύαροι* were mentioned by Ptolemy in the Caucasus lower than the Aorses and Pagyrites. In the early period of the history of the Caucasus the ancestors of the Chuvashes were often confused with other tribesmen, primarily with the Huns. Since the fifth century it became more clear, when the Savirs being among the active participants of the Perso-Byzantine wars were involved in the interaction with the Persians, Eastern Romans, Ugric tribes, Avars, Armenians, Alans and the Lazs. Stephanus of Byzantium wrote in the fifth century about *sapirs/savirs* that inhabited the Akampis (Chorokh) River between Colchis and Persia. "From this region the Huns, like a fruitful root of bravest races, sprouted into two hordes of people. Some of these are called the Altziagiri, others – the Sabiri; and they have different dwelling places", Jordanes wrote about the core tribes of the Hunn confederation. In fact, the number of Huns among their army was not so big. There were, overwhelmingly, their allies and subjugated tribes. After the death of Attila in 453 and the following division of the Hun union into the independent tribes, the Savir confederation dominated in the Caucasus. The Onogur state disintegrated and then was replaced by the new military-political formation headed by the Savirs. It also included the remains of the Huns and the Bulgars. In 463 the Savirs attacked the Saragurs, the Urogs and the Onogurs. Such an activity of the Savirs was affected by the Avar invasion. As for the Avars, they were under the pressure of the tribes living in the coastal region. The Saragurs, in their turn, invaded the lands of the Acatzirs. In the second half of the fifth century the Savirs occupied the Kuma River region extending along the Caspian Sea. As we can see, the ethnonym emerged in Byzantine sources after Attila's death. Attila, as is well known, became the sole leader of the Hun union after he had forcibly eliminated his brother Vlida/Bleda in 445. Later Attila consolidated many tribes and did usurp the power. Before Attila's death only separate battle episodes in which the Savirs showed their courage had been mentioned. In other cases, they acted as an integral part of Attila's army and were called 'Huns' or, at best, 'Hun-Savirs' or 'Huns, called Savirs'. After that, the article presents the sequential chronology of the historical events related to the history of the Savirs. Since the coming of Arabs to the Caucasus they were called Sabirs, and since the early 10th century in the Volga Region they were known as Suwars.

REFERENCES

1. Golden Peter B. *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. Bucureşti: Editura Academiei Române, 2011. 424 p.
2. Ptolemaei Claudii *Geographia*. Vol. I. Lipsiae: Simptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843. XXIV, 284 p.
3. Jordan. *O proiskhozhdenii i deyaniyakh gettov. Getica* [The origin and deeds of the Gets. Getica]. Translated by E.Ch. Skrzhinskaya. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2013. 512 p.
4. Prisci Panitae. *Fragmenta. A cura di Fritz Bormann*. Firenze: Le Monnier, 1979. LVI, 207 p.
5. Procopii Caesariensis. *Opera omnia. Recognovit Jaecobus Haury*. Vol. I: De bellis libri I-IV. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1905. LXIV, 552 p.
6. Stephani Byzantii. *Ethnicorvm*. Vol. I. Berolini: Impensis G. Reimeri, 1849. VI, 818 p.
7. Dzhafarov Yu.R. *Gunny i Azerbaydzhan* [Huns and Azerbaijan]. Baku: Elm Publ., 1985. 124 p.
8. Fedorov Ya.A. *Khazariya i Dagestan* [Khazaria and Daghestan]. In: *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. Moscow: Nauka Publ., 1972, pp. 18-40.
9. Chichurov I.S. *Vizantiyskie istoricheskie sochineniya* [Byzantine historical writings]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 24-144.
10. Malalas Joannes. *Chronographia*. Bonnae: Impensis E.D. Weberi, 1831. LXXVIII, 798 p.
11. Procopius of Caesarea. *Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya* [The war with the Persians. The war with the Vandals. The Secret History]. Moscow: Aleteyya Publ., 1998. 544 p.
12. Németh Gyula. *A honfoglaló magyarság kialakulása*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 399 p.
13. Stritter I. *Izvestiya vizantiyskikh istorikov, ob"yasnyayushchie rossiyskuyu istoriyu drevnikh vremen i pereseleniya narodov* [Proceedings of the Byzantine historians that explain the Russian history of ancient times and migrations]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1771. Pt. 2, 166 p.

14. Golden Peter B. *The peoples of the south Russian steppes* In: *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge Univ. Press, 2008, pp. 256-284.
15. Skrzhinskaya E.Ch. *Vstupitel'naya stat'ya, perevod, kommentari*i [Prolusioan, translation, commentaries]. In: Jordan. *O proiskhozhdenii i deyaniyakh gettov. Getica* [The origin and deeds of the Gets. Getica]. Translated by E.Ch. Skrzhinskaya. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2013. 512 p.
16. Adonts N. *Armeniya v epokhu Yustiniana* [Armenia in the era of Justinian]. Yerevan: Yerevan State University Publ., 1971. 528 p.
17. Artamonov M.I. *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. Leningrad: Gosudarstvenny Ermitazh Publ., 1962. 524 p.
18. Chekalova A.A. *Primechaniya* [Notes]. In: Procopius of Caesarea. *Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya* [The war with the Persians. The war with the Vandals. The Secret History]. Moscow: Aleteyya Publ., 1998, pp. 504-511.
19. Procopii Caesariensis *Opera omnia. Recognovit Jaecobus Haury*. Vol. II: De bellis libri V-VIII. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1905a. II, 678 p.
20. Agathias of Myrina. *O tsarstvovanii Yustiniana* [About the reign of Justinian]. Translated from Old Greek by M.V. Levchenko. Moscow: Arktos Publ., 1996. 256 p.
21. Pigulevskaya N.V. *Siriyskaya srednevekovaya istoriografiya. Issledovaniya i perevody* [Syrian medieval historiography. Research and translations]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2011, pp. 570-597.
22. Ashurbeyli Sara. *Gosudarstvo Shirvanshakhov (VI – XVI vv.)* [The state of Shirvanshah (6th – 16th centuries)]. Baku: Elm Publ., 1983. 344 p.
23. Merpert N.Ya. *Kochevye plemena v stepnoy polose Vostochnoy Evropy* [Nomadic tribes in the steppe zone of Eastern Europe]. In: *Ocherki istorii SSSR: Krizis rabovladel'cheskoy sistemy i zarozhdenie feodalizma na territorii SSSR. III-IX vv.* [Essays on the history of the USSR: the crisis of the slave system and the emergence of feudalism in the territory of the USSR. The third – ninth centuries]. Moscow: USSR AS Publ., 1958, pp. 551-569.
24. Agathiae Myrinaei. *Historiarum libri quinque. Ιστοριων*. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1828. XXXVII, 420 p.
25. *Vizantiyskie istoriki* [Byzantine historians]. Translated from Greek by S. Destunis. Ryazan: Aleksandriya Publ., 2003, pp. 229-335.
26. Chichurov I.S. *Vizantiyskie istoricheskie sochineniya* [Byzantine historical writings]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 215 p.
27. Bagratuni Pseudo-Shapuh. *Istoriya anonimnogo povestvovaniya* [A story of the Anonymous Story-teller]. Baku: Armenia SSR AS Publ., 1971. 238 p.
28. Theophylacti Simocattae. *Historiae*. Lipsiae: I Aedibvs B.G Tevbneri, 1887. XIV, 438 p.
29. Movses Kaghankatvatsi. *Istoriya strany Aluank (v 3-kh knigakh)* [The History of the Country of Aluank. In 3 books]. Translated by Sh.V. Smbatian. Yerevan: Matenadaran Publ., 1984. 257 p.
30. Al-Kufi Abu Mukhammad. *Kniga zavoevaniy (Izvlecheniya po istorii Azerbaydzhana VII-IX vv.)* [Book of conquests (Abstracts from Azerbaijan history of the 7th–9th centuries)]. Translated from Arabic by Z.M. Buniyatov. Baku: Elm Publ., 1981. 84 p.
31. Ghevond Vardapet. *Istoriya khalifov* [History of the Caliphs]. Translated from Armenian by K. Patkan'yan. St. Petersburg: Imperial AS Publ., 1862. [2], XII, 165, [3] p.
32. Vardan the Easterner. *Vseobshchaya istoriya* [General history]. Translated by N. Emin. Moscow: Lazarev Institute of Eastern Languages Publ., 1861. 218 p.
33. Komar A.V. *K diskussii o khronologii rannesrednevekovykh kochevnicheskikh pamyatnikov Srednego Povolzh'ya* [On discussion of the chronology of the early medieval nomadic monuments of the Middle Volga]. In: *Kul'tury evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy mezhetnicheskikh kontaktov mezhkul'turnogo vzaimodeystviya)* [Cultures of the Eurasian steppes in the second half of I millennium BC (questions of interethnic contacts of intercultural communication)]. Samara: Ofort Publ., 2010, pp. 169-199.
34. [Mohammed-Avabi Aktashi]. *Tarikhi Derbend-name*. Translated by M. Alikhanov-Avarskogiy. Tiflis: Tip. Ya.I. Libermana Publ., 1898. 192 p.
35. Ibn Khordadbeh. *Kniga putey i stran* [Book of roads and countries]. Translated from Arabic by N.M. Velikhanova. Moscow: Nauka Publ., 1986. 527 p., maps.
36. Gmyria L.B. The acquired motherland in the notion of the Nomads of Littoral Daghestan (IV-VII)**.** *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 18, pp. 111-118. (In Russian).
37. Al-Garnati A.Kh. Puteshestvie Vostochnuyu i Tsentral'nuyu Evropu (1131-1153 gg.) [Travel to Eastern and Central Europe (1131-1153)]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 136 p.
38. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII-XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th-14th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 246 p.
39. Fakhrutdinov R.G. *Ocherki po istorii Volzhskoy Bulgarii* [Essays on the history of Volga Bulgaria]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 216 p.

Received:

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 126–132 DOI: 10.17223/15617793/383/19

УДК 94(510).093

Н.В. Турушева

СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В КНР

Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Рассматривается развитие китайской литературы в эпоху реформ, анализируются новые литературные течения. Автор показывает, что в современной китайской литературе прослеживается отражение всех социальных процессов, которые происходят в китайском обществе после 1978 г., а также выявляет регулирующую роль КПК по выделению «приоритетных» художественно-литературных направлений. Дается оценка процессам, связанным с переориентацией литературы в сторону рынка и открытостью внешнему миру, что привело к их частичной деполитизации.

Ключевые слова: «литература шрамов»; «литература поиска корней»; «литература реформ»; культурный рынок; коммерциализация; КПК.

Развитие литературы в период реформ и открытости определялось, прежде всего, культурной политикой КПК. В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. тема «культурной революции» была лейтмотивом творчества многих китайских писателей. Литература, получившая название «литература шрамов», описывала ужасы и страдания во время «десятилетних бедствий» и резко обличала маоизм. Примерами таких произведений являются рассказ Лу Синьхуа «Шрам», повести Лю Синьу «Жезл счастья», Шэнь Жуна «Средний возраст», Фэн Цзицая «Крик» и т.д. Вместе с тем печать уже тогда положительно оценивала тех писателей, которые в своих произведениях стали уделять больше внимания сохранению национальной специфики. Их противопоставляли авторам, начавшим подражать «западным модернистам». Для того чтобы красочней изображать новую атмосферу в стране, им рекомендовали творчески использовать десятилетиями пропагандируемый лозунг «ставить иностранное на службу Китаю, ставить древнее на службу современности».

Эта тема звучит в романе Мо Инфэна «Песня о генерале» (1980 г.). Роман описывает разные судьбы трех генералов, которые оказались по разные стороны баррикад во время «культурной революции». Главный герой – командир соединения военно-воздушных сил, выступив против «банды четырех», попал в тюрьму, потерял семью, но остался верен идеалам революции. Противостоять сторонникам «четверки» ему помогает его друг детства, политкомиссар, который так и не решился в открытую отстаивать справедливость. Роман получил премию Мао Дуня. Автор романа «В долине лотосов» Гу Хуа описывает китайскую деревню 50–70-х гг. XX в. Сюжет разворачивается вокруг героини, которая вела мелкую торговлю на рынке, смогла заработать деньги на новый дом, за что была зачислена в «новые кулаки» и разорена. Ее муж покончил жизнь самоубийством. Но справедливость восторжествовала: по окончании «культурной революции» ее реабилитировали, а виновных наказали.

К середине 80-х гг. многие прогрессивные литераторы старались не просто реалистично описать ужасы недавнего прошлого, а проанализировать явления, сохранившиеся в китайском обществе, которые мешали движению страны вперед. В это время наблюдался расцвет художественной публицистики. Этот новый для китайской литературы жанр вызывал большой интерес у читателей, т.к. впервые за долгие десятилетия писателям была предоставлена возможность затрагивать недоступные им ранее темы, говорить правду о тех проблемах, которые они наблюдали в современном Китае. Среди публицистов ярким представителем был писатель Лю Биньянь. В своих очерках он стремился не только описать сложные процессы, которые протекали в стране, но и найти причины, тормозящие ее «здоровое» развитие. Причины эти он видел в коррупции административных и партийных должностных лиц, пришедших к власти в годы «культурной революции». Именно они, по мнению Лю Биньяня, все еще противятся новому курсу, направленному на улучшение жизни народа, и препятствуют созданию благоприятной среды для проведения модернизации в Китае [1. С. 353]. В документальной повести «Люди и оборотни» («Жэньяо чжицзянь»), в очерке «Вечные заслуги, вечные грехи» (в соавторстве с Юй Итаем) и других произведениях автор ярко проиллюстрировал, что все еще сильны установки и лозунги «культурной революции», которые помогают некоторым кадровым работникам, творить беззаконие и самоуправство.

Со временем направление «литература шрамов» сменилось новым – «литературой размышлений». Это свидетельствовало о том, что китайское общество постепенно приходило к более спокойному осмыслению своего прошлого. Авторы стремились к описанию исторических процессов в стране, к отражению жизни реального человека и его судьбы. Ярким примером «литературы размышлений» являются произведения Ван Мэна. С ходом преобразований в китайском обществе «обличительный энтузиазм» перестал соответствовать текущим идеологическим нуждам. К середине 1980-х гг. в литературе критика «культурной революции» утратила свою остроту, а на первый план вышли пропаганда «четырех модернизаций» и создание нового образа социалистического человека периода реформ. Это, например, роман Чжан Ци «Реформатор», («Гайгэчжэ», 1983 г.), повесть Цзян Цзылуна «Симфония кухонной посуды» и т.д.

В литературе проблема «абстрактного», или «буржуазного», гуманизма стала подниматься еще в начале

1980-х гг. Он противопоставлялся социалистическому, революционному гуманизму. В центре критики оказались повесть Чжан Сяотяня «Зелена трава в степи» и роман Дай Хоуин «О человек, человек» (1981). Им поставили в вину утверждение, что общечеловеческие ценности, а не классовая и революционная борьба становятся оружием, способным победить врагов и двигать социальный прогресс, а также пропаганду «буржуазного гуманизма и индивидуализма» [2].

В середине 1980-х гг. стала набирать популярность так называемая «литература поиска корней», в которой слово «корни» (*бэнь*) символизировало национальные культурные традиции. Основными представителями данного течения считаются Дэн Юмэй, Ван Цзеэнци, Чжан Чженчжи, А Чэн, Чжэн И. Авторы активно использовали народные легенды и предания, чтобы через такую литературу продемонстрировать особенности традиционных представления китайцев о добре, о красоте, передать их вечную ценность. Или восхваляли «первобытную жизненную силу», которая помогает выживать в суровых природных условиях. Другой характерной чертой литературы этого периода были обвинения, предъявляемые к «Движению 4 мая» 1919 г., якобы прервавшему культурную традицию. В своих произведениях многие писатели идеализировали патриархальный уклад жизни и архаичные нравы, которые еще сохранились в глубинных и окраинных районах Китая. Критики же указывали молодым писателям на то, что культурная традиция неоднородна, она неразрывно связана с пережитками феодализма. Им напоминали, что «культурная революция» тоже была порождением деспотичной и аскетичной феодальной культуры. Поэтому молодым авторам рекомендовалось базироваться не только на национальной специфике, но и на культурных реалиях других стран [3].

К концу 1980-х гг. на смену «литературе поиска корней» пришло течение «новой деревенской прозы», особенностью которого был насыщенный местный колорит, описание персонажей – деревенских жителей – через особенности их культурного и психологического склада. Темой произведений этого направления были демонстрация разницы между бурным развитием города и отсталостью деревни, взаимоотношения между культурной традицией и новыми явлениями современного развития Китая. Анализируя тенденции развития «литературы нового периода» за первое десятилетие (1976–1986 гг.), глава Института литературы АОН Китая Лю Цзайфу выделил следующие ее особенности. Во-первых, «современный реализм» в китайской литературе уже не было «закрытой системы» и теперь включал в себя «мистический», психологический и структурный реализм, что отражало одновременное развитие реализма с иными, нереалистическими творческими методами [4. С. 205]. Во-вторых, писатели уже не составляли некую «общность», а старались находить собственную манеру письма, создавать свой стиль и раскрывать индивидуальность. Третьей особенностью являлось снижение роли исторического фона, соотнесенности героев с тем или иным классом. В-четвертых, стали наблюдаться явления лексической и синтаксической трансформации в языковой структуре произведений, на основе чего «может возникнуть жизнедеятельная современная языковая система, соответствующая духу новой эпохи». В-пятых, литература этого периода связана со становлением идеи социалистического гуманизма, которая отвечает и интересам развития китайского общества, и потребностям развития литературы, но этот процесс необходимо «защищать от неправильных интерпретаций и нападок» [4. С. 205]. Во многом на такое развитие литературы повлияло выступление Ху Цили на IV съезде Союза китайских писателей (СКП) 29 декабря 1984 г., в котором писателям была дана «небывалая свобода» действий [5].

На протяжении долгого периода «литература о реформах» считалась главной темой творчества китайских писателей, при этом акцент делался на практическом воздействии таких произведений. Например, литературовед Чжу Вэньхуа считал подобную литературу «идеологическим материалом» для руководителей страны, на основе которого они могут вырабатывать новые установки. По его мнению, многие произведения помогали понять, «как ныне действующая экономическая система препятствует развитию производительных сил, как существующая кадровая система не способствует выявлению и использованию талантливых людей, как нынешняя финансовая система сковывает хозяйственную работу, как неправильный стиль работы партии вредит и мешает четырем модернизациям» [4. С. 249].

Несмотря на появление произведений о достигнутых успехах и положительном опыте реформ в городе и в деревне (У Миньминь «Городские размышления», Мэн Сяоюнь «Иная жизнь»), большинство авторов обходились «агитацией» за реформы или отражали субъективную реакцию героев на процесс преобразований. Выше оценивались произведения тех авторов, в которых исследовались метаморфозы, происходившие в национальной психологии и традиционном мировоззрении в связи с практикой осуществления реформ, которые в какой-то мере тормозили их независимо от воли человека. Чтобы передать изменения, происходившие в образе мыслей людей, писатели старались уловить связи между прошлым и настоящим. Появлялись произведения, охватывающие долгий временной промежуток – несколько десятков лет, именно для того, чтобы проследить, как социально-психологическая атмосфера, сложившаяся в Китае в период недавних исторических катаклизмов, отразилась на характере и психологии человека.

Примером таких произведений может служить роман известного писателя Ван Мэна «Подвижные фигурки». Описываемые события происходят в годы японской оккупации. Замысел автора был в том, чтобы попытаться выявить корни исторических событий. Он видел их, прежде всего, в феодальной системе ценностей и бессилии прослойки интеллигенции, тяготеющей к западной культуре. В центре сюжета одна пекинская семья, которая замкнута в собственном мирке и живет своими мелкими заботами и личными страстями. Члены ее полностью безразличны по отношению к внешнему миру, не имеют четких убеждений и не способны на самостоятельные поступки. Они полностью зависимы от воздействующих на них внешних сил.

Таким образом, перед китайской литературой была поставлена новая задача объективного исследования национальной психологии китайской нации. Развернулась дискуссия о том, каким образом сформированная тысячелетиями национальная китайская психология (также употреблялся термин «культурпсихология») влияла на новые для китайского общества процессы, вызванные модернизацией и реформами. Для одних авторов некоторые черты национальной психологии являлись причиной медленного продвижения реформ, другие же считали, что при умелом использовании они являются положительным фактором. Молодые писатели порой неумело и неуверенно пытались в своих произведениях рассуждать о природе человеческой психики, о проблемах внутренней жизни личности и межличностных отношений. Постепенно на смену тусклым произведениям в стиле социалистического реализма пришли произведения, в которых описывалась внутренняя борьба между чувством и долгом, фантазией и реальностью; о духовных исканиях людей, которые на себе испытали разрушительное воздействие недавних политических катаклизмов.

Среди этих авторов выделялся тогда еще молодой писатель Мо Янь. В его произведениях народные верования смешивались с исторической реальностью, они насыщены необычными, яркими образами. Он умело расширял границы «реализма» и «историзма». По мнению Говарда Гольдблатта, за последнее время ни один китайский писатель не внес большего вклада в представление о месте Китая в истории или в переоценку китайского общества в прошлом и настоящем, чем Мо Янь [6].

В 1986 г. в третьем номере журнала «Народная литература» была опубликована повесть Мо Яня «Красный гаолян» («Хунгаолян цзяцзу»), которая стала «прорывом» в китайской литературе 1980-х гг. Сюжет раскручивался вокруг девушки Цзюцзи, которую выдали замуж за богатого старика – хозяина винокурни. Она влюбляется в носильщика паланкина Юй Чжаньао. Больного проказой старика убивают, и винокурня переходит к Цзюцзи и Юю. Но уклад их деревни нарушается вторжением японцев. Защищая свое гаоляновое поле, Юй и Цзюцзи, как и все жители деревни, погибают, остается в живых лишь их 9-летний сын. Хотя «Красный гаолян» отвечал настроениям китайского общества, в котором зарождалось новое мышление, для которого стало характерным стремление к свободе и демократии, он вызывал недовольство «консерваторов», находившихся у власти.

Рассматривая развитие литературы во второй половине 80-х гг., следует отметить, что достаточно либеральный подход китайских властей к вопросам печати выразился в появлении большого количества новых изданий и частных книжных и журнальных киосков. Теперь книжным издательствам и магазинам не надо было следовать установкам Отдела пропаганды ЦК КПК, определявшего принципы содержания литературных произведений. В результате полной неразберихи в вопросах идеологии, сложившейся в 80-х гг., и отсутствия четких принципов, определяющих содержание печатной продукции, книжные издания получили беспрецедентную свободу. К сожалению, большую часть китайской литературы составляли издания, печатавшие низкопробные любовные, приключенческие и криминальные истории, рассчитанные на людей с неразвитым эстетическим вкусом. Хотя содержание этих произведений мало способствовало строительству «социализма с китайской спецификой», однако смогло в 1986 г. принести китайской печатной индустрии 300 млн юаней чистой прибыли [7. С. 108].

Ситуация требовала принятия срочных мер. В 1987 г., чтобы противостоять развитию низкопробной продукции, а также нежелательным формам художественного творчества, ЦК КПК издал директивный документ, на основании которого Главное управление по делам печати и изданий должно было провести перерегистрацию всех газет и периодических изданий. Кроме того, он предполагал ужесточение правил деятельности издательств и принятие санкций против их нарушителей. В одной только провинции Гуанси к началу весны 1987 г., под предлогом «урегулирования и перерегистрации» прекратили свою деятельность 39 изданий [Там же. С. 238]. Однако несмотря на предпринимаемые меры, нелегальная продукция продолжала выпускаться. Как видно, меры, направленные на то, чтобы сдержать рост нелегальной и «нездоровой» продукции, не достигли своего результата. Однако они предоставили шанс органам пропаганды вернуть под свою опеку вышедшую из-под их контроля ситуацию в литературе.

Самые крутые перемены в развитии китайской литературы произошли после событий на площади Тяньаньмэнь в мае – июне 1989 г. В литературной среде начались чистки среди тех, кто был замечен среди участников демократического движения. Многих писателей не выпускали за границу для участия в различных международных конференциях, их книги были занесены в черные списки или сняты с продажи. Среди них были писатели Ван Мэн, Чжэн И, Бай Хуа, Кэ Юньлу, публицисты Жэнь Ванди и Ван Жован, сценарист Ван Лусян, критик Лю Сяобо, историк Бао Цзунсинь и многие другие. Некоторым известным писателям пришлось покинуть страну. Так, литературовед Лю Цзайфу (бывший директор Института литературы АОН КНР), публицист Лю Биньянь, критик Ли До, писатели А Чэн, Лао Гуй, Дай Хоуин, писательница Чжан Цзе оказались в США. В Новую Зеландию уехали поэты Ян Лян и Гу Чэн, а Ма Цзян – в Сянган.

В результате на место прогрессивных писателей и литературных деятелей пришли радикальные маоисты и армейские писатели. Так, литература, которая сложилась за прошедшие 10 лет реформ и которую до событий на Тяньаньмэнь власти характеризовали как «наглядное проявление расцвета культуры в Китае», превратилась в «дьявольское орудие распространения западного влияния», а сами писатели и их читатели были отнесены к «попавшим в ловушку модернизма, психоанализа, экзистенциализма и других сомнительных веяний» [8. С. 84]. Таким образом, литературная жизнь постепенно возвращалась к начальному этапу реформ, когда проблемы творчества требовали политического решения. В начале 1990-х гг. проявились специфические трудности дальнейшего развития китайской литературы. Из-за сложностей, связанных с кон-

куренцией на рынке, уровень жизни писателей стал снижаться, они явно проигрывали литераторам Тайваня и Гонконга в борьбе за китайского читателя.

В печати вновь была поднята проблема «социалистической культуры с китайской спецификой», отличительные признаки которой сводились к известным лозунгам «пусть расцветают сто цветов» и что литература и искусство должны «служить народу, служить социализму». То есть главным в литературе признавались не поиск и применение форм национальной китайской литературы, а умение сочетать теорию марксизма с китайской действительностью.

В 1992 г. новым явлением, впервые возникшим в китайской литературе, стала тема жизни китайцев за рубежом. Широкий рыночный успех у аудитории получили такие произведения, как «Китаянка на Манхэттэне» писательницы Кэ Янь (тираж составил свыше 500 тыс. экземпляров), «Шанхаец в Токио» писателя Фань Сянда. В этих произведениях авторы отнюдь не стремились приукрасить действительность за границей. Китайские литераторы не обошли вниманием и своего ближайшего соседа – Россию. В связи с развитием приграничной торговли между российскими и китайскими городами китайские писатели попытались отразить в своих работах новые для двух стран явления. Например, в очерках Хоу Сюфэня «Благовещенские сбытчики» и Пэн Цзяньмина «Простой китаец в России» описывалась жизнь китайских коммерсантов в России. Теме «китайцы за границей» удалось вызвать читательский спрос. На этой волне возникло отдельное литературное направление – творчество обучающихся за рубежом китайских студентов, писавших о своей жизни вне китайского общества и китайской культуры.

В условиях культурного рынка и тематического многообразия особое место в литературоведческой среде занимало обсуждение проблемы постмодернизма и неореализма. Так, исследователь Хуан Личжи считал, что вследствие появления в Китае постмодернистской потребительской культуры возникла «литература потребления», ее основными чертами он называл «отсутствие углубленности, рассеяние смысла и утрату индивидуальности» [9. С. 43–53]. К постмодернистской литературе китайские критики причисляли творчество таких писателей, как Юй Хуа, Ма Юань, Гэ Фэй и т.д.

К особенностям неореализма в китайской литературе критика относила те произведения, в которых большее внимание уделялось не воспитательной стороне сюжета, а их занимательности, яркому изложению, отсутствию готовых оценок автора. Если одни критики отмечали, что, углубляясь в повседневную жизнь обычного человека «из низов», представители неореализма передавали ценность человеческой жизни, то другие считали, что этих авторов характеризует «приземленность» и желание сделать акцент на темных сторонах действительности. Одним из ярких писателей-неореалистов считается Су Тун. В этот период «социально-проблемная» проза довольно активно развивалась в жанре рассказа и повести. Примером может послужить повесть Чжан Синь «Эпоха наживы». В ней рассказывается, как представители творческой интеллигенции пытаются найти свое место в условиях рыночных отношений, как они безуспешно пробуют примерить на себя роль бизнесменов.

Кардинальные политические и экономические перемены не могли не влиять на изменения в обществе, и особенно на углубление противоречий между потребностями одного поколения и желаниями другого. Этот процесс ярко описал Юй Хуа в своем рассказе «Их сын». Автор рассказывает о семье, где пожилые родители – небогатые люди, которые проработали всю жизнь, привыкли экономить на всем, отказывать себе в простых радостях. В то же время их сын – студент университета, живет в свое удовольствие и ездит домой на такси (в противопоставление этой ситуации Юй Хуа ярко описывает переполненные автобусы, на которых каждый день ездят старики). Этот короткий рассказ обнажил разрыв между поколениями, обиду и разочарование в прожитой жизни старшего поколения и стремление добиться лучшей жизни младшим поколением.

В конце 90-х гг. литературная жизнь КНР стала регулироваться жесткими рыночными реалиями. Произошло четкое разделение литературы на коммерческую и некоммерческую. После того как в начале 1999 г. был опубликован эротический роман Чжоу Вэйхуэй «Крошка из Шанхая», стало ясно, что китайская литература стала все более определяться запросами общества потребления. Этот роман произвел сенсацию в Китае. После перевода на английский язык он был причислен к международным бестселлерам. Однако в КНР его запретили за «декадентство и раболепие перед западной культурой». Несмотря на это, в Китае успели продать 110 тыс. экземпляров книг [10]. Одновременно с этим романом в Китае был так же запрещен роман Мянь Мянь «Конфетка» за ярко выраженное сексуальное содержание. Таким образом, хотя древняя закрытая традиция китайской эротической литературы в условиях массовой культуры превратилась в вульгарную, сексуальную литературную продукцию, она, однако, крайне популярна и гарантирует успех на рынке.

В первое десятилетие XXI в. ситуация продолжала сохраняться. Характеризуя положение в современной литературе, известный поэт и прозаик Хань Дун в своем выступлении в Эдинбургском университете (2009 г.) говорил о расколе в литературном мире КНР [11]. Не называя имен, он говорил о тех писателях, кто старается улавливать рыночные тенденции и выдавать бестселлеры, которые удовлетворяют потребности читателей в эмоциональной разрядке. Большинство их читателей – молодежь, но книги эти не просто плохо написаны – это пошлость. Он также выделил группу писателей, которые пишут для контролируемой КПК «системы». С официальной поддержкой они преуспели даже в условиях рынка. В то же время писатель считал, что как бы ни был вреден для литературы переход к рынку, у него есть и положительная сторона – только рынок достаточно силен, чтобы противостоять системе. И только небольшую группу писателей Хань Дун считал «надеждой» китайской литературы, которые спокойно занимаются своим делом «сами по себе», даже если о них мало кто знает. Многие литературные деятели и критики обеспокоены тем, что на Западе появился своеобразный брэнд – «Запрещено в Китае». Часть молодых авторов в своем творчестве начала следовать формуле, «если запрещено в Китае, значит, популярно на Западе». Агентство «Рейтер» приводит сло-

ва Чэнь Цзяньгуна, заместителя председателя Союза китайских писателей: «На Западе людей привлекают книги, которые запрещены в Китае, даже если литературный уровень этих произведений оставляет желать лучшего». Он также сетовал на то, что иногда в угоду иностранцам китайские авторы пишут так, чтобы их книги произвели шок и чтобы их запретили на родине [12].

Например, в 2008 г. в электронной версии газеты «Нью-Йорк таймс» был опубликован материал «Популярная литература в Китае», в котором Го Цзинмин был назван самым успешным китайским писателем[1]. Го Цзинмин, молодой писатель (1983 г.р.) – поп-идол китайской молодежи, пишущий о душевных терзаниях подростков и их образе жизни в современном городе. Он прославился не только своим творчеством, но и экстравагантным поведением. Например, мог шокировать публику, одевшись трансвеститом или выложив свои фотографии в полуобнаженном виде в своем блоге в Интернете. Его первый роман «Город грез» (2002 г.) разошелся тиражом 1,5 млн экземпляров. По словам автора, книга должна быть интересна «одинокому поколению китайских детей, выросших без братьев и сестер». Второй роман о жизни столичных студентов «Знаешь, сколько опало во сне лепестков…» (2003) вышел, по разным данным, тиражом от 300 до 600 тыс. экземпляров. Хотя выход книги сопровождался скандалом, связанным с плагиатом[2], автор не потерял своей популярности среди молодежи. В романе «Река печали» (2007 г.) он описывает историю о беременной студентке, которая была отвергнута обществом и покончила жизнь самоубийством.

Несмотря на то что иногда его произведения называют «конвейерной писаниной», в них все же отражаются проблемы современной китайской молодежи. Герои его романов – «маленькие императоры», так называют в Китае детей, выросших единственными в семье. Они готовы легко отказаться от духовности в пользу материальных ценностей. У писателя материализм, присущий молодому поколению, побеждает идеализм. Тема романа «Детская пора» – деньги, ради которых предается любовь. Когда Го Цзинмина спросили о любви в его собственной жизни, он ответил: «На это нет времени. Главное для меня – карьера» [13]. Хотя Го Цзинмин является признанным кумиром молодежи, однако есть люди, которые считают его идолом индустрии развлечений, а не писателем.

Молодым писателям кажется, что удачно выбранный стиль написания, а именно скандальность и эпатажность, могут привлечь внимание к произведению не только в Китае, но и за рубежом. Но власти обеспокоены тем, что это совсем не те авторы, в популяризации произведений которых заинтересован Китай – страна, которая стремится показать себя как быстро развивающаяся, современная, культурная держава с благоприятными условиями. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для общественности вопросы цензуры китайской литературы по-прежнему актуальны. Она, с одной стороны, помогает китайским авторам получить признание на Западе ввиду запрета на родине. Однако, с другой стороны, она мешает писателям поставить перед китайским читателем проблемы современности, открыто выразить свои взгляды на политические и социальные процессы, проходящие в своей стране.

На этом фоне ярко выделяется роман Цзян Жуна «Волчий тотем» (существует перевод «Тотем волка»), опубликованный в 2004 г. и быстро ставший популярным на Западе. Произведение подверглось официальной критике, его автора называли «либералом», «контрреволюционером», «предателем» и даже «фашистом». Власти были недовольны скрытым призывом Цзян Жуна к политической реформе, тем, что автор критически подошел к истории китайской цивилизации, охватив все ее периоды с древнейших династий до современных реформ. Углубляясь в историю страны, Цзян Жун приходит к мысли о том, что развитие Китая строится на противостоянии между оседлым населением – как их называет автор, «овцами» – и кочевниками – «волками», к которым он относит монголов. В качестве примера он приводит историю династии Тан, величие которой определялось равновесием между «волчьим» и «овечьим» началами, и династию Сун, где преобладали «овцы», которые за счет развития сельского хозяйства накопили несметные богатства, но пали под натиском чжурчженьской династии Цзинь [14].

Книга состоит из отдельных рассказов, объединенных общей темой, описывающей жизнь кочевников – скотоводов монгольской степи, имеющих глубокую связь с культом волка. В книге описываются события времен «культурной революции», когда группу городской молодежи отправили во Внутреннюю Монголию на «перевоспитание». Сюжет романа включает рассказ о молодом парне Чэнь Чжэне из Пекина, которого послали в монгольскую глубинку для работы пастухом. Там он влюбился в степную жизнь, пришел в восторг от волков, их смелого духа независимости и свободы. Скотоводов-монголов писатель часто наделяет «духом волка», им свойствен бойцовский характер, который они смогли перенять от волков, столь необходимый им для суровой жизни в степи. Тогда как китайцев он обвиняет в «овечьем» поведении. В интервью писателю Джастину Хиллу Цзян Жун объясняет: «У овцы отсутствует творческий подход и нет чувства свободы. В отличие от прямо противоположного духа индивидуальности и свободолюбия волка. Из-за того, что в Китае нет демократии, а китайцы остаются «овцами», мы подверглись жестоким страданиям и потерям в таких исторических эпизодах, как «культурная революция». Китайцам необходимо больше развивать в себе дух волка» [15].

Вместе с тем в романе поднимается тема ухудшения экологии, сравниваются отношение монголов к дикой природе, их любовь и преклонение перед ней и «прагматизм» китайских переселенцев, которые не ценят природу, ее красоту, нарушают экологическое равновесие, истребляя животных монгольских степей и губя степные пастбища. Автор возмущен тем, что тысячелетиями существовавшая экосистема была с легкостью уничтожена в течение всего одного десятилетия. Он пишет о том, что экологическая угроза нависла над всем миром и все страны должны сотрудничать в этом вопросе. Он называл свою книгу «уроком всему миру» [15].

Поскольку китайские писатели все же хотят писать для читателя, который находится внутри их страны, они вынуждены в скрытой форме доносить до него волнующие его вопросы, затушевывать «неудобные» для властей темы. Хотя система цензуры сейчас жесткая не в такой степени, чтобы их книги исчезли с полок магазинов и не дошли до широкой аудитории, авторы хотят получить одобрение властей. Так поступил Ван Ган, написавший роман-бестселлер «Инглиш» о временах «культурной революции» в Синьцзяне. Полубиографический роман получил премию за лучший роман 2005 г. от издательства «Жэньминь вэньсюэ» и был переведен на английский язык. Автор описывает жизнь подростка, живущего в г. Урумчи, но мечтающего о больших городах, таких как Пекин и Шанхай. Он восхищается таким не похожим на всех учителем английского языка и изучает этот «волшебный» язык. К тому же мальчик, ханец по национальности, любит девушку «эрчжуанцзы»[3].

Иногда автора упрекают в том, что он не отразил некоторые характерные черты этого района Китая, связанные с жизнью национальных меньшинств – уйгуров и других тюркоязычных жителей Урумчи. Однако Ван Ганн, выступая на презентации английского издания этой книги, сказал, что сожалеет о том, что из-за цензуры не стал упоминать в ней о некоторых вещах, например, что «учитель английского языка в романе – миссионер» или «об этнических проблемах в Синьцзяне». Все же в романе довольно откровенно описан период «культурной революции». Свою «смелость» Ван Ган объясняет тем, что «чиновники больше не читают. Поэтому у книги и появилась возможность выйти в свет» [12].

Конечно, как и в других сферах развития современного Китая, в литературной сфере законы рынка берут свое. В результате в КНР теперь публикуются произведения, которые раньше запрещались ввиду своей «неправильности». В их числе книги Цзя Пинва, Мо Яня, Янь Лянкэ и др. Широкое распространение Интернет-литературы помогает молодым авторам заявлять о себе. Кроме того, власти начинают прилагать усилия по распространению китайской литературы за рубежом, участвуют в международных книжных выставках-ярмарках и предоставляют гранты на переводы. Один из таких примеров – создание журнала «Pathlight», версии «Жэньминь вэньсюэ» («Народная литература») на английском языке.

Таким образом, можно констатировать, что до начала реформ литература существовала в условиях «догматической культуры», подчиняясь административно-командным установкам. Утилитарная функция литературы была направлена на решение текущих идеологических задач, вследствие чего произошла ее примитивизация. Целью тогдашней политики КПК была унификация различных направлений в культурной сфере, чтобы создать в КНР общую «социальную культуру». В произведениях не должны были присутствовать личностные, психологические элементы – они должны были быть подчинены общей официальной догме. С началом реформ (1978 г.) политика КПК в сфере литературы была переориентирована в сторону рынка и открытости внешнему миру. Это привело к частичной деполитизации культуры, к снижению роли идеологических установок. Произошел перелом в отношениях между государством и создателем культурного продукта. Художник получил определенную свободу творчества и общественный авторитет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]China`s Pop Fiction [Electronic resource] // The New York Times. Electron. data. New York, 2008. NY. URL: http://www.nytimes.com/2008/05/04/books/review/King-t.html?scp=1&sq=aventurina&st=nyt (access date: 22.10.2010).
[2]Го Цзинмин был признан виновным в нарушении авторских прав пекинской писательницы Чжуан Юй.
[3]Так в Синьцзяне называют детей от смешанных браков между ханьцами и уйгурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Делюсин Л.П.* Китай в поисках путей развития. М., 2004.
2. *Гуаньюй* чанпянь сяошо «Жэнь а, жэнь!» дэ таолунь (Обсуждение романа «О человек, человек!») // Юйвэнь цзяосюэ юй яньцзю. 1982. № 9. Электрон. журнал «Уси». Электрон. дан. Пекин, 2010. URL: http://www.wuxizazhi.cnki.net/Article/YWJY198209027.html (дата обращения: 27.09.2013)
3. *Гуаньмин* жибао. 1986. 6 марта.
4. *Сорокин В.Ф.* Литература // Китайская Народная Республика в 1986 году. Политика, экономика, идеология. М., 1989.
5. *Жэньминь* жибао. 1984. 30 дек.
6. *Howard Goldblatt.* Mo Yan (1955–) Life and Death Are Wearing Me Out (2006) // The University of Oklahoma. Electron. data. URL: http://www.ou.edu/uschina/newman/Goldblatt.MoYanNominationStatement.Eng.pdf (access date: 22.05.2012).
7. *Shell O.* Discos and democracy: China in the throes of reform. New York, 1989. P. 108.
8. *Котова Р.И.* Политический климат и культура Китая на рубеже 90-х годов // От закрытого общества к открытому миру : сб. обзоров / сост., отв. ред. Я.М. Бергер. М., 1995. С. 129–131.
9. *Вэньсюэпинлунь.* Пекин, 1993. № 4.
10. *Вэй Хой.* «Крошка из Шанхая»: гедонизм нового поколения : Интернет-издание «Магазета». URL: http:// www.magazeta.com/chinese_books/2011/09/05/weihui/ (дата обращения: 16.10.2012).
11. *Han Dong.* New Words, New Roads: Chinese literature in the world // Paper Republic: Chinese Literature in Translation. Electron. data. 2009. URL: http:// www.paper-republic.org/authors/han-dong/ (access date: 18.04.2013)/
12. *Ben Blanchard.* Chinese writers fail to find global voice : Thomson Reuters. Electron. data. New York, 2009. N.Y. URL: http:// www.uk.reuters.com/article/2009/04/23/uk-china-literature-idUKTRE53M06620090423?sp=true(access date: 08.11.2013)
13. *Louisa Lim.* A pop idol writer for China`s New Generation / NPR. Electron. data. Washington, 2009. URL: http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=104569352 (access date: 17. 02.2011).
14. *Eric Abrahamsen*. Wolf at the door // Paper Republic: Chinese Literature in Translation. Electron. data. 2007. URL: http:// www.paper-republic.org/ericabrahamsen/wolf-at-the-door/ (access date: 17. 02.2013).
15. *Jiang* Rong: The hour of the wolf // The Endependent. Electron. data. London, 2008. URL: http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/features/jiang-rong-the-hour-of-the-wolf-798697.html (access date: 21.03.2012).

Статья представлена научной редакцией «История» 5 апреля 2014 г.

MODERN CHINESE LITERATURE AS A REFLECTION OF SOCIAL PROCESSES IN THE PRC

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 126-132. DOI: 10.17223/15617793/383/19

Turusheva Natalya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nv2rusheva@mail.ru

Keywords: "scar literature"; "literature of searching for roots"; "literature of reforms"; cultural market; commercialization; CPC.

In the late 1970s – early 1980s the "scar literature" or the "literature of the wounded" appeared in the PRC, in which an evaluation of the Cultural Revolution took place. The literature of searching for roots" and the "new village prose" appeared. The word "roots" (*ben*) symbolized national cultural traditions. In the 1980s the "literature of reforms" was the main topic in the creation of the Chinese writers. Most authors handled "agitation" for the reforms. But some progressive writers (Wang Meng, Mo Yan and others) attempted to express the changes taking place in the minds of people, tried to trace the connection between the past and present. They tried to understand how the social and psychological atmosphere in China affected human nature and psychology. Mo Yan's *Red Sorghum* became a breakthrough in the Chinese literature of the 1980s. After the events in Tiananmen Square in 1989 there were radical changes in the development of Chinese literature. Many authors who were accused of participating in the democratic movement were blacklisted. Their books were withdrawn from sale. As a result, radical Maoists and army writers substituted the progressive writers and literary figures. So literature activity began to depend on the political decisions. In the 1990s Chinese literary life was regulated by hard market realities. There was a clear division of literature into commercial and non-commercial. In the first decade of the twenty-first century many Chinese critics were concerned that a peculiar brand – "It is forbidden in China" – appeared in the West. Many young authors began to think that forbidden in China means popular in the West. We can see that the issue of censorship of Chinese literature is still relevant for the public. On the one hand, it helps the Chinese authors to gain recognition in the West. On the other hand, it prevents the writers to openly express their views on the political and social processes taking place in their country. *For example, Jiang Rong's novel Wolf Totem (2004) quickly became popular in the West. But in China, the novel was subjected to official criticism. He was called a "liberal", "counter-revolutionary", "traitor" and even "fascist". The authorities were dissatisfied with the hidden appeal of Jiang Rong to political reform and with the author's critical approach to the history of Chinese civilization, from the ancient dynasties to the modern reforms. Thus, we see that in the pre-reform period literature existed in the conditions of "dogmatic culture" and was submitted to the administrative-command settings. Then after the beginning of the reforms (1978) the policy in the field of literature was reoriented towards the market and openness to the outside world. This led to a partial depoliticisation of culture and a decrease of the role of the ideological attitudes. There was a change in the relations between the state and the creator of the cultural product. The artist received certain freedom of creativity and social authority.*

REFERENCES

1. Delyusin L. P. *Kitay v poiskakh putey razvitiya* [China in the quest for development]. Moscow, 2004.
2. Guan'yuy chanpyan' syaosho "Zhen' a, zhen'!" de taolun'. *Yuyven' tszyaosyue yuy yan'tszyu*, 1982, no. 9 Available at: http://wuxizazhi.cnki.net/Article/YWJY198209027.html. (Accessed: 27th September 2013). (In Chinese).
3. *Guan'min zhibao*, March 06, 1986.
4. Sorokin V. F. *Literatura* [Literature]. In: *Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1986 godu. Politika, ekonomika, ideologiya* [People's Republic of China in 1986. Politics, economy, ideology]. Moscow, 1989.
5. *People's Daily*, December 30, 1984.
6. Goldblatt H. *Mo Yan (1955-) Life and Death Are Wearing Me Out,* 2006. Available at: http://www.ou.edu/uschina/newman/Goldblatt.MoYanNominationStatement.Eng.pdf. (Accessed: 22nd May 2012).
7. Shell O. *Discos and democracy: China in the throes of reform*. New York, 1989.
8. Kotova R.I. *Politicheskiy klimat i kul'tura Kitaya na rubezhe 90-kh godov* [Political climate and culture of China at the turn of the 90s]. In: Berger Ya.M. (ed.) *Ot zakrytogo obshchestva k otkrytomu miru* [From a closed society to an open world]. Moscow, 1995, pp. 129-131.
9. *Ven'syuepinlun'*. Beijing, 1993, no. 4. (In Chinese).
10. Wei Hui *"Kroshka iz Shankhaya": gedonizm novogo pokoleniya* [Shanghai Baby: a new generation of hedonism]. Available at: http://magazeta.com/chinese_books/2011/09/05/weihui/. (Accessed: 16th October 2012).
11. Han Dong. *New Words, New Roads: Chinese literature in the world*. Paper Republic: Chinese Literature in Translation, 2009. Available at: http://paper-republic.org/authors/han-dong/. (Accessed: 18th April 2013).
12. Blanchard B. *Chinese writers fail to find global voice*. New York: Thomson Reuters, 2009. Available at: http://uk.reuters.com/article/2009/04/23/uk-china-literature-idUKTRE53M06620090423?sp=true. (Accessed: 08th November 2013).
13. Lim L. *A pop idol writer for China`s New Generation*. Washington, 2009. Available at:http://www.npr.org/templates/story/ story.php?storyId=104569352. (Accessed: 17th February 2011).
14. Abrahamsen Er. *Wolf at the door*. Paper Republic: Chinese Literature in Translation, 2007. Available at: http://paper-republic.org/ericabrahamsen/wolf-at-the-door/. (Accessed: 17th February 2013).
15. Jiang Rong. *The hour of the wolf*. London, 2008. Available at: http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/features/jiang-rong-the-hour-of-the-wolf-798697.html. (Accessed: 21st March 2012).

Received: April 05, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 133–137 DOI: 10.17223/15617793/383/20

УДК 930

Е.Р. Фендель

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ МИССИИ СРЕДИ АБОРИГЕННЫХ НАРОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Обращается внимание на сложности, с которыми сталкивается исследователь в рамках современной российской историографии при обращении к изучению вопросов православной миссии среди коренных народов Сибири. В поисках решения этих задач рассматриваются работы современных зарубежных исследователей, как общетеоретического характера, так и касающиеся вопросов православной миссии в Российской империи.

Ключевые слова: христианство; религиозное обращение; коренные народы; православные миссии; Сибирь; зарубежная историография; XIX в.

В начале 1990-х гг. открылись возможности введения в научный оборот богатых этнографических нарративов миссионерского наследия. Однако бума не произошло. С одной стороны, это объяснимо техническими причинами. Серьезное изучение миссионерских работ требует привлечения материалов, разбросанных по множеству центральных и региональных архивов, библиотек, что трудно осуществить вне исследовательской программы научной организации. С другой стороны, марксистская методология, не оказывая внешнего давления, продолжает сохранять свое влияние в качестве когнитивного ядра, тем самым ограничивая круг рассматриваемых проблем миссионерской деятельности.

Обращаясь к изучению проблематики истории православной миссии в Сибири, сталкиваешься с аксиомами из наследия советской историографической традиции: это отождествление государственной политики и миссионерской деятельности Русской православной церкви, отождествление этнической самобытности и традиционного религиозного сознания. Обе эти аксиомы возникли в дореволюционный период научной историографии и окончательно прописались в советской, соответствуя кругу вопросов, обозначенных марксистской методологией, а в настоящее время – и российской науке, что также связано с участием ученых-этнографов в национальном возрождении коренных народов Севера. Вместе с тем марксистская методология рассчитана на анализ макросоциоэкономических процессов, в рамках которых изучение этнографических нарративов сводимо к их интеграции в общероссийские научные инициативы (например Русского географического общества). При таком подходе исследователи противопоставляют научную и миссионерскую деятельности [1, 2].

Проблема, однако, заключается в том, что при всей разноплановости сибирских миссионерских нарративов в случае с работами по народам Среднего и Нижнего Приобья этот подход вступает в противоречие с их содержанием, которое отражает более сложную реальность, чем позволяет рассмотреть марксистская методология, тем самым оставляя в стороне индивидуальный уровень восприятия христианства, глубоко психологические методы миссии второй половины XIX в., учитывавшие повседневный круг жизни.

В 1970-е гг. на волне создания советской социальной истории этнографы актуализировали проблему изменений религиозного сознания коренных народов Сибири и Севера под влиянием христианства и ламаизма, обратив внимание на «пестроту в религиозных представлениях даже одной и той же группы» [3. С. 9]. Они привлекли к изучению проблемы достижения современной психологии – как инструмент интерпретации методов миссионеров [4. С. 79, 81]. Однако такая постановка проблемы, как и обозначенный подход, не получили развития в российской историографии. Между тем актуализация в научном дискурсе, поднятая российскими этнографами, была международной тенденцией. В 1988 г. на конференции «Обращение в мировые религии: исторические и этнографические интерпретации»[1] развернулась междисциплинарная дискуссия, апеллировавшая к богословам, религиоведам, социологам, историкам, антропологам [5. С. VII]. Диалог ученых ведущих англо-американских университетов был отражен в сборнике «Обращение в христианство: историческая и антропологическая перспектива великой перемены» [5]. Статья редактора сборника Р. Хефнера (R. Hefner) [6] стала программной в методологическом плане для ряда современных зарубежных исследователей [7. С. 100, 101; 8. С. 2]. Этот диалог примечателен. В отличие от России зарубежный академический дискурс включает, во-первых, теологические школы и университеты, во-вторых, массовых научные исследования в сфере религий, в том числе изучение современных процессов обращений, миссионерской деятельности различных конфессий в странах третьего мира [6. С. 3; 8].

Это обстоятельство обеспечивает связь практики с ее теоретическим осмыслением, миссиологическую обоснованность научных исследований: к 1980-м гг. было накоплено достаточно научных работ, свидетельствовавших о многообразных культурных формах восприятия христианства, что стало вызовом для католической традиции: «вопреки сущностным характеристикам своего значения, христианство показало замечательную способность принимать разные культурные оттенки в местных условиях»[2] [6. С. 5], особенно в условиях столкновения с распространением других христианских конфессий, ислама.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет о научном подходе к изучению религиозных обращений, построенном на широком сопоставлении, обеспеченном обратной связью с практикой исследований на всех континентах, а не на конфессиональном подходе. Сопоставление исследований христианских миссий различных конфессий позволяет выявить влияние того или иного конфессионального подхода [7. С. 109].

Зарубежные исследователи отмечают ключевое значение миссии в столкновении аборигенных сооб-

ществ с современностью [7. С. 100, 101]. В условиях, когда европейская цивилизация с ее христианскими корнями сама оказалась перед вызовом современности, а именно в условиях изменений, обусловленных переходом от индустриальных технологий к информационным, радикально повлиявшим на «формирование гомеостатической системы обычаев и норм в современном мире» [9], закономерным было появление вопроса о соотношении христианства и цивилизации, религиозного обращения и христианизации.

Р. Хефнер пишет о двойственном характере обращения. С одной стороны, оно означает принятие христианства, с другой – включение новообращенных «в более широкий социальный порядок» цивилизованного мира, что несет «не только технологические и политические трансформации традиционного образа жизни», но также «далеко идущие адаптации религиозной системы, идентичности и социальной этики» [6. С. 3]. Для того чтобы определить, что относится к сфере религии, а что к христианизации, под которой подразумевается «переформулирование социальных отношений и культурных значений и личного опыта в терминах предположительно христианских идеалов»[3] [Там же. С. 3, 4], Р. Хефнер предлагает рассматривать христианство как одну из мировых религий. Ключевой особенностью мировых религий автор называет способность к воспроизведению (трансляции) в разных культурах и разных эпохах: «…<политические> империи и экономические системы приходят и уходят, мировые религии остаются… Важным вопросом является почему… так происходит: это – вызов нашему пониманию “традиционных” и “мировых” религий… который заставляет нас размышлять над тем, как народ обращается из одной формы религии в другую и показывает, насколько глубоко религиозные изменения вовлечены в процесс становления современного мира» [6. С. 3]. Данный подход напоминает о необходимости сопоставлять деятельность миссий разных конфессий в том или ином регионе.

Возвращение к пониманию христианства как мировой религии означает отказ от отождествления христианства с европейской культурой, социальным порядком (евроцентризм) и от мифа о «монохромности примитивного». Из чего следует отказ от бинарной упрощенной модели категорий мировых и традиционных религий, обусловленных «мнимой рациональностью современного мира» и «иррациональным традиционализмом доиндустриальных обществ» [6. С. 4]. Таким образом, в целом речь идет о пересмотре односложных «линеарных моделей религиозной эволюции и обусловленной ими теории обращения» [6. С. 7], которая продолжает оставаться основой для аналитических построений в российской историографии. Столкновение с многообразием в формах выражении церковной жизни, обусловленным культурными особенностями того или иного народа, привело к постановке вопроса о необходимости привлечения междисциплинарного подхода, отказу фокусировать внимание преимущественно на индивидуальном опыте обращения и сфере психологии под влиянием католического акцента на личном спасении. Многообразие форм обращения представляется как результат широкого взаимодействия идентичности, политики, морали. Само обращение рассматривается как присоединение новых дополнительных идентичностей [7. С. 100].

Применение междисциплинарного подхода как наиболее соответствующего психологической, социальной, культурной, исторической сложности явления (речь идет об изучении социокультурного измерения) подразумевает рассмотрение обращения во взаимодействии индивидуальных и социальных процессов [6. С. 4]. Этот подход актуализирует ряд вопросов в сферах антропологии и социальных наук. Кросс-культурное изучение христианства как мировой религии актуализирует вопросы сопоставления многообразных форм обращений, разницы в мотивах принятия веры (от религиозных до прагматических, обусловленных удовлетворением потребностей «здесь и сейчас»), степени обращения народа; сравнительного изучения христианства в диахронной перспективе, влияния исторического развития христианства на формирование современного мира, универсальных характеристик в развитии религии, этики и власти среди культур, объединенных обращением в ту или иную мировую религию. Одним из важных направлений исследований является сопоставление мировых и традиционных религий с учетом разнообразия форм религиозных верований, которые входят в семью так называемых «традиционных» религий. В качестве наиболее очевидного различия Р. Хефнер называет способность только нескольких религий к трансляции во времени и пространстве [Там же].

При изучении миссионерства в рамках социальных наук этот подход предполагает отказ от отождествления религиозного учения и социальной организации. Оно включает такие темы, как исследование природы мировых религий и источника их социальной власти, способности этих религий включать народы с собственным устоявшимся образом жизни в цивилизованный социальный порядок, а также рассмотрение этой способности как функции, обусловленной связью мировых религий с имперской или авторитарной властью, роли «колонизации сознания». Р. Хефнер также задает вопрос, представляющий интерес с точки зрения изучения аборигенных народов Сибири: «воплощают ли христианство и другие мировые религии культурную логику, уникально адаптированную к вызовам цивилизованного макрокосма?» [6. С. 5]. Со времени конференции количество исследований, авторы которых обращались к этим вопросам в самых разных частях мира, значительно возросло. Слова антрополога С. Каплана (S. Kaplan), сказанные относительно Эфиопии, можно отнести к большинству из них: «...на самом деле в основе практически всех исследований по обращению лежит многообразие сопоставлений» [7. С. 99]. Однако каждый регион раскрывает свой спектр исследовательской проблематики.

Авторы сборника «Религии и империи: миссии, обращение и терпимость в царской России» рассматривают проблемы религиозного обращения в Российской империи [9]. В качестве ключевой особенности миссии исследователи отмечают исключительную вовлеченность государства в духовные дела, которую они обу-

словливают географическим и административным включением территорий с аборигенными народами в состав государства и их равноправным статусом в качестве объектов государственной политики (включая религиозную). Это обстоятельство обусловило уникальность миссионерского поля деятельности [9. С. 3].

Вместе с тем в целях объективности исследования редакторы сборника оспаривают «все еще традиционное ошибочное допущение, что Русская Православная Церковь была только одним из многих учреждений под государственным управлением и не имела независимости или инициативы» [9. С. 4]. К дискуссии привлекаются работы таких зарубежных исследователей, как Г. Фриз (G. Freeze), П. Уолдрон (P. Waldron) [11, 12].

Специалист по русской церковной истории Г. Фриз аргументирует, что «хотя процесс <церковных реформ Петра I> условно описывается как “секуляризация церкви”, более подходящим будет назвать его “спиритуализацией”, систематическим и осознанным исключением церкви из светских вопросов и ограничением строго “духовными” делами». Сохранение структурной раздельности церкви как особой «церковной» области при сокращении политического влияния означало главным образом, с точки зрения автора, монополию в сфере деятельности, в которую входили литургия, миссии, образование и религиозная мысль, духовные дела православных граждан [9. С. 4; 10. С. 89, 90].

П. Уолдрон дополнительно включает религии меньшинств, назвав «треугольником» взаимоотношения между православной церковью, русским государством и религиями меньшинств [9. С. 5, 6; 12]. Подход исследователя потенциально позволяет дифференцировать использование государством миссии в качестве одной из стратегий политической и социокультурной интеграции империи, причем не самой приоритетной, и самостоятельную миссионерскую деятельность Русской православной церкви [9. С. 6, 7].

Эта модель также обращает внимание на необходимость отслеживания процессов взаимодействия на уровне религиозных меньшинств – как наименее изученных. В условиях Российской империи, где религиозная идентичность, по мнению редакторов сборника, тесно переплеталась с другими идентичностями, подобное изучение открывает возможность понимания механизмов трансформаций религиозных сообществ.

Они отмечают, что в поликонфессиональных сообществах действуют как центростремительные, так и центробежные силы. С одной стороны, «гений <мировых религий> лежит в их необычайной способности отвергать этот мир и возвещать о другом, более несокрушимом и истинном», принятие той или иной мировой религии перемещает «объединения, разобщенные по языку, традиции и региону в пределы большего сообщества…» [9. С. 2, 7]. С другой стороны, каждая из них притязает на абсолютную истину, что становится источником межрелигиозной розни. В результате столкновений мировых религий в Российской империи появилась историческая ассоциация каждой из них «с определенным кругом языков, традиций и регионов» [9. С. 2]. Однако не означает ли это, что в этом случае в рамках Российской империи православие сводится к русской религии, а обращение в него – превращается в русификацию, ислам – к татарской религии и обращение в него – к отатариванию?

Как пишут редакторы, столкновения становились источником институциональных, социальных, «и даже доктринальных» адаптаций, которые были наибольшим вызовом для аборигенных народов с их традиционными системами верований, которые в первую очередь являлись целью обращения в мировые религии [9. С. 2]. Кроме того, «несмотря на сомнительную эффективность попыток обращения, русские усилия выстроить религиозное единство империи часто оказывали глубокое влияние на подданные народы. Однако многие из наиболее важных последствий церковного и государственного вмешательства были непреднамеренными и косвенными… Даже если… сопротивление было успешным и культуры сохранялись… часто имели место важные социальные и культурные трансформации» [9. С. 8, 9]. Чтобы проследить обозначенные выше процессы (влияние миссии и государственной политики, столкновения общин, принадлежащих к разным конфессиям), необходим анализ того, как на повседневном уровне жизни религиозных общин осуществлялась государственная и церковная политика, какой была реакция общин на них, региональный контекст религиозных традиций [Там же].

Статья одного из редакторов сборника Р. Джераси «За границу или в Россию? Православные миссионеры в казахской степи. 1881–1917» является одной из наиболее соответствующих обозначенной выше программе [9. С. 274–310]. Автор обращается к теме православной миссии конца XIX – начала XX в. у казахов на территориях, приграничных с Центральной Азией, где существовала угроза политического отпадения местного мусульманского населения. Он рассматривает деятельность миссии в контексте таких факторов, как теория и практика российской миссии в XIX в., государственная политика по отношению к миссии, широкая миграция из Европейской России в Сибирь и Центральную Азию. Однако автор, отмечая существование разницы между государственной и церковной политикой, сводит православие к русской религии, при этом демонстрируя незнание отличительных его черт, таких, например, как традиции переводов на местные языки, объясняя это европейским влиянием [9. С. 276, 277, 310]. Православие он рассматривает как часть русского национально-имперского проекта, получившего выражение в теории официальной народности (1830-е – 1917 г.), как ее первостепенную основу, определявшую также русскую идентичность. Следовательно, принятие православия в качестве реальной, а не номинальной идентичности должно было способствовать принятию остальных сторон идентичности. Таким образом, миссия способствовала «трансформации прежних иноземцев в русских» [9. С. 279].

Между тем автор отмечает, что привлечение к рассмотрению проблемы вышеупомянутых факторов показывает разрыв между идеалами теории и ее практической реализацией, что наиболее рельефно отражает ситуация в приграничной зоне. Он показывает амбивалентность государственной политики по отношению к миссии среди мусульман в зоне, приграничной с Центральной Азией, где существовала проблема политиче-

ского отсоединения местного населения. И обращает внимание на то, что понятие единства «русского народа» при столкновении миссионеров с русскими мигрантами оказывалось «идеалом, а не реальностью» [9. С. 310], отмечая неопределенность идентичности русских и украинских мигрантов, казаков в приграничном районе по сравнению с местами их традиционного проживания. Автор показывает существование разных направлений в теории и практике русской миссии XIX в., связанных с именами Макария (Глухарева), Н.И. Ильминского, Е.А. Малова. Однако все они, по мнению Р. Джераси, вписывались в доктрину официальной народности. Вместе с тем, как отмечает исследователь, большое число сотрудников рассматриваемой миссии (многие из которых были нерусского происхождения) прошли миссионерскую подготовку в Казани, в том числе в учительской семинарии, созданной Н.И. Ильминским. Особенностью образования в последней было сохранение национальной идентичности: миссионеры «в большинстве случаев продолжали идентифицировать себя как другие, чем русские» [8. С. 286]. Участие в миссии представителей национальных меньшинств разрушает образ единой русской православной этничности, «враждебной к культурному многообразию» [8. С. 310].

Рассмотрение вышеозначенных факторов раздельно позволило реализовать обозначенную выше программу. В качестве основного источника Джераси привлек миссионерские нарративы, автором которых был миссионер инородческого происхождения, что позволило взглянуть на ситуацию глазами образованного православного инородца, отражавшего день за днем в дневниках свое восприятие миссионерской деятельности. По мнению Р. Джераси, противоречие между миссионерской деятельностью по обращению в русскую веру, которая способствовала русификации, и собственной национальной идентичностью («с русской биркой») создавало трудности для миссионеров из национальных меньшинств. Статья Р. Джераси показывает значение факторов контекста деятельности миссии. В частности, выявляет роль казанского центра по подготовке миссионеров, имевшего общероссийское значение, в привлечении в миссионеры инородцев, множественная идентичность которых была одним из путей трансформациям религиозных меньшинств. Вместе с тем, несмотря на стройную схему Р. Джераси и русификаторскую риторику Н. Ильминского [13. С. 153], возникает вопрос: возможно ли было русифицировать через обращение в православие народ, который приобрел православную самоидентификацию на языке собственной этничности?

Итак, актуализация в 1970-е гг. проблемы многообразия культурных форм восприятия христианства, ставшей особенным вызовом для зарубежной историографии, привела к пересмотру подходов к изучению вопросов религиозного обращения. Для понимания процессов обращения было предложено отказаться от односложных «линеарных моделей религиозной эволюции и обусловленной ими теории обращения», бинарной упрощенной модели категорий мировых и традиционных религий, а также ряда стереотипов, связанных с ней, таких как отождествление христианства и европейской цивилизации, отождествление этнической самобытности и традиционного религиозного сознания. Исследователи предлагают вернуться к пониманию христианства как одной из мировых религий, ключевой особенностью которых они называют способность к воспроизведению (трансляции) в разных культурах и разных эпохах.

При этом наиболее соответствует сложности предмета привлечение междисциплинарного подхода, который подразумевает рассмотрение религиозного обращения во взаимодействии индивидуальных и социальных процессов. При изучении проблем миссионерской деятельности в Российской империи ученые отмечают необходимость разграничить государственную и церковную политику по отношению к миссии, рассматривать процессы во взаимодействии государства, церкви и религиозных общин.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Conversion to World Religions: Historical and Ethnographic Interpretations».

[2] Здесь мы сталкиваемся с разницей между католической и православной традициями: «Православие развивало именно национальный аспект Церкви в каждом народе» [8. С. 255]. Р. Хефнер отталкивался от проблем католической традиции. Для консультаций при работе над сборником он привлекал миссиологов методистской теологической школы Бостонского университета [6. С. VII].

[3] Вероятно, речь идет о восприятии тем или иным народом христианства. См. прим. 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанова М.В.* И. Вениаминов как этнограф // Тр. Новая серия. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2. С. 294–314.
2. *Хорина В.В.* О роли православного духовенства в изучении Енисейской губернии (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Вестник ТГПУ. 2012. № 3. С. 30–35.
3. *Вдовин И.* Предисловие // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л. : Наука, 1979. С. 3–11.
4. *Кононенко В.А.* Христианизация малых народов Северо-Западной Сибири в конце XIX–XX вв. // Уч. записки, Тр. / Ленинградский гос. пед. ин-т. Л., 1972. Т. 524. Вып. 1. С. 77–85.
5. *Conversion* to Christianity : historical and anthropological perspective on a great transformation / ed. by Robert W. Hefner. University of California, 1993. URL: http://books.google.ru/books?id=pFl1UGuuvMoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false
6. *Hefner R.W.* Introduction: World Building and the Rationality of Conversion / Conversion to Christianity : historical and anthropological perspective on a great transformation / ed. by Robert W. Hefner. University of California, 1993. С. 3–46.
7. *Ethiopia* and the Missions. Historical and Anthropological Insights / edit. V. Böll et al. LIT Verlag Münster, 2005. 243 p. URL : http://books.google.de/books?id=R3gDX2OolioC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
8. *Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной Церкви. Переяславль : Изд-во Бр-ва во имя св. блгв. Князя Александра Невского, 1996. 656 с.
9. *Of religion* and empire: missions, conversion, and tolerance in Tsarist Russia / ed. by R. Geracy and M. Khodarkovsky. Cornell University Press, 2001. 356 p.
10. *Лем С.* Сумма технологий. URL: http://lib.ru/LEM/summa/summgl1.htm
11. *Freeze G.L.* Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia Reconsidered // The Journal of Ecclesiastical History. Vol. 36. Is. 01. January 1985. P. 82–102. URL : http: //journals.cambridge.org/abstract_S0022046900023964

12. *Waldron P.* Religious Toleration in Late Imperial Russia // Civil Rights in Imperial Russia / ed. by O. Crisp and L. Edmondson. Oxford, 1989. P. 103–119.
13. *Ильминский Н.И.* Письма Николая Ивановича Ильминского. Казань : Изд-во редакции Прав. собеседника, 1895. 414 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 мая 2014 г.

ON THE STUDY PROBLEM OF CHRISTIAN MISSIONS TO THE INDIGENOUS PEOPLES IN MODERN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 133-137. DOI: 10.17223/15617793/383/20
Fendel Elena R. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: efendel@yandex.ru
Keywords: Christianity; religious conversion; aboriginal peoples; orthodox missions; Siberia; foreign historiography; 19th century.

At the beginning of the 1990s the researchers received new resources that were aside because of the ideology reasons. We can find missionary narratives that were written at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries among them. They are rich in hard-to-get ethnography data. So a study boom might have been expected but there was none. There are two explanations. On the one hand, missionary narratives are situated in different archives across Russia. On the other hand, the Soviet ideology continues to influence and to frame study questions. But Marxist methodology analyses macro-socio-economic processes. Thus an individual perception of the conversion to Christianity, deep psychological mission methods of the second half of the 19th century, the everyday life cycle are aside. Whereas in the 1970s the subject of aboriginal peoples conversion to world religions was actualized in world scientific discourse (both Soviet and foreign, but the Soviet was not developed). Research people paid attention to cultural form diversity of perception of conversion. Cultural diversity of Christian church life became a particular challenge to foreign historiography. As opposed to the Russian study tradition the foreign scientific discourse includes theological schools and researching of modern processes of conversion to Christianity in developing countries. National diversity of newborn communities became a real challenge to the monolithic Catholic tradition which needed to be comprehended and gave rise to the world research "Conversion to World Religions: Historical and Ethnographic Interpretations" (1988). Collected articles were published after discussion. The researchers offered a number of measures to understand processes. Its editor R. Hefner generalized them. Among them were: to refuse linear models of religious evolution and conversion theory that was given by the model, the binary simplified model of the world and traditional religions categories and also quite a few stereotypes such as the identification and European civilization, ethnic identity ethnicity and a traditional religion. Researchers offered to return to the understanding of Christianity as one of world religions. They define their key feature as a capability to propagate throughout different cultures and different epochs. Researchers also offered to examine religious conversion interactively with individual and social processes. Application of an interdisciplinary approach is farthest in keeping with psychological, social, culture, historical complexity of phenomena (it concerns examination of the sociocultural dimension). Turning to the study of missionary activity problems in the Russian Empire researchers note that to study them better there is a need to differentiate state and church policies and the mission and to examine processes interactively with state and church policies and religious communities. They remark that "despite the questionable efficacy of conversion efforts, Russian attempts to engineer the religious uniformity of the empire often had profound influences on subject populations. However, many of the most important consequences of church and state intervention were unintended and indirect… Even when such resistance was successful and cultures survived,… important social and cultural transformation often took place". So, to study better different aspects of mission including missionary narratives it is necessary to refuse from linear religious evolution models and conversion theory and stereotypes that were created by the models, to use an interdisciplinary approach that takes into account all phenomena levels.

REFERENCES

1. Stepanova M.V. I. Veniaminov kak etnograf [I. Veniaminov as an ethnographer]. *Trudy Novaya seriya*, 1947, vol. 2, pp. 294-314.
2. Khorina V.V. About the role of the Orthodox clergy in the stufy of the Yenisei Province (last quarter of the 19th – beginning of the 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 3, pp. 30-35. (In Russian).
3. Vdovin I. *Predislovie* [Introduction]. In: *Khristianstvo i lamaizm u korennogo naseleniya Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Christianity and Lamaism of the indigenous population of Siberia (the second half of 19th – beginning of 20th centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1979, pp. 3-11.
4. Kononenko V.A. Khristianizatsiya malykh narodov Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XIX-XX v. [The Christianization of the small peoples of the North-Western Siberia in late 19th-20th centuries]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 1972, vol. 524, issue 1, pp. 77-85.
5. Hefner R.W. (ed.) *Conversion to Christianity: historical and anthropological perspective on a great transformation*. University of California, 1993. Available at: http://books.google.ru/books?id=pFl1UGuuvMoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.
6. Hefner R.W. *Introduction: World Building and the Rationality of Conversion*. In: Hefner R.W. (ed.) *Conversion to Christianity: historical and anthropological perspective on a great transformation*. University of California, 1993, pp. 3-46.
7. Böll V. et al. (eds.) *Ethiopia and the Missions. Historical and Anthropological Insights*. LIT Verlag Münster, 2005. 243 p. Available at: http://books.google.de/books?id=R3gDX2OolioC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.
8. Uspenskiy L. A. *Bogoslovie ikony Pravoslavnoy Tserkvi* [Theology of Orthodox Church Icons]. Pereyaslavl: Izd-vo Br-va vo imya sv. blgv. Knyazya Aleksandra Nevskogo Publ., 1996. 656 p.
9. Geracy R., Khodarkovsky M. (eds.) *Of religion and empire: missions, conversion, and tolerance in Tsarist Russia*. Cornell University Press, 2001. 356 p.
10. Lem S. *Summa tekhnologiy* [Sum of technologies]. Available at: http://lib.ru/LEM/summa/summgl1.htm.
11. Freeze G.L. Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia Reconsidered. *The Journal of Ecclesiastical History*, 1985, vol. 36, issue 01, pp. 82-102. Available at : http: //journals.cambridge.org/abstract_S0022046900023964.
12. Waldron P. *Religious Toleration in Late Imperial Russia*. In: Crisp O., Edmondson L. (eds.). *Civil Rights in Imperial Russia*. Oxford, 1989, pp. 103-119.
13. Ilminskiy N.I. *Pis'ma Nikolaya Ivanovicha Il'minskogo* [Letters of Nikolai Ilminsky]. Kazan: Izd-vo redaktsii Prav. Sobesednika Publ., 1895. 414 p.

Received: May 13, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 138–147 DOI: 10.17223/15617793/383/21

УДК 903.1

Л.А. Чиндина, Г.С. Вртанесян

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ «КАЛЕНДАРИ» СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Изложены результаты анализа и реконструкции календарных свойств изделий в виде колец и блях с орнаментальной и зооморфной счётной символикой, известных из археологических памятников культур раннего Средневековья Верхнего Прикамья, Урала и Западной Сибири. Выявлено использование различных схем расчета продолжительности годового календарного цикла. Более ранние варианты (Рёлка) основаны на сидерическом лунном месяце, в поздних (шахаровская и неволинская чаши, вычегодский кольцевой календарь коми) подобная схема сосуществует с годовым циклом в 360 дней. Выявлено применение интеркаляционных схем на основе числа 13.

Ключевые слова: календарное кольцо; лунный месяц; счёт времени; интеркаляция.

В мифологии архаических обществ время начинается с первотворения мира. Течение времени проходит в определённых ритмах взаимосвязи земли, неба, звёзд и людей. В разных культурных пространствах формируются динамичные системы счисления временных отрезков (календари). Возможность реконструкции представлений о счете календарного времени в дописьменных обществах исследователи ищут в археологических источниках. Обычно это дисковидные и кольцевидные изделия с числовой символикой разного вида, сочетающейся с изображениями антропоморфных и зооморфных существ. В археологических перечнях они значатся как «бляхи», «подвески», «пронизки», «зеркала», «кольца», «медальоны».

Опыт календарного прочтения подобных изображений из Верхнего Прикамья и Западной Сибири известен из работ Д.Л. Бродянского [1], Н.Д. Конакова [2], В.Е. Ларичева [3–5].

Авторы работы рассматривают изделия бронзовой пластики Северного Приуралья, Урала и Западной Сибири раннего Средневековья рёлкинской, поломской и ломоватовской культур (V–IX вв.) и начала формирования коми: перми вычегодской (вымская культура XI в.). Исследование основано на 6 типологически показательных бляхах, подвесках и пронизке из археологических памятников указанных регионов. Три из них («колесовидные») из культур Северного Приуралья изготовлены по орнаментальному шаблону и серийно представлены в памятниках: Варнинский, Агафоновский могильники, Хейбидя-Подарское святилище, Эшмесская, Канинская пещеры и др. (рис. 1, *1–3*) [6. С. 227; 7; 8 и др.]. Ещё три изделия сочетают в себе териоморфную, орнитоморфную и орнаментальную счётную символику. Первая – круглая пронизка с изображением на одной стороне личины «человека-совы» с «глазами» в виде кружочков с радиально расходящимися лучами. Фланкирована она двумя «серпами», края которых, заходя с боков, образуют «брови» (см. рис. 1, *4*). Вторая бляха – в виде кольца с меандрическим узором на поверхности, внутри изгибов которого размещаются полусферы. Кольцо в четырёх местах соединено «крестовиной» с центральной выпуклой полусферой, декорированной радиальными насечками, напоминая глаза «человека-совы». На пересечении крестовины с внешним кольцом есть розетки с косыми насечками по краям (рис. 1, *5*). По компоновке (сочетание внешнего и внутреннего кругов) оно близко к колесовидным подвескам ломоватовской культуры, но без приспособлений для подвески, и есть одна особенность – на внешней стороне кольца равномерно расположены 4 птицы-орла[1]. Оба изделия из могильника Рёлка Нарымско-Томского Приобья [9–11].

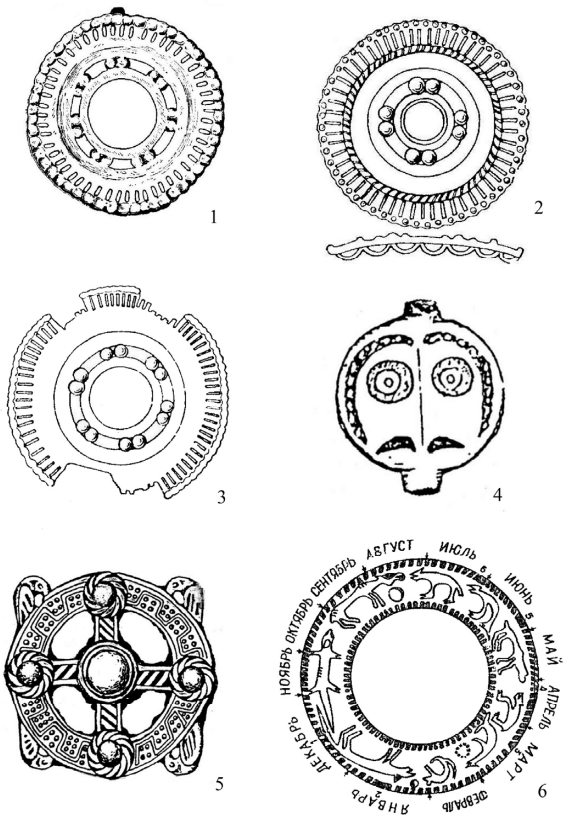


Рис. 1. Раннесредневековые «календари» Приуралья и Западной Сибири: *1* – Агафороновский могильник ломоватовской культуры (по: [6. Табл. XIX: *13*. С. 227]; *2, 3* – Варнинский могильник поломской культуры (по: [8. Табл. IV: *9, 11*]); *4, 5* – могильник Рёлка рёлкинской культуры (по: [11. Рис. 1: *2*. С. 261; 18. Табл. XCVIII: *6*. С. 346]; *6* – вычегодское кольцо вымской культуры (случайная находка) (по: [2. Рис. 2. С. 105])

Находки более поздних бронзовых кольцевых изделий (XI в. н.э.), сочетающих счётную символику с зооморфной, известны из Северного Прикамья. Наиболее заметная из них – бронзовое кольцо с изображением 9 животных и насечками на внешней и внутренней кромках (рис. 1, *6*). Оно найдено на Средней Вычегде и относится к вымской культуре. Внешний вид кольца и его календарные функции были рассмотрены Н.Д. Конаковым в ряде работ [2 и др.]. Само кольцо стало своеобразным логотипом археологии Республики Коми [12].

Календарный годовой цикл, опирающийся на характерные точки солнечной эклиптики, подразумевает повторяемость, завершённость и непрерывность, поэтому кольцо или диск – оптимальная форма для её выражения. Процедуры счёта, и времени в том числе, подразумевают предметность, поэтому изделия подобного рода, как правило, несут на себе счётные элементы, основными из которых могут быть следующие:

1. Насечки разной формы на выступающих частях изделий, самый древний и эффективный способ [13. С. 92–153]. Обычно они расположены по кромке в силу удобства нанесения и счёта.

2. «Декор» в виде выпуклых полусфер, известных с эпохи ранней бронзы [14. С. 192, 210, 218].

3. «Зубцы» и «волны» на внешней кромке изделия.

4. Регулярно (ритмично) расположенные отверстия (разной формы) на корпусе изделия.

У народов Сибири летоисчисление ещё в недавнем прошлом имело одну особенность. Годовой цикл соответствовал двум «годам»: тёплому («большое лето») и холодному («большая зима»), причём при счёте возраста приоритет отдавался зимам [15. С. 106]. Это традиция древняя, в Европе она также известна, по меньшей мере, с рубежа эр [16. С. 36]. Кольцевая форма календарных изделий – видимо, выражение идеи непрерывного циклического времени. Известна практика соотнесения сезонов года с зооморфными символами у народов Урала и Сибири (рыбы, лоси, медведи и т.д.) [17. С. 112–115], однако кольцевой формы календарного изделия она не предусматривает, определяя сезоны качественно и связывая их с периодами биологической активности (гон, нерест). Совместное появление зооморфной и числовой символики делает их дублирующими календарными знаковыми системами.

Наличие на кольцевом изделии счётных элементов в той или иной форме и зооморфных фигурок можно считать указанием на календарные функции. В этом случае число счётных элементов должно быть равным или кратным какой-либо природной единице времени. Это может быть лунный месяц или его часть, соотнесенная с фазой Луны, продолжительность сезона (зимы, лета), годовой цикл или более длительный промежуток времени. На изделие небольшого размера технически сложно нанести сотни счётных элементов. Кроме того, эффективная система учёта времени предусматривает возможность вставок (дней или месяцев) для выравнивания счёта времени по Луне и Солнцу. Решение проблемы видится в следующем: на изделие могут быть нанесены различные типы элементов. Часть из них (насечки) могут обозначать длительность выбранной базовой календарной единицы (дни), другие (выступы) – их число (месяцы), третья – календарные циклы или дополнительные дни для приведения в соответствие счёта времени по Луне и Солнцу. То есть для обеспечения максимальной компактности в них в полной мере должен был быть реализован принцип pars pro toto. Это не исключает и других алгоритмов для календарных расчётов.

Исчисление времени всегда имело характер сакрального знания, поэтому его реализация шла чаще всего по пути создания неких схем, доступных лишь узкому кругу посвящённых. Во второй, зооморфной, составляющей выбор животных-символов и соотнесение их с сезонами года возможно, по-видимому, лишь при соблюдении ряда условий. Особенности внешнего вида или поведения должны заметно отличаться от обычного, что имеет место при гоне, нересте и линьке. Кроме того, это должно совпадать по времени с экстремальными точками солнечной активности (солнцестояния) или фенологией (резким изменением погодных условий, в конечном итоге связанных с метаморфозами Солнца). И как правило, эти животные должны быть важными в жизнеобеспечении данного социума. Календарные изделия этого типа можно считать своего рода зооморфно-фенологическими «билингвами». При подсчитывании счётных знаков целесообразно вести учёт элементов раздельно, хотя использование одного и того же знака в разных счётных схемах исключить нельзя.

Круглые бронзовые литые изделия, сочетающие счетную и зооморфную символику, известны из находок в могильнике Рёлка одноимённой культуры VI–IX вв. в Томско-Нарымском Приобье. Основная часть бронзовой пластики Рёлки представлена зооморфными, орнитоморфными и комбинированными сюжетами [9. Рис. 35: *7*; 10. Рис. 21: *8*, 22: *6*; 18. Табл. XCVIII: *6, 18, 34, 36*]. На их фоне выделяются два изображения.

Одно из них – личина «человека-совы» со счётными элементами в виде полусферических «жемчужин» [9, 10]. Один из способов исчисления годового времени – расчёт по точному (27,3) или округлённому (27) значениям сидерического лунного месяца (27,3×13 = 355 или 27×13 = 351) или по синодическим месяцам (29,5×12 = 354 дней) со вставкой дополнительного «месяца» или дней для выравнивания исчисления по Солнцу или Луне. Деление сидерического лунного месяца на две части по 13 и 14 дней в календарных традициях разных народов широко известно [19. С. 414]. В данном случае указанием на выбор рёлкинцами той или иной модели календарного счёта может служить бронзовая личина «человека-совы», фланкированная «серпами» (см. рис. 1, *4*). На правом «серпе» 14 полусфер, на левом – 13, итого 27 [18. Табл. XCVIII: *6*. С. 346]. Это округленное значение сидерического лунного месяца. Серпы, которые фланкируют круглую личину «совы» (символ полнолуния), дают представление о новой, нарождающейся, и «ветхой», умирающей луне (начальная и конечная фазы). Два набора счетных элементов (13 и 14) на бляхе «человек-сова» вполне достаточны для расчёта длительности солнечного года, равной 365 дням (13×27+14). Выбор совы как носителя числовой календарной символики, по-видимому, также не случаен: учтены её способности видеть и охотиться в темноте. Для соотнесения её с образом Нума формальные основания есть, поскольку Месяц-Луна (Ират) является местом его пребывания [20. С. 330]. Такая модель с образом совы уникальна. Можно лишь указать на некое подобие её на случайной находке бронзовой совы с р. Ялбыньи Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) с серповидной гривной и счётными элементами (по 9 треугольников на краях каждого крыла совы). А.В. Бауло датировал её VI–VII вв. [21. С. 97]. Диск-бляха из Окуневского могильника потчевашской культуры VI–VIII вв. Среднего Прииртышья

[22. С. 171] по типу размещения счётных элементов (жемчужины, на половине кромки) и отсутствию кольцевой компоновки в известной мере напоминает бляху «человек-сова» из Рёлки.

В контексте работы среди рёлкинских находок самой показательной и не менее уникальной по концепции представленной мифологемы структуры Вселенной и календаря является бронзовое кольцо-бляха, разделённое на 4 сектора «крестовиной», концы которой завершаются «вихревыми розетками». На крестовине есть центр в виде выступающей полусферы. На самом кольце есть меандрический узор, внутри которого выделены счётные элементы – выступающие полусферы-зернь группами по 4 и 6 штук, и лишь 2 группы по 3 штуки (см. рис. 1, *5*). Сумма однородных счётных элементов – полусфер на кольце (по секторам) равна 78 (25+16+20+17), если следовать по часовой стрелке, начиная с нижнего левого квадранта. Сумма полусфер, расположенных в изгибах меандра («змеи»), составляет 19 (5+5+5+4). На отрезках крестовины между центром и розетками отлиты косые выступы, их 11 (3+3+3+2). Числа выступов и изгибов на ней не являются случайными величинами, выполняющими лишь декоративные функции, иначе изображение было бы, скорее всего, симметрично. Число исходящих из 4 «розеток» изогнутых «лучей» составляет 41 (3×10+11). Если суммировать разные счётные элементы бляхи, получим следующую итоговую картину: полусфер – 78 штук, голов – 4, розеток – 4, изгибов – 19, выступов на крестовинах – 11, лучей – 41, центр – 1 штука. «Движение», передаваемое «лучами» розеток, направлено против часовой стрелки (против солнца). Если считать орлов счётными элементами, то окажется, что всё пространство кольца-бляхи разделено на 8 частей. Функции «орлов» и «вихревых розеток» отличаются. Однако можно допустить с большей или меньшей вероятностью: создатель бляхи имел представление об исчислении времени как по Луне, так и по Солнцу, свидетельство чему – парный способ деления календарного цикла (2×4) [19. С. 413]. Орлы расположены янусовидно и заключают в себе некие промежутки «пространства-времени». Семантику и назначение «вихревых розеток» исследователи, к сожалению, априорно трактуют только как символы солнца. На зооморфных статуях на Ближнем Востоке, в Малой Азии периода ранней и средней бронзы этот знак рассматривается как «косматая» звезда (hair star). Такой звездой отмечались круп или плечевой сустав животного (бык, лев) [23. С. 254]. Если всё-таки принять «розетки» за символы солнечного исчисления времени (например, по дате зимнего солнцестояния), то 4 «солнца» на бляхе могли означать четырехгодичный календарный цикл.

Рёлкинская бляха как календарное изделие уже анализировалась Д.Л. Бродянским [1. С. 64], который насчитал на ней всего 207 счетных элементов, не указав критериев их отбора. Рёлкинская бляха была им сопоставлена с двумя календарными изделиями из Приамурья (бохайская эпоха, VII–IX вв. н.э.). Однако «навигаторские» свойства счётной символики рёлкинской бляхи автор не рассматривал.

Выявление календарных возможностей изображения необходимо начать с анализа наиболее многочисленных счётных символов – полусфер и «лучей». Как уже было сказано, наиболее простой и идеальный для расшифровки вариант размещения числовой символики – это представление на календарной атрибутике с помощью счётных элементов того или иного вида (точки, насечки и т.д.) числа, равного или кратного по длительности какому-то природному циклу (месяцу, сезону или году). Сюжет должен содержать лишь наиболее характерные и семантически важные для данной модели счётные элементы, при этом достаточные для расшифровки по принципу «часть вместо целого». В нашем случае, думается, автору календаря были известны и примерное (27 дней) и точное (27,3 дней) значения сидерического лунного месяца. В пользу этого говорит суммарное число полусфер 78, являющееся кратным 13. Выделение опорных чисел 13 и 6 (78:13 = 6) сводит эту числовую загадку к комбинации чисел 6, 13 и 7 (13–6), давая возможность для расчёта годового цикла по уже выявленной схеме (13×27+14 = 365 дней). Однако в бляхе заложены возможности для вычисления точной величины длительности годового солнечного цикла в 365,25 дня, но по более сложной схеме. На знакомство автора бляхи с реальной величиной (27,3 дня) сидерического лунного месяца указывает число «лучей» 41, которое, будучи удвоено (82), равно 27,3×3. Тогда год в 13 месяцев составит 355 дней (27,3×13). Ежегодная набегающая разница в этом случае равна 10,25 дня. Одно из основных правил календарных расчётов – иметь дело только с круглыми числами, поэтому максимально точная интеркаляция (вставка) может быть сделана только для случая четырёхлетнего календарного цикла, и её величина должна составлять 41 (10,25×4) день – суммарное число лучей. На применение модели четырёхлетнего календарного цикла указывает, по-видимому, и четверичное разделение бляхи (4 узловые «розетки» на кольце). Ещё одним признаком этого может служить изображение орлов как символов весеннего солнца. Кроме известных из этнографии селькупов сведений о безусловном соотнесении образа орла с солнцем [24. С. 66], на это указывает и не совсем понятное место «месяца орла» в селькупских календарях. В них, в отличие от календарей других народов Урала и Сибири, «месяц вороны» следует за «месяцем орла» [25. С. 244–246, 248; 26. С. 57–62]. То есть можно допускать, что орёл был символом «месяца», вставляемого сразу после «месяца вороны», т.е. где-то в конце марта – начале апреля, сразу после весеннего равноденствия. Время прилёта серой вороны является довольно точным фенологическим маркером, предваряющим время начала ледохода и соотносится с весенним равноденствием [20. С. 306; 27. С. 1–6; 28. С. 122, 126, 127].

В средневековой календарно-астрономической традиции индоиранцев 27 – это число «звёздных домов» («станций») Луны [29. С. 636]. Число 78 – важный маркирующий признак применения своеобразной схемы учёта календарного времени. Оно присутствует на внутренней кромке кольца календаря коми [2–4]. Число представлено также в декоре бронзовой чаши из Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) (изображение 78 малых и 13 больших кружков на поверхности чаши). А.В. Бауло считает её

иранским импортом и датирует X–XI вв. [30. С. 34, 35]. Того же происхождения и серебряная чаша из Верх-Саинского могильника (погребение 164) неволинской культуры (рубеж VII–VIII вв.) [31. С. 98, 99]. Счётные элементы представлены на ней с наружной стороны в виде «ложчатого» орнамента, лепестков, розеток, тройных кружков. На дне, в центре блюда находится девятиконечная звезда, между окончаниями которой размещены тройные кружки. Общее число находящихся в поле «звезды» кружков – 27 (3×9) – базовая величина сидерического лунного месяца. Её значимость обеспечивается центральным положением в сюжете: от неё идут производные числовые комплексы (в виде лучей), но семиричный счетный код на ней отсутствует. Наличие 37 лучей («ложчатых элементов») и 31 кружочка (в виде декора по краям девятилучевой звезды) может быть подсказкой к определению длительности годового цикла с опорой на месяц из 30 дней. Двухгодичный цикл составляет 730 дней, если пренебречь половиной дня (365,25×2–730 = 0,5). Тогда эту сумму можно представить как 360+370. Число 31 (30+1) – сумма базового значения месяца в 30 дней плюс интеркаляция в 1 день для трёхгодичного цикла. Близкие схемы формирования годового календарного цикла представлены на внешней и внутренней сторонах серебряной чаши из Шахаровского клада. На внешней стороне в центре изображен всадник, окружённый «ложчатым» орнаментом из 26 «лучей», у концов этих лучей находятся сгруппированные в «треугольник» три кружочка, итого 26×3 = 78. Лучи («ложки») опираются на составное «кольцо» из 60 чешуек, символ 360-дневного года. На внутренней стороне чаши есть розетка из 37 лучей [32. Табл. 25: *1, 2*]. Как важный маркирующий признак применения своеобразной схемы учёта календарного времени отметим число 78 на всех перечисленных изделиях.

Число находок со счётной символикой («колесовидные подвески») в ломоватовской культуре достаточно велико, и представлены они в основном в виде бронзовых дисков-блях с отверстием для подвешивания и регулярно расположенными выступами на внешней кромке, придающими им вид зубчатых колёс. Число выступов не является постоянным и равно чаще всего 6, 7, 11 и 19. Особого внимания заслуживает крупная (8 см) кольцо-бляха. По внешнему краю нанесён регулярный узор в виде 52 «волн» (см. рис. 1, *1*). Радиально расположенные 52 выступа (вершины волн синусоиды) образуют второй круг счётных элементов. Внутреннее кольцо соединено с внешним 7 счётными элементами из сдвоенных кружочков, в сумме составляющих 7×2 = 14 [6. С. 227. Табл. XIX: *13*]. Таким образом, на кольце-бляхе представлены несколько числовых кодов. Во-первых, это 7 и его производное 14. Во-вторых, это 13 и его производные (13×4 = 52). Расчёт продолжительности годового цикла возможен по той же схеме, что и для бляхи «человек-сова» из рёлкинского могильника (13×27+14).

Две бляхи подобного типа из Варнинского могильника (рис. 1, *2, 3*) поломской культуры [33. Табл. 4: *9, 11*] сделаны по тому же канону, имея внешнюю волнообразную кромку, в которую заключён второй круг из счётных элементов в виде полуволн. Третий круг составлен из двойных кружочков: на первой бляхе 8 (2×4) и 12 (2×6) на второй [33. Табл. IV: *9, 11]* (рис. 1, *2*). На второй бляхе отсутствуют 4 больших фрагмента (см. рис. 1, *3*), поэтому для прямых количественных оценок она не совсем пригодна. Если на ней выделить сегмент, равный 1/6 части круга, на нём окажется 15 радиально расположенных счётных элементов. Тогда можно предположить, что первоначально на ней было 90 счётных элементов, а символами месяцев является общее число сдвоенных кружочков (12 штук), что соотносит её с моделью 360-дневного цикла. На первой бляхе имеется 56 выступов на кромке и 56 на синусоиде, всего 112. Это число в календарных изделиях рассматриваемого круга встречается впервые. Можно было бы считать его указанием на появление нового базового значения величины месяца в 28 дней (вместо 27), и довольно точной оценки продолжительности года – 13 месяцев (13×28 = 364) но на кольце нет других указаний на это. Поэтому 112 может иметь и другое назначение, оно вместе с числом соединительных кружков между внешним и внутренним кольцами равным 8 (4×2), может быть величиной вставки (интеркаляции) для восьмилетнего цикла (для года это 27×13 = 351 дней, для 8 лет это 351×8 = 2 808 и плюс поправка 112 дней, итого 2 920 дней). Между реальной и расчетной продолжительностью для 8-летнего цикла разница составит всего 2 дня.

На бляхе из Среднего Приртышья (потчевашевская культура VI–VIII вв.) есть 36 круглых элементов, расположенных на нижнем краю диска, представляющих, по-видимому, год из 360 дней [22. С. 171]. Об этом свидетельствует изображение лица человека и двух рук (10 пальцев, т.е. 36×10). Однако на ней нет дополнительных указаний, позволяющих реконструировать тип полной интеркаляции.

Кольцевые изделия комбинированного типа ванвиздинской и вымской культур с числовой и зооморфной символикой детально и концептуально рассматривались в работах Н.Д. Конакова [2] и В.Е. Ларичева [3, 4]. Все они датируются началом II тыс. н.э. и являются, к сожалению, случайными находками (Верхнее Прикамье).

Н.Д. Конаков, анализируя семантику изображений, раскрыл их основное «промысловое» назначение. Он полагал, что на вычегодском кольце по кругу изображены 9 представителей северной фауны: медведь, горностай, северный олень, росомаха, лось, выдра, лисица, белка и куница [2. С. 104–117]. По-видимому, являясь некой универсальной «постоянной», это число фигурировало и в других традициях. Например, васюганские ханты насчитывали 9 животных, составляющих главную охотничью добычу, при этом являющиеся священными бобр и выдра в неё не входили [34. С. 66]. На внутренней стороне кольца было 78 радиальных насечек. Насечки на внешней кромке (всего 90) были сделаны наклонно, можно было выделить участки с противоположным наклоном, что создаёт впечатление «противохода». Этот приём позволил соотнести определённые участки кольца с конкретными зооморфными символами. Изображения животных на кольце маркировали соответствующие периоды годового цикла различной длительности от 28 до 76 суток. Выбор этих животных изготовителями кольца календаря исследо-

ватель мотивировал и тем, что они входили в число тотемов, известных по фольклорным источникам различных этнических групп Северного Урала. Изображённые на кольце животные были разделены на группы двумя кружочками («розетки»), расположенными на плоскости кольца. Один из кругов был изображён под головой лося (сплошная линия), второй с 10 насечками – под головой куницы. Очерёдность изображения хищников и копытных на календаре, по мнению Н.Д. Конакова [2], отвечала природным реалиям. Каждое животное являлось для своего календарного сезона наиболее характерным. Выдра, лось, северный олень, куница и белка представлены на календарном кольце «шагающими» слева направо, т.е. по часовой стрелке, тогда как горностай, росомаха, лиса, медведь – справа налево, т.е. против часовой стрелки. На двух бронзовых кольцах из Верхнего Прикамья изображены 5 животных: выдра, бобр, белка и два волка. На одном из колец сохранились 53 насечки.

В.Е. Ларичев, посвятивший отдельное исследование календарной семантике этих колец, соотнёс выдру с осенним, бобра с зимним, белку с весенним и «волкособак» с летним сезонами года. Один экземпляр календарного кольца этого типа (с 5 изображениями животных) находится в музее Пермского университета, второй – в Сольвычегодском краеведческом музее. Животные на кольце изображены бегущими: бобр и выдра – против часовой стрелки, белка и пара волков – по часовой. Воображаемая точка встречи этих двух «движений» – изображение «зубчатого» круга, схожего по виду с кругом на первом типе календаря [4. С. 174–180]. Если в целом видовую идентификацию животных на кольцевом календаре второго типа можно принять, то в первоначальном состоянии число насечек на кромке этого календарного кольца могло вполне быть и другим (более 53), учитывая сбитую (или сношенную) часть кромки. Доводы в пользу этого – число сохранившихся насечек (53), которое не является ни равным, ни кратным длительности лунных месяцев, являющихся основными, базовыми единицами счета времени на изделиях подобного типа. Общими для этих двух видов календаря были изображения выдры и белки. Н.Д. Конаков при расшифровке промыслового календаря коми опирался на сроки сезонной охоты и природные реалии (гон, выход из берлоги, отел и т.д.). Основными опорными точками при расшифровке им были выбраны периоды «лося» и «медведя», так как они были близки к датам осеннего и весеннего равноденствий. В свои расчеты он включил насечки только на внешней стороне кольца, полагая, что каждая насечка является обозначением четырёхдневки, и определил годовой цикл в 360 дней. 78 насечек на внутренней стороне кольца в счёт не были включены и никак не трактовались.

Использованная В.Е. Ларичевым методика расшифровки отличалась: в счёт включены насечки и на внутреннем кольце, при этом он насчитал 89 (вместо 90) насечек на внешней кромке кольца. Включив в сумму внутренние 78 насечек и 10 знаков, из которых состояла розетка под головой куницы, он получил 177 (89+78+10) насечек, что, по его мнению, было весьма важной, знаковой величиной – половиной лунного года, исчисляемого по сумме 12 синодических месяцев [3. С. 165]. Второй тип (сольвычегодское и пермское «кольца») имел «косые» насечки только на внешней стороне, и общее число знаков на календарном кольце, определённое В.Е. Ларичевым на одном из них, составило 60 (5 фигурок животных, «зубчатый ободок» – 1, разделительный клин – 1 и 53 насечки, итого 53+5+2 = 60). Это число было принято как продолжительность двух синодических месяцев (29,5×2 = 59) [4. С. 175]. По методике отбора знаков можно сказать, что в первом случае (в календаре коми) «розетка» с насечками учитывалась в счёте как 10, во втором случае «зубчатое колесо» (кольцо из Перми) почти такого же вида и сохранности учитывалось им всего лишь как единица, и это никак не пояснялось.

В.Е. Ларичев считал также, что календарное кольцо первого типа (с 9 животными) даёт возможность делать вставку (интеркаляцию), совершающуюся по истечении трёх годовых циклов, прибавляя 31 день (355×3+31 = 1 096 суток). Анализ числовой символики на втором кольце позволил ему высказать мнение об использовании трёхгодичного цикла интеркаляции по схеме 354×3+34 = 1 096 суток. Как очень важное обстоятельство нужно отметить число насечек 78 на внутренней кромке промыслового календаря коми, которое может указывать на другую схему расчёта годового цикла, основанного на сидерическом лунном месяце. Но других числовых подсказок, которые могли пояснить и обосновать её полноценное использование, на кольце нет, она, по-видимому, стала уже абстракцией. По-видимому, основной была схема (360 дней), использующая счетные коды 4 и 9, представленная на внешней кромке кольца. 9 изображённых на календаре коми животных дают основание считать, что на внешней кромке кольца были изображены все-таки 90 насечек (по Н.Д. Конакову), а не 89, как это считывал В.Е. Ларичев.

Важность разработок Н.Д. Конакова и В.Е. Ларичева для реконструкции календарно-астральных представлений народов Северного Приуралья в раннем Средневековье не вызывает сомнений. Тем не менее в настоящее время есть необходимость в некоторых поправках, в более подробной информации и дополнительной аргументации. Н.Д. Конаков утверждал, что спаривание бурых медведей имеет место в первой половине сентября, хотя известно, что гон бурых медведей бывает в начале лета (май – июнь) [35. С. 85]. Сезонная разбивка календарного годового цикла в его работе производилась без всяких обоснований. Уже было сказано, что на кольце изображены две розетки: «гладкая» (сплошная) и прерывистая – «зубчатая». Версию первого исследователя календаря К.С. Королёва о том, что сплошная «розетка» на кольце является лунарным знаком, а вторая («с насечками») – солярным [36. С. 24], можно принять лишь как рабочую гипотезу. Версия же Н.Д. Конакова о назначении розеток в качестве символов равноденствий («сплошная» – осеннего, «зубчатая» – весеннего) также не имела чётких и понятных обоснований. По крайней мере, как это видно из рис. 1, обозначениями равноденствий они, скорее всего, не являются, так как в этом случае они должны были бы делить календарное кольцо (т.е. год) примерно на две равные части. Однако реальное отно-

шение протяженности этих участков равно примерно 45 / 33 = 1,4, если сравнивать по методу подобия число насечек на внутренней кромке, где они распределены более равномерно, чем на внешней. Символ весеннего равноденствия в виде «кружка с насечками» расположен под мордочкой куницы, и если верить источнику, приходился на начало февраля («…день весеннего равноденствия, на который указывает солярный знак, помещённый под мордой зверька» [2. С. 105. Рис. 2]). Периоды куницы и медведя разделены визуально изменением наклона насечек на внешней стороне кольца, и если верить тексту, именно в этой точке происходит вставка дополнительных дней для выравнивания лунного и солнечного календарей. «В простой год эта неделя (насечка, то есть условная единица времени, использованная авторами календаря) имела продолжительность пять суток, а в високосный, раз в четыре года, на сутки больше» [2. С. 105]. К сожалению, знаков указывающих на величину вставки в високосный год, на кольце авторы данной работы найти не смогли.

В календарных традициях народов сопредельных регионов вставка добавочных дней была приурочена к весеннему равноденствию или последующей за ним неделе (Урн-эква – у манси, Вурны хатль – у хантов, Ворны-яля – у ненцев [20. С. 306]). Поэтому «кружок с насечками» (или «солярная» розетка), расположенный под мордой куницы (конец февраля), никак не может быть символом, обозначающим дату весеннего равноденствия по Н.Д. Конакову. Однако кружок с 10 насечками вполне может быть знаком (!), определяющим величину вставки (декада) для двухгодичного календарного цикла (360×2+10), размещённую на кольце именно в той точке, где эта операция могла бы производиться. В целом семантика некоторых опорных «узлов» – фигур календаря – очевидна. Это относится к медведю как символу «периода наста» (апрель, начало летнего «года»), северному оленю – периоду отёла (май), белке – началу периода гона (февраль). Причины появления остальных животных на кольце в работе были сведены в основном к свидетельствам этнографического характера и мало соотносились с охотничьими реалиями (сезоны лося, выдры, горностая, медведя) [2. С. 106–116]. Кроме того, подчёркивая «промысловый» характер календаря, нелишне было бы объяснить полное отсутствие на нём изображений рыб или птиц, являющихся серьёзной частью пищевого рациона жителей как тундры, так и прибрежной полосы больших и малых рек. Кроме того, в работах Н.Д. Конакова и В.Е. Ларичева отсутствовали какие-либо пояснения, касающиеся направления хода животных на кольце (по или против часовой стрелки).

Г.С. Вртанесян, один из авторов настоящей работы, предлагает свою версию основных составляющих семантики этого календарного кольца. В числовой символике кольца знаки-насечки расположены радиально на внутренней кромке и не разделены на какие-либо отрезки времени, т.е. это значение неделимой («целокупной») величины. Для понимания причин расположения животных на кольце (по или против солнца) необходимо сначала определиться с положением наблюдателя. По часовой стрелке солнце будет двигаться с востока на запад только в том случае, если оно находится на юге, его крайнее южное положение приходится на дату зимнего солнцестояния. Для наблюдателя также солнце будет двигаться против часовой стрелки в том случае, когда оно находится на севере, а крайнее его положение соответствует точке летнего солнцестояния. Отсюда ожидаемый вывод, что животные, «идущие» по часовой стрелке (выдра, лось, северный олень, куница, белка), должны быть соотнесены с «зимним» (т.е. южным) солнцем. Точно так же животные, «идущие» против часовой стрелки (медведь, лиса, горностай, росомаха), – с «летним» (северным) солнцем. Это в свою очередь должно привести к ситуации, когда часть животных будет изображена фронтально. На кольце это пары медведь – северный олень, белка – лиса, росомаха – лось, этому соответствует и наклон насечек на внешней кромке кольца («противоход»), т.е. место их схождения и является границей продолжительности того или иного периода, при этом ориентация животных не зависит от вида. Соотнесение медведя с солнцем приемлемо, так как начало месяца наста – рубеж марта – апреля, и оно примерно совпадает с весенним равноденствием, после него начинается резкое потепление. Горностай на кольце соответствует июню. Время его спаривания растянуто с марта по сентябрь, а появление щенков определяется состоянием кормовой базы и не является постоянным. Основной сезон охоты на горностая – зима (из-за окраса шкуры), поэтому считать причиной маркировки июня фигурой горностая какие-либо охотничьи резоны нет оснований. Хотя по числу добываемых шкурок, например в Туруханском крае, горностай находился на 2–4-м местах [37. С. 56], но его кости на ванвиздинских поселениях не найдены [2. С. 107], поэтому причина появления его на кольце, скорее всего, иная. Но зимняя окраска горностая белая с чёрным кончиком на хвосте прекрасно отвечает реалиям пика «белых ночей» (на дату летнего солнцестояния), своего рода визуальная инверсия – напоминание о зиме в самый разгар лета. Кроме того, горностай меняет окраску в конце сентября – начале октября, что совпадает со временем осеннего равноденствия [35. С. 156; 38. С. 62], являясь, таким образом, цветовым календарным маркером. Всё это вкупе объясняет выбор его в качестве календарного символа.

Росомаха – наиболее крупный представитель куньих, пик её гона – июль, и это обстоятельство было, видимо, определяющим для выбора её в качестве символа июля. Особенность её внешности – белая разделительная полоса, протянувшаяся от затылка до основания хвоста [35. С. 547]. Пик гона лисиц – март, рождения лисят – начало лета, поэтому маркировка периода декабрь–январь на календаре фигурой лисы с циклом её воспроизводства не связана. При всех вариациях цвета шкурки лиса имеет белый клочок шерсти над верхней губой. Наилучшее качество её меха зимой, это определяет сроки охоты, с ноября по март, т.е. маркировка декабря – января фигурой лисы может быть приписана только этому. Но эти сугубо охотничьи резоны не объясняют направления её ориентирования на кольце. В работе [2. С. 116] мотивы выбора лисы и её высокий календарный статус (с опорой на китайские и кетские источники) были соотнесены с созвездием Ориона. Но кроме них есть и многочисленные свидетельства высо-

кого календарного статуса образа лисы в обрядовой практике народов Севера и Сибири. Надымские ненцы в обряде встречи нового январского солнца («едей по'яля» – букв. «новая дорога»), перед тем как принести в жертву четырёх белых оленей, вынимали и вывешивали на лиственнице шкуру рыжей лисы [39. С. 114–116]. Пойманную лису якуты (жулейский наслег) со всеми предосторожностями вносили в дом, держа её подальше от огня, и затем разделывали в той стороне жилища, куда не попадал свет очага, поясняя это тем, что её поимка неугодна богу огня [40. С. 22]. Обряд медвежьего праздника у обских угров с красочным представлением годового цикла в форме танца зверей включал и ритуал поджигания хвоста у «лисы», которая, сделав круги внутри помещения, выбегала наружу [41. С. 58; 42. С. 36]. Бируни (конец XI в.) писал о «дне лисы» в календаре армян [29. С. 227]. Миф о похищении огня лисой, кроме армян, есть и у других народов Кавказа [43. С. 238].

Соотнесение образа лисы с началом зимы (и периодом рекостава) известно и в мифах манси. Тэк ойка, младший сын Нуми-Торума, сосланный за прегрешения на остров в северном незамерзающем (!) море, выманив у отца обманом похолодание, по льду моря выбирается из своего заточения [44. С. 52]. По своей семантике сюжет имеет прозрачные параллели с мифом о наказании строптивого сына бога Грозы в форме заточения его в скалу, откуда его выпускают раз в год (армянский Михр-Мгер, сын Давида Сасунского, одной из локальных ипостасей Громовержца, и обладатель огненного меча-молнии [45. С. 160]). Героя Керсаспа, оскорбившего огонь, верховный бог Авесты Ормазд приказывает усыпить в каменной скале до момента обновления мира, когда тот должен победить вырвавшегося из оков змея Ажи-Дахаку [46. С. 197]. То есть можно считать, что образ лисы имел тесную связь с огнём и светом, особенно со светом «нового» солнца.

Обратимся к семантике зооморфных образов, «идущих» на кольце «по солнцу», – лосю, северному оленю, выдре, кунице и белке, т.е. имеющим отношение к «зимнему» солнцу. Что касается копытных, то опираясь на реалии (гон в начале зимы), можно было бы считать этот мотив достаточным. Но «время лося» (по: [2. С. 105]) – 10 августа – 4 октября, поэтому сезоном гона копытных быть не могло. Гон лося начинается не раньше конца сентября и завершается к концу декабря. У других копытных (северные олени, кабаны, маралы и др.), имеющих промысловое значение, гон начинается не ранее второй половины сентября, а завершается в конце ноября [47. С. 59, 278, 346]. Поэтому для пояснения места лося на кольце нужны другие аргументы. Одним из них является «перелом» погоды после Ильина дня (начало августа) с ливневыми дождями, понижением температуры воздуха и массовым исчезновением оводов, что позволяет лосям выйти из непроточных тёплых водоёмов. В селькупской календарной традиции это соответствует празднику «Пиль эд» – Новому году, отмечаемому в первых числах августа [48. С. 207–211]. Видимо, это и означает помещённый под мордой лося кружочек, который, например, В.Е. Ларичев считал обозначением единицы [3. С. 166]. Горностай и росомаха одинаково ориентированы на кольце, это указание на схожий характер изменения солнечной радиации в данные периоды. Поэтому фронтально ориентированный к росомахе лось фактически символизирует начало обратного «движения погоды» и убывания солнечной освещённости. Знак-«разделитель» на крупе лося (штрихи) достаточно точно совпадает с датой осеннего равноденствия. Так как вектор изменения погоды после «периода лося» не меняется, то и ориентация выдры, которая следует за лосем, тоже не меняется. Но лиса, символ следующего сезона, на кольце направлена уже противоположно выдре. Неестественно растянутые изображения фигурок выдры и лисы, «перекрывающие» друг друга хвостами почти на шесть насечек (почти месяц), символизируют постепенное «перетекание» одного сезона минимальной освещенности, визуально соотносящейся с серовато-бурой шкурой выдры, к периоду рождения нового солнца – «лисе-огнёвке», на основании хвоста которой есть отметка – знак зимнего солнцестояния.

Парные образы выдры и лисы известны в обрядах некоторых групп алтайцев, которые, камлая Эрлику (духу хозяина низа), выносили вместе их шкурки [49. С. 33]. Рождение нового солнца, символизируемого лисой, не приводит, однако, к потеплению (февральские морозы, «солнце на лето, зима на мороз»), именно это объясняет фронтальное расположение лисы и белки. Символ марта – куница, выбор её можно приписать усилению биологической активности (ложный гон), тогда как реальный гон в июле – августе. Выбор куницы (а не, допустим, соболя, имеющего почти одинаковый биологический цикл и большую промысловую ценность) можно приписать особенностям внешнего вида животного – белому круглому пятну (символ весеннего солнца) на груди куницы, которого соболь лишён. Разделительный знак на внешней кромке кольца, соответствующий весеннему равноденствию, расположен над «крупом» куницы. С учётом расположения «розеток» на кольце – под головами лося и куницы – можно говорить о них как о неких указателях, обозначающих начала «светлой» (нарастание света и тепла) и «тёмной» (убывание света и тепла) частей года. Общей особенностью является совпадение «точек» расположения знаков, отмечающих равноденствия и зимнее солнцестояние, на «крупах» животных.

В заключение в первую очередь отметим, что на всех кольцах реализован принцип выражения «целого через часть», т.е. представленная на кольцах счетная символика соответствует одной или более базовым единицам времени – сидерическому лунному месяцу (27 дней) или его части (13 или 14). Ранние календарные модели являются основными и распространены на очень широкой территории, включая и более южные территории (Хорезм). Календари с базовым месяцем длительностью в 30 дней использовались реже. Нужны новые данные для более полного выявления временных периодов доминирования базовых календарных моделей и динамики их перехода[2].

Календарные изделия рёлкинской, ломоватовской, поломской и вымской археологических культур (V–IX вв.) близки как по принципам компоновки, так и по используемым в них алгоритмам счета. Но рёлкинская календарная бляха с изображением орла – символа

солнца – имеет локальную особенность, отражающую сохранившееся и по сей день своеобразие протоселькупского календарного мифа [26. С. 62]. Промысловые реалии не являются единственным или основным назначением календаря коми. В первую очередь это весьма образное и точное описание взаимосвязи фенологии со степенью инсоляции в течение годового календарного цикла. Полученные данные характеризуют достаточно высокий уровень календарно-астрометрических знаний носителей археологических культур раннего Средневековья в Верхнем Прикамье, Урале и Западной Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Определение видов сделано орнитологом Томского государственного университета, канд. биол. наук С.С. Москвитиным [9. С. 42].

[2] Возможно, какие-то данные удастся получить от бляхи «с антропоморфной личиной в окружении животных», случайно найденной на городище Ус-Нёя на р. Ялбынья Березовского р-на ХМАО [50. С. 12]. К сожалению, у авторов не было возможности ознакомиться с оригиналом, а опубликованная фотография оказалась нечёткой (единственная во всём прекрасном каталоге).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бродянский Д.Л.* Календари в графике и торевтике дальневосточных древностей // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1997. № 1. С. 61–70.
2. *Конаков Н.Д.* Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск : Наука, 1990. С. 103–121.
3. *Ларичев В.Е.* Средневековые календари финно-угров // История и культура Востока Азии. Т. 1. Новосибирск, 2002а. С. 163–173.
4. *Ларичев В.Е.* Vaz-Kalendar финно-угров Севера Предуралья // История и культура Востока Азии. Т. 1. Новосибирск, 2002б.
5. *Ларичев В.Е.* Ритмы лунного времени. Реконструкция календарной системы эпохи раннего Средневековья Томского Приобья // Сибирь на перекрестье мировых религий. Новосибирск, 2002в. С. 175–177.
6. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : ИрГУ, 1985. 280 с.
7. *Мурыгин А.М.* Древнее святилище в Эгилемской пещере // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1987. С. 35–41
8. *Семёнов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1981. С. 3–135.
9. *Чиндина Л.А.* Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во ТГУ, 1977. 192 с.
10. *Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (рёлкинская культура). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. 256 с.
11. *Чиндина Л.А.* Рёлкинская символика о структуре Вселенной // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII ЗСАЭК. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. С. 260–263.
12. *Археология* республики Коми. М., 1997. 756 с.
13. *Фролов Б.А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. 237 с.
14. *Ранняя* и средняя бронза Кавказа. М. : Наука, 1994. 384 с.
15. *Петрова Т.И.* Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей // Сборник статей памяти В.Г. Богораза. М. ; Л., 1937. С. 79–120.
16. *Меннингер К.* История цифр. Числа, символы, слова. М. : Центрполиграф, 2011. 543 с.
17. *Вртанесян Г.С.* Календарные мифы тунгусоязычных народов // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии : сб. ст., посвящ. 80-летию С.В. Студзицкой и М.Ф. Косарева. Томск : Аграф-Пресс, 2012. С.78–83.
18. *Археология* СССР. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. 522 с.
19. *Вртанесян Г.С.* Календарно-числовая символика в археологических культурах Бактрии и Маргианы поздней бронзы // На пути открытия цивилизации : сб. статей к 80-летию В.И. Сарианиди. СПб. : Алетейя, 2010. С. 412–422.
20. *Головнёв А.В.* Говорящие культуры. Екатеринбург, 1995. 606 с.
21. *Бауло А.В.* Сокровище священной реки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1 (37). С. 95–100.
22. *Могильников В.А., Коников Б.А.* Могильник потчевашевской культуры в Среднем Прииртышье // Советская археология. 1983. № 2. С. 162–182.
23. *Kantor H.J.* The Shoulder Ornament of Near Eastern Lions // Journal of the Near Eastern Studies. London, 1947. Vol. VII, № 4. P. 250–274.
24. *Пелих Г.И.* Селькупская мифология. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. 78 с.
25. *Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П.* Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М., 1993. С. 201–253.
26. *Колесникова С.Ю.* Календарь в традиционной культуре селькупов. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2010. 136 с.
27. *Самко К.П., Тарунин М.П.* Фенологические наблюдения в окрестностях г. Тобольска за 1925 год // Тобольский край. 1926. № 1.
28. *Баранчев Л.М.* Прилет и отлет птиц в Амурской области // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. Благовещенск, 1961. Т. 5. С. 119–128.
29. *Бируни А.Р.* Избранные произведения Т. 1. Ташкент, 1957. 516 с. Прил. С. 517–678.
30. *Бауло А.В.* Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск : Наука, 2004. 161 с.
31. *Пастушенко И.Ю.* Хорезмийская чаша из Верх-Саинского могильника // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 98–102.
32. *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М. 1976. 199 с.
33. *Семёнов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1981. С. 3–135.
34. *Кулемзин В.М.* О хантыйских шаманах. Тарту. 2004. 200 с.
35. *Биологический* энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1986. 864 с.
36. *Королёв К.С.* Находки в Шойнатыйском микрорайоне // АО 1975 г. М. : Наука, 1976.
37. *Доброва-Ядринцева Л.Н.* Туземцы Туруханского края. Новониколаевск, 1925. 81 с.
38. *Костров Н.* Нарымский край. Томск. 1872. 96 с.
39. *Тоболяков В.К.* К верховьям исчезнувшей реки. Свердловск, 1930. 120 с.
40. *Ионов В.М.* Дух-хозяин леса у якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. 1916. Т. IV. 43 с.
41. *Молданов Т.* Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. 141 с.
42. *Чернецов В.Н.* Медвежий праздник у обских угров. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. 41 с.
43. *Берёзкин Ю.Е.* Мифы заселяют Америку. М., 2007. 359 с.
44. *Ромбандеева Е.И.* История народа манси и его духовная культура. Сургут, 1993. 206 с.
45. *Мифы* народов мира. Т. 2. М. 1992. 719 с.
46. *Чунакова О.М.* Пехлевийский словарь. М. : Восточная литература. 2004. 286 с.
47. *Млекопитающие* СССР (МСССР). Т. 1: Парнокопытные и непарнокопытные. М., 1961. 776 с.

48. *Ким А.А., Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А.* Селькупский праздник Пиль Эд и культ лося // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 205–212.
49. *Дьяконова В.П.* Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 30–49.
50. *Бауло А.В.* Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 260 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 марта 2014 г.

EARLY MEDIEVAL "CALENDARS" OF NORTHERN EURASIA

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 138-147. DOI: 10.17223/15617793/383/21
Chindina Lyudmila A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mariakreml@mail.ru
Vrtanesyan Garegin S. Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: veges2011@yandex.ru
Keywords: calendar ring; moon month; time reckoning; intercalation.

The calendar purpose of some types of flat bronze cast products shaped as double concentric rings or plaques found in burial grounds and sanctuaries of Ryolka, Lomovatovo, Potchevashevo archaeological cultures are considered in this work. The lifted material (the Perm Vychegodskay ring calendar from Northern Priuralie) is also used. Methodological principles for reconstruction of calendar calculating system in the early Middle Ages are worked out. Distinctive features of these products are numerous calculating elements shaped as notches, convex hemispheres, and rays. Their diameter is about 6–8 cm. An important feature of presentation of calculating symbolism on these items is using the principle of "a part instead of the whole". This does away with a necessity of drawing a huge number of calculating elements, and makes them compact and easy to use. Zoomorphic and ornamental symbols are combined in the base of the second type. Four eagles with a meandered and grainy belt and a cross with hemispheres are depicted on the Ryolka plaque. There are 9 species besides calculating symbols on the Vychegodsky ring. The analysis of calculating and zoomorphic symbolism revealed different reckoning schemes of a calendar year. Earlier ones used rough length of a sidereal moon month (27 days). This scheme coexists with others, using 360-days annual cycle on later calendar articles. Such cycles last for two and more years. Unlike all the others, the number and location of calculating elements on the Ryolka plaque allow making calculations of the annual calendar cycle, using the rough length of a sidereal moon month (27 days) and its precise length (27.3 days). Eagles' presence in the structure of calendar symbolism, eagle's high role in the Selkup mythology, and an unusual place of "a month of the eagle" in the Selkup calendars after "a month of crows" (though the months are in reverse order in all known to the authors calendars of indigenous Siberian and Ural peoples) allow assuming that these images are relevant to an intercalation. The existence of a previously unknown way of intercalation is revealed. It is based on the use of number 13 and its divisible numbers (26, 52, 78). Besides these plaques and ring articles, similar calendar schemes were identified on the finds from archeological sites of the Urals and Prikamye. They are on the silver bowls of the Shacharov hoard, the Verkh-Sahinian burial ground, from the sanctuary in Shuryshkary area (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). The items are of Iranian origin. The analysis of biological cycles of animals on the Vychegda ring (Komi calendar, previously named "hunting") showed that the hunting function attributed to it was neither only nor main. This annular article was a figurative, yet exact description of the annual climatic change, depicted by the zoomorphic and calculating symbolism. The obtained data characterize a high level of calendar and astronomic knowledge of Northern Eurasia population in the early Middle Ages.

REFERENCES

1. Brodyanskiy D.L. Kalendari v grafike i torevtike dal'nevostochnykh drevnostey [Calendars indrawings and toreutics of the Far Eastern Antiques]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN – Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, 1997, no. 1, pp. 61-70.
2. Konakov N.D. *Promyslovyy kalendar' v mirovozzrenii drevnikh komi* [Fishing calendar in the outlook of ancient Komi]. In: Gemuyev I.N. (ed.) *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov* [Worldview of the Finno-Ugric peoples]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990, pp. 103-121.
3. Larichev V.E. *Srednevekovye kalendari finno-ugrov* [Medieval calendars of the Finno-Ugric peoples]. In: *Istoriya i kul'tura Vostoka Azii* [History and Culture of East Asia]. Novosibirsk, 2002a. Vol. 1, pp. 163-173.
4. Larichev V.E. *Vaz-Kalendar finno-ugrov Severa Predural'ya* [Vaz-Kalendar of the Finno-Ugric peoples of the North Urals]. In: *Istoriya i kul'tura Vostoka Azii* [History and Culture of East Asia]. Novosibirsk, 2002b. Vol. 1, pp. 174-180.
5. Larichev V.E. *Ritmy lunnogo vremeni. Rekonstruktsiya kalendarnoy sistemy epokhi rannego Srednevekov'ya Tomskogo Priob'ya* [Rhythms of lunar time. Reconstruction of the calendar system of the early Middle Ages of Tomsk Priobye]. In: Pokrovskiy N.N. (ed.) *Sibir' na perekrest'e mirovykh religiy* [Siberia at the crossroads of the world's religions]. Novosibirsk, 2002, pp. 175-177.
6. Goldina R.D. *Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e* [Lomovatovo culture in the Upper Kama]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1985. 280 p.
7. Murygin A.M. *Drevnee svyatilishche v Egilemskoy peshchere* [Ancient sanctuary in the Egilemskaya cave]. In: Savel'eva E.A. (ed.) *Material'naya i dukhovnaya kul'tura naseleniya Evropeyskogo Severo-Vostoka* [Material and spiritual culture of the population of the European North-East]. Syktyvkar, 1987, pp. 35-41.
8. Semenov V.A. *Varninskiy mogil'nik* [Varninsky repository]. In: *Novyy pamyatnik polomskoy kul'tury* [The new monument of the Polomian culture]. Izhevsk, 1981, pp. 3-135.
9. Chindina L.A. *Mogil'nik Relka na Sredney Obi* [The Ryolka plaque on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1977. 192 p.
10. Chindina L.A. *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura)* [The ancient history of the Middle Ob in the early Middle Ages (the Ryolka culture)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1991. 256 p.
11. Chindina L.A. [Ryolka symbolism on the structure of the Universe]. *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii. Materialy XII Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii* [Cultural space in archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories. Proc. of XII West Siberian archaeological and ethnographic conference]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2001, pp. 260-263. (In Russian).
12. Saval'eva E.A. *Arkheologiya respubliki Komi* [Archaeology of the Komi Republic]. Moscow: DIK Publ., 1997. 756 p.
13. Frolov B.A. *Chisla v grafike paleolita* [Numbers in Paleolithic drawings]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1974. 237 p.

14. Kushnareva K.Kh., Markovin V.I. (eds.) *Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyaya i srednyaya bronza Kavkaza* [The Bronze Age of Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze of Caucasus]. Moscow: Nauka Publ., 1994. 384 p.
15. Petrova T.I. *Vremyaischislenie u tunguso-man'chzhurskikh narodnostey* [Timekeeping of Tungusic peoples]. Meshchaninov I.I. (ed.) *Pamyati V.G. Bogoraza. 1865-1936* [In memory of V.G. Bogoras. 1865-1936]. Moscow; Leningrad, 1937, pp. 79-120.
16. Menninger K. *Istoriya tsifr. Chisla, simvoly, slova* [History of digits. Numbers, symbols, words]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2011. 543 p.
17. Vrtanesyan G.S. *Kalendarnye mify tungusoyazychnykh narodov* [Calendar myths of Tungus peoples]. In: *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya Severnoy Evrazii* [Archaeological and ethnographic studies of Northern Eurasia]. Tomsk: Agraf-Press Publ., 2012, pp.78-83.
18. Sedov V.V. (ed.) *Arkheologiya SSSR. Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* [Archeology of the USSR. Finno-Ugric and Baltic countries in the Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 522 p.
19. Vrtanesyan G.S. *Kalendarno-chislovaya simvolika v arkheologicheskikh kul'turakh Baktrii i Margiany pozdney bronzy* [Calendar and number symbolism in the archaeological cultures of Bactria and Margiana of Late Bronze Age]. In: Kozhin P.M., Kosarev M.F., Dubova N.A. (eds.) *Na puti otkrytiya tsivilizatsii. Sbornik statey k 80-letiyu V.I. Sarianidi* [On the track of uncovering a civilization. A volume in honor of the 80th-anniversary of Victor Sarianidi]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2010, pp. 412-422.
20. Golovnev A.V. *Govoryashchie kul'tury* [Speaking cultures]. Yekaterinburg, 1995. 606 p.
21. Baulo A.V. Treasures of the sacred river**.** *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009, no. 1 (37), pp. 95-100. (In Russian).
22. Mogil'nikov V.A., Konikov B.A. Mogil'nik potchevashevskoy kul'tury v Srednem Priirtysh'e [Potchevashevskaya burial culture in the Middle Irtysh]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1983, no. 2, pp. 162-182.
23. Kantor H.J. The Shoulder Ornament of Near Eastern Lions. *Journal of the Near Eastern Studies*, 1947, vol. VII, no. 4, pp. 250-274.
24. Pelikh G.I. *Sel'kupskaya mifologiya* [Selkup mythology]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1998. 78 p.
25. Simchenko Yu.B., Smolyak A.V., Sokolova Z.P. *Kalendari narodov Sibiri* [Calendars of the peoples of Siberia]. In: Zhukovskaya N.L., Serov S.Ya. (eds.) *Kalendar' v kul'ture narodov mira* [Calendar in the culture of the peoples of the world]. Moscow: Nauka, Vostochnaya literature Publ., 1993, pp. 201-253.
26. Kolesnikova S.Yu. *Kalendar' v traditsionnoy kul'ture sel'kupov* [Calendar in the traditional culture of the Selkups]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publ., 2010. 136 p.
27. Samko K.P., Tarunin M.P. Fenologicheskie nablyudeniya v okrestnostyakh g. Tobol'ska za 1925 god [Phenological observations in the vicinity of the city of Tobolsk in 1925]. *Tobol'skiy kray*, 1926, no. 1, pp. 1-6.
28. Baranchev L.M. Prilet i otlet ptits v Amurskoy oblasti [Arrival and departure of birds in the Amur region]. *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya i obshchestva kraevedeniya*, 1961, vol. 5, pp. 119-128.
29. Biruni A.R. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Tashkent, 1957. Vol. 1, 516 p.
30. Baulo A.V. *Atributika i mif: metall v obryadakh obskikh ugrov* [Attributes and myth: metal in the rites of the Ob-Ugric peoples]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2004. 161 p.
31. Pastushenko I.Yu. A Khoresm bowl from Verkh-Sainsky burial ground. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – The Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, 2011, no. 1 (14), pp. 98-102. (In Russian).
32. Darkevich V.P. *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv.* [Art metal of the East in the 8th-13th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 199 p.
33. Semenov V.A. *Varninskiy mogil'nik* [Varninsky repository]. In: *Novyy pamyatnik polomskoy kul'tury* [The new monument of the Polomian culture]. Izhevsk, 1981, pp. 3–135.
34. Kulemzin V.M. *O khantyyskikh shamanakh* [About Khanty shamans]. Tartu, 2004. 200 p.
35. Gilyarov M.S. (ed.) *Biologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Biological Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1986. 864 p.
36. Korolev K.S. *Nakhodki v Shoynatyyskom mikrorayone* [Finds in Shoynatyyskiy District]. In: Rybakov B.A. (ed.) *AO 1975 g.* [Archeology Discoveries in 1975]. Moscow: Nauka Publ., 1976, p. 24.
37. Dobrova-Yadrintseva L.N. *Tuzemtsy Turukhanskogo kraya* [Natives of Turukhansky region]. Novonikolaevsk, 1925. 81 p.
38. Kostrov N. *Narymskiy kray* [Narym region]. Tomsk, 1872. 96 p.
39. Tobolyakov V.K. *K verkhov'yam ischeznuvshey reki* [To the headwaters of the river that disappeared]. Sverdlovsk, 1930. 120 p.
40. Ionov V.M. [Spirit-owner of the forest for the Yakuts] *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera)], 1916, vol. IV, 43 p. (In Russian).
41. Moldanov T. *Kartina mira v pesnopeniyakh medvezh'ikh igrishch severnykh khantov* [The world image in hymns of bear games of northern Khanty]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1999. 141 p.
42. Chernetsov V.N. *Medvezhiy prazdnik u obskikh ugrov* [Bear festival of the Ob-Ugric peoples]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2001. 41 p.
43. Berezkin Yu.E. *Mify zaselyayut Ameriku* [Myths settle America]. Moscow: Ob"edinennoe Gumanitarnoe Izdatel'stvo Publ., 2007. 359 p.
44. Rombandeeva E.I. *Istoriya naroda mansi i ego dukhovnaya kul'tura* [History of the Mansi and their spiritual culture]. Surgut, 1993. 206 p.
45. Tokarev S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of peoples of the world]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1992. Vol. 2, 719 p.
46. Chunakova O.M. *Pekhleviyskiy slovar'* [The Pahlavi Dictionary]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2004. 286 p.
47. Geptner V.G., Nasimovich A.A., Bannikov A.G. *Mlekopitayushchie SSSR* [Mammals of the USSR]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1961. Vol. 1, 776 p.
48. Kim A.A., Kudryashova T.K., Kudryashova D.A. *Sel'kupskiy prazdnik Pil' Ed i kul't losya* [Selkup holiday Pil Ed and the cult of moose]. In: *Materialy i issledovaniya kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri* [Materials and research of the cultural and historical problems of the peoples of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1996, pp. 205-212.
49. D'yakonova V.P. *Nekotorye etnokul'turnye paralleli v shamanstve tyurkoyazychnykh narodov Sayano-Altaya* [Some ethno-cultural parallels in shamanism of Turkic peoples of the Sayano-Altai]. In: Taksami Ch.M. (ed.) *Etnokul'turnye kontakty narodov Sibiri* [Ethno-cultural contacts of peoples of Siberia]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 30-49.
50. Baulo A.V. *Drevnyaya bronza iz etnograficheskikh kompleksov i sluchaynykh sborov* [Ancient bronze from ethnographic complexes and random finds]. Novosibirsk: SB RAS Institute of Archeology and Ethnography Publ., 2011. 260 p.

Received: March 19, 2014

УДК 327(510). 093+(549.1)04

Д.В. Хрисанфова

ИСТОРИЯ КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ ЭНЕРГОКОРИДОРОВ

Рассматриваются история и развитие китайско-пакистанских отношений, в особенности их энергетическая и дипломатическая составляющие. Проводится анализ осуществления энергетической политики и дипломатии КНР в Пакистане. Рассматриваются китайско-пакистанское сотрудничество и история сближения на фоне отношений Пакистана и Индии, положение Белуджистана и его роль в энергетическом сотрудничестве между странами. Описывается общая экономико-политическая ситуация в Пакистане, который исследуется как часть энергетической стратегии Китая, выявляется важность вклада Китая в развитие инфраструктуры и экономики Пакистана.

Ключевые слова: энергокоридоры; энергетическая дипломатия; Пакистан; Южная Азия; Китай.

Китай и Пакистан установили дипломатические отношения 21 мая 1951 г. Ухудшение отношений между Китаем и Индией в начале 60-х гг. и серия пограничных конфликтов предоставили дальнейшие возможности для пакистано-китайского сотрудничества. Стороны активно поддерживали друг друга в противостоянии с Индией. С 1961 г. Пакистан активно выступал за принятие КНР в ООН. Следующим шагом по укреплению отношений стало подписание в 1963 г. соглашения о границах и строительстве дороги, связывающей Синьцзян-Уйгурский автономный район с северными районами Пакистана, а также первое торговое соглашение, положившее начало плодотворному сотрудничеству в этой области. Началось активное взаимодействие между странами, не прерываемое никакими внешними и внутренними обстоятельствами, за что в Пакистане высоко ценят сотрудничество с КНР.

В дальнейшем Китай оказывал Пакистану экономическую и военную помощь в войнах против Индии в 1965 и 1971 гг. После конфликта 1965 г. Вашингтон ввёл эмбарго на военные и экономические поставки, которое продлилось 10 лет и побудило правительство Пакистана к активизации ранее наметившейся традиции диверсификации связей с КНР, СССР и другими странами. КНР стала главным поставщиком вооружений в Пакистан, и военный союз привёл к образованию в 1982 г. Совместной комиссии по экономике, торговле и технологии.

С 1999 по 2008 г. Пакистан находился под военной диктатурой Первеза Мушаррафа, но получал и получает обширную американскую помощь и поддержку. После того как к власти пришло новое правительство и новый президент Асиф Али Зардари, влияние США в Пакистане только возросло. При этом также увеличилась нестабильность в государстве, что вызвало значительные угрозы региональной безопасности ввиду того, что районы страны, граничащие с Афганистаном, практически не контролируются правительством Пакистана. С 2004 г. власть над северо-западными провинциями Пакистана фактически принадлежит Талибану, для которого эти места служат базами, различным преступным группировкам, например наркоторговцам и местным племенам. Ещё с 1977 г. Пакистан, сотрудничая с США, поддерживал моджахедов, чьи тренировочные лагеря располагались на его территории. Этот дестабилизирующий фактор определил проблемы, с которыми регион сталкивается сегодня. Афганским и пакистанским военным, а также силам коалиции, ведущей военные действия в Афганистане, с разной степенью эффективности удавалось поддерживать стабильность в регионе, тем не менее после 2008 г. активность нелегальных сил возросла.

Наравне с Индией Пакистан является страной, обладающей ядерным оружием, что сказывается на безопасности мирового сообщества и, соответственно, привлекает его внимание, меняя характер пакистано-индийской конфронтации, выводя её на глобальный уровень. Таким образом, в целях собственной безопасности Пакистан нуждается в гарантиях и союзниках. Китай, претендующий на главенствующую позицию в регионе и неизменно вызывающий опасения у Индии, подходит для этого как нельзя лучше. В то же время заинтересованность Китая в сотрудничестве и его желание обеспечить вокруг своей территории стабильность для дальнейшего развития делают пакистано-китайское взаимодействие как никогда эффективным и успешным.

Описывая внешнеполитический процесс в Пакистане, профессор В.Я. Белокреницкий указывает на то, что в его основе «лежит идеология пакистанского национализма». Она базируется на исламе, антииндийских настроениях и на вере в силу армии, а также на осознании важности геополитического положения и обладания ядерным оружием [1. С. 83]. Учитывая это, можно сказать, что сотрудничество с КНР отвечает национальным интересам Пакистана. Близость государств и понимание Пекином стратегического значения местонахождения Пакистана помогло Китаю сыграть ключевую роль в проектах инфраструктурного строительства в Пакистане, в частности в сооружении порта Гвадар, и занять положение наиболее значимого и стабильного партнёра Исламабада.

Пакистан собирался превратить Гвадар в порт с 1964 г., но строительство не начиналось из-за нехватки средств, во многом вызванной пакистано-индийским конфликтом 1965 г. Гвадар планировался альтернативой портам Персидского залива для принятия транзитных грузов стран региона. Принимая в расчёт наиболее выигрышное географическое положение, было решено использовать его как глубоководный порт для танкеров водоизмещением свыше 100 тыс. тонн и многотоннажных торговых судов.

Учитывая стратегические и экономические выгоды от строительства, Пакистан включил развитие Гвадара в качестве важной цели в 8-й пятилетний план, начав-

ший осуществляться в 1993 г. [2]. Осуществление плана было подчинено техническим и финансовым возможностям, и решительные шаги по строительству порта начались только в мае 2001 г., когда Китай согласился принять в нём участие после того, как Первез Мушарраф лично поднял вопрос о строительстве во время визита в Пекин.

Появление США в Афганистане – в непосредственной близости от Китая – заставило последний более настойчиво развивать своё влияние в регионе. Особенно это стало очевидным ввиду того, что в ходе войны в Афганистане Пакистан предоставил США эксклюзивный доступ к двум важнейшим воздушным базам в Джейкобабаде в провинции Синд и Пасни в Белуджистане. К тому же США располагали базами на территории государств Центральной, Южной и Восточной Азии, что не могло не волновать Пекин. Без наличия флота в районе Персидского залива и доступа к Аравийскому морю Китай чувствовал себя уязвимым перед любыми потенциально враждебными действиями, направленными на то, чтобы поколебать безопасность китайских энергетических поставок.

Наибольшую важность как для Пакистана, так и для Китая представляет геополитическое положение Гвадара, который находится на пересечении главных линий морских коммуникаций. Для Китая Гвадар – это глубоководный порт недалеко от континентальных провинций, и при этом всего в 72 км от иранской границы и в 400 км к западу от Ормузского пролива (являющегося выходом в Индийский океан для стран Ближнего Востока). Такое положение обеспечивает необходимую близость к ближневосточным энергоресурсам, а также даёт возможность мониторинга событий в регионе Индийского океана. Кроме того, этот порт, являющийся крайней прибрежной юго-западной точкой Пакистана и Белуджистана, один из самых глубоководных портов в Аравийском море, Индийском океане и Персидском заливе.

Стоит отметить, что Пакистану важна удаленность порта от Индии, а Гвадар находится в 650 км к западу от Карачи. В настоящее время Карачи – это мегаполис с населением 16 млн человек, представляющий собой экономический и торгово-промышленный центр, главный морской порт и военно-морскую базу страны. На территории города находится также второй порт – Касим, который принимает до 35% грузов. В городе действует экспортно-промышленная зона, что является воплощением политики по привлечению прямых иностранных инвестиций. Порт в Карачи обрабатывает около 60% грузооборота морской торговли Пакистана. Долгое время Карачи был единственным крупным городом, имеющим выход в Аравийское море. Тем не менее существует проблема непосредственной близости этого порта к территории Индии. Существует возможность повторения атаки и блокады главного порта Пакистана, что уже происходило в 1971 г. во время Индо-Пакистанской войны и негативно сказалось на пакистанской экономике.

После блокады Пакистан построил вторую по размеру после Карачи базу Джинна в городе Ормара, ближе к середине прибрежной границы страны, восточнее Гвадара. Эта база в Белуджистане призвана обеспечивать безопасность прибрежной линии этой провинции длиной более тысячи километров. Тем не менее окружённый с трёх сторон клифами Гвадар – это наиболее выигрышный и безопасный объект для Пакистана. Став одной из морских баз, построенных для диверсификации и укрепления военно-морской обороны Пакистана, Гвадар усложняет стратегическое военно-морское планирование Индии. Карачи находится в более слабой позиции по отношению к Гвадару, и этот город не устраивал пакистанские власти своей удалённостью от стратегических морских путей и ограниченной возможностью для принятия нефтяных танкеров и сухогрузов.

22 марта 2002 г. состоялась церемония начала строительства глубоководного порта Гвадар, на которой присутствовали президент Первез Мушарраф и вице-премьер КНР Ву Бэнгао [3]. Строительство международного порта в Гвадаре было окончательно закончено китайскими инженерами 18 марта 2007 г., затем его передали пакистанским представителям. Формальное открытие порта состоялось 20 марта 2007 г. Фактический приём грузов, положивший начало полноценной деятельности, начался лишь в марте 2008 г. [4].

Для развития инфраструктуры Гвадара и его как можно более тесной и эффективной связи со всеми регионами Пакистана и сопредельными странами создаётся разветвлённый коридор, в том числе железная дорога, связывающая Гвадар с основной железнодорожной веткой Иран – Пакистан. Таким образом, Китай получает также выход на Иран через Пакистан. С помощью Китая завершён проект железной дороги от Гвадара до Равалпинди, рядом со столицей Исламабадом, которая должна включить Гвадар в инфраструктуру страны. Китаю важен стратегический коридор через горы Каракорума, который соединяет Западный Китай и Гвадар на входе в Ормузский пролив. Китай и Пакистан связаны через 1 224-километровое Каракорумское шоссе от транспортного узла г. Кашгара в Синьцзян-Уйгурском автономном районе через Кашмир к Исламабаду. Страны намеревались построить параллельно железную дорогу, ведущую из г. Хавелиан в приграничной северо-западной провинции Хайбер-Пахтунхва через Кашмир к пакистано-китайской границе в районе Хунджерабского перевала и далее в Кашгар [5].

Хунджерабский перевал занимает стратегическое положение между пакистанской территорией и Синьцзян-Уйгурским автономным районом, являясь самой высокой пограничной точкой в мире, служащей пограничным пунктом и началом Каракорумского шоссе. Хавелиан – самая западная точка Каракорумского шоссе, соединяющего город с Китаем и являющегося фактически повторением древнего Великого шёлкового пути, проходившего через горы Каракорума. Коридор может быть использован в торговых целях и для транспортировки энергоносителей из стран Персидского залива в Синьцзян. Железная дорога связывает Хавелиан с Гвадаром, где китайцами проводится строительство нефтеперерабатывающего завода и нефтехранилищ. Проект предполагает параллельное строительство нефтепровода Кашгар – Гвадар. В целом Китай вложил в развитие Белуджистана около 15 млрд долл. Кроме порта и нефтеперерабатывающего завода, это вложения

в разработку медных и цинковых рудников [6]. Концепция строительства железной дороги и нефтепровода была предложена П. Мушаррафом во время визита в Пекин в апреле 2008 г.

Для понимания геополитической важности пакистанской провинции Белуджистан для китайских инфраструктурных проектов необходимо иметь в виду, что Белуджистаном исторически называется вся область между регионами Ближний Восток и Индостан. Таким образом, исторический Белуджистан разделён между провинциями Пакистана, Афганистана и Ирана. Раньше ханство, сформированное белуджами и брагуи, называлось Келат. В конце XIX в. по навязанным договорам 1854, 1876 и 1879 гг. Восточный Белуджистан был подчинён Англии и расчленён на так называемый Британский Белуджистан и Федерацию белуджских княжеств. Формально он не входил в Британскую Индию, но после разделения бывшей британской колонии на Индию и Пакистан в 1947 г. Белуджистан определили в состав Пакистана. Периодически вспыхивали восстания, а в 1973 г. в восстании против центрального правительства участвовало около 55 тыс. человек.

Белуджистан, рассматриваемый нами, – провинция Пакистана, управляемая племенами, а точнее, главами племён. Спецификой Белуджистана является национализм, направленный как против армии и правительства, так и против духовенства (мулл). Национализм здесь понимается по-разному. Точки зрения националистов различных групп и племён включают в себя как притязания на полную независимость всех белуджей (более 70 племён), так и самоидентификацию в качестве племени бугти или марри [7]. Большинство из них признают авторитет Исламабада, кроме племён бугти или марри, ответственных за деятельность Освободительной армии Белуджистана (ОАБ). После ряда террористических актов в 2006 г. она признана Исламабадом, Вашингтоном и Лондоном террористической группировкой.

Несмотря на то что Белуджистан является самой крупной провинцией Пакистана, плотность населения здесь ниже, чем в других провинциях; его отдалённость от экономического центра, Карачи, и политического центра, столицы Исламабада, а также близость к афганской границе негативно сказываются на развитии региона. В итоге Белуджистан, богатый природными ресурсами район Пакистана, является самой крупной, самой малонаселённой и самой неразвитой из четырёх провинций Пакистана. Все крупные города сосредоточены на востоке. Инфраструктура запада страны до прихода туда Китая с транспортными и нефтегазовыми проектами находилась в упадке либо отсутствовала. Для Пакистана все проекты, нацеленные на развитие Белуджистана, имеют огромное экономическое и политическое значение.

Проекты и меры, подобные развитию Гвадара, сооружению железных дорог и шоссе, направлены на обеспечение замкнутых материковых провинций Китая доступом к морю и на увеличение объёма торговли Синьцзян-Уйгурского автономного района и северо-западных провинций, а также должна сбалансировать экономический потенциал регионов страны. Гвадар позволяет Китаю иметь глубоководный порт круглый год, в любую погоду – ведь сам Китай не обладает подобным портом в данном регионе. КНР пытается развивать свои западные провинции наравне с восточными, чтобы устранить экономический разрыв между ними, а также остановить внутреннюю миграцию с запада на восток страны.

Стоит отметить, что развитие объектов пакистанской инфраструктуры, финансируемое Китаем, даёт ему дополнительный выход в страны Центральной Азии, позволяет превратить Гвадар в важнейший пункт торговли со странами этого региона. Гвадар способствует развитию торговли между Китаем и Пакистаном, одновременно обеспечивая обоим государствам доступ на нефтегазовый рынок Центральной Азии, а также стимулирует внутреннюю торговлю в Пакистане, особенно в его западных провинциях.

Чтобы соединить Западный Китай и Центральную Азию, строится железная дорога в афганский Кандагар от приграничного пакистанского города Чаман в Белуджистане, с целью выйти на Туркменистан. Уже завершено строительство дороги из Гвадара в Сайндак, представляющей наиболее короткий путь к центрально-азиатским республикам через дорогу от столицы Белуджистана, Кветты в Чаман, находящийся в непосредственной близости от центрально-азиатских республик. Эта дорога представляет собой самое малое расстояние от стран Центральной Азии к морю, что даёт дополнительные коммерческие и стратегические преимущества Гвадару, по сравнению с другими портами вблизи Персидского залива. Он может предоставлять доступ к морю ЦАР и Афганистану. В итоге Гвадар должен стать центром китайского экспорта и импорта, геополитическим соединением, имеющим связи со всеми странами региона.

Гвадар является самым значительным проектом в истории развития пакистано-китайских отношений. Он представляет собой инфраструктурную базу для укрепления и дальнейшего развития военно-политического и экономического сотрудничества между Китаем и Пакистаном.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белокреницкий В.Я.* Внешнеполитический процесс в Пакистане. Внутренние и внешние факторы и роль России // Внешнеполитический процесс в странах Востока / МГИМО (У) МИД РФ ; под ред. Д.В. Стрельцова. М. : Аспект Пресс, 2011. 336 с.
2. *The official* website of Gwadar / Electronic data. Gwadar. URL: http://www.gwadarnews.com/gwadar.asp (access date: 15.05.2012).
3. *«History-making* milestones» – Gwadar Port / Pak Real Estate. Electronic data. URL: http://www.pakrealestate.com/news/viewdetail.aspx?News_ID=1113 (access date: 15.05.2012).
4. *Breaking* the jinx of Gwadar port / Pak Real Estate. Electronic data. URL: http://www.pakrealestate.com/news/viewdetail.aspx?News_ID=1117 (access date: 15.05.2012).
5. *Fazl-e-Haider S.* China-Pakistan rail link on horizon // Asia Times. 24.02.2007. Electronic data. Hong Kong. URL: http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/IB24Df02.html (access date: 28.02.2014).

6. *Atal M.* China's Pakistan Corridor // Forbes Asia Magazine. 10.05.2010. Electronic data. URL: http://www.forbes.com/global/2010/0510/companies-pakistan-oil-gas-balochistan-china-pak-corridor.html (access date: 28.02.2014).
7. *Wirsing R.G.* Baloch Nationalism and the Geopolitics of Energy Resources: The Changing Context of Separatism in Pakistan / Strategic Studies Institute. 17.04.2008. Carlisle, Pennsylvania. P. 21. The electronic version of the printing publication. URL: http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub853.pdf (access date: 28.02.2014).

Статья представлена научной редакцией «История» 18 марта 2014 г.

THE HISTORY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN CHINA AND PAKISTAN WITHIN THE CONTEXT OF ENERGY CORRIDORS ESTABLISHMENT

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 148-151. DOI: 10.17223/15617793/383/22
Khrisanfova Daria V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: AgataDM@mail.ru
Keywords: energy corridors; energy diplomacy; Pakistan; South Asia; China.

China and Pakistan established diplomatic relationship in 1951. Further the parties support each other in the confrontation with India. The permanent interaction between countries has begun. The nearness of the countries and the understanding of the strategic importance of Pakistan's location helped the PRC to play a key role in the infrastructural projects in Pakistan, especially in the construction of Gwadar port, and to become the most significant and stable partner of Pakistan. Pakistan was going to make Gwadar a port since 1964, but the construction did not start due to the lack of funds. Gwadar was planned as the alternative to the ports of the Persian Gulf for operating the multitonnage tankers and the merchant ships. The actions connected with the port's construction started only in 2001 when China agreed to take a part in the project. Without the presence of the marine China felt vulnerable to threats to the safety of its energy supplies. For China and Pakistan the most important is the geopolitical location of Gwadar. It is situated at the intersection of the main sea lines of communication. This location provides the necessary closeness to the Middle East energy resources and gives an opportunity to monitor the situation in the region. A broad transport network, including the railway linking Gwadar with the main railway lines, is created for the development of Gwadar infrastructure and its connection with the whole Pakistan and neighbor countries. China and Pakistan are also connected by the Karakoram Highway leading from the Xinjiang Uyghur Autonomous Region through Kashmir to Islamabad. This corridor could be used for trading and transportation of energy from Persian Gulf countries to Xinjiang. In general China has invested around $15 billion into the Balochistan's development. The resource-rich region of Pakistan, Balochistan, is the largest, low-populated and the most undeveloped province from the four Pakistani provinces. Balochistan's specificity is nationalism aimed not only against the government and military forces, but also against the clergy. All projects directed to the development of Balochistan have an essential political and economic significance for Pakistan. It is important for the PRC to provide the Xinjiang Uyghur Autonomous Region and northwest provinces with the access to the sea and boost their trade volume. Gwadar provides the access to the oil and gas market of Central Asia states for China and Pakistan, also promotes the development of the Chinese-Pakistani trade and the internal trade in Pakistan. Gwadar can be called the most substantial project in the history of China- Pakistan relationship. It is an infrastructural base for the consolidation and further progress of the economic, political and military cooperation between China and Pakistan.

REFERENCES

1. Belokrenitskiy V.Ya. *Vneshnepoliticheskiy protsess v Pakistane. Vnutrennie i vneshnie faktory i rol' Rossii* [The foreign policy process in Pakistan. Internal and external factors and the role of Russia]. In: Strel'tsov D.V. (ed.) *Vneshnepoliticheskiy protsess v stranakh Vostoka* [Foreign policy process in the East]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2011.
2. The official website of Gwadar. Available at: http://www.gwadarnews.com/gwadar.asp. (Accessed: 15th May 2012).
3. *"History-making milestones" – Gwadar Port*. Available at: http://www.pakrealestate.com/news/viewdetail.aspx?News_ID=1113. (Accessed: 15th May 2012).
4. Breaking the jinx of Gwadar port. Available at: http://www.pakrealestate.com/news/viewdetail.aspx?News_ID=1117. (Accessed: 15th May 2012).
5. Fazl-e-Haider S. China-Pakistan rail link on horizon. *Asia Times*, February 24, 2007. Available at: http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/IB24Df02.html. (Accessed: 28th February 2014).
6. Atal M. China's Pakistan Corridor. *Forbes Asia Magazine*, May 10, 2010. Available at: http://www.forbes.com/global/2010/0510/companies-pakistan-oil-gas-balochistan-china-pak-corridor.html. (Accessed: 28.02.2014).
7. Wirsing R. *G. Baloch Nationalism and the Geopolitics of Energy Resources: The Changing Context of Separatism in Pakistan*. Available at: http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub853.pdf. (Accessed: 28th February 2014).

Received: March 18, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 152–154 DOI: 10.17223/15617793/383/23

ПРАВО

УДК 343.98

Т.А. Алексеева

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТНОЙ РЕЧИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Рассматриваются основные проблемы исследования устной речи в криминалистической науке. Дана характеристика проблем в восприятии устной речи, с которыми сталкивается следователь при производстве следственных действий, на примере допроса, и предложены пути решения этих проблем. Устная речь представлена как сложноструктурное явление, познание которого возможно при помощи выделения отдельных элементов. Предлагается использование типологического подхода при исследовании устной речи и определении типовых особенностей речи допрашиваемых лиц.

Ключевые слова: устная речь; структура речи; восприятие устной речи; типологический подход.

Возрастающий интерес к исследованию устной речи в криминалистике поднимает одновременно и ряд существенных проблем, с которыми сталкивается как исследователь в процессе изучения, так и следователь во время производства следственных действий. Для удобства выделим три блока криминалистически значимых проблем в исследовании устной речи.

1. *Специфичность речи* как объекта криминалистического исследования.

1.1. *Многоаспектность* исследований устной речи, обусловленная её междисциплинарной природой. Устная речь является объектом изучения для ряда дисциплин: фонетики, психологии, лингвистики, криминалистики и др. Принципиальная междисциплинарность исследований речи обусловлена достаточной сложностью объекта исследования и моделирования, каким является звучащая речь. Области применения исследований устной речи в криминалистике – это автоматическое распознавание речи, идентификация говорящего по голосу и речи, диагностика лжи по речи и целый ряд других.

Невозможно охватить и изучить устную речь с точки зрения всех научных дисциплин, так как они имеют разные задачи в своих исследованиях. Исследователю необходимо поставить перед собой конкретную проблему которую он хочет решить, и, исходя из этого, опираться на знания из различных областей науки. Также и следователь должен хорошо представлять себе, какую информацию о допрашиваемом он хочет получить в конечном итоге, чтобы сориентироваться и применить методы, которые позволят достичь желаемого результата. Наиболее действенным решением этой проблемы является обращение следователя к специалистам и экспертам, изучающим тот или иной аспект устной речи. К тому же обоснованное заключение эксперта будет служить непосредственным доказательством в уголовном деле.

1.2. *Модальность.* Существует четыре системы восприятия информации (или репрезентативные системы): аудиальная (опирающаяся на слуховые образы), визуальная (опирающаяся на зрительные образы), кинестетическая (опирающаяся на ощущения). В данном случае нас интересует аудиальная система восприятия, опирающаяся на образы, которые создаются с помощью устной речи. Эта система включает в себя характерный для нее набор составляющих, которые называется субмодальностями. К ним относятся: интонация, громкость, темп, тембр, высота голоса и пр. Особенности устной речи человека могут быть определены как сочетание громкости, тембра голоса, интонации, характерных только для него. Изменение психологического состояния человека вызывает изменение вокальных, тональных, содержательных характеристик, например, при даче ложных показаний на допросе.

Для того чтобы получить достаточный объем информации, следователю необходимо создать наиболее комфортные условия при допросе, установить психологический контакт с лицом, дающим показания. Допрашиваемого не следует перебивать, особенно на стадии свободного рассказа, давая ему возможность сформулировать то, что он хочет сказать. Чем увереннее и спокойнее будет себя чувствовать человек при допросе, тем организованнее и вдумчивее будет его речь.

1.3. Проблема *восприятия криминалистически значимой информации.* Среди перечисленных систем восприятия основной является визуальная, так как первое, на что следователь обращает внимание, это то, что он видит. Проблема исследования устной речи заключается в том, что на слух информация воспринимается человеком после восприятия зрительной информации, поэтому следователь воспринимает и анализирует устную речь допрашиваемого во вторую очередь, как сопутствующий (дополнительный), а не основной фактор.

Решение указанной проблемы видится в концентрации внимания следователя на интересующем его факторе. Допрашиваемый должен четко представлять, на чем он будет фокусировать свое внимание, какие особенности речи он хочет отметить и как будет их использовать в дальнейшем. Если следователь поставит перед собой задачу в процессе допроса обращать внимание только на речь допрашиваемого, его интонацию, темп речи, содержание, то сможет определить индивидуальные особенности речи каждого допрашиваемого и отличить правдивые показания от ложных.

1.4. Наконец, главной особенностью и одновременно проблемой исследования устной речи является ее *сложноструктурность*. Для того чтобы изучить какое-либо сложное явление или объект, необходимо разбить его на более простые составляющие, изучив которые по отдельности, можно будет сделать вывод в целом.

Проблема состоит в том, что в устной речи не просто выделить измеряемые элементы, которые будут являться предметом исследований и изучение которых можно применить в практической работе следователя. Выделив отдельные элементы в речи допрашиваемого и проанализировав их, следователь сможет определить индивидуальную манеру речи допрашиваемого в различных ситуациях.

Таким образом, отметим три элемента устной речи, которые можно наблюдать и проанализировать в речи каждого человека:

– вокальность (громкость, темп речи, стабильность – физические компоненты);

– тональность (интонация, речевые паузы, диапазон – психологические компоненты);

– содержательность (отражение индивидуальных символов в речи, личностно значимая информация).

Получив информацию об особенностях каждого из элементов устной речи допрашиваемого, следователь сможет сделать вывод об эмоциональном состоянии допрашиваемого, проследить логическую последовательность и достоверность его показаний и определить индивидуальные особенности устной речи допрашиваемого в целом. В зависимости от того, на что будет направлено внимание следователя, какую информацию он захочет получить от допрашиваемого, ему необходимо будет приметить различные способы воздействия, тактические приемы.

Особенности и элементы устной речи, которые были выделены, зависят от двух факторов: ситуации, в которой происходит речевое общение, и типа личности человека, который говорит, вкладывая в произносимые слова свой смысл.

2. Блок «*ситуативность*», который включает в себя те особенности речи допрашиваемого, которые предопределены не личностной составляющей, а механизмами адаптации к текущей ситуации, что затрудняет аналитические возможности следователя при проведении допроса.

2.1. На речь человека всегда влияют обстоятельства или ситуация, в рамках которой он должен говорить определённым образом. В ситуации допроса у большинства людей нет представления о том, как необходимо себя вести, каким образом построить свою речь. Всё это приводит к зависимости ответов допрашиваемого (по форме) от характера вопросов следователя. Эта зависимость тем больше, чем ниже уровень развития речевых навыков у допрашиваемого, а этот уровень, в свою очередь, зависит от образования, профессии, социального положения, речевого опыта и других факторов.

Такая зависимость выражается прежде всего в стремлении допрашиваемого повторить в своем ответе слова и конструкции, только что употребленные следователем в вопросе. Это опасно потому, что разные люди нередко вкладывают в одни и те же слова и выражения различное содержание. А поскольку повторять фразы, употребленные следователем, склонны такие люди, у которых осмысление слов потенциально может очень далеко отходить от смысла, вкладываемого в эти слова следователем, это может привести к тому, что следователь буквально вложит в уста допрашиваемого свои собственные слова, хотя и без какого бы то ни было злостного намерения. Кроме того, необходимо отметить такую особенность речи, которая заключается в том, что даже если речь допрашиваемого не копирует в явной форме речь следователя, допрашиваемый как бы продолжает мыслить в направлении, навязанном ему следователем.

Существенна для объективности получаемой информации и конкретная форма вопроса. Очевидно, что вопрос следователя должен быть правильно понят, но на степени понимания сильно сказываются и внешние формальные характеристики речи. Чем более конкретные слова использованы в вопросе следователя, четче логически выделено то или иное слово, более употребительные слова используются, тем легче понять этот вопрос. Уровень понимания зависит от порядка главных членов предложения (легче при порядке подлежащее – сказуемое), от того, к какому главному члену относятся второстепенные (лучше, если к сказуемому), от грамматической сложности предложения и от многих других причин.

Таким образом, общее требование к речи следователя (в этом отношении) можно сформулировать так: она должна быть максимально краткой, ясной и простой по выбору слов и синтаксическому строю [1. С. 120, 121].

2.2. *Ограниченность возможностей* следователя заключается в том, что, как и любой человек, он не может одновременно эффективно воспринимать показания допрашиваемого, фиксировать и анализировать то, что слышит в процессе допроса. К тому же на основании поведения, манеры говорить, жестикуляции, мимики следователь должен составить верное представление о типе личности допрашиваемого, с тем чтобы в дальнейшем планировать используемые тактические приемы.

Затрудняет исследование устной речи личности невозможность организовать сплошное наблюдение, так как не все речевые ситуации являются доступными. Следователь имеет в своем распоряжении ограниченное время, в течение которого он может наблюдать за речью допрашиваемого и анализировать ее. Возможным выходом из этой ситуации может служить повторный вызов на допрос лица или проведение беседы в неофициальной обстановке (например в домашних условиях).

Необходимо тщательно подготовиться к процедуре допроса, используя аналитический потенциал биографического метода, с тем чтобы перед допросом у следователя уже было представление об общих чертах характера лица, дающего показания. Данная беседа тяготеет к ориентирующей информации и является своеобразной подготовкой к проведению допроса в его начальной стадии. В этом случае во время непосредственного проведения допроса следователь сможет сконцентрироваться на наблюдении не только содержательной стороны показаний допрашиваемого лица, но и на других особенностях его устной речи: громкости голоса, интонации и т.д., с тем чтобы выявить противоречие в словах допрашиваемого и понять, насколько правдивы его показания.

3. *Субъективное восприятие* устной речи как источника криминалистически значимой информации.

3.1. Проблема *неоднозначности трактовки вопросов следователя и показаний допрашиваемого* состоит

в том, что фраза, а нередко и слово сами по себе могут предполагать большое количество компонентов смысла. Важно учитывать контекст, в котором произносится та или иная речь. Кроме того, каждый человек, произнося те или иные слова, вкладывает в них свой смысл, который не обязательно будет совпадать с общепринятым значением слова. Когда мы задаём вопрос, то предполагаем, что человек будет отвечать в соответствии с тем смыслом, который мы вкладывали в свой вопрос, исходя их наших собственных представлений о мире, исходя из нашего типа личности. В то же время восприятие наших слов лицом происходит уже совсем по-другому, в соответствии с его типом личности.

Процесс обработки информации недоступен человеку, но можно наблюдать непосредственно речь на выходе, после осмысления человеком того, что он хотел сказать. Решить эту проблему можно с помощью типологического подхода. Сделав предположение о том, что каждому типу личности соответствует своя, отличная от других манера говорить, можно будет определить особенности речи каждого психологического типа с учетом элементов устной речи (вокальность, тональность, содержательность) и тем самым достигнуть понимания личностного значения слов допрашиваемого.

3.2. Проблема *выбора типологического подхода* в изучении устной речи. Для того чтобы минимизировать субъективное восприятие устной речи следователем и сформулировать типовые характеристики речи допрашиваемого, как говорилось выше, необходимо применить типологический подход, который, на наш взгляд, должен соответствовать некоторым требованиям:

– должен ориентироваться на проблемные сферы криминалистики;

– должен быть отработан в общей психологии;

– должен опираться на криминалистические традиции;

– должен быть удобен для использования (не менее трех и не более десяти типов).

Из всех существующих типологических подходов данным требованиям соответствует только типология акцентуированных личностей, так как она применяется в криминалистических исследованиях, в том числе смежных с наукой о человеке; имеет практическую направленность; ввиду выделения небольшого количества психологических типов (десять) доступна для освоения лицами, не имеющими психологического образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахмедшин Р.Л.* К вопросу о применении в процессе допроса методик определения истинности сообщаемой информации // Состояние и проблемы развития российского законодательства. Томск, 1998. С. 119–123.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 марта 2014 г.

THE MAIN PROBLEMS OF RESEARCH OF SPEECH IN CRIMINALISTICS

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 152-154. DOI: 10.17223/15617793/383/23

Alekseeva Tatiana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tanyaalek@yandex.ru

Keywords: speech; structure of speech; perception of speech; typological approach.

In their professional activities, investigators often have to refer to speech as a source of information. Speech is able to characterize not only the identity of the suspect or a witness, but the features of his/her mental state. However, the most important purpose of using speech analysis for the investigator is identifying false testimony. Forensic researchers found that the voice and speech of people usually differ from each other. In addition, voice and speech convey information about the territorial and social affiliation of the speaker, his/her emotional state, his/her attitude to the interlocutor, utterance and the situation as such, his/her physiological, psychological and intellectual features. Signs of speech are individual, relatively stable and repeatable. They almost do not change during the life and possess a number of specific, peculiar features. Depending on various conditions speech acquires peculiar features. Participating in the formation of traces and reflection of events, the recorded spoken word becomes a carrier of forensically relevant information needed to identify and solve crimes. By itself, it is a complex system consisting of several subsystems. In the most general sense, it can be divided into two parts: verbal and nonverbal language (facial expressions, gestures). The article discusses speech as a total of verbal characteristics. Oral speech is quite an interesting, but also complex object for study, so both the researcher and the investigator will inevitably face some problems during investigative actions. The article highlights three blocks of forensically significant problems in the study of speech: 1) the specificity of speech as a criminalistic research object which comprises: multidimensionality of speech research, modality, complex structure of speech, problem of perceiving forensically important information; 2) the situation which includes dependence of human speech on the situation of interrogation and investigator's limited powers during interrogation; 3) the subjective perception of speech as a source of forensically important information, including the problem of the ambiguity of interpretation of the investigator's questions as well as of the testimony of the interrogated and the problem of choice of the typological approach to the study of speech. The optimal typology is proposed to be the typology of accented personalities.

REFERENCES

1. Akhmedshin R.L. *K voprosu o primenenii v protsesse doprosa metodik opredeleniya istinnosti soobshchaemoy informatsii* [On application of methods of determining the truth of the reported information during interrogation]. In: *Sostoyanie i problemy razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva* [Status and Problems of the Russian legislation]. Tomsk, 1998, pp. 119-123.

Received: March 25, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 155–158 DOI: 10.17223/15617793/383/24

УДК 343.2

А.Ф. Федоров

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ РЕЦИДИВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Дается анализ структуры личности осужденных, совершивших преступление не в первый раз. Автором выделены наиболее значимые признаки, образующие криминологическую характеристику преступников, явно корреспондирующие с основными детерминантами рецидива преступлений в современной России. Основные детерминанты рецидивной преступности связаны с повышенным уровнем употребления алкоголя и наркотиков, безработицей, низким уровнем образования и правовой культуры значительной части населения. С учетом этого автором на основе изучения конкретных уголовных дел установлен факт более сильного проявления у лиц, совершивших преступление повторно, таких признаков, как отсутствие стремления трудиться, заводить семью, повышать образование, злоупотребление алкоголем и наркотиками, пренебрежительное отношение к нормам поведения в обществе. Учет личностных особенностей повторных преступников должен лежать в основе работы по предупреждению преступного рецидива.

Ключевые слова: детерминанты преступности; рецидив преступлений; рецидивная преступность; безработица; структура личности.

Проблема преступности до сих пор остается в общественном сознании наиболее острой среди социальных проблем. С начала проведения комплекса политических, экономических и правовых реформ в Российской Федерации ее ставят по значимости на второе – третье место среди всех наиболее сложных социальных проблем [1. С. 3].

В первую очередь это связано с огромным количеством ежегодно регистрируемых преступлений, их низкой раскрываемостью и высокой латентностью. За прошедший 2013 г. в России было зарегистрировано 2 206 249 преступлений, из которых раскрыто только 1 238 251, что составило 56,1%. При этом 537 664 преступления (24,37%) относятся к категории тяжких и особо тяжких, раскрываемость которых еще ниже – 53,73%.

Огромной цифрой характеризуется и количество выявляемых ежегодно нарушителей уголовного закона. В 2013 г. их было зарегистрировано 1 012 563 человека.

С учетом этого нужно полностью согласиться с выводами А.И. Долговой, что ни один криминолог, какую бы научную школу он ни представлял, не может обойти проблемы, связанной с человеком, совершающим преступления. В криминологии изучение преступника, личности преступника подчинено выявлению закономерностей преступного поведения и преступности как массового явления, их детерминации, причинности и разработке научно обоснованных рекомендаций по борьбе с преступностью. Криминологическое изучение преступника не может быть исчерпывающим исследованием всей сложной комплексной проблемы человека и его деятельности.

Криминолог изучает преступность и преступников в рамках так называемого частичного детерминизма, когда раскрытие детерминант заведомо неполно с точки зрения философии, всех наук о человеке. Полнота здесь относительная, привязанная к предмету и методам криминологии.

Таким образом, возникает задача вычленения круга характеристик, позволяющих выявить ближайшие к преступлению и преступности причинные связи, причинные цепочки и комплексы [2. С. 330–340].

Данные выводы, на наш взгляд, совпадают с исследованиями Ю.М. Антоняна, согласно которым люди совершают преступления потому, что общество и в немалой степени природа всегда формируют у них такие особенности, которые затем проявляют себя в качестве причин преступлений. Эти особенности возникают и функционируют спонтанно и имманентно, можно предположить, что они (не полностью, хотя бы частично) наследуются. Однако последнее обстоятельство вовсе не говорит о фатальности преступного поведения применительно к конкретному лицу. Возможность криминального срыва зависит от воспитания, негативных, психотравмирующих обстоятельств прожитой жизни и т.д. [3. С. 5].

Многие криминологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что преступников отличает психологическая дистанция от других людей, многие из них одиноки и замкнуты, у них мало друзей и близких знакомых, они не имеют семьи и не стремятся завести ее, долго нигде не работают и переезжают из одного населенного пункта в другой, некоторые даже ведут бездомное существование, занимаются бродяжничеством. Для них характерно стремление к уединению, еще в детстве они предпочитали игры в одиночку. Такие особенности чаще наблюдаются среди насильственных, насильственно-корыстных преступников и воров.

Как утверждает Ю.М. Антонян, об этом убедительно свидетельствуют истории жизни отдельных преступников и преступниц, и особенно из числа рецидивистов [Там же. С. 33, 34], количество которых неуклонно возрастает.

Подтверждением этого выступают статистические данные, изученные нами за последние 5 лет, согласно которым из выявленных в России в 2009 г. 1 219 789 преступников 390 549 человек ранее совершали преступления (32%). В 2010 г. таких было уже 397 403 из 1 111 145 человек (35,77%), в 2011 г. – 401 894 из 1 041 340 (38,6%), в 2012 г. – 452 312 из 1 010 938 выявленных преступников (44,7%), а в 2013 г. – 482 520 из 1 012 563 преступников, или 47,7%.

Таким образом, наблюдается явная тенденция к росту количества лиц, ранее совершавших преступления, при том что так же явно видна тенденция к снижению общего числа преступников, что только усугубляет обозначенную проблему и достаточно убедительно свидетельствует о ее серьезности, а следовательно, и существенных недостатках в работе государственных

органов по ее решению. Еще более показательно данная проблема обостряется на уровне Сибирского федерального округа (СФО) и в Алтайском крае.

Применительно к повторному совершению преступлений И.М. Мацкевич определяет личность преступника-рецидивиста как «целостную совокупность взаимосвязанных социально значимых отрицательных свойств, которые во взаимодействии с внешними условиями и обстоятельствами обусловливают совершение повторных преступлений» [4. С. 617].

Обобщая сказанное, нужно согласиться с В.В. Городнянской, которая справедливо полагает, что личность человека, совершившего преступление, – это целостное образование, обладающее определенной структурой, состоящей из взаимосвязанных и взаимодействующих между собой позитивных и негативных элементов. Охарактеризовать особенности личности преступника – это значит раскрыть совокупность структурных элементов (признаков) такого лица в определенном соотношении [5. С. 100].

Традиционно большинство ученых все эти признаки условно разделяют на три группы – социально-демографические (пол, возраст, гражданство, образование, профессия, род занятий, семейное положение и др.), нравственно-психологические (интеллект, сила воли, эмоциональная сфера, ценностные ориентации и установки, зависимость от алкоголя и наркотиков и др.) и уголовно-правовые (объект посягательства, форма вины, наличие или отсутствие рецидива и др.).

С учетом сказанного в рамках данной статьи мы попытались установить некоторые особенности признаков структуры лиц, совершивших преступления повторно, которые непосредственно и явно соотносятся и с основными детерминантами преступности в современной России.

Если обратиться к истории вопроса, то И.Л. Хромов в своих исследованиях указывал, что тяжелые социальные условия, насилие, бездействие законов, голод, нищета и разруха, усугубляемые невиданной в истории цивилизации беспризорностью (более 8 млн человек), создавали для развития преступности идеальные условия [6. С. 124]. Это относилось к раннему послереволюционному периоду нашей страны.

В первые послевоенные годы, почти 70 лет назад, выдающийся советский ученый А.А. Герцензон обосновал круг основных причин, порождающих преступность в целом и рецидивную в особенности, таких как высокий уровень потребления алкоголя, безработица, высокий уровень цен на продукты питания, низкая заработная плата, плохое состояние жилищ, низкий уровень воспитания, образования и др. [7. С. 51–57].

В 1999 г. в работе «Преступность в России как она есть» С.В. Степашин, на тот момент министр внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, отмечал практически те же самые причины: «На криминальную обстановку существенное влияние оказал продолжающийся процесс высвобождения из сферы общественного производства значительного числа людей трудоспособного возраста. Именно из этой категории шло наиболее активное пополнение криминальной среды. Более половины от общего числа лиц, изобличенных в совершении преступлений, не имели постоянного источника дохода.

Отсутствие системы социальной реабилитации лиц с уголовным прошлым, практическая невозможность трудоустройства, отсутствие жилья – эти и другие подобные обстоятельства создают почву для роста рецидивной преступности» [8. С. 35–37].

Как видно из этих высказываний, ситуация с основными проблемами, связанными с преступностью, всегда оставалась крайне напряженной и, к сожалению, жизненные реалии сегодняшнего дня говорят о том, что данные причины не только не устранены, но и приобрели еще больший размах в плане негативного влияния на ситуацию с преступностью в целом и, тем более, на ситуацию с преступностью рецидивной, а также пополнились новыми современными причинами, связанными с проблемами наркомании, углубляющегося правового нигилизма населения, ослаблением основных социальных институтов и др.

Исходя из этого, мы взяли для своего исследования некоторые прямо корреспондирующие с данными причинами признаки структуры лиц, совершивших преступления повторно, с целью установления их реального состояния в настоящее время (пьянство, наркомания, уровень образования, тунеядство, отсутствие семьи). Для этого мы взяли выборку в Сибирском регионе за предыдущие пять лет из 250 конкретных уголовных дел, в которых фигурируют лица, совершившие преступления как минимум во второй раз, и сравнили их данные с некоторыми общероссийскими показателями.

Так, из выявленных в России в 2009 г. 1 219 789 преступников 186 077 человек находились в состоянии алкогольного опьянения (15,25%). В 2010 г. таких было уже 201 440 из 1 111 145 человек (18,13%), в 2011 г. – 221 536 из 1 041 340 выявленных преступников (21,27%), в 2012 г. – 272 684 из 1 010 938 (27%), а в 2013 г. 298 306 из 1 012 563 (29,5%).

По нашим же данным, среди тех, кто совершил преступление не в первый раз, в момент совершения преступного деяния в состоянии алкогольного опьянения находились 58% человек. Как видим, количество таких лиц практически в два раза превышает и без того очень высокий средний показатель по стране, что свидетельствует о явной деформации личности правонарушителей.

Аналогичная ситуация и с отношением к труду. В целом по России постоянно с каждым годом среди преступников увеличивается количество лиц, которые на момент совершения преступления не имели постоянного источника дохода. В 2009 г. их было 64,4%, в 2010 – 65,7, в 20011 – 66,3, в 2012 – 66,7, в 2013 – 65,7%. Что касается наших показателей, то можно отметить, что таких лиц было уже 73,3%, или почти три четверти. То есть опять мы видим явную деформацию в структуре личности повторных преступников. Ведь общеизвестно, что безделье развращает, ведет к привычке паразитического образа жизни, а в итоге – к деградации личности и совершению преступления.

Тревожная динамика прослеживается по преступлениям, совершенным лицами в состоянии наркотического опьянения. Количество таких лиц в России за пять лет выросло более чем в три раза – с 0,8% в 2009 г. до 2,5% в 2013 г. В рамках данного исследования при изучении уголовных дел по повторным преступлениям мы выбрали либо лиц, находившихся под воздействием

наркотиков, если это было указано в деле, либо если они совершили преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, когда про состояние преступников указано не было. Результат превысил предыдущие данные практически на порядок. А именно: среди повторных преступников количество лиц, так или иначе связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, составило 22,8%.

Очень плохие показатели, характеризующие личность повторного преступника, установлены нами также в отношении уровня образования и наличия семьи. Полное среднее образование имели только 40% преступников, а почти в половине изученных дел (47,3%) преступники имели образование от 5 до 9 классов.

Что касается наличия семьи, то среди совершеннолетних преступников, совершивших преступления во второй и более раз, находились в брачных отношениях только 13% с учетом даже тех, кто проживал в гражданском браке.

Такое положение дел ведет к реальной криминогенной социальной дезориентированности и изолированности отдельных людей, о чем указывал Ю.М. Антонян, выделивший следующие аспекты индивидуального отчуждения:

– социальная изоляция, чувство своей отверженности, непринятости окружающими, в первую очередь наиболее престижными группами, а также представителями противоположного пола;

– бессилие, переживание своей неспособности направлять и контролировать события, что особенно болезненно на уровне микрогрупп и повседневной жизни;

– бессмысленность, чувство непонятности, непостижимости общественных и личных дел, и особенно других людей, мотивов их поступков, намерений;

– нормативная дезориентация, необходимость прибегать для достижения своих целей к нравственно неодобряемым средствам, а также непонимание важности и необходимости действующих норм и стандартов;

– культурное отстранение, отрицание принятых в обществе или группе ценностей;

– самоотстранение, отказ от участия в действиях, которые хотя и служат показателем определенной социальной (групповой) принадлежности, тем не менее воспринимаются лишь как внешнее давление и не могут принести удовлетворения [3. С. 28].

Еще одной важной особенностью личности повторного преступника, на наш взгляд, сегодня является то обстоятельство, что очень многие из них после совершения преступления, можно сказать, «отделались легким испугом».

По мнению А.И. Долговой, гуманизация уголовной юстиции, противоречащая количественным и качественным характеристикам преступности, способствует тому, что значительное число лиц, совершивших преступления, освобождается от уголовной ответственности на разных стадиях уголовного процесса, а наказание в виде лишения свободы становится все более «исключительной» мерой, применяемой к злостным преступникам, совершившим тяжкие преступления [2. С. 847].

В этой связи Р.А. Сабитов констатирует, что при наличии оснований и условий, указанных в законе, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности несколько раз. Например, лицо, которое дважды или трижды давало взятки должностным лицам и каждый раз добровольно сообщало об этом работникам правоохранительных органов, в силу примечания к ст. 291 УК подлежит освобождению от уголовной ответственности. Повторность совершения преступления должна служить препятствием для неоднократного освобождения лица от ответственности ввиду его общественной опасности, что требует своего закрепления в уголовном законе. Многократное освобождение от уголовной ответственности способно породить неуважение к уголовному закону и безнаказанность [9. С. 344].

Несколько раньше по времени практически такую же позицию высказал Ю.М. Антонян: «Рецидив особо тяжких преступлений против личности в немалой степени формируется вследствие порочной судебной и пенитенциарной политики: суды за убийства и прочие опаснейшие преступления часто назначают неоправданно мягкие наказания, а администрация исправительных учреждений представляет к условно-досрочному освобождению лиц, которые несут наказания, явно не соответствующие содеянному; это рождает у освобожденных раньше окончания даже несурового срока наказания ощущение безнаказанности.

Конечно, с помощью одних наказаний, даже самых суровых, невозможно достичь успеха в борьбе с преступностью. Но наказание в числе предупредительных мер должно занимать вполне достойное место» [10. С. 46, 47].

Для наглядной иллюстрации результатов нашего исследования можно привести конкретный пример по одному из изученных нами дел.

19 апреля 2011 г. Новоалтайским городским судом (Алтайский край) рассмотренно дело № 1-242/2011 в отношении Триппеля Р.В, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 158 ч. 3 п. «а» УК РФ.

Из материалов следует, что Триппель Р.В. (1991 года рождения, образование 9 классов, холост, не работает, ранее судим 6 раз за кражи, из них два раза в силу ст. 73 УК РФ ему назначался испытательный срок, который не был выдержан в обоих случаях) 9 февраля 2011 г., будучи в состоянии алкогольного опьянения и заранее зная об отсутствии дома своих родственников, разбил оконное стекло, незаконно проник в их дом и совершил кражу вещей на сумму 62 800 руб. [11].

Как видно из приведенного примера, личности данного осужденного в полной мере присущи все изложенные нами особенности, характеризующие нарушителя уголовно-правового запрета во второй и более раз.

С учетом сказанного мы полагаем, что, несмотря на не очень большое количество изученных нами уголовных дел по материалам лишь одного региона, определенные личностные качества осужденных, совершивших преступление повторно, просматриваются достаточно явно.

Это отсутствие стремления трудиться, заводить семью, повышать образование. Это злоупотребление алкоголем и наркотиками. Это пренебрежительное отношение к нормам поведения в обществе, во многом обусловленное слишком гуманным наказанием.

Данные качества во многом присущи и лицам, совершившим преступления впервые, однако гораздо сильнее проявляются именно у тех, кто нарушил закон во второй и более раз. А это значит, что в рамках работы по предупреждению преступности вообще и рецидивной в особенности на них нужно обращать первостепенное и самое серьезное внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кабанов П.А.* Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
2. *Криминология* : учеб. / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. 912 с.
3. *Антонян Ю.М.* Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М. : ИД «Камерон», 2006. 304 с.
4. *Криминология* : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005. 734 с.
5. *Городнянская В.В.* Постпенитенциарный рецидив / под науч. ред. В.А. Уткина. М. : Юрлитинформ, 2012. 168 с.
6. *Хромов И.Л.* Противодействие преступности в учреждениях, исполняющих наказания: криминологические и оперативно-розыскные аспекты. М. : ИД «Юриспруденция», 2011. 239 с.
7. *Герцензон А.А.* Уголовное право (часть общая) // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1.
8. *Степашин С.В.* Преступность в России как она есть // Российская юстиция. 1999. № 6.
9. *Сабитов Р.А.* Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора. М. : Юрлитинформ, 2013. 368 с.
10. *Антонян Ю.М.* Проблема типологии преступников-рецидивистов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3.
11. *Архив* Новоалтайского городского суда за 2011 г. Дело №1-242/2011.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 февраля 2014 г.

PECULIARITIES OF PERSONAL QUALITIES OF PRISONERS AT RELAPSE OF CRIMES

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 155-158. DOI: 10.17223/15617793/383/24

Fedorov Aleksandr F. Barnaul Law Institute of the MIA of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: fedoroffaf@mail.ru

Keywords: determinants of crime; recidivism; recurrent crime; unemployment; the structure of personality.

Annually, the number of detected violators of the criminal law is enormous. In 2013, it was 1012563. There is an obvious trend toward the growth in the number of convicts who previously committed crimes. Their number in 2013 reached 47.7 per cent. With that said, a part of this work is an attempt to establish some features of the signs of the structure of repeat offenders which directly and clearly correlate with the main determinants of crime in general and recurrent one in particular. By leading researchers, among them in modern Russia are high consumption of alcohol, unemployment, high level of food prices, low wages, poor condition of housing, low level of education and other. On this basis, we chose to study some signs of the structure of repeated criminals that directly correlate to these reasons with an aim to establish their real status in the present (alcoholism, drug addiction, educational level, parasitism, absence of a family). We took a sample of the Siberian region for the previous five years from 250 specific criminal cases involving persons who have committed crimes at least a second time and compared them with some of the all-Russian indices. Out of 1219789 criminals identified in Russia in 2009, 186077 people at the time of the crime were in the state of alcoholic intoxication (15.25%). In 2013 those were already 298306 of 1012563, or 29.5%. According to our data about 58% of repeat offenders were in the state of alcoholic intoxication at the moment of committing a crime. As we see, the number of such persons exceeds by almost twice the already very high average rate in the country, which indicates a clear distortion of the perpetrators. The situation is similar with regard to labour. In Russia the number of persons who had no permanent source of income at the time of the crime is constantly growing. In 2009 it was 64.4%, in 2013 – 65.7%. As for our data, it was 73.3%, or nearly three quarters. Very poor indicators characterizing the personality of a repeat offender were established in relation to level of education, having a family and drug abuse. Thus, in the result of investigation of specific criminal cases we found that such qualities as lack of desire to work, have a family, to improve education, to cut down drug and alcohol abuse, as well as neglect to the norms of behavior in the society are much more evident in cases of repeat offenders. This means that in the prevention of recurrent criminality they should be given paramount and most serious attention.

REFERENCES

1. Kabanov P.A. *Politicheskaya prestupnost': ponyatie, sushchnost', vidy, prichiny, lichnost' politicheskogo prestupnika, mery protivodeystviya (kriminologicheskoe issledovanie). Avtoreferat diss. d.yu.n.* [Political crime: concept, essence, types, reasons, identity of the political criminal, counteraction measures (criminological research). Abstract of Law Dr. Diss.]. Ekaterinburg, 2008.
2. Dolgova A.I. (ed.) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Norma Publ., 2007. 912 p.
3. Antonyan Yu.M. *Pochemu lyudi sovershayut prestupleniya. Prichiny prestupnosti* [Why people commit crimes. Crime reasons]. Moscow: ID "Kameron" Publ., 2006. 304 p.
4. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. (eds.) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Yurist" Publ., 2005. 734 p.
5. Gorodnyanskaya V.V. *Postpenitentsiarnyy retsidiv* [Post-penitentiary recurrence]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2012. 168 p.
6. Khromov I.L. *Protivodeystvie prestupnosti v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh nakazaniya: kriminologicheskie i operativno-rozysknye aspekty* [Crime counteraction in establishments executing punishments: criminological and operational search aspects]. Moscow: ID "Yurisprudentsiya" Publ., 2011. 239 p.
7. Gertsenzon A.A. Ugolovnoe pravo (chast' obshchaya) [Criminal law (the general part)]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad – Russian Criminological Outlook*, 2008, no. 1.
8. Stepashin S.V. Prestupnost' v Rossii kak ona est' [Crime in Russia as it is]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*, 1999, no. 6.
9. Sabitov R.A. *Teoriya ugolovno-pravovogo regulirovaniya povedeniya litsa posle soversheniya im prestupleniya i vyneseniya emu prigovora* [The theory of criminal and legal regulation of behavior of the person after committing a crime and being sentenced]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2013. 368 p.
10. Antonyan Yu.M. Problema tipologii prestupnikov-retsidivistov [Problem of typology of recidivists]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal science and law-enforcement practice*, 2008, no. 3.
11. Novoaltaysk City Court Archive, 2011. Case no. 1-242/2011.

Received: February 24, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 159–169 DOI: 10.17223/15617793/383/25

ЭКОНОМИКА

УДК 330.8(4/9)

Г.С. Воробьёва

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

Кратко представлены основные подходы к рациональности в разных традиционных областях знаний (философии, экономики, социологии и др.) и междисциплинарных направлениях (экономической социологии, неоинституциональной экономики, экономической психологии и др.). Это позволяет обозначить тенденции современных представлений о рациональности с учётом эволюционных процессов, а также выявить перспективы их сближения на междисциплинарной основе.

Ключевые слова: рациональность; типы и формы рациональности.

С условиями реализации Модели человека, обеспечивающими баланс интересов человека и общества (в его разнообразных проявлениях на соответствующих уровнях), непосредственно связана проблема рациональности. Изучение эволюции представлений о рациональности в рамках различных областей науки позволяет выявить формирующиеся тенденции дальнейших исследований данной проблемы.

Логика исследования проблемы «рациональности» включает:

1) семантическую неоднозначность категории «рациональность»;

2) исторический, гносеологический, социокультурный, историко-научный и другие аспекты представлений о сущности и содержании «рациональности»;

3) подходы к категории «рациональность» в разных областях знаний (философии, экономики, социологии и др.);

4) типы и формы рациональности;

5) необходимость, обусловленность и целесообразность междисциплинарного подхода к категории «рациональность».

Однако логика исследования проблемы «рациональности» не ограничивается данными направлениями, она включает также и ещё две неотъемлемые её составляющие:

1) формирование представления об общей и индивидуальной (частной) цели (интересе), общественной (социальной) и индивидуальной (частной) рациональности;

2) условия и средства достижения общей цели (общего интереса), в том числе с учётом сочетаемости индивидуальной и социальной рациональностей.

Выполненный в статье анализ различных подходов к рациональности не претендует на исключительную полноту, является кратким и может отчасти носить фрагментарный характер, поскольку его цель – выявление тенденций современных представлений о рациональности с учётом эволюционных процессов.

Дискуссии о сущности и содержании «рациональности» невозможны без уяснения исторических причин, а также изучения подходов к данной категории в разных областях знаний (философии, экономики, социологии и др.). «Новые междисциплинарные исследования, которые, как замечает Н. Луман, обозначают тенденцию, позволяющую избежать старого противопоставления «наук о природе наукам о культуре или противопоставления предметных областей, данных либо в форме закона, либо в форме текста (герменевтически)» [1. С. 203]. На стыке традиционных областей знаний (экономики и психологии; экономики и социологии и др.) возникают различные новые междисциплинарные направления. В частности развиваются новые направлениями экономической социологии: социология рационального выбора; сетевой подход; культурно-исторический подход; этнографический подход. Другими примерами являются новый институционализм (неоинституциональная экономика) – Рональд Коуз, Марк Гранноветер, Нил Флигстайн, Дж. Коулман, В. Радаев, Дуглас Норт, Кеннет Эрроу (Kenneth Arrow), Джордж Стиглер (George Stigler), Армен Алчиан (Armen Alchian), Гарольд Демсец (Harold Demsetz), Оливер Уильямсон (Oliver Williamson), В. Зелицер и др., а также отечественная новосибирская школа экономической социологии (Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, З.И. Калугина, Т.Ю. Богомолова, П.С. Ростовцев, Е.Е. Горяченко, Г. Кирдина, О.Э. Бессонова и целый ряд других), белорусская экономико-социологическая школа (Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк и др.). В рамках нового институционализма также выделяются американское и французское течения. В американской социологии, непосредственно связанной с теорией организаций, условно (в зависимости от акцента на факторы) выделяются два течения. Первое течение – культурно-ориентированное (П. Димаджио (DiMaggio), У. Пауэлл (Powell), Н. Биггарт (Biggart) и др.), второе – властно-ориентированное (У. Бейкер (Baker), Н. Флигстин (Fligstein) и др.). В рамках французского институционализма развивается экономическая теория конвенций (Л. Болтански и Л. Тевено), исследующая обоснование ценностей (orders of worth) и их связь с шестью мирами (рыночный, индустриальный, домашний, гражданский, мир мнения и мир вдохновения), хотя этот список миров принципиально не ограничивается. В экономических отношениях главную роль играет неоднозначная связь между рыночным (регулируется ценами и краткосрочными калькуляциями) и индустриальным (основан на технологиях, инвестициях и перспективном планировании) мирами (порядками). Домашний мир основан на традиционных и личных взаимосвязях, родстве и локальности, в то время как гражданский мир – на коллективных интересах

и соблюдении демократических прав. Вероятность конфликтов между различными мирами (порядками обоснования ценности) обусловливает необходимость компромиссных соглашений и выбора способов координации хозяйственных взаимодействий.

В рамках культурно-исторического и этнографического подходов (М. Аболафия (Abolafia), В. Зелизер (Zelizer)) основное внимание при оценке ресурсов, сценариев действия, вырабатываемой идентичности, привязанности к конкретным сообществам и временным контекстам уделяется сетевым связям и институциональным устройствам с учётом акцента на совокупность значений, смыслов, культурно-нормативных схем (привычек, традиций, культурных навыков). Рациональность действия рассматривается как локальная культурная форма.

Постмодернистский вариант экономической социологии (С. Лэш (Lash), Дж. Урри) развивается с конца XX в. и связан с проведением исследований гендерных и этнических аспектов хозяйственных отношений. А. Этциони разрабатывает другое междисциплинарное направление (методы социологических, экономических, психологических и политических наук) – концепцию «социо-экономики», в рамках которой экономическое поведение человека должно быть дополнено особым, моральным измерением.

Другие примеры междисциплинарных исследований – экономическая антропология (М. Салинз и др.), развивающая взгляды Б. Малиновского, М. Мосса и К. Поланьи; экономическая психология (Дж. Катона (Katona), М. Арджайл (Argyle), А. Фернхем (Furnham)); новая политическая экономия (Я. Корнаи и др.), изучающая связь экономических и политических отношений. Всё это позволяет выявить новые подходы к изучению модельных представлений о человеке и особенностей их реализации на практике, а также разобраться в многообразии форм рациональности, получить более полное представление о проблеме рациональности в её историческом, гносеологическом, социокультурном, историко-научном и других аспектах.

«…Проблема рациональности предстаёт как проблема:

– рациональности знания – «рациональное» представляет синоним дискурсивного рассудочного мышления, которым обладает только наука, в особенности математика и математическое естествознание; она исторически долго, особенно в философии Нового времени, рассматривалась как парадигма рациональности вообще;

– рациональности действия – проблема рациональности превращается в проблему рационального (осмысленного, продуманного, заранее рассчитанного, целесообразного) действия, характерного для классического рационализма» [2. С. 33].

Философия. Изучение рациональности как предмета или объекта исследования разных наук следует начать с философии, так как «именно философия оказалась исторически первой формой общественного сознания, положившей ratio в основание собственного “здания”» [3. С. 47]. Начавшись в XIX в., изучение философией проблем рациональности существенно активизировалось в XX в. (К. Ясперс, М. Вебер, Т. Кун, И. Лакатос, К. Поппер, Р. Карнап, Г. Башляр, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер, Э. Гуссерль и др.).

Представления о сущности рациональности как в западной, так и в отечественной философии развиваются по двум направлениям [4. С. 153]:

1) отрицание рационализма, трактуемого через призму отношения к миру и способу взаимодействия с ним. Это обусловлено тем, что разум «не оправдал» надежд по решению непрерывно возникающих мировоззренческих проблем;

2) поиск новых форм рациональности.

Более того, «проблема рациональности по многим причинам является одной из центральных в современной философии. Можно показать, что почти все дискуссии, ведущиеся сегодня в разных областях философского знания, начиная с теории познания и философии науки и кончая этикой, социальной и политической философией, так или иначе выходят именно на эту проблематику» [3. С. 3]. «Философия жизни, возникшая как реакция (хотя и гипертрофированная) на издержки рассудочной эпохи Просвещения и на кризис “механического” естествознания, утверждает, что сознание и разум не могу претендовать на единственно правильную оценку реальности, поскольку область бессознательного оказывается шире области сознания и разума. Поэтому очевидные успехи естественных наук в направлении познания явлений природы контрастируют с их бессилием перед собственно человеческими проблемами, с которыми людям приходится сталкиваться в сложных ситуациях реальной жизни» [5. С. 23].

Разнообразные теоретические представления о рациональности западных и отечественных философов «делают акцент на таких чертах рациональности, как диалогичность, контекстуальность, динамичность, отказ от универсализации и абсолютизации» [Там же. С. 153].

Современные философы изучают происходящую смену методологических ориентиров в теории познания, заключающуюся в усилении «принципа взаимосвязи и взаимодействия научных и духовно-практических форм освоения мира, обращении к культуре в целом» [6. С. 97].

Другой не менее сложной проблемой в исследовании рациональности является выделение критериев. Ведь «…рациональность имеет целый ряд критериев, ни один из которых не обладает абсолютной значимостью. Ценностный критерий рациональности не менее актуален, чем, например, критерий логический» [3. С. 29].

Рациональность в классической трактовке – «систематичность, внутренняя согласованность, строгое соблюдение логических и методологических приемов и правил» [4. С. 153–154], познание действительности «как она есть сама по себе» без примеси человеческой субъективности [7].

Однако подобное представление рациональности (по мнению В.А. Лекторского) «…является неким идеалом, далеко не совпадающим с современными практическими реалиями. …это такого рода идеал, культивирование которого жизненно важно для судеб современной культуры» [8. С. 74].

«В философии постмодернизма складывается множество аспектов становления образа рациональности. В частности, Ж. Деррида и М. Фуко предлагают отка-

заться от бинарных оппозиций «рациональное – иррациональное», «конечное – бесконечное», «дух – материя» и т.п. Более того, они отказываются от классического понятия истины, научности, объективности» [4. С. 154].

Ж. Делеза и Ф. Гваттари предназначение науки видят не в познании реального мира (независимо от субъекта), а в особой «актуализации хаоса», где нет ни субъекта, ни объекта [9. С. 166, 167]. «Таким образом, устранение субъект-объектной противоположности, наметившееся в XX в., в философии Ж. Делеза и Ф. Гваттари находит воплощение в частичном наблюдателе, который наводит порядок в актуализированных элементах виртуального хаоса» [4. С. 154].

Изменения представлений о рациональности объективно обусловлены процессами формирования новой картины мира. Сама природа, считавшаяся в классической науке лишь объектом, в постнеклассической картине мира выступает как субъект, «организмическая хрупкая тотальность», в которую включен и сам познающий человек» [Там же. С. 153]. По мнению одного из крупнейших физиков И. Пригожина, «наука представляет собой систему, но систему открытую, «которая погружена в общество и связана с ним сетью обратных связей», необходима «расширяющаяся наука, которая сможет положить конец расколу между естествознанием и философией» [10. С. 108, 109]. Если в рамках механистической парадигмы исследуются «закрытые» системы, «закрытая» рациональность, то для современных «открытых» систем не могут применяться «принципы классической науки, поэтому главными свойствами новой рациональности должны стать неустойчивость и неравновесие» [4. С. 154].

Не остаются неизменными и представления об основных сущностных характеристиках рациональности.

Так, например, Н.С. Автономова исходит из того, что «взаимодействие, а не противопоставление рассудочного и разумного начал духа определяет феномен рациональности» [11. С. 55], т.е. из единства рациональных и иррациональных содержаний. Автономова как сторонник идеи единой рациональности предлагает трактовку «рациональности как умопостигаемости объективно общего, осуществляемой во взаимодействии рассудочного и разумного» [Там же]. При этом обращается внимание на то, что «все многообразие философских трактовок рациональности тяготеет к двум основным подходам – прагматико-функционалистскому и ценностно-гуманитаристическому, которые, в свою очередь, обнаруживают тенденцию ко все более тесному взаимодействию» [11. С. 48]. Прагматико-функционалистический подход «отличает детальная разработка критериев рациональности (как правило, представленных в виде шкал или градаций), конвенционализм или конвенционалистические тенденции в определениях рациональности. …характерна дифференцированность и дробность критериев рациональности; функциональность трактовок разумного действия в познавательной и практической сфере (понятие рациональности зависит от целей и задач концепции)» [Там же]. Для ценностно-гуманитаристического подхода «характерны либо представление о вторичности и, соответственно, малой значимости функций разума (фактически – рассудка) в сравнении с другими жизненными проявлениями человека, либо такое более широкое представление о разуме и разумности, которое выдвигает на первое место в жизни человека любые формы сознания, любые системы ценностей, кроме науки и ориентированной на науку философии. …Главное здесь – усмотрение разумности в тех сферах, где ее не видит прагматико-функционалистский подход – в сфере “творческой разумности”, в работе философа или художника, в спонтанном поступке или политической акции и пр.» [11. С. 49, 52, 53]. Предлагаемый Н.С. Автономовой концептуальный подход к единой рациональности «позволяет включить в нее многие частные определения и трактовки рациональности» [Там же. С. 57].

Н.С. Автономова говорит об осознании необходимости отказа от узкого, одномерного толкования рациональности: «…в последние десятилетия... весьма характерны взаимонаправленные тенденции, стремление учесть доводы другой стороны. Это, если угодно, некая совокупная попытка создания динамической концепции разума, включающей как интуитивно-творческий момент, так и механизмы его переработки в дискурсивные формы. Эта взаимонаправленность и взаимообращенность может быть проиллюстрирована двояко: аналитики и эмпирики начинают интересоваться ситуациями действия творческого разума, возникновением нового знания, а “субъективисты” начинают выше ценить моменты объективности, в частности рассудочной проработки мыслительных содержаний (при этом мостом от интуитивного к дискурсивному нередко становится язык)» [Там же. С. 57, 58].

Н.С. Мудрагей, исследуя «рациональность», отмечает: «Рациональное – это логически обоснованное, теоретически осознанное, систематизированное универсальное знание предмета, нечто “в масштабе разграничивания” (Хайдеггер). Это в гносеологическом плане. В онтологическом – предмет, явление, действие, в основании которых лежит закон, формообразование, правило, порядок, целесообразность. Рациональное явление прозрачно, проницаемо, а потому его можно выразить рациональными средствами, т.е. понятийно, вербально, оно имеет коммуникабельный характер и потому способно быть передаваемо другому в рациональной форме» [3. С. 62].

По мнению А.И. Ракитова, рациональность – понятие, обозначающее совокупность стандартов социально-группового поведения, обслуживающих социально значимые для данного социума цели [12. С. 69].

А.Л. Никифоров рассматривает рациональное с точки зрения эффективности, где эффективность – объективная характеристика соответствия цели, средств и результатов деятельности. Критерием рациональности является достижимость цели: «...если цель достигнута, действия и средства были рациональны; если же цель не достигнута, действия не были рациональны» [13. С. 295–313].

В.С. Швырёв выделяет следующие признаки рациональности: «Исходным моментом для экспликации категории рациональности должно явиться представление о соразмерности, соответствии человеческой позиции реальному положению дел, той реальной ситуации, “идеальным планом” действия по отношению к

которой выступает соответствующая человеческая позиция. Это исходное представление охватывает как рациональность познавательной позиции, так и рациональность действия. Однако сама эта соразмерность, соответствие при рациональном мироотношении должна быть предметом специального внимания, специального усилия. Таким образом, рациональность в сути своей… связана с рефлексивной установкой, и можно говорить о рационально-рефлексивном типе мироотношения. …Соответственно, если говорить о рациональности работы со знаково-символическими моделями мира (идеальными конструкциями сознания), то рациональность появляется тогда, когда последние становятся предметом сознательного критико-рефлексивного анализа в плане их отношения к реальности» [3. С. 117, 118]. Кратко В.С. Швырёв «рациональность» определяет следующим образом: «Рациональность, если ее характеризовать в самом широком виде, имеет место там, где существуют специальные усилия осознания по анализу соразмерности, соответствия его позиции реальной ситуации, на которую это осознание направлено» [Там же. С. 122].

Таким образом, необходимо создать модель процессов мышления и выбора поведения индивидом, обеспечивающую согласованность интересов индивида, фирмы, региона, страны (нано-, микро-, мезо- и макроуровней). Трактовки рациональности, близкие нам (Н.С. Автономовой и В.С. Швырёва), учтены в предлагаемом подходе к акцентированию сущностных признаков рациональности при построении пространственной Модели стратегической цели (иначе – Модели рационального согласования интересов) [14. С. 144–148; 15. С. 6–24; 16. С. 134–139]. В предлагаемой пространственной Модели каждый из участников – носителей интересов (на каждом из уровней экономики, рассматриваемой в качестве сложной, многоуровневой системы) в процессе реализации Модели экономического человека должен будет осуществлять собственный выбор вектора развития, вектора реализации своих интересов, не вступая в противоречие и / или конфликт с другими участниками – носителями интересов, имея возможности для рефлексивного контроля своих действий и действий других участников.

Социология. Наряду с философией, в социологии существует множество неоднозначных и зачастую противоречивых подходов к пониманию рациональности, выделению её инвариантного признака.

Так, например, исследование рациональности социальных систем с позиций сформулированного В.Г. Немировским диатропического принципа минимального универсума [17; 18. С. 39–49; 19; 20] и развитого Д.О. Труфановым до универсумной социологической теории рациональности основано на применении в качестве критерия признака рефлективной оформленности, разграничивающего рациональность и иррациональность. Это позволяет под рациональностью понимать совокупность «рефлективных содержаний социальной реальности, конституированных рефлективными практиками индивидуальных и групповых социальных субъектов» [21. С. 269–272], в то время как нерефлективные (иррациональные) содержания выходят «за пределы вербально-логического способа оформления» [22. С. 88].

Анализируя различные подходы к теории рационального действия в социологии, Джон Голдторп [23. С. 24, 25] использует следующие критерии:

– наличие требований к рациональности (объективная и субъективная рациональность, обусловленная рациональность в экономике и когнитивная рациональность в социологии);

– акцент на ситуационную и / или процедурную рациональность;

– нацеленность на выработку общей (а не частной) теории действий.

Джон Голдторп под рациональным действием понимает «действие, ориентированное на достижение результата, включающее в себя цели индивида, его взгляды на возможность их достижения и “курс” действия, которым он следует» [24. С. 22]. Оценка способности индивида к достижению своих целей позволяет «...индивиду менять способ действия в соответствии с изменением ситуации. Нерациональным будет считаться действие, при котором такая оценка не проводится. В этом случае речь может идти о традиционном или социально-нормативном действии» [Там же. С. 25]. Рассматриваются, прежде всего, индивидуальные действия. В частности, в сфере экономики индивиды «имеют полное знание о ситуации и используют его для достижения своей цели – максимизации прибыли. При этом предполагается, что индивид понимает все альтернативные варианты, открытые перед ним не только в данный момент, но и в будущем. Он также понимает последствия каждого из вариантов действия и объединяет частные конфликтующие ценности в одну полезную функцию, определяющую будущее состояние мира» [Там же. С. 23].

Одно из новых направлений экономической социологии – социология рационального выбора (Дж. Коулмен (Coleman)) – представляет собой возрождение утилитаризма в социологии (человек как максимизатор полезности), поскольку базируется на теории социального обмена (Дж. Хоманс), экономических теориях рационального выбора и принципе методологического индивидуализма. При этом вводится более сложное понимание ресурсных ограничений, предпосылка совершенного рынка замещается анализом социальной структуры. Основное внимание уделяется поиску инструментов для разрешения проблемных ситуаций, которые сложно объяснить в рамках экономического анализа (паника на бирже; доверие в обществах взаимного кредитования и т.п.), т.е. «микрооснований» для макротеории. Это достигается перенесением принципов методологического индивидуализма на уровень корпоративных субъектов-акторов, а не изолированных homo economicus.

Психология. В экономической психологии имеются направления, изучающие разнообразные экономические проблемы, в частности отклонения от рационального поведения:

– Теория обоснованного действия (И. Айзен, М. Фишбейн) [24];

– социально-психологический портрет бережливого человека (П. Лунт, С. Ливингстоун) на основе исследования значения антропологии, кросс-культурных исследований и социологии [25];

– социально-психологические исследования нищеты и безработицы (А. Фурнхем, Льюис, М. Яхода и др.) [26; 27. С. 335–352; 28. С. 311–322];

– исследования кризисов задолженности [29; 30. С. 963–985; 31. С. 85–120];

– теория перспектив (Д. Канеман, А. Тверски), согласно которой «люди используют различные специфические формы рассуждения и стремятся скорее к обоснованности, чем к оптимальности» [32. С. 8–16]. В рамках теории исследуются причины отклонений от рационального поведения, что позволило выявить следующие эффекты:

А) «Эффект формулирования вопроса» [33. С. 36–37; 34. С. 1259–1262; 35. С. 39–60];

Б) «Эффект умственной бухгалтерии» (неодинаковое отношение к различным источникам дохода в зависимости от собственных субъективных предпочтений экономических агентов) [36. С. 304–323; 37. С. 253–282];

В) «Эффект склонности к определённости» (нежелание людей менять status quo; стремление идти на сохранение существующего положения дел заставляет совершать определенные траты, снижая итоговый результат) [38];

Г) «Эффект зеркального отражения» (более болезненное восприятие потерь в сравнении с равным по сумме выигрыша);

Д) «Эффект всезнания» (завышение человеком собственных оценок об окружающем мире: «эвристика представления» – отношение к окружающим явлениям как к известному, уверенность в правильном определении сути; «волшебство воображения» – «выявление» причинно-следственных связей между явлениями, которые никак на самом деле между собой не связаны; «квазиволшебство воображения» – поведение человека, определяемое принципом претворения мыслей, даже если человек понимает их несбыточность; близка к этому феномену так называемая ложная память – убежденность в своих собственных прогнозах текущих событий, даже когда эти прогнозы вообще не производились) [Там же];

Е) «Эвристика доступности» – выделение из доступных данных наиболее важных в ущерб остальной информации;

Ж) «Эффект привязки», или «эвристика привязки и корректировки», способствует иррациональному выбору из-за особенностей восприятия различных чисел человеком;

З) «Эвристика репрезентативности» – суждение на основе сложившихся стереотипов, пренебрегая другой важной информацией.

Экспериментальное подтверждение теории перспектив [35. С. 39–60; 39. С. 75–92; 40. С. 1325–1348; 41. С. 193–206; 42. С. 609–643; 43. С. 1832–1847], начиная с 1990-х гг., можно показать на примере следующих полученных результатов:

1) математические модели, объясняющие иррациональное поведение субъектов, например, откладывание принятия важных решений (Мэттью Рабин) [44. С. 144–170; 45];

2) исследование силы воли и эгоизма (Муллайнатан Сендхил) [46. С. 67–72];

3) немаксимизирующее поведение на примере таксистов в Нью-Йорке (связь между установлением определенной нормы выручки и продолжительностью работы в «хорошие» и «плохие» дни) (Колин Камерер) [47].

Тем не менее, несмотря на достоинства теории перспектив, следует учитывать и присущие ей недостатки. В частности, на несовершенство и приблизительность выводов, на «принципиальную неаналитичность иррациональности» указывали даже Канеман и Тверски (1992 г.), отмечая, что «выбор является процессом конструктивным и ситуационным. Столкнувшись со сложной проблемой, люди... используют приблизительные и отрывочные расчеты... принимают упорядоченные решения, хотя их рациональность не всегда отвечает принятым критериям» [36. С. 301, 302]. Предсказуемость упорядоченных действий не позволяет относить их к произвольным только на основании несоответствия жёстким теоретическим постулатам.

Развитие психологии (прежде всего экспериментальной), а также накопление информации о противоречивости классических представлений о рациональности современному этапу научной мысли (табл. 1) способствовали развитию поведенческой экономики как одного из разделов экономической теории, которая исследует предсказуемые отклонения от рационального поведения и не ограничивается представлением о рациональности только через призму человека-максимизатора (дохода, полезности), обусловили необходимость изучения форм нерационального поведения «как отдельного человека, так и целого сообщества» [38].

Использование методов психологии в экономике получило распространение в конце XX в. (табл. 1), в том числе дополнив экономическую науку подходами к понятию «иррациональность».

Таблица 1

Взгляд на немаксимизирующее поведение в разных науках

Экономика	Экономическая психология
Ограниченная рациональность в экономике предполагает ограниченность когнитивных способностей и добровольное недостижение максимизирующего результата	Ограниченная рациональность в экономической психологии исходит из неспособности достижения максимизирующего результата из-за психологических причин
«Рациональность» применяют к результату выбора, воплощенному в поведении	«Рациональность» применяют именно к процедуре принятия решения, а не к её результату. Невозможно процедуры выбора описать однозначно, так как ответ зависит от формулировки вопроса, а не от ожидаемой полезности или «удовлетворительного результата»
Недостаточный объём информации для учёта всех факторов экономического поведения человека, позволяющий рассматривать его как многогранное существо во всех его проявлениях (во всех основных сферах жизнедеятельности)	Большой объем информации на основе многочисленных экспериментов; полное использование имеющихся в распоряжении данных – скорее, редкое исключение, чем правило [48. С. 48]; была окончательно опровергнута аксиома транзитивности (инвариантности)
Человек совершает выбор, руководствуясь максимизацией полезности, поиском «удовлетворительного результата»	Человек может не максимизировать свой доход, делать выбор, не максимизирующий полезность

Экономика. Для современного этапа развития представлений о рациональности в экономике характерно одновременное «присутствие» разных (в том числе и противоречивых) подходов к рациональности (табл. 2), поскольку «для всего того, что относится или примыкает к основному неоклассическому течению экономической мысли, такие категории, как коллективный интерес или коллективное действие, – это неопознанные явления» [49. С. 83].

Развитие представлений о рациональном поведении было обусловлено имеющимися противоречиями между теоретическими и реальными данными, а также чрезмерной абстрактностью модели рационального человека (рис. 1).

Таблица 2

Представления о рациональности в экономике

Авторы	Характеристика рациональности
Дж.С. Милль, Дж. Бентам	В основе общечеловеческой морали лежит принцип утилитарности или максимального счастья, т.е. все действия должны считаться правильными или ошибочными с единственной точки зрения: способствуют ли они достижению счастья или нет. Счастье при этом означает удовольствие и отсутствие боли и страданий, несчастье – страдания и отсутствие удовольствия (цит. по: [50. С. 444])
У.С. Джевонс, К. Менгер, Л. Вальрас	Рациональность как выбор, максимизирующий полезность. Важность субъективной составляющей при принятии решения и невозможность объективной оценки мотивов человека
Л. Роббинс	Экономическая наука не ограничивается рамками «материалистического определения», а изучает человеческое поведение «с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [51. С. 18]. Экономическое действие, рациональное действие и любое действие человека – синонимы. В каждый момент времени разные цели обладают различной важностью
Г. Беккер	«…экономический подход уникален по своей мощи, потому что он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения и предлагает плодотворную унифицированную схему для понимания всего человеческого поведения» [52. С. 26]. «…человеческое поведение характеризуется тем, что участники максимизируют полезность при стабильном наборе предпочтений и накапливают оптимальные объемы информации и других ресурсов на множестве разнообразных рынков» [Там же. С. 38]. В основе экономического метода лежат три условия: максимизация функции полезности или богатства; равновесие и устойчивость вкусов (предпочтений)
О. Моргенштерн, Дж. Нейман	Люди, будучи в основной своей массе не склонными к риску, не максимизируют доход в стремлении максимизировать ожидаемую полезность, которая есть сумма ожидаемых полезностей всех возможных исходов
М. Фридман, Л.Дж. Сэвидж	Функция ожидаемой полезности с точками перегиба. Это углубляет анализ поведения человека в условиях риска и неопределенности [53. С. 208–249]
Г. Саймон	Концепция ограниченной рациональности. Концепция, ставящая под сомнение максимизирующее поведение. Ограниченность когнитивных способностей человека, отрицание предпосылки полноты информации, доступной экономическим субъектам, обусловливают замену максимизации полезности достижением удовлетворительного результата [54. С. 16–38]. Существует определенный уровень целей (или желаний), достижение которых человек может охарактеризовать как «удовлетворительный». В случае невозможности достичь этого уровня в течение некоторого времени, предпочтения могут изменяться в сторону уменьшения. В результате индивид будет стремиться не к максимизации полезности, а к достижению «удовлетворенности». В поисках оптимального решения человек, ведя себя вполне рационально, чаще всего останавливает поиски на каком-то приемлемом для него варианте, так и не найдя оптимального. Следует уделять внимание не только рациональности выбора, но и рациональности процедур принятия решений. Рациональность человека может быть ограничена следующими факторами: ограниченность возможностей по обработке информации; интеллект как ограниченный ресурс (невозможность всегда давать адекватную оценку информации и одинаково эффективно использовать интеллект в ситуации нескольких различных процедур выбора); процедуры (алгоритм) рационального поиска (приемлемый результат, а не наиболее оптимальный, так как в условиях обилия информации рациональным будет разработка приемлемого алгоритма поиска, а не перебор всех альтернатив); внимание как ограниченный ресурс (вероятность отклонений от рационального поведения из-за концентрации внимания при решении множества различных проблем или одной, но сложной проблемы). Данный подход мало используется в аналитических целях из-за сложности формализованного анализа
Ходжсон Резенфорд	Проблема выбора с учетом норм, традиции и правил: «Для индивида совершенно рационально подчиняться существующим социальным или юридическим нормам, если издержки подчинения делают приверженность норме его максимизирующим выбором в любом случае» [48. С. 41]
В. Ванберг	«Сущность следования правилам заключается не в том, чтобы взвешивать или вычислять в каждом конкретном случае, а в том, чтобы оставаться до некоторой степени невосприимчивым к меняющимся особенностям каждой ситуации выбора» [Там же. С. 42], т.е. избегать совершения обдуманного выбора. Индивиды избегают дополнительных умственных усилий в непривычных ситуациях [55. С. 1–22]
Поппер	Рациональность проявляется в том, что «индивиды всегда действуют в соответствии с ситуацией, в которой находятся» [56. С. 28–30]

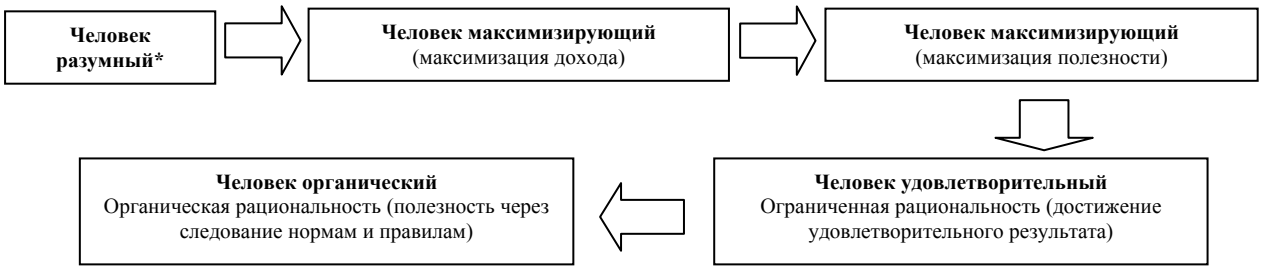


Рис. 1. Эволюция представлений о рациональности в экономике. *«Рациональность» трактуется как тождественность разуму, что является следствием веры в человеческий разум и объективно существующую истину

«Все, с чем имеет дело неоклассическая экономическая теория, описывая взаимодействие своих индивидов, – это ценовой механизм рынка. Очевидно, что отношения коллективной сопряженности не могут быть редуцированы ни к какому ценовому механизму, и в этой связи возникает необходимость в идентификации иных, традиционно неэкономических факторов» [49. С. 83]. При изучении формирующихся современных представлений о «рациональности» экономисты отошли «от предположения о рациональном поведении людей, принимая нас такими, какие мы и есть в действительности: противоречивыми, неуверенными и немного сумасшедшими» [38].

Для решения современных проблем функционирования экономики необходимо не отказываться от рациональности, а переосмыслить представления о её различных типах и формах, «которые не были бы односторонне технологическими и узко сциентистскими» [3. С. 4], не забывая при этом, что внедрение рационального начала в общество, экономику и природу не беспредельно.

Выявление основ многозначности рациональности позволяет понять обусловленность существования разных типов рациональности. Полиморфность (полиморфизм (от греч. πολὺ- – много, μορφή – форма)) рациональности обусловливает разнообразие теоретических подходов к ее осмыслению, своеобразный теоретический плюрализм. Можно встретить достаточное разнообразие типов рациональности, например, философская, социальная, гуманитарная, политическая, экономическая и др.

Г.Д. Левин под рациональной деятельностью понимал деятельность, соответствующую «объективной связи вещей», т.е. объективным законам природы («или, как сказали бы древние, нусу, логосу, рацио мира»). «Рациональной или нерациональной может быть не только деятельность, но и ее цель. Цель рациональна, если она адекватна (М. Вебер), во-первых, “объективной связи вещей”, во-вторых, природе ставящего эту цель индивида, в-третьих, тем конкретным условиям пространства и времени, в которых эта цель ставится. Деятельность рациональна только если рациональна ее цель. Второе условие – адекватность деятельности этой рациональной цели. Это целерациональность. Третье условие – адекватность нусу, логосу, рацио мира. Это… логико-методологическая рациональность. Адекватность конкретным пространственно-временным условиям порождает еще одну форму рациональности – ситуационную (термин А.Л. Никифорова). И, наконец, пятое условие рациональности – адекватность природе самого действующего индивида – его потребностям и возможностям. Назовем эту форму рациональности субъектной. Строго говоря, это не самостоятельно существующие формы рациональности, а как бы составляющие единой равнодействующей, лишь в своем единстве они делают деятельность рациональной» [Там же. С. 286, 287].

Н.С. Автономова выделяет следующие «виды рациональности – эпистемическая, связанная с обоснованностью мнений-убеждений (beliefs), и практическая, связанная с выбором наилучшего способа практического действия» [11. С. 50].

«…Идеи открытости и системности получили развитие в трудах таких отечественных мыслителей, как В.С. Степин, В.С. Швырёв, Н.Н. Моисеев, А.А. Самарский и др., и в значительной мере оказали влияние на становление современного образа рациональности [4. С. 155].

Так, например, В.С. Швырёвым [3. С. 11–13, 117] выделяется два типа рациональности и соответствующие две формы рациональности (рациональность познавательной позиции и рациональность действия). В частности, различаются два типа:

1. «Закрытая» рациональность. Она «связана с движением в некоторой заданной концептуальной системе, исходит из определенной совокупности выраженных с большей или меньшей степенью эксплицитности предпосылок и положений, лежащих в основании этой системы, определяющих ее рамки и структуру. …это деятельность внутри принятой сетки познавательных координат, задающей определенное концептуальное пространство, конструктивные аспекты, деятельность этого типа связана с расширением заданного концептуального пространства. …это работа в некоем закрытом концептуальном пространстве, очерчиваемом содержанием некоторых утверждений, выступающих в данном познавательном контексте как исходные, не подлежащие критическому анализу». «В познавательной деятельности “закрытая” рациональность проявляется… в утверждении определенной концептуальной позиции, в ее разработке, ее распространении. В контексте же практической деятельности «закрытая» рациональность, выступая как ее идеальный план, ее программа, оказывается связанной с целесообразностью этой деятельности, ее направленностью на определенный зафиксированный конечный итог, эффект» [Там же].

2. «Открытая» рациональность. «Предполагает способность выхода за пределы фиксированной готовой системы исходных познавательных координат, за рамки жестких конструкций, ограниченных заданными исходными смыслами, абстракциями, предпосылками, концептуальными ориентирами и пр. При этом необходимым моментом “открытой” рациональности, который отличает ее от “закрытой”, является установка на критический рефлексивный анализ исходных предпосылок концептуальных систем, лежавших в основе данной ее познавательной позиции, определяющей ее “парадигмы”. “Открытая” рациональность тем самым предполагает перманентное развитие познавательных возможностей человека, горизонтов его постижения реальности». Открытая рациональность – это «…конструктивное взаимодействие самостоятельных позиций, учитывающих аргументацию со стороны иных точек зрения. Это определенным образом организованная совместная деятельность, обязательно предполагающая некий консенсус в виде принятых “правил игры”. Без наличия этих правил никакой рациональной деятельности быть не может. И что очень важно, указанный выше консенсус предполагает некоторое общее (хотя рамки его могут быть весьма различными) понимание характера проблемной ситуации» [Там же].

Рационально-познавательная деятельность В.С. Швырёвым связывается со сферой целеполагания (поиск новых целей в познании, свобода творчества и проры-

вы к новым горизонтам человеческого «мироотношения»).

Однако если В.С. Швырёв выделяет две формы рациональности (рациональность познавательной позиции и рациональность действия), то Е.П. Никитин [57] ведёт речь о специализированных формах рациональности, возникающих «в рамках фундаментальных начал духа на определенных этапах его эволюции», отмечая, что «в рамках эстетического начала это – искусство, познавательного – наука, нравственного (а этот термин здесь имеет очень широкое значение – фиксирует то начало, которое регулирует отношения между людьми) – право и политика» [3. С. 56, 57].

В.С. Стёпин выделяет новый тип рациональности – постнеклассическую рациональность, которая присуща сложным, «человекоразмерным системам», включая ценностно-смысловые установки человека как субъекта и объекта познания. Мышление распространяется на процесс, субъект и объект рассматриваются на равных. «Рациональное понимание делает возможной позицию равноправия всех “систем отсчета” (базовых ценностей) и открытости различных культурных миров для диалога» [58. С. 199]. В.С. Стёпин расширяет понятие рациональности посредством учёта социокультурных факторов, формирования новых ценностей и мировоззренческих ориентиров.

Таким образом, концепция единства рациональности должна учитывать диалектическое единство «многообразия проявлений разума. Рациональность научная, философская, религиозная и т.д. – не альтернативы, но грани единого и многоликого человеческого разума. Все дело в акцентах, приоритетах: научных, нравственных, художественных и т.д., сменяющих, но не отменяющих друг друга в силу объективных условий исторического и логического развития человеческой культуры» [3. С. 29].

«Диалог, общение и понимание, охватывающие формы как научного, так и ненаучного знания в их совокупности, являются основой для построения еще одной модели новой рациональности, предложенной Ю. Хабермасом» [4. С. 155]. «Теория коммуникативного действия», как он считал, призвана устранить парадоксы современной рациональности через сферу коммуникации, взаимодействия людей, языков, культур и т.д. «Коммуникативное действие вводит нечто общее для индивидуального и социального и создает сферу интерсубъективности; его цель – достижение понимания и соглашения, основанного на общности убеждений, а не на принуждении» [11. С. 60, 61]. В процессе коммуникативных действий субъектами вырабатываются интерсубъективные смыслы (цели, ценностные ориентиры и др.) и координируются совместные действия в соответствии с достигнутыми соглашениями. Результатом коммуникативных действий (беседы, нормативно регулируемые действия и пр.), по мнению Ю. Хабермаса, является эмпирическое и теоретическое знание; морально-практическое знание; эстетическое знание.

Рациональность он рассматривает через деятельность, управляемую разумом и преследующую определённую цель в определённой социальной среде, поскольку человек является социальным агентом, действия которого неотъемлемо связаны с общением. Рациональной является только деятельность, соотнесённая с деятельностью других людей. Критерием «коммуникативной рациональности» социального действия у Хабермаса является достижение понимания.

Ю. Хабермас определяет модерн как «вторжение экономической и административной рациональности модернизации в сферу коммуникативной рациональности». Понятие коммуникативной рациональности активно им используется для экспликации основополагающих условий человеческого понимания. В коммуникативной рациональности когнитивные истолкования, моральные ожидания и суждения оценки даны в неразрывном единстве. «Если, по утверждению М. Вебера, для дискурса Просвещения характерна “дифференциация аспектов рациональности”, т.е. возникновение относительно автономных форм рациональности науки, искусства и морали, то в коммуникативной рациональности – по определению – смыслы собственно познавательных, эстетических и моральных суждений слиты воедино. И в этом отношении коммуникативная рациональность выступает первичной основой человеческого понимания вообще.

В соответствии с классической рациональностью мышление ориентируется на чёткие логические критерии истины (коммуникационные отношения игнорируются). В соответствии же с коммуникативной рациональностью признаётся необходимость учёта индивидуальных особенностей человека, достижение консенсуса путем диалога, взаимных компромиссов и согласований (отрицается существование единых логико-методологических процедур поиска истины)» [4. С. 156]. Именно поэтому немецкий философ Г. Вальденфельдс назвал мир естественной установки «плавильным тиглем рациональности» [3. С. 228].

Таким образом, анализ подходов к рациональности позволил выявить тенденции современных представлений о рациональности с учётом эволюционных процессов, перспективы их сближения на междисциплинарной основе. При проведении исследований в области рациональности необходимо учитывать иррациональные и непредсказуемые элементы, одним из возможных подходов к этому является предлагаемая Модель стратегической цели (иначе Модель рационального согласования интересов) [14. С. 144–148; 15. С. 6–24; 16. С. 134–139].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Теория* общества: фундаментальные проблемы. М. : Канон-Пресс, 1999. 416 с.
2. *Масалова С.И.* Гибкая рациональность уплотнения научного знания: когнитивный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 2(10). С. 32–45.
3. *Исторические* типы рациональности / отв. ред. В.А. Лекторский. М. : ИФ РАН, 1995. Т. 1. 350 с.
4. *Сидорова Л.П.* Западные и отечественные концепции рациональности: сравнительный анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 153–158.

5. *Виттих В.А.* Парадигма ограниченной рациональности принятия решений – 1 // Вестник Самарского государственного технического университета (серия «Технические науки»). 2009. № 3 (25).
6. *Фарман И.П.* Рациональность как проблема культуры и познания // Исторические типы рациональности. М., 1995. Т. 1.
7. *Кохановский В.П., Лешкевич ТТ., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б.* Основы философии науки. Ростов н/Д : Феникс, 2004.
8. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
9. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? СПб., 1998. 285 с.
10. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
11. *Автономова Н.С.* Рациональность: наука, философия, жизнь // Рациональность как предмет философского исследования. М., 1995. С. 48–76.
12. *Ракитов А.И.* Рациональность и теоретическое познание // Вопросы философии. 1982. № 11. С. 68–81.
13. *Никифоров А.Л.* Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // Рациональность на перепутье : в 2 кн. М., 1999. Кн. 1.
14. *Рощина Г.С.* Концептуальный подход к разработке стратегии развития территории: соединение универсальности и индивидуальности // Вестник ТГУ. 2010. № 332 (март).
15. *Рощина Г.С.* Концептуальный подход к разработке модели национальной идеи: соединение универсальности и индивидуальности // Сборник материалов Всероссийского открытого молодёжного конкурса. М., 2010.
16. *Рощина Г.С.* Возможности целевого управления моделью человека для достижения устойчивого социально-экономического развития экономики // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364 (ноябрь).
17. *Немировский В.Г., Кудрявцева В.И.* Универсумный подход к динамике социальных систем: анализ и прогнозирование. Красноярск ; Минск, 2003.
18. *Немировский В.Г.* Универсумная парадигма современной российской социологии как перспектива развития // Социология. Научно-теоретический журнал. 2004. № 1.
19. *Немировский В.Г., Невирко Д.Д.* Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. М., 2008.
20. *Научная* школа В.Г. Немировского «Постнеклассическая (универсумная) социология». URL: http://www.research.sfu-kras.ru/science/schools/nemirovskii
21. *Труфанов Д.О.* К вопросу об общей социологической теории рациональности // European Social Science Journal. 2012. № 1.
22. *Труфанов Д.О.* Универсумная социологическая теория рациональности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 87–91.
23. *Фомичёв П.Н., Голдторп Дж.* Теория рационального действия и социология // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. Реферативный журнал. 1993. № 3. С. 22–25.
24. *Ajzen I., Fishbein M.* Understanding Attitudes and Predicting Social Behaviour. Englewood Cliffs, N.J. : Prentice-Hall, 1980. 278 p.
25. *Lunt P., Livingstone S.* Mass Consumption and Personal Identity. Buckingham, U.K. : Open University Press, 1992. P. 224.
26. *Jahoda M., Lazarefeld P., Zeisel H.* Marienthal: The sociography of an unemployed community. Transaction Publishers, 2002. P. 128.
27. *Furnham A.* Explanations for unemployment in Britain // European Journal of Social Psychology. 1982. № 12.
28. *Furnham A.* Why are the poor always with us? Explanations for poverty in Britain // British Journal of Social Psychology. 1982. № 21.
29. *Ford J.* The Indebted Society: Credit and default in the 1980s. London : Routledge, 1989. 208 p.
30. *Livingstone S., Lunt P.* Savers and borrowers: Strategies of personal financial management // Human Relations. 1993. № 46(8).
31. *Lea S.E.G., Webley P., Levine R.M.* The economic psychology of consumer debt // Journal of Economic Psychology. 1993. № 14(l).
32. *Лунт П.* Психологические подходы к потреблению: вчера, сегодня, завтра // Иностранная психология. 1997. № 9.
33. *Канеман Д., Тверски А.* Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 4. С. 31–42.
34. *McNeil B., Pauker S., Sox H.Jr., Tversky A.* On the elicitation of preferences for alternative therapies // New England J. of Medicine. 1982. № 306.
35. *Thaler R.* Toward a positive theory of consumer choice// J. of Economic Behavior and Organization. 1980. № 1.
36. *Бернстайн П.* Против богов: Укрощение риска. 2-е изд., стер. / пер. с англ. М. : Олимп-Бизнес, 2006. 400 с.
37. *Shefrin H., Statman M.* Explaining Investor Preference for Dividends // Journal of Financial Economics. 1984. Vol. 13, № 2.
38. *Rethinking* thinking // The Economist Dec 16th. 1999. URL: http://www.economist.com/
39. *Benartzi S., Thaler R.H.* Myopic loss-aversion and the equity premium puzzle // Quarterly Journal of Economics. 1995. CX.
40. *Kahneman D., Knetsch J.L., Thaler R.H.* Experimental Tests of the Endowment Effect and the Coase Theorem // Journal of Political Economy. 1990. № 98(6).
41. *Kahneman D., Knetsch J.L., Thaler R.H.* Anomalies: The Endowment Effect, Loss Aversion, and Status Quo Bias // Journal of Economic Perspectives. 1991. № 5(1).
42. *Shefrin H.H., Thaler R.H.* The behavioral life-cycle hypothesis // Economic Inquiry. 1988. № 26.
43. *Frank R.H.* The Frame of Reference as a Public Good // The Economic Journal. 1997. № 107 (November).
44. *Rabin M.* Communication Between Rational Agents // Journal of Economic Theory. June 1990. Vol. 51.
45. *Rabin M.* A Perspective on Psychology and Economics, 2002. URL: http://www.repositories.cdlib.org
46. *Bertrand M., Mullainathan S.* Do people mean what they say? Implications for subjective survey data // American Economic Review. 2001. Vol. 91, № 2.
47. *Colin F.* Camerer Taxi Drivers and Beauty Contests // Engineering & Science. 1997. № 1.
48. *Ходжсон Дж.* Привычки, правила и экономическое поведение // Вопросы экономики. 2000. № 1.
49. *Новгородцев Д.Я., Пыжев И.С.* К вопросу о концепции сетевой социально-экономической организации // Вестник Красноярского государственного университета. 2006. № 6. С. 83–87.
50. *Болл Ф.* Критическая масса. Как одни явления порождают другие. М. : Гелеос. 528 с.
51. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Вып. 1.
52. *Беккер Г.* Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 1.
53. *Фридман М., Сэвидж Л.Дж.* Анализ полезности при выборе среди альтернатив, предполагающих риск. Вехи экономической мысли / под ред. В. М. Гальперина. СПб. : Экономическая школа, 1993 Вып. 1.
54. *Саймон Г.* Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем // Мир человека. Осень 1993. Т. 1, вып. 3.
55. *Vanberg V.* Rules and Choice in Economics and Sociology // Jahrbuch fur Neue Politische Okonomie. 1988. № 7.
56. *Автономов В.С.* Модель человека в экономической теории и других социальных науках // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М. : ГУ-ВШЭ, 1998. Вып. 3.
57. *Никитин Е.П.* Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? // Вопросы философии. 1991. № 8.
58. *Стёпин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 198–200.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 15 мая 2014 г.

THE RATIONALITY OF THE ECONOMIC HUMAN BEHAVIOR FROM THE TRANSDISCIPLINARITY POINT OF VIEW

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 159-169. DOI: 10.17223/15617793/383/25

Vorobyeva Galina S. Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: riv58@yandex.ru
Roshchina Irina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: riv58@narod.ru

Keywords: rationality; types and forms of rationality.

The problem of rationality is directly connected with the conditions of implementation of the model of a human being. The analysis of various approaches to rationality fulfilled in the article does not claim to be complete. The analysis is concise and may be fragmentary. Identification of trends of modern conceptions of rationality based on the evolutionary processes is the main aim. Discussions on the nature and content of "rationality" are impossible without elucidation of the historical reasons. Main approaches to rationality in various fields of traditional knowledge (philosophy, economics, sociology, etc.) and interdisciplinary courses (economic sociology, neo-institutional economics, economic psychology, etc.) are presented in the article. A study of the evolution of the conception of rationality in various fields of science allows revealing the forming tendencies of this issue further research. Identification of the bases of rationality polysemy leads to the understanding of the existence of different types of rationality. A sufficient variety of types of rationality can be found, for example, philosophical, social, humanitarian, political, economic, etc. Different and contradictory approaches to rationality are typical on the current stage of the rationality ideas development in the economy. It has been established that the development of the rational behaviors notions was caused by contradictions between the theoretical and real data, as well as by excessive abstractedness of the rational human beings model. The above factors allow identifying new approaches to the study of conceptions of the model of a human being and the peculiarities of their implementation in practice, understand the variety of forms of rationality, and obtain complete representation of the problem of rationality in historical, gnoseological, sociocultural, historical and scientific and other aspects. The changes of rationalities conceptions can be caused by the formation of the world. According to classical science nature was regarded as an object, but in postnonclassical world the nature acts as a subject, which also includes the cognoscitive man. Rationality should not be rejected for solving current problems of economy functioning, the rationality conceptions of various types and forms should be rethought. The fact that introduction of rationality in society, economy and nature is not unlimited should be considered. The analysis of approaches to rationality revealed the tendencies of modern conceptions of rationality based on evolutionary processes, the prospects of their convergence on interdisciplinary base. During conducting the research in the field of rationality, irrational and unpredictable elements should be taken into consideration. One of the possible approaches is the model of strategic objective (otherwise the model of rational concordance of interests).

REFERENCES

1. *Teoriya obshchestva: fundamental'nye problem* [Theory of society: fundamental problems]. Moscow: Kanon-Press Publ., 1999. 416 p.
2. Masalova S.I. Flexible rationality of scientific knowledge consolidation: cognitive aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2010, no. 2(10), pp. 32-45. (In Russian).
3. Lektorskiy V.A. (ed.) *Istoricheskie tipy ratsional'nosti* [Historical types of rationality]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 1995. Vol. 1, 350 p.
4. Sidorova L.P. Western and Russian concepts of rationality: comparative analysis. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences,* 2012, no. 2 (26), pp. 153-158. (In Russian).
5. Vittikh V.A. Paradigma ogranichennoy ratsional'nosti prinyatiya resheniy – 1 [The paradigm of bounded rationality decision-making – 1]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (seriya "Tekhnicheskie nauki")*, 2009, no. 3 (25), pp. 22-31.
6. Farman I.P. *Ratsional'nost' kak problema kul'tury i poznaniya* [Rationality as a problem of culture and cognition]. In: Lektorskiy V.A. (ed.) *Istoricheskie tipy ratsional'nosti* [Historical types of rationality]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 1995. Vol. 1, pp. 198–219.
7. Kokhanovskiy V.P., Leshkevich TT., Matyash T.P., Fatkhi T.B. *Osnovy filosofii nauki* [Fundamentals of Philosophy of Science]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2004.
8. Lektorskiy V.A. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* [Classical and non-classical epistemology]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. 256 p.
9. Deleuze G., Guattari F. Chto takoe filosofiya? [What is Philosophy?]. Translated from French. St. Petersburg, 1998. 285 p.
10. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of chaos. New dialogue with nature]. Moscow: Progress Publ., 1986. 432 p.
11. Avtonomova N.S. *Ratsional'nost': nauka, filosofiya, zhizn'* [Rationality: science, philosophy, life]. In: Pruzhinin B.I. (ed.) *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya* [Rationality as a subject of philosophical study]. Moscow: Institute of Philosophy RAS Publ., 1995, pp. 48-76.
13. Rakitov A.I. Ratsional'nost' i teoreticheskoe poznanie [Rationality and theoretical knowledge]. *Voprosy filosofii,* 1982, no. 11, pp. 68-81.
14. Nikiforov A.L. *Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn.* [Rationality at a crossroads. In 2 books]. Moscow, 1999. Book 1, pp. 295-313.
15. Roshchina G.S. Conceptual approach and territory development strategy: universality and individuality connection. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal,* 2010, no. 332, pp. 144-148. (In Russian).
16. Roshchina G.S. *Kontseptual'nyy podkhod k razrabotke modeli natsional'noy idei: soedinenie universal'nosti i individual'nosti* [Conceptual approach to the development of the model of the national idea: Connecting universality and individuality]. In: *Sbornik materialov Vserossiyskogo otkrytogo molodezhnogo konkursa* [Collected materials of All-Russian open youth competition]. Moscow, 2010, pp. 6-24.
17. Roshchina G.S. Possible targeted control of model of person for sustainable socio-economic development of economy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 364, pp. 134-139. (In Russian).
18. Nemirovskiy V.G., Kudryavtseva V.I. *Universumnyy podkhod k dinamike sotsial'nykh sistem: analiz i prognozirovanie* [Universe approach to the dynamics of social systems: analysis and forecasting]. Krasnoyarsk; Minsk, 2003.

19. Nemirovskiy V.G. Universumnaya paradigma sovremennoy rossiyskoy sotsiologii kak perspektiva razvitiya [Universe paradigm of contemporary Russian sociology as a developmental perspective]. *Sotsiologiya. Nauchno-teoreticheskiy zhurnal*, Minsk, 2004, no. 1, pp. 39-49.
20. Nemirovskiy V.G., Nevirko D.D. *Sotsiologiya cheloveka: ot klassicheskikh k postneklassicheskim podkhodam* [Sociology of a person: from classical to postnonclassical approaches]. Moscow: URSS LKI Publ., 2008. 302 p.
21. Scientific School of V.G. Nemirovsky "Postnonclassical (universum) sociology". Available at: http://research.sfu-kras.ru/science/schools/nemirovskii. (In Russian).
22. Trufanov D.O. K voprosu ob obshchey sotsiologicheskoy teorii ratsional'nosti [On general sociological theory of rationality]. *European Social Science Journal*, 2012, no. 1, pp. 253-260.
23 Trufanov D.O. Universum sociological theory of rationality. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*, 2012, no. 4, pp. 87-91. (In Russian).
24. Fomichev P.N. Goldthorpe J. Teoriya ratsional'nogo deystviya i sotsiologiya [The theory of rational action and sociology]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sotsiologiya*, 1993, no. 3, pp. 22-25.
25. Ajzen I., Fishbein M. *Understanding Attitudes and Predicting Social Behaviour*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall. 1980. 278 p.
26. Lunt P., Livingstone S. *Mass Consumption and Personal Identity*. Buckingham, U.K.: Open University Press, 1992. 224 p.
27. Jahoda M., Lazarefeld P., Zeisel H. *Marienthal: The sociography of an unemployed community*. Transaction Publishers, 2002. 128 p.
28. Furnham A. Explanations for unemployment in Britain. *European Journal of Social Psychology*, no. 12, pp. 335-352.
29. Furnham A. Why are the poor always with us? Explanations for poverty in Britain. *British Journal of Social Psychology*, no. 21, pp. 11-322.
30. Ford J. *The Indebted Society: Credit and default in the 1980s*. London: Routledge, 1989. 208 p.
31. Livingstone S., Lunt, P. Savers and borrowers: Strategies of personal financial management, *Human Relations*, no. 46(8), pp. 963-985.
32. Lea S.E.G., Webley P., Levine R.M. The economic psychology of consumer debt. *Journal of Economic Psychology*, no. 14(l), pp. 85-120.
33. Lunt P. Psikhologicheskie podkhody k potrebleniyu: vchera, segodnya, zavtra [Psychological approaches to consumption: yesterday, today and tomorrow]. *Inostrannaya psikhologiya,* 1997, no. 9, pp. 8-16.
34. Kahneman D., Tverski A. The rational choice, values and frames. *Psikhologicheskiy zhurnal*, 2003, vol. 24, no. 4, pp. 31-42. (In Russian).
35. McNeil V., Pauker S., Sox H.Jr., Tversky A. On the elicitation of preferences for alternative therapies. *New England Journal of Medicine*, 1982, no. 306, pp. 1259-1262.
36. Thaler R. Toward a positive theory of consumer choice. *Journal of Economic Behavior and Organization,* 1980, no. 1, pp. 39-60.
37. Bernstein P. *Protiv bogov: Ukroshchenie riska* [Against the gods: the remarkable story of risk] Translated from English. Moscow: ZAO "Olimp-Biznes" Publ., 2006. 400 p.
38. Shefrin H., Statman M. Explaining Investor Preference for Dividends. *Journal of Financial Economics*, 1984, vol. 13, no. 2, pp. 253-282.
39. Rethinking thinking. *The Economist,* 16th December 1999. Available at: http://www.economist.com/.
40. Benartzi S., Thaler, R.H. Myopic loss-aversion and the equity premium puzzle (1995) Quarterly Journal of Economics, CX, pr. 75-92
41. Kahneman D., Knetsch J.L., Thaler R.H. Experimental Tests of the Endowment Effect and the Coase Theorem. *Journal of Political Economy*, 1990, no. 98(6), pp. 1325-1348.
42. Kahneman D., Knetsch J.L., Thaler R.H. Anomalies: The Endowment Effect, Loss Aversion, and Status Quo Bias. *Journal of Economic Perspectives*, 1991, no. 5(1), pp. 193-206.
43. Shefrin H.H., Thaler R.H. The behavioral life-cycle hypothesis. Economic Inquiry, 1988, 26, pp. 609-643.
44. Frank R.H. The Frame of Reference as a Public Good The Economic Journal, 1997, no. 107, pp. 1832-1847.
45. Rabin M. Communication Between Rational Agents. *Journal of Economic Theory*, 1990, vol. 51, pp. 144-170.
46. Rabin M.A. *Perspective on Psychology and Economics*, 2002. Available at: http://repositories.cdlib.org
47 Bertrand M., Mullainathan S. Do people mean what they say? Implications for subjective survey data. *American Economic Review*, 2001, vol. 91, no. 2, pp. 67-72.
48. Colin F. Camerer Taxi Drivers and Beauty Contests. *Engineering & Science*, 1997, no. 1.
49. Hodgson J. Habits, Rules and Economic Behaviour. *Voprosy economiki,* 2000, no. 1. (In Russian).
50. Novgorodtsev D.Ya., Pyzhev I.S. K voprosu o kontseptsii setevoy sotsial'no-ekonomicheskoy organizatsii [n the concept of a network social and economic organization]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, no. 6, pp. 83-87.
51. Ball F. *Kriticheskaya massa. Kak odni yavleniya porozhdayut drugi*e [A critical mass. How some phenomena cause other]. Translated from English by Arsen Khachoyan. Moscow: Geleos Publ., 2008. 528 p.
52. Robbins L. Predmet ekonomicheskoy nauki [The subject of economic science]. *THESIS*, 1993, issue 1.
53. Becker G. Ekonomicheskiy analiz i chelovecheskoe povedenie [Economic analysis and human behavior]. *THESIS*, 1993, vol. 1, issue 1.
54. Friedman M., Savage L.J. *Analiz poleznosti pri vybore sredi al'ternativ, predpolagayushchikh risk* [Utility analysis when choosing among alternatives that involve risk]. In: Galperin V.M. (ed.) *Vekhi ekonomicheskoy mysli* [Milestones of economic thought]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola Publ., 1993. Issue 1, pp. 208-249.
55. Simon G. Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya [Rationality as a process and product of thought]. *THESIS,* 1993, vol. 1, issue 3, pp. 16-38.
56. Vanberg V. Rules and Choice in Economics and Sociology. *Jahrbuch fur Neue Politische Okonomie*, 1988, no. 7, pp. 1-22.
57. Avtonomov V.S. Model' cheloveka v ekonomicheskoy teorii i drugikh sotsial'nykh naukakh [A model of the human in economics and other social sciences]. *Istoki: voprosy istorii narodnogo khozyaystva i ekonomicheskoy mysli*, 1998, issue 3, pp. 28-30.
58. Nikitin E.P. Dukhovnyy mir: organichnyy kosmos ili razbegayushchayasya vselennaya? [Spiritual world: organic space or scattered universe?]. *Voprosy filosofii*, 1991, no. 8.
59. Stepin V.S. Samorazvivayushchiesya sistemy i postneklassicheskaya ratsional'nost' [Self-developing systems and postnonclassical rationality]. *Voprosy filosofii*, 2003, no. 8, pp. 198–200.

Received: May 15, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 170–175 DOI: 10.17223/15617793/383/26

УДК 336.143.3

С.В. Фесик

ВНЕДРЕНИЕ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО МЕТОДА В БЮДЖЕТНЫЙ ПРОЦЕСС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Изучен программно-целевой метод, применяемый в бюджетном процессе в Российской Федерации. Выделены этапы его внедрения в бюджетный процесс Российской Федерации. Выявлены сущность, условия применения и принципы программно-целевого метода. Определены преимущества данного метода бюджетной политики. Проанализированы основные проблемы полноценной реализации программно-целевого метода в Российской Федерации и рассмотрена система государственного стратегического планирования для формирования программного бюджета.

Ключевые слова: программно-целевой метод; программный бюджет; государственное стратегическое планирование.

В настоящее время в Российской Федерации приоритетной задачей бюджетной политики является повышение эффективности использования бюджетных средств. Известно, что основа эффективного использования бюджетных ресурсов закладывается уже на стадии планирования расходов бюджета и зависит от метода бюджетной политики в бюджетном процессе.

В соответствии с Федеральным законом от 07.05.2013 № 104-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием бюджетного процесса» Российская Федерация с 2014 г. переходит на полномасштабное применение программно-целевого метода в бюджетном процессе, который повышает заинтересованность ответственных исполнителей государственных программ в достижении наилучших результатов в рамках ограниченных финансовых ресурсов.

Переход на программный бюджет диктует также глобальная экономическая интеграция, оказывающая все возрастающее влияние на социально-экономическое развитие России, которое происходит в общем русле мирового экономического процесса под влиянием приоритетов развития зарубежных стран.

Таким образом, исследование внедрения программно-целевого метода в бюджетный процесс Российской Федерации приобретает особую актуальность. Стоит отметить, что модернизация бюджетного процесса, направленная на повышение эффективности использования бюджетных ресурсов, заключается не только в переходе к применению программно-целевого метода в бюджетном процессе, но и, во-первых, в корректировке действующей системы государственного стратегического и бюджетного планирования, которые в настоящее время слабо взаимосвязаны, а во-вторых, в пересмотре и разграничении полномочий органов исполнительной и законодательной властей в процессе планирования и исполнения программного бюджета.

Внедрение программно-целевого метода бюджетной политики в Российской Федерации началось в 1995 г. Процесс внедрения можно условно разделить на 5 этапов:

1. 1995–2003 гг. – период появления целевых программ. Для решения приоритетных социально-экономических, оборонных, научно-технических, природоохранных и других важнейших задач межведомственного характера принимали целевые программы или аналогичные программы на региональном и муниципальном уровнях. Также в этот период появились программы социально-экономического развития и отраслевые стратегии развития. 26.06.1995 г. был принят Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ (№ 594), в осуществлении которых принимала участие Российская Федерация.

2. 2004–2006 гг. – период появления ведомственных целевых программ. 19.04.2005 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации № 239 «Об утверждении положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ». В течение данного периода действовала Концепция реформирования бюджетного процесса, которая обозначила цели, задачи, показатели для всех видов деятельности органов исполнительной власти и определила переход в федеральных органах исполнительной власти к управлению по результатам и среднесрочному бюджетированию, ориентированному на результат.

3. 2007–2010 гг. – период появления долгосрочных целевых программ. В 2007 г. в Бюджетный кодекс РФ была включена специальная статья, посвященная долгосрочным целевым программам.

4. 2010–2012 гг. – период внедрения государственных программ и перехода к программному формату федерального бюджета. Действовавшая Программа Правительства Российской Федерации по повышению эффективности бюджетных расходов определила законодательную основу для программного формата бюджетов бюджетной системы РФ, новую форму управления учреждениями, оказывающими государственные услуги (вместо сметы государственное задание – показатели деятельности учреждений).

5. 2013 г. – настоящее время – период перевода большей части расходов федерального бюджета на принципы программно-целевого планирования, контроля и последующей оценки эффективности их использования. Достижению поставленных целей данного периода способствует действующая Государственная программа Российской Федерации «Управление государственными финансами».

Сущность программно-целевого метода состоит в отборе основных целей социального, экономического и научно-технического развития, разработке взаимоувязанных мероприятий по их достижению в намеченные сроки при сбалансированном обеспечении ресурсами и эффективном развитии производства. Данный метод не

просто прогнозирует будущие состояния системы, а позволяет составить конкретные программы достижения желаемых результатов. Таким образом, можно говорить об «активности» программно-целевого метода. В связи с его способностью не только наблюдать ситуацию, но и влиять на ее последствия, условиями использования данного метода выступают:

– необходимость кардинального изменения неблагоприятных пропорций, структуры, тенденций развития экономики и социальной сферы;

– комплексность возникшей социально-экономической, научно-технической и природно-экологической проблемы, требующей межотраслевой и межрегиональной координации программных мероприятий;

– отсутствие возможностей достижения необходимых целей развития исходя только из существующего уровня взаимосвязей между уровнями управления, хозяйствующими субъектами и т.д.;

– необходимость скоординированного использования финансовых и материальных ресурсов различной ведомственной, отраслевой, региональной и иной принадлежности для достижения особо важной цели (федеральной, региональной или муниципальной значимости) [1].

Условия применения программно-целевого метода свидетельствуют о присущих ему классических принципах, обозначенных в Бюджетном кодексе РФ, а именно:

1) принцип единства и целостности обеспечивает единство экономических и социальных целей, единство подходов к планированию, организации и контролю исполнения, финансированию бюджетных расходов;

2) принцип целевого характера и адресности – вся деятельность органов управления раскладывается на понятные и конкретные цели, задачи, мероприятия и показатели их реализации, бюджетные средства доводятся до конкретных получателей бюджетных средств с указанием цели их использования;

3) принцип достоверности и обоснованности – означает обоснованную возможность и ресурсную обеспеченность достижения поставленных целей, а также обоснованность показателей, пороговых значений показателей, используемых в процессе бюджетного планирования;

4) принцип внутренней сбалансированности – означает согласованность основных элементов системы государственного стратегического планирования между собой, т.е. сроки, ожидаемые результаты реализации мер государственной политики, установленные в документах государственного стратегического планирования, параметры их ресурсного обеспечения увязаны с мерами государственного регулирования в бюджетной сфере, в том числе с долгосрочной бюджетной стратегией, на весь период долгосрочного государственного стратегического планирования;

5) принцип результативности и эффективности – выбор способов и методов достижения поставленных целей основывается на необходимости достижения заданных результатов с рациональными затратами ресурсов;

6) принцип полноты – означает необходимость отражения всех расходов по программам в расходах бюджета на очередной финансовый год и плановый период;

7) принцип самостоятельности выбора путей достижения поставленных целей – участники бюджетного процесса в пределах своей компетенции самостоятельны в выборе путей и методов достижения целей и решения задач социально-экономического развития;

8) принцип доступности и открытости – все документы подлежат официальному опубликованию, проекты документов являются предметом общественного обсуждения. Данный принцип позволяет сделать власть более открытой для общественности, улучшить социальную политику за счет более обоснованного расходования бюджетных средств и является важнейшим условием антикоррупционной деятельности в бюджетном процессе.

На наш взгляд, для полноценной реализации программно-целевого метода в бюджетном процессе РФ вышеуказанные принципы необходимо дополнить следующими принципами:

1) автономии – цели, задачи, мероприятия одной программы не должны дублировать цели, задачи, мероприятия другой программы. Расходные обязательства программ не должны «пересекаться». Зависимость от других программ возможна только в рамках построения иерархической структуры целевых бюджетных программ («дерево целей»);

2) ответственности участников бюджетного процесса – участники процесса несут ответственность за эффективность решения задач и осуществление мероприятий по достижению поставленных целей в пределах своей компетенции и в соответствии с законодательством Российской Федерации. Данный принцип исключает размывание ответственности за реализацию программы, следовательно, повышает вероятность достижения успеха при реализации поставленных целей;

3) информационной обеспеченности – при формировании бюджета на очередной финансовый год и плановый период учитываются и анализируются данные о результатах реализации программ. Данные мониторинга программ интегрируются в бюджетный процесс также с целью пересмотра основных направлений бюджетной политики, изменения или исключения низкоприоритетных программ;

4) информационной достаточности – заключается в построении информационной системы, обеспечивающей проведение комплексной оценки программ, ориентированной на достижение количественных и качественных результатов реализации программ на определенном этапе [2. С. 9];

5) синергии – заключается в обмене информацией между инициаторами решений и ответственными за их принятие [Там же];

6) адаптивности – на изменения внешней среды программно-целевой метод дает адекватную реакцию организационной системы посредством корректировки целей, путей и средств их достижения.

Данные принципы позволят создать прозрачный механизм формирования программного бюджета, установить уровни ответственности за достижение результатов программ.

Результатом применения программно-целевого метода являются коренные сдвиги в развитии экономики

и социальной сферы, переход к новым состояниям экономических систем, которые не могут быть достигнуты в процессе реализации частных целей развития каких-либо отдельных производственных, инфраструктурных или иных элементов хозяйственных систем. Для этого необходимо обеспечить интеграцию деятельности либо объединение материальных и финансовых ресурсов независимых субъектов-участников программ. Осуществление интеграционных процессов в экономике обусловлено, с одной стороны, возрастанием сложности, комплексности проблем экономического развития, требующих для своего решения эффективных межотраслевых, межведомственных, межрегиональных взаимодействий, и, с другой, высокой степенью отраслевой и территориальной дифференциации развития производительных сил, дополняемой многообразием форм собственности.

Именно программно-целевой метод обеспечивает реализацию одновременно двух типов интеграции социально-экономических и научно-технических процессов:

1) пространственной, когда требуется объединить усилия субъектов, принадлежащих к различным отраслям, регионам или формам собственности;

2) временной, когда требуется добиться четкой последовательности и единства различных этапов (стадий) общего процесса движения к конечной цели, предусмотренной программой.

Таким образом, учитывая сущность, принципы и результаты применения программно-целевого метода, выделим его основные преимущества. Данный метод:

1) концентрирует ограниченные ресурсы на решение принципиальных вопросов, от которых зависят поступательное развитие экономики и рост благосостояния населения;

2) обеспечивает прямую взаимосвязь между стратегическим и бюджетным планированием, распределением бюджетных ресурсов и результатами их использования;

3) способствует соблюдению единого подхода к рациональному использованию бюджетных средств для решения наиболее острых задач;

4) сочетает директивное и индикативное регулирования в единой системе управления экономикой;

5) благотворно влияет на планомерное и пропорциональное развитие отраслей, воздействуя на конкуренцию и ценообразование, нейтрализуя противоречия интересов отдельных сфер и комплексов [3. С. 34];

6) является инструментом выравнивания экономического положения отдельных территорий;

7) предназначен для осуществления принципиальных структурных сдвигов в экономике страны в целом;

8) позволяет общественности контролировать процесс формирования целей и задач программного развития, использования бюджетных средств;

9) способен использовать эффект мультипликатора при целевом использовании ограниченных бюджетных ресурсов за счет дополнительного привлечения внебюджетных средств, собственных средств заинтересованных государственных и коммерческих предприятий и фирм, банковского кредита и иных привлеченных средств потенциальных отечественных и иностранных инвесторов [4].

Рассмотрим основные проблемы полноценной реализации программно-целевого метода на сегодняшний день в Российской Федерации.

Во-первых, в России стратегическое планирование слабо увязано с бюджетным планированием, и как следствие не все программные документы находят отражение в бюджете, структура и динамика расходов слабо увязаны с целями государственной политики.

На наш взгляд, программный бюджет необходимо формировать на основе целого ряда документов государственного стратегического планирования Российской Федерации (см. рис. 1). Основным ориентиром для планирования должна стать Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. На сегодняшний день действует Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (КДР-2020), утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Цель КДР-2020 – определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе. В соответствии с этой целью в Концепции сформулированы:

– основные направления долгосрочного социально-экономического развития страны с учетом вызовов предстоящего периода;

– стратегия достижения поставленных целей, включая способы, направления и этапы;

– формы и механизмы стратегического партнерства государства, бизнеса и общества;

– цели, целевые индикаторы, приоритеты и основные задачи долгосрочной государственной политики в социальной сфере, в сфере науки и технологий, а также структурных преобразований в экономике;

– цели и приоритеты внешнеэкономической политики;

– параметры пространственного развития российской экономики, цели и задачи территориального развития.

КДР-2020 требует пересмотра и продления срока действия до 2030 г.

Отраслевые стратегические документы представляют собой документы государственного стратегического планирования, в которых определены цели, приоритеты и задачи устойчивого социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, способы их эффективного достижения в соответствующих отраслях или сферах социально-экономического развития Российской Федерации. К ним относятся:

– Стратегия развития энергомашиностроения Российской Федерации на 2010–2020 годы и на перспективу до 2030 года;

– Стратегия развития медицинской промышленности Российской Федерации до 2020 года;

– Стратегия развития тяжелого машиностроения на период до 2020 года;

– Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года;

– Стратегия развития электронной промышленности России на период до 2025 года;

– Стратегия развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2020 года;

– Стратегия развития авиационной промышленности на период до 2015 года;

– Стратегия развития фармацевтической промышленности на период до 2020 года;

– Стратегия развития металлургической промышленности России на период до 2020 года;

– Стратегия развития легкой промышленности России на период до 2020 года;

– Стратегия развития транспортного машиностроения Российской Федерации в 2007–2010 годах и на период до 2015 года;

– Стратегия развития судостроительной промышленности на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу;

– Стратегия развития химической и нефтехимической промышленности России на период до 2015 года;

– Стратегия развития торговли в Российской Федерации на 2011–2015 годы и период до 2020 года [5].

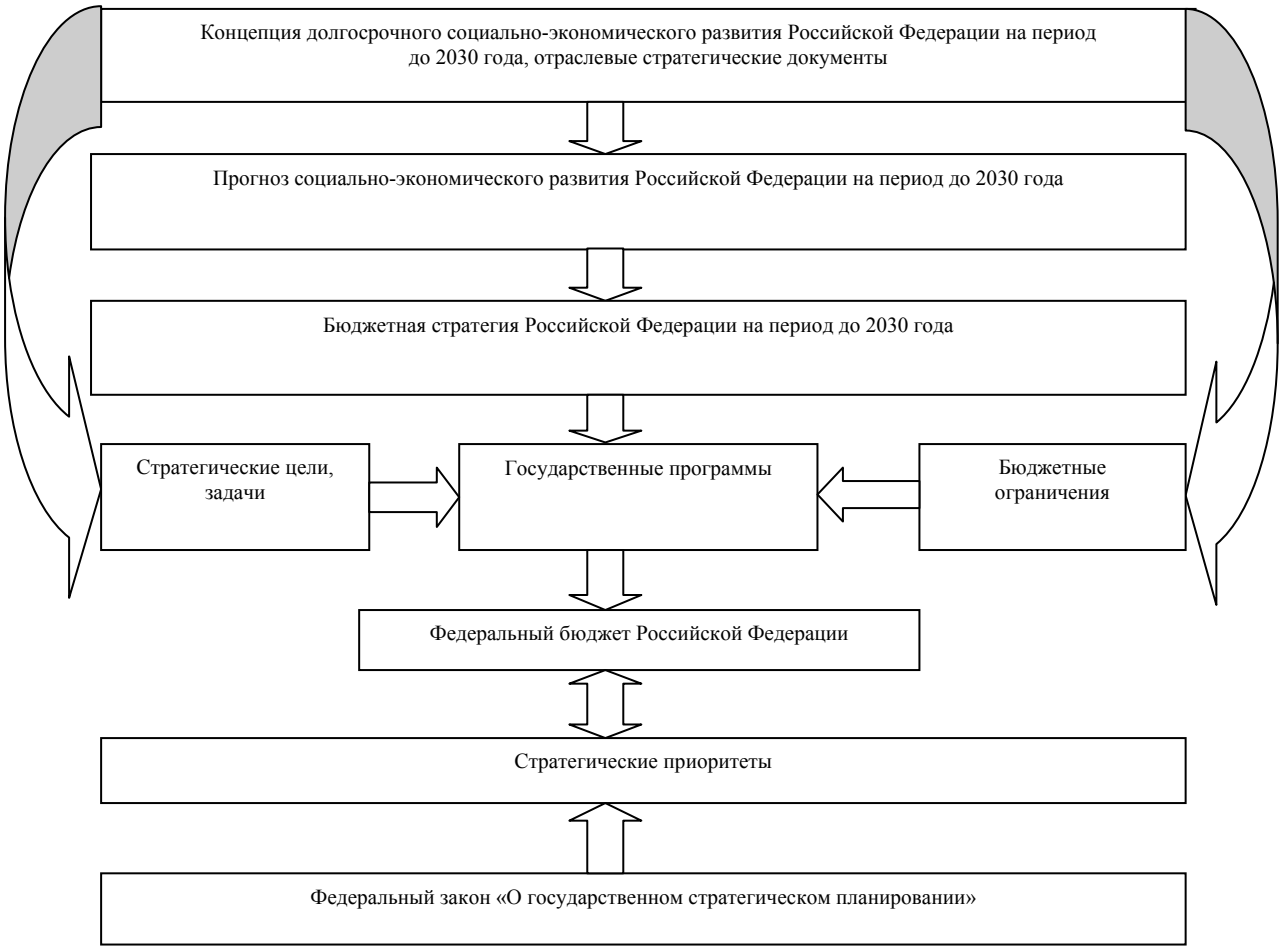


Рис. 1. Система государственного стратегического планирования Российской Федерации (составлено автором)

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года – документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации на прогнозируемый период (среднесрочный и долгосрочный). Данный документ разрабатывается по вариантам, отражающим изменения внешних и внутренних условий, постановку среднесрочных и долгосрочных целей и ориентиров развития страны, основных направлений их достижения.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации содержит оценку уровня социально-экономического развития, характеристику условий социально-экономического развития, включая основные показатели демографического и научно-технического развития, состояния окружающей природной среды и природных ресурсов; основные показатели развития мировой экономики; оценку факторов и ограничений социально-экономического развития; оценку макроэкономического эффекта от реализации государственных программ; определение показателей базового и целевого вариантов прогноза; основные показатели развития по отдельным секторам экономики, показатели развития транспортной и энергетической инфраструктуры в прогнозируемом периоде; основные направления территориального развития в перспективе.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации необходим Минфину для долгосрочной бюджетной стратегии, которая, в свою очередь, нужна для того, чтобы сформировать «потолки» финансирования государственных программ.

Долгосрочная бюджетная стратегия Российской Федерации – это система представлений об обеспеченности бюджетной системы Российской Федерации финансовыми ресурсами, необходимыми для достижения

целей социально-экономического развития РФ и укрепления национальной безопасности, определенных в стратегии национальной безопасности РФ на долгосрочный период и концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ. Содержание Бюджетной стратегии определяется Бюджетным кодексом РФ.

Основным предназначением долгосрочной бюджетной стратегии для формирования государственных программ является установление бюджетных ограничений, а именно «потолков» финансирования государственных программ. При определении предельных объемов расходов по государственным программам учитываются как параметры прогноза социально-экономического развития, изменение потребностей в объемах предоставления государственных услуг, так и обеспечение достижения стратегических целей развития России. «Потолки» расходов не предопределяют объем и структуру расходных обязательств и бюджетных ассигнований на их исполнение. Это индикативная (условная) оценка объема расходов, отражающая приоритеты государственной политики в соответствующих сферах. В то же время, несмотря на аналитический характер, «потолки» расходов позволяют определить приоритеты в распределении бюджетных ассигнований, создать стимулы для ответственных исполнителей государственных программ по выявлению и использованию резервов для перераспределения расходов (с внесением при необходимости предложений по изменению нормативных правовых актов) и, следовательно, повышения эффективности использования бюджетных средств. При этом объем бюджетных ассигнований по соответствующим государственным программам должен определяться в рамках объективных возможностей соответствующего бюджета, с учетом оценки достигнутых и ожидаемых результатов по итогам реализации программ.

Государственные программы призваны стать механизмом для принятия решений о распределении принимаемых бюджетных обязательств и частичной корректировке действующих бюджетных обязательств с учетом достигнутых и ожидаемых результатов в соответствующей сфере деятельности [6].

Для обеспечения целостной системы стратегического планирования представляется необходимым принять Федеральный закон «О государственном стратегическом планировании», в котором будут определены стратегические приоритеты страны.

На сегодняшний день проект Федерального закона «О государственном стратегическом планировании» не предполагает участия научных школ при стратегическом планировании, а закрепляет прогнозирование за органами государственной власти. Однако одним из признаков прогноза является научная обоснованность, что определяет необходимость участия научных школ, и по возможности субъектов предпринимательской деятельности, т.е. субъектный состав должен расширяться.

Во-вторых, при внедрении программно-целевого метода в бюджетный процесс следует пересмотреть полномочия участников бюджетного процесса. В соответствии со статьей 179 Бюджетного кодекса Российской Федерации государственные программы РФ утверждаются Правительством РФ. Объем бюджетных ассигнований на финансовое обеспечение реализации государственных программ утверждается законом о бюджете по соответствующей каждой программе целевой статье расходов бюджета в соответствии с утвердившим программу нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации.

Согласно статье 153 Бюджетного кодекса законодательные органы власти РФ, т.е. Государственная Дума и Совет Федерации, утверждают и принимают бюджет РФ соответственно. С 2014 г. бюджет РФ формируется исходя из утвержденных государственных программ. При наличии утвержденных государственных программ, которые составляют более 90% бюджета, повлиять на процесс принятия государственных программ, которые ложатся в основу проекта бюджета, у законодательных властей возможности нет.

Таким образом, переход на программный бюджет ограничивает полномочия законодательных органов государственной власти и сводит процесс рассмотрения бюджета к его формальному утверждению.

Для устранения возникшей проблемы, представляется необходимым закрепить полномочия подготовки проектов государственных программ за исполнительными органами власти, а утверждения – за законодательными органами власти РФ. Данные разграничения полномочий позволят комплексно и одновременно детально законодательным властям рассматривать и утверждать государственные программы и впоследствии – бюджет страны.

Итак, внедрение программно-целевого метода в бюджетный процесс направлено на повышение результативности государственных расходов, улучшение качества и доступности услуг, предоставляемых государством, достижение устойчивого развития государства, обеспечения стабильности общественных финансов. Программно-целевой метод обеспечивает прямую взаимосвязь между распределением ресурсов и достижением целей социально-экономической политики, способствует соблюдению единого подхода к рациональному использованию бюджетных средств для решения наиболее острых задач, является инструментом выравнивания экономического положения отдельных территорий и отраслей.

Программный формат бюджета позволяет ответить на главный вопрос: на что и зачем тратятся бюджетные средства, какие цели преследуются при распределении этих средств? Он также выгодно отличается стратегической направленностью с тактическим обеспечением. Конечным итогом применения программного бюджета должна стать долгосрочная устойчивая выгода для общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Любовный В.Я., Зайцев И.Ф., Воякина А.Б., Пчелинцев О.С., Герцберг Л.Я., Шим Г.А.* Целевые программы развития регионов: рекомендации по совершенствованию разработки, финансированию и реализации. URL: http://www.vasilievaa.narod.ru/ru/stat_rab/book/ZPR_reg/ZPR_3.3.html

2. *Малиновская О.В., Скобелева И.П.* Основы становления программного бюджетирования в России // Финансы и кредит. 2013. № 35(563). С. 2–13.
3. *Максимец Н.А., Шакирова Г.Р.* Теоретические и методические основы программно-целевого управления // Российское предпринимательство. 2012. № 21 (219). С. 32–36.
4. *Роль* программно-целевых методов управления на современном этапе социально-экономического развития страны. Особенности и условия применения программно-целевого метода. Практика применения программно-целевого метода в территориальном планировании в дореформенный период. URL: http://www.vasilievaa.narod.ru/mu/stat_rab/books/mpsf/1.html
5. *МинПромТорг* России. Отраслевые стратегические документы. URL: http://www.minpromtorg.gov.ru/ministry/strategic/sectoral
6. *Распоряжение* Правительства РФ от 30.12.2013 № 2593-р «Об утверждении Программы повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года». URL: http://www.minfin.ru/common/upload/library/2014/01/main/Programma_30122013.pdf

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 10 апреля 2014 г.

INTRODUCTION OF THE PROGRAM-TARGET METHOD IN THE BUDGETARY PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 170-175. DOI: 10.17223/15617793/383/26
Fesik Svetlana V. Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: chernsvet@yandex.ru
Keywords: program-target method; program budget; state strategic planning.

Nowadays the Russian Federation budgetary policy is directed on introduction of a program budget for the purpose of increasing the efficiency of the budgetary expenses. Transition to the program budget is dictated by the global economic integration which has an effect on the social and economic development of Russia under the influence of development priorities of foreign countries. In these conditions of special relevance is research of application of the program-target method in the budgetary process in the Russian Federation. In this article the stages of introduction, the conditions of application of the program-target method are considered. The essence and advantages of the method are revealed. The essence of the program-target method consists in selection of main objectives of social, economic, scientific and technical development, development of interconnected actions for their achievement in the planned terms at the balanced providing with resources and effective development of production. This method does not simply predict future conditions of the system, but also allows making specific programs of achievement of desirable results. That is why; it is possible to speak about the "activity" of the program-target method in connection with its ability not only to observe a situation, but also to influence its consequences. The program-target method provides a direct interconnection between distribution of resources and achievement of the objectives of the social and economic policy. It also promotes observance of a uniform approach to the rational use of budgetary funds for the solution of the most acute problems. The method is an instrument of alignment of the economic situation of certain territories and branches. The program format of the budget allows answering the main question – on what and why the budgetary funds are spent, what aims are pursued at distribution of these means. Also the article lists the principles of the program-target method of the budgetary policy which are the basis for correct planning, execution and control of execution of programs and the budget. The main problems of full realization of the program-target method in the Russian Federation are analyzed. In Russia strategic planning is poorly coordinated with budget planning, and as a result not all program documents find reflection in the budget; structure and dynamics of expenses are poorly coordinated with the purposes of the state policy. In the article the system of the state strategic planning in the Russian Federation is considered. The system consists of a number of documents of the state strategic planning for formation of the program budget.

REFERENCES

1. Lyubovnyy V.Ya., Zaytsev I.F., Voyakina A.B., Pchelintsev O.S. et al. *Tselevye programmy razvitiya regionov: rekomendatsii po sovershenstvovaniyu razrabotki, finansirovaniyu i realizatsii* [Target regional development program: recommendations for improving the development, financing and implementation]. Available at: http://vasilievaa.narod.ru/ru/stat_rab/book/ZPR_reg/ZPR_3.3.html.
2. Malinovskaya O.V., Skobeleva I.P. Basis of formation program budgeting in Russia. *Finansy i kredit – Finance and Credit*, 2013, no. 35(563), pp. 2-13. (In Russian).
3. Maksimets N.A., Shakirova G.R. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy programmno-tselevogo upravleniya [Theoretical and methodological foundations of program-target management]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo*, 2012, no. 21 (219), pp. 32-36.
4. Lyubovnyy V.Ya, Zaytsev I.F., Ushakov A.K., Pchelintsev O.S. (eds.) *Rol' programmno-tselevykh metodov upravleniya na sovremennom etape sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya strany. Osobennosti i usloviya primeneniya programmno-tselevogo metoda. Praktika primeneniya programmno-tselevogo metoda v territorial'nom planirovanii v doreformennyy period* [Role of program-target management practices at the present stage of socio-economic development of the country. Features and conditions of the program-target method. Practice of the program-target method in spatial planning in the pre-reform period]. Available at: http://vasilievaa.narod.ru/mu/stat_rab/books/mpsf/1.html.
5. Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation. Sectoral strategic documents. Available at: http://www.minpromtorg.gov.ru/ministry/strategic/sectoral. (In Russian).
6. RF Government Decree of December 30, 2013 no. 2593-p "On approval of the program to improve effectiveness of public (state and municipal) finance for the period up to 2018". Available at: http://www.minfin.ru/common/upload/library/2014/01/main/ Programma_30122013.pdf. (In Russian).

Received: April 10, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 176–179 DOI: 10.17223/15617793/383/27

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 612.216.2-796.42

Е.А. Баранова, Л.В. Капилевич

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ У СПОРТСМЕНОВ, ТРЕНИРУЮЩИХСЯ В ЦИКЛИЧЕСКИХ ВИДАХ СПОРТА

Исследовались особенности функциональной адаптации сердечно-сосудистой системы у спортсменов, тренирующихся в циклических видах спорта. По данным велоэргометрии, у спортсменов наблюдается повышение индекса инотропного резерва, а индекс хронотропного резерва, напротив, снижается. Выявлено снижение суммарной работы и коэффициента расходования резервов миокарда. В то же время индекс двойного произведения не различался у спортсменов и нетренированных лиц. Исследование лактата в крови обеих групп показало его достоверное увеличение после нагрузки. Однако в группе ОФП он увеличивается в 3,8 раза, а у спортсменов – лишь в 1,8 раза. Таким образом, у спортсменов, тренирующихся в циклических видах спорта, сердечно-сосудистая система гораздо эффективнее справляется с задачей обеспечения кислородного запроса – об этом свидетельствует меньшая концентрация молочной кислоты, а следовательно, меньшая величина кислородного долга. Однако эта эффективность не связана с величиной коронарного кровотока – об этом свидетельствует величина двойного произведения. При этом работа сердца у тренированных лиц построена экономичнее, что подтверждают показатели хронотропного резерва, суммарной работы и коэффициента расходования резервов миокарда. В то же время у спортсменов в большей степени выражена мобилизация симпатического звена, доказательством чего является возрастание инотропного резерва.

Ключевые слова: дыхание; кровообращение; физическая нагрузка; спортсмены.

Влияние физической нагрузки на сердце изучается давно, но очень много вопросов спортивной кардиологии остаются нерешенными. Кроме того, рост спортивных достижений постоянно ставит перед спортивной медициной, в том числе перед спортивной кардиологией, новые задачи. Помимо более тщательной диагностики различных морфологических изменений сердечной мышцы, речь идет об изучении сдвигов, возникающих в сердечно-сосудистой системе при адаптации к возрастающим физическим нагрузкам и заключающихся как в определенных морфологических изменениях, так и в перестройках системы регуляции. Очень важны исследования возможных негативных изменений сердечно-сосудистой системы при неправильно построенном тренировочном процессе [1, 2]. Чрезмерная физическая нагрузка в спорте, а также физическая нагрузка на фоне очагов хронической инфекции вызывают патологические изменения и нарушения функции сердца спортсменов [3, 4].

Органы и системы организма спортсмена по мере увеличения нагрузок и степени адаптации к ним претерпевают различные морфофункциональные перестройки. В процессе спортивной тренировки развиваются функциональные приспособительные изменения в работе сердечно-сосудистой системы, которые подкрепляются морфологической перестройкой («структурный след») аппарата кровообращения и некоторых внутренних органов. Эта перестройка обеспечивает сердечно-сосудистой системе высокую работоспособность, которая позволяет спортсмену переносить интенсивные и длительные физические нагрузки [5, 6].

В литературе постоянно дискутируется вопрос об анатомических и функциональных характеристиках так называемого спортивного сердца, о пределе физиологической адаптации и переходе ее в патологическую. Лимитирующая роль деятельности сердца в обеспечении спортивной подготовки объясняет, почему именно этот орган чаще других подвергается перенапряжениям [7, 8].

Немаловажно, что в ряде видов спорта, в которых требования к транспорту кислорода особенно высоки (циклические, скоростно-силовые, игровые), тренировка спортсмена сводится в определенной мере к тренировке самого сердца [1]. Высокая работоспособность тренированного спортсмена обусловлена совершенствованием механизмов адаптации и регуляции на всех уровнях функционирования. Адаптация предполагает индивидуальный оптимальный уровень и сбалансированность регулирующих систем, обеспечивающих гемодинамические, метаболические и энергетические реакции [Там же].

В процессе адаптации к мышечным нагрузкам в результате систематической, правильно организованной физической тренировки в организме происходит расширение функциональных возможностей сердечно-сосудистой, дыхательной систем, развивается комплекс структурно-функциональных изменений, направленных на оптимизацию деятельности отдельных систем и всего организма в целом. Особенности кардиореспираторной системы при регулярных физических тренировках сводятся к росту кислородтранспортной способности, а следовательно, и росту физической работоспособности [2, 9].

Необходимость сведений о закономерностях перестройки кровообращения, вегетативной регуляции сердечного ритма спортсменов, о формировании функциональных резервов в зависимости от степени подготовки и специфики мышечной деятельности требует проведения комплексных исследований, позволяющих оценивать и контролировать текущее состояние, морфофункциональные сдвиги в деятельности кардиореспираторной системы при адаптации к повышенным физическим нагрузкам.

В то же время известно, что высокая работоспособность предполагает индивидуальный оптимальный уровень и сбалансированность регулирующих систем, обеспечивающих гемодинамические, метаболические и энергетические реакции при мышечной деятельности [4].

Цель исследования: изучить особенности функциональной адаптации сердечно-сосудистой системы у спортсменов, тренирующихся в циклических видах спорта.

Объект исследования. В исследовании принимали участие 40 мужчин в возрасте от 18 до 20 лет. 20 человек, регулярно тренирующихся в циклических видах спорта и имеющих разряд кандидата или мастера спорта, составили основную группу (группу спортсменов). Группу контроля (ОФП) составили 20 юношей, не занимающихся профессиональным спортом и не имеющих спортивных разрядов. Все обследованные относились к основной медицинской группе, не имели хронических заболеваний.

Методы исследования. Изучение физической работоспособности и оценка адаптационной способности сердечно-сосудистой системы проводились на аппаратно-программном комплексе «Валента».

Данный комплекс позволяет провести методику теста PWC170 с автоматическим контролем, определением в реальном времени элементов QRS-комплекса и расчетом его параметров для автоматического управления нагрузочным устройством. Определение лактата в венозной крови проводилось с помощью биохимического портативного экспресс-анализатора «Аккутренд Плюс» до и после теста PWC170.

Результаты обрабатывались методами вариационной статистики с использованием t-критерия Стьюдента.

Результаты и обсуждение. По данным велоэргометрии, у спортсменов наблюдается повышение индекса инотропного резерва на 57,3% ($p < 0,001$) по сравнению с группой ОФП (рис. 1). А индекс хронотропного резерва, напротив, в группе спортсменов снижается на 49,5% ($p < 0,01$). Индекс двойного произведения достоверного различия в группах не имеет. У спортсменов выявлено достоверное снижение суммарной работы на 28,7% ($p < 0,05$) и коэффициента расходования резервов миокарда на 16,4% ($p < 0,05$).

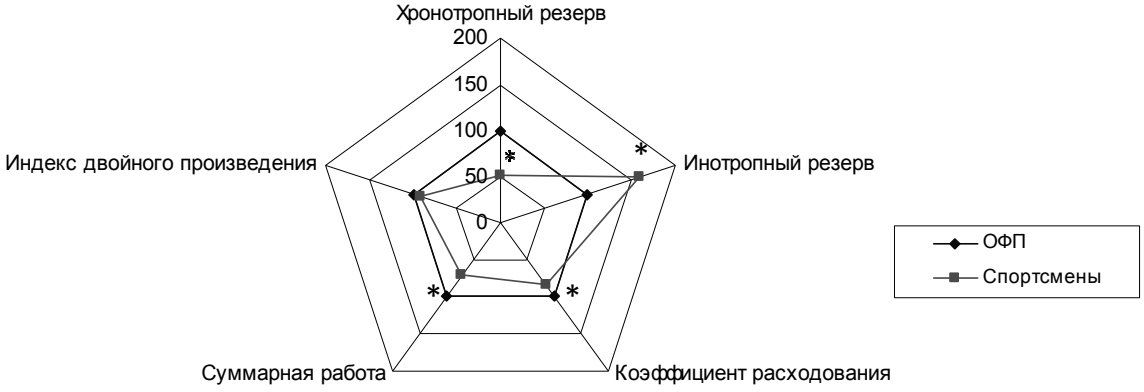


Рис. 1. Характеристики реакции сердечно-сосудистой системы на физическую нагрузку у спортсменов (показатели в группе ОФП приняты за 100%). * Достоверность различий между группами ($p < 0,05$)

Индекс хронотропного резерва сердца (ИХР) – отношение ЧСС порогового к исходному, в норме ИХР составляет 75–90 ударов в минуту; индекс инотропного резерва сердца (ИИР) – отношение систолического порогового АД к исходному, в норме ИИР достигает 70–75 мм рт. ст.; индекс «двойное произведение» (ДП) – произведение ЧСС и систолического АД при пороговой нагрузке, уменьшенное в 100 раз, у здоровых мужчин этот индекс равен 290–310 единиц.

Темп прироста ЧСС у спортсменов при увеличении нагрузки ниже, чем в группе ОФП. Повышение индекса инотропного резерва происходит в результате активации симпатического отдела ВНС и увеличения сократительной функции миокарда. Более выгодно достичь нужного минутного объема при низкой частоте сердечных сокращений и большом ударном объеме, чем при высокой частоте сердечных сокращений и небольшом ударном объеме. Так как относительно большое количество энергии затрачивается в фазу развития давления сердечного цикла, чем реже это происходит, тем это более выгодно.

Изменения сократительной способности миокарда могут существенно повлиять на потребление кислорода для основного обмена, развития изометрического напряжения в стенке и внешней работы. Клетки мышцы сердца используют больше энергии при быстром достижении заданного напряжения и заданного укорочения, чем если они делают то же самое в более медленном темпе. При усилении сокращений большее количество энергии используется для активного транспорта Ca^{2+}. Конечный результат данных воздействий часто называют энергоемким эффектом увеличения сократительной способности.

Эквивалентом поглощения кислорода миокардом принято считать индекс двойного произведения. Доказано, что величина двойного произведения коррелирует с величиной максимального потребления кислорода (МПК): чем больше двойное произведение, тем выше МПК (мл / мин / кг веса) и, следовательно, выше физическая работоспособность. Индекс двойного произведения отражает состояние коронарного кровотока.

Исследование лактата в крови обеих групп показало его достоверное увеличение после нагрузки. Однако в группе ОФП он увеличивается в 3,8 раза, а у спортсменов – лишь в 1,8 раза. Достоверных различий уровня лактата в крови респондентов обеих групп до нагрузки не выявлено (рис. 2).

Содержание молочной кислоты в крови во время выполнения мышечной работы зависит от трех основных факторов: способности кислородтранспортной системы удовлетворять потребности работающих мышц в кислороде; возможности работающих мышц для аэробной и анаэробной (гликолитической) энергопродукции и способности организма утилизировать молочную кислоту, поступающую из работающих мышц в кровь.

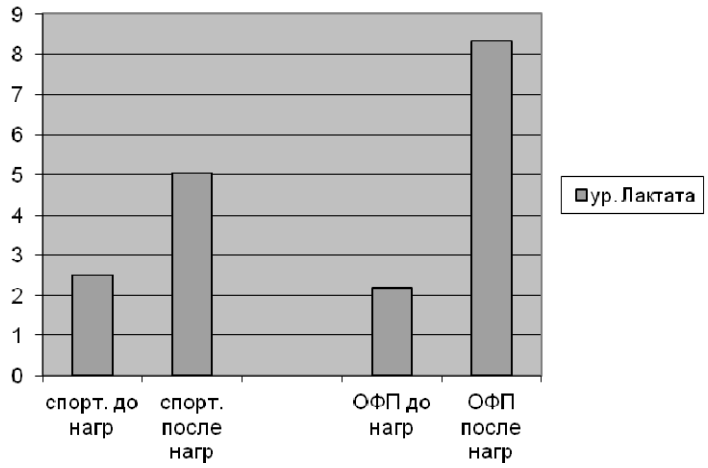


Рис. 2. Изменение концентрации лактата в венозной крови после теста PWC170, ммоль/л.
* Достоверность различий в группах до и после нагрузочного теста PWC170 ($p < 0,05$)

Аэробный потенциал скелетных мышц спортсменов выше, чем у нетренированных, поэтому в мышцы у них продуцируется меньше молочной кислоты, чем у нетренированных людей, так как в большей степени используется аэробный путь энергообразования.

У спортсменов происходит более быстрое врабатывание кислородтранспортной системы. Как известно, при длительных аэробных упражнениях наибольшая концентрация лактата в крови обнаруживается в первые минуты работы, что связано с кислородным дефицитом [5]. По сравнению с нетренированными респондентами у выносливых спортсменов повышение концентрации лактата в крови в начале работы значительно меньше.

Усиленной утилизации образующейся в мышцах спортсменов молочной кислоты способствует повышенный аэробный потенциал всех мышечных волокон и высокий процент медленных мышечных волокон, а также увеличенная масса сердца. Медленные мышечные волокна, как и миокард, способны активно использовать молочную кислоту в качестве энергетического субстрата. Кроме того, при одинаковых аэробных нагрузках кровоток через печень у спортсменов выше, чем у нетренированных, что также может способствовать более интенсивной экстракции печенью молочной кислоты из крови и ее дальнейшему превращению в глюкозу и гликоген (цикл Кори) [4, 5].

Увеличенный объем циркулирующей крови у спортсменов снижает концентрацию лактата, поступающего из мышц в кровь, за счет большего разведения, чем у нетренированных лиц.

Заключение. По данным велоэргометрии у спортсменов наблюдается повышение индекса инотропного резерва, а индекс хронотропного резерва, напротив, снижается. У спортсменов выявлено снижение суммарной работы и коэффициента расходования резервов миокарда. В то же время индекс двойного произведения не различался у спортсменов и нетренированных лиц. Исследование лактата в крови обеих групп показало его достоверное увеличение после нагрузки. Однако в группе ОФП он увеличивается в 3,8 раза, а у спортсменов – лишь в 1,8 раза. Достоверных различий уровня лактата в крови обеих групп до нагрузки не выявлено.

Таким образом, у спортсменов, тренирующихся в циклических видах спорта, сердечно-сосудистая система гораздо эффективнее справляется с задачей обеспечения кислородного запроса; об этом свидетельствует меньшая концентрация молочной кислоты, а следовательно, меньшая величина кислородного долга. Однако эта эффективность не связана с величиной коронарного кровотока, что подтверждает величина двойного произведения. При этом работа сердца у тренированных лиц построена экономичнее, об этом свидетельствуют величины хронотропного резерва, суммарной работы и коэффициента расходования резервов миокарда. В то же время у спортсменов в большей степени выражена мобилизация симпатического звена, поскольку возрастает инотропный резерв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаркави Л.Х., Квакина Е.Б., Уколова М.А.* Адаптационные реакции и резистентность организма. Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1990. 224 с.
2. *Морман Д., Хеллер Л.* Физиология сердечно-сосудистой системы / пер. с англ. Г.А. Лапис ; ред. Р.В. Болдырев. СПб. : Питер, 2000. 256 с.
3. *Сердце* в условиях спортивной деятельности: физиологические и врачебно-педагогические аспекты Текст.: пособие для физиологов и врачей, работающих в области физической культуры и спорта / В.А. Якобашвили [и др.]. М. : Советский спорт, 2006. 234 е.: ил.
4. *Уилмор Дж.Х., Костил Д.Л.* Физиология спорта и двигательной активности. Киев : Олимпийская литература, 2000. 366 с.
5. *Волков Н.И.* Биоэнергетические процессы при мышечной деятельности // Физиология человека: учебник для вузов физ. культуры и фак. физ. воспитания пед. вузов. М., 2001. С. 259–308.
6. *Аулик И.В.* Определение физической работоспособности в клинике и спорте. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Медицина, 1990. 192 с.
7. *Капилевич Л.В., Пеккер Я.С., Баранова Е.А.* Влияние капнографической тренировки с биологической обратной связью на физическую работоспособность и гемодинамику у спортсменов // Бюллетень сибирской медицины. 2012. Т. 11, № 4. С. 39–43.
8. *Капилевич Л.В., Пеккер Я.С., Баранова Е.А.* Характеристика регионарного кровотока и физической работоспособности спортсменов при капнографической тренировке с биологической обратной связью // Теория и практика физической культуры. 2012. № 8. С. 31–34.
9. *Баевский Р.М., Берсенева А.П.* Оценка адаптационных возможностей организма и риска развития заболеваний. М. : Медицина, 1997. 265 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 21 мая 2014 г.

FUNCTIONAL ADAPTATION OF THE CARDIOVASCULAR SYSTEM OF ATHLETES EXERCISING IN CYCLIC SPORTS

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 176-179. DOI: 10.17223/15617793/383/27

Baranova Elena A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elena4408@yandex.ru
Kapilevich Leonid V. Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kapil@yandex.ru

Keywords: respiration; circulation; exercise; athletes.

Peculiarities of functional adaptation of the cardiovascular system in athletes exercising in cyclic sports are described. The study involved 40 men aged 18 to 20. 20 people regularly practicing cyclic sports and having a degree of candidate or master of sports made up the main group. The control group comprised 20 boys not involved in professional sports and having no sports categories. All subjects belonged to the mainstream medical group and had no chronic diseases. The study of the physical performance and evaluation of the adaptive capacity of the cardiovascular system was conducted on hardware-software complex "Valenta". This technique allows conducting a complex test PWC170 with automatic control, real-time determination of elements of the QRS-complex and the calculation of its parameters for automatic control of the load device. Determination of lactate in venous blood was performed using the portable biochemical express analyzer "Accutrend Plus" before and after the PWC170 test. The results were processed by methods of variation statistics using Student's t-test. Organs and systems of the athlete undergo various morphological and functional reorganizations with increasing loads and degree of adaptation. In the process of sports training functional adaptive changes develop in the cardiovascular system which are supported by morphological restructuring ("structural trace") of the circulatory apparatus and some internal organs. This restructuring provides the cardiovascular system with high availability , which allows the athlete to endure intense and prolonged exercise. According to veloergometry athletes showed an increase in the index of inotropic reserve, while the index of chronotropic reserve decreases. Athletes showed a reduction in the total work and the ratio of spending of myocard reserves. At the same time, the index of double product did not differ for athletes and untrained persons. The study of blood lactate in both groups showed a significant increase after loads. However, in the control group it increases by 3.8 times, while in the main one – by only 1.8 times. No significant differences in blood lactate levels in both groups before the load is revealed. Thus, sportsmen training in cyclic sports have acardiovascular system which is much more efficient in providing for oxygen need, which is proved by the lower concentration of lactic acid and, consequently, they have a smaller degree of oxygen debt. However, this efficiency is not related to the magnitude of coronary blood flow, which is proved by the amount of the double product. The heart of trained individuals works more economically, which is proved by the amount of the chronotropic reserve, and the coefficient of the total spending of myocard reserves. At the same time athletes have more pronounced mobilization of the sympathetic component, which is proved by the increase in inotropic reserve.

REFERENCES

1. Garkavi L.Kh., Kvakina E.B., Ukolova M.A. *Adaptatsionnye reaktsii i rezistentnost' organizma* [Adaptation reactions and resistance of organism]. Rostov-on-Don: Rostov State University Publ., 1990. 224 p.
2. Morman D., Heller L. *Fiziologiya serdechno-sosudistoy sistemy* [Physiology of the cardiovascular system]. Translated from English by G.A. Lapis. St. Petersburg: Piter Publ., 2000. 256 p.
3. Yakobashvili V.A. et al. *Serdtse v usloviyakh sportivnoy deyatel'nosti: fiziologicheskie i vrachebno-pedagogicheskie aspekty* [Heart in the conditions of sports activity: physiological and medical and pedagogical aspects]. Moscow: Sovetskiy sport Publ., 2006. 234 p.
4. Wilmore J.H., Costill D.L. *Fiziologiya sporta i dvigatel'noy aktivnosti* [Physiology of sports and physical activity]. Translated from English. Kiev: Olimpiyskaya literatura Publ., 2000. 366 p.
5. Volkov N.I. *Bioenergeticheskie protsessy pri myshechnoy deyatel'nosti* [Bioenergy process and muscular activity]. In: Smirnov V.M. (ed.) *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology]. Moscow: Meditsina Publ., 2001, pp. 259-308.
6. Aulik I.V. *Opredelenie fizicheskoy rabotosposobnosti v klinike i sporte* [Determination of physical working capacity in clinic and sports]. Moscow: Meditsina Publ., 1990. 192 p.
7. Kapilevich L.V., Pekker Ya.S., Baranova E.A. Influence of capnographic training with biological feedback on the physical performance and hemodynamics in sportsmen. *Byulleten' sibirskoy meditsiny – Bulletin of Siberian Medicine*, 2012, vol. 11, no. 4, pp. 39-43. (In Russian).
8. Kapilevich L.V., Pekker Ya.S., Baranova E.A. Characteristics of Regional Blood Flow and Athletes' Exercises Performance at Capnographic Training with Biofeedback. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*, 2012, no. 8, pp. 31-34. (In Russian).
9. Baevskiy P.M., Berseneva A.P. *Otsenka adaptatsionnykh vozmozhnostey organizma i riska razvitiya zabolevaniy* [Assessment of adaptation opportunities of an organism and risk of development of diseases]. Moscow: Meditsina Publ., 1997. 265 p.

Received:

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 180–189 DOI: 10.17223/15617793/383/28

УДК 37.018.262

Л.А. Грицай

АНТАГОНИЗМ МОДЕЛЕЙ РОДИТЕЛЬСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (90-е гг. XX в.)

Изучается родительское воспитание как философско-исторический феномен в переломную для России эпоху 90-х гг. XX столетия. Рассматриваются инновационные и традиционные модели родительского воспитания, нашедшие свое воплощение в педагогических изданиях тех лет, их антагоничность друг другу как следствие духовно-нравственного и социально-экономического кризиса общества и активного поиска путей дальнейшего развития страны. Предлагается преимущественный анализ данных моделей, на основании которого делается вывод об их воспитательном потенциале.

Ключевые слова: родительское воспитание; модели родительского воспитания; ценностное отношение к родительству.

Широко известно, что период с 1991 по 2000 г. стал для России последним серьезным потрясением трудного XX столетия. Уничтожение Советского Союза, крах коммунистической идеологии оказали огромное влияние на все сферы жизни, обусловив собой глубочайший духовно-нравственный, социально-экономический и политический кризис, в котором оказалась страна. Данный кризис сопровождался для наших соотечественников также значительным падением ценности семейного образа жизни.

Ученые пишут о нескольких явлениях в области российского родительства конца XX в. (которые, к сожалению, продолжаются и в веке нынешнем): это значительное упрощение структуры детско-родительских взаимоотношений, когда забота отца и матери о ребенке стала сводиться к обеспечению его чисто физических потребностей (в крове, пище, одежде) и помощи в приобретении им определенной профессии (И. Медведева) [1]; как следствие – ослабление внимания к детям, получившее название «дефицит родительской любви» (И.Н. Мошкова) [2], разобщение родителей и детей, связанные с процессами урбанизации и индивидуализации (А.Б. Рогозянский) [3], а также определенная «педофобия», заключающаяся в нежелании иметь детей из-за боязни нести моральную и экономическую ответственность за них (С.П. Акутина) [4]. Резкое снижение рождаемости в 90-е гг. и распространение однодетных семей было связано также с тем, что россияне перестали надеяться на социально-экономическую поддержку государства. Страх перед завтрашним днем, согласно социологическим опросам С.С. Балабанова, Б. Наука и З.Х.-М. Саралиевой, стал одним из ведущих факторов депопуляции [5. С. 132].

Однако кризисные явления в области семьи и родительства способствовали увеличению внимания к данным проблемам в рамках научно-педагогического дискурса конца XX в. Изучая разнообразие инновационных и традиционных подходов к пониманию сути детско-родительских взаимоотношений в семье, свойственных отечественной педагогике тех лет, мы можем отметить, что особенно активно и при этом параллельно друг другу развивались две искусственно сдерживаемые в советский период модели родительского воспитания: свободоцентрическая и православно-аксиологическая.

Свободоцентрическая модель получила яркое выражение в работах Ю.П. Азарова, Ш.А. Амонашвили, В.Г. Кротова, Э.М. Рутмана, Н.В. Искольского, Э.М. Черепановой и др. В этих трудах утверждалась мысль о свободе ребенка как о главной ценности процесса семейного воспитания, о скрытом потенциале саморазвития, заложенном в детях, о необходимости для родителей с уважением относиться к чувствам, мыслям и желаниям своих чад.

Например, Ю.П. Азаров в книге «Педагогика любви и свободы» предлагает новую парадигму воспитания детей в семье: «воспитание в свободе и любви, через свободу и любовь, для свободы и любви», являющееся, по его мнению, «истинным гармоническим, всесторонним и гуманистическим» воспитанием, которое должно стать целью жизни семьи, государства и общества [6. С. 18]. Ученый выступает против авторитарной советской педагогики (в частности, в своей работе он много полемизирует с идеями Макаренко), называя «продукт» такого воспитания понятием «гомо советикус» и полагая, что данный тип человека являл собой «неуемное чванство, высокомерие, презрение к слабым и нравственный деспотизм» [Там же. С. 48]. В основе истинного родительского воспитания, по суждению ученого, должны лежать три добродетели: любовь к детям, основанная на свободе и справедливости, труд как форма саморазвития и свобода мысли, основанная на глубине познаваемой культуры. При этом такое воспитание призвано созидать счастливых детей, так как «счастье – нравственная обязанность человека», «это удовлетворение потребностей, стремление к наслаждению, удовольствию» [6. С. 269]. Размышляя об основах становления личности ребенка в семье, мыслитель не отрицает значения родительского авторитета, полагая, что «без авторитета нет воспитания; авторитет родителей достигается высокой требовательностью и уважением к ребенку, его интересам» [6. С. 283]. При этом, как считает Азаров, «сердцевиной гармонического развития является энергия, страсть движет воспитанием» [6. С. 280]. Педагог категорически отрицает воспитательную силу методов прямого воздействия на личность ребенка. Так, он говорит о неэффективности внушения, принуждения и наказания. «Раздраженность, крик, угрозы – главнейшие враги педагогического искусства. Только тот, кто победит их, способен воспитать хорошего человека и не потерять своего ребенка» – отмечает он [6. С. 303]. Поэтому он призывает родителей «преодолеть в самих себе страсть к насилию». Взамен этим методам ученый рекомендует метод поощрения, доказывая, что «важно поощрять (у детей) стремление к независимости, к свободе» [6. С. 310],

пишет о воспитании радостью, советует опираться на механизмы доставления удовольствия. В качестве своеобразного катехизиса родительского воспитания Азаров предлагает «Сорок заповедей любви и свободы». «Педагогика Любви и Свободы может пользоваться только гуманными, демократическими, безнасильственными средствами. Эта педагогика опирается на философию ненасилия», – делает вывод Азаров [6. С. 33].

Данная модель родительского воспитания также разрабатывается в работе В.Г. Кротова «Компас для младенца» (1995). В этой книге автор рассматривает проблему воспитания ребенка в семье как его свободное развитие. «Важно понимать, – пишет он, – насколько необходимо ребенку быть или становится свободным; не когда… мы разрешим ему нести самостоятельную жизнь, а сейчас, каждую минуту». «Чем свободнее растет наш ребенок, чем меньше мы его подавляем, – продолжает Кротов, – тем значительнее обновление наших с ним отношений» [7. С. 161]. Поэтому ученый категорические отрицает силу наказаний и иного грубого воздействия на личности детей и предлагает взамен прощение, сочувствие и сопереживание, воспитание творчеством и т.д. «Случаи, когда мы просим прощения у ребенка, – замечает Кротов, – становятся ключевыми для наших с ним отношений» [Там же. С. 154]. В заключение своей работы ученый приводит своеобразную памятку для родителей, содержащую основные пути и принципы общения родителей с детьми, в частности, он замечает в ней, что отец и мать должны относиться к ребенку как к существу равному, даже более душевно богатому, чем они сами, уважать его, «учиться видеть чудо и тайну детства», быть открытыми с ребенком, ориентироваться на его индивидуальные особенности, доверять ему, не прибегать к наказаниям, любить, просить прощения, первыми идти на примирение и т.д.

Опору на свободоцентрическую модель мы можем увидеть в работе Э.М. Рутмана и Н.В. Искольского «Слагаемые любви» (1996). В данном исследовании авторы полагают, что предназначение родителей заключается в умении относиться «к своему ребенку с любовью и уважением, как к другому человеку, хоть он и очень мал». Отсюда исходят главные заповеди родительского воспитания, включающие в себя, по мнению Рутмана и Искольского, стремление отца и матери «не подавлять активность ребенка, когда начинается освоение мира, быть рядом и немножко позади, создавая обстановку, стимулирующую активность и развитие» [8. С. 131]. Ученые полагают, что для детей особенно важно не просто телесное соприкосновение с родителями, но и эмоционально-душевная близость, т.е. понимание, поэтому детям очень часто может мешать «излишняя активность родителей, излишнее старание поскорее обучить, сформировать по своему выношенному продуманному плану, согласно своим давним мечтам, не считаясь с индивидуальностью ребенка, с его сроками созревания, с заложенными в него стремлениями». «Вы не можете (и не должны), – настаивают ученые, обращаясь к родителям, – творить ребенка ни по своему образу и подобию (ведь и у Бога это не совсем получилось), ни по своему плану, оказывая постоянно деформирующее давление. Не надо требовать от ребенка, чтобы он был как все. У каждого своя стезя. Быть как все не значит быть счастливым» [Там же].

Свободоцентрическая модель разрабатывается в работе Э.М. Черепановой «Воспитание без слез» (1998), в которой автор, размышляя о проблеме воспитания детей дошкольного возраста, призывает родителей ставить ценность личности своего ребенка выше всего остального. «Родительское счастье – главный итог жизни, растворенной в детях», – полагает исследовательница [9. С. 6]. Черепанова считает, что обязанность родителей заключается в необходимости «научить ребенка пользоваться свободой, не зажимать его» [9. С. 57]. Поэтому она предлагает отцу и матери отказаться от методов воздействия на ребенка и заменить их методами взаимодействия и поддержки. Особенно это касается периода младенчества. «Не следует ни в чем отказывать ребенку до одного года. Дети этого возраста слишком хрупки, чтобы противостоять жестокости отказов», – пишет педагог [9. С. 24]. По мнению Черепановой, родители должны «избегать унизительных для ребенка наказаний, с терпением переносить его истерии, не повышать голоса, не употреблять оскорблений» [9. С. 69]. Естественно, что исследовательница выступает категорически против физического наказания детей. Она советует родителям всегда быть готовыми к сотрудничеству со своими детьми: всегда откликаться на плач младенца, кормить его, как только он попросит, почаще ласкать его и разговаривать с ним ласковым голосом; ободрять и поощрять ребенка за каждый успех, каждое старание, стремиться к раннему развитию детей, используя для этого разнообразие игр и совместных мероприятий, заниматься их половым просвещением. При этом Черепанова настаивает на первенстве матери в деле воспитания детей дошкольного возраста, полагая, что «мать – главный человек, ребенок вращается вокруг нее как планета вокруг солнца» [9. С. 55].

Свободоцентрическая модель родительского воспитания продолжала активно развиваться в работах Ш.А. Амонашвили, публикующихся и в 90-е гг. XX в., и в 2000-е гг. XXI в. Анализируя труды педагога этого периода, мы можем отметить, что ориентация на свободу ребенка приобрела в них еще более яркие очертания по сравнению с советскими трудами ученого. Возросла и ценность личности детей. Так, ученый само слово «ребенок», начиная с 90-х гг., пишет уже только с большой буквы, называя детей – «Детьми Света, Путниками Вечности», которые родились, чтобы научить своих родителей мудрости. Дети «пришли в этот мир со своими мыслями, которые более возвышенны, чем наши, – отмечает педагог. – Надо увидеть в них спасателей, перед которыми мы, как блудные отцы, искренне каемся» [10]. Таким образом, ребенок, по мысли Амонашвили, становится «сверхчеловеком» [11]. «Теперь идёт новое поколение детей, – полагает он. – Наблюдатели за ними утверждают, что современные дети составляют особую человеческую Расу. Их предназначение более высокое и длительное, чем было предназначение любого другого поколения» [12].

Определенный научный интерес представляет работа коллектива авторов «Младенец, детка, отрок: добро-

душные наставления родителям», изданная в 1995 г. в Ростове-на-Дону. В данной книге, ориентированной на свободоцентрическую модель родительского поведения, рассматриваются такие вопросы, как подготовка будущих родителей к родам, физический уход за младенцем, рациональное питание и режим дня, особенности возрастного развития детей. Помимо этого очень подробно освещаются проблемы полового воспитания детей в семье, описываются стили родительского воспитания в зависимости от того, под каким знаком зодиака родился их малыш, с ссылками на Конституцию, Уголовный и Семейный кодексы обозначаются права детей. Рассмотрим, например, правила сексуального воспитания детей в семье, преподносимые авторами этой книги в качестве рекомендации родителям: «Не подгоняй ребенка под свою модель жизни; познавай, понимай и уважай в ребенке его своеобразие, его неповторимость; не считай других детей благополучными, а своих уродами; информация (о сексуальной жизни) для ребенка должна носить дозированный характер; выработай адекватное отношение ребенка к сексуальной жизни и ее проявлениям; не полагайся только на себя, свое знание жизни и сексуальных отношений» [13. С. 530–537].

Интересно, что во всех этих работах мы можем увидеть определенное влияние мира западной культуры, характерное для тех лет. Это проявлялось как в обращении к идеям знаменитых западных ученых (доктор Спок, доктор Джиннотон, доктор Додсон, М. Монтессори), так и в попытке ориентироваться на менталитет западного человека, помогающий решить наболевшие российские проблемы. Например, у Ю.П. Азарова читаем: «Нельзя забывать, что вся система американского воспитания наполнена трудом. Нужно величайшее терпение, чтобы сделать труд у детей потребностью. Это терпение, возможно, и есть наиважнейший метод формирования личности» [6. С. 34]. Отсюда характерное для западной педагогической мысли огромное внимание к вопросам полового воспитания детей в семье, обеспечения прав ребенка, борьбы с насилием над детьми со стороны их родителей.

Резюмируя все сказанное выше, мы можем заключить, что в конце XX в. в России свободоцентрическая модель родительского воспитания обрела в педагогической среде устойчивые позиции (настолько, насколько это было возможно в смутные в политическом и духовно-нравственном отношении 90-е гг.). В данной модели в качестве нормы рассматривалось свободное саморазвитие ребенка в семье, отсюда, с одной стороны, признавалось право детей на полную свободу выбора своего жизненного пути, а с другой – отрицалось право родителей силой воздействовать на своих детей, принуждая их к чему-то, внушая какие-либо убеждения. Также для этой модели была характерна опора на мир западной культуры и западных воспитательных ценностей и либерализм по отношению к ребенку.

Второй моделью родительского воспитания, получившей широкое распространение в 90-е гг., стала православно-аксиологическая модель. Как известно, сложившийся после краха атеистической идеологии коммунизма духовный вакуум вызвал стремление у части русских людей к возвращению к миру религиозной культуры. С одной стороны, в странах бывшего СССР появилось множество адептов различных сект со всего мира, оживились в своей деятельность оккультисты, маги и колдуны, с другой – стали возрождаться традиционные для нашей страны религиозные учения, среди которых ключевую позицию занимает православие. В те годы публиковалось много работ как молодых священнослужителей, недавно пришедших в православную церковь, так и духовно зрелых пастырей, стремящихся оставить своим наследникам наставления в христианской жизни. К числу последних работ принадлежат краткие размышления «О воспитании детей» (1996) знаменитого православного старца второй половины XX столетия архимандрита Иоанна (Крестьянкина).

В своей книге о. Иоанн, размышляя о терпении, смирении и глубокой вере и надежде на Бога родителей Пресвятой Богородицы Иокима и Анны, советует современным ему родителям не забывать примера святых, всеми силами стремясь созидать в своем доме «Малую Церковь», воспитывая своих детей с благочестием и страхом Божиим. Именно в возрождении духовного начала русской семьи видит о. Иоанн залог преображения будущей России: «Всем нам необходимо понять сейчас, что надо срочно спасаться от тлетворного духа времени и возвращать Богу нашу малую Церковь, нашу семью. Надо именно в ней возжечь лампаду христианской жизни в Боге. И только в этом – спасение мира, наше спасение. Мы не преуспеем сразу, нам будет крайне трудно, но делать надо ради жизни в вечности» [15. С. 9]. При этом о. Иоанн, следуя традиции христианского воспитания детей, напоминает родителям об их Богом данной власти над детьми и одновременно о глубочайшей ответственности перед Всевышним за плоды своего воспитания. «В Священном Писании Господь дает и не раз напоминает родителям об их особой власти и праве по отношению к детям, дает им особую силу ходатайствовать о детях пред Богом. Так давайте же, дорогие мои, пользоваться этой силой и этой властью». «Ведь отцы и матери, Богом благословенные творцы и покровители детей своих, ответственны за них и за себя» [Там же]. Поэтому архимандрит считает, что воспитание детей в семье – это огромный повседневный напряженный родительский труд, целью которого является обретение совместного спасения родителей и детей. Основными методами такого воспитания должны стать беседы с детьми на духовно-нравственные темы и научение их основам христианской жизни через добродетельный пример самих отца и матери. При этом в семье должна быть создана атмосфера христианской любви и милосердия. Высшей ценностью родительского воспитания автор называет христианскую нравственность, призывая отца и мать воспитывать чад своим примером и трудом, «учить жить по совести, жить по правде» [15. С. 13].

Еще одним ярким произведением 90-х гг., посвященным христианскому воспитанию детей в семье, стала книга протоиерея Глеба Каледы «Домашняя церковь», изданная уже после смерти ее автора в 1998 г. Сама идея книги родилась еще в 80-е гг., когда ее автор находился в тайном священстве, являясь официально профессором одного из крупных московских научных центров.

В своем произведении о. Глеб оценивает семью чрезвычайно высоко как «первичную клеточку церков-

ного тела, кирпичик церковного здания», как «место творения дел любви каждым ее членом и всеми вместе». Как и о. Иоанн (Крестьянкин), о. Глеб полагает, что от того, сможет ли сохранить себя семья как единый духовный организм, зависит будущее всей Русской Церкви, поэтому, как когда-то И.А. Ильин, ученый называет семью «школой любви, школой жизненного опыта, духовного возрастания и познания слова Божия, школой и для детей, и для родителей» [16]. В духе новозаветного воспитательного подхода автор выступает за авторитетный стиль родительского воспитания, отрицающий как чрезмерную опеку и ласку детей со стороны родителей, так и чрезмерную строгость по отношении к ним. Подобный стиль воспитания, по суждению ученого, должен исходить из глубокой взаимной привязанности и заботы друг о друге родителей и детей. О. Глеб замечает, что началом родительской любви является супружеская любовь отца и матери друг к другу. Любовь родителей к детям при этом должна быть «разумной и иногда карающей; “нельзя” должно быть немного, но твердо установленных, ибо если их много, то они становятся невыполнимыми, а это порождает в детях непослушание» [Там же]. При этом автор, приводя в пример пятую заповедь Ветхого Завета, особо отмечает, что детей надо приучать любить родителей и заботиться о них с самого раннего возраста. «Воспитание требует не открытого кошелька; главное – открытость сердца», – заключает о. Глеб.

Главную ценность истинного родительского наставничества ученый видит в воспитании у детей основ христианской нравственности. Поэтому он считает, что главной задачей, стоящей перед родителями, является необходимость вложить в сердца детей «начатки Христовой веры, раскрыть ее как радостную полноту жизни и подготовить детей к тому, чтобы они, придя в возраст, на любом жизненном поприще ощущали себя прежде всего членами Церкви» [Там же]. По мнению о. Глеба, очень важно, чтобы родители смогли привить своим детям любовь к Богу и любовь к своим ближним, научили их отличать добро от зла, понимать, что такое грех и как можно его преодолеть. Размышляя о методах такого родительского воспитания, о. Глеб выделяет в первую очередь пример родителей, их молитвы за ребенка, напряженную духовную внутреннюю жизнь отца и матери, способствующую созданию глубоких духовных связей между родителями и детьми, при которой старшие члены семьи «не только будут делиться с детьми своим духовным опытом, знаниями, но и сами будут обогащаться и возрастать, наблюдая и заимствуя духовный опыт и знания своих детей». Также ученый говорит о важности таких методов воспитания, как беседа и назидание детей, при этом он не отрицает определенного значения метода наказания, однако замечает, что в любом наказании должен быть «просвет милости и любви, надежды на прощение». Средствами воспитания он называет любовь, молитву и труд [Там же]. Идеалом семьи для него становится многодетная семья.

В своей работе ученый касается вопросов состояния современного ему родительства и делает неутешительный вывод о том, что оно находится в глубоком кризисе. Причину данного кризиса о. Глеб видит в духовной деградации своих соотечественников, выбравших путь отвержения Бога, отвержения религиозной нравственности, признавших единственным моральным критерием интересы пролетарской революции, которая проповедовала разложение семьи, необходимость максимального удовлетворения человеческих потребностей и ненависть к классовым врагам. Вызывает беспокойство у ученого и пропаганда абсолютной свободы в воспитании детей, свойственная его времени. «Свобода может быть разная: либо *для* исполнения своей похоти, либо *от* рабства греху, – свобода, возвещенная Христом», – замечает он [16]. Первую из этих свобод о. Глеб называет мнимой, так как она «освобождает сознание человека от понятия греха, чего и нужно добиться князю мира сего». Вторую же свободу ученый рассматривает как необходимый элемент воспитания, полагая, что «детей в меру их возраста надо приучать к ответственности собственного нравственного выбора, оказывая им при этом и помощь с любовью». Поэтому перед христианской семьей, по суждению автора, стоит труднейшая задача: такая семья «с ее абсолютной супружеской верностью, с воспитанными в вере детьми должна противостоять нравам общества, быть светом, согревающим ее членов, – стоящей на камне веры домашней церковью» [Там же].

Проблема христианского родительского воспитания детей рассматривается и в небольшой статье протоиерея Аркадия Шатова «Отцы, матери, дети» (1998), автор которой полагает, что родителям-христианам нужно уметь сочетать в своем воспитании любовь и строгость. При этом первое должно во много раз превосходить второе. Дети, по мнению протоирея, должны воспитываться в некоем «поле любви», строгость же, «правильно соединенная с любовью, может применяться в экстремальных случаях, когда ребенка нужно остановить, удержать», «все остальное время должна действовать любовь, любовь неиссякаемая, непрекращающаяся и все покрывающая, любовь, которая призвана явить детям милосердие Божие; строгость эта должна быть обязательно разумной и рассчитанной; строгость – это не грубость и не жестокость, это – постоянство правил, это неуступчивость в тех случаях, когда дети стремятся выйти из послушания... Рассудительность должна ограничивать излишнюю эмоциональность и совершенно отсекать раздражительность и гневливость» [17]. По мнению протоирея, родители несут за свое воспитание величайшую ответственность перед Богом, при этом они не должны забывать, что более всего воздействуют на детей примером своей жизни и своей веры. Поэтому, ставя пред собой задачу привить своим детям любовь ко Христу и стремление следовать за ним, отцы и матери должны показывать им пример истинной молитвы, которая и является основой воспитания, научить их деятельной любви к ближним, так как любовь к Богу без любви к окружающим людям невозможна. Заметим, что ученый не отрицает силу наказаний в семейном воспитании, полагая, что они должны соотноситься с разумной требовательностью родителей. При этом он также не отрицает принципа свободы в воспитании детей, однако, следуя мысли В.В. Зеньковского, полагает, что задача родителей «подготовить детей к свободе взрослого возраста,

иначе говоря, подготавливая их к свободе осознания себя во Христе». Подводя итоги своим размышлениям, ученый призывает родителей хранить в своих домах мирный дух, молиться о себе и о своих детях и постоянно трудиться над их воспитанием [17].

Православно-аксиологическая модель родительского воспитания находит свое яркое воплощение в сборнике «Подвиг семейного воспитания» (изданном храмом Трех Святителей на Кулишках в 2000 г.), в содержание которого вошли статьи известных московских священников.

Один из авторов этого сборника о. Владислав Свешников называет сам процесс воспитания детей в семье «непрерывным аскетизмом», постоянной духовно-нравственной работой родителей «по собиранию и строительству своей личности и своей семьи» [18. С. 16]. Он полагает, что родители, желающие вырастить своих детей живыми членами Церкви, призваны с готовностью и решимостью принять чрезвычайный аскетизм воспитания (подвиг семейного воспитания) за главную жизненную установку. При этом основными ценностями процесса воспитания детей в семье протоирей называет христианские нравственные ценности: любовь, свободу, ответственность, стремление всею жизнью служить Богу.

Неудачи, которые постигают отца и мать в деле воспитания, проявляющиеся в тех или иных отрицательных поступках детей, автор связывает с невольными ошибками родителей, зараженностью детей первородным грехом, воздействием на их личности «мира» с его соблазнами, целенаправленным, развратным влиянием СМИ и т.д. Саму ситуацию, в которой живут современные ему семьи, священник характеризует как кризисную, поэтому те родители, которые тревожатся за судьбы своих детей, имеют, по его мнению, все основания к этому. Поэтому он, вспоминая слова старца Силуана Афонского: «Молиться о людях – это кровь проливать», полагает, что воспитание детей также связано для родителей с необходимостью «проливать» за них свою кровь [Там же. С. 34]. При этом священник не призывает родителей-христиан изолировать своих детей от мира, он говорит о важности иного пути: живя в мире, своим собственным бытием раскрывать христианскую красоту души и жизни. Важнейшим методом воспитания о. Владислав считает личный пример родителей, понимаемый им широко как «живой фактор семейного бытия», устойчивую линию поведения матери и отца, воздействующую на личности детей куда сильнее, чем любые слова. «Вся наша жизнь – это воспитание, – замечает священник. – Если в семье мир и согласие, тишина и любовь, то от одного этого дитя приобретает нормальный духовный опыт. Если в доме разногласие, ссоры, соперничество родителей – словом, какое бы то ни было проявление нелюбви, то ребенок получает такие душевные раны, которые потом придется залечивать всю жизнь». Поэтому о. Владислав призывает родителей «при воспитании детей, прежде всего, воспитать самих себя» [Там же. С. 32]. Что же касается наказаний, то священник не отрицает определенной воспитывающей силы последних, однако замечает, что сильно наказывать надо только в случае чрезвычайной нравственной вины.

Беседы другого автора данного сборника – протоирея Артемия Владимирова посвящены наиболее актуальным проблемам воспитания детей в современной семье и, в частности, проблеме воспитания девочек как будущих жен и матерей. Автор отстаивает подход, согласно которому воспитание девочки имеет определенные особенности. Цель такого воспитания: формирование в сознании девочек представлений о нравственной чистоте, целомудрии, скромности, кротости, стыдливости как о величайших дарованных Богом качествах женской души. Родители призваны этот идеал чистоты и красоты передать дочерям, чтобы они, в свою очередь, смогли войти во взрослую жизнь с нерастраченным сокровищем любви к Богу и людям. Особое значение в воспитании о. Артемий уделяет атмосфере, созданной отцом и матерью в доме, а также примеру самих родителей. «Никто не будет спорить, что начатки добродетелей – мягкосердечия, нежности, милосердия – закладываются в родительском доме», – справедливо замечает он. Напротив, «дети, не видящие гармонии в отношениях старших, как губка, усваивают все их недостатки, помноженные еще и на собственные грехи, что выпирает тотчас, как только они сами вступают в супружескую жизнь». Поэтому он считает, что самое главное в отношениях между родителями и детьми – это бескорыстная и подлинная, глубокая радость взаимного общения, которую дарует Господь, давая возможность родителям общаться с относительно еще неискушенными существами, которые не совершили в большинстве своем смертных грехов, еще сочувствуют добру, еще отвращаются от зла и не потеряли надежды вырасти нравственными людьми» [19. С. 95].

Близкие размышления встречаем в статье протоирея Валериана Кречетова «Подвиг семейного воспитания». В данных работах автор, следуя православной традиции, рассматривает семью как Малую Церковь, полагая, что само воцерковление семьи является первостепенной задачей, стоящей перед всею Церковью. Священник также настаивает на соблюдении иерархии внутрисемейных отношений, полагая, что главою семьи всегда должен являться отец, он же несет духовную ответственность перед Богом за поведение всех его домочадцев. Поэтому в идее равноправия мужа и жены в семье он видит непосильную ношу, которая взваливается на хрупкие женские плечи [20. С. 132].

Само воспитание детей в семье священник рассматривает сквозь призму церковной жизни, считая, что воспитание должно быть прежде всего церковное: в богослужении, в таинствах, в молитве. При этом родители-христиане призваны, по суждению о. Валериана, создавать особую атмосферу семьи, которая «должна продолжать атмосферу богослужения, атмосферу церковную» [Там же. С. 114]. Эта атмосфера строится на важнейших христианских ценностях: мира, терпения, снисхождения к немощам друг друга, преданности воле Божией, смирения, трудолюбия и, конечно же, любви и стремления к духовному совершенствованию. «Я думаю, – пишет о. Валериан, – любовью все можно сделать, а если невозможно сделать любовью, значит, вообще невозможно сделать» [Там же. С. 128]. Поэтому сама семейная жизнь понимается им как идеальный

вариант для духовного совершенствования родителей, возможность для их ежедневного труда над собой [20. С. 125].

Рассматривая основные методы воспитания детей в семье, протоирей уделяет внимание примеру родителей; искреннему наставлению; общей атмосфере семьи, семейному духу. Кроме того, он рассматривает в качестве методов воспитания родительское благословление, молитвы родителей о детях, умение отца и матери влюбить в себя детей, чтобы вести их за собой. О. Валериан считает, что родители должны объяснять своим детям важность постоянной работы над своим внутренним совершенствованием и при этом ни в коем случае не потакать капризам своих детей, умея игнорировать безосновательные требования ребенка.

Интересный взгляд на проблему родительского воспитания детей в семье принадлежит другому автору изучаемого нами сборника протоирею Константину Островскому, полагающему, что конечной целью воспитательного воздействия родителей является спасение детей, а это, по словам о. Константина, всегда «чудо Божие». Священник, будучи отцом четырех сыновей, придерживается авторитетно-авторитарного стиля семейного воспитания. Так, он полагает, что в воспитании детей необходима «твердая установка на послушание; до тех пор пока от ребенка еще можно требовать послушания, наш родительский долг – требовать». В соответствии с этим дети в течение своего детства и отрочества, по мнению протоирея, должны находиться под любящим, но бдительным родительским оком, родители должны знать, с кем они общаются и как. Поэтому, по суждению о. Константина, очень хорошо, чтобы дети видели постоянный положительный пример родителей, активно включались в совместный семейный труд [21. С. 194]. Исходя из своих убеждений, автор не отрицает воспитательной силы телесных наказаний. Он считает, что в малых дозах и для маленьких детей, которые телесно воспринимают воздействия со стороны родителей лучше, чем их слова, телесные наказаний могут быть полезны. Однако они должны производиться не по злобе родителей, а с величайшей любовью и смирением перед Богом. При этом такие наказания недопустимы в более старшем возрасте.

Последний автор из изучаемого нами сборника – о. Дмитрий Смирнов – в форме беседы со слушателями излагает свое понимание сути православного воспитания детей в семье. О. Дмитрий чрезвычайно высоко ценит семью, полагая, что она требует от человека самоотверженной жизни. Само воспитание детей протоирей называет ежесекундным напряжением матери и отца. Он же полагает, что это воспитание должно начинаться как можно раньше, не только с рождения, но даже еще в утробе матери. При этом протоирей предлагает родителям избирать различные методы своего воздействия на ребенка, соответствующие возрасту ребенка и педагогической ситуации: ласку, убеждение и даже ремень. Однако он же замечает, что порка, совершаемая часто, не дает никакого воспитательного эффекта (напротив, даже приводит к худшему воздействию), употребляться она может лишь в крайнем случае и то только для мальчиков до 13 лет и не чаще, чем раз в год. «Человек может измениться только воспитанием и собственным подвигом при содействии благодати Святого Духа, – замечает о. Дмитрий. – Но надо смотреть, чтобы палку не перегнуть, чтобы не сломать» [22. С. 240]. Размышляя над принципом свободы в воспитании детей, священник полагает, что свободу нужно давать детям очень ограниченно, ребенок должен жить под контролем родителей, только этот контроль должен быть разумным. Но предоставлять ему полную свободу выбора нельзя.

Таким образом, изучив понимание сути родительского воспитания представителей православно-аксиологической модели родительского воспитания конца XX в., мы можем заключить, что их позиции в целом соотносятся с новозаветным воспитательным подходом. Все авторы говорят о воспитании детей как об обретении родителями и детьми спасения, соотносят ценности родительского воспитания с важнейшими христианскими ценностями, пишут о глубочайшей духовной ответственности отца и матери за свои труды перед Богом, предлагают иерархию семейных взаимоотношений в качестве обязательной нормы поведения и взрослых, и детей, отрицают созидательную воспитательную силу современных им либеральных подходов к ребенку как свободному и не зависимому ни от кого творцу своей собственной судьбы. Заметим еще одну черту, характерную для данной модели. Связана она со стремлением отстоять особое понимание места России в среди других наций, идею Православной Церкви как хранительницы русского духа, вдохновительницы всего народа на угодную Богу добродетельную жизнь на земле и вечное спасение в Царствии Небесном.

Следовательно, мы можем рассматривать свободоцентрическую и православно-аксиологическую модели конца XX в. как во многом противостоящие друг другу воспитательные системы (рис. 1).

Подводя итоги вышесказанному, мы можем заключить, что крах Советского Союза и советской идеологии вызвал в 90-е гг. в России мощную волну поиска путей выхода из сложившегося политического, духовно-нравственного и педагогического кризиса. В области родительской педагогики это породило два фактически противоположных друг другу направления: свободоцентрическое, ориентированное на мир западной культуры, и православно-аксиологическое, ориентированное на сохранение национально-религиозных воспитательных ценностей и шире – сохранение национальной идентичности. Неслучайно этот своеобразный «спор» «новых западников» и «новых славянофилов» касался в первую очередь проблем родительского воспитания детей, так как именно дети являлись будущим страны и от них зависело, какой путь изберет для себя Россия в новом веке.

Еще одной моделью, значимой для изучаемого ними периода, стала серьезно трансформированная государственная модель родительского воспитания. В результате известных политических событий начала 90-х гг. прежняя советская государственная модель фактически потеряла свое значение и осталась существовать в весьма скромных рамках государственного контроля за родительским воспитанием и изъятия детей из девиантных семей. Пустующее место попыталась занять другая модель, которую мы можем обозначить как «глобалистская государственная модель родительского воспитания». Суть ее за-

ключалась в стремлении определенных сил западного мира контролировать процессы рождаемости и родительского поведения русских людей. Данная модель не являлась национально-ориентированной, т.е. целью ее провозглашалось не формирование личности верного сына Отечества, а, напротив, воспитание нового человека-индивидуалиста, свободного от любых национальных традиций, чувства долга и ответственности.

На наш взгляд, данная глобалистская модель в России утверждалась в нескольких направлениях. Первым из них стало создание на следующий год после развала СССР Российской ассоциации «Планирование семьи». Деятельность РАПС широко финансировалась как из западных источников, так и из российского госбюджета (в 1993 г. правительство РФ приняло программу «Дети России» с подпрограммой «Планирование семьи») [11], поэтому к концу 90-х гг. эта организация имела в РФ более 50 филиалов. Сотрудники РАПС активно работали в медицинской и образовательной сферах фактически во всех регионах России (программа полового просвещения РАПС в 1998–2000 гг. затронула даже автора этой работы).

Свободоцентрическая модель родительского воспитания	**Православно-аксиологическая модель родительского воспитания**
Развитый индивидуализм, практическая автономия человека по отношению к Богу, миру и другим людям	Соборность, заключающаяся в стремлении к единению с Богом и через Него с другими людьми
Практическое отсутствие внутрисемейной иерархии	Наличие строгой иерархии внутрисемейных отношений
Соблюдение права ребенка на личностную автономию от родителей и на свободное саморазвитие (самоутверждение в социуме)	Определение необходимости контроля родителей за поведением ребенка, теономия личности
Изначальная идеальность природы ребенка (отсутствие идеи испорченности грехом)	Изначальная зараженность ребенка общечеловеческой страстью к греху
Отрицание любого давления на детей или принуждения их к чему-либо (в форме выговоров, упреков, наказаний и т.п.)	Допущение возможности воздействовать на личность ребенка не только лаской и словом, но и наказанием
Идеал личности ребенка: решительный и свободный, независимый человек-творец	Идеал личности ребенка: человек, служащий Богу-Творцу, своим родителям и людям
Цель воспитания: сделать ребенка счастливым, обеспечив его земной успех	Цель воспитания: спасение души, достижение вечной жизни с Богом

Рис. 1. Сопоставление свободоцентрической и православно-аксиологической моделей родительского воспитания

На занятиях (которые, кстати, школьники посещали обязательно, а не по желанию) были сняты все нравственные барьеры: консультанты подробно объясняли особенности сексуальных ощущений, испытываемых «партнерами», рассказывали о средствах контрацепции, в том числе и стерилизации. Много говорилось о преимуществах медикаментозного аборта по сравнению с хирургическим прерыванием беременности. Средствами агитации, помимо беседы со специалистом в данной области, были видеоролики, небольшие брошюры, плакаты и листовки. Таким образом, подросткам рассказывали о сексуальных отношениях как об абсолютной норме их возраста. При этом все считалось доступным и позволенным: половое желание и его удовлетворение, смена сексуальных партнеров и т.д.

Заметим, что подобный подход напрямую противоречил не только нормам нравственности, но и традициям отечественной педагогики, которая еще на рубеже XIX–XX вв. выработала свое однозначное отношение к данной проблеме. Русские педагоги (Н.Е. Румянцев, В.Н. Жук, К.В. Сидорович, Е.Н. Водовозова, Е. Лозинский, О.Б. Фельцман, П.П. Блонский и др.), напрямую полемизируя с З. Фрейдом и его научной школой, писали о необходимости сдерживания полового инстинкта молодых людей, бережного воспитания у них уважения к представителям противоположного пола, формирования представлений о целомудрии, юношеской и девической чести. После «бурных» 20-х гг. советская педагогика встала в данном вопросе на те же нравственно-ориентированные позиции (А.Б. Залкинд).

Вторым ярким направлением данной модели являются так называемые «ювенальные технологии», которые приобрели всеобщую известность уже в начале XXI в. Суть их сводится к тому, что России настойчиво предлагают ратифицировать Европейскую социальную хартию, в статье 17 которой предусматривается обязательство государства – участника хартии создавать на своей территории системы специальных служб по «защите» детей. Несмотря на то что внешне ювенальная юстиция (лат. juvenālis – юношеский; лат. jūstitia – правосудие) является «правовой основой западной модели системы учреждений и организаций, осуществляющих правосудие по делам о правонарушениях, совершаемых несовершеннолетними», на самом деле она представляет собой очень широкое поле для контроля государства за воспитанием детей в каждой российской семье, так как понимается в том числе и как «совокупность правовых механизмов (медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных и др. процедур и программ), предназначенных для обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, реализуемых системой государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций» [12]. Следовательно, ювенальная юстиция призвана стоять на страже прав детей, «защищая» их, главным образом, от собственных родителей (так как родители, в первую очередь, могут нарушить какое-либо из этих многочислен-

ных «прав» детей). Иначе говоря, ювенальной юстицией отстаивается идея о примате прав детей (младших членов семьи) над правами старших (их родителей).

Противники ратификации Россией данной социальной хартии (а среди родителей их – большинство, на что указывают опросы общественного мнения [13]) опасаются, что внедрение в нашей стране данного проекта «приведет к грубому нарушению независимости семьи, создаст правовую базу для вмешательства различных государственных структур в дела семьи», что в итоге нарушит имеющуюся систему семейных отношений. Эти люди указывают на опыт тех стран, в которых эта система уже действует (например Франция). Они приводят данные о том, что в этих странах ежегодно через систему ювенальной юстиции проходят тысячи людей и в 9 случаев из 10 дети насильственно отбираются у их родителей, половина из них – незаконно [14]. Поводом для изъятия ребенка может быть как наказание его родителями, наличие у него синяков от ушибов, жалобы соседей, что ребенок дома плачет, так и бедность семьи, не могущей позволить своим детям какое-либо развлечение, подарок или карманные деньги, стесненные жилищные условия, религиозное воспитание, отсутствие одного из родителей, многодетность [19].

Таким образом, мы полагаем, что ювенальная юстиция представляет собой попытку глобального сообщества взять дело воспитания подрастающего поколения полностью «в свои руки», создав стандартный тип личности человека, лишенного национальной самоидентичности и поэтому готового жить в глобальном государстве. Однако стремясь лишить по тем или иным причинам ребенка его родных родителей, данная модель пытается сформировать из него не только «Ивана-не-помнящего-родства», но и эгоиста-потребителя, привыкшего всегда помнить о своем «праве», но не знать об обязанностях и долге. Такими людьми легко манипулировать, ведь все их ценности сосредоточены вокруг собственной личности, ее комфорта и интересов. Но на защиту своей Родины в случае опасности эти люди вряд ли встанут, не будут они и жертвовать собой ради других.

Подводя итоги вышесказанному, мы можем заключить, что в 90-е гг. XX в. в отечественной теории родительской педагогики наблюдается яркий антагонизм моделей родительского воспитания: свободоцентрическая и глобалистская государственная модели противостоят православно-аксиологической. Причем первые две модели предлагают в качестве ценностной парадигмы родительского воспитания детей – прагматико-гуманистическую западно-ориентированную концепцию, а третья – православно-аксиологическая – модель настаивает на религиозной национально-ориентированной направленности родительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медведева И.* Карта опасности: Современная демографическая ситуация: образование, здравоохранение, наука // Москва. 1998. № 4. С. 97–107.
2. *Мошкова И.Н.* Укрепление семьи – общецерковная задача // В начале пути : сб. материалов «Школы православной семьи». М. : Храм Трех Святителей на Кулишках, 2002. С. 49–106.
3. *Рогозянский А.Б.* Церковь, дети и современный мир : сб. 2-е изд. СПб. : Новый город, 1997. 158 с.
4. *Акутина С.П.* Формирование у старшеклассников семейных духовно-нравственных ценностей в условиях взаимодействия семьи и школы : автореф. … д-ра пед. наук. Нижний Новгород, 2010. 20 с.
5. *Балабанов С.С., Наук Б., Саралиева З.Х.-М.* Типология мотивов иметь или не иметь детей // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 129–136.
6. *Азаров Ю.П.* Семейная педагогика (Педагогика Любви и Свободы). М. : Топикал, 1994. 608 с.
7. *Кротов В.Г.* Компас для младенца. М. : КСП, 1995. 192 с.
8. *Рутман Э.М., Искольский Н.В.* Слагаемые любви. М. : Знание, 1996. 192 с.
9. *Черепанова Э.М.* Воспитание без слез. М. : Знание, 1998. 192 с.
10. *Амонашвили Ш.А.* В Чаше Ребёнка сияет зародыш зерна Культуры. URL: http://pedagogy.org.ua/?m=docs&id=11
11. *Амонашвили Ш.А.* Спешите, дети, будем учиться летать. URL: http://pedagogy.org.ua/?m=docs&id=11
12. *Амонашвили Ш.А.* Баллада о воспитании. URL: http://pedagogy.org.ua/?m=docs&id=11
13. *Младенец*, детка, отрок: добродушные наставления родителям. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. 576 с.
14. *Азаров Ю.П.* Семейная педагогика (Педагогика Любви и Свободы). М. : Топикал, 1994. 608 с.
15. *Иоанн (Крестьянкин), архимандрит.* О воспитании детей. М. : Изд. Сретенского мон., 1996. 16 с.
16. *Каледа Г.* Домашняя церковь. Очерки духовно-нравственных основ созидания и построения семьи в современных условиях. М. : Изд. Зачатьевского мон., 1998. 279 с.
17. *Шатов А.* Отцы, матери, дети // Альфа и Омега. 1998. № 16. URL: http://pravbeseda.ru/library/ index.php?page=book&id=695
18. *Свешников В.* Аскетизм воспитания // Подвиг семейного воспитания: сб. бесед, выступлений / сост., предисл. Е. Рогачевская. М. : Храм Трех Святителей на Кулишках, 2000. 253 с.
19. *Владимиров А.* О воспитании девочек // Подвиг семейного воспитания: сб. бесед, выступлений / сост., предисл. Е. Рогачевская. М. : Храм Трех Святителей на Кулишках, 2000. 253 с.
20. *Кречетов В., прот.* Подвиг семейного воспитания // Подвиг семейного воспитания: сб. бесед, выступлений / сост., предисл. Е. Рогачевская. М. : Храм Трех Святителей на Кулишках, 2000. 253 с.
21. *Островский К., про*т. Чудо воспитания // Подвиг семейного воспитания: сб. бесед, выступлений / сост., предисл. Е. Рогачевская. М. : Храм Трех Святителей на Кулишках, 2000. 253 с.
22. *Смирнов Д., прот.* Диалоги о воспитании // Подвиг семейного воспитания: сб. бесед, выступлений / сост., предисл. Е. Рогачевская. М. : Храм Трех Святителей на Кулишках, 2000. 253 с.
23. *Медведева И., Шишова Т.* Демографическая война против России // Демография, планирование семьи и геноцид : аналитический доклад 31/12/1999. URL: www.pravoslavie.ru/analit/global/demograf.htm
24. *Ювенальная* юстиция. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Ювенальная_юстиция
25. *Ювенальная* юстиция – мы против! URL: http://juvenaljustice.ru/index.php/component/poll/14-vvedenieyuvenalnoiyusticii
26. *Котов О.* Ювенальная юстиция: исторический опыт и современные проблемы. URL: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/46983.htm
27. *Тимошина Е.* Ювенальные технологии как угроза этнической идентичности народа России. URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/04/08/ yuvenalnye_tehnologii_kak_ugroza_etnicheskoj_identichnosti_naroda_rossii/&?print=y

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 4 марта 2014 г.

ANTAGONISM MODELS OF PARENTING CHILDREN IN THE PEDAGOGICAL SPACE OF POST-SOVIET RUSSIA (1990S)

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 180-189. DOI: 10.17223/15617793/383/28

Gritsay Lyudmila A. Correspondence Ryazan Institute (Branch) of Moscow State University of Culture and the Arts (Ryazan, Russian Federation). E-mail: usan82@gmail.com

Keywords: sex education; sexual question; parenting; care of chastity.

We study parenting as a philosophical-historical phenomenon in a pivotal era for Russia of the 1990s. Three models of parenting are considered that found their embodiment in pedagogical editions of those years: liberal, orthodox and globalist. The essence of the first of them (represented in the works of J.P. Azarov, Sh. Amonashvili, V.G. Krotov, E.M. Rutman, N.V. Iskolskiy, E.M. Cherepanov) based on the principle of freedom of the child as the main value of the process of family education. This model is based on the thesis of the hidden potential of self-development that is embedded in the children, the need for parents to respect the feelings, thoughts and desires of their children. These authors refer to the values of individualism and the rights of children. These authors are influenced by Western pedagogy. The essence of the second model (works of Archimandrite John (Krestyankin), priests G. Kaleda, A. Shatov, V. Sveshnikov, A. Vladimirov, B. Krechetov, K. Ostrowski, D. Smirnov) correlates with the typical Orthodox tradition, understanding the importance of education as a saving feat of father and mother, a kind of worship of God in the world. All authors talk about parenting as about the parents' and children's finding of salvation, correlate parenting values with the most important Christian values, write about the deepest spiritual responsibility of the father and mother for their work to God, offering a hierarchy of family relationships as a mandatory code of conduct for adults children. Authors deny the educational force of liberal approaches to child. The article also summarizes the state of the globalist model of parenting, manifested in two aspects of the Russian Association "Family Planning" and attempts to introduce the so-called juvenile technologies in Russia. This model is focused on the world of western educational values that consider the idea of the primacy of the rights of children (younger family members) over the rights of seniors (their parents). The author concludes that the collapse of the Soviet Union and Soviet ideology caused a powerful wave of search for ways out of the current political, spiritual and moral and pedagogical crisis in the 1990s in Russia. In the parental pedagogy it resulted in two, in fact, opposite directions, liberal and global, oriented at the world of Western culture, and Orthodox-axiological, focused on preservation of national-religious educational values and wider - the preservation of the national identity of the Russian people.

REFERENCES

1. Medvedeva I. Karta opasnosti: Sovremennaya demograficheskaya situatsiya: obrazovanie, zdravookhranenie, nauka [Hazard Map: Contemporary demographic situation: education, health, science]. *Moskva*, 1998, no. 4, pp. 97-107.
2. Moshkova I.N. *Ukreplenie sem'i – obshchetserkovnaya zadacha* [Strengthening the family – a churchwide task]. In: *V nachale puti: sb. materialov "Shkoly pravoslavnoy sem'i"* [In the beginning: collected materials of the School of the Orthodox family]. Moscow: Khram Trekh Svyatiteley na Kulishkakh Publ., 2002, pp. 49-106.
3. Rogozyanskiy A.B. *Tserkov', deti i sovremennyy mir* [Church, children and the modern world]. St. Petersburg: Novyy gorod Publ., 1997. 158 p.
4. Akutina S.P. *Formirovanie u starsheklassnikov semeynykh dukhovno-nravstvennykh tsennostey v usloviyakh vzaimodeystviya sem'i i shkoly*. Avtoref. d-ra ped. nauk [Formation of senior pupils' moral values in the interaction of family and school. Abstract of Pedagogy Dr. Diss.]. Nizhniy Novgorod, 2010. 20 p.
5. Balabanov S.S., Nauk B., Saralieva Z.Kh.-M. A typology for the motives to have or not to have children. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2009, no. 3, pp. 129-136. (In Russian).
6. Azarov Yu.P. *Semeynaya pedagogika (Pedagogika Lyubvi i Svobody)* [Family pedagogy (Pedagogy of Love and Freedom)]. Moscow: Topikal Publ., 1994. 608 p.
7. Azarov Yu.P. *Semeynaya pedagogika (Pedagogika Lyubvi i Svobody)* [Family pedagogy (Pedagogy of Love and Freedom)]. Moscow: Topikal Publ., 1994. 608 p.
8. Azarov Yu.P. *Semeynaya pedagogika (Pedagogika Lyubvi i Svobody)* [Family pedagogy (Pedagogy of Love and Freedom)]. Moscow: Topikal Publ., 1994. 608 p.
9. Azarov Yu.P. *Semeynaya pedagogika (Pedagogika Lyubvi i Svobody)* [Family pedagogy (Pedagogy of Love and Freedom)]. Moscow: Topikal Publ., 1994. 608 p.
10. Azarov Yu.P. *Semeynaya pedagogika (Pedagogika Lyubvi i Svobody)* [Family pedagogy (Pedagogy of Love and Freedom)]. Moscow: Topikal Publ., 1994. 608 p.
11. Azarov Yu.P. Semeynaya pedagogika (Pedagogika Lyubvi i Svobody) [Family pedagogy (Pedagogy of Love and Freedom)]. Moscow: Topikal Publ., 1994. 608 p.
12. Azarov Yu.P. *Semeynaya pedagogika (Pedagogika Lyubvi i Svobody)* [Family pedagogy (Pedagogy of Love and Freedom)]. Moscow: Topikal Publ., 1994. 608 p.
13. Krotov V.G. *Kompas dlya mladentsa* [Compass for the baby]. Moscow: KSP Publ., 1995. 192 p.
14. Krotov V.G. *Kompas dlya mladentsa* [Compass for the baby]. Moscow: KSP Publ., 1995. 192 p.
15. Rutman E.M., Iskol'skiy N.V. *Slagaemye lyubvi* [Terms of love]. Moscow: Znanie Publ., 1996. 192 p.
16. Rutman E.M., Iskol'skiy N.V. *Slagaemye lyubvi* [Terms of love]. Moscow: Znanie Publ., 1996. 192 p.
17. Cherepanova E.M. *Vospitanie bez slez* [Parenting without tears]. Moscow: Znanie Publ., 1998. 192 p.
18. Cherepanova E.M. *Vospitanie bez slez* [Parenting without tears]. Moscow: Znanie Publ., 1998. 192 p.
19. Cherepanova E.M. *Vospitanie bez slez* [Parenting without tears]. Moscow: Znanie Publ., 1998. 192 p.
20. Cherepanova E.M. *Vospitanie bez slez* [Parenting without tears]. Moscow: Znanie Publ., 1998. 192 p.
21. Cherepanova E.M. *Vospitanie bez slez* [Parenting without tears]. Moscow: Znanie Publ., 1998. 192 p.
22. Amonashvili Sh.A. *V Chashe Rebenka siyaet zarodysh zerna Kul'tury* [There is a grain of culture shining in every baby]. Available at: http://pedagogy.org.ua/?m=docs&id=11.
23. Amonashvili Sh.A. Speshite, deti, budem uchit'sya letat' [Hurry up, kids, we'll be learning to fly]. Available at: http://pedagogy.org.ua/?m=docs&id=11.
24. Amonashvili Sh.A. *Ballada o vospitanii* [A ballad on education]. Available at: http://pedagogy.org.ua/?m=docs&id=11

25. Zharov L.V. et al. *Mladenets, detka, otrok: dobrodushnye nastavleniya roditelyam* [Infant, baby, boy: good-natured guidelines for parents]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 1995. 576 p.
26. Azarov Yu.P. *Semeynaya pedagogika (Pedagogika Lyubvi i Svobody)* [Family pedagogy (Pedagogy of Love and Freedom)]. Moscow: Topikal Publ., 1994. 608 p.
27. Archimandrite John (Krestiankin). *O vospitanii detey* [On parenting]. Moscow: Izd. Sretenskogo monastyria Publ., 1996. 16 p.
28. Archimandrite John (Krestiankin). *O vospitanii detey* [On parenting]. Moscow: Izd. Sretenskogo monastyria Publ., 1996. 16 p.
29. Archimandrite John (Krestiankin). *O vospitanii detey* [On parenting]. Moscow: Izd. Sretenskogo monastyria Publ., 1996. 16 p.
30. Kaleda G. *Domashnyaya tserkov'. Ocherki dukhovno-nravstvennykh osnov sozidaniya i postroeniya sem'i v sovremennykh usloviyakh* [Home Church. Essays on spiritual and moral foundations of creation and building a family in modern conditions]. Moscow: Izd. Zachat'evskogo monastyria Publ., 1998. 279 p.
31. Kaleda G. *Domashnyaya tserkov'. Ocherki dukhovno-nravstvennykh osnov sozidaniya i postroeniya sem'i v sovremennykh usloviyakh* [Home Church. Essays on spiritual and moral foundations of creation and building a family in modern conditions]. Moscow: Izd. Zachat'evskogo monastyria Publ., 1998. 279 p.
32. Kaleda G. *Domashnyaya tserkov'. Ocherki dukhovno-nravstvennykh osnov sozidaniya i postroeniya sem'i v sovremennykh usloviyakh* [Home Church. Essays on spiritual and moral foundations of creation and building a family in modern conditions]. Moscow: Izd. Zachat'evskogo monastyria Publ., 1998. 279 p.
33. Kaleda G. *Domashnyaya tserkov'. Ocherki dukhovno-nravstvennykh osnov sozidaniya i postroeniya sem'i v sovremennykh usloviyakh* [Home Church. Essays on spiritual and moral foundations of creation and building a family in modern conditions]. Moscow: Izd. Zachat'evskogo monastyria Publ., 1998. 279 p.
34. Kaleda G. *Domashnyaya tserkov'. Ocherki dukhovno-nravstvennykh osnov sozidaniya i postroeniya sem'i v sovremennykh usloviyakh* [Home Church. Essays on spiritual and moral foundations of creation and building a family in modern conditions]. Moscow: Izd. Zachat'evskogo monastyria Publ., 1998. 279 p.
35. Kaleda G. *Domashnyaya tserkov'. Ocherki dukhovno-nravstvennykh osnov sozidaniya i postroeniya sem'i v sovremennykh usloviyakh* [Home Church. Essays on spiritual and moral foundations of creation and building a family in modern conditions]. Moscow: Izd. Zachat'evskogo monastyria Publ., 1998. 279 p.
36. Kaleda G. *Domashnyaya tserkov'. Ocherki dukhovno-nravstvennykh osnov sozidaniya i postroeniya sem'i v sovremennykh usloviyakh* [Home Church. Essays on spiritual and moral foundations of creation and building a family in modern conditions]. Moscow: Izd. Zachat'evskogo monastyria Publ., 1998. 279 p.
37. Shatov A. Ottsy, materi, deti [Fathers, mothers, children]. *Al'fa i Omega*, 1998, no. 16. Available at: http://pravbeseda.ru/library/ index.php?page=book&id=695.
38. Shatov A. Ottsy, materi, deti [Fathers, mothers, children]. *Al'fa i Omega*, 1998, no. 16. Available at: http://pravbeseda.ru/library/ index.php?page=book&id=695.
39. Sveshnikov V. *Asketizm vospitaniya* [Austerity of education]. In: Rogachevskaya E. *Podvig semeynogo vospitaniya: sb. besed, vystupleniy* [Feat of family education: collection of conversations, speeches]. Moscow: Khram Trekh Svyatiteley na Kulishkakh Publ., 2000. 253 p.
40. Sveshnikov V. *Asketizm vospitaniya* [Austerity of education]. In: Rogachevskaya E. *Podvig semeynogo vospitaniya: sb. besed, vystupleniy* [Feat of family education: collection of conversations, speeches]. Moscow: Khram Trekh Svyatiteley na Kulishkakh Publ., 2000. 253 p.
41. Sveshnikov V. *Asketizm vospitaniya* [Austerity of education]. In: Rogachevskaya E. *Podvig semeynogo vospitaniya: sb. besed, vystupleniy* [Feat of family education: collection of conversations, speeches]. Moscow: Khram Trekh Svyatiteley na Kulishkakh Publ., 2000. 253 p.
42. Vladimirov A. *O vospitanii devochek* [On the education of girls]. In: Rogachevskaya E. *Podvig semeynogo vospitaniya: sb. besed, vystupleniy* [Feat of family education: collection of conversations, speeches]. Moscow: Khram Trekh Svyatiteley na Kulishkakh Publ., 2000. 253 p.
43. Krechetov V. *Podvig semeynogo vospitaniya* [Feat of family education]. In: Rogachevskaya E. *Podvig semeynogo vospitaniya: sb. besed, vystupleniy* [Feat of family education: collection of conversations, speeches]. Moscow: Khram Trekh Svyatiteley na Kulishkakh Publ., 2000. 253 p.
44. Krechetov V. *Podvig semeynogo vospitaniya* [Feat of family education]. In: Rogachevskaya E. *Podvig semeynogo vospitaniya: sb. besed, vystupleniy* [Feat of family education: collection of conversations, speeches]. Moscow: Khram Trekh Svyatiteley na Kulishkakh Publ., 2000. 253 p.
45. Krechetov V. *Podvig semeynogo vospitaniya* [Feat of family education]. In: Rogachevskaya E. *Podvig semeynogo vospitaniya: sb. besed, vystupleniy* [Feat of family education: collection of conversations, speeches]. Moscow: Khram Trekh Svyatiteley na Kulishkakh Publ., 2000. 253 p.
46. Krechetov V. *Podvig semeynogo vospitaniya* [Feat of family education]. In: Rogachevskaya E. *Podvig semeynogo vospitaniya: sb. besed, vystupleniy* [Feat of family education: collection of conversations, speeches]. Moscow: Khram Trekh Svyatiteley na Kulishkakh Publ., 2000. 253 p.
47. Ostrovskiy K. *Chudo vospitaniya* [The miracle of education]. In: Rogachevskaya E. *Podvig semeynogo vospitaniya: sb. besed, vystupleniy* [Feat of family education: collection of conversations, speeches]. Moscow: Khram Trekh Svyatiteley na Kulishkakh Publ., 2000. 253 p.
48. Smirnov D. *Dialogi o vospitanii* [Dialogues on education]. In: Rogachevskaya E. *Podvig semeynogo vospitaniya: sb. besed, vystupleniy* [Feat of family education: collection of conversations, speeches]. Moscow: Khram Trekh Svyatiteley na Kulishkakh Publ., 2000. 253 p.
49. Medvedeva I. Shishova T. *Demograficheskaya voyna protiv Rossii* [Demographic war against Russia]. Available at: www.pravoslavie.ru/analit/global/demograf.htm.
50. Juvenile Justice. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Yuvenal'naya_yustitsiya. (In Russian).
51. *Yuvenal'naya yustitsiya – my protiv!* [Juvenile justice – we are against!]. Available at: http://juvenaljustice.ru/index.php/component/poll/14-vvedenieyuvenalnoiyusticii.
52. Kotov O. *Yuvenal'naya yustitsiya: istoricheskiy opyt i sovremennye problem* [Juvenile justice: historical experience and contemporary issues]. Available at: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/46983.htm
53. Timoshina E. *Yuvenal'nye tekhnologii kak ugroza etnicheskoy identichnosti naroda Rossii* [Juvenile technology as a threat to the ethnic identity of the people of Russia]. Available at: http://ruskline.ru/analitika/2011/04/08/yuvenalnye_tehnologii_kak_ugroza_etnicheskoj_identichnosti_naroda_rossii/&?print=y.

Received

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 190–195 DOI: 10.17223/15617793/383/29

УДК 159.944.4-057.87

Л.Н. Молчанова

РЕФЛЕКСИВНО-ТРЕНИНГОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ СОСТОЯНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Представлено обоснование рефлексивно-тренинговой технологии в психопрофилактике состояния психического выгорания студентов-медиков. Разработка рефлексивно-тренинговой технологии основывается на результатах исследования закономерностей трансформации состояния психического выгорания в свойства и закономерностей психологических механизмов, ее обеспечивающих.

Ключевые слова: рефлексивно-тренинговая технология; структурно-динамические изменения; общие и специфические закономерности трансформации; психологические механизмы; психологическая профилактика; состояние психического выгорания.

Социально-экономические преобразования, произошедшие в России за последние годы, предъявляют определенные требования к построению системы высшего медицинского образования и реализации новых здоровьесберегающих образовательных технологий в профессиональной подготовке будущих специалистов-медиков.

Известно, что успешная профессиональная подготовка студентов-медиков относится к числу эмоционально напряженных видов деятельности, что отражается на уровне их психического и соматического здоровья. Интенсивные учебные нагрузки, частые эмоционально напряженные ситуации зачетов и экзаменов, нарушения режима труда, отдыха и питания, с одной стороны, психовегетативные особенности, низкий уровень коммуникативных способностей и навыков саморегуляции – с другой, приводят к тому, что значительная часть студентов-медиков испытывает психосоматические проблемы [1], а также подвержена стресс-обусловленным расстройствам адаптации, среди которых одно из первых мест занимает психическое выгорание [2, 3]. По данным трехлетнего исследования распространенности психического выгорания, депрессии и поведенческих расстройств среди студентов семи американских медицинских колледжей, у более чем 52% респондентов выявлены его симптомы разной степени выраженности [4]. Частота психического выгорания среди студентов медицинских вузов Голландии, Англии достигает 24–26% [5]. Приведенные аргументы подтверждают актуальность и объясняют цель настоящего исследования, которая состоит в разработке рефлексивно-тренинговой технологии: образовательной и здоровьесберегающей, ориентированной на профилактику психического выгорания студентов-медиков.

В настоящее время основные инновационные образовательные технологии связаны с применением интерактивных моделей обучения: использованием ролевых игр, совместным решением проблем, моделированием жизненных ситуаций, опорой на групповой опыт и обязательную обратную связь, где каждый студент становится активным субъектом взаимодействия. Преподаватель (ведущий) создает среду образовательного общения, характеризующуюся открытостью, взаимодействием участников, равенством их аргументов, накоплением совместного знания, возможностью взаимной оценки и контроля, организует индивидуальную, парную и групповую работу, использует проектную работу, работу с различными источниками информации. Наиболее эффективной формой организации интерактивных занятий, на наш взгляд, является тренинг. Согласно Е.В. Сидоренко, тренинг представляет собой обучение технологиям действия на основе определенной концепции реальности в интерактивной форме [6]. В связи с этим интерактивность является основой обучения в процессе тренинговых занятий. Опираясь на позицию Е.В. Сидоренко, мы понимаем интерактивность как собственную активность и как активное взаимодействие с другими людьми и получение от них обратной связи. Интерактивность предполагает право на ошибку и поиск новых, заранее не предусмотренных путей, в результате чего лучшим может оказаться то, что возникло благодаря совместной деятельности в тренинге: в этом и состоит принципиальное отличие интерактивной формы обучения от всех прочих [Там же]. По мнению С. Гладышева, специфика проведения тренинга как особого метода получения знаний заключается в том, что все его участники учатся на собственном опыте настоящего момента в специально созданной благоприятной среде, где каждый может понять, какие личностные качества необходимы и какие профессиональные навыки надо развивать. Поскольку ситуация тренинга учебная, каждый из участников приобретает и использует новый опыт. Любой навык или качество на обучающем тренинге моделируются, анализируются и проверяются в обстановке, максимально приближенной к действительности [7].

В настоящее время сложилось научное представление, согласно которому психическое выгорание представляет собой состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы и включающее в себя три составляющих: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений [8, 9]. Существует значительное количество объясняющих его природу научных подходов, и наиболее значимые среди них – структурный, процессуальный, структурно-процессуальный [8–13]. С позиций используемого нами структурно-процессуального подхода психическое выгорание представляет собой динамичную структуру, характеризуется фазностью и имеет свою специфику, общую для представителей профессий помогающего типа [8, 11–13].

Опираясь на результаты исследований К.К. Платонова о взаимосвязи друг с другом и взаимопереходе всех трех уровней форм психических явлений: психических

процессов, психических состояний и свойств личности [14] – и следуя структурно-процессуальной логике, мы выдвинули предположение о том, что с каждым переходом из одной фазы состояния психического выгорания в другую наблюдается усиление взаимосвязей между всеми его структурными элементами. Повторяющиеся в каждой фазе структурно-динамические изменения состояния психического выгорания рассматриваем как закономерности его трансформации. В фазе «истощение» состояния психического выгорания ожидается наличие самой высокой степени интегрированности взаимосвязей его структурных элементов между собой, что позволяет выдвинуть предположение о его переходе в другую группу психических явлений – группу свойств.

Изучение закономерностей трансформации состояния психического выгорания, а также закономерностей психологических механизмов, ее обеспечивающих, осуществлялось в 2011 г. на базе Курского государственного медицинского университета среди 133 студентов 2-го курса лечебного факультета с использованием следующих психодиагностических методик: «Диагностики уровня эмоционального выгорания» (В.В. Бойко) и опросника на выгорание MBI (C. Maslach, S.E. Jackson, в адаптации Н.Е. Водопьяновой) [15], опросника «Индивидуальный стиль саморегуляции» В.И. Моросановой [13], теста смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева [16], методики определения уровня рефлексивности А.В. Кар-пова, В.В. Пономарёвой [17].

Результаты исследования средних значений показателей фаз психического выгорания студентов лечебного факультета, полученные с помощью методики «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко [15], соответствуют среднему уровню выраженности: «напряжение» – $X_{ср} = 37,44 \pm 15,71$ и «истощение» – $X_{ср} = 45,37 \pm 15,4$. Средние значения фазы «резистенция» достигли уровня сформированности: $X_{ср} = 66,98 \pm 15,74$.

Изучение средних значений показателей структурных элементов состояния психического выгорания студентов лечебного факультета осуществлялось с использованием опросника на выгорание MBI (C. Maslach, S.E. Jackson, в адаптации Н.Е. Водопьяновой) и указало на средний уровень их выраженности: «эмоциональное истощение» – $X_{ср} = 24,30 \pm 8,53$, «деперсонализация» – $X_{ср} = 12,01 \pm 5,53$, «редукция личных достижений» – $X_{ср} = 29,48 \pm 7,00$.

Сравнительный анализ средних значений показателей структурных элементов состояния психического выгорания у студентов лечебного факультета в его различных фазах позволил установить следующие общие тенденции в его динамике (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения и значимость различий показателей структурных элементов состояния психического выгорания студентов лечебного факультета в его различных фазах (U-критерий Манна – Уитни, $p \leq 0,05$; $U^*_{эмп} < U_{кр}$)

Фазы выгорания / Структурные элементы	Фаза «напряжение» (1)				Фаза «резистенция» (2)				Фаза «истощение» (3)			
	$X_{ср} \pm \sigma_x$	Качественный	(1)-(2)		$X_{ср} \pm \sigma_x$	Качественный	(2)-(3)		$X_{ср} \pm \sigma_x$	Качественный	(1)-(3)	
			$U_{эмп}$	p			$U_{эмп}$	p			$U_{эмп}$	P
Эмоциональное истощение	21,72 ± 6,53	Средний уровень выраженности	3429,5*	0,047	24,28 ± 8,59	Средний уровень выраженности	5736,0*	0,027	26,88 ± 7,02	Средний уровень выраженности	2134,0*	0,0001
Деперсонализация	10,06 ± 3,84	Средний уровень выраженности	3435,5*	0,049	11,98 ± 5,57	Средний уровень выраженности	5729,0*	0,026	13,52 ± 4,93	Средний уровень выраженности	2135,5*	0,0001
Редукция личных достижений	27,33 ± 6,58	Средний уровень выраженности	3421,5*	0,044	29,43 ± 7,05	Средний уровень выраженности	5736,5*	0,027	31,67 ± 5,08	Средний уровень выраженности	2129,0*	0,0001

* Значимость различий.

Исследование показало умеренный уровень выраженности средних значений показателей всех структурных элементов состояния психического выгорания во всех фазах; увеличение уровня выраженности средних значений показателей всех структурных элементов: «эмоциональное истощение», «деперсонализация» и «редукция личных достижений» в фазе «истощение»; преобладание более высоких средних значений показателей всех структурных элементов в фазе «истощение»; статистически значимые различия в уровнях выраженности средних значений показателей всех структурных элементов состояния психического выгорания во всех его фазах.

Изучение динамики взаимосвязей структурных элементов состояния психического выгорания между собой у студентов лечебного факультета осуществлялось с использованием корреляционного анализа Пирсона, по результатам которого были выявлены закономерности структурно-динамических изменений в фазе «истощение»: значимое увеличение уровня выраженности структурного элемента «эмоциональное истощение», самые тесные и интегрированные взаимосвязи между структурными элементами «эмоциональное истощение» и «деперсонализация», самые интегрированные взаимосвязи всех структурных элементов между собой (см. табл. 2–4), что позволяет подтвердить предположение о его трансформации в другую группу психических явлений – свойства.

В соответствии с полученными результатами исследования структурно-динамических изменений состояния психического выгорания у студентов лечебного факультета возникает вопрос об общих и специфических закономерностях психологических механизмов, его обеспечивающих.

Таблица 2

Значимые коэффициенты корреляции структурных элементов состояния психического выгорания в фазе «напряжение» у студентов лечебного факультета

Наименование элемента	1	2	3
1. Эмоциональное истощение	1,00	0,51*	–
2. Деперсонализация	0,51*	1,00	–
3. Редукция личных достижений	–	–	1,00

* Статистическая значимость при $p \leq 0,05$.

Таблица 3

Значимые коэффициенты корреляции структурных элементов состояния психического выгорания в фазе «резистенция» у студентов лечебного факультета

Наименование элемента	1	2	3
1. Эмоциональное истощение	1,00	0,52**	0,33*
2. Деперсонализация	0,52**	1,00	–
3. Редукция личных достижений	0,33*	–	1,00

* Статистическая значимость при $p \leq 0,05$; ** статистическая значимость при $p \leq 0,01$.

Таблица 4

Значимые коэффициенты корреляции структурных элементов состояния психического выгорания в фазе «истощение» у студентов лечебного факультета

Наименование элемента	1	2	3
1. Эмоциональное истощение	1,00	0,81**	0,61**
2. Деперсонализация	0,81**	1,00	0,83*
3. Редукция личных достижений	0,61**	0,83*	1,00

* Статистическая значимость при $p \leq 0,05$; ** статистическая значимость при $p \leq 0,01$.

В ходе исследования с помощью опросника «Индивидуальный стиль саморегуляции» В. И. Моросановой [13], теста смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева [16], методики определения уровня рефлексивности А.В. Карпова, В.В. Пономарёвой [17] множественного регрессионного анализа (обратного пошагового метода) у студентов лечебного факультета выявлены как общие закономерности, сохраняющие свое действие во всех фазах состояния психического выгорания, так и специфические, проявляющие свое влияние лишь в определенных фазах. Общие закономерности проявлений психологических механизмов состояния психического выгорания представлены содержательно-структурными характеристиками рефлексивно-смысловых, а специфические – стилевых особенностей саморегуляции и ценностно-мотивационных механизмов.

Рефлексивно-смысловые механизмы трансформации состояния психического выгорания включают показатели ретроспективной рефлексии и цели в жизни как смысложизненной ориентации: в фазе «напряжение»: ($\beta = -0,85$ при $p = 0,000$), ($R = 0,77$, $F = 11,15$, КМД = 0,59, $df = 5,60$, $p = 0,000$) и ($\beta = -1,1$ при $p = 0,042$), ($R = 0,73$, $F = 4,06$, КМД = 0,54, $df = 6,59$, $p = 0,002$) соответственно; в фазе «резистенция»: ($\beta = -0,90$ при $p = 0,0003$), ($R = 0,75$, $F = 5,47$, КМД = 0,56, $df = 5,60$, $p = 0,0003$) и ($\beta = -0,71$ при $p = 0,016$), ($R = 0,73$, $F = 2,33$, КМД = 0,54, $df = 6,59$, $p = 0,043$) соответственно; в фазе «истощение»: ($\beta = -1,1$ при $p = 0,000$), ($R = 0,92$, $F = 66,53$, КМД = 0,85, $df = 5,60$, $p = 0,000$) и ($\beta = -1,1$ при $p = 0,000$), ($R = 0,70$, $F = 9,37$, КМД = 0,49, $df = 6,59$, $p = 0,000$) соответственно. Таким образом, отсутствие четкой жизненной цели, склонности к анализу выполненной в прошлом деятельности, предпосылок, мотивов и причин произошедшего, а также результатов и допущенных ошибок рассматриваются как механизм возникновения, реализации и трансформации состояния психического выгорания.

Специфические закономерности механизмов саморегуляции как механизмов возникновения состояния психического выгорания у студентов лечебного факультета представлены содержательно-структурными и динамическими характеристиками. Содержание структуры стилевых механизмов регуляции состояния психического выгорания в фазе «истощение» характеризуется таким стилем, как программирование ($\beta = -0,53$ при $p = 0,001$), ($R = 0,76$, $F = 11,10$, КМД = 0,57, $df = 7,58$, $p = 0,000$). Таким образом, неумение и нежелание продумывать последовательность своих действий выступает механизмом трансформации состояния психического выгорания у студентов лечебного факультета.

Структура рефлексивно-смысловых механизмов возникновения состояния психического выгорания представлена следующим образом: в фазе «напряжение» – показателем локус контроля-Я ($\beta = -0,90$ при $p = 0,006$), ($R = 0,73$, $F = 4,06$, КМД = 0,54, $df = 6,59$, $p = 0,002$), в фазе «резистенция» – показателями актуальной ($\beta = -0,53$ при $p = 0,008$), перспективной ($\beta = -0,57$ при $p = 0,030$), коммуникативной ($\beta = -0,83$ при $p = 0,001$) рефлексии, а также общей рефлексивностью ($\beta = 1,80$ при $p = 0,003$) ($R = 0,75$, $F = 5,47$, КМД = 0,56, $df = 5,60$, $p = 0,0003$).

Таким образом, возникновение состояния психического выгорания у студентов лечебного факультета в фазе «напряжение» обусловлено убежденностью в том, что жизнь неподвластна сознательному контролю, неверием в свои силы контролировать события собственной жизни. Отсутствие достаточной степени сформированности коммуникативных качеств, актуальной рефлексии, характеризующейся непосредственным самоконтролем поведения в текущей профессиональной ситуации, требующей срочного анализа про-

исходящего и принятия решения с минимальным временем на его обдумывание, соотнесение своих действий с ситуацией и их координация в соответствии с изменяющимися условиями и собственным состоянием; перспективная рефлексия, характеризующаяся анализом предстоящей деятельности, тщательным планированием и прогнозированием вероятных исходов лечения; степень сформированности коммуникативных качеств влияет на реализацию состояния психического выгорания в фазе «резистенция».

Таблица 5

Технологическая карта программы психопрофилактики состояния психического выгорания

Структура личности	Условия реализации	Задача	Психологический механизм	Тренинг	Методы
Мотивационная	Информированность о феноменологии, генезе, детерминации, способах психопрофилактики состояния психического выгорания через организацию	Формирование стремления к личностному росту и профессиональной самореализации	Активизация интереса и творческой активности к профессиональной деятельности: развитие навыков постановки жизненно важных целей во временной перспективе развития личности, расстановки приоритетов личных ценностей и целей	Личностный рост и профессиональная самореализация	Телесно-ориентированная терапия; игровая терапия; когнитивно-поведенческая терапия; арт-терапия; позитивная терапия
Интеллектуальная	Реализация традиционных (лекции, беседы) и инновационных (научно-практические семинары, дискуссии, анализ проблемных профессиональных ситуаций и т.д.) форм просветительской работы	Развитие умений и навыков самоанализа, рефлексии	Обучение рефлексивным умениям: осознание собственных жизненных установок и развитие позитивной установки относительно себя и других	Рефлексивные способности	Игровая терапия; когнитивно-поведенческая терапия; арт-терапия; позитивная терапия
Аффективная		Оптимизация стилей саморегуляции и мобилизация ресурса произвольности в регуляции состояний	Обучение навыкам психологической самопомощи: осознание собственных эмоций, собственной личности, формирование субъектной позиции в отношении своего психологического здоровья	Саморегуляция	Телесно-ориентированная терапия (мышечная релаксация; дыхательная гимнастика; идеомоторная тренировка; визуализация и сюжетное воображение); арт-терапия; позитивная терапия
Поведенческая		Формирование адекватного эмоционально-ценностного отношения к себе и другим; реструктуризация системы ценностей	Обучение навыкам эмоционально-ценностного отношения (положительного отношения к себе, принятия других): переоценка суждений (убеждений) относительно себя, других людей, своей профессиональной деятельности и их изменение в сторону большей реалистичности и рациональности	Эмоционально-ценностное отношение к себе и другим	Телесно-ориентированная терапия; игровая терапия; когнитивно-поведенческая терапия; арт-терапия; позитивная терапия

Динамические характеристики психологических механизмов возникновения состояния психического выгорания у студентов лечебного факультета детерминируют его наибольшую выраженность по типу «оптимума». Максимум выраженности состояния психического выгорания в фазе «напряжение» зарегистрирован при средней саморегуляции и рефлексивности, а также при низком и высоком уровне осмысленности жизни. Реализация состояния психического выгорания в фазе «резистенция» осуществляется при низкой и средней саморегуляции и среднем уровне рефлексивности. Трансформация состояния психического выгорания в фазе «истощение» происходит при средней саморегуляции, низких уровнях рефлексивности и осмысленности жизни.

Разработка рефлексивно-тренинговой технологии как здоровьесберегающей, ориентированной на профилактику, коррекцию и регуляцию состояния психического выгорания, осуществлялась в логике структурно-динамических представлений о его трансформации. В соответствии с результатами проведенного исследования в роли системообразующего элемента системы психопрофилактики состояния психического выгорания выступает тренинг рефлексивных способностей, что согласуется с теоретическими основами профессионального развития личности, когда «работа рефлексивных процессов самосознания может иметь характер как регулятивного, так и интеграционного, смыслопорождающего механизма, определяя тем самым психологическое содержание (способы и формы активности) рефлексивного ресурса личности и индивидуальную траекторию разрешения возникающих у нее внутриличностных противоречий» [18. С. 204].

Реализация рефлексивно-тренинговой технологии как образовательной обусловлено ее свойством максимально развивать субъектность студентов-медиков, которая выражается в самореализации, самоорганизации и самокоррекции [19] и осуществляется в их профессиональной подготовке, как здоровьесберегающей – направлена на снижение выраженности состояния психического выгорания через активизацию стилевых механизмов саморегуляции, рефлексивно-смысловых и ценностно-мотивационных механизмов возникновения и трансформации и представлена в учебно-методическом спецкурсе «Психопрофилактика состояния психического выгорания студентов-медиков».

Программа учебно-методического спецкурса «Психопрофилактика состояния психического выгорания студен-

тов-медиков» реализуется в виде научно-практических семинаров и тренинговой работы. В программу научно-практических семинаров включен курс лекций по теме психического выгорания, предоставляющий возможность ознакомиться с признаками психического выгорания, особенностями развития, внешними и внутренними факторами, способами его дифференцирования от сопряженных состояний: хронической усталости, монотонии, стресса, депрессивных состояний и т.д. В рамках спецкурса проводится также психодиагностическое обследование с целью выявления психического выгорания, с результатами которого студентов знакомят сразу.

Стратегия и тактика тренинговых занятий ориентирована на разрешение конкретных задач учебно-методического спецкурса: формирование стремления к личностному росту и профессиональной самореализации через активизацию интереса и творческой активности к профессиональной деятельности; развитие умений и навыков самоанализа, рефлексии через обучение рефлексивным умениям; оптимизация стилей саморегуляции и мобилизация ресурса произвольности в регуляции состояний через обучение навыкам психологической самопомощи (психической саморегуляции, релаксации и т.д.); формирование адекватного эмоционально-ценностного отношения к себе и другим, реструктуризация системы ценностей через обучение навыкам эмоционально-ценностного отношения к себе, принятию других.

Последовательность используемых методов психопрофилактики состояния психического выгорания студентов-медиков, которая адекватна стратегии и тактике психокоррекционного воздействия и включает в себя методы телесно-ориентированной, игровой, когнитивно-поведенческой, позитивной, арт-терапии, рассматриваем как технологическую карту программы (см. табл. 5).

Таким образом, предлагаемая нами рефлексивно-тренинговая технология в профилактике состояния психического выгорания студентов-медиков должна осуществляться с использованием интегративного подхода, в котором объединены методы телесно-ориентированной, игровой, когнитивно-поведенческой, позитивной, арт-терапии, дополняющие друг друга, что позволяет добиться отреагирования на всех уровнях: мотивационном, аффективном, интеллектуальном и поведенческом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Юматов Е.А., Кузьменко В.А., Бадиков В.И. и др.* Экзаменационный эмоциональный стресс у студентов // Физиология человека. 2000. Т. 26, № 4. С. 86–91.
2. *Jacobs S.R., Dodd D.K.* Student Burnout as a Function of Personality, Social Support, and Workload // Journal of College Student Development. 2003. № 2. P. 23–28.
3. *Guthrie E., Black D., Bagalkote H. et al.* Psychological stress and burnout in medical students: a five-year prospective longitudinal study / // JR. Soc. Med. 1998. № 91. P. 237–243.
4. *Ross S., Cleland J., Macleod M.J.* Stress, debt and undergraduate medical student performance // Medical Education. 2006. № 40. P. 584–589.
5. *Santen S.A., Holt D.B., Kemp J.D.* Burnout in Medical Students: Examining the Prevalence and Associated Factors // Southern Medical Journal. 2010. № 103. P. 758–763.
6. *Сидоренко Е.В.* Технологии создания тренинга. От замысла к результату. СПб. : Речь,; 2008. 336 с.
7. *Гладышев С.* Как вести себя на тренинге? URL: http: //www.megapoliss.ru /statji/20081201102426.html
8. *Орёл В.Е.* Синдром психического выгорания личности. М. : Институт психологии РАН, 2005. 330 с.
9. *Maslach C.* Burnout. The Cost of Caring. Englewood Cliffs; Prentice – Hall, 1982. 177 p.
10. *Бойко В.В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб. : Питер, 1999. 105 с.
11. *Молчанова Л.Н., Старкова Е.Е.* Трансформация состояния психического выгорания в личностные свойства как проявление профессиональной деформации представителей профессий помогающего типа // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. Т. 19, № 3. С. 40–44.
12. *Никишина В.Б., Молчанова Л.Н., Недуруева Т.В.* Состояние «выгорания»: детерминация, феноменология, генезис, измерение. Курск, 2007. 381 с.
13. *Профессионально-личностные* деформации врачей: феноменология, генезис, детерминация, измерение / В.Б. Никишина, И.В. Запесоцкая, А.Г. Дроздов, Л.Н. Молчанова ; Курский институт социального образования (филиал) РГСУ. М. : Союз, 2010. 688 с.
14. *Платонов К.К.* Система психологии и теория отражения. М. : Наука, 1982. 309 с.
15. *Практикум* по психологии состояний : учеб. пособие / под ред. проф. А.О. Прохорова. СПб. : Речь, 2004. 480 с.
16. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М. : Смысл, 2006. 63 с.
17. *Карпов А.В., Пономарева В.В.* Психология рефлексивных механизмов управления. М. : Институт психологии РАН, 2000. 284 с.
18. *Митина Л.М., Галина З.Н.* Психологические условия и факторы совершенствования высшего профессионального образования // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 5. С. 202–212.
19. *Вазина К.Я.* Рефлексивноая технология саморазвития человека. Н. Новгород : Изд-во ВГИПУ, 2009. С. 29.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 6 апреля 2014 г.

REFLECTIVE TRAINING TECHNOLOGY IN PSYCHOLOGICAL PREVENTION OF THE MENTAL BURNOUT CONDITION OF MEDICAL STUDENTS

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 190-195. DOI: 10.17223/15617793/383/29

Molchanova Lyudmila N. Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation). E-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Keywords: reflective training technology; structural-dynamic changes; general and specific laws of transformation; psychological mechanisms; psychological prevention; condition of mental burnout.

Successful vocational training of medical students concerns a number of emotionally intense kinds of activity, which is reflected in the level of their mental and somatic health. Intensive academic loads, frequent emotionally intense situations of examinations, infringements of the mode of work, rest and feed, low level of communicative abilities and skills of self-control lead to frustration of adaptation among which one of the first places belongs to mental burnout. In this connection the urgency and the purpose of research consists in studying psychological mechanisms of the mental burnout condition and development of a reflective training technology focused

on its prevention in case of medical students. Now the basic innovative educational technologies are connected with application of interactive models of training: use of role games, joint decision of problems, modeling of vital situations, etc. The most effective form of organization of interactive employment is training. Interactivity is a basis of training during training employment. The general and specific displays of laws of psychological mechanisms are revealed in students of the Medical Faculty. The general laws of displays of psychological mechanisms of the mental burnout condition are presented by reflective-semantic, and specific – by style features of self-control and axiological-motivational mechanisms. According to these results training of reflective abilities is an element forming the system of psychological prevention of the mental burnout condition. Realization of reflective training technology in prevention of the mental burnout condition of medical students is expressed in self-organizing and self-correction. It is directed on a decrease in expressiveness of the mental burnout condition through activization of style mechanisms of self-control, reflective-semantic and axiological-motivational mechanisms and should be carried out with the use of an integrated approach.

REFERENCES

1. Yumatov E.A., Kuz'menko V.A., Badikov V.I. et al. Ekzamenatsionnyy emotsional'nyy stress u studentov *Fiziologiya cheloveka – Human Physiology*, 2000, vol. 26, no. 4, pp. 86-91.
2. Jacobs S.R., Dodd D.K. Student Burnout as a Function of Personality, Social Support, and Workload. *Journal of College Student Development*, 2003, no. 2, pp. 23-28.
3. Guthrie E., Black D., Bagalkote H. et al. Psychological stress and burnout in medical students: a five-year prospective longitudinal study. *Journal of the Royal Society of Medicine*, 1998, no. 91, pp. 237-243.
4. Ross S., Cleland J., Macleod M.J. Stress, debt and undergraduate medical student performance. *Medical Education*, 2006, no. 40, pp. 584-589.
5. Santen S.A., Holt D.B., Kemp J.D. Burnout in Medical Students: Examining the Prevalence and Associated Factors. *Southern Medical Journal*, 2010, no. 103, pp. 758-763.
6. Sidorenko E.V. *Tekhnologii sozdaniya treninga. Ot zamysla k rezul'tatu* [Training creating technology. From concept to the result]. St. Petersburg: Rech' Publ., 2008. 336 p.
7. Gladyshev S. *Kak vesti sebya na treninge?* [How to behave in the training?]. Available at: http://megapoliss.ru /statji/20081201102426.htm1.
8. Orel V.E. *Sindrom psikhicheskogo vygoraniya lichnosti* [Emotional burnout syndrome of a person]. Moscow: RAS Institute of Psychology Publ., 2005. 330 p.
9. Maslach C. *Burnout. The Cost of Caring*. Englewood Cliffs; Prentice-Hall, 1982. 177 p.
10. Boyko V.V. *Sindrom "emotsional'nogo vygoraniya" v professional'nom obshchenii* ["Emotional burnout" syndrome in professional communication]. St. Petersburg: Piter Publ., 1999. 105 p.
11. Molchanova L.N., Starkova E.E. The transformation of mental burning out condition in personal properties as display of professional deformation of representatives of helping type trades. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya "Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika" – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Series:Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics*, 2013, no. 3, vol. 19, pp. 40-44. (In Russian).
12. Nikishina V.B., Molchanova L.N., Nedurueva T.V. *Sostoyanie "vygoraniya": determinatsiya, fenomenologiya, genezis, izmerenie* [State of "burnout": determination, phenomenology, genesis, measurement]. Kursk, 2007. 381 p.
13. Nikishina V.B., Zapesotskaya I.V., Drozdov A.G., Molchanova L.N. *Professional'no-lichnostnye deformatsii vrachey: fenomenologiya, genezis, determinatsiya, izmerenie* [Vocational and personal deformation of doctors: phenomenology, genesis, determination, measurement]. Moscow: RSSU "Soyuz" Publ., 2010. 688 p.
14. Platonov K.K. *Sistema psikhologii i teoriya otrazheniya* [System of psychology and the theory of reflection]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 309 p.
15. Prokhorov A.O. (ed.) *Praktikum po psikhologii sostoyaniy* [Workshop on states psychology]. St. Petersburg: Rech' Publ., 2004. 480 p.
16. Leontiev D.A., Rasskazova E.I. *Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZhO)* [Test of life orientations]. Moscow: Smysl Publ., 2006. 63 p.
17. Karpov A.V., Ponomareva V.V. *Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov upravleniya* [Psychology of reflexive control mechanisms]. Moscow: RAS Institute of Psychology Publ., 2000. 284 p.
18. Mitina L.M., Galina Z.N. Psikhologicheskie usloviya i faktory sovershenstvovaniya vysshego professional'nogo obrazovaniya [Psychological factors and conditions of improving higher education]. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana*, 2011, no. 5, pp. 202-212.
19. Vazina K.Ya. *Refleksivnaya tekhnologiya samorazvitiya cheloveka* [Reflexive technology of human self-development]. Nizhny Novgorod: Volga State Engineering and Pedagogical University Publ., 2009.

Received: April 06, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 196–201 DOI: 10.17223/15617793/383/30

УДК 316.623

О.И. Титова, Ю.И. Трухина

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ СТРУКТУРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ К ДЕЛОВОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Рассматриваются результаты сравнительного анализа структурных компонентов психологического отношения предпринимателей-мужчин и предпринимателей-женщин к деловому взаимодействию. Анализируются выявленные в ходе эмпирического исследования особенности субъективных отношений предпринимателей к различным сторонам конкуренции и делового партнерства, выступающих основными формами делового взаимодействия в бизнесе. Эмпирическое исследование проводилось методом стандартизированного интервью. В исследовании приняли участие 114 предпринимателей (сфера деятельности респондентов – оптовая и розничная торговля, сфера обслуживания и производство). В результате кластерного анализа выявлено, что взаимосвязи компонентов в структуре психологического отношения мужчин и женщин к сторонам делового взаимодействия различны.

Ключевые слова: предпринимательство; гендер; психологическое отношение; деловое взаимодействие; конкуренция; партнерство; аттитюды в бизнесе.

Интерес к гендерной проблематике, наблюдающийся в социальных и гуманитарных науках в последние десятилетия, связан с необходимостью изучения новых форм социального взаимодействия мужчин и женщин, возникающих вследствие устаревания традиционного распределения между ними социальных ролей. Становление научных исследований в этой области определяет то, что психологические аспекты гендерного поведения продолжают относиться к категории малоизученных, в том числе это относится к гендерным особенностям экономического поведения и деятельности предпринимателей в частности.

Актуальность проводимого нами в течение целого ряда лет исследования [1–3] определяется сложившимися в современном обществе противоречиями: между важностью роли предпринимательства в развитии экономики российского общества и дефицитом знаний о специфике предпринимательской деятельности мужчин и женщин, традиционно различающихся своей социально-экономической функцией в обществе (Е.В. Ануфриева, Т.А. Волкова, В.А. Геодакян и др.); между доминированием в сфере предпринимательства маскулинных моделей деловой активности (С.А. Автономова, Л.В. Бабаева, О.Н. Кричевская, Е.Ю. Мещеркина, Г.В. Турецкая, А.Е. Чирикова и др.) и неуклонным ростом доли женщин, занятых в этой сфере российской экономики.

Научный интерес к изучению гендерных особенностей в деловом взаимодействии вызван тем, что конкуренция и партнерство признаются основными формами взаимодействия в сфере экономики, вместе с тем имеется дефицит знаний об их субъективной стороне, выступающей психологической предпосылкой успешности. В свою очередь, специфика субъективного восприятия сторон делового взаимодействия определяет особенности реализации предпринимательской деятельности, обусловливает приоритеты, устанавливаемые предпринимателем в его экономической деятельности и в отношениях с другими ее участниками. Несмотря на общий рост гендерных исследований в психологии, как фактор делового взаимодействия гендерные различия изучаются достаточно редко. В то же время гендерная принадлежность, выступая ключевым проявлением соответствующей идентичности личности и отражением самоидентичности, согласно интерпретационному подходу [4. С. 58], обеспечивает устойчивость человека в меняющемся мире, что приобретает особую значимость в условиях предпринимательства, отличающегося высоким уровнем неопределенности и изменчивости социально-экономических условий деятельности.

Характеризуя состояние изученности психологических аспектов делового взаимодействия, отметим, что в более ранних наших публикациях были представлены результаты эмпирических исследований отношений к конкуренции и партнерству в деятельности предпринимателей, социально-психологические типы предпринимателей; проанализировано влияние гендерной принадлежности на конкурентное и партнерское взаимодействие субъектов экономической деятельности в сфере малого и среднего бизнеса [1–3, 5].

Психологические отношения к деловому партнерству также изучались в исследовании Т.С. Вавакиной и В.П. Познякова, в котором деловое партнерство рассматривается как форма деловой активности, как вид взаимодействия, сочетающего в себе элементы сотрудничества и конкуренции. Эмпирически выделены социально-психологические типы психологического отношения к партнерству в деловом взаимодействии, различающиеся, в частности, ориентацией на ресурсное и ценностное взаимодействие. В ходе исследования среди качеств, предпочтительных для делового партнера, предпринимателями были отмечены такие, как умение общаться с разными людьми; принципиальность и щепетильность в вопросах чести и личного достоинства; увлеченность своей работой; способность успешнее других осуществлять власть, требовать исполнительности; высокая работоспособность [6. С. 220].

В диссертационном исследовании Е.И. Остащенко деловое взаимодействие изучалось с позиции регуляции его посредством личностных и организационно-культурных факторов. Среди наиболее устойчиво влияющих на эффективность делового взаимодействия факторов автором выделяются такие, как личный профессиональный опыт субъектов взаимодействия и их ценностные ориентации, актуализируемые при разрешении конфликтных ситуаций [7. С. 9].

Результаты представленного в данной статье эмпирического исследования отражают субъективное содержание психологических отношений к деловому взаимодействию, оценочных представлений о деловом

взаимодействии, свойственных представителям разных гендерных групп – предпринимателям-мужчинам и предпринимателям-женщинам. Это позволяет понимать, чем руководствуются мужчины и женщины в построении делового взаимодействия в бизнесе, что является параметрами для оценки успешности их взаимоотношений.

В связи с вышеизложенным, *целью* нашего исследования стало изучение структурных особенностей психологического отношения к деловому взаимодействию в предпринимательской деятельности.

Объект исследования – предприниматели, ведущие экономическую деятельность в сфере малого и среднего бизнеса.

Предметом исследования являются гендерные различия в структуре психологических отношений к деловому взаимодействию в предпринимательской деятельности. В основу исследования легла *гипотеза* о том, что взаимосвязи компонентов психологических отношений к деловому взаимодействию в предпринимательской деятельности различны у предпринимателей-мужчин и предпринимателей-женщин.

Мы основываемся на следующем понимании делового взаимодействия в предпринимательской деятельности:

Предпринимательство – это вид экономической деятельности по производству товаров и услуг, основанной на распоряжении материальными, финансовыми, трудовыми ресурсами и направленной на получение дохода (прибыли), в рамках которой субъект выступает собственником и организатором производства товаров и услуг, а также пользователем наемного труда; оно осуществляется посредством делового взаимодействия предпринимателей с другими участниками экономических отношений – предпринимателями, клиентами, чиновниками и др. [8].

Деловое взаимодействие определяется нами как деятельность предпринимателей по обмену ресурсами (сырье, рынки сбыта, технологии производства, власть, социальные связи, деньги) с целью приобретения ресурсов, отсутствующих у предпринимателя, и / или преумножения имеющихся. При этом предприниматель исходит не только из наличных ресурсов, но также из предполагаемых возможностей их развития для получения прибыли. Для характеристики специфики ресурсов в предпринимательской деятельности будет уместным обратиться также и к категории темпоральности, системно описанной в работах О.В. Лукьянова [4, 9]. Поскольку именно переходный (с позиции категории времени) характер ресурсов в деятельности предпринимателя, который выражается в том, что предприниматель мыслит, действует, распоряжается ресурсами, в которых сочетается оценка имеющихся у него в настоящее время, оценка имевшихся в прошлом и потенциально возможных в будущем, собственно и отражает природу предприимчивости как качества личности, связанного со способностью увидеть возможности и использовать их для реализации предпринимательской идеи. Это же свойство ресурсов обеспечивает практически неограниченное количество возможных их комбинаций, тем самым определяя конкурентоспособность предпринимательской деятельности.

Основными видами делового взаимодействия в предпринимательской деятельности выступают партнерство и конкуренция. Содержание делового взаимодействия может быть охарактеризовано в зависимости от того, какая ориентация в организации экономической деятельности в большей мере свойственна предпринимателю – ориентация на экономические ресурсы или на взаимоотношения (разновидность социальных ресурсов), и от того, какие процессы – интеграции или дифференциации – определяют развитие экономической деятельности в конкретном случае. В ходе проводимых ранее исследований нами были выделены следующие виды делового взаимодействия в предпринимательской деятельности: конкуренция за экономические ресурсы, конкуренция-соревнование за личные достижения, технико-экономическое партнерство и личностно-ориентированное партнерство [2].

Свою экономическую деятельность предприниматели-мужчины и предприниматели-женщины реализуют во взаимодействии друг с другом, выступая представителями двух больших социальных групп – мужчин и женщин. Активизации межгрупповых отношений мужчин и женщин в сфере предпринимательской деятельности способствует то, что: 1) гендерная принадлежность субъектов взаимодействия, являясь одним из первичных критериев социальной категоризации в межличностных и межгрупповых отношениях, обусловливает определенность физических границ группы мужчин и группы женщин; 2) социально-психологическая плотность групп мужчин и женщин в пространстве делового взаимодействия достаточно высока, поскольку в сфере обслуживания и торговли доля предпринимателей-женщин и предпринимателей-мужчин практически одинакова, а напряженность конкуренции способствует росту интенсивности контактов представителей этих социальных групп.

Теоретической основой проводимого нами исследования выступает научная концепция ***психологических отношений*** индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности и экономической деятельности, разработанная В.П. Позняковым [8]. В рамках данной концепции психологические отношения предпринимателей представляют собой эмоционально окрашенные мнения, оценки и представления о различных сторонах предпринимательской деятельности. Психологические отношения к конкуренции и партнерству являются частным случаем отношения к деловому взаимодействию и проявляются в эмоционально окрашенных представлениях и оценках, объектами которых выступают мотивы, цели, условия, результаты и субъекты делового взаимодействия.

Методика и организация исследования. В исследовании приняли участие 114 предпринимателей, среди которых 42,1% женщин и 57,9% мужчин. Основные сферы деятельности респондентов – оптовая и розничная торговля, сфера обслуживания и производство.

Базами для сбора эмпирических данных стали предпринимательские структуры в сфере малого и среднего бизнеса, а также школы бизнеса и другие учреждения профессионального образования, Торгово-промышленная палата Красноярского края.

Исследование проводилось методом стандартизированного интервью, развернутая программа которого

представлена в [2]. В соответствии с выделенными ранее аспектами делового взаимодействия [2, 3, 5, 10] гендерные различия в структуре психологических отношений к деловому взаимодействию изучались посредством сравнительного анализа психологических отношений к конкуренции и деловому партнерству в группах респондентов предпринимателей-мужчин и предпринимателей-женщин.

Психологические отношения предпринимателей к деловому взаимодействию изучались через следующие параметры: оценка отношения к конкуренции в предпринимательской деятельности по шкале наименований; оценка степени переживания напряженности конкурентных отношений в своей сфере бизнеса; оценка частоты конфликтов в отношениях с конкурентами; оценка частоты хороших отношений с конкурентами; оценка собственной конкурентоспособности; оценка степени надежности большинства деловых партнеров; оценка степени доверия предпринимателя к государственным структурам и предприятиям и к предпринимательским структурам и предприятиям; оценка частоты обмана, необязательности со стороны деловых партнеров; оценка частоты взаимопонимания и поддержки со стороны деловых партнеров; оценка роли партнерских отношений в развитии бизнеса; отношение к конкуренту – мужчине / женщине (оценка предпочтения отношений конкуренции с предпринимателем-мужчиной / женщиной; оценка успешности взаимодействия в предпринимательской деятельности между мужчинами, между женщинами, между мужчинами и женщинами); отношение к деловому партнеру – мужчине (оценка предпочтения отношений делового партнерства с предпринимателем-мужчиной / женщиной).

Для определения того, с какими характеристиками предпринимательской деятельности связано отношение респондентов к конкурентам и деловым партнерам (мужчинам и женщинам), какими факторами оно обусловлено, нами был проведен анализ структурных характеристик отношения предпринимателей к деловому взаимодействию путем кластеризации первичных данных. При проведении кластерного анализа использовалась программа Statistika 6.0.

Результаты и их обсуждение. В результате проведения кластерного анализа выявлено, что компоненты группового отношения мужчин и женщин к сторонам делового взаимодействия различны. Выявлено, что у мужчин-респондентов гендерная принадлежность других субъектов в рамках предпринимательской деятельности влияет на их отношение к ним и определяет эмоциональную окраску этих отношений. Анализ данных по группе предпринимателей-мужчин выявил, что в сознании мужчин отношение к мужчинам (деловым партнерам и конкурентам) отличается от отношения к женщинам (деловым партнерам и конкурентам), поскольку эти отношения располагаются в различных кластерных группах, достаточно удаленных друг от друга (см. рис. 1).

Вместе с тем отношения с мужчинами (конкурентами и партнерами) включены в число факторов, обусловливающих эффективность предпринимательства, успешность взаимодействия с другими предпринимателями в текущей экономической деятельности (здесь и сейчас), и взаимосвязаны с оценкой социально-экономических условий: напряженности конкуренции, надежности партнеров по бизнесу, уровня собственной конкурентоспособности, роли партнерства в развитии бизнеса (рис. 1).

Взаимоотношения с женщинами (конкурентами и партнерами по бизнесу) оцениваются мужчинами как включенные в совокупность отношений с другими субъектами – конкурентами, партнерами, государством, предпринимателями, которыми определяется эмоциональная оценка опыта предпринимательства. Отношение к деловым партнерам и конкурентам женского пола выделено в сознании предпринимателей-мужчин в отдельный кластер. Содержание этого кластера, с одной стороны, связано с позитивными отношениями с конкурентами и партнерами (хорошие отношения, взаимопонимание), с доверием к предпринимательским организациям и отношением предпринимателей к конкуренции, а с другой стороны, дифференцировано от негативных отношений с партнерами и конкурентами (обман, конфликты) и степени доверия к государственным организациям. Таким образом, отношения с женщинами в бизнесе связаны с позитивными моментами предпринимательской деятельности, а негативные моменты в сознании предпринимателей-мужчин от гендерной принадлежности других участников экономической деятельности не зависят.

Иная структура отношений свойственна предпринимателям-женщинам. В частности, отношения женщин к деловым партнерам и конкурентам разного пола являются компонентами четырех кластеров, в отличие от двух кластеров у респондентов-мужчин (см. рис. 2).

Отношение к деловым партнерам-мужчинам ассоциируется у женщин с напряженностью конкуренции в их сфере бизнеса и общей ролью партнерства в развитии бизнеса.

Отношение к конкурентам-мужчинам образует структурную единицу представлений вместе с переменными «успешность взаимодействия мужчин и женщин», «успешность взаимодействия мужчин».

Отношение к деловым партнерам-женщинам связано в сознании респонденток с конкурентоспособностью, с надежностью партнеров по бизнесу и успешностью взаимодействия женщин-предпринимателей. В целом эти переменные образуют в сознании предпринимателей-женщин единый кластер, который характеризует предпринимательскую деятельность с точки зрения ее перспективности, успешности взаимодействия и конкурентоспособности.

Отношение же к конкурентам-женщинам взаимосвязано с эмоциональным фоном предпринимательства. При этом отношение к конкурентам-женщинам ассоциируется, во-первых, с отношениями с конкурентами и деловыми партнерами (взаимопонимание, поддержка, обман, конфликты) и личным отношением респонденток к участию в конкуренции. Во-вторых, отношение к конкурентам-женщинам перекликается с доверием к государственным и предпринимательским структурам, что указывает на обусловленность отношения к конкуренту-женщине личным опытом предпринимательства и доверием.

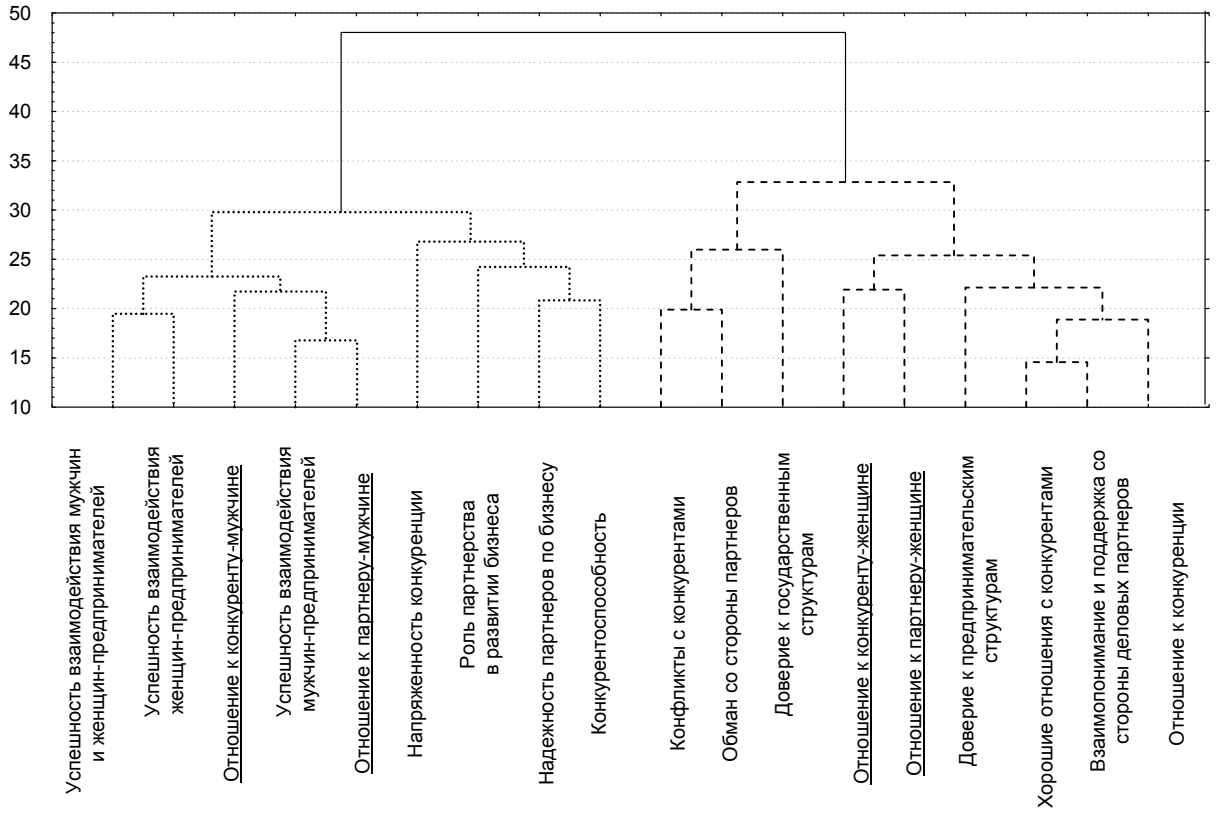


Рис. 1. Взаимосвязи отношений респондентов-мужчин к конкурентам и партнерам из разных гендерных групп с иными характеристиками делового взаимодействия

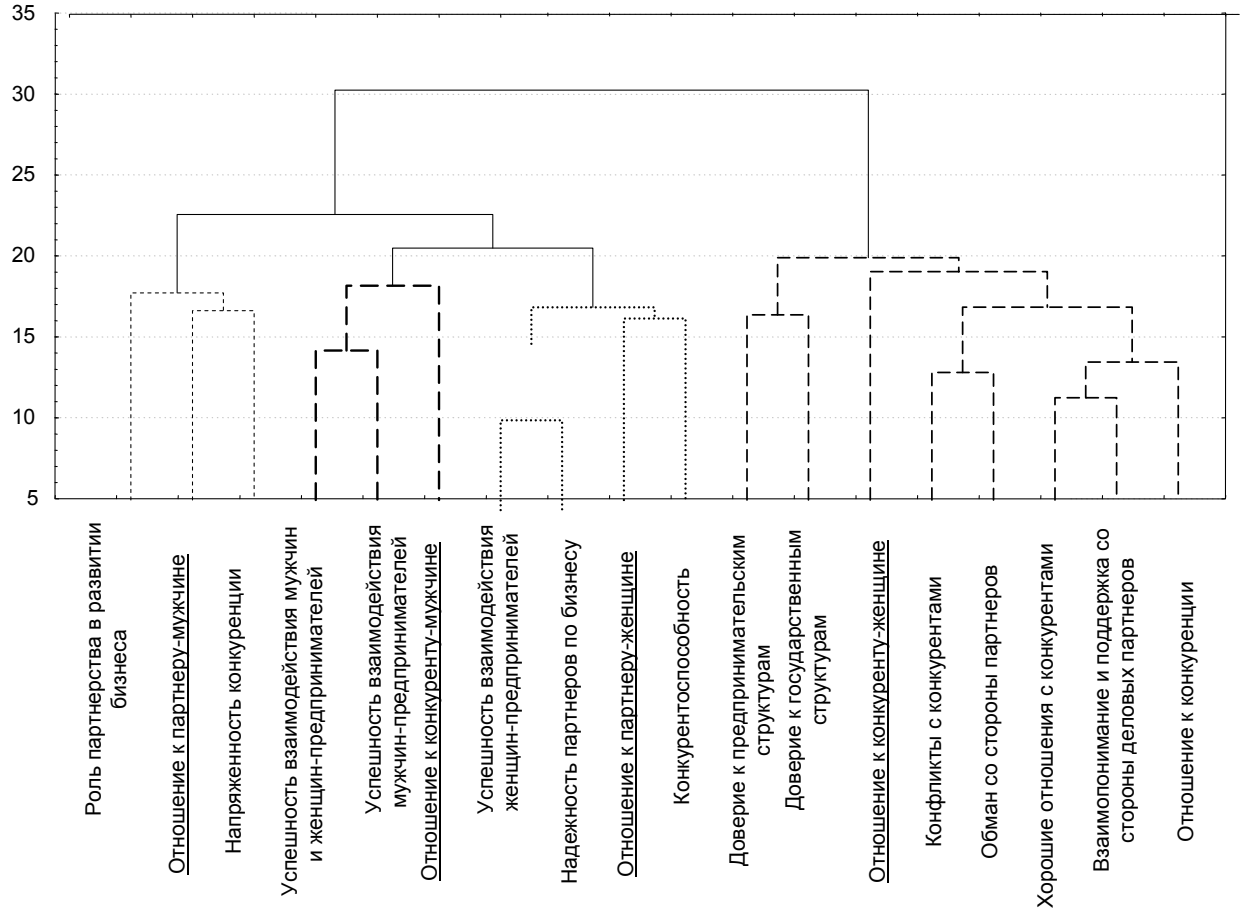


Рис. 2. Взаимосвязи отношений респондентов-женщин к конкурентам и партнерам из разных гендерных групп с характеристиками делового взаимодействия

Актуальность исследования, результаты которого представлены в данной статье, состоит в том, что выявлены различия в структуре психологических отношений к деловому взаимодействию, свойственных предпринимателям разных гендерных групп.

Обобщая данные проведенного нами эмпирического исследования психологического отношения к деловому взаимодействию предпринимателей-мужчин и предпринимателей-женщин, мы выявили следующие *отличительные* особенности их структуры у представителей изучаемых гендерных групп:

1. У респондентов-мужчин структура психологического отношения к деловому взаимодействию с предпринимателями-мужчинами характеризуется связями с успешностью социальных контактов в текущей ситуации, а также с напряженностью конкуренции и мнением о надежности партнеров по бизнесу, в то время как отношения с предпринимателями-женщинами ассоциируются с позитивным опытом в бизнесе (взаимопониманием и доверием).

2. У респондентов-женщин структура психологического отношения к деловому взаимодействию с мужчинами-партнерами по бизнесу определяется субъективными оценками напряженности конкуренции и ролью партнерства для его развития в конкретном регионе, в то время как отношения с женщинами-партнерами по бизнесу оцениваются через перспективность и конкурентоспособность совместно реализуемого проекта. Структура психологического отношения к взаимодействию с конкурентами (и мужчинами, и женщинами) более эмоционально насыщенна, при этом отношение к конкурентам-мужчинам измеряется через общую успешность взаимодействия с мужчинами в бизнесе, а отношение к конкурентам-женщинам – через личное отношение к конкуренции и меру доверия к предпринимательским и государственным организациям, взаимодействие с которыми имело место быть в личном опыте респонденток.

В заключение, намечая перспективы дальнейшего изучения гендерных различий делового взаимодействия, считаем актуальным выделить следующие возможные направления продолжения исследования:

– конкретизация содержания психологических отношений к деловому взаимодействию у предпринимателей (мужчин и женщин) с различным уровнем маскулинности / фемининности, являющихся психологическими измерениями гендера, а также – изучение особенностей делового взаимодействия предпринимателей с различным уровнем маскулинности / фемининности (иначе говоря – предпринимателей с более мужественным или более женственным поведением), социально-психологических факторов успешности их построения;

– сравнительное изучение психологических отношений к деловому взаимодействию у предпринимателей (мужчин и женщин) в зависимости от характера их предпочтений разных типов конкуренции и партнерства в бизнесе: конкуренции за ресурсы, конкуренции-соревнования за личные достижения, технико-экономического партнерства и личностно-ориентированного партнерства;

– сравнительное изучение гендерных различий делового взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности личности (профессиональная деятельность, в том числе в рамках разного типа профессий, межличностные отношения).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Позняков В.П.,* Титова О.И. Конкурентные и партнерские отношения российских предпринимателей: региональные и гендерные особенности // Проблемы экономической психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М. : Институт психологии РАН, 2005. Т. 2. С. 181–204.
2. *Титова О.И.* Гендерные различия в отношениях российских предпринимателей к конкуренции и партнерству : дис. … канд. психол. наук. М., 2007.
3. *Журавлев А.Л., Позняков В.П., Титова О.И.* Психологические отношения российских предпринимателей к конкуренции и партнерству: гендерный аспект // Психологические исследования проблем современного российского общества / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М. : Институт психологии РАН, 2014. С. 287–310.
4. *Лукьянов О.В.* Фактор времени в системе психологических интерпретаций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 2. С. 46–63.
5. *Журавлев А.Л., Позняков В.П., Титова О.И.* Гендерные особенности конкуренции и партнерства // Наука. Культура. Общество. 2008. № 4. С. 102–115.
6. *Вавакина Т.С., Позняков В.П.* Образ делового партнера в представлениях российских предпринимателей // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 217–224.
7. *Остащенко Е.И.* Личностные факторы регуляции делового взаимодействия руководителей : автореф. дис. … канд. психол. наук. Краснодар, 2006. 26 с.
8. *Позняков В.П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 5. С. 5–15.
9. *Лукьянов О.В.* Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 164–170.
10. *Титова О.И.* Гендерные особенности делового взаимодействия в управленческой деятельности // Вестник КГПУ. 2011. № 4. С. 179–185.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 9 апреля 2014 г.

GENDER DIFFERENCES IN THE STRUCTURE OF ENTREPRENEUR'S PSYCHOLOGICAL ATTITUDE TO BUSINESS INTERACTION

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 196-201. DOI: 10.17223/15617793/383/30

Titova Olga I., Trukhina Yulia I. Siberian Institute of Business, Management and Psychology (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: 944058@mail.ru; julia2_92@mail.ru

Keywords: entrepreneurship; gender; psychological relation; business interaction; competition; partnership in business; attitude to business.

The article is devoted to studying of the psychological attitude of businessmen and businesswomen to business interaction. Relevance of research is related to the fact that the subjective perception of business interaction which is the main form of competition and partnership has been very little studied, yet it determines priorities of businesspeople in their economic activities and relations with other participants. Previously, we have identified several socio-psychological types of business interaction in business: competition for economic resources, competition for individual achievement, technical and economic partnership and personality-orientational partnership. The subject of research is gender differences in the structure of psychological attitude to business interaction in business. The study involved 114 businesspeople (42.1% women and 57.9% men). The main activities of the respondents are wholesale and retail trade, service sector and manufacturing. We conducted interviews and by cluster analysis identified the psychological structure of men's and women's attitude to business interaction. The cluster analysis showed that components of the attitude of men and women to the parties of business interaction are different. Male respondents showed that the structure of their psychological attitude to business collaboration with male entrepreneurs depend on successful social contacts in the current situation, as well as on the intensity of competition and opinion about the reliability of business partners; while relations with female entrepreneurs are associated with a positive experience in business (mutual understanding and trust). Female respondents showed that their structure of psychological attitude to business interactions with male business partners is defined by subjective ratings of tension and competition by the partnership role for the development in a particular region. While relations with female business partners are assessed by the prospects and competitiveness of a jointly implemented project. The structure of psychological attitude to interaction with competitors (both men and women) is more emotionally intense, with attitude to male competitors measured by the success of the overall interaction with men in business, and attitude to female competitors – through personal attitude towards competition and the degree of trust to business and government organizations the respondents had experience of interaction with.

REFERENCES

1. Poznyakov V.P., Titova O.I. *Konkurentnye i partnerskie otnosheniya rossiyskikh predprinimateley: regional'nye i gendernye osobennosti* [Competitive and partnership relations of Russian entrepreneurs: regional and gender characteristics]. In: Zhuravlev A.L., Kupreychenko A.B. (eds.) *Problemy ekonomicheskoy psikhologii* [Problems of Economic Psychology]. Moscow: RAS Institute of Psychology Publ., 2005. Vol. 2, pp.181-204.
2. Titova O.I. *Gendernye razlichiya v otnosheniyakh rossiyskikh predprinimateley k konkurentsii i partnerstvu*. Diss. kand. psikhol. nauk [Gender differences in the attitude of Russian entrepreneurs to competition and partnership. Psychology Cand. Diss.]. Moscow, 2007.
3. Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P., Titova O.I. *Psikhologicheskie otnosheniya rossiyskikh predprinimateley k konkurentsii i partnerstvu: gendernyy aspekt* [Psychological attitude of Russian entrepreneurs to competition and partnership: the gender dimension]. In: Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. (eds.) *Psikhologicheskie issledovaniya problem sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Psychological research of problems of the modern Russian society]. Moscow:RAS Institute of Psychology Publ., 2014, pp. 287-310.
4. Luk'yanov O.V. Time Factor in the System of Psychological Interpretations. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2010, vol. 7, no. 2, pp. 46-63. (In Russian).
5. Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P., Titova O.I. Gendernye osobennosti konkurentsii i partnerstva [Gender features of competition and partnership]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 2008, no. 4, pp. 102 -115.
6. Vavakina T.S., Poznyakov V.P. The Image of Business Partner in Russian Entrepreneurs' Perceptions. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*, 2013, no. 2, pp. 217-224. (In Russian).
7. Ostashchenko E.I. *Lichnostnye faktory regulyatsii delovogo vzaimodeystviya rukovoditeley*. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Personal factors regulating business interaction of managers. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. Krasnodar, 2006. 26 p.
8. Poznyakov V.P. Psychological relations of individual and group subjects of joint life activity. *Psikhologicheskiy zhurnal,* 2012, vol. 33, no. 5, pp. 5-15. (In Russian).
9. Luk'yanov O.V. Existential analysis and the nature of time. Transtemporal character of existential experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 299, pp. 164-170. (In Russian).
10. Titova O.I. Gender aspects of business interaction in management. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*, 2011, no. 4, pp. 179-185. (In Russian).

Received: April 09, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 202–205 DOI: 10.17223/15617793/383/31

УДК 61 (09)

Р.Г. Черданцева

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1950-х гг.

Рассматриваются вопросы состояния физической культуры и спорта в Томском государственном университете в 1950-х гг. На основе архивного материала и томских газет 1950-х гг. прослежено состояние материальной базы для занятий физкультурой и спортом, выявлен кадровый состав преподавателей и проанализированы результаты спортивных достижений университетских спортсменов. Делается вывод, что несмотря на то, что на развитие физкультуры и спорта выделялось недостаточно средств, а материальная база оставляла желать лучшего, в ТГУ в послевоенный период занятия физкультурой и спортом приобрели массовый характер, а университетские спортсмены добились неплохих результатов в соревнованиях различного уровня.

Ключевые слова: физическая культура; спорт; студенты; Томский государственный университет; история Сибири.

В истории Томского государственного университета и в истории университетского спорта в частности 1950-е гг. занимают особое место. С 1938–1960 гг. кафедру физвоспитания возглавлял выпускник школы физического воспитания Московского военного округа Л.Г. Выдрин [1. Ф. Р-815. Оп. 85. Д. 800]. Лев Григорьевич Выдрин родился в г. Богородитске Тульской области в 1902 г. Там же он окончил школу. В начале 1920 г. как комсомолец был мобилизован в коммунистический отряд по ликвидации кулацких восстаний в Тульской губернии. В конце того же года пошел добровольцем в Красную армию, откуда командованием был послан как имеющий среднее образование в школу физического воспитания Московского военного округа в г. Ярославле. По окончании этой школы был направлен в распоряжение «Тулгубвсеобуча», где работал в качестве инструктора спорта и допризывной подготовки на военно-учебных пунктах [Там же]. В 1921 г. Л.Г. Выдрин окончил Московский областной трехгодичный техникум физкультуры, а в 1936 г. – повышенные курсы преподавателей физкультуры в г. Москве. В 1937–1938 гг. работал методистом Томского городского комитета по делам физкультуры и спорта. В Томском государственном университете Л.Г. Выдрин работал с 1 сентября 1937 г. – в качестве преподавателя физкультуры, а с 15 сентября 1938 г. в качестве заведующего кафедрой физкультуры. После него в 1959–1961 гг. кафедрой заведовал ветеран Великой Отечественной войны, участник Сталинградской битвы В.К. Мархальчук [1. Ф. Р-815. Оп. 85. Д. 5463]. Костяк преподавателей кафедры составили В.В. Кузьмин, Б.М. Ким, В.С. Толмачев, А.А. Гиль, С.В. Бобин, В.С. Ковязин, Т.С. Касаткина, в основном выпускники факультета физвоспитания Томского педагогического института. Лаборантом кафедры многие годы работал В.П. Бердников [1. Ф. Р-815. Оп. 85. Д. 3].

Материальная база для занятий физкультурой и спортом оставляла желать лучшего. Под спортзал было приспособлено бывшее овощехранилище во дворе общежития на ул. Никитина, 4 размером 20×10 м, а в подвале 2-го учебного корпуса (ныне 3-й учебный корпус, БИН) было выделено помещение под кафедру физкультуры и лыжную базу. Общая площадь спортзала, лыжной базы и раздевалок составляла всего 72 м^2. В 1952 г., совместными усилиями студентов под руководством преподавателя кафедры физвоспитания В.В. Кузьмина за главным корпусом университета была оборудована спортивная площадка с футбольным полем и беговой дорожкой длиной 220 м с гаревым покрытием. Имелась также опилочная дорожка длиной 110 м. Это позволило не только проводить тренировки легкоатлетов, но и организовывать соревнования на первенство факультетов и университета [2]. Команды легкоатлетов в 1950-е гг. тренировали В.С. Ковязин, А.П. Кирюшкина, А.Г. Доронина [1. Ф. Р-815. Оп. 85. Д. 5234]. Команду бегунов на средние и длинные дистанции тренировали выпускник историко-филологического факультета, мастер спорта Ю.П. Захаров, работавший некоторое время преподавателем кафедры физкультуры, а затем аспирант СФТИ М. Кирюшкин.

Материальная база ТГУ на фоне других вузов была несколько лучше, но все-таки не удовлетворяла требования учебного процесса. На тот период времени материальная обеспеченность физкультурной работы не могла быть лучше, поскольку отпускаемые средства использовались главным образом на ремонт учебных корпусов. В этих условиях вузам на организацию физкультурной и спортивной работы рассчитывать не приходилось.

После выхода в 1948 г. правительственного постановления о развитии физической культуры стали наблюдаться некоторые позитивные изменения. Студенты выходили на воскресники по подготовке спортивных сооружений. Так, 130 студентов ТГУ за один день привели в порядок стадион «Динамо» и подготовили его к проведению соревнований. Были построены 81 волейбольная площадка, 7 полос препятствий, 16 гимнастических городков. Такой прирост спортивных сооружений позволил до некоторой степени улучшить спортивно-массовую работу.

В 1950 г. Томск имел в своем распоряжении 2 стадиона, 4 комплексных спортивных площадки, один 40-метровый лыжный трамплин и 234 гимнастические площадки. При сравнении материально-спортивной базы города и области с вузами вузовское оснащение выглядело лучше. Что касается оплаты работников физической культуры, то выделение средств на массовую работу было намного меньше, чем планировалось. Поэтому вузы не имели возможности привлекать к работе тренеров спортивных секций. Например, если бюджет физкультурников Томского университета в 1949 г. составлял 2 тыс. руб., то в 1950 г. эта сумма возросла до 6 тыс. руб., а в 1951 г. – до 9 тыс. Но это мизерное увеличение финансов не давало возможности даже ча-

стично решить материальные проблемы физкультурников. На сумму в 9 тыс. руб. можно было приобрести лишь несколько волейбольных мячей и сеток или несколько пар лыж. При контингенте 8 тыс. человек говорить о реальной материальной базе вузов этого периода было бы неправомерно. Членские сборы также использовались на развитие деятельности спортивных обществ, частично дополняя скудный бюджет физкультурных организаций. Например, в ТГУ в 1949 г. сумма членских взносов составила 1,7 тыс. руб., в 1950 г. – 2,8 тыс. руб., в 1951 г. – 4 тыс. руб. Эти суммы были очень малы и особой роли в укреплении материальной базы не играли. Незначительное улучшение материальной базы наметилось с выходом постановления 8-го пленума ЦК ВЛКСМ «О физкультурной и спортивной работе комсомольских организаций и молодежи» (1952 г.) [3].

К лету 1952 г. была оборудована открытая спортивная площадка, возведенная за главным корпусом университета силами самих студентов.

Томские вузы, в том числе и университет, остро нуждались в спортивном инвентаре. Отсутствие его, и особенно лыжного инвентаря, существенно затрудняло проведение качественных занятий. Но даже при его нехватке преподаватели кафедры физкультуры университета большое внимание уделяли зимним видам спорта, прежде всего лыжам. Университетских спортсменов-лыжников тренировал мастер спорта СССР, преподаватель кафедры физкультуры В.С. Толмачев, который был действующим спортсменом и одерживал победы на соревнованиях самого разного уровня.

В 1950-е гг. в Свердловске ежегодно проводились студенческие соревнования по лыжному спорту. На них съезжались сильнейшие лыжники Добровольного спортивного общества «Наука» из разных городов страны (Москва, Ленинград, Куйбышев, Казань и др.). Так, в январе 1950 г. во время зимних каникул на Уктусских горах в окрестностях этого уральского города проходила IV Всесоюзная зимняя спартакиада студенческого общества. Команда Томска, в составе которой были преподаватели ТГУ Н.К. Гацек, А.А. Петров, В.С. Толмачев, студенты Г. Тирский, М. Балыкин, Ю. Шелюхин и М. Гладовская, выступила успешно, заняв I общекомандное место. Н.К. Гацек стала чемпионом ЦС ДСО «Наука» на дистанции 10 км [4. 1950. 11 февр.]. В 1952 г. на соревнованиях городов и краев Сибири лучшее время на дистанции 10 км в эстафете 4×10 км показал студент 5-го курса физического факультета Г. Тирский. В беге на лыжах на дистанцию 18 км победил В.С. Толмачев с результатом 1 ч 6 мин. Г. Тирский занял второе место, проиграв победителю всего 8 с [5. 1952. 21 янв.]. В 1953 г. на первенстве Минвуза СССР и ЦС ДСО «Наука» команда из Томска заняла V место, уступив лишь командам Москвы и Свердловска. В.С. Толмачев стал победителем в гонках на 18 км с результатом 1 час 4 мин 50 с [4. 1953. 20 февр.].

Успешно выступали лыжники ТГУ и на областном уровне. В 1950 г. на лыжных соревнованиях, посвященных дню выборов в Верховный Совет СССР, команда ТГУ заняла III место. В том же году на областной спартакиаде команда лыжников ТГУ в составе А. Петрова, В.С. Толмачева, Г. Тирского, Кускова, М. Балыкиной, М. Гладовской, Тайметовой и Н. Гацек заняла II командное место [5. 1950. 21 марта]. В 1951 г. на городских лыжных соревнованиях в честь дня Сталинской конституции команда ТГУ также одержала победу с результатом – 1 ч 38 мин 20 с. Женская команда ТГУ заняла IV место.

Однако с уходом таких талантливых спортсменов, как А. Петров, Г. Тирский, Ю. Шелюхин, М. Балыкина и М. Гладовская, сборная команда лыжников ТГУ достаточно долго не занимала призовых мест на областных и республиканских соревнованиях.

Тем не менее в 1955 г. на зональных соревнованиях с участием команд городов, краев и областей Западной Сибири команда, представлявшая Томск, в состав которой входили спортсмены университета, заняла I место, получив право участвовать в финальных соревнованиях на первенство РСФСР в Свердловске [6. 1955. 19 янв.].

В 1956 г. томские спортсмены ТГУ становятся победителями первенства РСФСР среди сильнейших команд сибирской зоны по лыжному спорту. Женская команда в эстафетных гонках заняла первое место, а мужская II место. В прыжках с трамплина томичи также не знали равных, как и в гонках с преследованием у женщин (на 5 км) и у мужчин (на 18 км) [Там же. 1956. 22 янв.].

В ТГУ активное развитие получил конькобежный спорт. В 1952 г. вуз отметился серьезным прорывом в этом виде спорте. В конькобежных соревнованиях на первенство города (разыгрывались межвузовский Кубок города и Кубок облсовпрофа), проходивших на стадионе «Медик», студентка механико-математического факультета А. Пуранен установила новый областной рекорд для женщин на дистанции 3 000 м, показав результат 6 мин 33,6 с. Команду конькобежцев с 1957 г. тренировал В.К. Мархальчук.

В 1957 г. на соревнованиях на приз газеты «Молодой ленинец» по конькобежному спорту в личном первенстве среди женщин студентка ТГУ Г. Маслова заняла I место на дистанции 500 м с результатом 57,8 с, а в 1958 г. спортсмены университета заняли II командное место [Там же. 1957. 13 дек.].

Успешнее всего в ТГУ развивались летние виды спорта, и прежде всего легкая атлетика. В 1950 г. университетские спортсмены на IV Всесоюзной летней студенческой спартакиаде заняли III общее место после команд Москвы и Ленинграда [7].

В 1953 г. на первенстве РСФСР по легкой атлетике студент 4-го курса историко-филологического факультета Ю. Захаров занял IV место, установив новый областной рекорд, а студент-четверокурсник физического факультета Ю. Рябинкин занял IV место в беге на 400 м с результатом в 50,7 с (новый областной рекорд). Оба спортсмена были включены в состав сборной команды РСФСР. В 1955 г. на проходившем в Нальчике первенстве РСФСР по легкой атлетике команда томичей, выступая в неполном составе, заняла VI место. Ю. Рябинкин, выпускник ТГУ, стал победителем в беге на 200 и 400 м, установив областные рекорды [8]. В 1956 г. на спартакиаде народов РФ студентка 3-го курса физического факультета Томского университета

Л. Рохмистрова, установив рекорд области по толканию ядра и метанию диска, вышла в финал, где заняла VI место в метании диска, а Ю. Захаров в беге на 5 000 м занял III место с результатом 14 мин 15,6 с [9].

Успешно университетские спортсмены выступали и на соревнованиях по легкой атлетике на первенство Сибири. Так, в 1951 г. сборная команда Томской области заняла II командное место и завоевала серебряный переходящий кубок. Студенты ТГУ Ю. Чичерин и В. Ковязин, выступая в ее составе, установили два областных рекорда [10]. В 1954 г. в проводимых в Красноярске соревнованиях на первенство Сибири и Дальнего Востока по легкой атлетике студент ТГУ Ю.П. Захаров занял I место, став чемпионом Сибири и Дальнего Востока. Стоит отметить также А. Доронину, выигравшую соревнования по прыжкам в длину; В. Степанова, занявшего II место в соревнованиях по спортивной ходьбе на 10 км; Ю. Рябинкина, занявшего III место в беге на 400 м. В общекомандном зачете сборная Томской области заняла I место [4. 1954. 22 мая].

В 1955 г. на первенстве Министерства высшего образования и ЦС ДСО «Наука» томские легкоатлеты заняли IV место, проиграв лишь командам Москвы, Ленинграда и сборной Украины. Ю. Захаров занял III место в беге на 5 000 м, установив новый областной рекорд.

В 1956 г. на проходивших в Париже соревнованиях студентов Франции, Италии, ГДР, Чехословакии и СССР советские спортсмены заняли первое место. Студент ТГУ Ю. Захаров выиграл первенство в беге на 5 000 м, показав время 14 мин 28 с. На следующий год тот же Ю. Захаров на соревнованиях студентов-спортсменов СССР и Греции в Афинах стал победителем в беге на 5 000 м, пробежав быстрее всех и установив новый рекорд стадиона – 14 мин 25 с [11]. Таким образом, спортсмены Томского университета под руководством преподавателей кафедры физического воспитания смогли выйти не только на всесоюзный, но и на международный уровень.

В 1955 г. на областной летней спартакиаде лучшей в беге на 800 м стала А. Доронина (будущий преподаватель кафедры физвоспитания). В том же году на городских соревнованиях по спортивной гимнастике студент ТГУ Брендаков, занял II место, набрав 55 очков из 60 возможных, уступив победителю 0,8 балла. В 1956 г. на второй областной летней спартакиаде спортивного общества «Буревестник» первое место также осталось за Томским университетом. В этом же году на первенстве Томска по легкой атлетике Л. Рохмистрова заняла I место в метании ядра, а Кибирев занял I место в метании копья. В 1957 г. на первенстве города по легкой атлетике также отличились университетские спортсмены: А. Кирюшкина победила в беге на 800 м, Саливон выиграл забег на 1 500 м, а Л. Рохмистрова метнула дальше всех диск (40 м 40 см) [12]. В 1958 г. на первенстве города по спортивной гимнастике чемпионом среди мужчин стал студент ТГУ Судаков, а среди женщин общее первое место завоевала Т. Лозбина.

Большой популярностью в 1950-е гг. пользовалась ежегодная кольцевая комбинированная эстафета на приз газеты «Красное знамя», проводившаяся на улицах Томска и на р. Томь. Основная борьба разворачивалась между сборными командами ТПИ, ТГУ и ТГПИ. Нередко побеждали спортсмены ТГУ. Так, в 1952 г. победителями стали спортсмены университета. Успешно свои этапы преодолели бегуны Ю. Захаров, М. Нехорошева, Л. Жданкина, Н. Блинов и др., велосипедист А. Петров, гребцы-девушки Л. Тимофеева и Р. Захарова. В 1953 г. университетские спортсмены в кольцевой эстафете в третий раз подряд завоевали кубок газеты «Красное знамя», который остался у них на вечное хранение [13].

В рассматриваемый период в ТГУ получили развитие и игровые виды спорта (баскетбол, волейбол, футбол). В 1955 г. на первенстве Министерства высшего образования и ЦС ДСО «Наука» женская и мужская команда волейболистов заняли V место. В 1950 г. на первенстве города по баскетболу первая и вторая команды ТГУ разделили III место с командой «Локомотив», набрав одинаковое количество очков. В том же году в первенстве города по волейболу университетские спортсменки заняли IV командное место. В 1953 г. на соревнованиях по баскетболу на Кубок облпрофсоюза мужская и женская команда ТГУ, одержав сокрушительную победу над соперниками в финале, заняла I место. Тогда же женская команда по баскетболу стала победителем на первенстве Томска, обыграв в финале команду из ТГПИ. В 1958 г. на городском первенстве по баскетболу женская команда ТГУ заняла III место [4. 1958. 8 янв.].

Не менее интересно проходили шахматные турниры на 100 досках между политехническим институтом и государственным университетом. Первый подобный турнир был организован в 1956 г. и окончился победой студентов ТПИ.

Говоря о развитии спорта в ТГУ в 1950-е гг., следует отметить, что он носил массовый характер. Несмотря на отсутствие материальной базы, прежде всего просторного спортзала, стадиона, спортсмены ТГУ успешно выступали на соревнованиях самого различного уровня. В этом была заслуга не только кафедры физкультуры, но и общественных организаций университета, среди которых большую роль играл спортклуб ТГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Государственный* архив Томской области (ГАТО).
2. *К 70-летию* со дня рождения профессора Ю.В. Куперта : сборник научных статей и материалов / под ред. Т.В. Галкиной, О.А. Харусь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 151 с.
3. *Сарычева Т.В.* Становление и развитие физической культуры в системе высшего образования в Сибири. Томск : Изд-во ТПУ, 2013. 198 с.
4. *За советскую* науку. Томск. 1950. 11 фев.
5. *Красное* знамя. Томск. 1952. 21 янв.
6. *Молодой* ленинец. Томск. 1955. 19 янв.
7. *Победа* томских студентов на соревнованиях в Ленинграде // Красное знамя. Томск, 1950. 19 авг.

8. *Новые* достижения легкоатлетов // Молодой ленинец. Томск, 1955. 7 янв.
9. *Рекорды* томских спортсменов // Молодой ленинец. Томск, 1956. 20 июля.
10. *Успех* томских спортсменов-легкоатлетов на первенстве Сибири // Красное знамя. Томск, 1951. 18 фев.
11. *Рекорды* Юрия Захарова // Красное знамя. Томск, 1957. 7 июля.
12. *За массовость* и большинство // Молодой ленинец. Томск, 1597. 16 июля.
13. *Кубок* на вечное хранение // Красное знамя. Томск, 1953. 9 окт.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 11 октября 2013 г.

THE HISTORY OF PHYSICAL TRAINING AND SPORT CLASSES IN TOMSK AND TOMSK STATE UNIVERSITY IN THE 1950S

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 202-205. DOI: 10.17223/15617793/383/31
Cherdantseva Raisa G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ffk@mail.tsu.ru
Keywords: physical education; sport; students; Tomsk State University; history of Siberia.

Since 1938-1960 the Department of Physical Education was headed by the graduate of the School of Physical Training of Moscow Military District L.G. Vydrin. The main teaching staff consisted of V.V. Kuzmin, B.M. Kim, V.S. Tolmachyov, A.A. Gil, S.V. Bobin, V.S. Kozyavin, T.S. Kasatkin, generally they were alumni of Tomsk Pedagogical University Physical Education Faculty. The material resources left much to be desired. The work in the sphere of physical culture during the post-war period was huge. It began with revival of vigorous activity of voluntary-sports societies harmed a lot during the war period. Construction and reconstruction of sports facilities was necessary. There was almost no sport equipment and shells. In particular, in Tomsk State Uniersity (TSU) a former vegetable storehouse in the hostel yard was adapted for the gym, and in the basement of the 2nd building (nowadays the 3rd building) a room was given for the Physical Education Department and the skiing lodge. In 1952, due to joint efforts of students under the leadership of the teacher of the Physical Education Department V.V. Kuzmin a sports ground was opened behind the main building. But nevertheless the material resources of TSU in comparison with other universities were slightly better, however they did not meet all the requirements of the academic process. In 1948 some positive changes began to be observed. In 1950 Tomsk had two stadiums, four complex sports grounds, one forty meter ski springboard and 234 gymnastic platforms. Minor improvement of material resources became possible with the resolution of the 8th Plenum of the Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League "About sports and sport work of the Komsomol organizations and the youth" in 1952. In the 1950s the team from Tomsk actively participated in skiing competitions taking prizes at the regional level. In 1950 the TSU team took the third prize in the competitions devoted to the election day in the Supreme Council of the USSR. In 1956 Tomsk athletes became the winners of RSFSR championship among the Siberian teams. Skating was also actively developed in TSU. But the most successful development in TSU was summer sports, first of all, track and field. Athletes successfully took part in the competitions in Siberia, RSFSR championships, and international competitions. Game sports (basketball, volleyball, soccer) had development in TSU, too. In 1955 volleyball players were the fifth place at the championship of the Ministry of Higher Education and the Central Council of Voluntary Sport Societies "Nauka". Chess tournaments between the Polytechnic Institute and the State University were also remarkable. Speaking about sport development in TSU in the 1950s it should be noticed that it had a mass tendency. Despite the lack of material resources, the athletes of TSU successfully participated in competitions of various levels. This is the merit of the Physical Education Department and public organizations of the University.

REFERENCES

1. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-815. List 85. File 800.
2. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-815. List 85. File 5463.
3. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-815. List 23. File 3.
4. Galkina T.V., Kharus' O.A. (eds.) *K 70-letiyu so dnya rozhdeniya professora Yu.V. Kuperta* [On the 70th anniversary of Professor Yu.V. Kupert]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2001. 151 p.
5. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 815. List 85. File 5234.
6. Sarycheva T.V. *Stanovlenie i razvitie fizicheskoy kul'tury v sisteme vysshego obrazovaniya v Sibiri* [Formation and development of physical education in higher education in Siberia]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publ., 2013. 198 p.
7. Sportivnaya khronika [Sports chronicle]. *Za sovetskuyu nauku*, February 11, 1950.
8. Sportivnaya khronika [Sports chronicle]. *Krasnoe znamya*, January 21, 1952.
9. Sportivnaya khronika [Sports chronicle]. *Za sovetskuyu nauku*, February 20, 1953.
10. Sportivnaya khronika. Itogi oblastnykh sorevnovaniy [Sports chronicle. Results of the regional contest]. *Krasnoe znamya*, March 21, 1950.
11. Pobeda tomskikh sportsmenov [Victory of Tomsk athletes]. *Molodoy Leninets*, January 19, 1955.
12. Pobeda lyzhnikov TGU [Victory of TSU skiers]. *Molodoy Leninets*, January 22, 1956.
13. Sportivnaya khronika. Pervenstvo po kon'kobezhnomu sportu [Sports chronicle. Speed Skating Championship]. *Molodoy Leninets*, December 13, 1957.
14. Pobeda tomskikh studentov na sorevnovaniyakh v Leningrade [Tomsk students' victory in the competition in Leningrad]. *Krasnoe znamya*, August 19, 1950.
15. Novye dostizheniya legkoatletov [New advances of athletes]. *Molodoy Leninets, January 7,* 1955.
16. Rekordy tomskikh sportsmenov [Records of Tomsk athletes]. *Molodoy Leninets*, July 20, 1956.
17. Uspekh tomskikh sportsmenov legkoatletov na pervenstve Sibiri [Success of Tomsk athletes athletes at the championship of Siberia]. *Krasnoe znamya*, February 18, 1951.
18. Sportivnaya khronika [Sports chronicle]. *Za sovetskuyu nauku*, May 22, 1954.
19. Rekordy Yuriya Zakharova [Records of Yuri Zakharov]. *Krasnoe znamya*, July 7, 1957.
20. Za massovost' i bol'shinstvo [For masses and majority]. *Molodoy leninets*, July 16, 1957.
21. Kubok na vechnoe khranenie [Cup for everlasting storage]. *Krasnoe znamya*, October 9, 1953.
22. Sportivnaya khronika [Sports chronicle]. *Za sovetskuyu nauku*, January 8, 1958.

Received: October 11, 2013

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 206–211 DOI: 10.17223/15617793/383/32

УДК 159.922

А.А. Шекетера, О.Ю. Суднева, С.А. Богомаз

СТЕПЕНЬ ВЫРАЖЕННОСТИ И АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ АБСТРАКТНО-ЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ВИДОВ ИНТЕЛЛЕКТА У ШКОЛЬНИКОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальный и абстрактно-логический интеллект: динамика их соотношения и психофизиологические корреляты» (№ 12-06-33028 мол_а_вед).

Анализируются теоретические представления о социальном интеллекте и его соотношении с другими видами интеллекта. Представлены результаты эмпирического исследования абстрактно-логического и социального интеллекта у старшеклассников, рассмотрены особенности использования ими различных стратегий выхода из конфликтных ситуаций, проанализированы особенности взаимосвязи социального интеллекта с абстрактно-логическим интеллектом и экзаменационной результативностью.

Ключевые слова: социальный интеллект; стратегии поведения в межличностных ситуациях; абстрактно-логический интеллект; экзаменационная результативность школьников.

На современном этапе развития психологической науки предметом пристального внимания и изучения представителей разных школ и направлений оказался социальный интеллект. Проблеме его изучения посвящены работы зарубежных и отечественных учёных, таких как К.А. Абульханова-Славская, Ю.Б. Бабаева, Х. Гарднер, Дж. Гилфорд, О. Джон, Я.Л. Коломинский, К. Космитский, В.Н. Куницына, Н. Кэнтор, О.В. Лунева, Д.В. Люсин, Т.Д. Марцинковская, Е.С. Михайлова, А.И. Савенков, Р. Селман, Р. Стернберг, Л.И. Уманский, Д.В. Ушаков, А.Л. Южанинова и др. Все эти авторы, основываясь на различных теоретических подходах и концепциях, сходятся во мнении, что социальный интеллект проявляет себя в процессе взаимодействия личности с социальным окружением. При этом одни учёные указывают на то, что он определяет эффективность процесса общения, способствуя правильному пониманию причин своего поведения и поведения окружающих людей [1, 2]. Другие рассматривают его как один из ведущих факторов, определяющих успешность человека, его социальную адаптивность и развитие лидерских качеств [3]. Вместе с тем, несмотря на признаваемую всеми важность изучения социального интеллекта, разработке методов его количественной оценки не уделяется должного внимания. При широкой распространенности методов диагностики других видов интеллекта (особенно общего) социальный интеллект испытывает острую необходимость в создании надёжного диагностического инструментария. По мнению О.В. Лунёвой, трудности измерения социального интеллекта определяются сложностью самого предмета исследования, его высокой контекстностью и онтологическим содержанием [4].

Одним из важных вопросов в проблематике социального интеллекта является вопрос о его соотношении с другими видами интеллекта – общим, абстрактным, академическим и эмоциональным. До сих пор относительно этого вопроса существуют различные точки зрения. Например, Э. Торндайк ещё в 1920 г. писал, что социальный интеллект существует отдельно от обычного интеллекта, а в структурной концепции Дж. Гилфорда (1969) социальный интеллект трактуется как особое ментальное качество, относительно независимое от общего интеллекта [5]. В противоположность этому М.А. Холодная утверждает, что социальный интеллект тесно связан с общим интеллектом и выполняет когнитивную и адаптационную функции [6]. Д.В. Ушаков отмечает, что социальный интеллект является одним из самостоятельных видов интеллекта, что доказывает его незначительные корреляции с общим интеллектом, но значимые корреляции с личностными чертами [5]. Однако, по мнению учёного, он тесно связан с эмоциональным интеллектом. С.В. Щербаков указывает на то, что уровень социального интеллекта и интегральные компоненты учебного рейтинга студентов входят в единый фактор эффективности учебной деятельности [7].

Очевидно, что наличие противоречивых представлений психологов относительно одного и того же феномена нельзя расценивать как удовлетворительное для психологической науки. Такое состояние дел стимулирует к проведению новых исследований, особенно в связи с появлением новых исследовательских возможностей и нового диагностического инструментария.

Результаты наших последних исследований [8], проведённых на студентах младших курсов, убедительно показывают, что пропорциональное развитие социального и абстрактно-логического интеллекта является важным фактором достижения высокой академической результативности. Однако на фоне диспропорции интеллектуального развития, когда степень выраженности абстрактно-логического интеллекта превышает степень выраженности социального интеллекта и наблюдается рост экзаменационной результативности, у студентов отмечаются сниженные показатели целеустремленности, склонности к самоорганизации деятельности, рефлексивности, убежденности в позитивной природе мира и доверия к людям. Полученные нами данные свидетельствуют в пользу того, что социальный и абстрактно-логический интеллект представляют собой относительно самостоятельные виды интеллекта, которые, комбинируясь между собой, определяют индивидуально-типологическое своеобразие человека [9].

Выявленные в выборке студентов закономерности, раскрывающие особенности социального и абстрактно-логического видов интеллекта, стимулировали необходимость проведения подобного исследования на выборке старшеклассников.

Целью исследования стало измерение степени выраженности абстрактного и социального интеллекта у

школьников и анализ взаимосвязи их интеллектуальных показателей.

В исследовании использовались модифицированная версия методики «Оценка оптимального выбора в конфликтной ситуации» С.В. Щербакова [10], позволяющая изучить степень выраженности социального интеллекта, и модифицированная версия теста «Прогрессивные матрицы Дж. Равена» в модификации и адаптации Б. Койчу [11], с помощью которой оценивалась результативность и продуктивность абстрактно-логического интеллекта испытуемых.

Также при проведении исследований нами были учтены результаты ГИА по математике (государственной итоговой аттестации для учащихся 10-х классов), формат которой схож с ЕГЭ. Результаты ГИА для нас служили показателем эффективности учебной деятельности школьников. Они сопоставлялись с результатами, полученными нами ранее в студенческой выборке [8, 9].

Выборку составили учащиеся 10–11-х классов школ г. Томска в количестве 109 человек (52 девушки и 57 юношей). Исследование проводилось в течение одного урока (45 минут). Сначала школьники проходили модифицированную версию теста «Прогрессивные матрицы Дж. Равена». Время выполнения заданий нами не ограничивалось, но фиксировалось количество затраченных минут. После этого школьники получали бланки с модифицированной версией методики «Оценка оптимального выбора в конфликтной ситуации».

Методика «Оценка оптимального выбора в конфликтной ситуации» С.В. Щербакова первоначально была предназначена для студентов, она построена на основе методики, предложенной Д.В. Ушаковым и А.Е. Ивановской, и теста, разработанного К. Томасом. Опросник содержал 20 формулировок конфликтных ситуаций, встречающихся в студенческой жизни, каждая из них предусматривала семь вариантов ответов, которые оценивались по семибалльной шкале. Каждому из этих вариантов соответствовала одна из коммуникативных стратегий (компромисс, сотрудничество, борьба, обращение к посреднику, тактика язвительного ответа, уход и уступка). В итоге для респондента фиксировалось количество баллов по всем семи стратегиям и строился профиль его предпочтений.

Модифицированная версия методики была разработана нами для проведения исследования среди старшеклассников. Изменения заключались в следующем: исходные формулировки конфликтных взаимодействий, встречающихся в студенческой жизни, были адаптированы для ситуаций, которые происходят в условиях обучения в школе. Из 20 представленных в исходной методике ситуаций 2 были исключены как неактуальные для школьников. Модифицированная методика проводилась в групповом режиме, в каждом классе школьникам раздавались бланки опросника и предлагалось проанализировать заданные ситуации и оценить по семибалльной шкале возможные варианты выхода из них. В среднем на заполнение опросника старшеклассники затрачивали около 20 минут. Далее с использованием ключа для каждого испытуемого подсчитывалась степень выраженности всех коммуникативных стратегий. Учитывая полученные численные значения, определяли степень предпочтения испытуемым тех или иных стратегий.

С использованием модифицированной методики «Оценка оптимального выбора в конфликтной ситуации» было проведено исследование среди учащихся 10–11-х классов школ г. Томска. Результаты тестирования позволили вычислить для этой выборки средние значения степени выраженности стратегий выхода из конфликтных ситуаций (табл. 1). Эти значения мы рассматривали в качестве нормативных. Ниже представлены результаты статистической обработки данных и их психологическая интерпретация по каждой используемой методике.

Таблица 1

Средние значения показателей модифицированного опросника «Оценка оптимального выбора в конфликтной ситуации» в выборке школьников 10–11-х классов г. Томска (n = 104), балл

Коммуникативные стратегии	Среднее значение	Нижний квартиль	Верхний квартиль	Станд. отклонение
Борьба	63,6	53	76	15,2
Уход	61,7	53	69	11,8
Компромисс	74,8	62	87,5	17,3
Сотрудничество	69,1	58	81	17,3
Уступка	60,2	50	68	14,6
Обращение к посреднику (помощь)	59,2	50	69,5	13,4
Тактика язвительного ответа	57,2	41	70	20,2

Как можно заметить, у старшеклассников наиболее предпочитаемыми коммуникативными стратегиями в ситуации конфликта интересов являются конструктивные стратегии «компромисс» и «сотрудничество», а наименее предпочитаемой – неконструктивная стратегия «тактика язвительного ответа». Такой выбор, на наш взгляд, представляется достаточно логичным. Компромиссная стратегия отличается тем, что партнёры по взаимодействию стремятся урегулировать разногласия путем двухсторонних уступок. Данная стратегия верна лишь отчасти: внешне никто не выигрывает, но и не проигрывает. Однако при подобном поведении интересы обеих сторон полностью не раскрываются. Поэтому есть вероятность появления неудовлетворенности «половинчатыми» решениями. В отличие от компромисса, стратегия «сотрудничество» характеризуется поиском совместного решения, которое будет полностью удовлетворять каждую сторону конфликтной ситуации. Данная модель поведения особенно актуальна, если предмет разногласий имеет одинаково высокую ценность для всех участников социального взаимодействия. Тактика язвительного ответа является неэффективной стратегией решения сложных межличностных ситуаций. Выраженные ирония и сарказм могут только усугубить конфликтную ситуацию и обидеть оппонента, а главное – никогда не приведут к «идеальному» взаимодействию [7].

Схожие предпочтения коммуникативных стратегий демонстрируют и студенты младших курсов Томского государственного университета. Полученные результаты показывают, что в период перехода от одной образовательной системы к другой (от школы к вузу) юно-

ши и девушки предпочитают использовать конструктивные стратегии разрешения межличностных проблем – компромисс и сотрудничество. Представляется очевидным, что это предпочтение может способствовать их социально-психологической адаптации к новым для них условиям вузовского обучения, требующим от них большей самостоятельности и активности.

В результате кластеризации данных (использовался Word's method с вычислением коэффициента корреляции Пирсона в качестве метрики) мы построили горизонтальное иерархическое дерево, в котором отчётливо видны два основных кластера (рис. 1). В дендрограмме, представленной на рисунке, также можно увидеть, что в одном кластере объединились коммуникативные стратегии «компромисс» и «сотрудничество». Данные стратегии были обозначены как «конструктивные».

Остальные стратегии, которые мы отнесли к «неконструктивным», вошли в состав другого кластера. В нем, в свою очередь, были выделены два субкластера. В состав одного из них вошли такие стратегии, как «борьба», «обращение к посреднику (помощь)» и «тактика язвительного ответа». Эти стратегии получили название «активные неконструктивные стратегии». В другом субкластере объединились стратегии «уход» и «уступка», которые мы обозначили как «пассивные неконструктивные стратегии».

В студенческой выборке схожая структура коммуникативных стратегий была получена с использованием факторного анализа [12]. На основе того, что данная структура выделяется неоднократно, было предложено вычислять три индекса: индекс «социальный интеллект» как среднеарифметическое конструктивных стратегий «компромисс» и «сотрудничество», индекс «пассивные неконструктивные стратегии» как среднеарифметическое стратегий «уход» и «уступка», индекс «активные неконструктивные стратегии» как среднеарифметическое стратегий «борьба», «обращение к посреднику» и «тактика язвительного ответа». Таким образом, был сделан вывод, что о степени выраженности социального интеллекта можно судить либо по высоким показателям индекса «социального интеллекта», либо по низким значениям индексов «пассивные неконструктивные стратегии» и «активные неконструктивные стратегии».

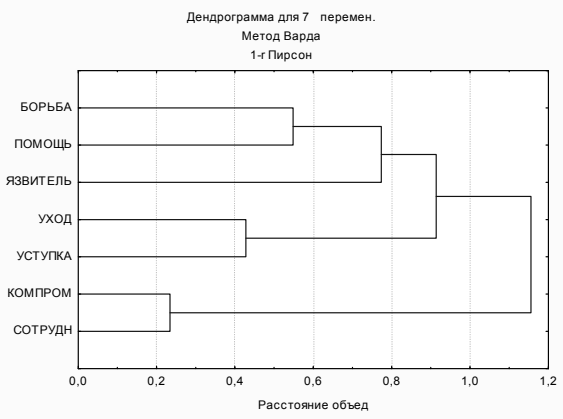


Рис. 1. Результаты кластерного анализа предпочтений коммуникативных стратегий в выборке учащихся 10–11-х классов (n = 104)

Оценка параметров абстрактно-логического интеллекта у тех же старшеклассников проводилась с помощью теста «Прогрессивные матрицы Дж. Равена», модифицированного и адаптированного Б. Койчу. Модификация заключается в том, что количество заданий по сравнению с исходным тестом уменьшено в два раза. При этом используются только 30 четных заданий исходного теста. Мы не ограничивали время решения этих заданий, но фиксировали время выполнения теста для того, чтобы определить интеллектуальную продуктивность испытуемых. Результативность, в отличие от варианта Б. Койчу, подсчитывалась как сумма баллов за правильно решенные задания (согласно ключу). Продуктивность вычислялась как отношение суммы баллов за выполненные задания ко времени выполнения теста в секундах, умноженное на 100.

В нашем исследовании модифицированный тест Равена выполнили 109 старшеклассников. Это позволило вычислить нормативные значения показателей интеллектуальной результативности и продуктивности для данного возрастного периода (табл. 2).

Таблица 2

Средние значения результативности и продуктивности решения задач теста Равена школьниками 10–11-х классов г. Томска (n = 109)

Показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение
Интеллектуальная результативность, балл	108,6	20,0
Время выполнения заданий, с	771,5	149,0
Интеллектуальная продуктивность, балл	14,7	3,99

Следует отметить, что представленные в табл. 2 интеллектуальные показатели старшеклассников несколько отличались от показателей студенческой выборки (n = 243). Так, результативность выполнения заданий теста Равена у студентов младших курсов составила 102,1±23,5 балла, а продуктивность – 18,44±6,17. При этом молодые люди затрачивали меньше времени на выполнение тестовых заданий, чем старшеклассники (590±165 против 772±149 с). На основании полученных данных (особенно с учетом различий в продуктивности) можно сделать вывод о более высоком уровне развития абстрактно-логического интеллекта у студентов. Очевидно, этому есть простое объяснение. Школьники 10-х и 11-х классов далеко не все стремятся в высшие учебные заведения и готовятся к поступлению в вузы, а студенты прошли все отборочные этапы, у них за плечами остались и ЕГЭ, и вступительные экзамены. Как следствие, студенческая выборка оказывается более однородной, прошедшей серьёзный отбор по интеллектуальным способностям.

Проведенный корреляционный анализ продемонстрировал наличие значимых связей лишь между коммуникативной стратегией «тактика язвительного ответа» и интеллектуальной результативностью и продуктивностью выполнения заданий теста Равена ($r = -0{,}210$; $p = 0{,}035$ и $r = -0{,}348$; $p = 0{,}0001$ соответственно, $n = 101$). Это означает, что чем выше у старшеклассников показатели абстрактно-логического интеллекта, тем менее предпочтительной для них становится неконструктивная стратегия «язвительность» в ситуациях

межличностного взаимодействия. С другой стороны, это указывает на некоторое повышение социального интеллекта при высоких значениях абстрактно-логического интеллекта у школьников. Однако связь между двумя видами интеллекта оказывается «слабой».

В студенческой выборке (n = 222) корреляционный анализ также показал лишь наличие слабых достоверных связей между результативностью и продуктивностью выполнения заданий теста Равена и коммуникативными стратегиями. Например, максимальное значение коэффициента корреляции (r = 0,185; p = 0,006) наблюдалось между результативностью и конструктивной стратегией «компромисс».

Полученные результаты свидетельствуют, с нашей точки зрения, в пользу того, что социальный и абстрактно-логический интеллект представляют собой два относительно самостоятельных вида интеллекта (по крайней мере, на данном возрастном этапе).

Нам было важно оценить, в какой степени социальный интеллект и абстрактно-логический интеллект могут быть связаны с достижением эффективности учебной деятельности школьников. Первоначально основными критериями этого показателя для учащихся нами были выбраны результаты ЕГЭ и ГИА. Мы планировали провести корреляционный анализ взаимосвязей изучаемых интеллектуальных показателей с результативностью ЕГЭ среди учащихся 11-х классов, а для учащихся 10-х классов – провести сравнение изучаемых интеллектуальных показателей с результативностью ГИА. Однако в 2013 г. часть результатов сдачи ЕГЭ была признана недействительной [13]. По данным выборочной проверки в связи с серьезным нарушением правил проведения Единого государственного экзамена каждая четвёртая работа по математике была аннулирована. Таким образом, учёт данного показателя в нашем исследовании потерял свою значимость. Ниже приведены итоги анализа интеллектуальных показателей с учётом результативности решения заданий ГИА по математике только у учащихся 10-х классов.

Следует уточнить, что в составе выборки десятиклассников (n = 36) были учащиеся двух профилей: гуманитарного и математического. Учащиеся из класса с математическим уклоном затратили на выполнение заданий теста Равена от 15 до 18 минут и получили более высокий результат, а учащиеся гуманитарного класса те же задания выполняли за 5–8 минут, демонстрируя менее значимые интеллектуальные результаты.

В ходе корреляционного анализа в выборке школьников 10-го класса не было выявлено корреляций между суммой баллов за решенные задания ГИА и коммуникативными стратегиями. Данный факт указывает на то, что социальный интеллект учащихся не вносит значимого вклада в достижение экзаменационной результативности по математике.

Была обнаружена положительная корреляция между баллами ГИА по математике и таким показателем теста Равена, как результативность (табл. 3). Полученный результат вполне предсказуем: чем выше сумма баллов за решения заданий теста Равена (т.е. чем выше интеллектуальная результативность), тем более высокие показатели школьники демонстрируют при выполнении заданий ГИА по математике. Другими словами, это означает, что результативность абстрактно-логического интеллекта десятиклассников может существенно влиять на их итоги экзамена по математике.

Таблица 3

Корреляции между суммой баллов за решенные задания ГИА по математике и показателями теста Равена (n = 36)

Показатели ГИА	Интеллектуальная результативность	Интеллектуальная продуктивность
Баллы	0,5379 p = 0,001	0,1897 p = 0,268

Интересно отметить, что в студенческой выборке наблюдалась схожая картина. В ней также отсутствовали корреляции коммуникативных стратегий с результативностью решения заданий ЕГЭ по математике, а коэффициент корреляции между результативностью выполнения заданий теста Равена и результативностью решения заданий ЕГЭ по математике составил 0,349 (p = 0,0001; n = 193).

Важно отметить, что в выборке учащихся 10-х классов наблюдалась значимая корреляция между стратегией «уход» и результативностью решения заданий теста Равена (r = 0,404; p = 0,022; n = 32). Это означает, что в ситуации конфликта интересов школьники, отличающиеся высокой результативностью по тесту Равена, склонны использовать пассивные коммуникативные стратегии, уходя от решения возникающих проблем в процессе межличностного взаимодействия.

Мы предположили, что важный вклад в индивидуально-типологическое своеобразие школьников вносит соотношение социального и абстрактно-логического видов интеллекта. Для оценки этого соотношения (СИ/АЛИ) мы вычисляли отношение, в числителе которого был индекс «социальный интеллект», а в знаменателе – либо результативность, либо продуктивность решения заданий теста Равена. Корреляционный анализ продемонстрировал, что в изучаемой выборке учащихся 10-х классов имеется значимая отрицательная связь соотношения $\frac{\text{СИ / АЛИ}}{\text{результативность}}$ с суммой баллов ГИА по математике (r = –0,365; p = 0,040; n = 32). Другими словами, чем в большей степени у учащихся социальный интеллект преобладает над абстрактно-логическим, тем ниже их результативность решения заданий ГИА.

Однако, сопоставляя значения коэффициентов корреляции между соотношением СИ/АЛИ и экзаменационной результативностью и между результативностью решения заданий теста Равена и экзаменационной результативностью (см. табл. 3), можно сделать заключение о менее существенной роли соотношения СИ/АЛИ в достижении высокой экзаменационной результативности. В целом совокупность полученных данных демонстрирует несущественный вклад социального интеллекта в достижение высоких результатов на экзамене по математике. Это ставит под сомнение утверждение некоторых психологов (А.И. Савенков, Л.М. Нарикбаева) о значительной роли социального интеллекта в эффективности учебной деятельности. Однако, учитывая, что она зависит от многих факторов (А.М. Холодная, Н.М. Щебракова), можно ожидать,

что влияние социального интеллекта на эффективность учебной деятельности может осуществляться посредством других возможностей.

Феномен социального интеллекта представляет собой достаточно новый предмет исследования как для зарубежной, так и для отечественной психологии. Его концептуализация стала возможна на стыке когнитивной психологии и персонологии. Социальный интеллект, когнитивный аспект коммуникативных способностей, включает в свою структуру и когниции, и эмоции, и действия. В этой связи можно высказать предположение о том, что эмоциональный и деятельностный компоненты социального интеллекта окажутся значимыми в достижении академической успешности. На проверку этого предположения будут направлены наши будущие исследования.

Исследование особенностей социального и абстрактно-логического видов интеллекта у старшеклассников, а также анализ взаимосвязи интеллектуальных показателей с экзаменационной результативностью позволили нам сделать следующие выводы:

1. Модифицированная версия методики «Оценка оптимального выбора в конфликтной ситуации» может быть использована для оценки степени выраженности социального интеллекта у старших школьников. О степени выраженности социального интеллекта следует судить либо по высоким показателям двух стратегий «компромисс» и «сотрудничество», либо по низким значениям стратегий «борьба», «уход», «уступка», «обращение к посреднику» и «тактика язвительного ответа».

2. В период обучения в старшей школе юноши и девушки предпочитают использовать конструктивные стратегии разрешения межличностных проблем – компромисс и сотрудничество. Представляется очевидным, что это предпочтение может способствовать социально-психологической адаптации к новым для школьников условиям вузовского обучения, требующим от них большей самостоятельности и инициативности.

3. Выявленные факты указывают на несущественную роль социального интеллекта в достижении высоких экзаменационных результатов по математике.

4. Высокая результативность абстрактно-логического интеллекта является условием достижения высокой суммы баллов при выполнении экзаменационных заданий по математике.

5. Школьники, которые демонстрируют высокую результативность решения заданий теста Равена (высокий абстрактно-логический интеллект), склонны использовать стратегию «уход» в межличностных конфликтных ситуациях.

Полученные данные могут быть использованы в двух направлениях. Во-первых, это возможный прогноз результатов ЕГЭ у учащихся школ, что, несомненно, волнует как их, так и их родителей, а также прогноз особенностей взаимоотношений учащихся с другими людьми в конфликтных ситуациях. Во-вторых, эти данные можно использовать для повышения коммуникативной и академической успешности учащихся, они могут быть учтены при составлении тренинговых программ, направленных на развитие коммуникативных навыков, умений взаимодействовать с другими людьми и для развития абстрактного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Емельянов Ю.Н.* Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Л., 1991. 38 с.
2. *Бобнева М.И.* Специфика социально-психологических свойств и способностей личности // Социальная психология личности / отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. М. : Наука, 1979. С. 42–54.
3. *Савенков А.И.* Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 5, № 4. С. 94–101.
4. *Лунева О.В.* Теоретические основания концепции социального интеллекта // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 231–236.
5. *Ушаков Д.В.* Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М. : Институт психологии РАН, 2004. С. 11–29.
6. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб. : Питер, 2002. 272 с.
7. *Щербаков С.В.* Интегральный анализ основных подходов к исследованию социального интеллекта. Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. 46 с.
8. *Суднева О.Ю., Каракулова О.В., Богомаз С.А.* Социальный интеллект в структуре личностного потенциала первокурсников // Сибирский психологический журнал. 2013. № 48. С. 118–126.
9. *Мацута В.В., Суднева О.Ю., Богомаз С.А.* Роль интеллектуальных и личностных факторов в достижении высокой результативности в ЕГЭ по математике // Сибирский психологический журнал. 2014. № 52. С. 52–66.
10. *Щербаков С.В.* Диагностика социального интеллекта студентов // Актуальные вопросы физиологии, психофизиологии и психологии : сб. науч. ст. Всерос. заочной научн.-практ. конф. / ред. Ф.Ф. Каюмова. Уфа, 2010. С. 122–126.
11. *Koichu B.* Junior high school students' heuristic behaviors in mathematical problem solving // Unpublished Doctoral Dissertation. Technion, Haifa, 2003.
12. *Богомаз С.А.* Взаимосвязь социального интеллекта первокурсников с академическим интеллектом и личностным потенциалом // Психология когнитивных процессов / под ред. А.Г. Егорова, В.В. Селиванова. Смоленск, 2013. С. 154–160.
13. *Результаты* ЕГЭ 2013 будут перепроверены выборочно // ЕГЭ и ГИА : информационный образовательный портал. Подготовка к экзаменам. URL: http://www.egeigia.ru/nowosti/1298-rezultaty-ege2013-budut-pereprovereny-vyborochno (дата обращения: 08.01.2013).

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 2 апреля 2014 г.

ANALYSIS OF EXPRESSION AND THE RELATIONSHIP BETWEEN THE ABSTRACT-LOGICAL AND SOCIAL INTELLIGENCE OF SENIOR PUPILS

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 206-211. DOI: 10.17223/15617793/383/32

Sheketera Anastasia A., Sudneva Olesya Yu., Bogomaz Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anastasia_3110@mail.ru; avendus@mail.ru; bogomazsa@mail.ru

Keywords: social intelligence; behavior strategy in interpersonal situations; abstract-logical intelligence; efficiency of educational activity.

The article presents the results of empirical research of interrelation of social intelligence with abstract-logical intelligence and examination productivity of senior pupils (from the 10th and the 11th year) in the quantity of 109 persons. The research objective is measurement of the level of expression of abstract and social intelligence of senior pupils and the analysis of interrelation of intellectual indicators. We used the modified version of assessment Questionnaire "Assessment of an Optimum Choice in a Conflict Situation" (by S. Shcherbakov) for evaluation of social intelligence. We also applied the modified (by B. Koichu) version of test "Progressive matrixes by J. Raven" for the diagnosis of the abstract-logical. The results of GIA of mathematics were considered by us as an indicator of examination productivity. During the empirical research it was revealed that the modified "Assessment of an Optimum Choice in a Conflict Situation" test can be used for evaluation of the level of senior pupils' social intelligence expression. It could be judged about the level of expression of social intelligence by the high rates of two strategy "compromise" and "cooperation", or by the low values of strategy "fight", "leaving", "concession", "address to the intermediary" and "tactics of a stinging reply". During the study in the senior years the young man and young woman prefer to use constructive strategy for resolving interpersonal problems – compromise and cooperation. This choice promotes social and psychological adaptation of young people to new conditions of the higher school, where they should be more independent and initiative. During the empirical research the psychological facts that indicate the insignificant role of social intelligence in achievement of high examination results in mathematics were revealed. High productivity of abstract-logical intelligence is a condition of achievement of a high score in examination tasks on mathematics. Senior pupils who show high productivity of the solution of tasks by Raven (high abstract-logical intelligence) are inclined to use the strategy of "leaving" in the interpersonal conflict situations. The obtained data can be used in two directions. Firstly, it is the possible to forecast the results of Unified State Examination for pupils, which, undoubtedly, is very important for them and their parents, and also it is possible to forecast the features of relationship between pupils and other people in conflict situations. Secondly, the obtained data can be used for increasing the communicative and academic success of pupils, the data can be considered by working out training programs aimed at the development of communicative skills, abilities to interact with other people and at development of abstract intelligence.

REFERENCES

1. Emel'yanov Yu.N. *Teoriya formirovaniya i praktika sovershenstvovaniya kommunikativnoy kompetentnosti*. Avtoref. dis. d-ra psikhol. nauk [Theory of the formation and practice of improving communicative competence. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. Leningrad, 1991. 38 p.
2. Bobneva M.I. *Spetsifika sotsial'no-psikhologicheskikh svoystv i sposobnostey lichnosti* [Specificity of socio-psychological characteristics and abilities of a person]. In: Bobneva M.I., Shorokhova E.V (eds.) *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti* [Social psychology of a person]. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 42-54.
3. Savenkov A.I. Social intelligence and the psychology of creativity and giftedness. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2005, vol. 5, no. 4, pp. 94-101. (In Russian).
4. Luneva O.V. Teoreticheskie osnovaniya kontseptsii sotsial'nogo intellekta [Theoretical foundation of the concept of social intelligence]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill,* 2011, no. 3, pp. 231-236.
5. Ushakov D.V. *Sotsial'nyy intellekt kak vid intellekta* [Social intelligence as a type of intelligence]. In: Lyusin D.V., Ushakov D.V. (eds.) *Sotsial'nyy intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya* [Social intelligence: theory, measurement, research]. Moscow: RAS Institute of Psychology Publ., 2004, pp. 11-29.
6. Kholodnaya M.A. *Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya* [Psychology of intelligence: paradoxes of research]. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. 272 p.
7. Shcherbakov S.V. *Integral'nyy analiz osnovnykh podkhodov k issledovaniyu sotsial'nogo intellekta* [Integral analysis of the main approaches to the study of social intelligence]. Ufa: RITs Bashkir State University Publ., 2010. 46 p.
8. Sudneva O.Yu., Karakulova O.V., Bogomaz S.A. Social intelligence in the structure of personal potential of first-year student. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2013, no. 48, pp. 118-126. (In Russian).
9. Matsuta V.V., Sudneva O.Yu., Bogomaz S.A. The role of intellectual and personal factors in achieving high performance in the USE in mathematics. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2014, no. 52, pp. 52-66. (In Russian).
10. Shcherbakov S.V. [Diagnostics of social intelligence of students]. *Aktual'nye voprosy fiziologii, psikhofiziologii i psikhologii: sb. nauch. st. Vseros. zaochnoy nauchn.–prakt. konf.* [Topical problems of physiology, psychology and psychophysiology. Proc. of the All-Russian distnace scientific-practical conference]. Ufa, 2010, pp. 122-126.
11. Koichu B. *Junior high school students' heuristic behaviors in mathematical problem solving*. Doctoral Dissertation. Technion, Haifa, 2003. Unpublished.
12. Bogomaz S.A. *Vzaimosvyaz' sotsial'nogo intellekta pervokursnikov s akademicheskim intellektom i lichnostnym potentsialom* [The connection of social intelligence of freshmen with academic intelligence and personal potentia]. In: Egorov A.G., Selivanov V.V. (eds.) *Psikhologiya kognitivnykh protsessov* [Psychology of cognitive processes]. Smolensk, 2013, pp. 154-160.
13. Rezul'taty EGE 2013 budut pereprovereny vyborochno [USE results in 2013 will be checked selectively]. EUSE and GIA: information and educational portal. Exam preparation. Available at: http://egeigia.ru/nowosti/1298-rezultaty-ege2013-budut-pereprovereny-vyborochno. (Accessed: 08th January 2013).

Received: April 02, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 212–220 DOI: 10.17223/15617793/383/33

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 553.041:553.08

О.В. Логвиненко, Т.В. Тимкин

ВЕЩЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ МИНЕРАЛООБРАЗОВАНИЯ РУДОПРОЯВЛЕНИЯ ЛОГ-26 ТОПОЛЬНИНСКОГО ЗОЛОТОРУДНОГО ПОЛЯ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

Изучен вещественный состав скарнов, руд и околорудных метасоматитов рудопроявления Лог-26 Топольнинского золоторудного поля (Горный Алтай). Выявлено два типа метасоматических изменений: скарны и апоскарновые пропилиты с образованием характерных породообразующих минеральных ассоциаций. Определена стадийность формирования рудной минерализации; определен химический состав и рассчитаны кристаллохимические формулы минералов (гранаты, пироксен, амфиболы, скаполиты, хлориты, кальцит). Сделаны выводы о принадлежности рудопроявления к золото-скарновой формации.

Ключевые слова: золоторудные месторождения; вещественный состав руд; Топольнинское рудное поле; Горный Алтай.

Введение. Золото-скарновые месторождения представляют самостоятельный геолого-промышленный тип месторождений золотых руд и вызывают повышенный интерес с начала прошлого века. Месторождения этого типа неоднократно изучались рядом авторов [1–7].

В результате ревизионно-поисковых (1951–1956 гг.) и поисковых работ (1996–2001 гг.) в пределах Топольнинского рудного поля локализованы перспективные золоторудные участки. Анализ проведенных работ предшественников показал, что необходимы детальные и систематические исследования на современном уровне с целью уточнения вещественного состава, генетических связей золотого оруденения с магматическими комплексами, изучения поведения элементов-примесей в рудах и минералах. В свою очередь, правильная интерпретация вышеописанных критериев может способствовать открытию в регионе новых объектов перспективного золото-скарнового типа.

В статье представлены данные минералогических, петрографических и минераграфических исследований минеральных комплексов рудопроявления Лог-26.

Краткая геологическая характеристика объекта. Топольнинское рудное поле расположено в Горном Алтае на северо-западной окраине Алтае-Саянского сектора Урало-Монгольского складчатого пояса. Золото-скарновые объекты размещаются в рудном поле площадью 80 км^2 и пространственно приурочены к экзоконтактам интрузий двух рудно-магматических систем: собственно Топольнинской (к ней пространственно относятся участки Баяниха, Сухая Грива) и Караминской (участки Лог-26, Рыбный Лог 1, Рыбный лог 2). Системы различаются магматической и рудной специализациями [5]. По данным [8] скарновые залежи представлены гранат-пироксеновой, гранат-волластонитовой, геденбергитовой, гранат-роговообманковой ассоциациями и метасоматическими изменениями скарнов эпидот-турмалинового, альбит-эпидот-кварцевого парагенезисов. Наложенная сульфидная составляющая имеет сходство с минерализацией Синюхинского рудного поля: пирит, халькопирит, борнит, халькозин [7, 8]. Золото выделялось в конце сульфидной стадии в тесном парагенезисе с кварцем III, тетрадимитом, алтаитом, редко самородным висмутом [7].

Для участка Лог-26 стратиграфический разрез представлен переслаиванием терригенно-осадочных пород полатинской (S_1 pl) и камышенской (D_1 km) свит. Породы смяты в крупную Топольнинскую синклиналь северо-западной ориентировки, прорванную в ядерной части гранитоидами. Скарнирование носит рассеянный характер, наложенная минерализация в наибольших концентрациях присутствует вблизи даек. Скарновые тела трубо- и линзообразной форм. Скарны имеют инфильтрационно-биметасоматическую природу и образуют полиминеральные прожилки и зоны [5].

Методика исследования. В рудном поле выполнена специализированная геологическая съемка и документация естественных и искусственных обнажений, горных выработок и керна скважин с отбором образцов и проб.

С использованием оптических методов анализа установлен вещественный состав, структурно-текстурное строение пород и руд, работы проводились с применением микроскопа Carl Zeiss Axio Imager.A2m.

Для идентификации тонковкрапленных и ультрамелких включений рудных минералов в сульфидах и метасоматитах использовано два способа с применением электронного микроскопа LEO-1430VP, MIRA 3LMU с системами микроанализа INCAEnergy 350, INCAEnergy 450+ и волновым спектрометром INCA Wave500 в Институте геологии и минералогии СО РАН (г. Новосибирск, аналитик М.В. Хлёстов).

1. Метод отраженных электронов, реализованный на растровом электронном микроскопе. Результатом исследований являются микрофотографии минералов и их энергодисперсионные спектры, позволяющие определять качественный химический состав минералов.

2. Исследования на микроанализаторе, позволяющем определять состав минерала в опробованной точке с точностью 0,001%. Полученные массовые концентрации пересчитываются в атомные количества, по которым затем определяется формула минерала. Исходя из состава спектров, полученных первым методом, круг определяемых элементов был ограничен следующим набором: Fe, Cu, Zn, As, Bi, Pb, S, Sb, Ag, Te.

По результатам построена парагенетическая схема последовательности формирования руд проявления Лог-26. Кристаллохимические формулы рассчитаны в

соответствии с методикой [9, 10] и номенклатурами [11, 12, 13].

Метасоматиты и их минералогическая характеристика. Наиболее детально изучались метасоматиты и рудные образования эталонного участка Лог-26, субстратом которых служат терригенно-осадочные и магматические породы (аргиллиты, алевролиты, известняки, в меньшей степени – диорит-порфириты).

По этим породам наблюдаются в основном два типа метасоматических изменений: скарны и апоскарновые пропилиты. Скарны проявлены широко на всей площади участка Лог-26, усиливаясь в зонах тектонической проработки. Изменения пропилитового типа более локальны и приурочены к периферии скарновых тел, что позволяет относить их к апоскарновым пропилитам [14]. Эти две стадии гидротермальных изменений обычно отражают преобладание в гидротермах магматической и метеорной воды соответственно [4, 15]. Мощность скарнированных зон варьирует от первых сантиметров до первых метров.

На фоне основной зеленоватой массы скарнов, сложенной темно-зеленым агрегатом сложного состава, развивается светло-кремовый гранат в виде гнездообразных скоплений и тонких прожилков-просечек; сами скарны согласны со слоистостью пород. Наблюдаются также тонкие просечки карбонат-кварцевого и кварцевого состава.

Минеральная ассоциация скарнов характеризуется присутствием кальциевых пироксенов ряда диопсид-геденбергит и кальциевых гранатов ряда гроссуляр-андрадит. Кроме того, отмечаются плагиоклазы, калиевые полевые шпаты, амфиболы ряда тремолит-актинолит, хлорит, эпидот, кальцит, в единичных случаях – скаполиты и волластонит. Акцессорные минералы – циркон, рутил, апатит, турмалин.

Под апоскарновыми пропилитами понимаются зеленокаменные гидротермально измененные породы, которые формируются в тех же структурах, что и скарны, часто являясь внешними оторочками скарнов. По составу выделены две фации пропилитов [14] – среднетемпературная эпидот-актинолитовая и средне-низкотемпературная эпидот-хлоритовая. На площади Топольнинского рудного поля преобладает эпидот-актинолитовая пропилитовая ассоциация. Внешне это зоны мелко- и среднезернистой структуры от травяно- до темнозеленого цвета.

Микроскопически актинолит отмечается в виде шестоватых и игольчатых агрегатов, среди которых наблюдаются изометричные, неправильные и призматические зерна эпидота. Последние иногда образуют сплошные скопления гранобластовой структуры.

Эпидот-хлоритовая ассоциация встречается спорадически и сменяет эпидот-актинолитовую по мере удаления от скарновых тел.

С апоскарновыми пропилитами связана рудная минерализация, представленная сульфидами (пирит, арсенопирит, пирротин, халькопирит, борнит, сфалерит, галенит, молибденит и др.), теллуридами и сульфотеллуридами свинца, висмута, серебра. Золото здесь встречается как с сульфидами, так и с теллуридно-сульфотеллуридно-сульфидной ассоциацией минералов.

Далее приведена краткая характеристики основных минералов метасоматитов.

Гранат образует как гипидиоморфные, так и идиоморфные или округлые зерна. Размер кристаллов варьирует от 0,1 мм до первых сантиметров. Отмечаются оптические аномалии: в скрещенных николях у зерен граната появляется серая интерференционная окраска и полисинтетические двойники. Такое секториальное двойниковое строение и анизотропия является типоморфными признаками скарновых гранатов. Максимальное содержание TiO_2 составляет 1,38%, что характерно для оксидно-железистых андрадитовых гранатов. По составу гранаты относятся к гроссуляр-андрадитовому ряду (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1

Формульные количества гранатов, пироксенов и амфиболов из метасоматитов участка Лог-26

Показатель	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Si	2,99	3,01	2,99	3,03	2,99	2,98	2,01	2,02	2,01	2,10	7,70	7,77	7,34
Ti	–	0,04	–	0,03	0,07	0,03	–	–	–	–	–	–	–
Al	0,16	0,42	1,72	1,48	0,78	1,26	–	–	–	0,06	0,52	0,40	1,12
Fe	1,87	1,59	0,32	0,50	1,22	0,81	0,18	0,81	0,42	0,76	1,68	2,55	1,98
Mn	–	–	–	–	0,02	–	0,02	0,08	0,04	0,02	0,04	0,08	0,04
Mg	–	–	–	–	–	–	0,81	0,13	0,56	0,54	3,16	2,29	2,57
Ca	2,98	2,94	2,96	2,95	2,92	2,92	0,98	0,96	0,97	0,52	1,94	1,93	1,96
Na	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,11
K	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,07
Альмандин	0,03	3,70	1,02	3,86	4,08	3,09							
Спессартин	–	–	–	–	0,64	–							
Шорломит	–	2,10	–	1,78	3,60	1,40							
Гроссуляр	7,26	18,56	84,43	74,69	35,31	59,45							
Андрадит	92,71	75,64	14,55	19,66	56,37	36,07							

Примечание. 1–6 – гранаты; 7–10 – пироксены; 11–13 – амфиболы.

Пироксен в шлифах бесцветен или имеет слабую зеленоватую окраску. Встречается в виде идиоморфных, изредка ксеноморфных зерен. В проходящем свете для него характерны высокие интерференционные окраски второго порядка, показатели преломления ng = 1,695–1,721. По химическому составу пироксен относится к диопсид-геденбергитовому ряду (см. табл. 1).

Кристаллы минералов группы *эпидота* (эпидот, клиноцоизит) имеют таблитчатый или короткопризматический габитус. Агрегаты шестоватые, зернистые. В шлифах клиноцоизит бесцветен, эпидот окрашен в желтовато-зелёный цвет и плеохроирует. Показатели преломления по ng колеблются от 1,734 у цоизита до 1,797 у эпидота, что корреспондирует воз-

растанию содержания железа от клиноцоизита к эпидоту. Кроме того, клиноцоизит оптически положительный, а эпидот – отрицательный. Отмечается приуроченность рудного вещества к зернам «эпидотов». Химический состав минералов этой группы представлен в табл. 2.

Таблица 2

Формульные количества эпидотов и клиноцоизитов из пропилитов участка Лог 26

Элемент	1	2	3	4	5	6	7	8
Si	3,01	3,03	2,98	3,01	3,42	3,52	3,57	3,47
Al	1,09	1,13	1,17	1,10	1,15	1,08	1,05	1,12
Fe	0,84	0,74	0,72	0,86	0,03	0,11	0,16	0,03
Ca	1,97	1,96	1,97	1,93	2,25	2,20	2,18	2,26

Примечание. 1–4 – эпидоты; 5–8 – клиноцоизиты; TiO_2, MgO, MnO, Na_2O, Cr_2O_3 – ниже пределов обнаружения.

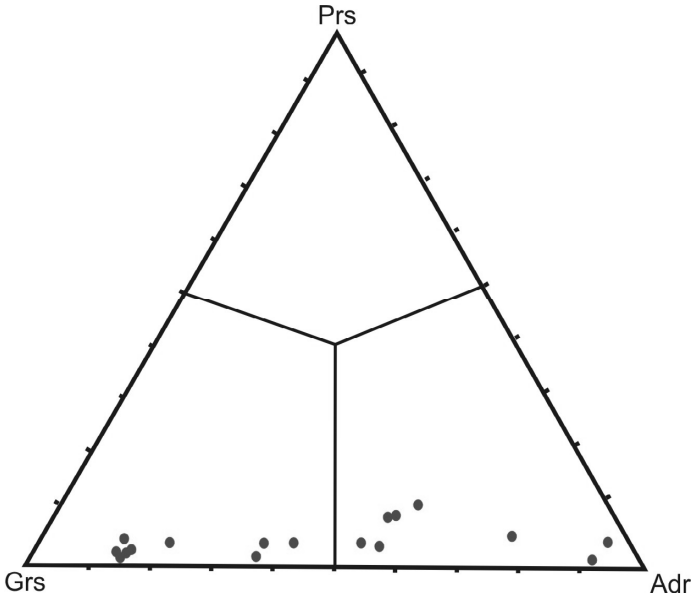


Рис. 1. Вариации составов граната из известковых скарноидов участка Лог-26. Grs – гроссуляр; Adr – андрадит; Prs – пиральспит

Амфиболы образуют длиннопризматические и игольчатые выделения с характерной совершенной спайностью под углом 56°. В шлифах по интерференционной окраске различаются две разновидности минерала – бесцветные кристаллы и имеющие бурую окраску. Отмечается цементация зерен амфибола пирротином. Согласно классификации [11] по своему химическому составу все исследованные амфиболы относятся к актинолит-ферроактинолитам, одно зерно попадает в область магнезиальной роговой обманки (см. табл. 1, рис. 2, *а*).

Магнезиальность амфиболов (Mg/(Mg+Fe)*100) варьирует от 34 до 65.

Скаполит был обнаружен рентгеноспектральным анализом. По химическому составу отвечает мейониту (табл. 3).

Для *хлоритов* характерны сноповидные и чешуйчатые агрегаты. Оптически выделены две разновидности хлоритов, отличающиеся интерференционной окраской, – это буро-зеленые и чернильно-синие агрегаты. Хлорит присутствует в виде мелких чешуй в основной массе, реже в прожилках. Крупные выделения крайне редки. Железистость хлоритов варьирует от 0,3 до 0,6 (см. табл. 4, рис. 2, *б*).

Кальцит встречается в виде среднезернистых агрегатов. Для него характерно наличие полисинтетических двойников. Состав соответствует чистому кальциту без значительных примесей MgO и FeO.

Продуктивные минеральные ассоциации. Руды золотопроявления Лог-26 представлены убого-вкрапленной минерализацией. Рудообразующие минералы представлены структурами отложения (гипидиоморфно- и аллотриоморфнометазернистая), распада твердых растворов (эмульсионная и пластинчатая), замещения (коррозионная) и давления (катакластическая). Руды сложены пятью продуктивными минеральными комплексами (стадиями), внутри которых выделены отдельные ступени по результатам минераграфического, структурно-текстурного и рентгеноспектрального анализов (см. табл. 5).

Изучались образцы сульфидизированных актинолит-эпидотовых, хлорит-эпидотовых метасоматитов (апоскарновых пропилитов) и скарнов из золотоносных зон участка Лог-26.

Таблица 3

Формульные количества скаполитов из пропилитов участка Лог-26

Элемент	1	2	3	4	5	6
Si	6,92	6,96	6,96	6,94	6,89	6,83
Al	4,57	4,50	4,51	4,53	4,57	4,56
Fe	0,05	0,00	0,00	0,04	0,05	0,05
Ca	4,47	4,54	4,53	4,48	4,49	4,56

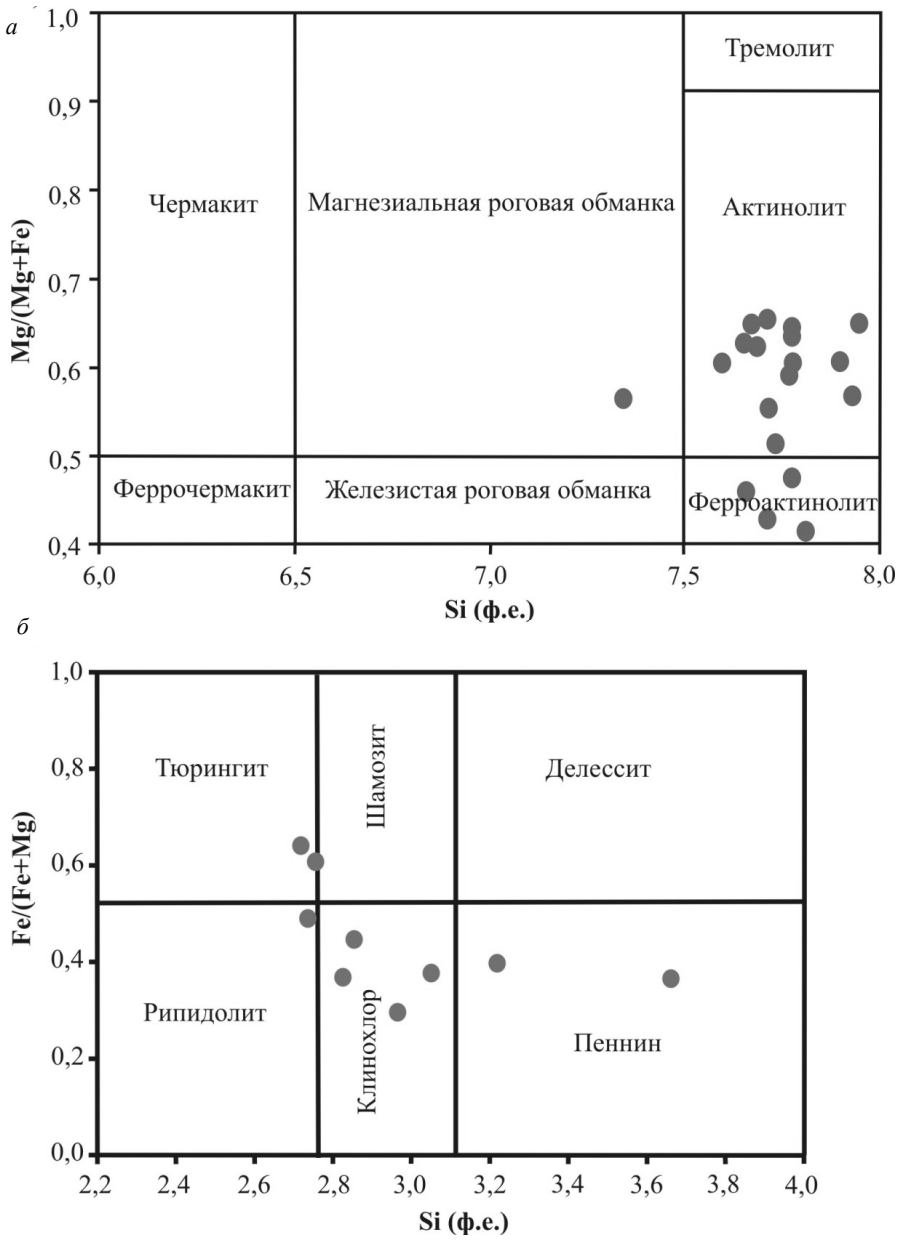


Рис. 2. Положение исследованных амфиболов (*а*) и хлоритов (*б*) на классификационных диаграммах по [11]

Таблица 4

Формульные количества хлоритов из пропилитов участка Лог-26

Элемент	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Si	2,73	3,66	2,82	2,85	3,05	2,96	2,75	2,71	3,21
Ti	–	–	–	–	–	–	–	–	0,03
Al	2,55	1,93	2,37	2,38	2,25	2,33	2,69	2,75	2,64
Fe	2,32	1,62	1,75	2,14	1,75	1,40	2,74	2,90	1,59
Mn	0,03	–	0,03	0,04	–	–	0,05	0,04	–
Mg	2,37	2,73	2,96	2,58	2,87	3,27	1,77	1,60	2,35
Ca	–	0,06	–	–	–	0,04	–	–	–
Na	–	–	0,07	–	0,07	–	–	–	–
K	–	–	–	–	–	–	–	–	0,18

Примечание. Кристаллохимические формулы хлоритов рассчитаны на 10 катионов согласно формуле $(Mg,Al,Fe)_{5-6}(Si,Al)_4O_{10}(OH)_8$ [9].

Результаты проведенных исследований в целом сводятся к следующему.

В составе гидротермальной рудной минерализации участка преобладает пирит, который часто замещается и цементируется арсенопиритом. В участках максимальной интенсивности проявления гидротермального процесса широко развиты минералы позднего полиметаллического парагенезиса: пирротин, галенит, сфалерит, халькопирит, блеклая руда, а также наиболее поздняя теллуридно-сульфосольная ассоциация.

Ранняя высокотемпературная стадия представлена арсенопирит-(молибденит)-пиритовой ассоциацией. В эту стадию происходило отложение следующих минералов:

Пирит относится к числу ранних новообразованных минералов и является вторым после пирротина по распространенности минералом в рудах проявления Лог-26. Его количество от рудных минералов достигает 30%. Для пирита отмечаются различные формы выделения. Для него характерны мелко- и крупнозернистые агрегаты правильной кристаллографической формы, метакристаллы, прожилки. Кристаллы в большинстве случаев раздроблены, катаклазированы. По данным оптического изучения взаимоотношений сульфидов выделена одна генерация пирита.

Таблица 5

Формульные коэффициенты сульфидов и теллуридов рудопроявления Лог-26

№ рис.	№ Сп	S	Fe	Co	Ni	Sb	As	Cu	Mo	Te	Pb	Bi	Ag	Au	Минерал
3	3	1,67	–	–	–	–	–	–	1,00	–	–	–	–		Молибденит MoS_2
4	1	1,00	–	–	–	–	–	–	–	2,02	–	2,04	–		Тетрадимит Bi_2Te_2S
4	2	–	–	–	–	–	–	–	–	1,00	–	1,02	–		Цумоит BiTe
4	3	1,0	0,86	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–		Пирротин II FeS
4	4	1,0	0,87	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–		
6	1	1,98	1,00	–	–	–	–	0,97	–	–	–	–	–		Халькопирит $FeCuS_2$
6	4	0,22	0,04	–	–	–	–	0,04	–	1,00	0,18	0,15	1,81		Гессит Ag_2Te
6	5	3,02	0,72	1,00	1,21	–	3,49	0,10	–	–	–	–	–		Герсдорфит (Fe,Ni,Co)AsS
6	7	2,71	0,62	1,00	0,96	–	3,07	–	–	–	–	–	–		
6	9	2,81	0,68	1,00	1,03	–	3,17	–	–	–	–	–	–		
6	6	1,00	0,04	0,04	0,02	–	–	–	–	–	1,0	–	–		Галенит PbS
6	8	0,35	0,17	–	–	–	–	0,25	–	1,0	–	2,50	1,18		Волынскит (AgBiTe) с самородным висмутом(?)

Примечание к таблицам и фотографиям. Аншлифы проанализированы на электронных сканирующих микроскопах LEO-1430VP, MIRA 3LMU с системами микроанализа INCAEnergy 350, INCAEnergy 450+ и волновым спектрометром INCA Wave500 в Институте геологии и минералогии СО РАН (г. Новосибирск, аналитик М.В. Хлёстов). Сп – номер спектра на рисунке.

Содержание *арсенопирита* в рудах достигает 15% от общего числа сульфидов, в отдельных образцах он может быть одним из основных минералов. Анализ взаимоотношений арсенопирита с другими сульфидами, а также данные рентгеноспектрального анализа показали, что в рудах присутствует одна генерация минерала. Арсенопирит отмечается в виде идиоморфных, часто раздробленных и деформированных агрегатов, которые встречаются в ассоциации с галенитом, пиритом, халькопиритом и пирротином. Нередко образует коленчатые двойники и двойные прорастания. Часто полости в арсенопирите заполнены сфалеритом.

Пирит и арсенопирит не встречены в парагенезисе с *молибденитом*, что затрудняет определение их временных взаимоотношений. По аналогии с другими месторождениями предполагается, что молибденит образован в ту же стадию, но пространственно обособлен, что отражает температурную зональность отложения минерализации [7, 17]. Нередко в молибдените отмечаются прожилки и включения золота (см. рис. 3).

Вторая стадия представлена галенит-сфалерит-халькопирит-пирротиновой (полиметаллической) ассоциацией. Внутри этой стадии выделяется 4 ступени: пирротиновая, халькопиритовая, сфалерит-галенитовая и борнитовая.

Рудоотложение этой стадии начиналось с пирротина I. Его содержание относительно рудных минералов от 5 до 90%. Характеризуется светло-желтым цветом с коричневато-кремовым оттенком, высокой отражательной способностью. Пирротин I представлен гексагональной разновидностью, о чем свидетельствуют находки сечений кристаллов пирротина гексагонального облика, а также сильная анизотропия в скрещенных николях. Для пирротина I характерны скопления разнозернистых агрегатов вместе с другими рудными минералами. Пирротин I нередко цементирует раздробленные кристаллы арсенопирита. Наблюдаются микровключения зерен пирротина в сфалерите. По данным рентгеноспектрального анализа зафиксированы также микровключения пирротина II вместе с цумоитом в виде реакционной каймы вокруг тетрадимита, на контактах его с хлоритом (см. рис. 4).

Халькопирит часто наблюдается в ассоциации со сфалеритом, галенитом и пирротином (см. рис. 5). Для него характерны разнообразные по форме включения в сфалерите. Выделены две генерации халькопирита. Халькопирит I ассоциирует с пирротином, пиритом, арсенопиритом. Халькопирит II проявлен в виде эмульсий в сфалерите, которые имеют самые разнообразные формы: округлые, точечные, идиоморфные, нитевидные и др. Размеры этих включений варьируются от микроскопических до 1–2 мм, и нередко содержание их достигает до 30% площади зерна сфалерита. Детальные микроскопические исследования характера распределения включений халькопирита в сфалерите показывают, что они могли возникнуть как продукты распада твердого раствора.

Борнитовая ступень наблюдается непостоянно в силу относительной редкости борнита в рудах участка Лог-26. В ассоциации с ним отмечается присутствие до 1% алтаита.

Внутри перечисленных четырех ступеней нет признаков дробления и коррозии, контакты между минералами ровные.

В составе третьей стадии нами установлены алтаит, раклиджит, цумоит, гессит, тетрадимит, тетраэдрит, самородный висмут, герсдорфит, ульманит, кобальтин (раклиджит, цумоит, гессит, герсдорфит, ульманит и кобальтин впервые для рудного узла), которые пространственно дистанцируются от полиметаллического

парагенезиса. Эти минералы в основном образуют скопления в пустотах агрегатов вышеописанных ассоциаций, а также тонкие прожилки и просечки, залечивая трещины дробления (рис. 6). Секущих взаимоотношений между минералами внутри данной стадии не установлено.

Рудообразование завершается образованием маломощных (до 1,5 см) прожилков кварц-карбонатного состава, секущих основную массу скарнированных и пропилитизированных пород.

В гипергенный этап первичные сульфидные минералы подверглись окислению с образованием плёнок, примазок, охр и прожилков лимонита, малахита и азурита.

По результатам исследований построена рабочая схема последовательности минералообразования участка Лог-26 (см. рис. 7).

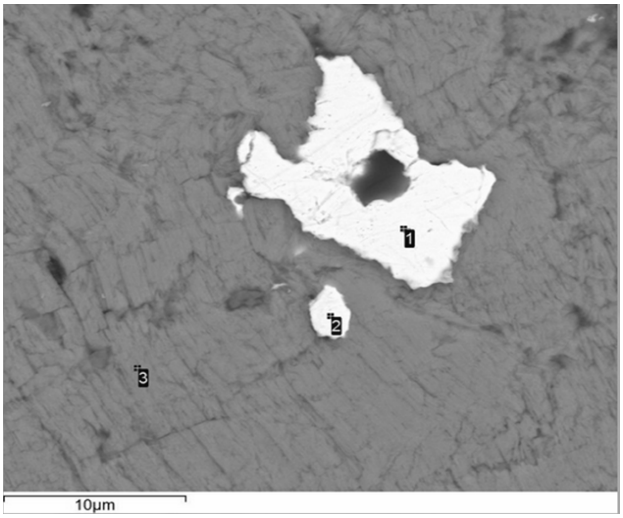


Рис. 3. Формы выделения золота в молибдените: *1–2* – золото (85,8%); *3* – молибденит. Изображение в обратно рассеянных электронах

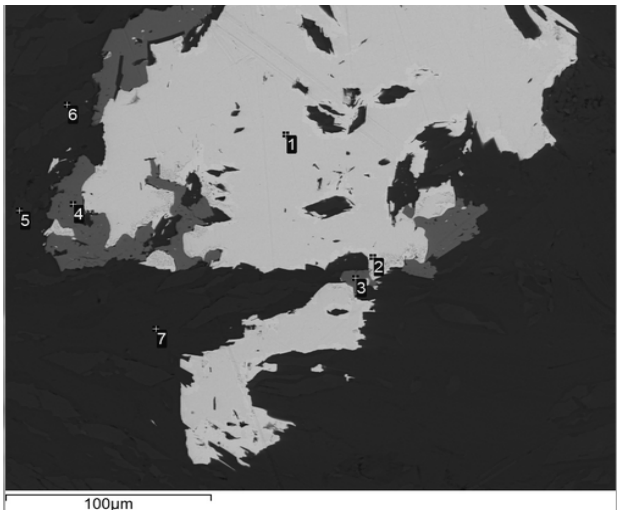


Рис. 4. Формы выделения тетрадимита и цумоита в рудах участка Лог-26: *1* – тетрадимит; *2* – цумоит; *3, 4* – пирротин II; *5, 6* – амфибол; *7* – хлорит. Изображение в обратно рассеянных электронах

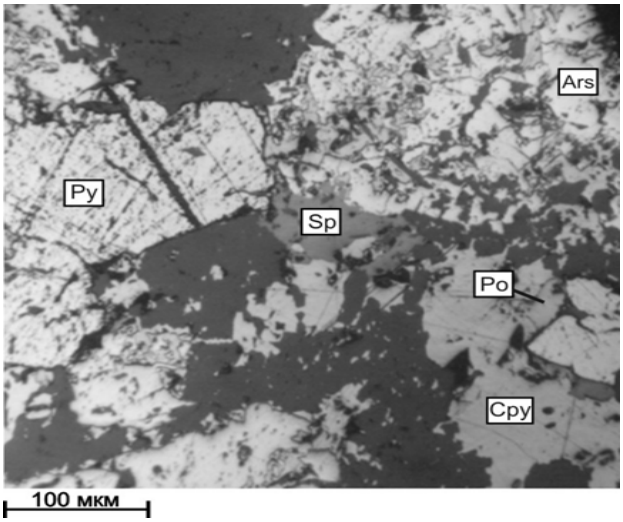


Рис. 5. Взаимоотношения сульфидов участка Лог-26: пирротин (Po), халькопирит (Cpy) и сфалерит (Sp) цементируют раздробленные кристаллы арсенопирита (Ars) и пирита (Py). Обр. № С-2/195,6 м × 100

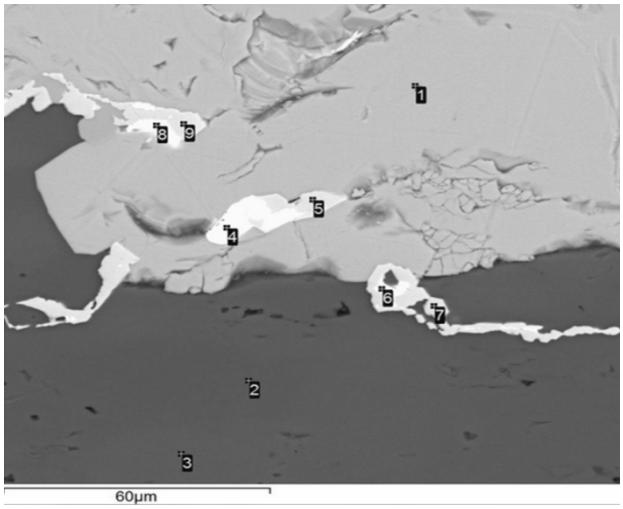
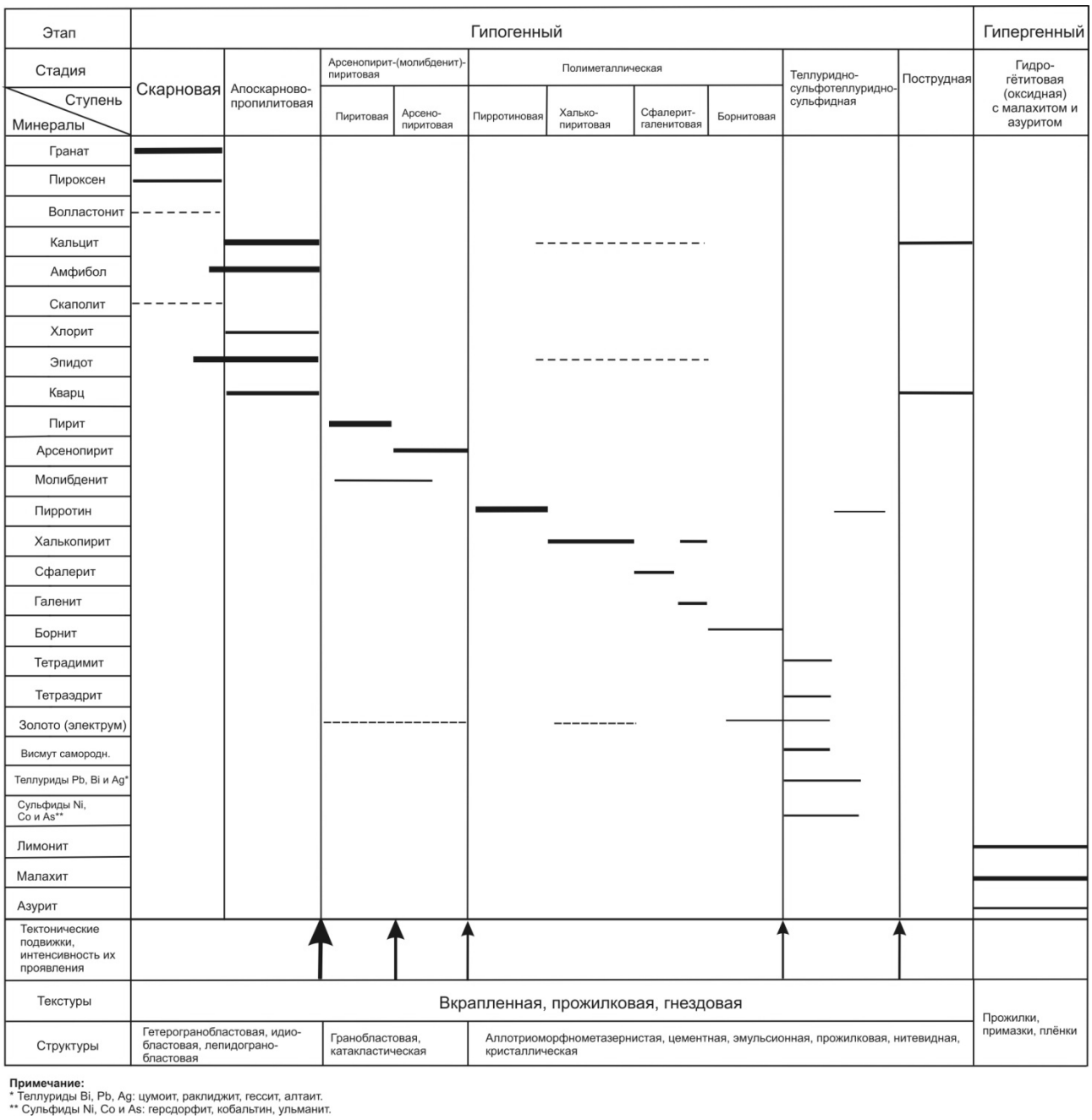


Рис. 6. Взаимоотношения сульфидов участка Лог-26: *1* – халькопирит; *2, 3* – кальцит; *4* – гессит; *5, 7, 9* – герсдорфит; *6* – галенит; *8* – волынскит с самородным висмутом (?). Изображение в обратно рассеянных электронах

Обсуждение результатов и выводы. В пределах рудопроявления Лог-26 Топольнинского золоторудного поля выявлено два типа метасоматических новообразований – скарны и апоскарновые пропилиты. Для скарнов характерен гранат-пироксеновый состав, для апоскарновых пропилитов – эпидот-актинолитовый и эпидот-хлоритовый.

Полученные данные согласуются с результатами по другим объектам-аналогам (Синюхинское, Майско-Лебедское рудное поле), в пределах которых отмечаются аналогичные ряды околорудных изменений и общая последовательность рудоотложения. Для этих месторождений характерны образование на раннем этапе скарнов, затем при понижении температуры и эволюции раствора формирование околоскарновых пропилитов, березитов, аргиллизитов (?) с сопутствующей им сульфидной минерализацией (золото-магнетит-сульфидная, золото-полиметаллическая с теллуридами, кварц-карбонатная) [8, 16, 18].



Примечание:
* Теллуриды Bi, Pb, Ag: цумоит, раклиджит, гессит, алтаит.
** Сульфиды Ni, Co и As: герсдорфит, кобальтин, ульманит.

Рис. 7. Схема последовательности минералообразования участка Лог-26 (Топольнинское рудное поле, Алтайский край)

Для рудопроявления Лог-26 нами выделены семь продуктивных стадий минерализации: скарновая и апоскарново-пропилитовая (эпидот-актинолитовая и хлорит-эпидотовая ассоциации), три рудообразующие стадии (арсенопирит-молибденит-пиритовая, полиметаллическая и теллуридно-сульфотеллуридно-сульфидная). На завершающих стадиях образовались кварц-карбонатные прожилки и гипергенные карбонаты (лимонит, малахит, азурит).

Очевидно, что установленные закономерности образований минеральных ассоциаций свидетельствуют о принадлежности рассматриваемого рудопроявления Лог-26 к группе перспективных месторождений золото-скарновой формации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ворошилов В.Г.* Поисковая геолого-геохимическая модель золото-скарновых месторождений Южной Сибири // Разведка и охрана недр. 2009. № 5. С. 37–41.
2. *Столбова Н.Ф.* Минералогия и генезис Лебедской золотоносной скарновой зоны : дис. … канд. геол.-минерал. наук. Томск, 1970. 390 с.
3. *Коробейников А.Ф.* Закономерности формирования месторождений золото-скарновой формации // Скарны и руды. Новосибирск, 1983. С. 50–55.
4. *Einaudi M.T., Meinert L.D., Newberry R.J.* Skarn deposits // Economic geology 75th anniversary volume. 1981. P. 317–391.
5. *Гусев А.И.* Петрология и рудоносность магмо-рудно-метасоматических систем Солонешенского рудного района Алтая. Бийск : АГАО им. В.М. Шукшина, 2013. 205 с.

6. *Вахрушев В.А.* Минералогия, геохимия и образование месторождений скарново-золоторудной формации. Новосибирск : Наука, 1972. 238 с.
7. *Ворошилов В.Г.* Аномальные структуры геохимических полей гидротермальных месторождений золота: механизм формирования, методика геометризации, типовые модели, прогноз масштабности оруденения // Геология рудных месторождений. 2009. Т. 51, № 1. С. 3–19.
8. *Гусев А.И.* Металлогения золота Горного Алтая и юга Горной Шории : дис. ... д-ра геол.-минерал. наук. Томск, 2006. 259 с.
9. *Борнеман-Старынкевич И.Д.* Руководство по расчету формул минералов. М. : Наука, 1964. 224 с.
10. *Доливо-Добровольский В.В.* Физическая химия геологических процессов. Методы физико-химических расчетов процессов минералообразования. СПб. : Санкт-Петербурский горный институт, 2002. 70 с.
11. *Leake B.E., Woolley A.R., Birch W.D., Burke E.A.J., Ferraris G., Grice J.D., Hawthorne F.C., Kisch H.J., Krivovichev V.G., Schumacher J.C., Stephenson N.C.N., and Whittaker E.J.W.* Nomenclature of amphiboles: Additions and revisions to the International Mineralogical Association's amphibole nomenclature // American Mineralogist. 2004. Vol. 89. P. 883–887.
12. *Morimoto N., Fabries J., Ferguson A.K., Ginsburg J.V., Ross M., Seifert F.A., Zussmann J.* Nomenclature of pyroxens // Min. mag. 1988. Vol. 52. P. 535–550.
13. *Armbruster T., Bonazzi P., Akasaka M., Bermanec V., Chopin C., Gieré R., Heuss-Assbichler S., Liebscher A., Menchetti S., Pan Y., Pasero.* Recommended nomenclature of epidote-group minerals // European Journal of Mineralogy. 2006. Vol. 18. P. 551–567.
14. *Методика* изучения гидротермально-метасоматических образований / Е.В. Плющев [и др.]. Л. : Недра, 1981. 262 с.
15. *Ali Asghar Calagari, Ghader Hosseinzadeh.* The mineralogy of copper-bearing skarn to the east of the Sungun-Chay river, East-Azarbaidjan, Iran // Journal of Asian Earth Sciences. 2000. Vol. 28. P. 423–438.
16. *Коротких С.А., Ворошилов В.Г.* Геолого-структурные критерии локализации золотого и волластонитового оруденения Синюхинского рудного поля (Горный Алтай) // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319, № 1. С. 58–63.
17. *Ворошилов В.Г., Ананьев Ю.С.* Механизмы формирования и методы выявления разноранговых аномальных геохимических полей // Разведка и охрана недр. 2013. № 8. С. 41–45.
18. *Тимкин Т.В.* Эндогенная рудно-метасоматичесая зональность Майско-Лебедского золоторудного поля // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 320, № 1. С. 55–63.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 3 февраля 2014 г.

THE MINERALOGY AND PARAGENETIC SEQUENCE OF MINERALS PRESENT IN LOG-26 ORE FIELD OF THE TOPOLNINSKOE GOLD AREA (GORNY ALTAI)

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 212-220. DOI: 10.17223/15617793/383/33
Logvinenko Olesya V, Timkin Timofey V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: kzzz@inbox.ru
Key words: gold deposits; mineralogy of ore; Topolninskoe gold area; Gorny Altai.

Log-26 ore field is located in the Topolninskoe area which is situated in Gorny Altai within the Ural-Mongolian mountain belt. Paragenetic and textural studies have established seven productive stages of mineralization of ores of Log-26 field. Early prograde skarn and late retrograde metasomatites are widespread in the area of Log-26 with increase in fault zones. Metasomatites of epidote-actinolite and chlorite-epidote facies form caps in the periphery of skarn bodies. The skarns are composed of clinopyroxene, garnet, calcic amphiboles (ferroactinolite, actinolite and magnesiohornblende), wollastonite, plagioclase, potash feldspar, epidote (clinozoisite, epidote), scapolite, chlorite and calcite. Garnets are grossular-andradite with 0.03 to 4.72 mol% piralspite, whereas pyroxenes are hedenbergitic to diopsidic in composition. Fine sulfide mineralization is concentrated in hydrothermally altered rocks. The research has shown that ores are formed in three mineral stages: arsenopyrite-molybdenite-pyrite, polymetallic and telluride-sulfotelluride-sulfide. For the first time, such minerals as rucklidgeite, tsumoite, hessite, gersdorffite, ullmannite and cobaltite (telluride-sulfotelluride-sulfide stage) have been detected in this area. Late stages are represented by quartz-carbonate cross-cutting veinlets and hypergene carbonates (limonite, malachite, azyrite). Native gold and electrum prevail in molybdenite, bornite and are associated with telluride minerals as fine-grained inclusions; grain size varies from 5 to 20 μm. As a result of this study the paragenetic scheme was made. The chemical composition and crystallochemical formulas were determined for all silicates and opague minerals. The results obtained are in concordance with the data received from similar ore fields (Sinyukhinskoe, Maysko-Lebedskoe). These fields show similar series of hydrothermally altered rocks such as early prograde skarns and late retrograde alterations of propilitic, beresite and argillisite facies. Sulfide mineralization forms gold-magnetite-sulfide, gold-polymetallic with tellurides and quartz-carbonate assemblages. The referred facts evidence the relation of the examined Log-26 ore filed to the group of perspective gold-bearing skarn formations.

REFERENCES

1. Voroshilov V.G. Search geological-geochemical model of the gold-skarn deposits of South Siberia**.** *Razvedka i okhrana nedr – Prospect and protection of mineral resources***,** 2009, no. 5, pp. 37-41. (In Russian).
2. Stolbova N. F. *Mineralogiya i genezis Lebedskoy zolotonosnoy skarnovoy zony*: dis. kand. geol.-min. nauk [Mineralogy and genesis of Lebedskaya gold-bearing skarn zone. Geology and Mineralogy Cand. Diss.]. Tomsk, 1970. 390 p.
3. Korobeynikov A.F. *Zakonomernosti formirovaniya mestorozhdeniy zoloto-skarnovoy formatsii* [Laws of deposit formation of gold-skarn formation]. In: Kuznetsov V.A. (ed.) *Skarny i rudy* [Skarns and ores]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983, pp. 50-55.
4. Einaudi M.T., Meinert L.D., Newberry R.J. *Skarn deposits*. In: Skinner B.J. (ed.) *Seventy-fifth anniversary volume*. New Haven: the Economic Geography Publishing Company, 1981, pp. 317-391.
5. Gusev A.I. *Petrologiya i rudonosnost' magmo-rudno-metasomaticheskikh sistem Soloneshenskogo rudnogo rayona Altaya* [Petrology and ore-bearing of magmatic ore-metasomatic systems of Soloneshensky ore region of Altai]. Biysk: AGAO im. V.M. Shukshina Publ., 2013. 205 p.
6. Vakhrushev V.A. Mineralogiya, geokhimiya i obrazovanie mestorozhdeniy skarnovo-zolotorudnoy formatsii [Mineralogy, geochemistry and formation of deposits of gold skarn formation]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1972. 238 p.
7. Voroshilov V.G. Anomal'nye struktury geokhimicheskikh poley gidrotermal'nykh mestorozhdeniy zolota: mekhanizm formirovaniya, metodika geometrizatsii, tipovye modeli, prognoz masshtabnosti orudeneniya [Abnormal structures of geochemical fields of hydrothermal gold deposits: formation mechanism, methods of geometrization, typical models, ore mineralization grade]. *Geologiya rudnykh mestorozhdeniy – Geology of Ore Deposits*, 2009, vol. 51, no. 1, pp. 3-19.
8. Gusev A.I. *Metallogeniya zolota Gornogo Altaya i yuga Gornoy Shorii*: dis. dok. geologo-mineralogicheskikh nauk [Gold metallogeny of the Altai Mountains and the Southern Highlands of Shoria. Geology and Mineralogy Doc. Diss.]. Tomsk, 2006. 259 p.

9. Borneman-Starynkevich I.D. *Rukovodstvo po raschetu formul mineralov* [Guidance on the calculation of formulas of minerals]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 224 p.
10. Dolivo-Dobrovol'skiy V.V. *Fizicheskaya khimiya geologicheskikh protsessov. Metody fiziko-khimicheskikh raschetov protsessov mineraloobrazovaniya* [Physical chemistry of geological processes. Physical-chemical calculations of mineral processes]. St. Petersburg: Sankt-Peterburg Mountain Institute Publ., 2002. 70 p.
11. Leake B.E., Woolley A.R., Birch W.D., Burke E.A.J., Ferraris G., Grice J.D., Hawthorne F.C., Kisch H.J., Krivovichev V.G., Schumacher J.C., Stephenson N.C.N., Whittaker E.J.W. Nomenclature of amphiboles: Additions and revisions to the International Mineralogical Association's amphibole nomenclature. *American Mineralogist*, 2004, vol. 89, pp. 883-887.
12. Morimoto N., Fabries J., Ferguson A.K., Ginsburg J.V., Ross M., Seifert F.A., Zussmann J. Nomenclature of pyroxens. *Mineralogical magazine*, 1988, vol. 52, no. 367, pp. 535-550. DOI: 10.1180/minmag.1988.052.367.15
13. Armbruster T., Bonazzi P., Akasaka M., Bermanec V., Chopin C., Gieré R., Heuss-Assbichler S., Liebscher A., Menchetti S., Pan Y., Pasero. Recommended nomenclature of epidote-group minerals. *European Journal of Mineralogy*, 2006, vol. 18, pp. 551-567. DOI: 10.1127/0935-1221/2006/0018-0551
14. Plyushchev E.V., Ushakov O.P., Shatov G.P., Belyaev G.M. *Metodika izucheniya gidrotermal'no-metasomaticheskikh obrazovaniy* [Method for studying hydrothermal-metasomatic formations]. Leningrad: Nedra Publ., 1981. 262 p.
15. Ali Asghar Calagari, Ghader Hosseinzadeh. The mineralogy of copper-bearing skarn to the east of the Sungun-Chay river, East-Azarbaidjan, Iran. *Journal of Asian Earth Sciences*, 2006, vol. 28, pp. 423-438. DOI: 10.1016/j.jseaes.2005.11.009
16. Korotkikh S.A., Voroshilov V.G. Geologo-strukturnye kriterii lokalizatsii zolotogo i vollastonitovogo orudeneniya Sinyukhinskogo rudnogo polya (Gornyy Altay) [Geological and structural criteria and localization of gold and vollastonite mineralization in Sinyuhinsky ore field (Gorny Altai)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*, 2011, vol. 319, no. 1, pp. 58-63.
17. Voroshilov V. G., Anan'ev Yu.S. The formation mechanisms and detection methods of multi-faceted anomalous geochemical fields. *Razvedka i okhrana nedr – Prospect and protection of mineral resources*, 2013, no. 8, pp. 41-45. (In Russian).
18. Timkin T.V. Endogenous ore6metasomatic zonality of Maysk-Lebedsk gold ore field. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 320, no.1, pp. 55-63. (In Russian).

Received: February 03, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 221–226 DOI: 10.17223/15617793/383/34

УДК 551.243.6+553.3/.9

А.Н. Митрохин, В.П. Уткин, П.Л. Неволин

МОРФОЛОГИЯ, КИНЕМАТИКА И ДИНАМИКА ОПЕРЯЮЩИХ РАЗРЫВОВ КАК ПОИСКОВО-РАЗВЕДОЧНЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЖИЛЬНЫХ И ШТОКВЕРКОВЫХ ТЕЛ

Работа выполнена при финансовой поддержке ДВО РАН (проекты № 12-III-А-08-153, 12-III-А-08-157).

Рассматриваются особенности морфокинематики и структурно-динамической организации систем оперяющих разрывов и их сочетаний с материнскими разломами в зонах транспрессии и транстенсии применительно к прикладным задачам поисковой и разведочной геологии. Показано, что наблюдаемая устойчивая в геолого-геометрическом отношении пространственно-временная и генетическая упорядоченность таких структурных ансамблей позволяет более целенаправленно и эффективно решать задачи поисков, прослеживания увязки и оконтуривания рудных тел и их ассоциаций, а также локального прогнозирования оруденения в пределах жильных и штокверковых месторождений и рудопроявлений различного генезиса.

Ключевые слова: жилы; штокверки; дайки; рудоносные дуплексы; транстенсия; транспрессия; материнский разлом; динамозональность.

Оперяющие разрывы трактуются как эффект транспрессивного или транстенсивного действия или взаимодействия магистральных (материнских) разломов [1–12 и др.] (см. рис. 1). Такой подход к разломам, при котором они выступают не как пассивные геологические агенты, а как активные регуляторы (а где и генераторы) инициирующих напряжений, остается одним из самых продуктивных направлений современной структурной геологии, равно как и тектонофизики.

Цель работы – рассмотреть некоторые прикладные следствия очерченного подхода, призванные помочь геологам – поисковикам и разведчикам – в их практической работе по прослеживанию и оконтуриванию рудных объектов жильного и штокверкового типа, которые в значительной своей части приурочены как раз к зонам при- и межразломного растяжения (транстенсии) или сжатия (транспрессии). Красноречивыми примерами этому могут служить сдвиговые позднепалеозойские магматические дуплексы[1] растяжения Прибалхашья [13], рудоносные в Узбекистане (Мурунтау) [14], меловые рудоносные и рудно-магматические дуплексы растяжения и сжатия Амуро-Уссурийского региона [14–17 и др.] (см. рис. 1, *В–Д*), Верхоянского складчато-надвигового пояса [18 и др.], Урала [19 и др.], Канады [20], которые вмещают в себя крупные (а подчас и уникальные) месторождения.

Перечисленные объекты, представленные обычно многостадийным жильно-штокверковым оруденением зачастую в ассоциации с многофазными интрузивно-дайковыми комплексами, указывают на один из поисковых критериев. А именно: обнаружение хотя бы небольшой серии тесно сближенных (часто субпараллельных) жильных тел (да еще и вкупе с дайковыми), нередко в ассоциации с прожилково-вкрапленной минерализацией между ними, – верный признак того, что мы имеем дело с системой оперения, развитой на достаточно большой площади, но с ограничением по простиранию / падению одним или двумя магистральными разломами. Последние могут оказаться также рудовмещающими. Углы отклонения оперяющих разрывов от материнских давно известны и составляют 20–60° [1–3, 14–16 и др.] (рис. 1, *А–В*). Так что на стадии поисков весьма целесообразно применение первоначально площадных геохимических работ с сетью, оптимально учитывающей геолого-структурную обстановку, с последующей заверкой аномалий и отбивкой тел магистральными канавами параллельно и вкрест материнским разломам (в том числе и предполагаемым) с целью выявления всей полосы развития оконтуриваемой структуры оперения. Причем следует учитывать, что проявление этих структур носит обычно систематический характер в виде разноранговых сочетаний с разрывами магистральной системы (дуплексов) по типу скол-раздвиг или скол-надвиг / взброс (часто с фиксированным шагом) [1–3, 14–17 и др.], что важно для оценки рудоносности и стратегии поисков на сопредельных площадях.

При оконтуривании тел и увязывании подсечений в пределах отдельно взятой структуры оперения или смыкания (дуплекса) следует учитывать, что скорее всего оно будет представлять собой отнюдь не хаотичный набор разноориентированных трещин отрыва / сплющивания, выполненных жилами и дайками произвольной морфологии, как это представляется и поныне.

Напротив, морфология жильного либо дайкового тела демонстрирует здесь четкое соответствие кинематике вмещающего его разрыва оперения. Так, пережимы тела приурочены к сколовым звеньям, а раздувы – к граням приоткрывания разрыва (см. рис. 1, *В–Д*). Это же справедливо и для материнских рудовмещающих разрывов (рис. 1, *В*). Как показывает, например, детальное изучение рудных объектов Сихотэ-Алиня [14–17, 21–25 и др.], такое явление – в сущности, неотъемлемое свойство рудо- и магмовмещающих разрывов любого генезиса и ранга, настолько широко оно распространено.

В свою очередь, сама кинематика оперяющих разрывов, равно как и их построение в пространстве, отражает характер перестройки полей напряжений в зонах транстенсии и транспрессии в процессе движения по материнским разломам. В частности, в зонах транстенсии (наиболее благоприятных для рудоотложения) пространственно-кинематическая инфраструктура оперения определяется последовательным формированием до четырех генераций дочерних оперяющих разрывов или трансформацией в них сети раннего заложения, которые

образуют генетическую цепь (рис. 1, *Б*), отвечающую широко известной структурно-динамической схеме Дж.Д. Муди и М.Дж. Хилла [14–16 и др.], когда инициирующие напряжения вследствие транстенсии постепенно искривляются от исходного направления до нормали к материнскому сдвигу. Оперяющие же разрывы зон транспрессии тоже имеют свою специфическую возрастную и иерархическую соподчиненность, которая отражает переориентацию траекторий инициирующего сжатия с первоначального состояния до параллельного направлению сдвигания [1–7, 9, 12, 25 и др.] (рис. 1, *А*).

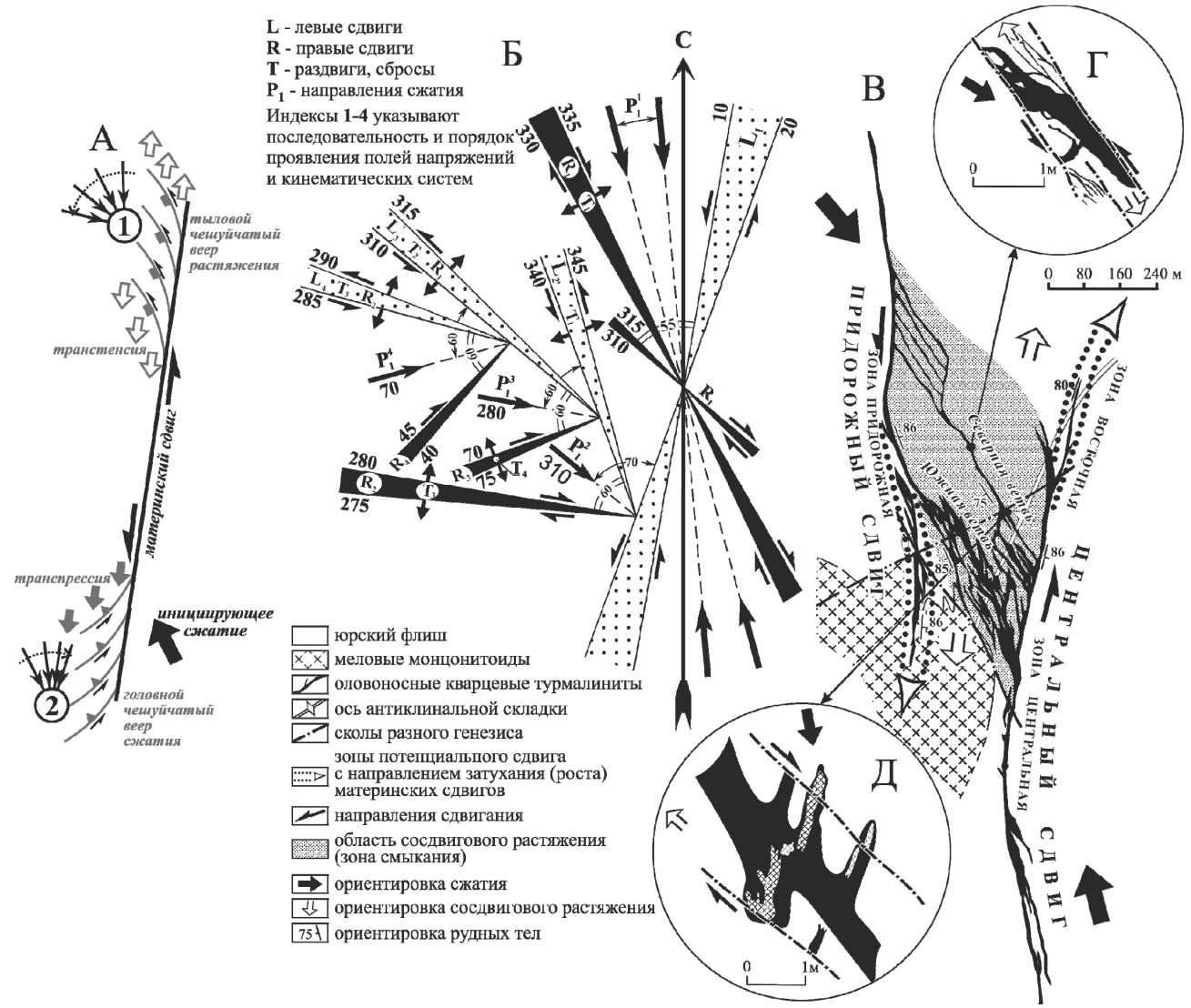


Рис. 1. Схематика иерархической, возрастной и генетической организации структур и полей напряжений в ареалах транспресии и транстенсии левых сдвигов: *А* – идеализированная структурно-динамическая схема (из [2] с изменениями и дополнениями) расположения зон присдвиговых полей напряжений (со схемой их переориентации по вектору сжатия) согласно данным натурных наблюдений при транстенсии (*1*) и транспресии (*2*) и дочерних синсдвиговых структур применительно к западному крылу Авангардного левого сдвига (Южное Приморье) [25]; *Б–Д* – для Придорожного оловоносного левосдвигового дуплекса растяжения (Придорожное месторождение, Комсомольский район): схема иерархической и возрастной соподчиненности систем сдвигов и раздвигов / сбросов, а также полей напряжений (по вектору сжатия) в дуплексе [15]; *В* – структурный план разведочного горизонта 415 м месторождения с элементами геодинамики [14, с изменениями]; *Г–Д* – фрагменты рудного тела 17 (Северная ветвь дуплекса) на участке сосдвигового растяжения (*Г*) и в зоне влияния сегмента материнской системы ССВ левых сдвигов (Д)

Таким образом, имеющиеся к настоящему времени данные показывают, что в структурах оперения и их аналогах мы имеем дело с четкой и временной, и пространственной упорядоченностью рудо- и магмовмещающих структур с вполне закономерным, поддающимся одновременно и структурной, и металлогенической расшифровке набором морфокинематических типов обособления, распределения и наложения друг на друга рудных и магматических ассоциаций (*динамозональностью* [14–16, 25 и др.]). Она, как представляется, есть результат поэтапного (по мере роста материнских разломов) разрастания ареала транстенсии / транспрессии с усложнением его структурного рисунка от первоначально крупных оперяющих форм ко все более и более мелким с прямым или опосредованным наследованием планов деформаций. Само наследование заключается в том [14–16, 24 и др.]), что более поздние генерации рудовмещающих разрывов приспосабливаются или приспосабливают под себя сеть разрывов предыдущих генераций, что часто выражается в кине-

матической трансформации разрывов раннего заложения. Все это лишний раз подчеркивает существующую при поисково-разведочных работах обязательность изучения стадийности рудообразования и магматизма.

Системы оперения, помимо всего прочего, – верный признак затухания материнских разломов. Этот вопрос наиболее разработан на примере сдвиговых дислокаций. Исследованиями [1–8, 11, 12, 14–17, 24 и др.], включая экспериментальные, выявлено, что во фронте затухания материнского сдвига структурно-динамическая обстановка выглядит следующим образом.

Проработанную часть такого сдвига на его выклинивании продолжает зона максимальных тангенциальных напряжений – «потенциальный (эмбриональный) сдвиг» [1–8, 10–12, 14–17, 21, 24, 25 и др.] – структурно выраженная чаще всего серией эшелонированных R-сколов нередко уже в виде кулис приоткрывания при P-сколах, что в совокупности фиксирует направление возможного дальнейшего роста сдвига (см. рис. 1, *В*). Этот парагенез потенциального сдвига обычно сопровождается также постепенным уменьшением амплитуд сдвигания по простиранию разлома[2].

Потенциальный сдвиг как раз и разграничивает между собой зоны транстенсии (сосдвигового растяжения) и транспрессии (сосдвигового сжатия) (рис. 1, *А*, *В*), структурно проявленных в виде симметрично расходящихся от сдвига под углами 20–60° серий оперения. В зависимости от знака смещения (левый / правый сдвиг) эти зоны располагаются соответственно слева / справа или справа / слева от сдвига, фиксируя в крыльях разлома тыл / фронт сдвигания, где его амплитуда рассредоточивается по дочерним разрывам оперения. В тылу – по системам сдвигов (главным образом того же знака) и сбросов по упомянутой схеме Дж.Д. Муди и М.Дж. Хилла (рис. 1, *А, Б*). Во фронте же – по системам дочерних чистых и косых взбросов и надвигов (рис. 1, *А*), пространственно-временная организация которых в поперечном сечении совпадает со схемой этих авторов.

Подчеркнем еще раз, что охарактеризованная картина структурно-динамической зональности формируется благодаря именно движениям по разломам, поступательная активизация которых и обеспечивает процесс приспособления под их сеть (через транстенсию и транспрессию) первичного поля напряжений, инициировавшего весь тектонический процесс. Последнее сохраняется только в наиболее проработанных сегментах зон материнских разломов, где инициирующее сжатие сразу же переходит в движение, поскольку силы трения здесь практически равны нулю. Сказанное находит свое отражение, в частности, в соответствующем искривлении траекторий главных напряжений, фиксируемых как экспериментально, так и натурными наблюдениями [1–8, 11, 12, 14–17, 24, 25 и др.]. Отсюда вытекают такие практические следствия:

Во-первых, через охарактеризованные выше элементы структурной динамозональности в разломной зоне можно прослеживать не только каждый магистральный разлом в отдельности, но и (через дуплексы) особенности их пространственной организации: характер их эшелонирования, размерность их самих и зон их динамического влияния (отражающие их ранговость) с определением ширины и глубины перекрытия их флангов (как пространственных параметров зон транстенсии и транспрессии). Вдобавок дуплексы, а в более широком смысле – структуры смыкания (формы взаимодействия между разломами любой ориентации и генезиса), позволяют выявлять соотношения между магистральной разломной зоной и активизированными ею участками сети раннего заложения. Например, с разрывами «сопряженной» с ней системы, сквозные элементы которой могут иметь переменный знак смещения: «первичный» – непосредственно в зонах влияния сегментов магистральной системы (см. рис. 1, *Д*), а также транспрессии и обратный знак в зонах транстенсии (рис. 1, *Г*). Впрочем, сказанное вполне применимо и к изучению инфраструктуры сети разломов любого ранга, включая и мегаформы. Таким образом, выявление картины структурной динамозональности обеспечивает более уверенное и объективное прослеживание магистральных разломов и картирование их пространственной организации при геологических работах любой степени детальности.

Во-вторых, структурная динамозональность находит свое отражение и в особенностях пространственного распределения оруденения. В рассматриваемых нами структурах рудораспределение и морфологически, и динамически находится в прямой зависимости от геометрии самих разломов и инфраструктуры их ансамблей. Так, оси рудных столбов здесь, как правило, субпараллельны линиям сопряжения сколовых и раздвиговых компонентов. При этом сколы играют роль динамо-кинематических экранов, а раздвиги вмещают продуктивное оруденение. В свою очередь, линии сопряжения адекватны средним осям деформаций, перпендикулярным, как известно, линиям скольжения по сколам [14–17, 21–24 и др.]. Исходя из этого, при сдвиговых дислокациях, например в зонах транстенсии, рудные столбы будут иметь преимущественно субвертикальную ориентировку (как, впрочем, и в материнских сдвигах), а в зонах транспрессии – субгоризонтальную. Причем преимущественное развитие в них станут иметь те системы рудных столбов, которые будут субпараллельны линиям сопряжения структур оперения в целом с материнскими разломами. Так что изучение динамозональности оруденения позволяет во многом конкретизировать задачи оконтуривания и локального прогноза оруденения на глубину и на флангах разведываемого рудного объекта.

Таким образом, мы видим структурно-динамическую корреляцию проявлений оруденения и магматизма в пределах объектов рассмотренного типа как надежный инструмент и для их идентификации, и для существенного повышения эффективности их оценки на всех без исключения стадиях геологоразведочных работ: от геологической съемки до эксплуатационной разведки. И такая корреляция, подчеркнем, невозможна без исследования характера эволюции, миграции и локализации эндогенного вещества в земной коре через пространственно-временные срезы магмо- и рудоконтролирующих структурных ансамблей. Причем этот подход обеспечивает не только качественную, но и количественную оценку хода рудно-магматических процессов при использовании петрохимических, геохимических или иных числовых характеристик, способствующих результативному оконтуриванию тел и зон жильного и штокверкового типов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Под *дизъюнктивным дуплексом* обычно понимается сочетание двух кулисообразно расположенных разрывов с одинаковым знаком смещения, сомкнутых между собой чешуйчатым веером дочерних оперяющих разрывов [2–3, 12, 14–16 и др.]. Более сложным аналогом дуплексов являются *структуры смыкания,* которые представляют собой формы проявления динамического взаимодействия между материнскими разломами с *произвольной* ориентацией и *любым* генезисом [14, 15, 25 и др.].

[2] При этом для зоны материнского сдвига (как в проработанной – зрелой, так и его эмбриональной части) присуще проявление своей динамозональности в виде схемы Риделя [2, 3, 8, 11, 15, 21–22, 24–25 и др.], которая отражает пространственно-временную направленность усложнения инфраструктуры сдвиговой зоны через последовательное развитие и наложение друг на друга: сначала эмбриональных синкинематических кулисных складок, а затем – R→P→L-сколов (в ассоциации со своими сопряженными системами) с сопутствующей трансформацией в разрывы растяжения / сжатия сколов предшествующих генераций. Вместе с тем, поскольку эти кулисные сколы являются разрывами фиксированной длины (определяемой шириной зоны материнского сдвига), в зонах их ступенчатого перекрытия опять же возможно проявление микроосложнений по типу транспрессии и транстенсии [1–20, 25 и др.].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Осокина Д.Н.* Иерархические свойства тектонического поля напряжений // Экспериментальная тектоника: методы, результаты, перспективы. М. : Наука, 1989. С. 197–208.
2. *Разломообразование* в литосфере. Зоны сдвига. Новосибирск : Наука, 1991. 262 с.
3. *Continental* deformation. N.Y. : Pergamon Press Ltd., 1994. 421 p.
4. *Fossen H., Tikoff B.* Extended models of transpression and transtension, and application to tectonic settings // Continental Transpressional and Transtensional Tectonics. Geol. Soc. London Spec. Pub. 1998. Vol. 135. P. 15–33.
5. *Dewey J.F., Holdsworth R.E., Strachan R.A.* Discussion on transpression and transtension zones: reply // Journal of the Geological Society of London. 1999. № 156. P. 1048–1050.
6. *Морозов Ю.А.* Структурообразующая роль транспрессии и транстенсии // Геотектоника. 2002. № 6. С. 3–24.
7. *Wesnousky S.G.* The San Andreas and Walker Lane fault systems, western North America: transpression, transtension, cumulative slip and the structural evolution of a major transform plate boundary // Journal of Structural Geology. 2005. № 27. P. 1505–1512.
8. *Twiss R.J., Moores E.M.* Structural Geology: Second Edition. N.Y. : W.H. Freeman and Co., 2006. 532 p.
9. *Hollister L.S., Andronicos C.L.* Formation of new continental crust in Western British Columbia during transpression and transtension // Earth and Planetary Science Letters. 2006. № 249. P. 29–38.
10. *Тимурзиев А.И.* Новейшая сдвиговая тектоника осадочных бассейнов: тектонофизический и флюидо-динамический аспекты (в связи с нефтегазоносностью) : автореф. дис. ... д-ра геол.-минер. наук. М. : МГУ, 2009. 40 с.
11. *Короновский Н.В., Гогоненков Г.Н., Гончаров М.А. и др.* Роль сдвига вдоль горизонтальной плоскости при формировании структур «пропеллерного» типа // Геотектоника. 2009. № 5. С. 50–64.
12. *Mathieu L., van Wyk de Vries B., Pilato M. et al.* The interaction between volcanoes and strike-slip, transtensional and transpressional fault zones: Analogue models and natural examples // Journal of Structural Geology. 2011. № 33. P. 898–906.
13. *Тевелев Ал.В., Тевелев Арк.В., Кошелева И.Е. и др.* Динамика сдвиговых магматических дуплексов: Окончательный отчет РФФИ по проекту 96-05-65519. М. : РФФИ, 1999. 63 с.
14. *Митрохин А.Н.* Дизъюнктивные рудно-магматические структуры смыкания и дуплексы: идентификация, пути и методы их изучения // Современные технологии освоения минеральных ресурсов : сб. науч. тр. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012. Вып. 10. С. 53–59.
15. *Митрохин А.Н.* Геодинамика формирования разрывных рудоконтролирующих структур Придорожного и Октябрьского месторождений (Комсомольский район) : автореф. дис. ... канд. геол.-минер. наук. Владивосток : ДВГИ ДВО АН СССР, 1991. 25 с.
16. *Митрохин А.Н., Сорокин Б.К., Саядян Г.Р.* Сдвиговые дуплексы и их рудоносность // Структурные парагенезы и их ансамбли : тез. докл. М. : ГЕОС, 1997. С. 112–114.
17. *Уткин В.П., Митрохин А.Н., Неволин П.Л. и др.* Структурно-геодинамический фактор в распределении золотой минерализации Южного Приморья // Доклады Академии наук. 2004. Т. 394, № 5. С. 654–658.
18. *Фридовский В.Ю.* Сдвиговые дуплексы месторождения Бадран (северо-восток Якутии) // Известия вузов. Геология и разведка. 1999. № 1. С. 60–66.
19. *Знаменский С.Е., Знаменская Н.М.* Рудовмещающие транстенсивные дуплексы золото-кварцевых и золото-сульфидно-кварцевых месторождений Южного Урала // Литосфера. 2011. № 1. С. 94–105.
20. *Park A.F., Lentz D.R., Thorne K.G.* Deformation and Structural Controls on Gold Mineralization in the Clarence Stream Shear Zone, Southwestern New Brunswick, Canada // Exploration and Mining Geology. 2008. Vol. 17, № 1. P. 51–66.
21. *Уткин В.П.* Сдвиговые дислокации, магматизм и рудообразование. М. : Наука, 1989. 166 с.
22. *Неволин П.Л.* Геодинамика формирования структур месторождений Кавалеровского района. Владивосток : Дальнаука, 1995. 132 с.
23. *Неволин П.Л.* Сдвиговая геодинамическая обстановка и структуры штокверковых месторождений Сихотэ-Алиня // Тихоокеанская геология. 1996. Т. 15, № 2. С. 107–115.
24. *Сорокин Б.К., Митрохин А.Н., Касаткин С.А.* Сравнительный анализ дислокаций апт-кампанского вулканогенного и доаптского терригенного комплексов Комсомольского района (на примере Фестивального месторождения) // Тихоокеанская геология. 1995. Т. 14, № 5. С. 46–56.
25. *Митрохин А.Н., Уткин В.П., Неволин П.Л.* Особенности строения и развития Авангардного левого сдвига (Южное Приморье) и зоны его динамического влияния // Геологические процессы в обстановках субдукции, коллизии и скольжения литосферных плит : материалы Всерос. конф. с междунар. участием. Владивосток : Дальнаука, 2011. С. 106–109.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 17 мая 2014 г.

MORPHOLOGY, KINEMATICS, AND DYNAMICS OF FEATHERING FAULTS AS PROSPECTING-AND-EXPLORING CRITERIA FOR ESTIMATION OF VEIN AND STOCKWORK BODIES

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 221-226. DOI: 10.17223/15617793/383/34

Mitrokhin Alexander N., Utkin Valentine P., Nevolin Peter L. Far East Geological Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia). E-mail: stakhor@yandex.ru; val-utkin@yandex.ru; nevpeter@yandex.ru

Keywords: veins; stockworks; dykes; ore-bearing duplexes; transtension; transpression; master fault; dynamozonality.

Peculiarities of morphokinematics and structural-dynamic arrangement for feathering faults and their combinations with master faults within transpression and transtension zones are treated with reference to applied problems of prospecting and exploration works. The best-understood among them are disjunctive duplexes and interlock structures. Such structural assemblages control just a significant

part of the ore and ore-magmatic objects of vein and stockwork types, many of which host not only large but also unique deposits of gold, tin, tungsten, etc. For example: Muruntau (Uzbekistan), Yakut (e.g., Badran, Progerss), the Russian Prymorye (e.g., Krinichnoe, Askold), and Canadian (Clarence Stream) gold deposits; tin ones of Cornwall and the Russian Komsomolsk (e.g., Pridorozhnoe, Festivalnoe) and Badzhal (e.g., Pravourmiyskoe) districts; tin-tungsten Chukot (e.g., Iultin) ones and many others. The specified structural assemblages with synchronous many-stage and multiphase ore and ore-magmatic fill are characterized by clear both spatio-temporal and hierarchical orderliness with the quite regular, metallogenically interpretable complex of morphokinematic types of localization, distribution and superposition of ore and magmatic associations (i.e. dynamozonality). It is supposed to result from stepwise (along with master faults' growth) enlargement of transpression/transtension areal with its structural geometry complexification from initially large feathering forms to more and more small ones with direct or indirect superposition of deformation plans. The superposition per ce lies in the fact that later generations of ore-bearing faults adapt themselves to/under network of preexisting fault generations that frequently effects in kinematic transformation of faults of earlier origin. Thus, the disclosure (even at the stage of geological mapping) of any series of closely connivent (often near-parallel) veined-ore bodies (dyke ones included) together with often vein-and-ingrained mineralization between them can prove to connote staging for space prospecting geological-and-geophysical and geochemical works. As the series proves most likely to be componentry of either splay and or duplex/(interlock, generally) feathering system of master faults, knowledge of whose geometry can additionally serve as a basis to set direction and density of a prospecting network as well as a choice of an equal procedure of mine-economic management strategy. For the detailed, prospecting-and-exploring works at such objects the morphogenetic and kinematic peculiarities of both feathering and master faults *per ce* are significant as effective geological-and-geometrical criteria to recognize and to contour ore shoots' systems of different orientations with their blockage (ore reserve calculation included) as well as to solve problems of local forecast in/outside of a property line.

REFERENCES

1. Osokina D.N. *Ierarkhicheskie svoystva tektonicheskogo polya napryazheniy* [Hierarchical properties of the tectonic stress field]. In: Luk'yanov A.V. (ed.) *Eksperimental'naya tektonika: metody, rezul'taty, perspektivy* [Experimental tectonics: methods, results and prospects]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 197-208.
2. Logachev N.A. (ed.) *Razlomobrazovanie v litosfere. Zony sdviga* [Faulting in the lithosphere. Shear zone]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 262 p.
3. Hancock P.L. (ed.) *Continental deformation*. New York: Pergammon Press Ltd., 1994. 421 p.
4. Fossen H., Tikoff B. *Extended models of transpression and transtension, and application to tectonic settings*. In: Holdsworth R.E., Strachan R.A., Dewey J.E. (eds.) *Continental Transpressional and Transtensional Tectonics.* Geological Society, London, Special Publications, 1998, vol. 135, pp. 15-33.
5. Dewey J.F., Holdsworth R.E., Strachan R.A. Discussion on transpression and transtension zones: reply. Journal of the Geological Society of London, 1999, no. 156, pp. 1048-1050. DOI:10.1144/gsjgs.156.5.1045
6. Morozov Yu.A. Structure-formation function of transpression and transtension. *Geotektonika – Geotectonics*, 2002, no. 6, pp. 3-24. (In Russian).
7. Wesnousky S.G. The San Andreas and Walker Lane fault systems, western North America: transpression, transtension, cumulative slip and the structural evolution of a major transform plate boundary. *Journal of Structural Geology*, 2005, no. 27, pp. 1505–1512. DOI:10.1016/j.jsg.2005.01.015
8. Twiss R.J., Moores E.M. *Structural Geology*. New York: W.H. Freeman and Co., 2006. 532 p.
9. Hollister L.S., Andronicos C.L. Formation of new continental crust in Western British Columbia during transpression and transtension. *Earth and Planetary Science Letters*, 2006, no. 249, pp. 29-38. DOI: 10.1016/j.epsl.2006.06.042
10. Timurziev A.I. *Noveyshaya sdvigovaya tektonika osadochnykh basseynov: tektonofizicheskiy i flyuido-dinamicheskiy aspekty (v svyazi s neftegazonosnost'yu)*: Avtoref. dokt. diss. [The latest shear tectonics of sedimentary basins: tectonophysical and fluid-dynamic aspects (in connection with oil and gas content). Abstract of Doc. Diss.]. Moscow: MSU Publ., 2009. 40 p.
11. Koronovskiy N.V., Gogonenkov G.N., Goncharov M.A. et al. Role of Shear along Horizontal Plane in the Formation of Helicoidal Structures *Geotektonika – Geotectonics*, 2009, no. 5, pp. 50-64. (In Russian).
12. Mathieu L., van Wyk de Vries B., Pilato M. et al. The interaction between volcanoes and strike-slip, transtensional and transpressional fault zones: Analogue models and natural examples. *Journal of Structural Geology*, 2011, no. 33, pp. 898-906. DOI:10.1016/j.jsg.2011.03.003
13. Tevelev Al.V., Tevelev Ark.V., Kosheleva I.E. et al. *Dinamika sdvigovykh magmaticheskikh dupleksov: Okonchatel'nyy otchet RFFI po proektu 96-05-65519* [Dynamics of shear and other magmatic duplexes. The final report on the project RGNF 96-05-65519]. Moscow: RFFI Publ., 1999. 63 p.
14. Mitrokhin A.N. [Disjunctive ore-magmatic structures and duplexes clamping identification, ways and methods of their study]. *Sovremennye tekhnologii osvoeniya mineral'nykh resursov: sb. nauchn. trudov* [Modern technologies of mineral resources. Proc. of scientific works]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2012. Issue 10, pp. 53-59. [In Russian].
15. Mitrokhin A.N. *Geodinamika formirovaniya razryvnykh rudokontroliruyushchikh struktur Pridorozhnogo i Oktyabr'skogo mestorozhdeniy (Komsomol'skiy rayon)*: Avtoref. kand. diss. [Geodynamics of shear ore-controlling structure formation of Pridoroshnliy of Octyabrskiy fields (Komsomol'skiy district). Abstract of Cand. Diss.], Vladivostok, 1991. 25 p.
16. Mitrokhin A.N., Sorokin B.K., Sayadyan G.R. [Shift duplexes and their ore content]. *Strukturnye paragenezy i ikh ansambli: tez. dokl.* [Structural paragenesis and their ensembles. Proc. of reports]. Moscow: GEOS Publ., 1997, pp. 112-114. (In Russian).
17. Utkin V.P., Mitrokhin A.N., Nevolin P.L. et al. Strukturno-geodinamicheskiy faktor v raspredelenii zolotoy mineralizatsii Yuzhnogo Primor'ya [Structural and geodynamic factor in the distribution of gold mineralization in South Primorye]. *Doklady Akademii nauk*, 2004, vol. 394, № 5, pp. 654-658.
18. Fridovskiy V.Yu. Sdvigovye dupleksy mestorozhdeniya Badran (severo-vostok Yakutii) [Shift duplexes Badran deposit (northeast Yakutia)]. *Izvestiya vuzov. Geologiya i razvedka*, 1999, no. 1, pp. 60-66.
19. Znamenskiy S.E., Znamenskaya N.M. Ore bearing transtensional duplexes of gold-quartz and gold-sulfide-quartz deposits of the South Urals. *Litosfera – Lithosphere*, 2011, no. 1, pp. 94-105. (In Russian).
20. Park A.F., Lentz D.R., Thorne K.G. Deformation and structural controls on gold mineralization in the Clarence Stream shear zone, Southwestern New Brunswick, Canada. *Exploration and Mining Geology*, 2008, vol. 17, no. 1, pp. 51-66. DOI:10.2113/gsemg.17.1-2.51

21. Utkin V.P. *Sdvigovye dislokatsii, magmatizm i rudoobrazovanie* [Shear faulting, magmatism and mineralization]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 166 p.
22. Nevolin P.L. *Geodinamika formirovaniya struktur mestorozhdeniy Kavalerovskogo rayona* [Geodynamics of deposit structure formation in Kavalerovskiy district]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 1995. 132 p.
23. Nevolin P.L. Sdvigovaya geodinamicheskaya obstanovka i struktury shtokverkovykh mestorozhdeniy Sikhote-Alinya [Shear geodynamic setting and structure stockwork deposits of the Sikhote-Alin]. *Tikhookeanskaya geologiya – Russian Journal of Pacific Geology*, 1996, vol. 15, no. 2, pp. 107-115.
24. Sorokin B.K., Mitrokhin A.N., Kasatkin S.A. Sravnitel'nyy analiz dislokatsiy apt-kampanskogo vulkanogennogo i doaptskogo terrigennogo kompleksov Komsomol'skogo rayona (na primere Festival'nogo mestorozhdeniya) [Comparative analysis of dislocations of Aptian-Campanian volcanic and pre-Aptian terrigenous complexes of Komsomolskiy area (as of Festivalniy deposits)]. *Tikhookeanskaya geologiya – Russian Journal of Pacific Geology*, 1995, vol. 14, no. 5, pp. 46-56.
25. Mitrokhin A.N., Utkin V.P., Nevolin P.L. [Structure and development of Avangardniy left shift (South Primor'e) and its dynamic influence zone]. *Geologicheskie protsessy v obstanovkakh subduktsii, kollizii i skol'zheniya litosfernykh plit: Mat. Vseross. konf. s mezhdunarodn. uchast.* [Geological processes in subduction, collision and slip of lithospheric plates. Proc. of All-Russ. conf. with international participation]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2011, pp. 106-109. (In Russian).

Received: May 17, 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 226–231 DOI: 10.17223/15617793/383/35

УДК 550.461+556.314

В.В. Паромов, О.Г. Савичев, Л.Н. Шантыкова, Т.А. Торгашева

ИОННЫЙ СТОК И ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ВОД ЛЕДНИКОВОЙ РЕКИ АКТРУ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

По данным полевых работ 2013 г. и ранее проведенных исследований (1997–1999, 2012 гг.) в горно-ледниковом бассейне р. Актру (Горный Алтай) выполнен анализ пространственно-временной динамики химического состава речных вод и ионного стока. Выявлена закономерность в динамике расхода растворенных веществ, заключающаяся в резком увеличении расходов и минерализации на участке интенсивного поступления в русловую сеть талых ледниковых вод (0–5 км от истока реки) и постепенной стабилизации характеристик ниже по течению вплоть до устья.

Ключевые слова: Горный Алтай; горно-ледниковый бассейн Актру; химический состав речных вод; ионный сток; закономерности пространственной изменчивости.

Введение. Ионный сток (сток растворенных веществ) является одной из составляющих геостока (потока вещества и энергии) горных областей, а также интегральной характеристикой гидрологических, геохимических и геоэкологических процессов в речных бассейнах. Особую актуальность исследования ионного стока приобретают при изучении тех геосистем, которые находятся в неустойчивых состояниях, например горно-ледниковых бассейнов в условиях климатических изменений.

Один из таких бассейнов – бассейн р. Актру (см. рис. 1), расположенный на северном макросклоне Северо-Чуйского хребта в горном узле Биш-Иирду (Горный Алтай). В течение последних десятилетий в высокогорной зоне Горного Алтая наблюдался постепенный рост среднегодовых и летних температур приземных слоёв воздуха, соответственно, с интенсивностью 0,35 и 0,12°С / 10 лет [1]. Как следствие, абляция на ледниках бассейна Актру увеличивалась. Одновременно наблюдался рост суммы осадков в бассейне, что вызывало рост аккумуляции на ледниках [2]. Но градиент роста аккумуляции был вдвое меньше градиента роста абляции, что привело к устойчивым отрицательным балансам массы ледников и, соответственно, деградации оледенения в бассейне Актру [3]. Подобные изменения не могли не отразиться как на водном, так и на ионном стоке р. Актру.

Степень изученности стока растворенных веществ р. Актру и на данный момент времени является низким, что и определило цель работы, являющейся продолжением исследований Томского государственного (ТГУ) и Томского политехнического (ТПУ) университетов [4–6].

Материалы и методика исследования. Исследования включали в себя: 1) полевые работы в июле 2013 г., в том числе: а) измерение расходов воды и уклонов водной поверхности согласно [7]; б) отбор проб вод р. Актру из слоя 0,3–0,5 м от поверхности с учётом [7]; 2) лабораторные работы; 3) обобщение материалов, полученных в 2013 г., и результатов исследований, выполненных совместно с Ю.К. Нарожным, Р.Ф. Фахрутдиновым, Ю.Г. Копыловой, Н.В. Гусевой, А.А. Хващевской в 1997–1999 и 2012 гг. и частично представленных в [4–6]; 4) географо-гидрологический анализ данных с учётом требований [8].

Основные задачи анализа заключались: 1) в выявлении закономерностей и особенностей изменения химического состава речных вод, а также гидрохимического стока р. Актру от истоков до устья; 2) установлении взаимосвязей водного и гидрохимического стока как ключевого фактора пространственно-временных изменений химического состава речных вод.

Перечень определяемых гидрохимических показателей включал в себя pH, главные ионы (Ca^{2+}, Mg^{2+}, Na^{+}, K^{+}, HCO_3^{-}, SO_4^{2-}, Cl^{-}), биогенные вещества (NO_3^{-}, NO_2^{-}, NH_4^{+}, PO_4^{3-}, Si), железо общее и ряд микроэлементов (F^{-}, Li, Al, Ti, V, Cr, Mn, Ni, Cu, Zn, Sr, Ba, Hg, Pb), перманганатную (ПО) и бихроматную (БО) окисляемости. Лабораторные работы выполнены в аккредитованной гидрогеохимической лаборатории ТПУ по аттестованным методикам, краткое описание которых приведено в [8]. Схема размещения пунктов отбора проб и гидрометрических створов представлена на рис. 1.

Обсуждение результатов. Анализ полученных данных позволил уточнить гидрохимическую характеристику р. Актру (см. таблицу) и подтвердил сделанные ранее выводы о соответствии речных вод категориям: 1) пресных с очень малой и средней (реже) минерализацией (по классификации О.А. Алёкина); 2) гидрокарбонатных кальциевых; 3) слабощелочных (чаще) и нейтральных [9]

В распределении гидрохимических показателей прослеживается общая тенденция к достаточно резкому увеличению концентраций растворённых солей на верхнем участке протяжённостью около 5 км (см. рис. 2), что в первом приближении соответствует участку смешивания порций талых ледниковых вод (с ледников Правый, Левый, Малый Актру и пр.), с дальнейшим выходом речных вод на относительно ровную поверхность (зандровое поле) с преобладающим типом руслового процесса – горной пойменной многорукавностью и уменьшением расхода взвешенных наносов (см. таблицу).

Незначительное увеличение минерализации воды прослеживается и ниже по течению от зандрового поля до выхода реки из горно-таежного участка в горно-степной. В нижнем течении, видимо в результате впадения р. Корумду, сток которой формируется в несколько иных условиях, может наблюдаться некоторое снижение суммы главных ионов $\sum_{mi}$.

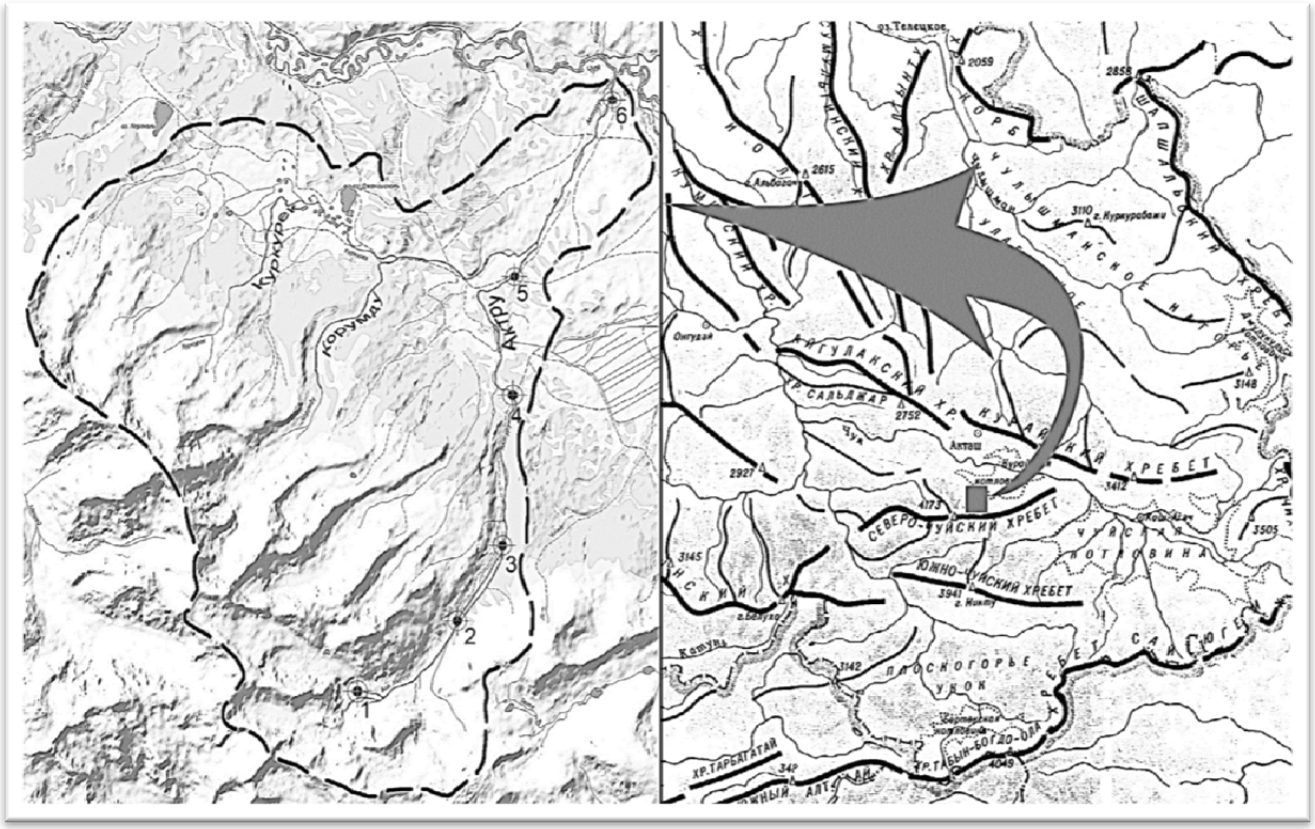


Рис. 1. Горно-ледниковый бассейн Актру. Показаны точки отбора проб речной воды на гидрохимический анализ: *1* – исток; *2* – гидрологический створ; *3* – нижняя оконечность зандрового поля; *4* – «Перевалка»; *5* – 1,1 км выше впадения р. Корумду; *6* – устье

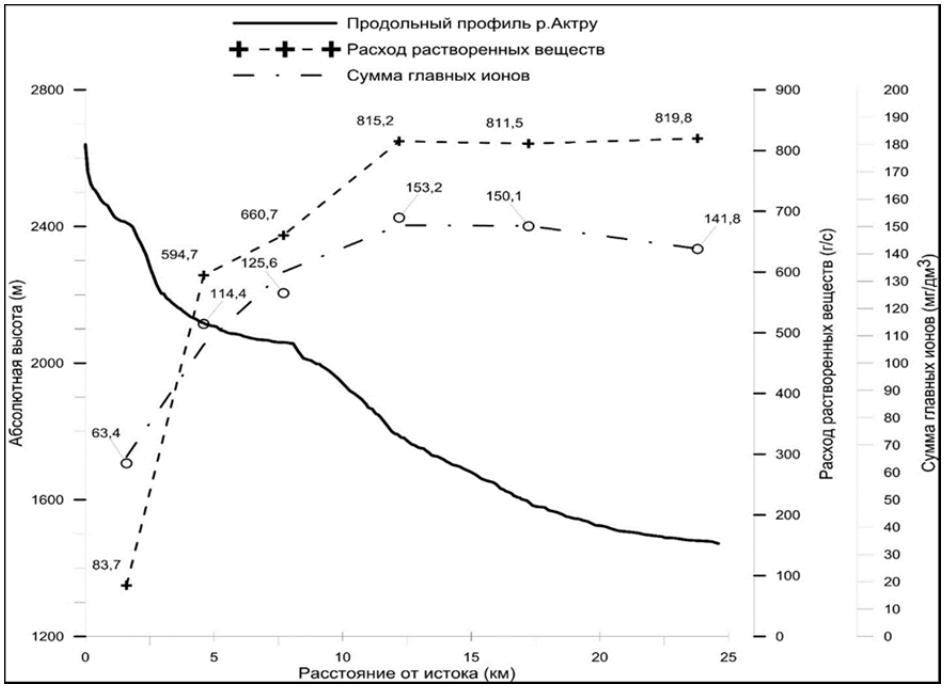


Рис. 2. Изменение основных гидрохимических показателей по длине р. Актру

Для водосбора р. Корумду, левого притока р. Актру (рис.1), по сравнению с водосбором самой р. Актру выше по течению от места слияния, характерна более значительная степень залесенности речного бассейна. А в пределах залесенных участков взаимодействие вод с горными породами протекает менее интенсивно. Общее изменение суммы главных ионов $\sum_{mi}$ по длине реки в летний период может быть описано уравнением

$$\sum m_i = 30{,}3 - 0{,}54L^2 + 16{,}6L, \qquad (1)$$

где L – расстояние от истока в км.

Сходное (с минерализацией) изменение по длине реки наблюдается и для ионного стока, вычисленного как

произведение расхода воды и суммы главных ионов. Но есть и небольшие отличия, заключающиеся в отсутствии снижений значений ниже устья р. Корумду за счёт компенсации уменьшения $\sum_{mi}$ увеличением расходов воды.

Общая характеристика водного стока и химического состава вод р. Актру в июле 2013 г. и в среднем за 1997–2013 гг.

Показатель	Единицы измерения	Река Актру								Среднее для ледников [9]
		Исток	Гидрологический пост	Нижняя оконечность зандра	«Перевалка»	1,1 км выше впадения р. Корумду	Устье	Среднее за 2013 г.	Среднее за 1997–2013 гг.	
Створ	км от устья	24,5	20	16,9	12,4	7,4	0,8	–	–	–
Дата отбора	–	19.07.13	18.07.13	18.07.13	18.07.13	18.07.13	20.07.13	6 проб	16 проб	8 проб
Расход воды Q	$м^3/с$	1,3	5,2	5,3	5,3	5,4	5,8	4,7	4,2	–
Расход взвеш. наносов G	кг/с	18,1	16,5	4,52	10,9	8,92	3,68	–	–	–
Ионный сток	г/с	83,7	594,7	660,7	815,2	811,5	819,8	630,9	464,0	–
Сток $C_{орг}$	г/с	0,2	1,0	1,0	1,0	1,0	1,1	0,9	1,0	–
pH	–	8,23	8,90	9,00	8,40	8,40	8,90	8,64	8,12	5,43
$\sum_{mi}$	$мг/дм^3$	63,4	114,4	125,6	153,2	150,1	141,8	124,7	109,5	21,3
Ca^{2+}	То же	11,7	14,3	13,5	18,5	20,5	17,9	16,1	18,1	2,3
Mg^{2+}	–//–	1,2	2,8	2,8	4,1	4,4	3,3	3,1	3,0	0,5
Na^{+}	–//–	2,8	10,0	14,3	14,8	12,7	11,0	10,9	4,7	0,6
K^{+}	–//–	1,1	1,1	1,4	1,2	1,3	1,1	1,2	1,2	0,3
HCO_3^{-}	–//–	39,0	54,9	58,6	79,3	75,6	61,0	61,4	58,9	14,0
CO_3^{2-}	–//–	1,2	12,0	14,4	3,6	3,6	24,0	9,8	6,5	0,0
Cl^{-}	–//–	0,3	1,1	1,8	1,6	1,6	1,4	1,3	1,7	2,6
SO_4^{2-}	–//–	6,0	18,2	18,9	30,1	30,4	22,1	20,9	17,9	1,0
NO_3^{-}	–//–	0,720	0,580	0,510	0,590	0,240	0,390	0,505	0,598	1,24
NO_2^{-}	–//–	0,030	0,001	0,020	0,001	0,001	0,001	0,009	0,007	0,010
NH_4^{+}	–//–	0,025	0,025	0,100	0,120	0,090	0,090	0,075	0,068	0,092
PO_4^{3-}	–//–	0,145	0,070	0,143	0,030	0,040	0,040	0,078	0,100	0,044
Si	–//–	1,780	1,180	1,570	1,060	0,770	1,480	1,307	3,340	0,46
$Fe_{общ}$	–//–	12,050	6,220	5,640	1,220	1,280	1,310	4,620	3,177	0,329
F^{-}	–//–	0,160	0,476	0,790	0,610	0,630	0,620	0,548	0,247	0,039
Li	$мкг/дм^3$	9,3	4,1	2,9	2,6	2,3	2,0	3,9	3,4	3,5
Al	То же	5298,0	2501,0	1178,0	553,0	153,0	102,0	1630,8	1141,1	135,0
Ti	–//–	263,0	107,0	40,0	17,0	3,0	0,0	71,7	71,7	–
V	–//–	19,0	5,0	2,0	1,0	0,1	0,1	4,5	4,5	–
Cr	–//–	13,0	4,3	1,0	1,0	1,0	1,0	3,6	3,5	–
Mn	–//–	185,0	75,0	32,0	21,0	13,0	11,0	56,2	56,2	–
Ni	–//–	8,0	2,0	1,0	<1	<1	<1	1,8	1,8	–
Cu	–//–	14,0	4,6	6,5	2,1	2,2	2,7	5,4	4,2	1,7
Zn	–//–	37,0	16,0	18,0	15,0	5,6	12,0	17,3	15,7	44,7
Sr	–//–	68,0	95,0	102,0	130,0	132,0	111,0	106,3	127,8	–
Ba	–//–	43,0	38,0	33,0	39,0	33,0	40,0	37,7	33,1	–
Hg	–//–	<0,01	<0,01	0,36	0,28	<0,01	0,45	0,20	0,26	0,25
Pb	–//–	11,2	2,8	2,8	0,9	0,7	1,4	3,3	2,7	0,9
ПО	$мгО/дм^3$	1,27	0,90	0,66	0,33	0,29	0,45	0,65	1,30	–
БО	То же	0,50	0,50	0,50	0,50	0,50	0,50	0,50	0,63	–

Примечания. Расход взвешенных наносов определялся по формуле М.А. Великанова $G = \frac{k_G \cdot \bar{v}^3}{\bar{h} \cdot g \cdot u}$, где $\bar{v}, \bar{h}$ – средние значения скорости течения и глубины потока (м/с, м); u – гидравлическая крупность взвешенных наносов (м/с); g – ускорение свободного падения ($м/с^2$); k_G – эмпирический коэффициент, принятый по данным о реках Горного Алтая [11] в размере 70,25; средний диаметр D_s взвешенных наносов вычислен по региональной зависимости от уклона реки J [10]: $D_s = 0{,}011 \cdot J^{-0{,}217}$; содержание углерода органического $C_{орг}$ вычислено как $C_{орг}$ = 0,375×БО согласно [9]; $\sum_{mi}$ – сумма главных ионов.

Необходимо отметить, что использование зависимости (1) при $L = 0$ позволяет, во-первых, получить содержание главных ионов, близкое к среднему значению для талых ледниковых вод (таблица). Во-вторых, очевидно, что остальная часть растворённых веществ (более 90% от суммарного стока в замыкающем створе, расположенном в 0,8 км выше по течению от места впадения р. Актру в р. Чую) поступает с водосборной территории, не занятой ледниками.

Весьма интересный вывод можно сделать о возможных изменениях минерализации речных вод и ионного стока при условии продолжения потепления климата и отступания ледников. Обычно между суммой растворённых веществ и стоком равнинных рек существует обратная связь, обусловленная: 1) увеличением при уменьшении водного стока в меженный период вклада притока в русловую сеть более минерализованных подземных вод; 2) увеличением времени взаимодействия вод и горных пород при незначительной интенсивности водообмена.

В случае горно-ледникового бассейна Актру ситуация иная. По крайней мере, в июле – августе, когда происходит наиболее интенсивное таяние ледового материала, содержание растворённых солей в речных водах увеличивается по мере возрастания расходов воды (рис. 3), что объясняется увеличением площади соприкосновения маломинерализованной воды и горных пород и поступлением в водную среду ряда веществ в растворённой, коллоидной и взвешенной фор-

мах. При уменьшении транспортирующей способности потока происходит осаждение части взвешенных частиц (см. таблицу) и, возможно, соосаждение коллоидных комплексов и сорбция на поверхности оседающих на дно наносов растворённых соединений. Всё вместе это и определяет как характер отмеченного выше распределения гидрохимических показателей по длине реки, так и вероятное увеличение гидрохимического выноса из горно-ледниковых районов при сохранении наблюдаемых тенденций климатических изменений.

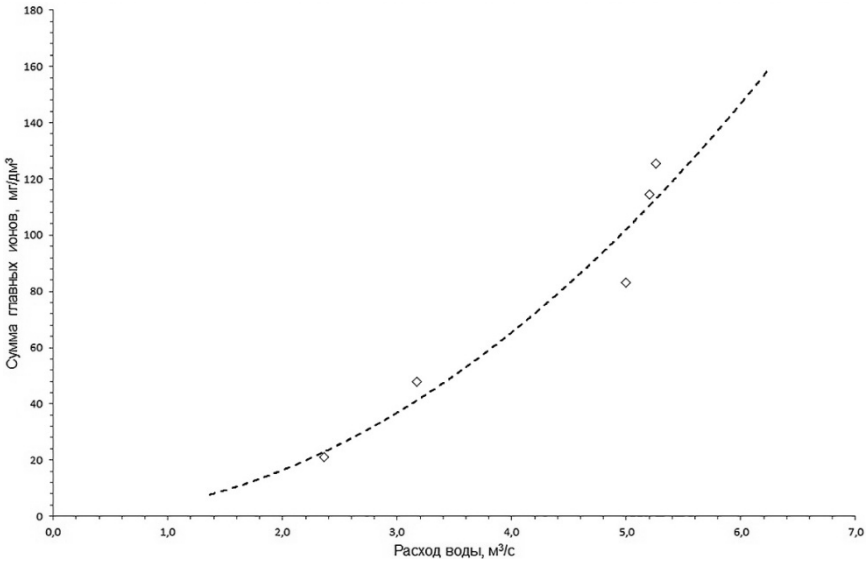


Рис. 3. Зависимость суммы главных ионов от расхода воды в р. Актру

Заключение. Общая тенденция изменения гидрохимического выноса заключается в его резком увеличении на участке поступления и смешения порций талых ледниковых вод (протяжённостью около 5 км) и постепенной стабилизации ниже по течению реки на общем фоне увеличения расходов воды и некотором снижении в речных водах содержания растворённых солей. Увеличение гидрохимического выноса в горно-ледниковом бассейне Актру в летние месяцы определяется, прежде всего, увеличением площади взаимодействия ультрапресных вод и горных пород. В зимнюю межень (в условиях минимального водного стока), возможно, большее значение приобретает время взаимодействия. В целом не менее 90% растворённых солей, включая многие соли металлов, поступает в речные воды из горных пород, что необходимо учитывать при попытке использовать водные объекты горно-ледниковых бассейнов в качестве индикаторов антропогенного влияния на окружающую среду.

При усилении деградации ледников происходит: во-первых, увеличение водного стока; во-вторых, расширение площади участков водосбора с отложениями, неустойчивыми к воздействию воды. В комплексе это приводит к увеличению гидрохимического выноса и аккумуляции продуктов денудации на границе геоморфологических районов, что при определённых условиях может привести к формированию в долине реки геохимических аномалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Паромов В.В., Шантыкова Л.И.* Динамика гидрометеорологических характеристик высокогорья Алтая во второй половине XX века // Материалы гляциологических исследований. 2001. Вып. 90. С. 112–116.
2. *Оледенение* Северной и Центральной Евразии в современную эпоху / под ред. В.М. Котлякова. М. : Наука, 2006. 482 с.
3. *Нарожный Ю.К., Паромов В.В., Шантыкова Л.И.* Возможные тенденции изменения режима ледников и климата высокогорья Алтая до 2010 г. // Материалы гляциологических исследований. 2005. Вып. 98. С. 220–224.
4. *Савичев О.Г., Нарожный Ю.К., Паромов В.В., Фахрутдинов Р.Ф.* Химический и микробиологический состав водно-ледниковых объектов в бассейне р. Актру (Горный Алтай) // Материалы гляциологических исследований. 2002. Вып. 92. С. 187–191.
5. *Савичев О.Г., Паромов В.В.* Химический состав талых ледниковых и речных вод бассейна реки Актру (Горный Алтай) // География и природные ресурсы. 2013. № 4. С. 94–100.
6. *Савичев О.Г., Паромов В.В., Копылова Ю.Г., Хващевская А.А., Гусева Н.В.* Эколого-геохимическое состояние поверхностных вод в бассейне р. Катунь (Горный Алтай) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 157–161.
7. *Наставление* гидрометеорологическим станциям и постам. Л. : Гидрометеоиздат, 1978. Вып. 6. Ч. I. 384 с.
8. ГОСТ Р 51592-2000: Вода. Общие требования к отбору проб. Дата введения 21.04.2000.
9. *Методические* указания. Проведение расчётов фоновых концентраций химических веществ в воде водотоков. РД 52.4.622-2001. М. : Росгидромет, 2001. 68 с.
10. *Савичев О.Г., Решетько М.В.* Методы ориентировочной количественной оценки твёрдого стока и русловых деформаций для равнинных рек таёжной зоны Западной Сибири // Инженерные изыскания. 2012. № 1. С. 52–56.
11. *Колюшкина И.М.* Необычайная мутность воды р. Актру в 1962 году // Гляциология Алтая. 1965. Вып. IV. С. 232–237.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 21 мая 2014 г.

IONIC RUNOFF AND CHEMICAL COMPOSITION OF GLACIAL WATERS OF THE AKTRU RIVER (GORNY ALTAI)

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 226-231. DOI: 10.17223/15617793/383/35

ParomovVladimir V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pvv0266@mail.ru
Savichev Oleg G. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: OSavichev@mail.ru
Shantikova Liliya N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pvv0266@mail.ru
Torgasheva Kseniya A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avelissa@mail.ru

Keywords: Gorny Altai; mountain-glacial basin Aktru; chemical composition of river water; ionic runoff; regularities of spatial variability.

The analysis of existential changes of the chemical composition of river waters and hydrochemical runoff is executed on the basis of materials of researches executed in 2013 (and earlier) in the mountain-glacial basin of the Aktru River located on the northern macroslope of the North-Chuya ridge in Bish-Iirdu (Gorny Altai). The Aktru River is an element of the river network "the Aktru River – the Chuya River – the Katun River – the Ob River". The area of glaciers is 16.7 square kilometers, the largest of them are the Right, Left and Small Aktru glaciers. The GIS-based and statistical analysis of spatial changes of hydrological and hydrochemical conditions is carried out within the limits of the catchment basin. It is shown that river waters correspond to categories: 1) by the total of dissolved substances – fresh with very small and average mineralization (by O.A. Alyokin's classification); 2) by chemical composition – hydrocarbonate calcium waters of the first and second types of mineralization (also by O.A. Alyokin's classification); 3) by pH size – alkalescent and neutral. The picture of change of water discharges is established, as well as pH and the chemical composition of river waters (main ions Ca^{2+}, Mg^{2+}, Na^{+}, K^{+}, HCO_3^{-}, CO_3^{2-}, SO_4^{2-}, Cl^{-}, nitrates, nitrites, ions of ammonium, phosphates, silicon, fluoride-ion, iron, organic substances by bichromate (COD) and permanganate oxidability, microelements Li, Al, Ti, V, Cr, Mn, Ni, Cu, Zn, Sr, Ba, Hg, Pb) from sources up to the mouth in cross-sections in 24.5, 20.0, 16.9, 12.4, 7.4, 0.8 km from the mouth of the Aktru River. The regularity in changes of the discharge of the dissolved substances is revealed. It consists in a sharp increase in discharges and mineralization on the site with intensive thawed glacial waters receipt in the channel network (0-5 km from the source of the river) and gradual stabilization of characteristics downstream up to the mouth. The equation of regress as a polynomial of the second order is received, connecting change of the sum of the main ions and extent of the water-current and allowing to receive the total content of the main ions close to the corresponding parameter for glacial waters (on the average for the long-term period) at zero argument (distance from the source). Primary factors of seasonal dynamics of the runoff of the dissolved substances are: in summer months – increase in the area of interaction of ultrafresh waters with the rocks resulting in essential growth of the hydrochemical runoff from the basin; during the long low flow – time of interaction in epy system "water – rock – organic substance". It is shown that the basic part of the dissolved salts (not less than 90 %) enters river waters from rocks from the water-modular territory unoccupied with glaciers. With stronger degradation of glaciers of the Aktru basin it is necessary to expect an increase in the hydrochemical runoff owing to, first, the increase in the water runoff, and, second, expansion of the area of sites of the river basin with sediments unstable to the influence of water. In a complex, it results in an increase in the hydrochemical runoff and accumulation of products of denudation on the border of geomorphological areas, which under certain conditions can lead to geochemical anomalies in the valley of the river.

REFERENCES

1. Paromov V.V., Shantykova L.I. [Dynamics of hydrometeorological characteristics of Altai highlands in the second half of the 20th century]. *Materialy glyatsiologicheskikh issledovaniy* [Proc. of glaciological studies], 2001. Issue 90, pp.112-116. (In Russian).
2. Kotlyakov V.M. (ed.) Oledenenie Severnoy i Tsentral'noy Evrazii v sovremennuyu epokhu [Glaciation of North and Central Eurasia in the modern era]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 482 p.
3. Narozhnyy Yu.K., Paromov V.V., Shantykova L.I. [Possible trends regime glaciers and alpine climate Altai to 2010]. *Materialy glyatsiologicheskikh issledovaniy* [Proc. of glaciological studies], 2005. Issue 98, pp.220-224. (In Russian).
4. Savichev O.G., Narozhnyy Yu.K., Paromov V.V., Fakhrutdinov R.F. Chemical and microbiological composition of water-ice in the pool facilities r.Aktru (Gorny Altai). *Materialy glyatsiologicheskikh issledovaniy* [Proc. of glaciological studies], 2002. Issue 92, pp.187–191. (In Russian).
5. Savichev O.G., Paromov V.V. Khimicheskiy sostav talykh lednikovykh i rechnykh vod basseyna reki Aktru (Gornyy Altay) [The chemical composition of glacial melt water and river-water of the Aktru basin (Gorny Altai)]. *Geografiya i prirodnye resursy*, 2013, no. 4, pp. 94-100.
6. Savichev O.G., Paromov V.V., Kopylova Yu.G., Khvashchevskaya A.A., Guseva N.V. Ecogeochemical condition of surface waters in Katun River basin (Gorny Altai). *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 366, pp. 157-161. (In Russian).
7. Potapova O.N. (ed.) Nastavlenie gidrometeorologicheskim stantsiyam i postam [Manual for hydrometeorological stations and posts]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1978. Issue 6. Pt.1, 384 p.
8. GOST R 51592-2000: Voda. Obshchie trebovaniya k otboru prob. Data vvedeniya 21.04.2000 [GOST R 51592-2000 Water. General requirements for sampling. 21st April 2000].
9. Guidelines. Calculations of the background concentrations of chemicals in the water streams. RD 52.4.622-2001. Moscow: RosHydromet Publ., 2001. 68 p. (In Russian).
10. Savichev O.G., Reshet'ko M.V. Estimating sediment yields and reverbed deformations of unexplored lowland rivers in the Western Siberia taiga zone. *Inzhenernye izyskaniya – Engineering Survey*, 2012, no. 1, pp. 52-56. (In Russian).
11. Kolyushkina I.M. Neobychaynaya mutnost' vody r.Aktru v 1962 godu [Extraordinary turbidity of the Aktru in 1962]. *Glyatsiologiya Altaya*, 1965. Issue IV, pp. 232-237.

Received: May 21, 2014

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВ Павел Викторович – канд. филол. наук, науч. сотр. управления научных исследований Горно-Алтайского государственного университета; докторант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: conceptia@mail.ru

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Александровна – аспирант кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: tanyaalek@yandex.ru

АНАНЬЕВ Денис Анатольевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: denis.ananyev@gmail.com

БАЛЬ Вера Юрьевна – канд. филол. наук, специалист по научно-методической работе Института дистанционного образования Томского государственного университета. E-mail: ver_bal@sibmail.com

БАРАНОВА Елена Алексеевна – аспирант кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: elena4408@yandex.ru

БОРОВКОВА Анастасия Вячеславовна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

БОГОМАЗ Сергей Александрович – д-р психол. наук, профессор, зав. кафедрой организационной психологии Томского государственного университета. E-mail: bogomazsa@mail.ru

ВИКТОРОВА Елена Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Саратовского государственного университета. E-mail: helena_v@inbox.ru

ВОРОБЬЁВА Галина Сергеевна – аспирант кафедры теории и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва). E-mail: riv58@yandex.ru

ВОРОБЬЕВА Марина Евгеньевна – аспирант кафедры русского языка Кемеровского государственного университета. E-mail:

ВРТАНЕСЯН Гарегин Суренович – канд. техн. наук, консультант Учебно-научного центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). E-mail: veges2011@yandex.ru

ГРИГОРЬЯНЦ Наталья Валентиновна – аспирант кафедры режиссуры и актерского мастерства Кемеровского областного колледжа культуры и искусства. E-mail: nvi@lenta.ru

ГРИЦАЙ Людмила Александровна – канд. пед. наук, доцент кафедры психологии и педагогики Рязанского заочного института (филиала) Московского государственного университета культуры и искусств. E-mail: usan82@gmail.com

ДРОБЧЕНКО Владимир Александрович – д-р ист. наук, доцент кафедры культурологии филиала Кемеровского государственного университета в г. Анжеро-Судженске. E-mail: tor@asf.ru

ЖАТКИН Дмитрий Николаевич – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета. E-mail: ivb40@yandex.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, профессор, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета; профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail:kapil@yandex.ru

ЛАЗУТИНА Татьяна Владимировна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: LazutinaTV@yandex.ru

ЛОГВИНЕНКО Олеся Вячеславовна – ассистент кафедры геологии и разведки полезных ископаемых Томского политехнического университета. E-mail: kzzz@inbox.ru

МАЛЫШЕВА Ольга Владимировна – ст. преподаватель кафедры немецкого языка Томского политехнического университета; аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: iglow@yandex.ru

МАРХЕЛЬ Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: kat-markhel@yandex.ru

МИКЛАШЕВСКИЙ Алексей Алексеевич – магистрант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: ar-man-s@mail.ru

МИТРОХИН Александр Николаевич – канд. геол.-минерал. наук, ст. науч. сотр. лаборатории региональной геологии и тектоники Дальневосточного геологического института Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: stakhor@yandex.ru

МОЛЧАНОВА Людмила Николаевна – д-р психол. наук, ст. преподаватель кафедры социальной работы Курского государственного медицинского университета. E-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

НЕВОЛИН Петр Львович – канд. геол.-минерал. наук, ст. науч. сотр. лаборатории региональной геологии и тектоники Дальневосточного геологического института Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: nevpeter@yandex.ru

ОСТАШОВА Евгения Андреевна – аспирант кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: krumslik@hotmail.com

ПАРОМОВ Владимир Валериянович – канд. геогр. наук, доцент кафедры гидрологии Томского государственного университета. E-mail: pvv0266@mail.ru

ПИЛЕЦКАЯ Людмила Васильевна – ст. преподаватель кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: plv04@mail.ru

ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: lisbonne@rambler.ru

ПРОНИНА Анна Николаевна – аспирант кафедры истории музыки Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М.И. Глинки. E-mail: anuta227@ya.ru

РЯБОВА Анна Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета. E-mail: asnowflake@yandex.ru

САВИЧЕВ Олег Геннадьевич – д-р геогр. наук, профессор кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета; профессор кафедры минералогии и геохимии Томского государственного университета. E-mail: OSavichev@mail.ru

САЛМИН Антон Кириллович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. отдела этнографии восточных славян и народов европейской части России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: antsalmin@mail.ru

СУДНЕВА Олеся Юрьевна – мл. науч. сотр. лаборатории когнитивных исследований и психогенетики, ст. преподаватель кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: avendus@mail.ru

ТИМКИН Тимофей Васильевич – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры геологии и разведки полезных ископаемых Томского политехнического университета. E-mail: kzzz@inbox.ru

ТИТОВА Ольга Ивановна – канд. психол. наук, зав. кафедрой психологии Сибирского института бизнеса, управления и психологии (г. Красноярск). E-mail: 944058@mail.ru

ТОРГАШЕВА Ксения Александровна – магистрант кафедры гидрологии Томского государственного университета. E-mail: avelissa@mail.ru

ТРУХИНА Юлия Игоревна – студентка факультета психологии Сибирского института бизнеса, управления и психологии (г. Красноярск). E-mail: julia2_92@mail.ru

ТУРУШЕВА Наталья Владимировна – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: nv2rusheva@mail.ru

УТКИН Валентин Павлович – д-р геол.-минерал. наук, гл. науч. сотр. лаборатории региональной геологии и тектоники Дальневосточного геологического института Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: val-utkin@yandex.ru

ФЕДОРОВ Александр Федорович – канд. пед. наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: fedoroffaf@mail.ru

ФЕНДЕЛЬ Елена Робертовна – соискатель кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: efendel@yandex.ru

ФЕСИК Светлана Викторовна – аспирант кафедры финансов, денежного обращения и кредита Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. E-mail: chernsvet@yandex.ru

ХРИСАНФОВА Дарья Владимировна – канд. ист. наук, преподаватель кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail:AgataDM@mail.ru

ЧЕРДАНЦЕВА Раиса Геннадьевна – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: ffk@mail.tsu.ru

ЧЕРНЯК Эдуард Исаакович – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

ЧИНДИНА Людмила Александровна – д-р ист. наук, профессор кафедры археологи и исторического краеведения Томского государственного университета. E-mail: mariakreml@mail.ru

ШАНТЫКОВА Лилия Николаевна – канд. геогр. наук, доцент кафедры гидрологии Томского государственного университета. E-mail: pvv0266@mail.ru

ШЕКЕТЕРА Анастасия Александровна – магистрант кафедры организационной психологии Томского государственного университета. E-mail: anastasia_3110@mail.ru

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2014 г. было выпущено 377 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2014 № 383 Июнь

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)
Э.В. Галажинский
Ответственный редактор выпуска
Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Печатная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакционного совета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 июня 2014 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 27,4. Тираж 250 экз. Заказ № .

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева, К.В. Полькина
Корректор – А.Н. Воробьёва
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайнер – Л.Д. Кривцова
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28